

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ХI Всероссийская
научно-практическая конференция

Волженкинские чтения

Санкт-Петербург, 28 ноября 2025 года

МАТЕРИАЛЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

XI Всероссийская научно-практическая конференция

ВОЛЖЕНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Санкт-Петербург, 28 ноября 2025 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2026

УДК 34(08)
ББК 67я43
У26

Под общей редакцией А. А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственный за выпуск А. В. ЗАРУБИН, кандидат юридических наук, доцент.

У26 **Уголовное право России: состояние и перспективы : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 28 ноября 2025 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. – Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2026. – 1 CD-R (6,30 Мб). – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Загл. с экрана. – Текст : электронный.**

Сборник содержит материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», прошедшей в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в ноябре 2025 года. Предназначен для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

УДК 34(08)
ББК 67я43

**Сборник издается в соответствии с оригиналом,
подготовленным оргкомитетом конференции**

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

Электронное научное издание
Уголовное право России: состояние и перспективы
XI Всероссийская научно-практическая конференция
Волженкинские чтения
Санкт-Петербург, 28 ноября 2025 года

М а т е р и а л ы

Подписано к использованию 21.04.2026. Уч.-изд. л. 52,5.

Тираж 12 экз. Заказ 8/26.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 6,30 Мб

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	12
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	
І. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА.....	13
<i>АЛИЕВ Т. Ф.</i> Сопоставление дискредитации власти с экстремистской деятельностью: уголовно-правовой и криминологический анализ в современных условиях	—
<i>АМЕТКА Ф. А.</i> Мониторинг социальных медиа, осуществляемый органами прокуратуры Российской Федерации, как ключевой элемент профилактического и оперативно-реагирующего механизма по снижению рисков радикализации и вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность	18
<i>АНОЩЕНКОВА С. В.</i> Освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление против основ конституционного строя и безопасности государства	25
<i>БЫЧКОВ С. Н., БАБУШКИН В. Ю.</i> Ключевые направления борьбы с преступностью, как залог защиты конституционного строя и национальной безопасности в современном Российском государстве (в контексте формирования и реализации уголовной политики)	29
<i>БАРМИН А. Д.</i> Формы вины в преступлениях, предусмотренных статьями 207.1, 207.3 УК РФ	34
<i>БЕЗБОРОДОВ Д. А.</i> Уголовная ответственность за организацию диверсионного сообщества	38
<i>БЕЛЕЦКИЙ И. А.</i> Прекращение гражданства Российской Федерации как последствие совершения преступления	43
<i>БОГОВАЯ О. Ф., КОСЯК Е. Л.</i> Лингвистические приемы, используемые в призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (на примере анализа современного политического дискурса и экстремистских текстов)	48
<i>БЫЧИХИН Д. М.</i> Совершенствование практики уголовно-правового противодействия вынесению заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта	54
<i>ВЛАСОВ Г. А.</i> Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в условиях геополитических и глобальных экономических кризисов	67

<i>ВЯТКИН Г. А.</i> Разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: проблемы разграничения со смежными составами преступлений	71
<i>ГОНЧАРОВ И. В., ПЕТРОВСКИЙ А. В.</i> Пенализация деяний, нарушающих правила дорожного движения и эксплуатации транспорта в контексте обеспечения безопасности государства	77
<i>ДВОРЖИЦКАЯ М. А.</i> Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ): мониторинг правоприменения	87
<i>ЗАБАВКО Р. А.</i> Технологическая безопасность Российской Федерации и некоторые особенности ее уголовно-правовой охраны	98
<i>ЗАКОМОЛДИН Р. В.</i> Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, совершаемые военнослужащими..	105
<i>ЗАРУБИН А. В.</i> Некоторые проблемы уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности	110
<i>ЗИМИРЕВА Л. А.</i> К вопросу о мерах предупреждения экстремизма...	117
<i>ЗУБОВА А. М.</i> Объективные признаки осуществления деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности	124
<i>ЗУЕВА Е. А.</i> Некоторые аспекты профилактики преступлений террористической направленности через призму неприкосновенности частной жизни	129
<i>КАМЫШАНСКИЙ Д. Ю.</i> Угрозы экономической безопасности Российской Федерации, связанные с сокрытием некоторыми гражданами имеющихся у них активов и двойного гражданства	134
<i>КОРШИКОВА Е. О. ЛОБАЧ Д. В.</i> Уголовная ответственность за преступления, посягающие на безопасность государства: проблемы квалификации и законодательной оптимизации	141
<i>КРАВЧЕНКО Р. М.</i> Некоторые вопросы квалификации утраты документов, содержащих государственную тайну	150
<i>КУРСАЕВ А. В.</i> Уголовная ответственность за разглашение государственной тайны	154
<i>ЛАПКО Г. К.</i> Содержание понятия «ненависть» в составе преступления, предусмотренном статьей 282 УК РФ	163
<i>МАРТИРОСЯН А. В.</i> Двойная превенция нормы о неоднократных пропаганде или публичном демонстрировании нацистской и иной запрещенной к использованию атрибутики и символики, совершенных носителем татуировок с их изображением	169
<i>МИНГАЛИМОВА М. Ф.</i> Исключительность смягчающих обстоятельств при назначении наказания за государственную измену: исторические параллели и современные проблемы правоприменения..	175

<i>МОРОЗОВА Ю. В.</i> К вопросу об объективной стороне террористического акта	182
<i>ПИСАРЕВСКАЯ Е. А.</i> Квалификация государственной измены по объективным признакам	190
<i>ПИТУЛЬКО К. В.</i> Уголовно-правовая характеристика диверсии ...	197
<i>ПОДТЫННИКОВ И. А.</i> Наказание без преступления в уголовном законодательстве РСФСР 1920 годов	205
<i>ПОЛЯКОВ С. А.</i> Использование технологий искусственного интеллекта в целях обеспечения национальной и международной безопасности	214
<i>РАДЧЕНКО А. А.</i> Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации: объект преступления и место в системе Уголовного кодекса Российской Федерации	218
<i>РЕЗЦОВ А. В.</i> Механизмы эволюции законодательства (на примере главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации)	224
<i>РУДНИЦКИЙ С. И.</i> Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на экологическую безопасность государства ...	232
<i>РУСИНОВА К. О.</i> Неоднократная пропаганда и публичная демонстрация нацистской, экстремистской символики или атрибутики: проблемы определения момента окончания преступления	236
<i>САЗАНОВА Е. А.</i> Мотив идеологической ненависти или вражды в преступлениях против конституционного строя и безопасности государства	240
<i>СЕНЦОВ А. С., ВОЛКОЛУПОВА В. А.</i> Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления диверсионной направленности	245
<i>СЕРДЮК П. Л.</i> Экстремизм как форма политического протеста в России и в мире	254
<i>СУМАЧЕВ А. В.</i> Экстремизм как форма посягательства на безопасность государства и особенности его профилактики	262
<i>СЫРОМАХА О. А.</i> Правовой мониторинг как направление совершенствования законодательства об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства ..	271
<i>ТАРАСОВА А. А.</i> Уголовная ответственность за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на постоянное проживание в иностранном государстве	277
<i>ТИМОЩУК К. И.</i> Совершение противоправных деяний, как цель создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан	284

<i>ХОДУСОВ А. А.</i> О совершенствовании уголовно-правовой охраны социальных прав граждан	292
<i>ЧИХРАДЗЕ А. М.</i> Уголовно-правовая охрана здоровья в системе обеспечения национальной безопасности	299

II. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ..... 306

<i>ГОЛОВКО И. И.</i> Институциональный аспект государственно-правового механизма обеспечения законности в сфере противодействия экстремизму и терроризму	—
<i>КОРНЕВА Т. С.</i> Значение принципов организации и деятельности прокуратуры для защиты основ конституционного строя и безопасности государства	315
<i>КСЕНДЗОВ Ю. Ю.</i> Современные системы защиты гражданских объектов, подвергшихся атакам посредством использования беспилотных летательных аппаратов	320
<i>МАЛЫШЕВА И. В.</i> Роль таможенных органов по обеспечению безопасности государства в условиях военно-политических угроз	326
<i>СЕРОВА Е. Б.</i> Преступления экстремистского характера: некоторые вопросы выявления и расследования	332
<i>ФИРСОВ В. В.</i> Механизм международно-правового противодействия терроризму	340
<i>ХОЛОПОВ А. В.</i> Обеспечение ментальной безопасности, как базис противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства	344
<i>ЮРАСОВ А. Г.</i> Координационная деятельность прокуратуры Ленинграда по противодействию преступности в период обороны и блокады Ленинграда в 1941–1944 годах	353

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО»...360

<i>АБДУЛОВ Р. А.</i> Незаконный оборот оружия как угроза безопасности государства	—
<i>АБДУЛХАМИДОВ А. Б.</i> Актуальные вопросы теории и практики уголовной ответственности за реабилитацию нацизма	367
<i>АНДРЕЕВА К. А.</i> Использование информационных технологий в преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы квалификации и противодействия	374
<i>АНИСИМОВА М. О., ТЕРЕНТЬЕВА А. В.</i> Вопросы разграничения террористического акта и диверсии	380

<i>АННЕНКОВ И. Д., ПОПЕЛЬ М. С.</i> Особенности квалификации преступлений против безопасности государства с использованием виртуальных активов	386
<i>АПАНОВИЧ А. А., МОЛОДЦОВА Я. Д.</i> Информационное обеспечение противодействия преступлениям против основ конституционного строя: роль средств массовой информации и правового просвещения.....	392
<i>АРСАЕВА А. Х., ДАНЧЕНКО М. В.</i> Ответственность несовершеннолетних за совершение преступлений террористической направленности	398
<i>БАРАННИКОВ Д. А.</i> Вопросы уголовной ответственности за организацию диверсионного сообщества	403
<i>БАРЫШНИКОВА Т. А.</i> К вопросу об определении субъекта преступлений против военной службы: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных государств	409
<i>БАШКАТОВА В. И.</i> Кибершпионаж как основание уголовно-правового закрепления состояния информационной войны	415
<i>БЕЛОУС П. А., БИГАН А. С.</i> О некоторых аспектах деятельности органов прокуратуры в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма	420
<i>БЕНЬЯМИНОВА Е. И.</i> Уголовно-правовая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства	425
<i>БИРЮКОВА Д. Е., ВАСИЛЬЕВА П. А.</i> Деятельность Национального центрального бюро Интерпола в России по противодействию угрозам конституционному строю Российской Федерации	431
<i>БИСУЛТАНОВА М.Ш., ТЕРЕХОВА Н. В.</i> Финансирование экстремистской деятельности: криминологический анализ	436
<i>БОКОВА Е. Д.</i> Совершенствование деятельности прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму в условиях современных вызовов	442
<i>БОРОЗДИНА М. О.</i> Геномные преступления. Проблемы определения.....	451
<i>ГАЙДАШЕВ Д. Р.</i> Правовые гарантии свободы слова при применении статьи 280 УК РФ.....	457
<i>ГАСАНГУСЕНОВА А. М.</i> Актуальные вопросы квалификации вооруженного мятежа	464
<i>ГЛАДКОВСКАЯ А. О.</i> Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним иностранным гражданам: проблемы и пути совершенствования	469
<i>ДАВЫДОВ Д. Д.</i> Преступления немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле как предпосылки возникновения современного неонацизма	475

<i>ДАРШТ Я. Р.</i> Цифровая фиксация места происшествия по преступлениям в сфере IT-технологий	482
<i>ДОРОФЕЕВ В. Д., ЯКОВЛЕВ И. Н.</i> Незаконный экспорт как угроза государственной безопасности: вопросы разграничения с государственной изменой и контрабандой	486
<i>ДОСТАВАЛОВ С. А., ШАЧИНОВА М. В.</i> Экстремистская символика: понятие и признаки	494
<i>ДРОЗДОВ К. А.</i> Сектантство как форма проявления экстремизма ...	504
<i>ДУРКИН Р. Д.</i> Пособничество в совершении преступлений террористической и диверсионной направленности	510
<i>ЕВСЮГИНА Н. П., ТОКМАКОВА С. Ю.</i> Проблема полимотивности при квалификации преступлений	517
<i>ЕСИН С. В.</i> Преступления экстремистской направленности, совершенные в сети «Интернет», как угроза национальной безопасности государства	522
<i>ЖДАНОВ Е. И.</i> Уголовно-правовое противодействие распространению экстремизма в сети «Интернет» : сравнительный анализ законодательства России, Германии и США	527
<i>ЖУРИКОВА К. П.</i> О детерминации и мотивации государственной измены	532
<i>ЗАДУНАЙСКАЯ М. Г., ЮРИНА А. С.</i> Понятие и признаки пропаганды терроризма	536
<i>ЗАЙЧИКОВА А. А.</i> Учет обстоятельства, предусмотренного пунктом «ф» статьи 63 УК РФ в качестве, отягчающего для преступления, предусмотренного статьями 280.3 УК РФ	544
<i>ИБРАГИМОВА Э. М.</i> Вопросы ответственности за публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности	551
<i>КАРАСЕВА А. Д.</i> Хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемые с территории других государств	556
<i>КЕТОВА Е. С., ЮХТИНА А. А.</i> Проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на историческое наследие Великой Отечественной войны	563
<i>КНЯЗЕВА Е. А., ОМАРОВА Н. О.</i> Интернет-пространство как фактор вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений....	571
<i>КОЖУХАРЬ Е. С.</i> Герменевтика правового регулирования государственной тайны: единство конституционных основ и уголовно-правовой охраны	576
<i>КОЛЕНДОВСКАЯ А. А., СРЕБНЯК Д. Д.</i> Некоторые проблемы уголовной ответственности исторических реконструкторов за демонстрацию нацистской атрибутики и символики	583
<i>КОЛЬЦОВА Е. В.</i> Проблемы разграничения диверсии и террористического акта	589

<i>КОНДРАТЬЕВА Л. А.</i> Некоторые вопросы, связанные с рисками миграционной преступности	597
<i>КОТЕНЕВА В. А.</i> Понятие и признаки общественного деятеля в составе преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ	603
<i>КРАВЦОВА С. В.</i> Проблемы разграничения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства.....	609
<i>КРАЕВА Е. В., ТОЛСТУНОВ Д. Л.</i> Экстремизм в информационно-телекоммуникационных сетях: вопросы уголовно-правового противодействия	613
<i>КУЗНЕЦОВ И. Н.</i> Международный опыт криминализации угроз государству	619
<i>КУЗНЕЦОВА Е. М., ЛИХОМАНОВА Я. Ю.</i> Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)	627
<i>КУУЛАР Д. А.</i> Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности экстремистской организации	632
<i>ЛАДЧЕНКО А. В.</i> Дестабилизация конституционного строя с использованием цифровых технологий	639
<i>ЛАЗАРЕВ В. А.</i> Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере охраны основ конституционного строя и безопасности государства	644
<i>МАГОМЕДОВ А. А.</i> Вопросы уголовной ответственности за совершение диверсий с использованием искусственного интеллекта	651
<i>МАГОМЕДОВА П. Г.</i> Предупреждение преступлений экстремистского и террористического характера, совершаемых с использованием сети «Интернет».....	656
<i>МАКАРОВА С. А., ФИЛИМОНОВА А. С.</i> Некоторые особенности современного молодежного экстремизма в Российской Федерации	662
<i>МАРИНЧАК В. А., САМОДУРОВА А. А.</i> Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности, за нарушения связанные с нарушением порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, угрожающие национальной безопасности Российской Федерации	667
<i>МАХАРИНСКАЯ М. И.</i> Предметы и технологии двойного назначения как предмет преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства	673

<i>МАХМУТОВА Э. Э., ЧЕРНЫХ Я. П.</i> Влияние интернет-пропаганды на формирование экстремистских установок у подростков: психологические механизмы и методы противодействия	681
<i>МЕХТИХАНОВ Э. Д.</i> Уголовно-правовая и криминологическая характеристика диверсии	687
<i>МИГУКОВ Г. А., СЕРГЕЕНКО А. Р.</i> Деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений против основ конституционного строя	691
<i>МИШЕНЬКИНА М. В.</i> Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта по противодействию киберэкстремизму	698
<i>МУЛИНОВ Д. А.</i> Вопросы квалификации организации экстремистского сообщества	703
<i>НАЗАРЕНКО И. С.</i> Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ	709
<i>НЕЖУРИН Д. В.</i> Проблемы уголовно-правового противодействия кибертерроризму	713
<i>ПАЛАТОВА М. Р.</i> Координационная деятельность органов прокуратуры по противодействию терроризму на воздушном транспорте	719
<i>ПАНТАЗИЙ Ю. В.</i> Государственная измена как угроза национальной безопасности	724
<i>ПАРШЕВНИКОВА К. Д.</i> Некоторые вопросы уголовной ответственности за реабилитацию нацизма	729
<i>ПАЦАЛО Я. Е.</i> Проблемы квалификации государственной измены.	736
<i>ПЛАСТИНИНА Д. М.</i> К вопросу о совершении несовершеннолетним преступлений против интересов Российской Федерации	743
<i>ПРОТАСОВА Е. А.</i> Особенности действия УК РФ во время проведения специальной военной операции	749
<i>РАТНИКОВА А. А., СИКОРСКАЯ К. С.</i> Опасность контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов для экономической безопасности государства	755
<i>РЕШЕТИХИН В. В.</i> О некоторых аспектах процессуальной фиксации и оперативного анализа экстремизма в telegram-каналах	761
<i>САЛЬНИКОВ Н. А., СЕМЕНЧЕНКО А. А.</i> Детерминанты экстремистской преступности	765
<i>САМБРОС А. А.</i> Политика противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства в России: актуальные вопросы реализации	771
<i>СИВКОВА В. С.</i> К вопросу о понятии «Дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации»	778
<i>СИМОНОВ М. И.</i> Механизмы совершенствования законодательства в сфере противодействия религиозному экстремизму: отечественный и зарубежный опыт	784

<i>СОКОЛОВСКАЯ С. И.</i> «Мнимое участие» в составах преступлений диверсионной направленности	792
<i>СОФРОНОВА К. Д.</i> Вопросы квалификации применения насилия в отношении государственного или общественного деятеля	798
<i>СТЕПАНЯН Р. А.</i> Уголовно-правовое противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны	802
<i>СУСЛОВ В. Р.</i> О разграничении вигилантизма со смежными явлениями	809
<i>СУХОРОСЛОВА Е. Д.</i> Применение статьи 64 УК РФ при назначении наказания за диверсию	816
<i>ТАБАКОВ М. Г.</i> Проблема контекстуальной оценки и многозначности символики при квалификации преступлений по статье 282.4 УК РФ	823
<i>ТИМОШЕНКО А. Э.</i> Роль и особенности участия прокурора в рассмотрении уголовных дел о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства	832
<i>ТЮТЮНОВ Д. А.</i> Предмет разграбления национального имущества в статье 356 УК РФ	839
<i>УБАЙДАТОВА М. М.</i> Тактика осмотра места происшествия по делам о диверсиях	844
<i>ФЕРХАТОВ Э. Р.</i> К вопросу о противодействии преступлениям экстремистского характера	850
<i>ФИЛИМОНОВА К. А.</i> Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны	857
<i>ФИРСОВА-РОГОЛЕВА Е. А.</i> Безопасность потребителей как элемент национальной безопасности	863
<i>ЧЕРЯВКО Е. Д.</i> Особенности квалификации и расследования цифрового финансирования экстремизма	869

ПРЕДИСЛОВИЕ
К МАТЕРИАЛАМ XI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОЛЖЕНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

УДК 343.32

В. Ф. ЩЕПЕЛЬКОВ

директор Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Установление уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, защита его граждан и национальных ценностей от внешних и внутренних угроз являются важнейшими задачами, которые должно решать уголовное право любого государства.

Уголовно-правовое и криминологическое изучение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в Российской Федерации является весьма актуальным.

Данные статистики свидетельствуют о существенном увеличении количества совершенных преступлений террористической и экстремистской направленности, посягающих на государственную безопасность.

Эффективное противодействие названным деяниям невозможно без их комплексного уголовно-правового и криминологического изучения, разработки и обоснования концептуальных основ такого противодействия.

Несмотря на принятие на государственном уровне нормативных программных документов, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на усиление борьбы с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства, в уголовно-правовой политике противодействия указанным преступлениям остается множество неразрешенных проблем.

Так, нестабильность уголовного законодательства, частое изменение круга преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства порождает разные подходы к квалификации юридически тождественных деяний в правоприменении.

Несовершенство диспозиций ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации, нехватка точных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по ряду принципиальных вопросов в совокупности создают правовую неопределенность.

Между тем залогом эффективной правоприменительной деятельности является правильное уяснение содержания уголовно-правовых запретов, сформулированных в главе 29 УК РФ, ясное видение оснований и пределов уголовной ответственности за данные преступления, знание возможностей уголовно-правового реагирования на новые криминальные угрозы.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

I. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Научная статья

УДК 343.326

СОПОСТАВЛЕНИЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ ВЛАСТИ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Тимур Фирудинович АЛИЕВ

Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, Иркутск,
Россия, timuraliev.2018@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ряд вопросов, связанных с сопоставлением дискредитации власти и экстремистской деятельности в современных условиях.

Рассматриваются уголовно-правовые аспекты квалификации деяний, направленных на подрыв авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации и институтов государственной власти, а также криминологические особенности проявлений таких деяний.

Особое внимание уделяется формам дискредитации, их общественно опасным последствиям и правовым основам регулирования. Подчеркивается значимость защиты армии как ключевого института безопасности общества и государства.

В заключение отмечена необходимость конкретизации понятия «дискредитация» и его разграничения от «экстремистской деятельности», что позволит правоприменителям минимизировать субъективизм и обеспечить баланс между конституционными права на свободу слова и противодействием дискредитирующей информации.

Ключевые слова: дискредитация власти, Вооруженные Силы Российской Федерации, институты государственной власти, экстремистская деятельность, сопоставление, конкретизация, современные вызовы

COMPARING THE DISCREDITING OF POWER WITH EXTREMIST ACTIVITY: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS IN MODERN CONDITIONS

Timur F. ALIYEV

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, timuraliev.2018@mail.ru

Abstract. Article analyzes a number of issues related to the comparison of the discrediting of power and extremist activities in modern conditions.

The article considers the criminal law aspects of the qualification of acts aimed at undermining the authority of the Armed Forces of the Russian Federation and institutions of state power, as well as the criminological features of the manifestations of such acts. Special attention is paid to the forms of discrediting, their socially dangerous consequences and the legal basis of regulation.

The importance of protecting the army as a key institution for the security of society and the state is emphasized. In conclusion, the need to specify the concept of "discrediting" and distinguish it from "extremist activity" is noted, which will allow law enforcement officials to minimize subjectivism and ensure a balance between the constitutional rights to freedom of speech and countering defamatory information.

Keywords: discrediting the government, the Armed Forces of the Russian Federation, institutions of state power, extremist activity, comparison, concretization, modern challenges

В современных условиях усиление ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации приобретает особую значимость для обеспечения государственной безопасности и стабильности общества.

Федеральным законом Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21 апреля 2025 № 90-ФЗ, предусмотрена более строгая уголовная ответственность за действия, направленные на подрыв авторитета армии, включая случаи, совершенные из корыстных побуждений или по найму, и предусмотрена возможность конфискации имущества.

Закон внес изменения в ст. 280.3, 284.2 и 284.3 УК РФ, закрепляя меры по противодействию распространению информации, способной дискредитировать Вооруженных Сил Российской Федерации.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает комплекс норм, устанавливающих ответственность за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и иных институтов государственной власти.

С марта 2022 года в УК РФ были внесены положения, направленные на защиту авторитета и функциональной устойчивости указанных государственных институтов, а также на обеспечение общественной и государственной безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

В частности, законодатель ввел статью 280.3 УК РФ (публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ и осуществления полномочий государственными органами), а также ряд других составов, которые напрямую не предусматривают ответственность за дискредитацию, но имеют определенную смежность: 207.3 УК РФ (распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ и деятельности государственных органов), 284.2 УК РФ (призывы к введению ограничительных мер в отношении Российской Федерации) и 284.3 УК РФ (содействие исполнению решений международных организаций или иностранных государственных органов, в которых Российская Федерация не участвует).

На текущий момент в отечественном законодательстве отсутствует четкое определение термина «дискредитация», что создает неопределенность в правоприменении. Так, ст. 280.3 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за действия, направленные на дискредитацию ВС РФ и государственных органов, однако не содержание самого понятия.

Законодатель предоставляет право правоохранительным органам и судам самостоятельно оценивать, какие действия подпадают под это понятие. Согласно ст. 280.3 УК РФ, информация дискредитирующего характера должна, во-первых, содержать негативную оценку деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных органов, а во-вторых, способствовать подрыву их авторитета и имиджа. Такие действия, как правило, направлены на снижение доверия общества к государственным институтам, что может вызывать политическую и социальную нестабильность. В условиях современного информационного общества даже единичное распространение недостоверной или искаженной информации способно привести к серьезным последствиям, включая дестабилизацию общественного порядка и угрозу безопасности государства¹.

¹ Алиев Т.Ф. Уголовная ответственность за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и иных органов государственной власти: понятийный аппарат и криминализация деяний (280.3 УК РФ) // Восточно-Сибирский институт МВД России: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современность в творчестве начинающего исследователя». Иркутск, 2025. С. 34.

Конструктивным признаком рассматриваемых составов преступлений является публичность. В уголовно-правовом контексте публичность понимается как открытость и общедоступность распространяемой информации для неопределенного круга лиц¹. Это означает, что информация дискредитирующего характера должна быть доведена как минимум до двух лиц.

С учетом цифровой трансформации общества большинство пользователей получают информацию и взаимодействуют друг с другом с помощью сети «Интернет» и социальные сети. В этом контексте цифровое пространство выступает ключевым каналом распространения информации дискредитирующего характера, что делает его особо значимым для уголовно-правового регулирования.

Особую роль играют такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Telegram», где информация может достигать тысяч пользователей за короткое время. Публичность и масштабность цифрового распространения усиливают потенциально дестабилизирующее воздействие дискредитационных материалов на доверие общества к государственным институтам.

Показательным примером является уголовное дело 2025 года о повторной дискредитации против армии, в котором Шлосберг обвинялся в «публичных действиях, направленных на дискредитацию использования Вооруженных сил России», в связи с размещением в социальной сети «Одноклассники» ролика с дебатами на канале «Живой гвоздь». Сам Шлосберг утверждает, что не размещал ролик и не администрирует указанную страницу². Этот случай иллюстрирует, насколько важно определять, какие действия подпадают под дискредитацию.

При этом следует учитывать конституционные права на свободу слова и информации (ст. 29 Конституции РФ), которые гарантируют каждому свободу мысли, выражения своих мнений и доступ к информации. Однако эти права не являются абсолютными: закон устанавливает конкретные пределы дозволенного, исключая действия, направленные на дискредитацию ВС РФ и государственных институтов.

Некоторые авторы предлагают дополнить статью 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» термином «дискредитация»³. Это позволило бы придать ст. 280.3 УК РФ бланкетный характер, конкретизируя содержание понятия «дискредитация»

¹ Юрченко Ю. А. Отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 133.

² Против Шлосберга возбудили уголовное дело о повторной дискредитации армии [Электронный ресурс].

URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/06/2025/6847ec579a79475ca99c18b3> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Сампиев И. М., Гандалоев Р. Б., Цечоев Б. И. К проблеме противодействия дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 208.

и обеспечивая большую определенность для правоохранительных органов при квалификации соответствующих действий.

В той же норме закреплено определение понятия «экстремистская деятельность». Для рассматриваемой тематики особенно важны следующие элементы терминологии: возбуждение социальной или национальной розни; воспрепятствование законной деятельности государственных органов; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность в Российской Федерации. Эти признаки помогают соотнести дискредитацию с экстремистской деятельностью и выделить ее потенциальные общественно-опасные последствия.

Рассматривая статью 280 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (часть 1) и совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (часть 2), стоит отметить, экстремистская деятельность должна быть направлена на неопределенный круг лиц. Несмотря на законодательное определение понятия экстремизма, ряд исследователей отмечают о необходимости его дальнейшего исследования. Отсутствие единого подхода к определению экстремизма в уголовно-правовой доктрине подчеркивает сложность данного явления и широту его интерпретации в различных контекстах¹.

Таким образом, при рассмотрении ст. 280.3 УК РФ и связанных с ней норм стоит отметить, что публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных институтов, обладают рядом признаков, сходных с экстремистской деятельностью: они направлены на неопределенный круг лиц, могут дестабилизировать общественные отношения и подрывать авторитет государственных органов. Это позволяет рассматривать ст. 280.3 УК РФ как состав преступления, частично смежный с преступлениями экстремистской направленности, что требует внимательного уголовно-правового и криминологического анализа.

С криминологической точки зрения распространение дискредитирующей информации характеризуется недоверием к государственным институтам, политической нестабильностью и активностью отдельных групп населения.

С психологической направленностью представляет свое внимание влияние ложной или искаженной информации на формирование общественного мнения и негативного настроения. С учетом цифровой трансформации необ-

¹ Эрешов А. К. К вопросу о понятии экстремизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–3 (89). С. 176.

ходимо отметить высокую скорость и масштаб распространения информации через социальные сети и возможность анонимного участия (в том числе через фейковые аккаунты). Данные аспекты делают дискредитацию смежным по своим последствиям к экстремистской деятельности, что требует дальнейшего комплексного анализа и выработки превентивных мер.

Таким образом, введение четкого определения «дискредитации» позволило бы снизить субъективизм при квалификации деяний, особенно в цифровом контенте, распространяемого через социальные сети. Кроме этого, что дискредитация и экстремистская деятельность пересекаются по ряду признаков. Так, публичное распространение ложной или искаженной информации в соцсетях может вызвать рост недоверия к органам власти и подрыв общественного порядка, что близко по последствиям к действиям, квалифицируемым как экстремизм.

Затронутая тематика сопоставления дискредитации власти с экстремистской деятельностью остается особенно актуальной, поскольку ВС РФ и государственные институты традиционно пользуются значительным уважением и доверием общества. В связи с чем четкое разграничение понятий «дискредитация» и «экстремистская деятельность» является необходимым для балансирования между защитой государства и соблюдением конституционных прав граждан на свободу слова и выражения мнений.

Научная статья
УДК 343.84(045)

**МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЙ
ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО
И ОПЕРАТИВНО-РЕАГИРУЮЩЕГО МЕХАНИЗМА
ПО СНИЖЕНИЮ РИСКОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ
И ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Фатма Аблямитовна АМЕТКА

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия, fatma18@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность, исследуются роль органов прокуратуры Российской Федерации при осуществлении мониторинга средств массовой информации, инфор-

мационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на предмет наличия публикации материалов, призывающих к осуществлению экстремистской, террористической деятельности.

Сделаны выводы о совершенствовании деятельности органов прокуратуры Российской Федерации при осуществлении мониторинга средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на предмет наличия публикации материалов, призывающих к осуществлению экстремистской, террористической деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, мониторинг, противодействие терроризму, несовершеннолетние, законность, порядок

Original article

MONITORING OF SOCIAL MEDIA BY THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION, AS A KEY ELEMENT OF THE PREVENTIVE AND OPERATIONAL-REACTIVE MECHANISM TO REDUCE THE RISKS OF RADICALIZATION AND INVOLVEMENT OF MINORS IN TERRORIST ACTIVITIES

Fatma A. AMETKA

Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Simferopol, Russia, fatma18@mail.ru

Abstract. The article examines current issues of countering the involvement of minors in terrorist activities, examines the role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in monitoring the media, the Internet information and telecommunications network for the publication of materials calling for extremist and terrorist activities.

Keywords: prosecutor's office, monitoring, counter-terrorism, minors, legality, law and order

Актуальность представленного исследования заключается в том, что, в условиях стремительно развивающейся цифровизации общества, основной площадкой для втягивания молодежи в противоправную деятельность стала сеть «Интернет»¹.

Несмотря на широкий спектр антитеррористических мер, принятых на государственном уровне, по данным МВД России, в 2024 году в России был

¹ Новикова, А. Опасный возраст – время выбора. Новости МВД от 16 июля 2025 г // URL:<https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/sluzhba-pol/opasnyy-vozrast-vremya-vybora/> (дата обращения: 11.10.2025).

зарегистрирован 1191 террористический акт (в 2023 году – 410). Число преступлений террористического характера также выросло – с 2382 в 2023 году до 3714 в 2024 году¹.

По данным статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, российские суды в 2024 году приговорили по террористическим статьям 870 человек, в том числе 48 несовершеннолетних, за склонение к терроризму и вербовку новых членов – 89 человек, за публичные призывы к терроризму – 410, за обучение террористической деятельности – 46 человек². Данные показатели являются рекордными как минимум за последние шесть.

На заседании Национального антитеррористического комитета руководитель ФСБ А. Бортников сообщил: «что за последние три года задержано более 2,5 тысячи молодых людей, попавших под влияние иностранных спецслужб и террористических организаций, силовыми структурами, а с начала 2025 года предотвращено 47 преступлений террористической направленности, подготовка большинства из которых осуществлялась с участием подростков³.

По сведениям ГИАЦ МВД России, в середине апреля 2025 г. спецслужбы предотвратили террористический акт в одной из школ Донецка, где ученик хотел взорвать в здании две самодельные бомбы. В результате следствия было установлено, что несовершеннолетний через социальные сети получал инструкции, как делать взрывчатку, фотографии трупов и экстремистский контент⁴.

Преступность, включая международный терроризм, все чаще привлекает к своим действиям несовершеннолетних, а в схемах их вовлечения в различные рода деструктивные, разрушающие личность течения, задействованы спецслужбы недружественных государств.

В своем докладе об обеспечении законности и правопорядка за 2024 г. Генеральный прокурор Российской Федерации указывает, что «в условиях проведения специальной военной операции количество преступлений террористической направленности увеличилось более чем в полтора раза, включая почти трехкратный рост террористических актов»⁵.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». // https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

² За террористические преступления в России осудили 870 человек в 2024 году // URL: <https://govoritmoskva.ru/news/449164/> 07.04. 2025. (дата обращения: 11.10.2025).

³ Национальный антитеррористический комитет: в РФ предотвратили 47 террористических преступлений с участием молодых людей. Информационный центр НАК/ТАСС. 08.04.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23625019> (дата обращения: 13.11.2025).

⁴ Директор ФСБ России провел в Москве заседание Национального антитеррористического комитета 8 апреля 2025 // <http://pfo.gov.ru/press/events/111283/>.

⁵ Новикова А. «Опасный возраст – время выбора» Новости МВД от 16 июля 2025 г // URL:

Е. В. Минаева отмечает, что: «в последние годы общество столкнулось с субкультурами, провоцирующими несовершеннолетних на совершение преступлений. Их быстрое распространение обусловлено активным использованием подростками сети «Интернет» для общения и получения информации, в том числе и деструктивной направленности»¹.

Как отмечает М. В. Зайцева: «активное навязывание несовершеннолетним криминальной субкультуры, базовыми принципами которой являются противозаконное поведение, правовой нигилизм, открытое негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов, требует незамедлительной ответной реакции со стороны государства, в том числе в лице органов прокуратуры»².

Прокуратура играет ведущую роль в указанной сфере, поскольку прокурорский надзор в области противодействия экстремизму и терроризму является важной составляющей государственной системы обеспечения законности и правопорядка.

Ключевым инструментом в сфере как профилактики, так и противодействия вербовке несовершеннолетних является мониторинг социальных сетей, осуществляемый органами прокуратуры, позволяющих реализовывать превентивные меры и осуществлять профилактику экстремизма и терроризма и предотвращающих радикализацию населения, и распространение экстремистских идей, закрепленный в приказах Генерального прокурора Российской Федерации № 195³, № 295, № 119⁴, и др.⁵.

Посредством мониторинга органы прокуратуры выявляют и пресекают деятельность экстремистских группировок, осуществляют блокировку

<https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/sluzhba-pol/opasnyy-vozrast-vremya-vybora/> (дата обращения: 11.10.2025).

¹ Минаева Е. В. Преступность несовершеннолетних: состояние, способствующие факторы, меры предупреждения // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 21 января 2020 года. Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2020. С. 13.

² Зайцева М. В. Вступительное слово «Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 21 января 2020 года. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 9.

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17052018-n-295-ob-organizatsii/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁵ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/72177246/?ysclid=mi23g6fdiw721578604>.

ресурсов, распространяющих радикальные идеи, предотвращают финансирование терроризма путем контроля финансовых операций¹. Осуществляя надзор за соблюдением законодательства по борьбе с терроризмом и экстремизмом, проводится мониторинг сети «Интернет», обеспечивается проверка соблюдения общеобразовательными организациями требований законодательства, направленного на профилактику экстремистской деятельности, пропаганду деструктивных идей и радикальной идеологии среди несовершеннолетних, проверки соблюдения требований законодательства при ограничении доступа граждан, в том числе несовершеннолетних к потенциально опасным объектам².

Органами прокуратуры регулярно осуществляется мониторинг средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на предмет наличия публикации материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо оправдывающих необходимость ее осуществления, и информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам³.

Несмотря на масштабные мероприятия, осуществляемые органами прокуратуры совместно с иными органами, в ходе которых, только в первом в первом полугодии 2025 года ограничен доступ к более чем пятнадцати тысячам Интернет-ресурсов⁴, заблокировано более 44,5 тыс. фишинговых сайтов, 62 организации признаны террористическими и 119 экстремистскими⁵, систематически выявляются сайты, на которых предлагаются услуги по продаже сим карт для телефонов без паспорта и договора, вследствие чего любой гражданин РФ либо иностранный гражданин может приобрести сим-карту без указания паспортных данных, что впоследствии, не позволит правоохранительным органам (при возникновении оперативной необходимости) идентифицировать (установить) лиц, приобретающих сим-карты.

Таким образом, лицо, желающее избежать ответственности и (или) скрыть свою причастность к правонарушениям и преступлениям может воспользоваться услугами, предоставляемыми на выявленных сайтах, и, следо-

¹ Харламова А. В. Роль прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 239. URL: <https://moluch.ru/archive/545/119174>.

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17052018-n-295-ob-organizatsii/> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму // <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17052018-n-295-ob-organizatsii/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Блокировка сайтов Роскомнадзором // https://www.tadviser.ru/Статья:Блокировка_сайтов_Роскомнадзором. (дата обращения: 12.11.2025).

⁵ Состоялось межведомственное совещание по проблематике распространения в России деструктивного контента. Новости Совета Безопасности Российской Федерации от 29 сентября 2025 г. // <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3866/> (дата обращения: 12.11.2025).

вательно, такие сим-карты могут быть использованы для пособничества или совершения преступлений, в том числе террористических актов¹, а также способствуют размещению в социальных сетях экстремистских материалов, ложной информации о специальной военной операции Российской Федерации, материалов, дискредитирующих вооруженные силы Российской Федерации.

Также, в ходе мониторинга социальной сети «ВКонтакте» органами прокуратуры систематически выявляются факты размещения запрещенной информации, обосновывающей допустимость насилия и жестокости, подстрекающей к употреблению наркотических веществ и совершению суицида, содержащей нецензурную брань, пропагандирующей криминальные субкультуры.

Систематически сотрудниками прокуратуры осуществляется мониторинг сети «Интернет» для выявления веб-сайтов террористической и экстремистской направленности. При обнаружении материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, публичное оправдание терроризма, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, безотлагательно решается вопрос о направлении материалов в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании, и применении иных мер прокурорского реагирования.

Также меры прокурорского реагирования применяются к интернет-сайтам, содержащим информационные материалы о способах изготовления оружия, бомб, тактик осуществления террористических актов, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и т. д.² за последние два года подобные сведения удалены с более чем 270 тысяч сайтов.

Однако, осложняет работу по противодействию вербовке несовершеннолетних тот факт, что большинство кураторов, осуществляющих указанные мероприятия, находятся за рубежом, и зачастую, в недружественных странах. Представители экспертных сообществ из правоохранительных органов отмечают, что «основными причинами вовлечения лиц в возрасте до 18 лет в криминальную деятельность, являются получение легкой прибыли и заблуждение в безнаказанности»³.

По результатам следствия по резонансным преступлениям с участием несовершеннолетних по подрыву железнодорожных путей, поджогу

¹ Межрайонной прокуратурой регулярно осуществляется мониторинг средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Прокуратура информирует // <https://moszyablikovo.ru/prokuratura-informiruet/mezhrayonnoy-prokuraturoy-regulyarno-osushchestvlyaetsya-monitoring-sredstv-massovoy-informatsii-inf/> (дата обращения: 13.11.2025).

² Рябцева М. В. Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1107. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19200/>.

³ Система противодействия терроризму в РФ // <https://alkeevskiy.tatarstan.ru/sistema.htm> (дата обращения: 12.11.2025).

вертолетов¹, отделов полиции, поджогов релейных шкафов, сотовых вышек, военкоматов и др. установлено, что «несовершеннолетние получали задания в виде сообщения от некого куратора через кроссплатформенный мессенджер «Telegram», с обещанием получить вознаграждение в размере 20 тыс. долларов (примерно 1,6 млн. рублей) из-за рубежа»².

Случаи активной вербовки подростков для террористических действий зафиксированы в Республике Крым и Севастополе, с заданиями осуществления и передачи фото и видеосъемки передвижения военной техники, дислокации военных кораблей, работы ПВО и др. Как отмечает заведующий кафедрой социальной психологии КФУ им. В. И. Вернадского, доктор психологических наук Е. Черный: «манипулировать сознанием ребенка очень легко, мошенники и вербовщики из спецслужб владеют этими навыками в совершенстве. Особенно легко воздействовать на подростка, личность которого еще не сформирована»³.

Принимая во внимание, что вербовка несовершеннолетних осуществляется в основном через сеть «Интернет» и из зарубежных государств, данная категория преступлений характеризуется не только латентностью, но сложностью в их обнаружении и раскрытии. Более того, правонарушители действуют с опережением во времени, применяя новые технологии и все сложные схемы, сочетая их с элементами шифрования и тщательной маскировки⁴.

В апреле 2025 года глава Следственного комитета Российской Федерации Александр Быстрыкин сообщил, что «выявлена вербовка подростков для диверсий, в том числе поджогов, в Волгоградской области и Красноярском крае. Подростки действовали в составе организованной группы по указанию неустановленного лица, которое руководило диверсиями на территории России»⁵.

Вышесказанное вызывает необходимость стремительного изменения в стратегии антирекрутского поведения несовершеннолетних. При этом следует постоянно осуществлять профилактические мероприятия по право-

¹ Прокуратурой области приняты меры к снижению подростковой преступности. Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу 24 января 2024 // https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/news-regional?item=92815285.

² Волостных А.А. Актуальные проблемы и профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Международный научный журнал «Вестник науки» № 2 (83) Том 1. февраль 2025 г. 152.

³ Участились случаи вербовки подростков для совершения терактов. МВД // <https://crimea.ria.ru/20240325/uchastilis-sluchai-verbovki-podrostkov-dlya-soversheniya-teraktov--mvd-1136017731.html>.

⁴ Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1(51). С. 76.

⁵ Козаков А. Бастрыкин сообщил о вербовке подростков для диверсий через чат-боты (4 апреля 2025 г.) // <https://aif.ru/incidents/bastrykin-soobshchil-o-verbovke-podrostkov-dlya-diversiy-cherez-chat-boty>.

вому просвещению и воспитанию нетерпимости к любым формам проявления экстремизма и терроризма, привлекать к этой работе провайдеров сотовой связи, медиа-ресурсов, пользующихся популярностью у детей и подростков; требовать от местных властей скорейшего завершения процесса актуализации паспортов безопасности объектов с массовым пребыванием людей, критической, транспортной и гражданской инфраструктуры¹. Важнейшей составляющей профилактики является работа с населением, особенно с молодежью, которая подвержена влиянию вербовщиков. Просветительские мероприятия в школах, программа толерантности и противодействие радикальной пропаганде в сети «Интернет» – ключевые направления этой работы².

Научная статья

УДК 343.322

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Светлана Владиславовна АНОЩЕНКОВА

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,

Санкт-Петербург, Россия, anoshenkovas@list.ru

Аннотация. Особые геополитические условия побудили законодателя к корректировке уголовного закона в части ответственности за преступления против конституционного строя и безопасности государства. Несомненно, наблюдается тренд в криминализации и пенализации деяний, направленных против базовых для государства и общества стратегических интересов.

Однако наряду с указанными тенденциями присутствуют изменения, касающиеся и дифференциации уголовной ответственности, а именно вариантов освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями главы 29 УК РФ.

¹ В Генпрокуратуре России обсудили проблемы противодействия экстремизму, терроризму и вопросы обеспечения законности миграции. Новости Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 мая 2024 // 23 Мая 2024, 13:29 Генеральная прокуратура Российской Федерации. В Генпрокуратуре России обсудили проблемы противодействия экстремизму, терроризму и вопросы обеспечения законности миграции// <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e469905/>.

² Харламова А. В. Роль прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 239–242. URL: <https://moluch.ru/archive/545/119174>.

Ключевые слова: уголовная ответственность, деятельное раскаяние, добровольность, своевременность, сообщение, предотвращение, целесообразность

Original article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY OF A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND THE SECURITY OF THE STATE

Svetlana V. ANOSHENKOVA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, anoshenkovas@list.ru

Abstract. The special geopolitical conditions prompted the legislator to adjust the criminal law in terms of responsibility for crimes against the constitutional order and the security of the state. Undoubtedly, there is a trend towards criminalization and penalization of acts directed against the strategic interests of the state and society.

However, along with these trends, there are changes concerning the differentiation of criminal liability, namely, the options for exemption from criminal liability of persons who have committed crimes provided for in articles of Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, active repentance, voluntariness, timeliness, reporting, prevention, appropriateness

Внимание к теме освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное главой 29 УК РФ, привлекло необычное сочетание характера общественной опасности преступлений анализируемой главы и количества специальных норм о деятельном раскаянии.

Казалось бы, что в отношении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства законодатель готов занять строгую репрессивную позицию. Во всяком случае об этом свидетельствуют установки предыдущего УК РСФСР 1960 г., где, как известно, Особенная часть начиналась именно с преступлений против государственной власти, а за измену Родине устанавливалось самое строгое наказание – смертная казнь (ст. 64 УК РСФСР 1960 г.).

Однако развитие действующего отечественного уголовного закона рисует несколько иную картину. Прежде всего, глава 29 УК РФ изменила свое местоположение в структуре Особенной части действующего уголовного закона. В настоящее время глава содержит 28 статей, по 13 из которых (а с учетом примечания к ст. 281.2 УК РФ, где содержится положение об освобождении от уголовной ответственности за приготовление к диверсии) – из 14 предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния виновных лиц.

Если учитывать составы преступлений, при совершении которых законодатель допускает освобождение от уголовной ответственности, то их количество равно 22 (без учета квалифицированных составов преступлений): ст. 275, 276, 278, чч. 1 и 2 ст. 279, ст. 275.1, чч. 1, 3 и 4 ст. 281.1, ст. 281.2, чч. 1 и 2 ст. 281.3, ч. 1.1. и ч. 2 ст. 282.1, ч. 1 ст. 282.2, ч. 1.1. и ч. 2 ст. 282.2, ч. 1 ст. 282.3, чч. 1 и 2 ст. 284.1 УК РФ.

Очевидно, что перечисленные случаи освобождения от уголовной ответственности самостоятельного института не образуют, поскольку они относятся к институту освобождения от уголовной ответственности и выступают в качестве частных случаев деятельного раскаяния (ч. 2 ст. 75 УК РФ). Тем не менее, эти нормы, наряду с тем, что относятся к ряду преступлений главы 29 УК РФ, имеют определенные признаки сходства.

Так, только два преступления из всех преступлений, на которые распространяются положения об освобождении от уголовной ответственности, являются преступлениями средней тяжести (чч. 1 и 2 ст. 284.1 УК РФ); остальные – это тяжкие или особо тяжкие преступления, за 6 из которых установлено самое строгое наказание – пожизненное лишение свободы (ст. 275, ч. 3 ст. 279, чч. 1 и 4 ст. 281.1, ст. 281.2, ст. 281.3 УК РФ).

Это побуждает к постановке вопроса об основании (читай – об обоснованности) освобождения от уголовной ответственности при совершении указанных преступлений. Таковым, на мой взгляд, является не реализация уголовно-правового принципа гуманизма, а, скорее, приоритет предотвращения тяжких для общества и государства последствий перед реализацией от уголовной ответственности отдельного человека, т. е. принцип целесообразности.

Во имя охраны ценных для государства и общества отношений правоприменитель отказывается от применения норм уголовного закона в отношении отдельных лиц. Все нормы об освобождении от уголовной ответственности, как это традиционно характерно для специальных случаев от уголовной ответственности, носят императивный характер, т. е. лицо, совершившее соответствующее преступление, и выполнившее все необходимые условия, содержащееся в примечании к норме Особенной части,

от уголовной ответственности освобождается. Примечания к нормам данной главы, предусматривают освобождение от уголовной ответственности за умышленные преступления.

Что касается условий освобождения от уголовной ответственности, то законодатель предъявляет к виновным следующие требования:

- отсутствие в содеянном признаков состава какого-либо иного преступления – практически по всем примечаниям (исключением является примечание к ст. 284.1 УК РФ, что, скорее всего, является техническим упущением законодателя);

- криминальный дебют (лицо, впервые совершило указанное в примечании преступление) – примечания к ст.ст. 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ;

- активные действия в форме добровольного и (или) своевременного сообщения о преступлении – ст. 275, 276.1, 278, 279, 275.1, 281.1, 281.2, 281.3, 282.3 УК РФ; Данное условие, вероятно, следует рассматривать не как явку с повинной, а как действие, направленное на предотвращение или пресечение преступления;

- активные действия, которые иным образом способствовали предотвращению или пресечению преступления (ст. 275, 276, 276.1, 278 и 279, 281.1, 282.3, 284.1 УК РФ);

- активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления требуется как условие освобождения от уголовной ответственности (ст. 281.2, 284.1 УК РФ);

- бездействие, а именно добровольное прекращение участия в совершении преступления (ст.ст. 275.1, 281.3, 282.1, 284.1 УК РФ).

Анализ содержания примечаний к статьям главы 29 УК РФ говорит о том, что законодатель устанавливает сочетание до трех условий, при наличии которых вопрос об освобождении от уголовной ответственности решается положительно. Несмотря на значительное количество норм, устанавливающих условия освобождения от уголовной ответственности, на практике они применяются достаточно редко.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году по основаниям, закрепленным в примечаниях к главе 29 УК РФ, было освобождено 4 человека и столько же в 2024 году¹.

Таким образом, основанием освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений, предусмотренных главой 29

¹ https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2023%2Fk6-svod_vse_sudy-2023.xls&wdOrigin=BROWSELINK; https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2024%2Fk6-svod_vse_sudy-2024.xls&wdOrigin=BROWSEL (дата обращения: 05.11.2025).

УК РФ, является приоритет охраны интересов общества и государства перед реализацией уголовной ответственности в отношении отдельных лиц.

Несмотря на существенный карательный потенциал, заложенный в санкциях норм главы 29 УК РФ, доля преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности, весьма существенна (13 примечаний на 28 статей, по 22 составам преступлений).

Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям главы 29 УК РФ – частные случаи деятельного раскаяния, к которым отсылает ч. 2 ст. 75 УК РФ).

Наиболее часто в качестве условия освобождения от уголовной ответственности при совершении анализируемых преступлений законодатель указывает «своевременное сообщение органам власти» или «добровольное сообщение органам власти».

Условия, которые законодатель устанавливает при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, в основном направлены на предотвращение общественно опасных последствий для общества и государства от действий виновных лиц.

Научная статья

УДК 343.34

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК ЗАЛОГ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ)

Сергей Николаевич БЫЧКОВ¹, Владислав Юрьевич БАБУШКИН²

¹ Северо-Западный Филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева

² Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

^{1,2} snb0464@mail.ru

Аннотация. В статье определяются основные направления борьбы с преступлениями, посягающими на основы конституционного строя и безопасности государства в контексте формирования и реализации уголовной политики. Обращено внимание на отдельные факторы, обуславливающие

актуальность защиты национальной безопасности и конституционного строя.

Показано, что современная уголовная политика России стремится к балансу между защитой прав личности и охраной общественных интересов, укрепляя конституционные основы правового государства.

Ключевые слова: конституционный строй, безопасность государства, криминализация, уголовная политика, преступность, уголовное законодательство, правовое государство

Original article

KEY DIRECTIONS OF THE FIGHT AGAINST CRIME AS A KEY TO PROTECTING THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AND NATIONAL SECURITY IN THE MODERN RUSSIAN STATE (IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF CRIMINAL POLICY)

Sergey N. BYCHKOV¹, Vladislav Yu. BABUSHKIN²

¹ North-West Branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

² North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

^{1,2} snb0464@mail.ru

Abstract. This article identifies key areas for combating crimes that infringe on the foundations of the constitutional order and state security in the context of the formation and implementation of criminal policy. It highlights specific factors that determine the relevance of protecting national security and the constitutional order.

It demonstrates that modern Russian criminal policy strives to strike a balance between protecting individual rights and safeguarding public interests, strengthening the constitutional foundations of the rule of law.

Keywords: constitutional order, state security, criminalization, criminal policy, crime, criminal legislation, rule of law

В условиях трансформации общественно-политической и правовой системы Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема формирования эффективной уголовной политики в целом и уголовной политики в сфере защиты основ конституционного строя и безопасности государства в частности.

Деятельность по формированию уголовной политики представляет собой систему научно обоснованных мер и стратегий государства, направленных на предупреждение преступности, охрану прав и свобод личности, а также обеспечение устойчивости правопорядка.

Уголовная политика формируется под влиянием множества обстоятельств – социально-экономических, культурных, международных – и служит индикатором уровня зрелости правового государства. Актуальность защиты основ конституционного строя и безопасности государства в современных условиях обуславливается целым рядом факторов. Прежде в его это международные конфликты и геополитическая напряженность, что может провоцировать попытки дестабилизации внутри страны, создание и поддержку экстремистских и террористических организаций, попытки вмешательства во внутренние дела государства, поддержку и финансирование террористической и диверсионной деятельности.

Еще одним фактором можно назвать необходимость обеспечения суверенитета и территориальной целостности. В условиях геополитической конкуренции это приобретает особую актуальность. Защита государственных интересов требует от законодателя деятельности, направленной на предотвращение попыток подрыва единства и территориальной целостности государства.

К факторам, обуславливающим актуальность защиты основ конституционного строя и национальной безопасности, также можно отнести распространение идей и взглядов, противоречащих национальным, культурным и в целом конституционным ценностям; распространение дезинформации, что может привести к подрыву доверия к государственной власти и конституционным устоям.

Современный этап формирования и реализации уголовной политики в области защиты национальных интересов характеризуется как стремлением к гуманизации уголовного законодательства, совершенствованию системы наказаний и усилению профилактической направленности уголовно-правовых мер, так и криминализацией деяний, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства. Особое значение имеет поиск оптимального соотношения между репрессивными и превентивными средствами воздействия, что предполагает корректировку подходов к криминализации и декриминализации деяний.

Необходимость анализа основных направлений борьбы с преступностью в целом и преступлениями, посягающими на общественную безопасность и основы конституционного строя, в частности напрямую зависит от научного и концептуального осмысления уголовной политики.

Понимание сущности уголовной политики, ее целей, принципов и механизмов реализации позволяет выстроить систему государственного

управления, способную адаптироваться к вызовам современности и обеспечивать устойчивую защиту и развитие российского общества.

Уголовная политика современного российского государства является сложным и многогранным правовым феноменом, в котором соединяются концептуальные, законодательные и правоприменительные начала. Ее развитие отражает стремление государства выстроить систему эффективного противодействия преступности, обеспечивая баланс между охраной общественных интересов и соблюдением прав человека¹.

По своей сущности уголовная политика представляет собой государственную стратегию в области борьбы с преступностью, включающую совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных мер, а также превентивных и воспитательных воздействий.

Некоторые исследователи отмечают, что в настоящее время уголовная политика России развивается по пути гуманизации и либерализации, что выражается в пересмотре подходов криминализации и декриминализации деяний, изменении системы наказаний и акценте на профилактических мерах. Основными методами реализации государственной уголовной политики являются криминализация, пенализация, декриминализация, депенализация, гуманизация и либерализация уголовного законодательства. В частности, гуманизация выражается в сокращении применения лишения свободы, расширении использования альтернативных наказаний – исправительных и обязательных работ, ограничения свободы, а также условного осуждения². В тоже время не утрачена и актуальность криминализации отдельных деяний (экстремизм, терроризм, киберугрозы и т. п.).

По мнению А. Е. Багутина, приоритетным направлением развития политики становится оптимизация правовой базы и устранение коллизий³.

Важной тенденцией является интеграция уголовной политики с другими сферами государственной деятельности. Как подчеркивает В. М. Яковлева, она выполняет координирующую функцию в системе обеспечения правопорядка, соединяя уголовно-исполнительную и профилактическую политику.

¹ Конфоркин И. А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Социально-политические процессы в меняющемся мире: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Н. Н. Козловой // Вестник Тверского государственного университета, Институт экономики и управления. Том Выпуск 19. Тверь : Тверской государственный университет, 2019. С. 31–34; Серов В. А. Понятие уголовной политики // Поколение будущего: взгляд молодых ученых. 2021 : Сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 11–12 ноября 2021 года. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 148–151.

² Душкин А. А. Двойственный И. А. Уголовная политика: методы и средства ее реализации в РФ на современном этапе // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2021. №3 (38) С.108–111.

³ Багутин А. Е. Уголовная политика: понятие и современные тенденции ее развития // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества : Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции, Курск, 3 июня 2022 года. Том 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С.30–32.

Одно из ключевых мест занимает профилактика преступности, основанная на взаимодействии государства, гражданского общества и образовательных институтов. Повышение правовой культуры и доверия к правоохранительным органам способствует снижению криминогенности среды¹.

Особое значение сегодня приобретают антикоррупционные меры, сочетающие ужесточение ответственности с устранением социальных причин преступности и повышением прозрачности государственного управления².

Наряду с антикоррупционными мерами особую актуальность сегодня приобретают и меры направленные на защиту безопасности государства. Реализация уголовной политики в данном направлении осуществляется, в частности, посредством системной криминализации деяний, направленных на подрыв национальной безопасности.

Так за период с 2020 года по 2025 год в главу 29 УК РФ были внесены изменения, направленные на усиление ответственности за посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства.

В целях обеспечения общественной безопасности и беспрепятственного исполнения представителями органов власти своих обязанностей глава 29 УК РФ дополнена ст. 280⁴ предусматривающей уголовную ответственность за деятельность, направленную против безопасности государства.

В рамках противодействия диверсионной деятельности в УК введены статьи, устанавливающие ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях совершения диверсии, организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ).

Защита национальных, ценностей исторического наследия, была усилена посредством установления ответственности за пропаганду и публичное демонстрацию нацистской, экстремистской атрибутики и символики, либо иной атрибутики и символики пропаганда или демонстрация которых запрещены федеральным законодательством (ст. 282.4 УК РФ).

Усиление уголовной ответственности за посягательство на территориальную целостность нашло свое отражение в ст. 280.2 УК РФ. В условиях проведения специальной военной операции особую актуальность приобретает уголовно правовая защита Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, и других формирований, выполняющих задачи обеспечения безопасности государства и поддержания международного мира и безопасности. Ответственность за пуб-

¹ Яковлева В. М. Уголовная политика как одно из направлений государственной политики в сфере борьбы с корыстной преступностью осужденных // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы V международной научно-практической конференции: в 2 т., Тамбов, 28–29 мая 2021 г. Том 1. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 316–318.

² Душкин А. А., Двойменный И. А. Уголовная политика: методы и средства ее реализации в РФ на современном этапе // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2021. №3 (38) С. 108–111.

личные призывы, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и других формирований, была введена в 2023 году (ст. 280.3 УК РФ).

Эти изменения в действующем УК РФ направлены на поддержание общественного порядка, стабильности и обеспечение защиты граждан от потенциальных угроз, связанных с посягательствами на основы конституционного строя.

В целом развитие уголовной политики России направлено на создание сбалансированной модели законотворческой и правоприменительной деятельности. Таким образом с учетом ранее исследованной научной литературы можно сделать вывод о том, что эффективность уголовной политики обеспечивается научной обоснованностью, системностью, необходимостью выработки защитных механизмов безопасности в соответствии с принципами правового государства.

Уголовная политика Российской Федерации на современном этапе представляет собой систему правовых и организационных мер, направленных на предупреждение преступности и защиту общественных интересов. Ее современное развитие связано с поиском баланса между гуманизацией законодательства и сохранением эффективности уголовно-правовых средств.

Такая политика укрепляет доверие к государству и способствует обеспечению прав и свобод личности в частности и общественной безопасности в целом.

Научная статья
УДК 343.34

ФОРМЫ ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 207.1, 207.3 УК РФ

Андрей Денисович БАРМИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
barminn1n@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются формы вины в преступлениях, предусмотренных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ.

Рассматриваются теоретические подходы к определению формы вины, материалы судебной практики и акты толкования Верховного Суда Российской Федерации.

Делается вывод о том, что рассматриваемые преступления могут быть совершены с прямым, так и с косвенным умыслом.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, общественно-значимая информация, вина, квалификация преступлений, Верховный Суд Российской Федерации

Original article

FORMS OF GUILT IN CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLES 207.1 AND 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrei D. BARMIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, barminn1n@gmail.com

Abstract. The article analyzes the forms of guilt in crimes provided for in Articles 207.1 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Theoretical approaches to determining the form of guilt, materials of judicial practice and acts of interpretation of the Supreme Court of the Russian Federation are considered.

It is concluded that the crimes in question can be committed with both direct and indirect intent.

Keywords: knowingly false information, socially significant information, guilt, qualification of crimes, the Supreme Court of the Russian Federation

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указывается, что распространение недостоверной информации является одним из факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам России. В связи с этим предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе связанных с распространением заведомо ложной информации, является одним из важных направлений правоохранительной деятельности.

Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» определяет, что реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации. Одним из результатов проводимой государством политики, направленной на противодействие распространению ложной информации, стало дополнение УК РФ статьями 207.1, 207.3.

Следствием относительной новизны рассматриваемых составов

преступления стала их недостаточная теоретическая изученность. Так в настоящее время остаются малоизученными некоторые вопросы оценки субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ.

В отношении субъективной стороны рассматриваемых составов в теории уголовного права сложилась точка зрения, согласно которой преступления, предусмотренные ст. 207.1 и 207.3 УК РФ могут характеризоваться только прямым умыслом¹.

Очевидно, причиной этого стало указание Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 30.04.2020 № 2 на то, что деяние может быть квалифицировано по статье 207.1 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо действовало с прямым умыслом. Естественно, что правовая позиция высшей судебной инстанции не могла не найти отражения в решениях нижестоящих судов.

Однако, как справедливо отмечает А. И. Рарог, обязательность предписаний Верховного Суда Российской Федерации непременно должна опираться на однозначность и незыблемость правовых позиций высшего судебного органа страны. Между тем в ряде вопросов правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации этому требованию не удовлетворяют².

Ввиду того, что рассматриваемые нормы УК РФ не содержат указания на прямой умысел преступника, а посягательства совершенные с другими формами вины несут не меньшую опасность, полагаем, что вышеприведенный обзор Верховного Суда Российской Федерации содержит неточный анализ конструкции составов преступлений, предусмотренных статьи 207.1 УК РФ. В связи с изложенным видится необходимость более глубокого исследования рассматриваемого вопроса.

Очевидно, что использование конструкции «заведомо ложная информация» в диспозиции рассматриваемых статей УК РФ указывает на то, что преступления, совершаемые путем распространения заведомо ложной информации, могут совершаться только умышленно.

Определение заведомо ложной информации дается в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной

¹ Дулькина Л. В. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 - Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, 2023. С. 102.

² Рарог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 107.

практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 30.04.2020 № 2. Согласно положениям данного обзора, заведомо ложная информация для целей ст. 207.1 и 207.2 УК РФ – это информация, изначально не соответствующая действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему.

Данное определение в полной мере может быть применимо и для раскрытия понятия ложной информации в ст. 207.3 УК РФ.

Также, данное положение раскрывается в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» от 28.06.2022 № 20: «Добросовестное заблуждение заявителя относительно события преступления и (или) его существенных обстоятельств, в том числе о причастности к этому преступлению конкретных лиц, исключает умышленный характер его действий и наступление уголовной ответственности...».

Осознание лицом ложности распространяемой информации влечет за собой и осознание возможности причинения вреда общественным отношениям при ее распространении. Видится, что приведенные толкования не противоречат ни материальным нормам, ни теории уголовного права и могут быть применимы при квалификации рассматриваемых преступлений.

При этом отметим, что подход, согласно которому преступления, предусмотренные ст. 207.1 и 207.3 УК РФ могут совершаться только с прямым умыслом, не совсем верен, поскольку не всегда отражает реальное внутреннее психическое отношение преступника к совершаемому деянию.

Так, в п. 1 ч. 2 ст. 207.3 УК РФ содержится указание на корыстный мотив. Соответственно, законодателем предполагается возможность возникновения ситуации, при которой лицо совершает преступление с целью личного обогащения. При этом к наступлению общественно-опасных последствий оно может относиться безразлично.

Кроме того, если бы корыстный мотив в рассматриваемом случае был единственным, это бы не умаляло ни степени общественной опасности деяния, ни необходимости применения мер уголовно-правовой ответственности.

Также заметим, что указание на возможность публичного распространения заведомо ложной информации только с прямым умыслом не учитывает специфику интернет-коммуникации. Отмечается, что привлечение новой аудитории является одной из целей деятельности в интернет-пространстве¹.

Представляется, что, спекулируя на резонансных темах, к числу

¹ Ягудина А. Р. Блогеры как регуляторы общественного мнения // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. № 2. С. 106

которых относятся и обстоятельства, приведенные в диспозициях ст. 207.1 и 207.3 УК, преступники могут преследовать исключительно цель повышения личной узнаваемости, к характеру распространяемой информации и ее возможности причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям при этом относясь безразлично.

Таким образом, полагаем, что преступления, предусмотренные ст. 207.1 и 207.3 УК РФ могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Иное толкование не позволит обеспечить должный уровень защиты охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Научная статья
УДК 343.326

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДИВЕРСИОННОГО СООБЩЕСТВА

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 281.3 УК РФ.

Анализируются признаки диверсионного сообщества как разновидности соучастия особого рода.

Предлагаются меры направленные на совершенствование применения уголовного законодательства об ответственности за организацию диверсионного сообщества.

Ключевые слова: Диверсионное сообщество, соучастие особого рода, преступное сообщество (преступная организация), уголовная ответственность за организацию диверсионного сообщества

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING A SUBVERSIVE COMMUNITY

Dmitry A. BEZBORODOV

St. Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article discusses some issues of the qualification of a crime under Article 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The article analyzes the signs of a criminal community as a type of complicity of a special kind.

The measures aimed at improving the application of criminal legislation on responsibility for the organization of a subversive community are proposed.

Keywords: Subversive community, special kind of complicity, criminal community (criminal organization), criminal liability for organizing a subversive community

Все чаще основанием для конструирования составов соучастия особого рода выступает факт совершения действий по созданию и обеспечению существования преступных объединений. Действительно, поскольку такие действия уже сами по себе уже создают реальную угрозу либо для общественной безопасности, либо для обеспечения безопасности основ конституционного строя и безопасности государства, то существует необходимость в более раннем механизме уголовно-правовой охраны.

Социально-правовая природа таких посягательств состоит в предваряющей совершение конкретных преступлений деятельности путем объединения в такие формы соучастия, как организованная группа или же преступное сообщество (преступная организация).

А поскольку такие действия по объединению нескольких лиц существенным образом влияют на результативность последующей преступной деятельности, и, соответственно, отличаются высокими показателями общественной опасности, они предусматриваются законодателем как самостоятельное преступление.

Данное положение относится, прежде, всего, к специально учтенным составам организованной преступной деятельности (к таковым можно отнести ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 239, 281.3, 282.1, 282.2, 284.1, УК РФ). В данных составах преступлений, как правило, устанавливается ответственность за сам факт «создания», «организации» или «участия» в преступном объединении, что вполне обосновано, учитывая их повышенную общественную опасность.

Стоит отметить, что за исключением, пожалуй, ст. 209 УК РФ, ни одна из названных норм не содержит указание на деяние в форме участия в преступлениях, совершаемых такими преступными объединениями. Данное обстоятельство косвенным образом свидетельствует об отсутствии у законодателя четких подходов к конструированию уголовно-правовых норм, сходных по механизму совершения.

Думается, что выходом из сложившейся ситуации могло бы стать более

ответственное отношение к формулированию уголовно-правового воздействия на функционирование организованных преступных групп. И, как следствие – создание единственного состава преступления, предусматривающего ответственность за создание, руководство и участие в объединении, создающим опасность для безопасного существования личности, общества, государства.

Поэтому, целесообразным представляется адекватное адаптирование ст. 239 УК РФ. Законодатель, к сожалению, совершенно забыл о потенциальных возможностях данной уголовно-правовой нормы к существующим реалиям с исключением излишне казуистичных норм из числа законодательно предусмотренных мер противодействия совершению преступлений в организованных формах

В такого рода составах преступлений особого внимания заслуживает оценка общности вины в специальных видах организованных групп, а именно в составах преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5, 239, 281.3, 282.1, 282.2 УК РФ.

Данные составы преступлений, если допустить их в качестве специальных видов организованных преступных объединений, а именно организованных групп (что вполне закономерно, учитывая изложение законодателем признаков группы в этих преступлениях), как представляется должны обладать всеми признаками, указанными в ч. 3 ст. 35 УК РФ и иметь специфические свойства.

Однако, к сожалению, законодательная техника в этой части остается находится не на самом высоком уровне. Так, например, в ч. 1 ст. 281.3 УК РФ законодателем диверсионное сообщество определяется как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ. Такого рода подход к формулированию диспозиции дает основание предположить, что имеется в виду организованная групп лиц, объединившихся для реализации специальных целей, а не о сообществе в понимании ч. 4 ст. 35 УК РФ.

В данном случае – цели преступной деятельности имеют квалификационное значение, выступая в качестве обязательных признаков субъективной стороны. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 281.3 УК РФ в специально предусмотрена цель – осуществление диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации, толкуя понятие экстремистского сообщества напрямую указывает и на специальную цель

деятельности – совершение одного или нескольких преступлений экстремистской направленности.

Такое толкование дается в абз. 1 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025).

Аналогичное разъяснение содержится и по отношению к цели объединения в террористическое сообщество – осуществление террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Об этом речь ведется, например, в абз. 1 п. 22.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

При этом возникает вопрос относительно специальных видов организованных групп: поскольку в ст. 205.4, 281.3, 282.1 УК РФ признак структурированности группы отсутствует, как квалифицировать действия лиц с экстремистскими или же террористическими целями, объединившихся в структурированное преступное объединение?

Вероятны два основных варианта:

а) структурированность не влияет на квалификацию и действия виновных должны оцениваться по ст. 205.4, 281.3 или ст. 282.1 УК РФ;

б) структурированность, являясь обязательным признаком преступного сообщества (преступной организации), влияет на квалификацию и требует оценки по ст. 210 УК РФ.

Первый вариант предпочтителен тем, что сама по себе структурированность группы едва ли сама по себе достаточна для признания группы преступным сообществом (преступной организацией) и требует установления дополнительных признаков.

Второй вариант учитывает, что при наличии признака структурированности и основной специальной цели – совместное совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, действия таких лиц будут охватываться ст. 210 УК РФ.

Поэтому, при установлении структурированности, но наличия в качестве основной цели другой, например, цели совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности квалификация должна, как представляется, осуществляться по ст. 282.1 УК РФ. Это же самое касается и квалификации преступления, предусмотренного ст. 205.4, 281.3 УК РФ.

В связи с этим может возникнуть вопрос о характере совместности и общности вины участников таких объединений, когда, например, осознание целей получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды присутствует только у руководства преступным объединением, а для иных участников этого объединения осознаются совершенно иные цели, не связанные с целями ст. 210 УК РФ, например, цели, предусмотренные ст. 205.4, 281.3, 282.1 УК РФ. Возникает вопрос о квалификации действий таких участников. Представляется, что ст. 210 УК РФ по отношению к ним не применима в силу отсутствия осознания части ее признаков, характеризующих субъективную сторону данного состава преступления.

И вопрос в отношении квалификации деяния руководителей объединения, для которых цель осуществления террористической деятельности это промежуточная цель для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Думается, что квалификация их деятельности должна определяться конечной целью и оцениваться по ст. 210 УК РФ. Однако, ситуация изменится в том случае, если участники преступного сообщества (преступной организации), наряду с участием в преступном сообществе (преступной организации), создали устойчивую группу в целях совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, или же в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Их действия в этих случаях должны оцениваться по признакам реальной совокупности преступлений – по ст. 205.4 или ст. 282.1 и ст. 210 УК РФ. Однако, такая квалификация вероятна лишь в том случае, если они своими действиями обеспечивали реализацию основной цели преступного сообщества (преступной организации). В тех же случаях, когда участники террористического или экстремистского сообщества действовали не в связи с целями преступного сообщества (преступной организации), их действия должны оцениваться только по ст. 205.4 УК РФ или ст. 282.1 УК РФ без вменения им ст. 210 УК РФ.

В целом, думается, что законодатель несколько поторопился при реформировании ч. 4 ст. 35 УК РФ и разработке норм, предусматривающих ответственность за «специальные формы» осуществления организованной преступной деятельности.

Поскольку ч. 4 ст. 35 УК РФ представляет собой норму-определение, то, в идеале все составы преступлений, предусматривающие ответст-

венность за совершение преступления в преступном объединении в Особенной части УК РФ (и по сути, являющихся отсылочными) должны использовать без изъятий все признаки нормы Общей части УК РФ.

Поэтому было бы целесообразно использовать иной уровень обобщения признаков в ч. 4 ст. 35 УК РФ: достаточно было бы указать на специальную цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений в составе структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений.

В ч. 1 ст. 210 УК РФ предлагается в качестве специальной цели объединения, описанного в ч. 4 ст. 35 УК РФ, указать – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (как это изначально произошло со ст. 209 УК РФ, где общие признаки организованной группы, раскрытые в ч. 3 ст. 35 УК РФ органично дополнились признаком вооруженности и конкретизировались в цели – нападение на граждан или организации).

УДК 343.275

ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Илья Александрович БЕЛЕЦКИЙ

Санкт-Петербургский университет Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, abinik@inbox.ru

Аннотация. Представлены рассуждения о правовой природе такой реакции государства на преступление, как прекращение гражданства Российской Федерации.

Оценивается характер репрессивности этого последствия преступного деяния, его место в системе последствий криминального поведения, в том числе с точки зрения процедуры его применения.

Предлагаются меры направленные на совершенствование применения законодательства, предусматривающего лишение гражданства, как последствие совершения преступления.

Ключевые слова: последствие преступления, наказание, лишение гражданства, меры уголовно-правового характера

TERMINATION OF CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A CONSEQUENCE OF THE COMMISSION OF A CRIME

Ilya A. BELETSKY

St. Petersburg University of the Russian Federation, Saint Petersburg,
Russia, abinik@inbox.ru

Abstract. The arguments about the legal nature of such a reaction of the state to a crime as the deprivation of citizenship of the Russian Federation are presented.

The degree of repressiveness of such a consequence of a criminal act is assessed, its place in the system of consequences of criminal behavior, as well as the procedure for its application.

The measures aimed at improving the application of legislation providing for the deprivation of citizenship as a consequence of the commission of a crime are proposed.

Keywords: crime consequence, punishment, deprivation of citizenship, criminal law measures

Регулирование миграционных процессов и поиск «правильной» реакции на допускаемые в этой сфере нарушения – повестка дня последних нескольких лет.

Новейшие изменения законодательства, регулирующего вопросы гражданства Российской Федерации, как бы это парадоксально не звучало, можно назвать бескомпромиссными в вопросах борьбы с преступностью.

Речь идет о возможности прекращения гражданства натурализованных россиян (лица, которые приобрели гражданство в результате приема в гражданство Российской Федерации) вследствие совершения ими преступлений, перечень которых предусмотрен ст. 24 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (далее – Закон о гражданстве). В ст. 24 указанного закона перечислены большинство составов тяжких и особо тяжких преступлений. В литературе высказываются замечания к формированию этого списка, однако в этой статье речь будет идти не об этом¹.

Возможность прекращения гражданства вследствие совершения

¹ Долгиев М. М., Долгиев М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 93.

преступления натурализованным гражданином предусматривалась и ранее действующим законодательством о гражданстве. Конечно, с небольшими отличиями от актуального нормативного регулирования. Так, Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в статье 22 предусматривал единственное основание для отмены решения о приеме в гражданство (читай – о прекращении гражданства), которым признавался установленный в судебном порядке факт представления заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений.

С 1 сентября 2017 года к установлению судом факта сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации приравнивается факт совершения натурализованным гражданином хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье (преступления террористической направленности).

Если не вдаваться в терминологические особенности, которые, на наш взгляд не меняют существа реакции государства на преступное поведение принятых в гражданство лиц, то именно с 1 сентября 2017 года, можно утверждать, появилось новое уголовно-правовое последствие совершения преступления – прекращение гражданства Российской Федерации.

В действующем законе о гражданстве законодатель, повторюсь, не изменил существо реакции на преступление, вместе с тем, уже открыто заявил, что совершение преступления и предоставление заведомо ложных сведений – это самостоятельные основания прекращения гражданства России, продемонстрировав таким образом свою бескомпромиссность и нетерпимость в отношении натурализованных россиян, грубо нарушающих нормы уголовного закона.

Думается, что вопрос о том, является ли прекращение гражданства последствием совершения преступления, возникать не должен, утвердительный ответ на него очевиден. Вместе с тем, для развития науки уголовного права представляется важным ответить на вопрос, а какова степень репрессивности этого последствия по сравнению с традиционной реакцией государства на преступление, то есть по сравнению с наказанием.

М. М. Долгиев и М. М. Долгиева убеждены, что «реализация уголовной политики в данной сфере возможна через внесение изменений в уголовное законодательство, чтобы новые граждане Российской Федерации, совершившие умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, несли дополнительную ответственность в виде лишения их правовой связи с государством, национальные интересы которого были ими нарушены, что позволит усилить эффект труднодостижимости статуса гражданина Российской Федерации»¹.

¹ Долгиев М. М., Долгиева М. М. Прекращение гражданства как вид уголовного наказания: практика и перспективы // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 219–224.

В целом соглашаясь с авторами в том, что любые уголовно-правовые последствия должны определяться уголовным законом (ч. 1 ст. 3 УК РФ), отмечу, не всегда последствие преступного поведения в виде наказания может признаваться более репрессивным (эффективным?), чем уголовно-правовое последствие *de jure* наказанием не являющееся.

Прекращение гражданства вследствие совершения преступления тому наглядный пример. Сущность прекращения гражданства в некотором роде можно рассматривать в качестве исключительной изоляции осужденного, но не просто от общества в исправительном учреждении на территории России, а от России на территории другого государства. Это беспрецедентная «отмена» человека в России, как небезосновательно предлагает А. А. Пирожников, должна реализовываться пожизненно¹.

Вообще видится, что о репрессивности или каре как сущности наказания и других последствий совершения преступления часто свидетельствует не столько существо налагаемых на виновное лицо ограничений, сколько порядок их применения.

Статус «наказание» накладывает на суд обязанность выбирать последствие совершения преступления с учетом а) экономии уголовной репрессии; б) строго индивидуального подхода к оценке справедливости конкретного наказания; в) оценки наступивших преступных последствий; г) способа совершения преступления; д) роли подсудимого в преступлении; е) вида умысла; ж) наличия обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; з) данных о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц.

Так, предписывая в обязательном порядке назначать дополнительное наказание в виде запрета управления транспортным средством в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 264 (ч. 2–6), а также 264.1–264.3 УК РФ, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» отмечает: «Неприменение такого дополнительного наказания допускается лишь при наличии условий, предусмотренных статьей 64 УК РФ».

Иными словами, при наличии определенных обстоятельств суд может не назначить конкретный вид наказания.

¹ Пирожников А. Н. Иные меры уголовно-правового характера, связанные с ограничениями прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2024. С. 21.

Статус «иных» или «общеправовых» последствий совершения преступления такую обязанность с суда снимает: «за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не УК РФ, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера»¹.

Действующий закон о гражданстве безальтернативен в вопросе о прекращении гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления — копия вступившего в законную силу приговора суда об осуждении лица за совершение одного из преступлений (приготовление к преступлению или покушение на преступление), указанных в ч. 1 ст. 24 Закона о гражданстве в пятидневный срок со дня вступления этого приговора суда в законную силу направляется судом первой инстанции в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, который принимает единственное возможное решение – прекращение гражданства Российской Федерации – и никакие исключительные обстоятельства при принятии такого решения не учитываются.

Для сравнения, при принятии решения о прекращении гражданства вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений (ст. 23 Закона о гражданстве) уполномоченный орган учитывает время, прошедшее со дня приобретения гражданства Российской Федерации, семейное положение лица, наличие у него проживающих в Российской Федерации близких родственников – граждан Российской Федерации, срок пребывания в качестве налогового резидента Российской Федерации, исполнение обязанности по уплате установленных в Российской Федерации налогов и сборов, штрафов, наличие на территории Российской Федерации источников дохода и находящегося в собственности жилья, род деятельности и профессия, соблюдение лицом законодательства Российской Федерации и другие обстоятельства, свидетельствующие о характере правовой связи лица с Российской Федерацией и степени ее устойчивости.

Подводя предварительный итог рассуждений о правовой природе такой реакции государства на преступление, как прекращение гражданства Российской Федерации и степени его репрессивности, отмечу основные тезисы:

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 2967-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильичева Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления *de facto* является уголовно-правовым последствием криминального деяния, а значит должно подчиняться основным положениям уголовного права о порядке его применения к виновному лицу.

Вместе с тем, сформировавшийся в последнее время подход к возможности применения к лицу последствий совершения преступления – формально не уголовно-правовых, но содержательно репрессивных – обязывает пересмотреть догматический подход к уголовно-правовым последствиям преступления как самостоятельному правовому феномену.

Одним из обязательных критериев репрессивности уголовно-правового последствия наряду с существом налагаемых ограничений должна выступать процедура их применения, во многом обуславливающая (не)возможность обеспечения материально-правовых и процессуальных гарантий защиты участников уголовного судопроизводства.

Считаю, что есть основания признавать прекращение гражданства Российской Федерации в действующем правовом регулировании (то есть за пределами УК РФ) более репрессивным последствием криминального поведения по сравнению с его потенциальным статусом уголовного наказания.

Научная статья
УДК 343.325

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПРИЗЫВАХ
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ
НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТОВ)**

Ольга Федоровна БОГОВАЯ¹, Евгений Леонидович КОСЯК²

^{1, 2}Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,

¹ o.bogovaya@mail.ru

² e.kosyak.dongu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы юридической квалификации призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации на примерах конкретных высказываний и текстов.

Открытость и доступность интернет-ресурсов создают предпосылки и условия для распространения материалов, оправдывающих и пропаган-

дирующих сепаратизм. Авторы показывают основные лингвистические приемы, используемые в призывах к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Сформулированы предложения, касающиеся усовершенствования руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по исследуемым вопросам.

Ключевые слова: территориальная целостность, призывы, лингвистические приемы

Original article

LINGUISTIC TECHNIQUES USED IN CALLS FOR ACTIONS AIMED AT VIOLATING THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION (USING THE EXAMPLE OF AN ANALYSIS OF MODERN POLITICAL DISCOURSE AND EXTREMIST TEXTS)

Olga F. BOGOVAYA¹, Evgeny L. KOSYAK²

^{1,2} Donetsk State University, Donetsk, Russia,

¹ o.bogovaya@mail.ru

² e.kosyak.dongu@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic issues of the legal qualification of texts and statements as calls for violation of Russian Federation territorial integrity. The openness and accessibility of Internet resources create prerequisites and conditions for the distribution of justifying separatist materials.

The authors show the main linguistic techniques used in calls for violation of Russian Federation territorial integrity.

The article formulates recommendations on improving the guidelines issued by the Supreme Court of the Russian Federation on the issues under investigation.

Keywords: territorial integrity, calls, linguistic techniques

В складывающейся в настоящее время международной обстановке, характеризующейся ростом агрессивной внешнеполитической риторики в отношении Российской Федерации со стороны руководства Евросоюза и глобалистских правящих кругов большинства зарубежных стран, немаловажное место занимают отрицание территориальной целостности Российской Федерации и ее суверенитета в отношении отдельных субъектов федерации.

Анализ зарубежного политического дискурса свидетельствует, что такие «программные» высказывания имеют место как в отношении новых регионов Российской Федерации, принятых в состав России по результатам

референдумов, проведенных в сентябре 2022 года на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей, так и в отношении иных регионов Российской Федерации, в частности – Калининградской области, Карелии и г. Выборг, Курильских островов (в дискурсе именуются «северными территориями»).

Присутствующие в современном европейском и японском политическом дискурсе высказывания отдельных государственных деятелей из числа недружественных России стран, отрицающие территориальную принадлежность перечисленных регионов к Российской Федерации, в последнее время все чаще начинают содержать контекстуальные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, что свидетельствует об активизации агрессивной политической риторики, граничащей по своему содержанию с предметом преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».

Закономерным результатом такого дискурса является активизация аналогичных по своему содержанию призывов во внутреннем информационном пространстве Российской Федерации, распространяемых лицами из числа признанных иностранными агентами и поддерживающими последних пользователями ресурсами социальных сетей. Подобная противоправная деятельность представителей отечественного интернет-контента не может и не должна оставаться вне сферы внимания правоохранительных органов.

Так, в указанном контексте не может не привлечь внимание, имевшее место 10 января 2025 года выступление президента Литвы Г. Науседы. В публичном выступлении литовский политик, отрицая территориальную принадлежность Российской Федерации Калининградской области, позиционирует последнюю как часть Литвы: «Исконные жители Малой Литвы, ныне части так называемой Калининградской области, давно исчезли... Как бы Россия ни старалась, Караялючюс никогда не станет Калининградом»¹.

Иллюстративным в отношении Карелии и г. Выборга является датированное 21 ноября 2018 года высказывание финского политика Генри Хаутамяки следующего содержания: «Финляндии следует официально потребовать от России возвращения территорий, в том числе Карелии, которые были переданы этой стране по завершению Второй мировой войны. Мы должны вернуться к границам, действовавшим в 1939 году»².

Применительно к Курильским островам (в японском политическом

¹ Президент Литвы сделал скандальное заявление о Калининградской области. РИА-новости. Интернет издание. Путь доступа: // <https://ria.ru/20250110/zayavlenie-1993032635.html?ysclid=mi3npa5f327082907> (дата обращения: 16.10.2025).

² Верните Карелию: финны хотят потребовать у России часть территорий. Век. Интернет издание. Путь доступа: // <https://wek.ru/vernite-kareliyu-finny-xotyat-potrebovat-u-rossii-chast-territorij> (дата обращения: 16.10.2025).

дискурсе «северные территории») заслуживает внимания высказывание премьер-министра Японии С. Исиба, датированное 10 февраля 2025 года, согласно которому: «Несмотря на сложную ситуацию в японо-российских отношениях, вызванную вторжением России на Украину, правительство продолжит свою политику, направленную на решение вопроса о принадлежности четырех северных островов и заключение мирного договора... Проблема северных территорий – это проблема не только бывших жителей островов и соседних районов, но и всей нации, и очень важно, чтобы наш народ работал сообща, как единое целое»¹.

Во всех трех приведенных выше высказываниях зарубежных политиков следует выделить общее: на основе отрицания территориального суверенитета Российской Федерации в отношении Калининградской области, Карелии и г. Выборга, Курильских островов содержатся контекстуальные призывы к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации, закрепленную в ст. 65 Конституции Российской Федерации, где четко указана территориальная юрисдикция России в отношении данных субъектов федерации.

Как уже отмечалось в наших более ранних публикациях², призывы к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации по своему содержанию могут быть как прямыми, так и непрямыми (контекстуальными). Суть контекстуального призыва, по мнению И. Е. Колесниковой, высказанному в ранее цитированной нами статье «Дискурс вражды: лингвистические критерии выявления призывов экстремистской направленности», состоит в наличии в нем «комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, что является необходимым условием для установления факта речевого действия и определения его прагматического содержания»³.

Поскольку анализ экстралингвистических факторов, то есть параметров внеязыковой социальной действительности (в нашей ситуации – статус участников дискурса и степень их близости к обсуждаемой проблематике) не входит в тему публикации, ограничимся анализом лингвистических факторов – приемов, используемых в цитируемых высказываниях, которые позволяют трактовать их именно как контекстуальные призывы к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации.

¹ Почему премьер Японии ужесточил риторику по претензиям на Курилы. Сигэру исиба закрепил курс на «принадлежность» всех четырех спорных островов Японии. Радио РБК. Интернет издание. Путь доступа: // <https://www.rbc.ru/politics/10/02/2025/67a9fb8a9a79478445b7354a> (дата обращения: 16.10.2025).

² Боговая О. Ф., Косяк Е. Л. Лингвистические средства, используемые в призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности российской Федерации: Уголовное право России: состояние и перспективы: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием Волженкинские чтения Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года. С. 52–58.

³ Колесникова И. Е. Дискурс вражды: лингвистические критерии выявления призывов экстремистской направленности: Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Том 10 (76). № 1. С. 95–102.

Так, в высказывании Г. Науседы относительно Калининградской области и г. Калининграда содержатся два ассоциативных ряда (последовательности возникающих у человека ассоциаций): «Малая Литва-Калининградская область» и «Караяучюс-Калининград». Фактически мы имеем дело с таким используемым литовским политиком методом психолингвистики, как направленный ассоциативный эксперимент, в котором для аудитории слушателей сознательно ограничивается выбор ассоциации.

Автор высказывания целенаправленно подводит аудиторию слушателей к безальтернативному тезису о том, что Калининградская область Российской Федерации есть Малая Литва (**исторический этнографический регион Пруссии, позднее Восточной Пруссии в Германии, где жили прусские литовцы**), которая по указанному этническому критерию должна территориально относиться именно к Литве, а не к России. Данный тезис усиливается вторым ассоциативным рядом, в котором в названии административного центра Калининградской области – г. Калининграда, – на первое место ставится его литовское название, согласно замыслу политика акцентирующее внимание слушателей на изначально литовском генезисе указанного города.

Использование Г. Науседой ассоциативного эксперимента в виде безальтернативных ассоциативных рядов вместе со сложноподчиненным предложением с придаточным уступки «Как бы Россия ни старалась...» фактически содержит утверждение, что Калининградская область должна и будет принадлежать Литве вопреки ст. 65 Конституции Российской Федерации, то есть по своей сути является контекстуальным призывом к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации.

В отличие от процитированного высказывания Науседы, тезис финского политика Г. Хаутамяки является уже более структурированным призывом. Использование в цитируемом высказывании составных глагольных сказуемых в безличной конструкции «следует потребовать» и «должны вернуться» [к границам, действовавшим в 1939 году] выражает модальное значение долженствования и обязательности (с точки зрения автора высказывания) изменения территории России путем изъятия из ее территориальной юрисдикции отдельных территорий и имеет оттенок волевого акта – предписания, передающего обязательность действия (деонтическая модальность). По своим стилистическим особенностям данное высказывание в сравнении с предыдущим уже несет в себе определенный императивный подтекст – призыв к действию – официальному требованию изменения международно-признанной территории России вопреки Конституции Российской Федерации. В то же время, наличие призыва только в подтексте также позволяет отнести такой призыв к контекстуальному.

В приведенном выше высказывании японского политика С. Исибы,

относящемся к Курильским островам, присутствует повествовательное по своему содержанию предложение «проблема северных территорий – это проблема... всей нации».

Последнее, будучи формально риторически выверенным, наряду с констатацией факта наличия такой проблемы тем не менее содержит мобилизующий контент, направленный на привлечение внимания «всей нации» [согласно контексту – японцев] к указанной проблеме.

Использование в цитируемом высказывании однородных дополнений «бывшие жители островов» и «вся нация» [согласно контексту снова-таки японцы] также, по нашему мнению, придает высказыванию характер утверждения, что Курильские острова [в высказывании – «северные территории»] позиционируются именно как часть территории Японии по национальному признаку. С учетом наличия в высказывании мобилизующего контента и указанных однородных дополнений, данное высказывание также можно считать контекстуальным призывом к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Как уже отмечалось выше, подобные примеры зарубежного политического дискурса не могут не оказать пусть даже опосредованного воздействия на внутригосударственный интернет-контент. Именно под их влиянием территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской области и Запорожской области, принятые в состав Российской Федерации по результатам проведенных в сентябре 2022 года референдумов, периодически позиционируются как «оккупированные».

Поскольку термин «оккупация» согласно Толковому словарю С. И. Ожегова означает «временное отторжение, захват чужой территории военной силой»¹, применение указанного термина в отношении новых регионов Российской Федерации не только дискредитирует использование Вооруженных Сил Российской Федерации по освобождению новых регионов от вооруженных формирований Украины, что само по себе может подпадать под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, но и может содержать признаки контекстуального призыва к нарушению территориальной целостности Российской Федерации путем отрицания законности принятия новых регионов в состав Российской Федерации.

О наличии признаков таких контекстуальных призывов может также свидетельствовать использование в тезисах о якобы «оккупированных территориях Украины» (применительно к новым регионам России) сопутствующих выражений, содержащих модальность намерений авторов высказываний добиваться возврата территорий в состав Украины («хотим домой в Украину»), утверждений, содержащих гипотезы-нарративы («Донецк – это Украина») и пр.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. С. 678.

Подводя итог изложенному, можем констатировать, что активное противодействие проявлениям сепаратизма в отношении как общепризнанных, так и новых регионов России является в настоящее время одной из первоочередных задач, стоящих перед российскими правоохранительными органами.

Ее успешному решению может способствовать дополнение действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03 ноября 2016 года) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» положениями, содержащими критерии относимости конкретных высказываний к призывам о нарушении территориальной целостности Российской Федерации. Такие дополнения целесообразно внести в пункт 6.2 указанного постановления. По нашему мнению, такими критериями могут быть констатация якобы имеющего место незаконного характера присоединения конкретной территории к Российской Федерации, позиционирование закономерности и желательности принадлежности конкретной территории Российской Федерации к иностранному государству, вербальное и визуализированное отождествление конкретной территории Российской Федерации с территорией иностранного государства.

Предлагаемые изменения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03 ноября 2016 года) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» позволят сделать противодействие сепаратистским проявлениям правовыми средствами более эффективным.

Научная статья
УДК 343.36

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ВЫНЕСЕНИЮ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА,
РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА**

Дмитрий Михайлович БЫЧИХИН
прокуратура Питкярантского района Республики Карелия, г. Питкяранта,
Россия, dmitrijbycihin011@gmail.com

Аннотация. Автором статьи рассмотрены проблемы эффективности уголовной ответственности за заведомо неправосудные приговор, решение и иной судебный акт.

В статье исследованы отдельные вопросы, возникающие в правоприменении об ответственности за вынесение заведомо незаконных приговора, решения или иного судебного акта.

Проанализированы причины недостаточной эффективности правоохранительной деятельности в части уголовно-правового противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 305 УК РФ и предложены меры по ее совершенствованию.

Ключевые слова: судебное решение, приговор, повышение эффективности, судебный акт, судебное решение, правосудие, тяжкие последствия, суд

Original article

IMPROVING THE PRACTICE OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THE IMPOSITION OF KNOWINGLY UNLAWFUL SENTENCES, DECISIONS OR OTHER JUDICIAL ACTS

Dmitry M. BYCHIKHIN

Prosecutor's Office of Pitkyaranta district of the Republic of Karelia,
Pitkyaranta, Russia, dmitrijbychihin011@gmail.com

Abstract. The author of the article considers the problems of the effectiveness of criminal liability for knowingly unlawful sentences, decisions and other judicial acts. The article examines certain issues that arise in law enforcement regarding responsibility for the imposition of a deliberately illegal sentence, decision or other judicial act. The reasons for the insufficient effectiveness of law enforcement activities in terms of criminal law counteraction to crimes provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed and measures for its improvement are proposed.

Keywords: judicial decision, verdict, efficiency improvement, judicial act, judicial decision, justice, grave consequences, court

Действенная и эффективная система правосудия есть важнейший показатель, отражающий состояние гражданского общества и зрелость правового государства. Одним из основополагающих принципов деятельности судебной власти является независимость судов. При этом независимость не предполагает исключительной обособленности и абсолютной свободы деятельности судов. Единая правовая реализация функций судебной системы в отдельных случаях должна быть обеспечена мерами ответственности. В российском законодательстве к судьям, в связи с их профессиональной дея-

тельностью, могут быть применены меры дисциплинарной и уголовной ответственности.

В соответствии с Уголовным кодексом РФ единственной специальной нормой определяющей ответственность судьи за вынесение неправосудного судебного акта является ст. 305 УК РФ. Альтернативных составов правонарушений, определяющих меры ответственности к судьям за выполняемую ими работу, действующим законодательством не предусмотрено, поэтому граница преступного поведения проходит между преступлением и дисциплинарным проступком или судебной ошибкой. Применение статьи об уголовной ответственности судьи является предметом споров, возникающих на различном уровне.

Так, апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отказано в удовлетворении апелляционной жалобы представителя Председателя Следственного комитета РФ на решение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики, которым не удовлетворено представление Председателя Следственного комитета РФ о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении бывшего судьи Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики Нахушевой по признакам двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 305 УК РФ.

Вопреки доводам административного искового заявления о нарушении процедуры принятия оспариваемого решения квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики, Судебной коллегией по административным делам указано, что на заседании квалификационной коллегии судей присутствовало 19 членов данной квалификационной коллегии из 21, то есть более половины от их общего количества, которые, находясь в правомочном составе, за принятие оспариваемого решения проголосовали единогласно; голосование и принятие решения проведено в соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14 марта 2002 № 30-ФЗ (от 23.07.2025) в отсутствие приглашенных и иных лиц; указанное решение подписано председательствующим на заседании и секретарем квалификационной коллегии судей.

При этом, Судебная коллегия отметила, что суд первой инстанции неверно оценил доводы представителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации о наличии связи между попыткой уголовного преследования бывшего судьи и позицией, занимаемой ею при рассмотрении гражданских дел. По мнению квалификационной коллегии судей, обстоятельства, которыми данные доводы обоснованы, касаются существа оспариваемого решения, то есть оснований для его принятия, и соответствия содержания этого решения нормативным правовым актам, регулирующим

спорное правоотношение, а потому, не имея отношения к юридически значимым для настоящего административного дела обстоятельствам, не могут даже и в случае их подтверждения исключать законность оспариваемого решения. По этим же мотивам суд первой инстанции счел не относимыми к настоящему административному делу доказательства, представленные административным истцом в подтверждение указанных выше обстоятельств.

Между тем Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ с такими суждениями суда первой инстанции не согласилась, поскольку установление обстоятельств наличия связи между уголовным преследованием судьи и позицией, занимаемой им при рассмотрении дел, относится к процедуре принятия решения по вопросу о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи как обстоятельство, установление которого имеет значение для правильного разрешения данного вопроса.

Однако изложенные ошибочные выводы суда первой инстанции не повлияли на судьбу принятого им решения, поскольку, как указала Судебная коллегия по административным делам, вопрос относительно обстоятельств наличия связи между уголовным преследованием судьи и позицией, занимаемой ею при рассмотрении гражданских дел, являлся предметом обсуждения квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики при принятии оспариваемого решения, как это следует из протокола заседания квалификационной коллегии судей и установление наличия такой связи привело к принятию квалификационной коллегией судей решения об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела¹.

В период действия Уголовного кодекса РФ официальных обзоров высших судебных органов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разъяснения судебной практики и единообразного применения ст. 305 УК РФ не принималось. Отсутствие единых подходов и критериев к вопросам квалификации рассматриваемого преступления, разграничении его с дисциплинарным проступком судьи либо просто с судебной ошибкой, следует признать серьезным недостатком, который побуждает уголовно-правовую науку компенсировать его.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 05 апреля 2013 № 54-ФЗ ст. 448 УПК РФ дополнена частью 8 следующего содержания «не допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 УК РФ, в случае, если соответствующий

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 03.10.2018 № 21-АПГ18-3. Сайт Московской городской коллегии адвокатов. URL: <http://www.advokat15ak.ru> (дата обращения: 14.09.2025).

судебный акт, вынесенный этим судьей или с его участием, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный».

Изменениям в законодательстве предшествовало Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко».

Согласно материалам дела, судья грубо нарушив требования ГПК РФ, выразившихся в нарушении правил о подсудности дела, неизвещении сторон о времени и месте судебного разбирательства, завышении суммы взыскания задолженности по пенсиям, внесение в протокол судебного заседания и текст решения заведомо ложных сведений отказал в удовлетворении иска пенсионеров Минобороны России к военному комиссариату Ростовской области о взыскании задолженности по пенсиям. Решением от 25.05.2010 Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации дала согласие на возбуждение уголовного дела в отношении С. Л. Панченко по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. При этом установлено, что вынесенное им решение от 12.08.2004, которое послужило поводом для ее производства, вступило в законную силу и не отменено в надлежащей процедуре.

Конституционный Суд РФ указал, что обращение следственных органов в квалификационную коллегия судей с представлением о даче согласия на возбуждение в отношении судьи уголовного преследования по ст. 305 УК РФ, предусматривающей ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта, в случае, когда сам этот акт не отменен как незаконный и необоснованный, а потому не признан в качестве неправосудного, получение согласия квалификационной коллегии судей, разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем процессуальном движении означают, по сути, отрицание окончательности, исполнимости, неопровержимости и обязательности судебного решения, гарантированно исполняющегося силой государства, и являются неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти.

Кроме того, Суд также разъяснил, что само по себе возбуждение в отношении судьи уголовного преследования по ст. 305 УК РФ предполагает необходимость доказывания именно заведомой неправосудности вынесенного им судебного акта.

Если же при этом соответствующий судебный акт не был отменен в надлежащей процедуре, возбуждение уголовного дела в таком случае

означает, что следственными органами констатируется вынесение судьей незаконного или необоснованного судебного акта, – тем самым осуществляется уголовное преследование судьи за вынесенное им решение по делу, сохраняющее свою законную силу, чем нарушаются закрепленные статьями 118 и 120 Конституции РФ принципы осуществления правосудия только судом, а также независимости судей как гарантии самостоятельности и независимости судебной власти¹.

Как видно из приведенных правовых позиций Конституционного Суда РФ и содержания ст. 448 УПК РФ для решения вопроса об уголовном преследовании судьи значимым юридическим фактом является отмена, вынесенного им судебного акта. В то же время при пересмотре судебного решения вышестоящими инстанциями может принято и иное решение.

Так, по уголовным делам в силу требований статей 389.20 и 401.14 УПК РФ суды апелляционной и кассационной инстанций соответственно могут не только отменить оспариваемое решение, но и принять иное решение, например, изменить его. Назревает вопрос, а может ли изменение правового акта повлечь для судьи его вынесшего негативные последствия в виде инициирования процедуры согласования вопроса о возбуждения в отношении него уголовного дела.

Суды апелляционной и кассационной инстанций по жалобам сторон либо представлению прокурора обязаны проверить решение, вынесенное в рамках дела или по его существу, на предмет его соответствия требованиям процессуального и материального права в полном объеме. При этом проверяя законность, обоснованность и справедливость судебного решения, вышестоящий суд должен устранить допущенные нарушения путем отмены неправосудного акта, его изменения, вынесением нового итогового судебного решения или другим способом прямо предусмотренного процессуальным законодательством.

В соответствии с п. 20.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» от 27 ноября 2012 № 26 при изменении приговора в апелляционном порядке суд наряду с решениями, предусмотренными ч. 1 ст. 389.26 УПК РФ, вправе, в частности, принять решения об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (ч. 8 ст. 302 УПК РФ), об изменении категории

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступления на менее тяжкую в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ, а в случае изменения категории с тяжкого преступления на преступление средней тяжести, при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, – также об освобождении осужденного от отбывания наказания.

Изменение судебного акта принятого по итогам рассмотрения дела в апелляционном или кассационном порядке следует рассматривать как способ устранения нарушения, допущенного судом нижестоящей инстанции. При изменении и отмене решения суда совершаются юридические действия, направленные на восстановление справедливости, прав и интересов отдельных участников процесса, которые ограничены и нарушены принятым неправосудным судебным решением. Отвечая на поставленный выше вопрос, следует утвердительно сказать, что изменение судебного решения также должно рассматриваться через призму уголовной ответственности, предусмотренной ст. 305 УК РФ.

Следует также отметить, что подобной позиции придерживается и судебное сообщество. Так, в письме Высшей квалификационной коллегией судей РФ от 21 июля 2010 года № ВКК-ИП 389/10 2010 году разъяснено, что квалификационная коллегия судей не дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи по ст. 305 УК РФ в случае, если вынесенный судьей судебный акт не отменен или не изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный¹.

Действующая редакция основного состава преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, наряду с судебными приговором и решением, относит к предмету преступления и иные судебные акты. Указанная законодательная формулировка порождает в следственной и судебной практике уголовно-правового противодействия рассматриваемым преступлениям известные споры о том, какие неправосудные судебные акты, вынесенные судьей, могут повлечь для него уголовную ответственность.

И приговор, и решение обладают свойствами окончательных судебных актов, вынесенных по существу рассматриваемого дела. Кроме итоговых судебных решений суд выносит и массу так называемых «промежуточных» решений. При этом большинство специалистов сходятся во мнении, что среди иных неправосудных судебных актов не может быть так называемых промежуточных судебных решений.

В. Л. Кудрявцев в своей работе отмечает, что предметом преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, являются лишь акты суда, разрешающие дело по существу, то применительно к уголовному судопроизводству

¹ Письмо Председателям квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации от 21.07.2010 № ВКК-ИП 389/10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предметом данного преступления будет лишь «итоговое судебное решение», но никак не промежуточное судебное решение¹.

Чтобы разобраться в данной ситуации, следует четко уяснить какие решения и в каких случаях являются итоговыми, а какие промежуточными. При рассмотрении конкретного дела независимо от порядка судебного разбирательства судьей принимаются промежуточные решения и выносятся окончательный (итоговый) судебный акт.

Действующие уголовное и гражданское процессуальные законодательства не содержат определения понятия «промежуточное решение». Тем не менее, Верховный Суд РФ решения по делам разделяет на итоговые и промежуточные решения.

В соответствии с п. 4 и 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 26 от 27.11.2012 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», исходя из положений ст. 389.2 УПК РФ в апелляционном порядке могут быть обжалованы не вступившие в законную силу итоговые судебные решения, а также промежуточные решения суда.

По смыслу п. 53.2 ст. 5 УПК РФ под итоговым судебным решением следует понимать приговор, определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо определение или постановление суда, вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица.

К числу таких судебных решений относятся, в частности, приговор, определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, определение (постановление) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Все определения и постановления суда, за исключением итоговых судебных решений, являются промежуточными судебными решениями (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ). К ним, в частности, относятся вынесенные в ходе досудебного производства или судебного разбирательства определения и постановления суда, которыми уголовное дело не разрешается по существу или не завершается производство в отношении конкретного лица, а также судебные решения, вынесенные в процессе исполнения итоговых судебных решений.

¹ Кудрявцев В. Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 79.

Промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу. Законность и обоснованность иных промежуточных судебных решений могут быть проверены судом апелляционной инстанции одновременно с проверкой законности и обоснованности итогового решения по делу.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 26 от 27.11.2012 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» к промежуточным судебным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу, наряду с указанными в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ относятся, например, постановление о назначении судебного заседания, вынесенное в соответствии со ст. 231 УПК РФ, с учетом положений ч. 7 ст. 236 УПК РФ; судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 127 УПК РФ); решения суда о наложении денежного взыскания и об обращении залога в доход государства (ст. 118 УПК РФ).

В соответствии с п. 67 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 22 июня 2021 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» в соответствии с пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ в суд апелляционной инстанции обжалуются определения суда первой инстанции, возможность обжалования которых специально предусмотрена ГПК РФ, а также определения, которые исключают возможность дальнейшего движения дела.

К определениям, которые исключают возможность дальнейшего движения дела, относятся, в частности, определение об отказе в принятии заявления о вынесении судебного приказа (ст. 125 ГПК РФ), определение о прекращении производства по делу (ст. 220 ГПК РФ), определение об оставлении заявления без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ). Определения, обжалование которых не предусмотрено ГПК РФ специально в отдельных нормах и которые не исключают возможность дальнейшего движения дела, исходя из положений ч. 3 ст. 331 ГПК РФ не могут быть обжалованы отдельно от решения суда первой инстанции.

К таким определениям в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 22.06.2021 «О применении

судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» относятся, в частности, определения о принятии искового заявления (заявления) к производству суда первой инстанции, о подготовке дела к судебному разбирательству, об истребовании доказательств, об объединении дел в одно производство, о выделении требования в отдельное производство, об отложении судебного разбирательства, об оставлении искового заявления без движения. Возражения относительно указанных определений суда первой инстанции могут быть включены, соответственно, в апелляционные частную жалобу, представление (например, доводы о незаконном оставлении искового заявления без движения могут быть включены в частную жалобу на определение о возвращении искового заявления).

Анализ руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации показывает, что итоговое решение – это окончательное решение суда, принятое в пределах компетенции в порядке, установленном законом по существу рассматриваемого дела. Итоговые решения подлежат обжалованию заинтересованными лицами. Очевидно, что, в случае отмены либо изменения такого судебного акта, он приобретает форму неправосудного, а поэтому всегда будет рассматриваться в качестве предмета судебного разбирательства.

С промежуточными судебными решениями не все так однозначно. Среди них следует выделять те, которые затрагивают конституционные права граждан, ограничивают их права на доступ к правосудию, рассмотрение дела в разумный срок и те, которые не влекут указанных последствий.

К числу вторых следует отнести так называемые процедурные акты, разрешающие дальнейшее движение дела (определение об оставлении искового заявления без движения и пр.). Как правило, указанные акты не могут быть самостоятельно оспорены, их обжалование возможно одновременно с итоговым судебным решением.

Более важное юридическое значение имеют промежуточные акты, которые затрагивают, перечисленные выше права граждан. К таковым следует отнести заключение подозреваемого (обвиняемого) под стражу, наложение ареста на имущество, затрагивающих общепризнанные права на свободу и собственность, соответственно, и пр. Указанные судебные решения могут приниматься судьями на досудебной стадии судопроизводства, не совсем обязательно теми, кто будет разрешать дело по существу. Такие промежуточные решения подлежат отдельному обжалованию и несмотря на то, что по делу не состоялось итоговое решение, в случае отмены или изменения, их следует рассматривать, как предмет преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

На примере уже упомянутого нами апелляционного определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2018 № 21-АПГ18-3 рассмотрим еще один вопрос, который препятствует развитию правоприменительной практики.

Квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики отказано в удовлетворении представления Председателя Следственного комитета Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении бывшего судьи Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики Нахушевой в связи пропуском срока на обращение в суд и отсутствии уважительных причин пропуска указанного срока.

Относительно данного обстоятельства Судебная коллегия по административным делам указала, что срок обращения с административным иском заявлением в суд, предусмотрен п. 2 и 6 ст. 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14 марта 2002 № 30-ФЗ (ред. от 23.07.2025).

Несмотря на наличие обстоятельств, которые могли бы служить основанием для признания причины пропуска процессуального срока для обращения в суд уважительной (в связи с обращением в Высшую квалификационную коллегию судей РФ с жалобой на оспариваемое решение квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики), суд первой инстанции обоснованно отказал в восстановлении пропущенного процессуального срока, поскольку, как установлено судом и видно из материалов административного дела, представитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации после обращения в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации с жалобой на оспариваемое решение квалификационной коллегии судей Кабардино-Балкарской Республики и принятия по своей жалобе решения об отказе в ее удовлетворении незамедлительно с соблюдением правил подсудности с настоящим административным иском заявлением в Верховный суд республики не обратился, представив административное исковое заявление в суд, спустя более одного месяца после этого, что представляется значительным и не вызванным уважительными причинами и пропуском процессуального срока.

Вопрос о сроках обжалования судебных актов, как одного из условий возбуждения уголовного дела по ст. 305 УК РФ, на наш взгляд, является «камнем преткновения» на пути решения вопроса о начале уголовного преследования судьи.

Помимо судьи, который имеет заинтересованность в вынесении неправоудного судебного акта, интерес к этому имеет, как минимум, одна из сторон, поэтому вероятность обжалования данного решения в отдельных случаях, невелика.

Очевидно что, вынося такое решение, суд преследует цель минимизировать возможность его обжалования, чтобы предотвратить угрозу отмены судебного акта. Вместе с тем на практике в отведенные сроки при проверке приговора и иного судебного решения не всегда даже профессиональным юристам, прокурору либо адвокату удается обнаружить судебные ошибки, влекущих их отмену. Чего же говорить о выявлении оснований для отмены судебного акта участниками процесса, обладающим правом обжалования, которые не владеют специальными знаниями и вовремя не воспользовались услугами представителя или защитника.

Часть 1 данного преступления отнесена к категории преступлений средней тяжести. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ срок давности за его совершение составляет 6 лет. С учетом того, что срок давности исчисляется с момента совершения преступления и до вступления приговора суда в законную силу, он может оказаться недостаточным для привлечения судьи к уголовной ответственности.

Напомним, что апелляционные сроки обжалования приговора по уголовному делу составляют 15 суток, а решения суда по гражданскому делу один месяц, кассационные сроки по указанным делам составляют 6 и 3 месяца соответственно.

При истечении данных сроков процессуальные кодифицированные источники права предусматривают возможность их восстановления, но при этом необходимо мотивировать уважительность причины пропуска срока обжалования.

По сложившейся практике вопросы восстановления срока обжалования рассматривают судьи, вынесшие решение, подлежащее оспариванию, а в уголовном процессе это напрямую закреплено в законе.

Так, согласно ч. 1 ст. 389.5 УПК РФ ходатайство о восстановлении срока рассматривается судьей, председательствовавшим в судебном заседании по уголовному делу, или другим судьей. Совершая умышленное преступление, связанное с вынесением неправосудного судебного акта, судья как никто другой заинтересован во вступлении его в законную силу и последующем исполнении, поэтому, очевидно, что принятие им решения о восстановлении срока обжалования не должно входить в его интересы. В этой связи представляется необходимым внести изменения как в уголовно-процессуальное законодательство, так и судебную практику, которыми бы исключалась возможность рассмотрения вопроса о восстановлении срока обжалования любого судебного акта судьями, принявшими данное решение.

Действующее процессуальное законодательство позволяет вступившее в законную силу окончательное судебное решение по делу отменить

с возобновлением производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Так, в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 413 УПК РФ к таковым относятся установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела. Аналогичная норма содержится в п. 3 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ.

В нашем случае на практике все совсем наоборот. Если судья, рассматривающий дело, вынес неправосудный судебный акт, то основанием для привлечения его к уголовной ответственности в силу требований ч. 8 ст. 448 УПК РФ будет служить принятие решения о его отмене или изменении.

Следовательно, первичным является отмена или изменение в установленном законом порядке судебного решения, вынесенного судьей. На наш взгляд было бы логичным дополнить содержание приведенных норм положением, позволяющим считать вновь открывшимся обстоятельством информацию, указывающую на личную или корыстную заинтересованность судьи, подтверждающуюся отдельными материалами проверки, которая в последующем при отмене оспариваемого судебного решения послужит основанием и обоснованием представления Председателя Следственного комитета Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи для обращения в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации.

В данном случае возможность отмены неправосудного судебного акта следовало бы рассматривать не как факт предрешения неизбежности уголовного преследования, а как исключительная необходимость получения правового основания для начала процедуры получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи в тех случаях, когда подтвержденная документально информация явно свидетельствует о преступной заинтересованности судьи в вынесенном им решении.

Данный состав отличается повышенными латентностью и общественной опасностью. За последний период с 2019 до 2024 годы судами России приговоры по ст. 305 УК РФ не выносились. Показатели судебной статистики в большей степени отражают не бездействие правоохранительных органов, а не эффективность борьбы с указанной преступностью.

И причинами тому, на наш взгляд, являются закрытость данной тематики, что проявляется в отсутствии методических, прикладных пособий, обзоров и обобщений судебной и следственной практики недостаточном освещении ее в ходе реализации образовательных программ по подготовке кадров и повышении уровня их квалификации, несовершенство действующего законодательства.

Научная статья
УДК 343.31

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ
ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
И ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ**

Глеб Александрович ВЛАСОВ

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия,
gleb.vlasov.00@mail.ru

Аннотация. В условиях геополитического кризиса, глобальных экономических санкций и проведения специальной военной операции возрастает угроза преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Указанное обуславливает совершенствование действующих правовых норм.

В научной статье исследуются тенденция к развитию законодателем профилактических мер воздействия на субъекты преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, государственная измена, национальная безопасность, геополитический кризис, новеллы в законодательстве, диверсия

Original article

**IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR
CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL
SYSTEM AND SECURITY OF THE STATE IN THE CONTEXT
OF GEOPOLITICAL AND GLOBAL ECONOMIC CRISES**

Gleb A. VLASOV

Tambov State Technical University, Tambov, Russia,
gleb.vlasov.00@mail.ru

Abstract. In the context of the geopolitical crisis, global economic sanctions and the conduct of a special military operation, the threat of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the State is increasing. This leads to the improvement of existing legal norms. The scientific article

examines the trend towards the development by the legislator of preventive measures to influence the subjects of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state.

Keywords: criminal law, high treason, national security, geopolitical crisis, novelties in legislation, sabotage

Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренные главой 29 УК РФ, эволюционируют от классического шпионажа к гибридным формам, таким как информационные диверсии, финансирование экстремизма и экономический саботаж.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество возбужденных дел по ст. 275 УК РФ выросло в 2023–2025 гг. в несколько раз. Объектом преступных деяний является национальная безопасность как высшее благо (ст. 70 Конституции РФ).

Глобальные экономические кризисы усугубляют ситуацию: санкции приводят к подрыву финансовой стабильности, что провоцирует внутренние угрозы в виде вербовки и диверсий. Необходимость совершенствования законодательства обусловлена Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021, подчеркивающей необходимость применения превентивных мер воздействия.

Стоит отметить, что специальная военная операция буквально «реанимировала» рассматриваемую главу УК РФ, поскольку законодатель осуществляет реформаторскую деятельность в указанной сфере в своем большинстве опираясь на правоприменение и статистические данные правоохранительных органов.

Например, вряд ли кто-то мог подумать, что в рамках действующих реалий станет актуальна ст. 280.3 УК РФ, а именно совершение публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Исторические события никогда так тесно не были сопряжены в уголовно-правовой среде: летом 2023 года (практически сразу после событий вооруженного мятежа частной военной компании «Вагнер») сформирован законопроект с расширением понятийного аппарата государственной

измены и увеличением санкции за совершение вооруженного мятежа. Также в законопроект была включена статья УК РФ об оказании помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности России.

Нельзя не отметить, что при усилении защиты рубежей Российской Федерации в лице основ конституционного строя, а также в век цифровых технологий, была усилена работа над укреплением информационной безопасности: Федеральными законами от 30 ноября 2024 № 420-ФЗ и № 421-ФЗ были внесены изменения в УК РФ, подразумевающие добавление новых статей, изменения прежних формулировок и расширения зоны санкционного воздействия, в рамках применения соответствующих статей, на субъекты преступлений.

Например, была добавлена статья 272.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения.

В указанных изменениях можно проследить деятельность законодателя по широкому охвату для возможности более субъективно инкриминировать соответствующее деяние.

В апреле 2025 года приняты ряд нормативных правовых актов, которые, в свою очередь, усилили ответственность за совершение преступлений, связанных с:

- публичными действиями, в виде дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации и иных государственных органов;
- призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц;
- оказанием содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов.

За совершение данных преступлений предусматривается также конфискация имущества.

Также Федеральным законом от 21 апреля 2025 № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации» была введена уголовная ответственность за несообщение в органы власти о преступлениях диверсионной направленности.

В результате изменений в УК РФ от 17 ноября 2025 года были существенно усилены меры уголовно-правового воздействия за совершение преступлений против государства и, в частности, снижен с 16 до 14 лет возраст

уголовной ответственности за преступления диверсионной направленности. Также исключено применение условного осуждения, и назначение наказания ниже низшего предела, отменены сроки давности уголовной ответственности.

В рамках действующей правовой системы при охране конституционного строя и безопасности государства нельзя забывать о правонарушениях, наказуемых в соответствии с КоАП РФ.

При анализе воздействия КоАП РФ на правовую среду в текущих условиях, можно отметить, что административно-деликтное законодательство составляет в настоящее время систему сдержек и противовесов, выступая своеобразным «фильтром», за чертой которой наступает уголовная ответственность.

Например, согласно статьям 15.27 и 15.27.1 КоАП РФ ведение подготовительной финансовой деятельности для оказания непосредственной поддержки деяниям террористической (экстремистской) направленности, влечет наложение административного штрафа.

КоАП РФ в данном случае оказывает УК РФ поддержку в выполнении деятельности по правовому регулированию административных процессов общества, деятельности организаций и органов власти, в рамках которых указанные деяния оперативно пресекаются.

Так, ст. 20.30 и 20.35 КоАП РФ предусматривается ответственность за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса и объектов (территорий) и объектов (территорий) религиозных организаций.

В процессе проведения исследования нами было выявлено, что более 70 % принятых в УК РФ поправок, усиливают ответственность за государственную измену, шпионаж и диверсии и иные преступления, направленные на дестабилизацию конституционного строя и безопасности государства. Думается, что значительной проблемой в настоящее время является риск чрезмерной широты толкования законодательных определений.

В связи с указанным можно отметить, что изменения в области уголовного и административного права адаптируют законодательство к кризисам, усиливая тем самым национальную безопасность Российской Федерации.

В вопросах санкционного воздействия на первопричины и сопутствующие факторы, а также на субъекты преступлений, совершенных против основ конституционного строя и безопасности государства УК РФ занимает основную позицию. При этом благодаря КоАП РФ, соблюдается система сдержек в оценке тяжести совершенного деяния и при выборе соответствующего наказания.

Уголовное законодательство находится в постоянном развитии, и в

связи со сложившейся геополитической обстановкой законодателем на постоянной основе вносятся и предлагаются те или иные новеллы, которые через систему справедливого наказания, останавливают постоянно увеличивающиеся (и модернизирующиеся) угрозы основам конституционного строя и безопасности государства.

Возможно, развитие КоАП РФ в вопросах соотношения с УК РФ в рамках профилактики противоправных деяний в сфере попыток дестабилизации основ конституционного строя и безопасности государства уменьшили бы количество преступлений, ответственность за которые предусмотрена в главе 29 УК РФ.

Успешная уголовная политика в данном вопросе непосредственно влияет на граждан. Но законодатель обращает внимание, что главная цель не наказать за преступление, а предупредить о соразмерном наказании, тем самым успешно проводя профилактическую работу в рамках правового регулирования.

Научная статья

УДК 343.352.4

РАЗГЛАШЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОММЕРЧЕСКУЮ, НАЛОГОВУЮ ИЛИ БАНКОВСКУЮ ТАЙНУ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Георгий Андреевич ВЯТКИН

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, Vyatkingeorgii@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена системному анализу проблем разграничения состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну), со смежными уголовно-правовыми нормами. Выявлена ключевая проблема – отсутствие четких законодательных и доктринальных критериев для квалификации, что порождает правовую неопределенность и ошибки в правоприменительной практике.

На основе анализа судебной практики и научных позиций различных авторов определяются критерии разграничения, основными из которых являются способ совершения преступления, характер причиняемого вреда, конечная цель виновного, субъект преступления и иерархия охраняемых законом интересов. Сделан вывод о ситуативном характере квалификации,

чрезмерно зависящей от усмотрения правоприменителя.

В качестве основного пути решения проблемы предлагается разработка и принятие Пленумом Верховного Суда РФ комплексного постановления, которое установило бы унифицированные критерии разграничения и иерархию объектов уголовно-правовой охраны для обеспечения единообразия и правовой определенности в применении ст. 183 УК РФ.

Ключевые слова: коммерческая тайна, банковская тайна, налоговая тайна, конкуренция уголовно-правовых норм, незаконное получение сведений, разглашение информации, экономическая безопасность

Original article

DISCLOSURE OF INFORMATION CONSTITUTING COMMERCIAL, TAX OR BANKING SECRETS: PROBLEMS OF DISTINCTION FROM RELATED CRIMES

Georgy A. VYATKIN

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, Vyatkingeorgii@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of the problems of distinguishing the corpus delicti provided for in Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal receipt and disclosure of information constituting a commercial, financial or banking secret) with related criminal law norms. A key problem has been identified – the lack of clear legislative and documentary criteria for qualification, which generates legal uncertainty and errors in law enforcement practice.

Based on the analysis of judicial practice and scientific positions of various authors, the criteria of differentiation are determined, the main of which are the method of committing a crime, the nature of the harm caused, the ultimate goal of the perpetrator, the subject of the crime and the hierarchy of legally protected interests. It is concluded that the situational nature of qualifications is excessively dependent on the discretion of the law enforcement officer.

As the main way to solve the problem, it is proposed to develop and adopt by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation a comprehensive resolution that would establish unified criteria for the differentiation and hierarchy of objects of criminal law protection to ensure uniformity and legal certainty in the application of art. 183 of the Criminal Code.

Keywords: commercial secret, banking secret, tax secret, competition of criminal law norms, illegal receipt of information, disclosure of information, economic security

Введение в действие ст. 183 УК РФ было направлено на формирование уголовно-правового барьера против одной из ключевых угроз современной экономики – незаконного обращения с конфиденциальной информацией. Однако законодательная конструкция состава преступления, объединяющая разнородные правовые режимы коммерческой, налоговой и банковской тайны, порождает системные проблемы в правоприменительной практике.

Центральной из них является проблема разграничения ст. 183 УК РФ со смежными составами преступлений, что обусловлено сложностью и многогранностью ее непосредственного объекта, включающего элементы экономической безопасности, отношений собственности на информацию и добросовестности конкуренции. Отсутствие четких законодательных и доктринальных критериев приводит к квалификационным ошибкам, ситуативности в применении нормы и, как следствие, к правовой неопределенности.

Сложности в определении предмета преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, проистекают из самой диспозиции нормы, которая оперирует гражданско-правовыми категориями, требующими от правоприменителя установления факта введения специального режима коммерческой тайны в соответствии с Федеральным законом «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024), в то время как для банковской и налоговой тайны такой режим устанавливается императивными нормами специального законодательства.

Эта доктринальная разнородность, как справедливо отмечает С. В. Максимов, «создает предпосылки для коллизий при разграничении, в частности, коммерческой тайны со служебной или профессиональной тайной, охраняемой ст. 137 УК РФ»¹.

Яркой иллюстрацией данной проблемы является ситуация с персональными данными клиента банка, которые одновременно подпадают под режим банковской тайны и являются персональными данными. Их разглашение формально образует совокупность преступлений, однако суды, как правило, избирают одну статью, что создает риски необоснованного смягчения или ужесточения ответственности.

Наиболее остро на практике стоит вопрос о разграничении ст. 183 УК РФ с составами преступлений в сфере компьютерной информации. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации наглядно демонстрирует, что способ совершения преступления может поглощать его предмет. В указанном деле действия лица, собиравшего и разглашавшего коммерческую информацию, были переквалифицированы с ч. 3 ст. 183 УК РФ на ст. 272 УК РФ, поскольку способ получения сведений был связан исключительно

¹ Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации и назначения наказания. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2020. С. 179.

с преодолением систем компьютерной защиты¹.

Таким образом, ст. 272 УК РФ охраняет целостность и неприкосновенность компьютерной информации как таковой, в то время как ст. 183 УК РФ вступает в действие тогда, когда умысел виновного направлен на дальнейший оборот конфиденциальных сведений в экономическом пространстве — их использование, разглашение или продажу.

Аналогичная проблематика освещена в научной статье А.В. Федорова, который подчеркивает, что «при неправомерном доступе к компьютерной информации, содержащей коммерческую тайну, происходит конкуренция уголовно-правовых норм, разрешаемая в пользу специальной нормы (ст. 272 УК РФ), если отсутствует умысел на последующее разглашение или использование именно как коммерческой тайны»².

Не менее сложным является отграничение от преступлений против собственности, в частности, от мошенничества (ст. 159 УК РФ). Критерием разграничения здесь выступает характер причиняемого вреда и конечная цель виновного. Если обманные действия были направлены на завладение самой информацией как нематериальным активом, содеянное квалифицируется по ст. 183 УК РФ.

Если же получение информации являлось лишь способом последующего завладения имуществом (например, при производстве и продаже контрафактной продукции), то такие действия могут образовывать идеальную совокупность преступлений, посягая как на отношения по охране конфиденциальной информации, так и на отношения собственности.

В своем исследовании Н. Г. Семернева указывает на то, что «судебная практика по делам о незаконном получении коммерческой тайны путем обмана или злоупотребления доверием лишь формируется, и зачастую следственные органы вменяют ст. 159 УК РФ, хотя состав преступления отсутствует ввиду отсутствия признаков хищения чужого имущества»³.

Особую группу смежных составов образуют преступления против государственной службы и интересов государственной службы. Разграничение со ст. 183 УК РФ и, например, со ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) или ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями) проводится по субъекту преступления и характеру нарушенных интересов.

Если должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции, использует свои полномочия для незаконного получения или разглашения тайны, его действия причиняют вред не только конфиденциальности

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 77-УДА22-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федоров А. В. Проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации, содержащей коммерческую тайну // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 137.

³ Семернева Н. Г. Квалификация мошенничества в сфере незаконного оборота конфиденциальной информации // Законность. 2021. № 3. С. 46.

информации, но и интересам государственной службы или интересам службы в коммерческих организациях.

В такой ситуации содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, поскольку единое деяние посягает на несколько различных объектов уголовно-правовой охраны.

Так, например, начальник отдела закупок муниципального предприятия за вознаграждение передал коммерческому партнеру коммерческую тайну – данные о заявках конкурентов. Его действия были квалифицированы по совокупности ст. 183 ч. 3 и ст. 201 ч. 1 УК РФ, поскольку он нарушил не только доверенные ему сведения, но и свои управленческие функции¹.

Отдельного внимания заслуживает разграничение состава, предусмотренного ст. 183 УК РФ, с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства, такими как государственная измена (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ) и их современными модификациями (ст. 275.1, 276.1 УК РФ).

Ключевым критерием здесь является не столько характер информации, сколько ее потенциальная ценность для иностранного государства, международной или иностранной организации. Сведения, составляющие коммерческую тайну, могут быть признаны предметом шпионажа (ст. 276 УК РФ), если они собираются по заданию иностранной разведки и передаются в целях, наносящих ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

Аналогично, разглашение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283 УК РФ), и разглашение коммерческой тайны различаются по признаку отнесения информации к одной из высших форм охраняемой секретности – государственной тайне, что регулируется Законом РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024).

Смежным является и состав ст. 189 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный экспорт товаров, технологий, научно-технической информации и услуг, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Если конфиденциальная научно-техническая информация, составляющая коммерческую тайну, подпадает под перечень контролируемых товаров и технологий, ее незаконная передача за рубеж должна квалифицироваться по ст. 189 УК РФ, а не по ст. 183 УК РФ, поскольку основной объект посягательства здесь – общественные отношения в сфере обеспечения режима нераспространения оружия массового поражения.

В контексте разграничения с преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ) ключевое значение имеет субъектный состав. Как отмечает Д. А. Коровинских, «злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204

¹ Приговор Люберецкого городского суда Московской области по делу № 1-100/2023 от 18.07.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УК РФ) часто сопряжены с разглашением коммерческой тайны, которая выступает не целью, а средством совершения другого преступления»¹.

Например, в Постановлении Президиума Московского областного суда действия коммерческого директора, передавшего технологическую документацию конкуренту за подкуп, были переквалифицированы с ч. 3 ст. 183 УК РФ на совокупность преступлений, предусмотренных ст. 204 УК РФ и ст. 201 УК РФ, поскольку основной умысел был направлен на получение незаконного вознаграждения, а разглашение коммерческой тайны явилось способом реализации этого умысла и одновременно злоупотребления полномочиями².

Проблема конкуренции норм также возникает при разграничении ст. 183 УК РФ и ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни). В эпоху цифровой экономики персональные данные становятся ключевым активом, и их массивы часто содержат элементы различных тайн.

Так, в Апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации суд указал, что незаконное распространение базы данных клиентов страховой компании, содержащей персональные данные и информацию о договорах, образует состав преступления, предусмотренный ст. 183 УК РФ, а не ст. 137 УК РФ, поскольку умысел виновного был направлен на причинение вреда деловой репутации компании и извлечение экономической выгоды, а не на нарушение неприкосновенности частной жизни конкретных лиц³.

Этот подход находит поддержку в научной литературе, где подчеркивается, что «доминирующим объектом посягательства при разглашении банковской тайны является сфера экономических отношений, даже если такая тайна включает персональные данные»⁴.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблемы разграничения ст. 183 УК РФ со смежными составами носят системный характер и коренятся в сложной природе ее непосредственного объекта, а также в законодательной технике объединения в одной норме разнородных правовых институтов.

Предмет преступления по ст. 183 УК РФ зачастую становится ситуативной переменной, зависящей не только от своей собственной природы, но и от способа посягательства, субъекта преступления и конечной цели виновного. Это приводит к тому, что квалификация становится избыточно зависимой от усмотрения правоприменителя, акцентирующего внимание на том

¹ Коровинских Д. А. Соотношение коммерческого подкупа и разглашения коммерческой тайны по уголовному законодательству России // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2022. № 1. С. 80.

² Постановление Президиума Московского областного суда от 15.03.2022 по делу № 44у-86/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2021 № 78-АПУ21-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 654.

или ином аспекте деяния.

Для преодоления сложившейся правовой неопределенности необходима системная работа по совершенствованию как законодательства, так и правоприменительной практики.

Наиболее эффективным путем видится разработка и принятие Пленумом Верховного Суда РФ комплексного постановления, которое бы установило иерархию объектов уголовно-правовой охраны и унифицированные критерии для отграничения ст. 183 УК РФ от смежных составов, включая преступления в сфере компьютерной информации, против собственности, государственной власти и безопасности государства. Такое разъяснение должно учитывать комплексный характер общественных отношений, нарушаемых незаконным получением и разглашением конфиденциальных сведений, и обеспечить единообразное понимание предмета преступления, что является залогом эффективной и справедливой уголовно-правовой политики в сфере защиты информации.

Проблемы разграничения ст. 183 УК РФ со смежными составами носят системный характер и коренятся в сложной природе ее непосредственного объекта, а также в законодательной технике объединения в одной норме разнородных правовых институтов. Предмет преступления по ст. 183 УК РФ зачастую становится ситуативной переменной, зависящей не только от своей собственной природы, но и от способа посягательства, субъекта преступления и конечной цели виновного. Это приводит к тому, что квалификация становится избыточно зависимой от усмотрения правоприменителя, акцентирующего внимание на том или ином аспекте деяния.

Научная статья
УДК 343.21

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

**Игорь Владимирович ГОНЧАРОВ¹, Антон Владимирович
ПЕТРОВСКИЙ²**

¹ Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

² Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

¹ goncharov_iv@mail.ru

² Anton-Petrovski@yandex.ru

Аннотация. Безопасность государства невозможна без действенной защиты общества, его основных интересов и ценностей, граждан от крими-

нальных деяний, как умышленных, так и неосторожных. Правопорядок, социальная и экономическая стабильность недостижимы без транспорта, функционирование которого приносит как пользу, так и вред в результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Дорожно-транспортная безопасность, как элемент безопасности государства может реализовываться в различных формах и проявлениях, в числе которых находится криминализация и пенализация. Пенализация, представляет собой законодательный процесс установления наказуемости, а также процедуру назначения наказания судами, в целях охраны общества и достижения целей уголовного наказания.

Таким образом, изучение отдельных аспектов законодательной и судебной пенализации дорожно-транспортных преступлений, в рамках настоящей статьи, позволит оценить их эффективность, а также предложить возможные направления совершенствования наказательной политики.

Ключевые слова: безопасность государства, пенализация, правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, санкция

Original article

PENALIZATION OF ACTS THAT VIOLATE ROAD TRAFFIC REGULATIONS AND TRANSPORT OPERATION IN THE CONTEXT OF ENSURING STATE SECURITY

Igor V. GONCHAROV¹, Anton V. PETROVSKY²

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russia

² Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ goncharov_iv@mail.ru

² Anton-Petrovski@yandex.ru

Abstract. National security is impossible without the effective protection of society, its fundamental interests and values, and its citizens from criminal acts, both intentional and reckless. Law and order, as well as social and economic stability, are unattainable without transportation, the functioning of which brings both benefits and harm as a result of traffic violations and vehicle operation.

Road safety, as an element of national security, can be implemented in various forms and manifestations, including criminalization and penalization. Penalization is the legislative process of establishing punishability, as well as the procedure for imposing criminal penalties by the courts, with the aim of protecting society and achieving the goals of criminal punishment.

Therefore, the study of individual aspects of legislative and judicial penalization of road traffic offenses in this article will allow us to assess their effectiveness and suggest possible areas for improving penal policy.

Keywords: state security, penalization, traffic regulations and vehicle operation, criminal punishment, other criminal law measures, sanctions

Безопасность представляет собой экзистенциальный аспект для любого государства, и по этой причине содержательная сторона этого термина является как объектом исследований, так и предметом оживленных дискуссий. В 2013 году Президентом Российской Федерации утверждается «Концепция общественной безопасности» в которой дается формулировка общественной безопасностью как состояния защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В последующем Указе Президента Российской Федерации № 208 от 13.05.2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» содержательные элементы общественной безопасности конкретизируются.

В криминологической и уголовно-правовой литературе широко используются различные вариации рассматриваемого термина, в контексте конституционной, криминологической, общественной, экономической, экологической и др. безопасности¹.

Анализ научных работ по тематике общественной безопасности, позволяет расширительно толковать указанный термин, отмечая, что безопасность обязательно должна предполагать защищенность от всех видов преступного, противоправного и антиобщественного поведения, т.е. от профессиональной, случайной, неосторожной и др. преступности². Соответственно обеспечение безопасности в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, является одним из векторов безопасности Российской Федерации в целом.

Состояние дорожно-транспортной преступности в Российской Феде-

¹ Афанасенко Ю., Кривель В. Криминологическая безопасность как элемент системы национальной безопасности и уголовной политики государства // Society and Innovations. 2022. Т. 3. № 4. С. 46–61; Иншаков С. М. Основы теории национальной безопасности. М., 2021. 363 с.; Кузнецова Н. И. Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности: дис. ... д-ра.юрид.наук. М., 2025. 469 с.; Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Кравченко А. Г. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие. М., 2011. 252 с.

² Хатуаев В. У., Солодовченко Д. Д. О сущности общественной безопасности как вида национальной безопасности в контексте интегративного подхода к пониманию права // Правосудие. 2019. № 1. Т. 1. С. 5–6.

рации можно охарактеризовать как стабильно негативное, что подтверждается общим количеством погибших и получивших травмы в результате ДТП. Обратившись к статистике, можно отметить, что количество погибших в 2019 г. составило – 16981 человек, 2020 – 15788, 2021 – 14874, 2022 – 14172, 2023 – 14504¹. Число получивших вред здоровью различной тяжести, также достаточно велико. В 2019 г. количество лиц, получивших ранения в результате ДТП, составило – 210877, 2020 – 175170, 2021 – 167856, 2022 – 159653, в 2023 – 166500.

Вывод о неблагоприятных тенденциях рассматриваемого вида преступности вытекает из общего числа пострадавших, которое, во-первых, достаточно большое – коэффициент погибших в ДТП на 100 тыс. населения в России составляет 4,9, а, во-вторых, излишне объемно, ежегодно гибнет население крупного сельского поселения.

Прогнозируя увеличение средней скорости движения, связанного с вводом в эксплуатацию скоростных магистралей федерального и регионального значения (А-289, А-113 ЦКАД), увеличением количества транспортных средств индивидуальной мобильности, старением автопарка в России в части грузовых и легковых автомобилей, можно предвидеть дальнейший рост преступлений связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Проанализируем виды дорожно-транспортных преступлений, регистрируемые в России за последние 6 лет. Их основные показатели приведены в таблице № 1 и свидетельствуют о волнообразной динамике.

Общее количество осужденных за совершение дорожно-транспортных преступлений (ст. 264–264.3 УК РФ) за период 2019–2024 гг. в Российской Федерации выглядит следующим образом². По статье 264 УК РФ в 2019 г. было осуждено 19618 чел., в 2020 – 18629 чел., в 2021 – 18217 чел., в 2022 – 17595 чел., в 2023 – 17865 чел., в 2024 – 18261 чел. По статье 264.1 УК РФ в 2019 г. было осуждено 68035 чел., в 2020 – 68438 чел., в 2021 – 66327 чел., в 2022 – 61208 чел., в 2023 – 54768 чел., в 2024 – 46569 чел. По статье 264.2 УК РФ в 2019-2021 году не было осуждено ни одного человека. В 2022 по этой статье осуждено 55 чел., в 2023 – 72 чел., в 2024 – 75 чел. По статье 264.3 УК РФ в 2019-2021 году не было осуждено ни одного человека. В 2022 по этой статье осуждено 194 чел., в 2023 – 2128 чел., в 2024 – 2356 чел. По статье 268 УК РФ в 2019 г. было осуждено 87 чел., в 2020 – 70 чел.,

¹ Здесь и далее цифры приводятся из доклада о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации, подготовленного ГУОБДД МВД России, Научного центра БДД МВД России. М., 2024. С. 2.

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 гг. / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.11.2025).

в 2021 – 62 чел., в 2022 – 67 чел., в 2023 – 100 чел., в 2024 – 174 чел.

Анализ дорожно-транспортных преступлений в Российской Федерации позволил выявить основные факторы, послужившие детерминантами совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ.

Таковыми являются: 1) незнание и несоблюдение пешеходами правил ПДД (66,9% погибших пешеходов пострадали по собственной вине) – 23,4 %; управление транспортным средством в состоянии опьянения – 23,5 %; выезд на полосу встречного движения – 26,2 %; ошибка в выборе скоростного режима – 26,8 %. Департамент ГИБДД при МВД России подчеркивает кратный рост дорожно-транспортных происшествий, совершаемых лицами, управляющими электросамокатами, гироскутерами, сигвеями (ст. 268 УК РФ). В 2023 рост данных показателей в 2,2 раза, по отношению к 2022, а в 2024 в 3,1. Стоит обратить внимание и на увеличение погибших и получивших ранение в результате аварий с участием средств индивидуальной мобильности, в 2022 погибло 19 человек, в 2023 – 43, а в 2024 – 70.

Криминализация, декриминализация, пенализация и депенализация представляют собой ключевые элементы уголовно-правовой политики. Реализация уголовно-правовой политики, особенно на стадии законотворчества предусматривает закрепление, а далее, и изменение санкции нормы, в части ужесточения, смягчения, приведение в соответствие с доктриной наказания¹. В настоящей работе криминализация и пенализация не будут рассматриваться как равнозначные понятия, не смотря на наличие научного подхода определяющего, что пенализация составной элемент криминализации².

Пенализация представляет собой процесс установления характера наказуемости криминализированных деяний законодателем, а также процесс назначения наказания в судебной практике³.

Пенализация, по мнению В. А. Якушина представляет собой отрицательную оценку государством общественно опасного деяния, а также последующую судебную оценку, определяющую меру реализации уголовной ответственности, в части ограничения прав и свобод виновного⁴.

В коллективной работе под редакцией А. И. Коробеева, под пенализацией понимается процесс определения характера наказуемости деяния

¹ Валеев М. Т. Пенализация общественно опасных деяний как теория // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 11.

² Галиакбаров Р. Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск. 1980. С.40–41; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009, С. 17.

³ Антонов И. М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью: автореф. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 7.

⁴ Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти, 2018. С. 18.

и фактической наказуемости¹. Данная позиция проф. А. И. Коробеева остается неизменной, она ранее обозначалась как в его трудах, так и в работах П. С. Дагеля, В. С. Комиссарова². Фактически пенализация представляет собой как процесс, где формой является законодательная деятельность, так и результат в виде индивидуализации наказуемости за преступление³.

Несколько иначе, к данному методу (форме) уголовно-правовой политики относится Л. Д. Гахман, определяя его как процесс установления более строгих видов или усиление строгости уголовного наказания⁴. Схожая позиция у В. В. Сверчкова, который пенализацию обозначает в виде усиления наказуемости за совершение преступного деяния в связи с изменением его социальной оценки⁵. И, согласно третьей точки зрения, пенализация – это процесс установления принципов и критериев применения уголовного наказания, формулирование его целей, определение его видов и размеров, конкретизация иных мер уголовно-правового характера, как реакции государства на преступление⁶.

Принимая во внимание различные научные позиции и концепции относительно содержания и сущности пенализации, в настоящей работе под данным понятием будет рассматриваться процесс, который определяет наказуемость преступного деяния и назначение уголовного наказания судебными органами нацеленный на защиту наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств⁷.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать существование как пенализации законодательной, так и судебной (практической) в виде следующих друг за другом этапов, а ужесточение или смягчение соответствующих санкций следует определять, как изменение интенсивности пенализации.

Об актуальности вопроса пенализации деяний, нарушающих правила дорожного движения и эксплуатации транспорта в контексте обеспечения безопасности государства говорится в государственной программе Российской Федерации, где одной из целей является уменьшение смертности на

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 117.

² Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 53; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 13; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2014. С. 44.

³ Валеев М. Т. Формы пенализации общественно опасных деяний // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 14.

⁴ Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2005. С. 35.

⁵ Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебное пособие. М., 2011. С. 43.

⁶ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 142.

⁷ Антонов И. М. К вопросу законодательной пенализации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 241; Дикаева М. С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах: криминологический анализ: монография. М., 2017. С. 15.

автомобильных дорогах¹. Важность рассмотрения аспектов пенализации преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств обусловлена многими предпосылками.

Приведем некоторые из них: 1) появление в качестве одной из мер уголовно-правового характера – судебного штрафа и его активного применения судебными органами по дорожно-транспортным преступлениям²; 2) активное использование судебными органами условного осуждения (ст. 73 УК РФ), за дорожно-транспортные преступления, которое требует соответствующей оценки; 3) при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 264–264.3 УК РФ, ст. 268 УК РФ уголовное наказание может не назначаться, а уголовные дела прекращаться по нормам Общей части (ст. 75 УК РФ, ст. 76 УК РФ, ст. 78.1 УК РФ); 4) наличие проблемы «кризиса наказания», подразумевающий, что весь спектр видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, не уменьшает криминологический рецидив – повторное совершение преступного деяния³.

Содержательная сторона пенализации предполагает в отношении лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, применение: 1) наказания; 2) иных мер уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера глава 15 УК РФ; конфискация транспортного средства п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ; судебный штраф глава 15.2 УК РФ); 3) иных мер уголовно-правового воздействия (ст.ст. 73, 75, 76, 78.1 УК РФ).

Рассматривая уголовную ответственность в качестве составной части пенализации, находящуюся с ней во взаимосвязи, как непрерывный процесс можно сформулировать концепцию современной российской наказательной политики в отношении лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления. Рассматриваемая концепция дуалистична и использует два подхода предусматривающих: 1) уголовную ответственность без наказания, которую можно определить, как исправительно-стимулирующую, и 2) назначение наказания с последующей судимостью – карательно-исправительную, последнее направление также можно подразделять на общую и связанную с особым порядком (ч. 5 ст. 62 УК РФ).

Назначение уголовного наказания судами за совершение дорожно-транспортных преступлений (ст. 264–264.3 УК РФ), особенно в части его

¹ Постановление Правительства РФ № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»» (ред. 15.10.2025) // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://base.garant.ru/70644264/?ysclid=mi0bojkjoc693117438> (дата обращения: 10.11.2025).

² Валеев М. Т. К вопросу о границах пенализации общественно опасных деяний // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 8.

³ Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. СПб., 2018. С. 417–419; Шестаков Д. А. Наказание по Уголовному кодексу России: признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1 (6). С. 12.

индивидуализации всегда вызывало, и скорее всего, будет вызывать немало нареканий, и как следствие, порождать различные научные толкования уголовного закона.

В России присутствует два разнополярных подхода. Сторонники первого ратуют за жесткую наказательную политику, активное применение иных мер уголовно-правового воздействия, а другие полагают, что излишняя репрессивность только маргинализирует население, особенно, совершивших преступления по неосторожности и предлагают заменять уголовное наказание гражданско-правовыми институтами, введением механизмов медиации и финансовой компенсации потерпевшим (жертвам)¹. Соответственно требуется научное понимание желания законодателей сделать большими по объему санкции, а может быть максимально размытыми, в статьях, предусматривающих уголовную ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений.

Данные о наказаниях за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ в Российской Федерации за период 2020–2024 гг. выглядят следующим образом.

Всего по ст. 264 УК РФ было осуждено в 2020 – 7697 чел., в 2021 – 8076 чел., в 2022 – 8370 чел., в 2023 – 8118 чел., в 2024 – 8915 чел. По ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ было осуждено в 2020 – 4517 чел., в 2021 – 4608 чел., в 2022 – 4667 чел., в 2023 – 4626 чел., в 2024 – 4902 чел. Из них к лишению свободы осуждено в 2020 – 453 чел., в 2021 – 544 чел., в 2022 – 577 чел., в 2023 – 594 чел., в 2024 – 440 чел.

Условно с испытательным сроком осуждено в 2020 – 943 чел., в 2021 – 1 088 чел., в 2022 – 993 чел., в 2023 – 954 чел., в 2024 – 926 чел. К исправительным работам и штрафу осуждено в 2020 – 160 чел., в 2021 – 194 чел., в 2022 – 176 чел., в 2023 – 194 чел., в 2024 – 216 чел. К другим видам наказания осуждено в 2020 – 2 961 чел., в 2021 – 2 782 чел., в 2022 – 2 921 чел., в 2023 – 2884 чел., в 2024 – 3320 чел.

По ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ всего осуждено в 2020 – 2792 чел., в 2021 – 3032 чел., в 2022 – 3234 чел., в 2023 – 3088 чел., в 2024 – 2792 чел. Из них к лишению свободы осуждено в 2020 – 1632 чел., в 2021 – 1801 чел., в 2022 – 1982 чел., в 2023 – 1745 чел., в 2024 – 1638 чел. К другим видам наказания по 3 и 4 ст. 264 УК РФ осуждено в 2020 – 1160 чел., в 2021 – 1231 чел., в 2022 – 1252 чел., в 2023 – 1343 чел., в 2024 – 1887 чел.

По ч. 5 и 6 ст. 264 УК РФ всего осуждено в 2020 – 388 чел., в 2021 –

¹ Намнясев В. В. Отдельные проблемы назначения наказания за совершение дорожно-транспортных преступлений лицами, находящимися в состоянии опьянения // Успехи современной науки. 2016. № 11. Том 6. С. 103–105; Сидорова Е. З. О предупреждении дорожно-транспортных преступлений // в сб: международная научно-практической конференции «Уголовно-правовое воздействие». Курск, 2025. С. 73–75.

436 чел., в 2022 – 469 чел., в 2023 – 404 чел., в 2024 – 488 чел. Из них к лишению свободы осуждено в 2020 – 314 чел., в 2021 – 365 чел., в 2022 – 380 чел., в 2023 – 327 чел., в 2024 – 377 чел. К другим видам наказания по 5 и 6 ст. 264 УК РФ осуждено в 2020 – 74 чел., в 2021 – 71 чел., в 2022 – 89 чел., в 2023 – 77 чел., в 2024 – 111 чел.

На примере деятельности судов Российской Федерации по наказанию лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ за 2020–2024 гг., предпримем попытку анализа политики судебной пенализации ст. 264 УК РФ.

Изучение статистических данных позволяет предположить, что судами по ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ зачастую выбираются иные меры уголовно-правового характера – судебный штраф, либо иные меры уголовно-правового воздействия – условное осуждение, которые составляют, в среднем 88,4 % от всех вынесенных приговоров.

Важно отметить, что наказание по ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ, связанное с лишением свободы в рассматриваемый период, демонстрирует различные величины, то уменьшаясь, то возрастая, и вновь снижаясь до 9,0 % в 2024 г.

Благожелательный подход к наказанию лиц, совершивших деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ, подтверждает факт, применения судами ст. 64 УК РФ – назначение более мягких видов наказаний, не предусмотренных санкциями (исправительных работ и штрафов, в среднем в 3,9 % случаев).

Полагаем, что рассчитанная на применение в исключительных случаях, ст. 64 применяется чрезмерно часто (в 2023 – 4,1 % всех приговоров, в 2024 – 4,4 %). И, исходя из содержания санкции, преобладающий вид наказаний, назначаемый за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ – это принудительные работы, совмещенные с запретом заниматься определенной деятельностью, в нашем случае – управлением транспортным средством.

Относительно лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ следует отметить изменение судебной пенальной политики. В среднем 58,8 % виновным, причинившим смерть по неосторожности, в результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, суд назначал наказание в виде лишения свободы.

Тем не менее, изучая динамику можно констатировать изменение подхода, в 2022 г. он был наиболее репрессивен, количество осужденных к лишению свободы тогда достигло своего максимума – 61,2 %. А к 2023 г. наказательная политика стала постепенно становиться мягче, и только 56,5 %, было осуждено к наказанию, связанному с изоляцией от общества.

Важно отметить, что в отношении лиц, совершивших деяний,

предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 264 УК РФ, также прослеживается тенденция к преобладанию условного осуждения. В судебной практике присутствует много примеров, когда за схожие деяния, повлекшие одинаковый вред, к одинаково характеризующимся виновным лицам, назначались кардинально различные наказания.

Даже к лицам, совершившим деяния, предусмотренные ч. 5 и 6 ст. 264 УК РФ государство, демонстрирует постепенно смягчающуюся репрессию, так в колонии-поселения и исправительные учреждения в 2020 г. было направлено 80,9 % осужденных по рассматриваемым составам, 2021 – 83,7 %, 2022 – 83,1 %, 2023 – 80,9 %, 2024 – 77,2 %.

Подводя итог необходимо отметить, что пенализация преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в России требует осмысления.

Необдуманное расширение и ужесточение репрессии может дать определенный временный результат, но решить вопрос предупреждения, а главное восстановления – компенсации жертве или его близким пока не способно. Процесс формирования политики в целом, и применения санкций, в частности, должен базироваться не только на уголовно-правовых, но и конституционных принципах (права потерпевших должны быть обеспечены, а причиненный ущерб компенсирован). При конструировании санкций отдельной взятой уголовно-правовой нормы следует учитывать то, как содержание, и дальнейшее ее изменение будут влиять на всю пенализацию, т. е. следует соблюдать условие, когда относительная строгость наказания должна проецироваться на освобождение от уголовной ответственности, и наоборот.

Для достижения указанной цели представляется необходимым теоретически разработать модель, которая определит общие критерии построения санкций для всех дорожно-транспортных преступлений, особенно для ст. 264 УК РФ и 268 УК РФ).

Кроме того, следует актуализировать вопрос о политике судебной пенализации за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264–264.3, 268 УК РФ женщинами, инвалидами, военнослужащими, а также несовершеннолетними, управляющими СИМаи, особенно когда это повлекло последствия, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 168 УК РФ.

**ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 280 УК РФ):
МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Марина Андреевна ДВОРЖИЦКАЯ

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Россия,
dvorzhickaya91@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что при уголовно-правовой оценке публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности могут возникнуть сложности, связанные с наличием в них оценочных признаков, которые не полностью урегулированы правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации.

Делается вывод о том, что необходимо обобщение правоприменительной практики по данным вопросам и уточнение этих признаков на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: публичность, призывы, экстремистская деятельность, обращение, оценочные признаки

Original article

**PUBLIC CALLS FOR EXTREMIST ACTIVITY (ARTICLE 280
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION):
LAW ENFORCEMENT MONITORING**

Marina Andreevna DVORZHITSKAYA

Northwest Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia, dvorzhickaya91@mail.ru

Abstract. The article notes that in the criminal legal assessment of public calls for extremist activity, difficulties may arise due to the presence of evaluative features in them that are not fully regulated by the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation.

It is concluded that it is necessary to generalize law enforcement practice on these issues and clarify these features at the level of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: publicity, appeals, extremist activity, appeal, evaluative signs

Вопросы ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) в настоящее время приобретают особую актуальность. Борьба с экстремизмом – это одно из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в части обеспечения национальной безопасности. В условиях современности эта борьба становится особенно важной, поскольку распространение подобных обращений, деструктивно воздействующих на население, может происходить мгновенно и повсеместно без значительных усилий, благодаря использованию сети «Интернет».

В этой связи имеется необходимость эффективного применения уголовного законодательства для защиты основ конституционного строя и обеспечения общественной безопасности, что невозможно без анализа доктринальных разработок и судебных решений, включая Постановления Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, которые способствуют единообразному толкованию и применению правовых норм.

В 2024 году по двум частям ст. 280 УК РФ было осуждено 215 человек; в 2023 – 185; в 2022 – 276; в 2021 – 255; 2020 – 147. Из указанных данных следует, что количество фактов осуждений по данной статье демонстрирует колебательную динамику: в период до начала 2022 года наблюдается рост, затем с 2022 по 2023 год отмечается снижение, после чего к 2024 году снова происходит увеличение¹.

Следует отметить, что в основном, лица осуждаются по ч. 2 ст. 280 УК РФ. Так, в 2024 году по первой части ст. 280 УК РФ было осуждено 12 человек, по второй – 203; в 2023 – 10 и 175; в 2022 – 12 и 264; в 2021 – 13 и 242; 2020 – 12 и 135, соответственно.

Статистические показатели свидетельствуют о том, что подобные действия, особенно совершаемые в сети «Интернет», становятся все более распространенными, их легче совершить, не выходя из дома. Информация быстро распространяется среди населения, что повышает степень общественной опасности таких действий и влечет более строгую ответственность по части 2 ст. 280 УК РФ.

Показатель количества оправданных лиц по статье 280 УК РФ демонстрирует следующую ситуацию: в 2024 году по первой части ст. 280 УК РФ было оправдано 0 человек, по второй – 0; в 2023 – 0 и 2; в 2022 – 0 и 0; в 2021 – 1 и 1; 2020 – 0 и 1, соответственно.

¹ Данные статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (Дата обращения: 18.11.2025 г.).

Представленные данные показывают, что в некоторых случаях лица, обвиняемые по данной статье, были оправданы, за 5 лет было вынесено 5 оправдательных приговоров. В первую очередь это касается случаев, когда противоправные действия были совершены с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении указал на то, что положения статьи 280 УК РФ не содержат неопределенности, которая могла бы лишить лицо возможности осознавать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение¹.

Кроме того, данная норма не препятствует ее единообразному пониманию и применению правоприменительными органами. Тем не менее, количество оправдательных приговоров, а также мнения специалистов демонстрируют вывод о том, что при уголовно-правовой оценке данного преступления могут возникнуть сложности, связанные с наличием в нем оценочных признаков.

Объективная сторона исследуемого преступления представлена общественно опасным деянием в виде действия, которое выражено в виде осуществления публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

Отсюда можно выделить 4 признака, характеризующих данное действие: во-первых, оно представляет обращение к другим лицам; во-вторых, это обращение является открытым, гласным, то есть осуществляется публично; в-третьих, содержащаяся в обращении информация, носит призывной характер, нацелена на активизацию воли граждан и направлении их действий в определенное направление; в-четвертых, сами призывы носят экстремистскую направленность.

Как показывает практика и научные работы по данной тематике, наибольшие трудности при оценке подобного деяния вызывает его объективная сторона, которая устанавливается и оценивается, в том числе через субъективные признаки.

Так, в статье 280 УК РФ действие описывается с использованием термина «призыв», который в толковом словаре имеет значение – лозунг, лаконичное обращение, включающее руководящую политическую идею, требование, просьбу или мольбу².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 1242-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бондаренко Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 205.2 и частью второй статьи 280 УК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических

Отсутствие в содержании обращения призывов, с учетом заключения судебной экспертизы, содержащих совокупность лингвистических и психологических признаков побуждения, свидетельствует об отсутствии состава исследуемого преступления.

Призывы – это не любые утверждения, включающие высказывания об осуществлении экстремистской деятельности. Эти высказывания представляют собой целенаправленные действия, которые необходимо отграничивать от выражения личной позиции, в том числе озвученной в семейных, дружеских и научных беседах и спорах для поиска ответов на обсуждаемые вопросы.

В этой связи в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» подчеркнуто то, что «высказывание суждений и умозаключений, ... в научных или политических дискуссиях и текстах и не связанных с реализацией намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или действий» не считается призывом в контексте статьи 280 УК РФ.

В подобных ситуациях участники стремятся к обсуждению научных вопросов и поиску путей их решения, высказыванию собственного мнения, анализу точек зрения других людей, оценке текущей ситуации и т. д. Однако в случае обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности, отнесенной к таковой положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), лицо должно быть привлечено к ответственности в соответствии с рассматриваемой статьей.

В свою очередь, специалисты отмечают, что призывы могут быть прямыми и завуалированными (косвенными)¹. Как правило, практике известны ситуации, когда в содержании текста содержатся прямые и явные призывы, которые выражены с помощью определенных грамматических конструкций и специальной лексики, в частности, глаголов в повелительном наклонении. Это еще раз подтверждает их прямой побудительный характер².

Так, например, гражданин К., был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ. Деяние гражданина К.

выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2019. С. 888.

¹ Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=SoWzy4VIU4mVoHI5> (Дата обращения: 18.11.2025 г.).

² Уголовное преследование терроризма: монография / В. А. Бурковская, Е. А. Маркина, В. В. Мельник и др. М.: Юрайт, 2008. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/podsudnost_ugolovnyh_del_po_ch.3_st.327_uk_rf/ (Дата обращения: 18.11.2025 г.).

выразилось в размещении в одном из сообществ в социальной сети «ВКонтакте» комментария, наполненного прямыми лингвистическими признаками побуждения¹.

Однако мнения ученых расходятся относительно оценки косвенного призыва, который может быть завуалированным. Одни авторы убеждены в том, что такой призыв может оцениваться по ст. 280 УК РФ, к примеру, если он доводится путем демонстрации определенного фото или видео контента, в том числе с субтитрами или без них, или когда смысл текста дополняется рисунком².

Другие авторы указывают на то, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола и т.д., без явных призывов требуют оценки по статье 282 УК РФ³.

В контексте ст. 280 УК РФ призыв может быть представлен в завуалированной форме. В связи с этим, учитывая позицию Верховного Суда Российской Федерации, необходимо всесторонне рассмотреть все обстоятельства уголовного дела. В частности, оценке подлежит контекст обращения, опубликованные в связи с ним фотографии или видеофайлы, наличие и суть комментариев, а также заключения комплексных психолого-лингвистических экспертиз на предмет выявления в подобном контенте завуалированного призыва, способного побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности.

Так, например, Л., признанный виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ, на личной странице в социальной сети опубликовал видеозапись, в которой содержались публичные призывы совершению агрессивных, враждебных или насильственных действий с целью сорвать проведение выборов. При этом он сопровождал эту видеозапись комментарием с изображением пиктограмм, демонстрирующим поддержку и солидарность содержанию видеозаписи⁴.

В свою очередь, косвенные и скрытые призывы при недоказанности умысла на побуждение лиц к совершению экстремистской деятельности могут быть квалифицированы по ст. 282 УК РФ в части возбуждения вражды.

Практике известны варианты квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ. Так, Ю. признан

¹ Приговор Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга по ч. 2 ст. 280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS> (Дата обращения: 18.11.2025 г.).

² Власова О. Б. Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9(51). 123–125.

³ Яни П. С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11–16.

⁴ Приговор Первого Западного окружного военного суда Санкт-Петербурга по ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS> (Дата обращения: 10.12.2025 г.).

виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280, п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Ю., испытывая ненависть к системе органов государственной власти, а также к группе лиц, выделяемой по признаку одной из национальностей, в канале «Telegram», в котором находилось не менее 22815 пользователей, и к которому имел доступ неограниченный круг лиц, увидев запись, разместил в комментариях к вышеуказанной записи самостоятельно высказанные им голосовые сообщения, которые содержат совокупность, как лингвистических, так и психологических признаков, как возбуждения вражды (в частности в форме латентного призыва, ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку одной из национальностей, а также призывы к совершению насильственных действий в отношении данных лиц¹.

Проанализированные выдержки из судебных решений, имеющиеся в открытом доступе, свидетельствуют о том, что, в основном, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ лица осуществляли прямые призывы, озвучивая их устно, размещая их у себя на страницах в социальных сетях или на страницах других пользователей, мессенджерах или на сайтах, либо оставляя комментарии под публикациями других лиц.

Так, например, гражданин К. был осужден по ч. 2 ст. 280 УК РФ в связи с тем, что разместил в одном из сообществ в социальной сети «ВКонтакте» комментарий с призывами к экстремистской деятельности². В свою очередь С. был осужден ввиду того, что разместил в своих аккаунтах текстовые сообщения с призывами к осуществлению экстремистской деятельности³ и т. д.

Несмотря на то, что в диспозиции употребляется слово «призывы» во множественном числе практика идет по пути ограничительного толкования, и показывает, что одного безуспешного обращения достаточно для привлечения к ответственности по ст. 280 УК РФ.

Единичный призыв к совершению экстремистской деятельности причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны и может не только вызвать у населения представление о допустимости подобных действий, но и простимулировать их к их совершению. Если лицо одновременно призывает к осуществлению террористической и экстремистской деятельности,

¹ Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга, Ю. по ч. 2 ст. 280, п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS> (Дата обращения: 10.12.2025 г.).

² Приговор Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга по ч. 2 ст. 280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS> (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ Приговор Первого западного окружного военного суда по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

то в случае реальной совокупности содеянное квалифицируется по ст. 280 УК РФ и ст. 205.2 УК РФ.

Так, К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, за то, что он посредством администрирования своей учетной записи в одной из социальных сетей, написал в открытом пространстве комментарии к статьям, включающим признаки публичных призывов к осуществлению, как террористической, так и экстремистской деятельности¹. В противном случае, если лицо призывает к террористической деятельности, содеянное квалифицируется исключительно по ст. 205.2 УК РФ, содержащей, по нашему мнению, специальную норму.

В научной литературе обсуждается вопрос относительно оценки «лайков» и «репостов» при оценке публично-призывной деятельности в сети «Интернет». Под лайком понимается одобрение опубликованного контента. Под репостом понимается размещение ссылки непосредственно на информацию в источнике первичного размещения; повторное буквальное цитирование первоначального сообщения путем его пересылки либо копирования².

В условиях активного использования социальных сетей подобные действия стали широко распространены и случаи привлечения к уголовной ответственности за «лайки» и «репосты» вызвали общественный резонанс³.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2021 году во время прямой линии выступил с обращением не допускать того, чтобы ситуация с наказанием за лайки и репосты дошла до абсурда и маразма⁴. В связи с чем в 2021 году Верховным Судом России были уточнены вопросы оценки поведения лица в сети «Интернет».

Некоторые ученые убеждены в том, что «репост» и «лайк» нельзя рассматривать как призывы к совершению экстремистской деятельности⁵.

Следует признать, что «лайк» вряд ли может рассматриваться как призыв, в то время как репост, напротив, может содержать в себе обращение, поскольку он оказывает более интенсивное воздействие на аудиторию.

¹ Приговор Первого западного окружного военного суда по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2022 № 1-УДП22-10-КЗ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2016 № 44-АПУ16-17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ СПЧ сообщил о четырехкратном росте приговоров за экстремизм с 2011 года // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3720243>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁴ Путин В. В. предложил смягчить статью об экстремизме // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3759155>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁵ Ситникова М. П. Статьи 280 и 282 УК РФ: Инструмент защиты государства или вызов современному обществу // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С. 95.

Репост сам по себе не является призывом к экстремистской деятельности. Однако в зависимости от контекста и содержания цитируемого контента, который может содержать призывы к экстремистской деятельности, репост может быть воспринят как таковой. Кроме того, следует учитывать и другие факторы, которые могут свидетельствовать о наличии у лица умысла на призывы к экстремистской деятельности.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывается, что размещение лицом в сети «Интернет», в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по статье 280 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности.

При определении наличия умысла необходимо учитывать совокупность обстоятельств уголовного дела, включая объем, частоту, форму и содержание размещенного контента, его контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или отношения к ней, кто был автором контента, содержание всего контента размещенного лицом на странице, поведение лица до и после размещения сведений, включая действия, направленные на расширение пользовательской аудитории, данные о личности лица.

Так, например, Г., являясь активным пользователем, в социальной сети, заведомо зная правила пользования сети, ставя «репост» на понравившейся публикации, он тем самым размещает данную публикацию на своей странице, обеспечивая другим пользователям социальной сети «ВКонтакте» возможность беспрепятственного и свободного просмотра размещенной им информации, достоверно зная, что используемая им страница учетной записи открыта для общего доступа и просмотра размещенной на ней информации другим пользователям социальной сети «ВКонтакте» и иным лицам, используя принадлежащее ему техническое устройство с доступом к сети «Интернет», с целью воздействия на сознание и волю неограниченного круга лиц и формирования у них негативного отношения, осознавая публичный характер и общественную опасность своих действий, осуществил «репост» публикации пользователя социальной сети «ВКонтакте» и написал под ней информационный комментарий тем самым совершил действия, направленные на распространение вышеуказанной публикации и информационного комментария неопределенному кругу лиц путем их размещения

на странице своей учетной записи¹.

В законодательстве не предусмотрено ограничений в отношении формы призыва, что также подтверждается высшей судебной инстанцией. Призыв может быть выражен как в устной, так и в письменной форме, а также с использованием технических средств. Традиционные формы призыва включают в себя очные выступления на митингах, распространение печатных материалов и использование средств массовой информации, размещение призывов в общедоступных местах. Современные формы включают в себя публикации в социальных сетях и на новостных лентах, текстовые, аудио комментарии в социальных сетях, а также видеотрансляции в мессенджерах.

Практика показывает то, что в основном, сегодня распространены цифровые формы призывов. Так, К. разместил комментарий с публичными призывами к экстремистской деятельности в одной из групп социальной сети «ВКонтакте»².

И. разместил в публичной группе в мессенджере «Телеграм» содержащие призывы к экстремистской деятельности комментарии к видеороликам³.

Реже встречаются и простые формы призывов, когда подобный действия осуществляются без использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». К примеру, А. разместил на внутренних стенках туалетных кабинок общественного пользования, в письменной форме путем нанесения надписей маркером с красящим веществом публичные призывы, выразившееся в определенных надписях, обращенные к неопределенному кругу лиц из числа сотрудников завода, содержащие призыв к осуществлению экстремистской деятельности⁴.

Дискуссии в научных кругах и трудности при оценке на практике возникают относительно признака публичности призывов. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» обращается внимание на то, что: 1) публичный призыв – это обращение к другим лицам (абз. 1 п.); 2) при оценке публичности

¹ Приговор Кировского районного суда г. Томска по делу Дело № 1-65/2025 от 19.02.2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yGMdBvNzCQ1w/?page=7&regular-txt=&regular-case_doc (Дата обращения: 18.11.2025 г.).

² Приговор Первого западного окружного военного суда по ч.2 ст.205.2 УК РФ, ч.2 ст.280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга по ч. 2 ст. 280 УК РФ (2 эпизода) // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁴ Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга по ч.1 ст.280 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга. URL: <https://web.telegram.org/k/#@SPbGS>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

следует учитывать совокупность обстоятельств, обращая внимание на место, способ, обстановку и другие обстоятельства дела (абз. 3 п. 4); 3) обращение предназначено для последующего ознакомления с информацией других лиц (п. 6.1); 4) в призывах не содержатся побуждения к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний в отношении определенных лиц (п. 6.2).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» публичность определяется, как предоставление неограниченному числу лиц возможности просмотра советующих материалов (абз. 3 п. 22), размещении информации на личных страницах и на страницах групп пользователей (абз. 4 п. 22), предоставление доступа к такой информации широкому кругу лиц (п. 23).

В одном из решений по статье 205.2 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации отметил, что определяющим для квалификации по ст. 205.2 УК РФ является размещение контента в обстановке, доступной для ее восприятия неограниченного числа пользователей (в том числе в сети «Интернет»)¹.

По другому уголовному делу Верховный Суд Российской Федерации указал, что публичность деяния не исключается на закрытой для доступа и использования неопределенного кругом лиц территории, поскольку в диспозиции ст. 205.2 УК РФ нет указания на место. Кроме того, при оценке признака публичности определяющим является не место, а количество лиц (2 и более адресата), которым они адресованы².

Приведем еще одно решение, согласно которому М. был осужден военным судом по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, дважды по ч. 2 ст. 280 УК РФ. Деяние М. выразилось в том, что он размещал в мессенджере в чат-группе из более 800 участников текстовые комментарии, опубликовав материал с оправданием деятельности террористических организаций и разместив комментарии с призывами к насильственным действиям в отношении социальной группы. Публикации имели многочисленные просмотры и были доступны широкому кругу лиц. Сторона защиты настаивала о частном характере переписки. Однако Верховный Суд Российской Федерации отклонил выводы суда о частном характере переписки, указав, что размещение материалов в общедоступном канале мессенджера с аудиторией 800+ участниками

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 225-АПУ19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 225-АПУ19; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2021 № 222-УД21-45-Аб. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

носило публичный характер, М. намеренно доносил информацию до аудитории, удаления комментариев спустя некоторое время не отменило их публичность¹.

Учитывая изложенные позиции Верховного Суда Российской Федерации, можно прийти к выводу, что призывы к экстремистской деятельности будут публичными, если: 1) обращение к публике происходит открыто; 2) направлено к другим лицам, как минимум к группе из двух человек, либо к неограниченному кругу лиц; 3) оно должно быть адресовано, как правило, не персонифицированному кругу лиц; 4) размещение обращения с публичным призывом, комментариев или постов нацелено на последующее их восприятие неопределенным кругом лиц или участников группы в социальной сети, мессенджере и т.д.; 5) форма обращения должна быть ясной и доступной для восприятия аудиторией; 6) публичность устанавливается независимо от фактического числа лиц, ознакомившихся с информацией; 7) обращение не должно быть направлено на совершение конкретными лицами конкретного преступления.

П. В. Агапов, при оценке признака публичности ставит под сомнение такой критерий, как наличие не персонифицированной публики (имеющий значения для оценки подстрекательства к преступлению), и отмечает, если виновный обращает призывы к нескольким адресатам, не зная их персонально и количественно, то признак публичности однозначно имеет место быть. Если виновный обращает призывы ко множеству адресатов, зная их персонально и количественно (например, преподаватель на лекции в аудитории), не склоняя данных лиц к конкретным преступлениям, то признак публичности также может быть установлен. Соглашаясь с данным автором, подчеркнем, что признак публичности в статье 280 УК РФ является оценочным. Ведущим для его оценки критерием является количественный признак, группа людей, 2 и более человека, остальные дополнительные критерии публичности в каждом конкретном случае определяются с учетом разных факультативных признаков², в том числе места, способа, обстановки и других обстоятельств дела, на что указывает Верховный Суд Российской Федерации.

Подводя итог, отметим, что при уголовно-правовой оценке публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности могут возникнуть сложности, связанные с наличием в них оценочных признаков, которые не полностью урегулированы правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации, что диктует необходимость обобщения правоприменительной практики и уточнения критериев определения этих признаков.

¹ Кассационное определение № 222-УД25-42-А6 от 20.11.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ / под ред. П. В. Агапова. Москва : Проспект, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Роман Алексеевич ЗАБАВКО

Федеральный исследовательский центр Иркутского института химии
имени А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Иркутск, Россия, zrairk@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы обеспечения технологической безопасности Российской Федерации. В частности, автор указывает на недостатки смежных правовых норм, с помощью которых осуществляется правовое регулирование обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, определен перечень преступлений, совершение которых нарушает технологическую безопасность, исследован их предмет.

В число таких преступлений включены ст. 183, 275 и 276 УК РФ. Отмечается, что законодатель необоснованно применяет разные подходы для описания признаков родственных составов промышленного и государственного шпионажа.

Сделан ввод о необходимости оптимизации системы рассматриваемых преступлений, оптимизации правового описания некоторых их признаков.

Ключевые слова: технологическая безопасность, технологический суверенитет, шпионаж, коммерческая тайна, государственная тайна

Original article

TECHNOLOGICAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SOME FEATURES OF ITS CRIMINAL LAW PROTECTION

Roman A. ZABAVKO

Federal Research Center of Irkutsk Institute of Chemistry
named after A. E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences, Irkutsk, Russia, zrairk@gmail.com

Abstract. The article examines some issues of ensuring the technological security of the Russian Federation. In particular, the author points out shortcomings in the relevant legal norms used to regulate the technological sovereignty of the Russian Federation.

A list of crimes that violate technological security is defined, and their elements are analyzed. Such crimes include those under Articles 183, 275, and 276 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that the legislature unjustifiably applies different approaches to describing the elements of related offenses of industrial and state espionage.

The conclusion is made about the need to optimize the system of the crimes in question and to refine the legal description of some of their elements.

Keywords: technological security, technological sovereignty, espionage, commercial secret, state secret

Технологическая безопасность – очень важный элемент государственной безопасности, однако его законодательное закрепление в настоящий момент не предусмотрено. Ближайшим «околонормативным» определением является дефиниция, которая закреплена в «Глоссарии модельного законодательства для государств – участников Содружества Независимых Государств в области интеллектуальной собственности».

В соответствии с ним, «технологическая безопасность – обеспечение устойчивости высоких технологий при осложнениях, возникающих в связи с неблагоприятными тенденциями или конкретными событиями в государстве»¹.

Такое толкование можно признать эффективным лишь отчасти: обеспечение устойчивости высоких технологий, действительно, важно, но оно давно уже «отвязано» от «осложнений и неблагоприятных тенденций» и в сложившихся геополитических условиях давно является элементом стратегической безопасности Российской Федерации.

Как показали события последних лет, важным элементом технологической безопасности Российской Федерации является технологический суверенитет, то есть состояние полной технологической независимости от иностранных государств, международных, зарубежных и отечественных корпораций и отдельных лиц, позволяющее органам государственной власти Российской Федерации самостоятельно принимать политические, экономические, социальные и иные решения, реализовывать их в полном объеме на основе национальных интересов, однако даже его определения нет ни в одном нормативном правовом акте².

¹ Постановление 37-17 от 17 мая 2012 г. 37-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. подробнее: Чердаков О. И. Технологический суверенитет – гарантия безопасности государства

Это предусматривает, прежде всего, способность государства контролировать современные технологии, выпускать высокотехнологическую продукцию, создавать для нее развитую инфраструктуру, внедрять ее плоды во все сферы жизнедеятельности общества¹.

Между тем, элементом технологического суверенитета является технологическая безопасность, в отношении которой должна быть организована эффективная защита всеми доступными методами, в первую очередь, посредством закона, в том числе уголовного.

Определение технологической безопасности Российской Федерации также не предусмотрено законодательно, она даже не называется в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, хотя в ней говорится о экономической безопасности, экологической безопасности, общественной безопасности, информационной безопасности, хотя в предыдущих Стратегиях говорилось о технологическом компоненте национальной безопасности.

Нужно отметить, что законодательное определение данной категории принципиально важно для выстраивания системы организационных и правовых мер защиты. В этой связи мы поддерживаем призывы исследователей о законодательном закреплении термина «технологическая безопасность»².

Обобщая имеющиеся научные определения, технологическую безопасность следовало бы определить как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз технологического характера, позволяющее государству стабильно развивать, производить, внедрять современные технологии, осуществлять на ними контроль и независимость от иных субъектов, обеспечивая тем самым стабильное развитие общества и экономики на конкурентном в мировой среде уровне.

В условиях обострившееся геополитической конкуренции технологическое соперничество государств, не продолжающееся уже веками, приобрело новые формы, а с учетом увеличения скорости развития и внедрения технологий обрело новые формы и значительно подняло ставки. Государства стремятся не просто развивать своих технологии, но и получить в распоряжение достижения соперников, нивелируя их усилия в данной сфере

// Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 2-7; Карцхия А. А. Технологический суверенитет и энергетическая безопасность // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 39–44. и др.

¹ Коптева Л. А., Игишев А. В., Сбитнев Н. А. Обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: реалии и новые возможности // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 5. С. 26-46; Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2193–2212 и др.

² Оболенская Л. В., Бекулова С. Р., Абдикеев Н. М. Актуализация документов стратегического планирования в контексте технологической безопасности // Безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 43–48.

и заполняя пробелы в собственных наработках.

В таких условиях высокие технологии, как и режим конфиденциальности, связанный с их обращением – важные элементы технологической безопасности Российской Федерации.

Таким образом, защита технологической безопасности – важный аспект государственной политики, с учетом важности осуществляемый в том числе и методами уголовного права.

В настоящий момент инструментарий для уголовно-правовой защиты технологической безопасности достаточно небольшой и обеспечивается составами, устанавливающими ответственность за нарушение режимов государственной и коммерческой тайны.

К числу преступлений, совершаемых в отношении засекреченных сведений, посягающих на технологическую безопасность, можно отнести ст. 275 УК РФ (Государственная измена), ст. 276 УК РФ (Шпионаж), ст. 183 УК РФ (Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). При этом состав государственной измены включает в себя не только посягательства на критически важную с точки зрения технологической безопасности информацию, но и другие деяния, однако в контексте данной работы мы рассмотрим только эту часть данного преступления.

Несмотря на то, что, предусмотренные статьями 275, 276 УК РФ и ст. 183 УК РФ имеют разные родовые и видовые объекты, в них много общего и в отдельных случаях посягательства на коммерческую тайну могут превращаться в преступление против безопасности государства.

Вместе с тем, предмет – во всех трех составах сведения, которые должны быть сохранены в тайне – фактически в них не одинаков. Так, предметом государственной измены и шпионажа может быть это любая информация, разглашение которой противнику угрожает национальной безопасности Российской Федерации¹.

Режим коммерческой тайны определяется ее правообладателем самостоятельно и связан с возможностью получения конкурентных преимуществ ввиду того, что она неизвестна конкурентам, что предоставляет дополнительные рыночные преимущества.

Все вышеуказанные сведения могут представлять собой как информацию, записанную на носителе (CD-диск, флешь-карта, запоминающее устройство сервера, документы, журналы, блокнотные записи и т. д.), овеществлены в форме изобретения, полезной модели, промышленного образца, серийной модели и т.д., являться веществом или материалом,

¹ Дзагоев С. В. Уголовно-правовая характеристика шпионажа // Аграрное и земельное право. 2023. № 1(217). С. 117–119.

например, раствором или сплавом.

Эти сведения имеют важное функциональное свойство – они предоставляют стратегические преимущества государствам, которые ими обладают (предмет государственной измены и шпионажа) или рыночные, коммерческие (предмет разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну). Полезные свойства обеих групп предметов проявляются в продукции, изготовленной с их учетом – от военной техники до бытовых товаров. Они могут быть использованы и в дальнейших научных изысканиях, либо при указании услуг, выполнении работ и т. д.

Особенностью режима оборота сведений, составляющих тайну, составляет то, что права на исключительное их использования могут быть закреплены посредством патента, который является существенной гарантии получения коммерческой и иной прибыли в связи с использованием их уникальных свойств.

При этом не подлежат патентованию открытия, научные теории и математические методы, решения, касающиеся только внешнего вида изделий и направленные на удовлетворение эстетических потребностей, правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности, программы для ЭВМ, решения, заключающиеся только в представлении информации. Вместе с тем, они могут быть предметом вышеуказанных преступлений.

Особенностью квалификации преступлений, посягающих на технологическую безопасность, является то, что они одновременно могут составлять и государственную измену (а равно шпионаж) и посягательства на коммерческую тайну. Это связано с тем, что государство может по своему усмотрению устанавливать режим конфиденциальности в отношении данной информации исходя из собственных интересов, а коммерческая тайна не может быть монополизирована коммерческими субъектами, и, например, переделана ими иным государствам. Это вполне справедливо, так как государство в любом случае прямо или косвенно (например, через финансирование науки и образования) вкладывает в такие сведения свои ресурсы.

В свою очередь, и коммерческие субъекты могут пользоваться любыми сведениями в Российской Федерации в своих интересах, если это не противоречит национальной безопасности государства.

Тем самым, неправомерные действия в отношении одной и той же информации может образовывать любое из вышеперечисленных преступлений, однако при вменении ст. 275 или 276 УК РФ дополнительной квалификации по ст. 183 УК РФ не требуется.

Все три перечисленных состава по конструкции объективной стороны формальные, что исключает обязательное закрепление общественно-

опасных последствий в законе и установление их в процессе квалификации¹. С одной стороны, это связано с повышенной вредоносностью данных деяний и отражает стремление государства установить повышенную ответственность за их совершение. Кроме того, это упрощает практическую деятельность, связанную с правовой оценкой. Вместе с тем это фактически исключает малозначительность деяния, например, в ситуациях, когда виновный действует под контролем сотрудников правоохранительных органов, что исключает нарушение конфиденциальности данных сведений.

Общественная опасность государственной измены и шпионажа столь высока, что законодатель не предусмотрел обстоятельств, которые бы дифференцировали уголовную ответственность, в то время как при совершении преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, на вид, размер и срок наказания могут оказывать влияние признаки субъекта преступления, наличие соучастия, корыстной заинтересованности, причинение крупного ущерба и тяжких последствий.

С позицией о том, что ст. 275 и 276 УК РФ не нуждаются в средствах дифференциации уголовной ответственности не согласны некоторые ученые², полагая, что в зависимости от разных обстоятельств общественная опасность государственной измены и шпионажа подвержена изменению. Мы разделяем такую точку зрения и считаем, что в зависимости от различных условий вред общественным отношениям от совершения данных преступлений может варьироваться.

Есть ряд вопросов и к санкциям данных преступлений. Так, высокие низшие пороги санкций в ст. 275 и 276 УК РФ препятствуют проявлению правомерного поведения лиц, вовлеченных в совершение данных преступлений – стремления минимизировать ущерб, содействие органам безопасности и пр. Есть претензии и к верхнему пределу в ст. 276 УК РФ который составляет 20 лет лишения свободы. Получается, что государство проявляет снисхождение к иностранным гражданам, прямо заинтересованным в поражении Российской Федерации, и наказывает их мягче, чем своих граждан.

Фактически общественно опасное деяние всех трех рассматриваемых преступлений составляет шпионаж, то есть неправомерное получение иностранных сведений различными действиями.

Шпионаж может быть совершен в форме собирания секретных сведений, то есть в любых способах приобретения информации и других пред-

¹ Рясов А. И., Рясов Д. А. Уголовно-правовая регламентация ответственности за государственную измену // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (61). С. 28-32. С. 31.

² Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности. Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 98–107.

метов лично или через других лиц. Форма получения таких сведений (путем визуального наблюдения в целях запоминания, копирования, переписывания, фотографирования, видеосъемки и т. д.).

Другая форма составляет их похищение (не «хищение», которое в соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ имеет четкую дефиницию). В ст. 275 и 276 УК РФ это могут быть любые способы изъятия, копирования указанной информации, предметов, веществ и т. д., которые совершены помимо воли их обладателя, например, посредством неправомерного доступа к компьютерной информации.

Третий вариант деяния – их хранение, то есть обладание ими с содержанием при себе или в тайнике, которые предполагают контроль со стороны владельца такой информацией, возможность передать ее другим лицам, уничтожить и т. д. Хранение возможно посредством перевода сведений в цифровую форму, сканирования, уяснения химического или физического состава и т. д., с помощью которых сведения передаются без обращения к оригиналу.

Четвертый вариант деяния – передача указанных сведений другим лицам. Она может быть осуществлена в личной беседе, электронно-цифровым способом, посредством переписки и даже открытой публикации¹.

Шпионаж, предусмотренный ст. 183 УК РФ, несколько уже и он не предполагает ответственность за хранение и передачу сведений, составляющих коммерческую тайну, а похищение документов, содержащих такие сведения, является одним из способов собирания наряду с обманом, шантажом, принуждением, подкупом или угрозами, а равно иными незаконными способами. Думается, такой подход не вполне обоснован и в интересах унификации, а также с учетом реальной практики объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, должна включать все вышеуказанные для ст. 275 и 276 УК РФ деяния в форме шпионажа.

При этом ст. 183 УК РФ в описании деяния фактически шире, чем ст. 275 УК РФ (в форме шпионажа) и 276 УК РФ за счет включения в нее разглашения и использования сведений, составляющих коммерческую тайну, которые в отношении государственной тайны выделены в отдельный состав преступления. Вместе с тем, думается, активная деятельность, направленная на коммерческий шпионаж, значительно выше, чем разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, что требует разделения их в разные составы (как в главе 29 УК РФ).

Таким образом, сохраняется повышенная потребность в уголовно-правовой охране технологической безопасности РФ, уточнении ряда правовых

¹ Борисов С. В., Чугунов А. А. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 87–93. С. 89.

терминов, введения в УК РФ состава промышленного шпионажа, который следует отделить от иных посягательств на коммерческую, налоговую и банковскую тайну.

Научная статья
УДК 342.32

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО
СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА,
СОВЕРШАЕМЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ**

Руслан Валериевич ЗАКОМОЛДИН

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры
Российской Федерации, Москва, Россия, rus.zackomoldin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, совершаемые военнослужащими. Акцент сделан на экстремистских проявлениях и преступлениях экстремистской направленности в военно-служебной сфере.

Исследуются проявления экстремизма непосредственно внутри военной организации государства. Отмечается, что в новых условиях, когда одной из ключевых задач является обеспечение государственной и военной безопасности Российской Федерации, такие факты в армейской среде представляет особую опасность.

Ключевые слова: государственная безопасность, военная безопасность, военная организация государства, военно-служебная сфера, экстремизм, преступления экстремистской направленности

Original article

**CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL
ORDER AND THE SECURITY OF THE STATE,
COMMITTED BY MILITARY PERSONNEL**

Ruslan V. ZAKOMOLDIN

Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, Moscow, Russia, rus.zackomoldin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state committed by

military personnel. The focus is on extremist manifestations and crimes of extremist orientation in the military and service sphere.

The manifestations of extremism are investigated directly within the military organization of the state. It is noted that in the new conditions, when one of the key tasks is to ensure the state and military security of the Russian Federation, such facts in the army environment are particularly dangerous.

Keywords: state security, military security, military organization of the state, military service sphere, extremism, extremist crimes

В современных условиях в уголовном политике сделан акцент на обеспечении безопасности государства и уголовно-правовой охране конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности¹.

Наблюдения за преступностью против основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствуют о том, что до 2022 г. в общей структуре зарегистрированных преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, удельный вес экстремистских преступлений составлял более 85 %. С 2022 г. произошло существенное снижение данного показателя до 55,5 %.

Между тем в 2022–2023 гг. был существенно расширен перечень иных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, которые формально не относятся к экстремистским, но тем не менее совершаются по экстремистским мотивам: дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации и войск Росгвардии в целях защиты интересов Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ), публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ), пропаганда либо публичная демонстрация нацистской атрибутики или символики (ст. 282.4 УК РФ) и др. Стали намного чаще регистрироваться факты совершения таких преступлений, как государственная измена (ст. 275 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и др.².

¹ Меркурьев В. В., Агапов П. В. Криминологическая обусловленность уголовной политики борьбы с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства // Наука на службе Закону (к 60-летию НИИ Ун-та прокуратуры Рос. Федерации): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 30 мая 2023 г.) / под общ. ред. И. М. Мацкевича; [науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. К. И. Амирбеков, А. С. Семенов и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 187–198; Меркурьев В. В. Уголовная политика в сфере борьбы с преступлениями против основ конституционного строя и государственной безопасности // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г. М. Миньковского): сб. материалов Междунар. науч. конф. / редкол.: Победин А. В., Титушкина Е. Ю., Лелетова М. В., Ищук Я. Г., Моргун Д. О., Саркисян Г. Г. М.: Акад. управления МВД России, 2023. С. 62–74.

² Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В. Борьба с посягательствами на основы конституционного строя и безопасность государства в свете уголовной политики России: состояние, тенденции и прогнозы // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г. А. Аванесова: в 2 ч. / под общ.

Приметой времени стало то, что все отмеченные тенденции и все перечисленные деяния стали выявляться армейской среде, то есть непосредственно внутри государственной военной организации.

Безусловно, всякие социальные институты наряду с выполнением социально полезных и одобряемых функций порождают и подпитывают негативные явления и процессы¹. Армия в этом плане не является исключением.

Например, экстремизм как негативное социально-правовое явление проявляется во многих социальных сферах, включая военно-служебную сферу. Безусловно, экстремизм не является чем-то новым для военно-служебной сферы. Поскольку армия – институт социальный, то ей на всем протяжении ее развития свойственны и все негативные аспекты, присущие социуму.

Как в свое время отмечал наш коллега С. В. Борисов, российские военнослужащие в связи с их особой ролью в обеспечении обороны и национальной безопасности служат объектом пристального внимания как со стороны специальных служб иностранных государств, так и различных международных организаций экстремистской направленности, их намерения расширить сферу своего влияния в среде военнослужащих часто базируются на внутренних проблемах как непосредственно государственной военной организации, так и государственной политики в целом². Однако, если, например, в 2017–2018 гг. уровень распространенности в обществе экстремистской идеологии был не столь значительным, то и восприимчивость к данным проявлениям среди военнослужащих также фиксировалась на низком уровне³.

В современных условиях, когда Россия в вооруженной борьбе противостоит коалиции недружественных государств во главе с США, проводит специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, а армия обеспечивает национальную и военную (оборонную) безопасность и реализацию стратегических национальных приоритетов, проблема распространения экстремизма внутри государственной военной организации приобретает существенное значение и повышенную опасность.

При этом степень опасности и вредоносности экстремизма в армии в современных особых условиях значительно возрастает. Экстремизм в таком проявлении разлагает военную организацию государства изнутри,

ред. А. В. Победкина. М.: Акад. управления МВД России, 2024. Ч. 1. С. 100–110.

¹ Луньков А. С. Коррупция в социальных институтах разного типа. Социально-философский анализ // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2014. Вып. 1. С. 216.

² Борисов С. В. К вопросу о профилактике и предупреждении проявлений экстремизма среди военнослужащих // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2017. № 8. С. 37.

³ См., напр.: Петров В. Е., Кокурин А. В., Екимова В. И., Котенева А. В., Березина Т. Н. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии // Психология и право. 2019. № 2. С. 69–83.

снижает боеготовность и боеспособность армии, отрицательно сказывается на обороноспособности и состоянии военной и национальной безопасности страны в целом.

По своему типу армия относится к формальной, целевой, структурированной, иерархической организации, поведение членов которой строго регламентировано и отличается высоким уровнем рационализма и субординации. В связи с тем, что военная служба является особым видом деятельности, ориентированным на обеспечение обороны и военной безопасности государства, то для армии также свойственно такое качество как закрытость и изолированность. Однако эти свойства и качества государственной военной организации имеют двойное значение и оборачиваются в противоположность своему истинному назначению в условиях внутренних экстремистских проявлений¹.

Соответственно, появление в замкнутой системе пораженного элемента ведет к поражению иных элементов, поскольку они неминуемо вовлекаются в этот процесс внутри системы. Соответственно, экстремистская угроза в армии взаимосвязана и взаимообусловлена специфическими узкопрофильными условиями функционирования самой государственной военной организации².

Опасность распространения экстремистской идеологии среди военнослужащих и приравненных к ним лиц обусловлена угрозой жизнедеятельности объектов военной инфраструктуры, безопасности военной службы, ухудшением морально-психологического и идеолого-политического состояния военнослужащих и как следствие снижением боеготовности как отдельных воинских подразделений, так и армии в целом, а в итоге – общего уровня военной (оборонной) и национальной безопасности страны.

Поскольку государственная военная организация – система масштабная и сложная, то экстремистская угроза в данной сфере представляется в различных формах и проявлениях, как традиционных (социальный, религиозный, конфессиональный, национальный, этнический), так и новых, в том числе трансформирующихся в специфических условиях военной службы.

1) «Казарменный экстремизм» – межнациональные конфликты в армейской среде, факты нарушений установленных правил взаимоотношений между военнослужащими на почве межнациональной ненависти и вражды.

2) Распространение экстремистской идеологии и взглядов посту-

¹ Подробнее см.: Вагин С. Н. Социальный институт армии в системе институциональных взаимодействий современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2009. С. 7.

² Роганов С. А. Противодействие экстремизму в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 57–58.

пающими на военную службу лицами, причастными к экстремистской деятельности, сторонниками экстремистских организаций и сообществ, разделяющими экстремистские настроения.

3) Распространение в армии криминальной субкультуры в связи с поступлением на военную службу криминального контингента (лиц, имеющих судимость, отбывающих наказание и пр.).

4) Нарушение требований безопасности военной службе и правил охраны объектов военной инфраструктуры¹.

5) Дискредитация Вооруженных Сил РФ и войск Росгвардии, фейкинг².

Яркой иллюстрацией проявления экстремизма в военно-служебной сфере в современных условиях является получившее широкое освещение в СМИ предотвращение спецслужбами террористического акта в 1-й орден Ленина армии противовоздушной и противоракетной обороны особого назначения, которая защищает небо над столичным регионом.

В январе 2025 г. суд санкционировал арест 20-летнего солдата-контрактника рядового Б., проникшегося идеями национализма и планировавшего устроить поджог на военном объекте в Московской области. Сотрудники департамента военной контрразведки ФСБ России вышли на фигуранта в рамках мониторинга соцсетей. Военнослужащий активно обсуждал тему СВО, высказывался в поддержку «Русского добровольческого корпуса» (запрещенной в России террористическая организация, действующей на стороне Украины) и «Русской освободительной армии» Андрея Власова, воевавшей на стороне фашистов во время Великой Отечественной войны. Привлеченный к расследованию дела специалист-лингвист заключил, что в сообщениях Б. «содержатся признаки оправдания и пропаганды идеологии и деятельности террористической националистической организации» РДК (запрещенной на территории РФ), а также «оправдания национал-социализма (нацизма) и преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала».

По данным следствия, примерно в середине ноября 2024 г. рядовой Б., проживавший в Новой Москве, вступил «в сговор с неустановленными лицами». По их заданию он согласился устроить поджог в части ПВО в Подмосковье, где служил по контракту. Он изготовил бутылки с зажигательной смесью, которые планировал использовать в январе-феврале 2025 г., устроив поджог и взрыв. Однако 20 января 2025 г. Б. был задержан.

¹ Подробнее см.: Смоленцев А. Н. Совершенствование профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде в период военной службы // Обзор НИЦПТИ. Сер.: Социологические науки. 2022. № 1(28). С. 61–64.

² Подробнее см.: Закомолдин Р. В., Агапов П. В., Дулькина Л. В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 75–82.

Действия фигуранта 516-й военный следственный отдел СКР квалифицировал как приготовление к террористическому акту (ч. 1 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ), а также публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ) и реабилитацию нацизма с использованием сети «Интернет» (п. «в» ч. 2 ст. 354.1. УК РФ). Проверяется возможная связь фигуранта с украинскими спецслужбами. В таком случае действия Б. могут быть дополнительно квалифицированы как государственная измена по ст. 275 УК РФ¹.

Таким образом, имеют место такие метаморфозы, когда внутри государственной военной организации отдельные ее представители исповедуют радикальные антигосударственные экстремистские взгляды, посягая на безопасность государства.

В итоге, с одной стороны, военный оборонный сектор играет ключевую роль в обеспечении военной безопасности страны и поддержании ее военной мощи, а, с другой, является уязвимой социальной сферой, поражаемой экстремизмом и иной преступностью.

В целях эффективного противодействия преступлениям против безопасности государства и основ конституционного строя, совершаемым в военно-служебной сфере, важно, прежде всего, чтобы такие факты не замалчивались, становились достоянием общественности, жестко пресекались и неизбежно карались в целях общей и частной превенции.

Научная статья
УДК 343.326

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Викторович ЗАРУБИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности.

Рассмотрены вопросы разграничения финансирования экстремистской деятельности и смежных составов преступлений.

Разработаны предложения по совершенствованию практики приме-

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/7460940?tg> (дата обращения: 28.01.2025).

нения статьи 282.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование экстремистской деятельности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, преступления экстремистской направленности, финансирование экстремизма

Original article

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR FINANCING EXTREMIST ACTIVITIES

Andrey V. ZARUBIN

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of criminal liability for financing extremist activities. The issues of distinguishing the financing of extremist activities and related crimes are considered.

Proposals have been developed to improve the practice of applying Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for responsibility for financing extremist activities.

Keywords: terrorism, extremism, extremist crimes, financing of extremism

Вопросы эффективного противодействия преступлениям экстремистской направленности имеют для Российской Федерации важнейшее значение на протяжении длительного времени.

В пункте 7 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 подчеркивается, что экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности Российской Федерации.

Среди приведенных в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельности (экстремизма) обращает на себя внимание такая форма экстремизма как финансирование экстремистской деятельности. Будучи самостоятельной формой экстремизма финансирование экстремистской деятельности создает условия для совершения других преступлений экстремистской направленности, укрепления и расширения материальной базы экстремистских сообществ и организаций, вовлечения

новых участников в экстремистскую деятельность.

Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности была установлена Федеральным законом от 28 июня 2014 № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и дополнила арсенал мер уголовно-правового воздействия на финансирование преступной деятельности, уже существовавший к этому времени (например, ст. 205.1, ст. 208 УК РФ). Многие вопросы уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности и квалификации исследуемого состава преступления рассматриваются также как для финансирования терроризма ввиду близости оснований уголовно-правового запрета и общественной опасности данных преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 282.3 УК РФ под финансированием экстремистской деятельности понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

При этом несколько иное понятие приведено в подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 где под финансированием экстремистской деятельности понимается оказание финансовых услуг либо предоставление или сбор денежных (в наличной или безналичной форме) или материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования экстремистской организации или экстремистского сообщества, подготовки или совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности либо для финансирования или материального обеспечения лица в целях совершения им такого преступления.

Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. в подп. 4 п. 1 ст. 2 под финансированием экстремизма понимается умышленные сбор и (или) предоставление средств либо оказание финансовых услуг в целях финансирования деятельности по организации, подготовке и совершению хотя бы одного из деяний, охватываемых настоящей Конвенцией, либо обеспечения деятельности экстремистской организации.

Для целей унификации понятия «финансирование экстремистской деятельности» в национальном законодательстве в подп. 9 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 предлагается использовать понятие финансирования экстремистской деятельности,

используемое в ч. 1 ст. 282.3 УК РФ.

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ обращает на себя внимание место и значение «средств либо оказания финансовых услуг» в структуре состава преступления. В научной литературе этот вопрос до настоящего времени не нашел своего решения. Например, в Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под общей редакцией О. С. Капинус средства и финансовые услуги названы «предметом финансирования»¹, в учебнике по Особенной части уголовного права под общей редакцией Л. М. Прокументова они отнесены к предмету преступления»².

Представляется, что «средства и финансовые услуги» в структуре исследуемого состава преступления следует относить к орудиям и средствам совершения преступления, как признакам объективной стороны состава преступления, поскольку в ст. 104.1 УК РФ не только не относит «средства и финансовые услуги» к предмету, как признаку объекта преступления, элементом состава преступления, а определяет их как п. «а» ч. 1 данной статьи в качестве «денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений», в п. «в» ч. 1 данной статьи в качестве «денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, экстремистской деятельности», а в п. «г» ч. 1 данной статьи называет их «орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления, принадлежащих обвиняемому».

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» от 14 июня 2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), подлежат конфискации на основании п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ независимо от их принадлежности.

Судебная практика придерживается аналогичного мнения. Например, в апелляционном определении Новгородского областного суда указывается, что Д. пять раз осуществил перечисление (то есть предоставление) денежных средств, предназначенных для обеспечения деятельности экстремистской организации НО «ФБК», со своего банковского счета всего на общую

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. С. 567.

² Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общ. ред. Л. М. Прокументова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 625.

сумму 1500 рублей.

Исходя из смысла п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, средства совершения преступления определены в качестве общей категории, включающей орудия, оборудование и иные объекты, непосредственно используемые лицом, при выполнении им объективной стороны преступления или для достижения преступного результата.

Таким образом, денежные средства, перечисленные Д., в данном конкретном случае являлись средством совершения преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ¹.

При квалификации преступления по ст. 282.3 УК РФ законодатель не определяет размеров финансирования экстремистской деятельности, и не дифференцирует уголовную ответственность за совершение такого преступления в зависимости от размеров финансирования. Аналогичной позиции придерживается законодатель и при установлении уголовной ответственности за финансирование терроризма (ст. 205.1 УК РФ).

Думается, что такая позиция вполне оправданна с учетом общественной опасности финансирования экстремистской деятельности и терроризма в настоящее время. Такое мнение законодателя позволяет решать и некоторые проблемы правоприменения, которые могли бы возникнуть в случае дифференциации уголовной ответственности за финансирование терроризма и экстремистской деятельности и терроризма в зависимости от размера финансирования: например, определение признаков оконченного преступления, разграничения множественности от продолжаемого и длящегося преступления, определение размера финансирования с учетом места совершения преступления и валюты в которой осуществлялось финансирование.

В связи с отсутствием минимального законодательно определенного размера, необходимого для наступления уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности и терроризма в науке уголовного права высказываются мнения о возможности признания преступления по ст. 282.3 УК РФ малозначительным деянием. Так, например, Криштопов С. В. предлагается «ввиду отсутствия в законодательстве нижнего предела суммы финансирования экстремизма, с учетом положений ст. 14 УК РФ, его установить в размере 1 000 рублей»².

Судебной практике известны случаи, когда финансирование террористической деятельности в случае предоставления денежных сумм в небольших размерах признавалось малозначительным деянием³. Ранее нами

¹ Апелляционное определение Новгородского областного суда от 03.12.2025 № 22-1318/2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Криштопов С. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 23.

³ Приговор по делу № 2-77/2012 // Верховный суд Республики Дагестан : сайт. URL : <http://>

обращалось внимание на то обстоятельство, что признание финансирования терроризма (ст. 205.1 УК РФ) малозначительным представляется ошибочным¹.

При этом в документах стратегического планирования: п. 20 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, п. 13 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», подп. 5 п. 31 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, п. 9 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 подчеркивается высокий уровень опасности финансирования экстремистской деятельности для национальной безопасности Российской Федерации и необходимость применения мер уголовно-правового воздействия в отношении данного преступления.

В судебной практике финансирование экстремистской деятельности и терроризма также не признается малозначительным деянием с учетом размеров финансирования.

Так, например, виновный был осужден по ст. 205.1 УК РФ финансирование «джихада» на сумму 1000 рублей². В кассационном определении Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе ранее вынесенные приговор и апелляционное определение в отношении Т, который произвел два денежных перевода на нужды международной террористической организации «Хайат Тахрир аш-Шам» организации на общую сумму 700 рублей³.

Приговором суда А. Е. признан виновным в финансировании экстремистской деятельности по ч. 1 ст. 282.3 УК РФ, а именно в том, что он осуществил безналичный перевод со своей банковской карты счет в иностранном банке, используемый запрещенной в Российской Федерации экстремистской организацией НО «Фонд борьбы с коррупцией», денежных средств в сумме 761 руб. 10 коп.⁴. Р. была осуждена по ч. 1 ст. 282.3 УК РФ

vs.dag.sudrf.ru/modulesphp?name (дата обращения: 23.09.2016).

¹ Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // КриминалистЪ. 2017. № 2 (21). С. 4.

² Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики № 1-108/2013 1-8/2014 1-8/2014 (1-108/2013) 1-8/2014Г от 29 апреля 2014 г. // [Электронный ресурс] [www.http://sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 23.09.2016).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации по делу Верховного Суда Российской Федерации по делу № 224 -УД25-41-А6 от 27 ноября 2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Калининградского областного суда от 12.09.2025 № 22-1329/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

за то, что оформила ежемесячные пожертвования в адрес экстремистской организации в размере 100 рублей и в результате перечислила на счет экстремистской организации денежные средства в общей сумме 700 рублей¹.

Таким образом сложившаяся судебная практика квалификации преступлений по ст. 282.3 наглядно показывает недопустимость признания финансирования экстремистской деятельности и терроризма малозначительными деяниями с учетом размера финансирования.

По этой причине представляется, что в связи с высокой степенью общественной опасности исследуемого преступления размер финансирования не может быть положен в основу признания финансирования экстремистской деятельности и терроризма малозначительным деянием.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации при квалификации финансирования терроризма ст. 205.1 УК РФ не имеет правового значения получал ли субъект преступления денежное вознаграждение за предоставляемое имущество поскольку юридически значимыми обстоятельствами являются установленные факты предоставления материальных средств с целью обеспечения международных террористических организаций².

Данное правило следует применить, по нашему мнению, и для квалификации финансирования экстремистской деятельности по ст. 282.3 УК РФ, а размер финансирования для решения вопросов о конфискации имущества следует определять исходя из стоимости переданного имущества.

При определении момента окончания преступления, предусмотренного ст. 282.3 в части предоставления средств следует, по нашему мнению, учитывать отсутствие необходимости установления того обстоятельства, поступили ли такие средства непосредственно адресату.

В соответствии с п. 22(1) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» исследуемое преступление окончено с момента совершения любого из действий, относящихся к финансированию преступления экстремистской направленности, обеспечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Таким образом в случае, когда виновный не смог по независящим от него причинам предоставить в планируемом объеме средства для финансирования экстремистской деятельности, деяние следует считать оконченным преступлением.

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 29.08.2025 по делу № 1-530/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2019 г. № 201-АПУ19-44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Думается, что состав преступления по ст. 282.3 УК РФ следует признавать оконченным и в тех случаях, например, когда денежные средства или иные материальные ценности не были получены экстремистской организацией по не зависящим от лица обстоятельствам (например, при задержании преступников до передачи ценностей).

Научная статья
УДК 343.326

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Людмила Александровна ЗИМИРЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
zimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на современные проявления экстремизма, приводится судебная практика и данные статистики. Даются легальные определения понятия экстремизм.

Подвергаются анализу причины, приводящие к деятельности экстремистской направленности. Отмечается комплекс мер, направленных предупреждение экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, предупреждение преступлений, государственно-патриотическое воспитание

Original article

ON THE ISSUE OF MEASURES TO PREVENT EXTREMISM

Lyudmila A. ZIMIREVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, zimpravo@yandex.ru

Abstract. This article examines contemporary manifestations of extremism, citing judicial practice and statistical data. It provides legal definitions of extremism.

The causes leading to extremist activity are analyzed. A range of measures aimed at preventing extremism are outlined

Keywords: extremism, extremist crimes, crime prevention, state-patriotic education

Население России в последние время наблюдает и все с большей очевидностью осознает глобальное видоизменение угроз, связанных с внешним разрушительным влиянием на нашу страну и ее граждан.

«В целях дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации специальные службы и организации иностранных государств наращивают деструктивное информационно-психологическое воздействие на население России, прежде всего на молодежь» указывается в п. 29 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124.

По данным судебной статистики, фиксируется увеличение количества диверсионных преступлений. Если за 2019–2023 годы (5 лет) по ст. 281 УК РФ «Диверсия» осуждено 13 лиц (в 2023 – 9 человек), то уже в 2024 году – 48 лиц. То есть в 2024 год число осужденных выросло в 5,3 раза по сравнению с 2023 г.

Резко выросло число несовершеннолетних осужденных: 2023: 1 лицо (16–17 лет) – 11,1 % от всех осужденных за диверсию; в 2024: 13 лиц – уже 27,1 % (почти треть от всех осужденных за диверсию). За совершение преступлений диверсионной направленности (ст. 281.1–281.3 УК РФ): 2023–2024: осуждено 5 человек, среди них нет несовершеннолетних¹.

По информации, размещенной Генеральной Прокуратурой Российской Федерации в открытом доступе сети «Интернет» Запорожским областным судом вынесен приговор по уголовному делу в отношении Джоса.

Джос признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 276 УК РФ (шпионаж), п. «б» ч. 3 ст. 281 УК РФ (диверсия), ч. 2 ст. 281.3 УК РФ (участие в диверсионном сообществе). Судом установлено, что Джос, будучи членом сообщества, целями которого являлись шпионаж и совершение диверсионных актов, получил от офицера ВСУ задание собрать и передать сведения о местах расположения личного состава, оборонительных военных сооружений и бронетехники Минобороны России на территории Запорожской области.

Для этого, находясь в Токмакском районе, он передал координаты дислокации российских военнослужащих, задействованных для обороны зенитно-ракетной установки, которое с геолокационными данными направил куратору. В тот же день, был нанесен ракетно-бомбовый удар по позициям

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : URL: <https://cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 12.11.2025).

Вооруженных Сил Российской Федерации, в результате которого погибли трое российских военнослужащих и уничтожена зенитно-ракетная установка¹.

Генеральная прокуратура Российской Федерации 22 ноября 2024 года сообщила, о том, что Верховный Суд Российской Федерации по иску Генерального прокурора Российской Федерации признал террористической международную организацию «Форум свободных государств постРоссии», созданную в форме общественного движения в Польше в 2022 году. Руководят организацией скрывшиеся за границей так называемые лидеры национал-сепаратистских движений. Своей задачей они видят разделение Российской Федерации на отдельные государства, подчиненные влиянию недружественных стран. В качестве методов достижения целей они призывали к участию в боевых действиях на стороне врага, совершению террористических актов и диверсий, содействию террористической деятельности².

Указанная информация, которая носит не единичный характер, а также анализ статистических данных подтверждает необходимость выработки дополнительных правовых механизмов реагирования на возникающие угрозы, исходящие от диверсионно-террористической деятельности, с целью обеспечения национальной безопасности, защиты жизни и здоровья граждан России.

Уроки истории подтверждают, что недостаточная и не системная работа по формированию чувства патриотизма у граждан приводит к проявлениям экстремизма.

Слово экстремизм – происходит от латинского *extremus* – «крайний, чрезмерный», то есть что-то, выходящее за определенные нормы, либо приверженность к крайним взглядам.

В Большом толковом словаре русского языка под экстремизмом понимается применение насилия к части общества по мотивам расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти или вражды, а также идеологически мотивированные высказывания, пропагандирующие или оправдывающие социальное насилие, призывающие к агрессивным действиям против какой-либо части общества³.

Понятийный аппарат российского федерального законодательства описывает экстремистскую деятельность (экстремизм) как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Рос-

¹ Неофициальный канал с новостями Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : URL: <https://t.me/genprosgu/13726> (дата обращения: 10.11.2025).

² Неофициальный канал с новостями Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : URL: <https://t.me/genprosgu/13124> (дата обращения: 14.11.2025).

³ Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 14.11.2025).

сийской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения должностных обязанностей деяний, указанных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) и являющихся преступлением, организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической или материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг (основное понятие применяется для целей Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) (п. 1 ст. 1)¹.

Таким образом, под экстремизмом понимается приверженность к крайним, радикальным взглядам и методам действий, отрицающим существующие общественные нормы и правила. Он может проявляться в политической, религиозной, этнической и других сферах жизни и включает в себя такие действия, как провокация беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции и идеологически мотивированное насилие.

Экстремизм направлен на разрушение государства и устоев личности

¹ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2013. 800 с.

под различными (этническими, политическими и другими) предложениями. Целью экстремиста является уничтожение сильного государства, чувства гордости граждан за свою страну, провокация антигосударственных, а значит антипатриотических поступков через насаждение идеологии ненависти и вражды, дискриминацию власти посредством воздействия на граждан как правило, неудовлетворенных своим экономическим положением, с не сформировавшимся правосознанием и неустойчивой психикой.

Экстремистами преследуется цель – обмануть, ввести в заблуждение, используя низменные побуждения корысти, ненависти, превосходства человека недостаточно образованного и воспитанного, не обладающего достаточным человеческим опытом, не успевшего приобрести финансовую опору.

Деструктивное воздействие оказывается чаще на молодежь. В то время, когда подростки не заняты учебной, культурно-досуговой деятельностью, развитием физических навыков экстремисты пытаются воздействовать на несовершеннолетних путем распространения информации посредством сети «Интернет».

Согласимся с научными достижениями криминологии – науки, обоснованно доказывающей на протяжении столетий тезис о предпочтении профилактики по сравнению с наказанием¹. Я. И. Гилинский отмечает, что в современной криминологии различают три уровня предупреждения преступности: первичную, «общесоциальную профилактику», воздействие на экономические и социальные условия жизни общества в целях их улучшения; вторичную, «специальную профилактику», рассчитанную на обеспечение мер воздействия на «группы риска»; и третичную, или «индивидуальную» профилактику.

«Группой риска», которая наиболее подвержена агрессивному воздействию информации экстремистской направленности, являются подростки и социально незащищенные слои общества. Именно они в первоочередном порядке нуждаются в постоянном контроле, занятии свободного времени и пристальном внимании.

Любовь к своей Родине выступает основой существования и развития любой нации и государственности. Слово Родина неразрывно связано с понятием патриотизм, а патриотизм со словом защитник Родины. Чувство привязанности к своей Родине, ее народу, культуре и традициям, гордость за достижения своей страны, уважение к ее истории и языку являются основными характеристиками преданности своему Отечеству. Проявление патриотизма неразрывно связано с готовностью служить интересам своей Родины.

¹ Гилинский Я. И. криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб, 2009. С. 435.

Любовь к своей Родине выступает основополагающей установкой личности, устойчивой характеристикой человека, находящей выражение в нравственных идеалах и вытекающих отсюда нормах внутреннего поведения. Патриотизм всегда конкретен и проявляется в деятельности и поступках человека. Патриотические чувства, зарождаясь в раннем детстве проходят, ряд этапов на пути своей зрелости, восходя до общегосударственного самосознания, самоотверженного служения Отечеству. Но это лишь в случае продуманной и своевременной государственной политики, направленной на комплексное воспитание патриотизма у всех членов общества.

Начало патриотические чувства берут в семье с самого раннего детства, где формируется уважение к родителям, своему дому, малой родине и стране. Определяющая роль семьи обусловлена ее глубочайшим влиянием на физическую и духовную жизнь растущего в ней человека. Семья – это не только среда обитания, а более, воспитательная среда. Влияние семьи, особенно в начальный период жизни ребенка, максимально весомое. Именно в семье и через семью формируются представления ребенка относительно отношений между людьми, ценностные и социальные установки личности.

Развитие патриотических чувств закрепляется в детских учреждениях, детских садах, школах, учреждениях дополнительного образования, средних и высших учебных заведениях. Широко известно изречение Д. И. Менделеева о том, что: «Знание без воспитания, что меч в руках сумасшедшего».

«Хочешь победить своего врага – воспитай его детей» говорили древние. Ситуация, сложившаяся после распада СССР в образовании, показывает, что эту мудрость взяли на вооружение некоторые западные государства, бывшие противники нашей страны по «холодной войне». В то время нескольким поколениям российской молодежи агрессивно навязывались западные ценности, их убеждали, что все российское – плохо, а советское – еще хуже, много делалось для того, чтоб русские дети не знали свою историю, русских песен и сказок, своих героев, на которых хотелось быть похожими.

Подобное не допустимо. Современная политика в сфере образования, учла уроки недалекого прошлого и в настоящий период времени направлена воспитание патриотического самосознания личности.

В апреле 2022 года российские регионы поддержали инициативу, исходившую от педагогов, родителей и учеников и начали учебную неделю с торжественной церемонии поднятия государственного флага и исполнения гимна.

Правительством Российской Федерации 11 апреля 2022 года внесены

изменения в государственную программу «Развитие образования» в части финансовой поддержки в обеспечении всех образовательных учреждений государственной символикой и с 01 сентября 2022 года эта традиция была внедрена во всех школах России. Таким образом, предложение, исходившее от учителей, обучающихся и их родителей была своевременно поддержана на государственном уровне в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование».

Чувство преданности своей стране, начинается с поднятия флага и исполнения гимна в школах, углубленных знаний истории своей великой страны, информированности о происходящих в мире событиях с точки зрения обороны государства и интересов наших граждан, получаемых из средств массовой информации. И одной из главных профилактических мер выступает информационная осведомленность детей об опасности разрушающей личность экстремистской информации.

Государство в целях сохранения своей целостности, защиты своих граждан предусматривает меры противодействия. Одной из таких мер, выступает законодательная инициатива депутатов Государственной Думы Российской Федерации об ужесточении уголовной ответственности за отдельные преступления диверсионной направленности, в т.ч. детей.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ расширен список преступлений, по которым ответственность наступает с 14 лет. За вовлечение несовершеннолетних в террористическую или диверсионную деятельность предусмотрено пожизненное лишение свободы. Сроки давности по всем преступлениям диверсионной направленности отменяются. Теперь ответственность за эти деяния наступит независимо от времени, прошедшего с момента совершения. Право на условно-досрочное освобождение для совершивших подобные преступления ограничено, а условное осуждение отменено. Усилена ответственность организаторов диверсионно-террористических сообществ.

Таким образом, необходимо обратить внимание на некоторые закономерности формирования базовых ценностных ориентиров. Государственная политика, направленная на формирование чувства патриотизма, должна отвечать признакам своевременности, охватывать сферу воспитания и образования и все слои общества, а также предусматривать систему мер адекватной и неотвратимой ответственности.

**ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОЙ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОЙ ПРИНЯТО
РЕШЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Анастасия Михайловна ЗУБОВА

прокуратура Гдовского района Псковской области, г. Гдов, Россия,
anaslub@inbox.ru

Аннотация. Автором на примере ст. 284.1 УК РФ отмечается, что, несмотря на широкое распространение применения теории соучастия особого рода (*sui generis*) при конструировании современных статей Особенной части УК РФ, данный институт недостаточно разработан в науке уголовного права и не вписывается в сложившуюся доктринальную и правоприменительную систему.

В статье исследованы объективные признаки осуществления деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.

Сделаны выводы о совершенствовании деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в части противодействия преступлению, предусмотренному ст. 284.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, осуществление нежелательной деятельности, иностранная или международная организация

Original article

**OBJECTIVE SIGNS OF THE ACTIVITY OF A FOREIGN
OR INTERNATIONAL ORGANIZATION, IN RESPECT
OF WHICH A DECISION HAS BEEN TAKEN TO DECLARE
UNDESIRABLE ON THE TERRITORY
OF THE RUSSIAN FEDERATION HER ACTIVITIES**

Anastasia M. ZUBOVA

Prosecutor's Office of the Gdovsky district of the Pskov region,
anaslub@inbox.ru

Abstract. Using the example of Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author notes that, despite the widespread use of the theory of complicity of a special kind (*sui generis*) in the construction of modern articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, this institution is insufficiently developed in the science of criminal law and does not fit into the established doctrinal and law enforcement system.

The article examines the objective signs of the activities of a foreign or international organization, in respect of which a decision was made to declare its activities undesirable in the territory of the Russian Federation.

Conclusions are drawn about the improvement of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in terms of countering the crime provided for in Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, carrying out undesirable activities, foreign or international organization

За 10 месяцев 2025 года в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации внесено 79 организаций¹.

Одним из правовых институтов противодействия действиям организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации являются установление уголовной ответственности за осуществление ее деятельности.

В первую очередь следует обратить внимание на формулировку названия статьи 284.1 УК РФ, ввиду существенного отличия от формулировок иных статей, в которых указывается на организацию и участие в деятельности организации, признанной в соответствии с законодательством террористической или экстремистской. Так, в названии статей 205.5 УК РФ и 282.2 УК РФ указывается на организацию деятельности организации и участие в ее деятельности. В то же время статья 284.1 УК РФ говорит об осуществлении деятельности организации.

Можно предположить, что законодатель хотел указать на противодействие именно деятельности организаций, т. е. юридических лиц, посредством привлечения к ответственности непосредственных авторов – физических лиц, в связи с отсутствием в отечественном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц.

В пояснительной записке к законопроекту, содержащем

¹ Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>.

первоначальные положения статьи 284.1 УК РФ, указывалось на необходимость противодействия «деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной организации в случае, если она представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны и безопасности государства». В то же время, такие организации указывались в тексте пояснительной записки наряду с «организациям террористического, экстремистского, националистического толка»¹. Но в первоначальной редакции статья 284.1 УК РФ предусматривала ответственность за руководство деятельностью организации, либо участие в такой деятельности.

Статья 284.1 УК РФ получила положения практически идентичные текущей редакции с незначительными отличиями с принятием Федерального закона от 01 июля 2021 № 292-ФЗ «О внесении изменений в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Несмотря на существенные изменения в тексте статьи, законодатель оставил прежнее ее название. Стоит обратить внимание, что в пояснительной записке к законопроекту вновь указывалась именно на «противодействие деятельности организаций», «блокирование попыток их влияния на социальные и политические институты российского общества»².

Как мы увидим далее при анализе диспозиции статьи 284.1 УК РФ о непоследовательности законодателя при названии статьи свидетельствует не только рассмотрение нежелательных организаций в одном ряду с террористическими, но содержание диспозиций, находящихся в ней составов преступлений. Мы считаем, что фактически статья подразумевает квазимеханизм ответственности именно организаций. Однако, исходя из перечня таких организаций, не все из них имеют формальную юридическую структуру.

Положения составов преступлений, закрепленных в статье 284.1 УК РФ предусматривает следующий перечень деяний, образующих объективную сторону:

- участие в деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее по тексту – Организации);
- предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг,

¹ Законопроект № 662902-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об уточнении отдельных положений некоторых законодательных актов Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/662902-6/1>.

² Проект Федерального закона № 1165661-7 «О внесении изменений в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165661-7>.

заведомо предназначенных для обеспечения деятельности Организации;
– организация деятельности Организации.

Относительно положений данной конкретной статьи разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации не имеется, однако, в рамках единого правового регулирования, предполагается, что термины используемые в уголовном законодательстве должны иметь сводное содержание. Как в свое время указывал А. С. Пиголкин «необходимо обеспечить единство употребления терминологии»¹.

Участие в деятельности организации предусматривается в статьях 205.5 УК РФ и 282.2 УК РФ. В постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных разъяснениям, касающимся уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, даны разъяснения понятию участия.

Так, согласно абз. 2 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) и абз. 2 п. 22.7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) под участием в деятельности организации понимается совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых организационных мероприятиях и т. п.).

Однако применительно к положениям статьи 284.1 УК РФ следует конкретизировать указанные действия на основании складывающейся судебной практики по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных статье 20.33 КоАП РФ.

В судебных решениях участие в деятельности организации определяется через ограничения, установленные ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 № 272-ФЗ (ред. от 28.12.2024):

1) запрет на создание (открытие) на территории Российской Федерации структурных подразделений иностранной или международной организации и прекращение в определенном законодательством Российской Федерации порядке деятельности ранее созданных (открытых) на территории Российской Федерации таких структурных подразделений;

¹ Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки. 1971. Вып. 24. С. 20–23.

2) наступление последствий, указанных в статье 3.2 настоящего Федерального закона;

3) запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также производство или хранение таких материалов в целях распространения;

4) запрет на осуществление на территории Российской Федерации программ (проектов) для иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации;

5) запрет на создание иностранной или международной организацией на территории Российской Федерации юридических лиц либо участие в них;

6) запрет на участие в деятельности иностранной или международной организации за пределами территории Российской Федерации граждан Российской Федерации, лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации, и российских юридических лиц.

К примеру, участием в деятельности Организации признается участие в видеоконференции, проводимой Организацией¹, размещение в сети «Интернет» открытом доступе для неограниченного круга лиц ссылок и/или информационных материалов Организации², а также распространение физических носителей таких материалов³.

Здесь выявляется характерная особенность противодействия деятельности Организаций мерами уголовно-правового характера, распространение материалов таких организаций, без призыва к определенным действиям может образовывать самостоятельный состав преступления. Таким образом, по нашему мнению, понятие участия, указанное в ч. 1 ст. 284.1 УК РФ, значительно шире участия, предусмотренного статьями 205.5 УК РФ и 282.2 УК РФ.

В свою очередь, термин организация применительно к положениям ч. 3 ст. 284.1 УК РФ следует рассматривать в толковании, данном в абз. 1 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) и абз. 1 постановления

¹ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2024 № 16-5955/2024 (УИД 34RS0011-01-2024-002208-27). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2025 № 16-945/2025; Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2024 № 16-545/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение Московского городского суда от 11.11.2024 по делу № 7-14163/2024 (УИД 77RS0024-02-2023-025342-90). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) как действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Вполне логичным в то же время представляется отнесение включения состава преступления, связанного с финансированием Организаций, в статью 284.1 УК РФ в виде отдельной части, а не выделение в отдельную статью подобно статье 282.3 УК РФ. Возможно, это связано прежде всего с тем, что применительно к экстремизму финансирование выделено в отдельный состав преступления как особо опасный вид пособничества, требующий самостоятельной квалификации¹.

Представляется возможным трактования финансирования Организаций применительно к составу преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 284.1 УК РФ по аналогии с разъяснениями абз. 2 п. 22.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) наряду с оказанием финансовых услуг предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств.

Научная статья **УДК 343.9**

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Елизавета Андреевна ЗУЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
lizueva113@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема сбора сведений о частной жизни лица и их трансграничной передачи в целях вовлечения молодежи и пожилых лиц в совершение преступлений террористической направленности.

¹ Хлебушкин А. Г. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 80–85.

Основное внимание уделяется профилактическим мерам, направленным на противодействие указанным угрозам. Отмечается, что одним из направлений профилактики является повышение правовой осведомленности граждан и формирование у них устойчивого антитеррористического мировоззрения.

Ключевые слова: профилактика, частная жизнь, личная тайна, терроризм, вербовка

Original article

SOME ASPECTS OF TERRORIST CRIME PREVENTION THROUGH THE PRISM OF PRIVACY

Elizaveta A. ZUEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
lizueva113@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of collecting information about an individual's private life and its cross-border transfer for the purpose of involving young people and elderly persons in committing terrorism-related crimes.

The main focus is on preventive measures aimed at countering these threats. It is noted that one of the directions of prevention is to increase the legal awareness of citizens and to form a stable anti-terrorist mindset among them.

Key words: prevention, privacy, personal secrets, terrorism, recruitment

Современная криминология рассматривает концепцию профилактики преступлений как более прогрессивную и перспективную по сравнению с концепцией наказания. Истоки данного подхода уходят корнями к античной мысли, где еще в IV веке до нашей эры древнегреческий философ Платон сформулировал принцип приоритета превентивных мер над карательной политикой государства.

Законодательное определение «профилактики правонарушений» закреплено в п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024), под которой понимается «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения».

Одним из актуальных направлений современной профилактики является противодействие вербовке лиц в совершение преступлений террористической направленности.

Согласно определению, представленному А. В. Федотовой и С. Е. Лютовым, вербовка представляет собой «ненасильственную форму вовлечения», направленную на формирование сильной психологической зависимости у жертвы. Этот процесс осуществляется посредством замещения индивидуальных принципов, ценностей и убеждений субъекта на чуждые, искусственно навязанные установки и программы поведения¹.

Судебная практика последних лет свидетельствует о возрастающей тенденции к вовлечению лиц или групп лиц в совершение единичных преступлений террористической направленности. Данный подход позволяет преступникам совершать противоправные действия «чужими руками», сохраняя при этом свою анонимность. В результате лицо, ставшее жертвой вербовки, становится исполнителем или соучастником преступления и привлекается к уголовной ответственности в соответствии с совершенным деянием.

Наибольший риск стать жертвой вербовщика характерен для молодежи и лиц пожилого возраста.

В качестве примера успешной вербовки молодежи можно привести приговор, вынесенный 2-м Западным окружным военным судом по уголовному делу в отношении двух мужчин, одному из которых на момент совершения преступлений было 22 года. Они признаны виновными в участии в террористической организации, созданной представителями вооруженных сил и спецслужб Украины (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), а также в совершении противоправных действий, направленных против безопасности Российской Федерации (ст. 275 УК РФ – государственная измена, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ – покушение на террористический акт организованной группой) и другие преступления².

Примером вербовки лиц пожилого возраста может служить приговор 1-го Западного окружного военного суда, в соответствии с которым 76-летняя женщина признана виновной в совершении террористического акта (ст. 205 УК РФ). Пенсионерка, действуя по указанию неустановленных лиц, предприняла попытку бросить бутылку с зажигательной смесью в военкомат, но случайно попала в стоявший рядом автомобиль. Для обозначения подобных лиц, совершающих преступление в интересах иностранного

¹ Федотова А. В., Лютов С. Е. Противодействие вербовке молодежи в экстремистские и террористические организации // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5. С. 168.

² Вынесен приговор по уголовному делу о государственной измене и участии в деятельности террористической организации // Прокуратура Калужской области : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_40/mass-media/news/main/e6233588/ (дата обращения: 08.11.2025).

государства, используют термин «биодроны»¹.

Вербовщики могут осуществлять подбор потенциальных жертв в различных местах, включая торговые центры, пенитенциарные учреждения, спортивные секции и студенческие сообщества². Однако с развитием информационных технологий наиболее распространенной и доступной платформой для этих целей стали социальные сети.

Процесс вербовки предполагает индивидуальный подход, основанный на сборе и анализе информации о конкретной личности³, ее финансовом положении, семье, круге общения и интересах. На основе полученных сведений составляется психологический портрет жертвы, оценивается его готовность к риску, выявляются «слабые места» (страхи, комплексы, потребности), которые впоследствии используются для манипуляции.

В случаях, когда информации о вербуемом недостаточно, злоумышленники могут прибегнуть к противоправным способам получения конфиденциальных данных, включая незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну (ст. 137 УК РФ). Полученные данные могут передаваться за пределы Российской Федерации. Так, например, осенью 2025 года правоохранительные органы задержали мужчину, передававшего сведения об «оппозиционно настроенных россиянах спецслужбе НАТО»⁴.

Современный терроризм (кибертерроризм), как отмечают Т. В. Прокофьева и С. А. Тюлякова, благодаря развитию информационных технологий достиг качественно нового уровня и характеризуется «трансграничностью, интенсивностью и масштабностью»⁵.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении ст. 137 УК РФ квалифицирующим признаком «деяния, предусмотренные частью первой, сопряженные с трансграничной передачей сведений».

Помимо изменений в законодательство для защиты сведений о частной жизни и профилактики вербовки необходимо организовывать мероприятия по правовому просвещению с наиболее виктимными категориями граждан. Лекции, круглые столы, иного рода встречи стоит проводить с участием

¹ Пенсионерку в Петербурге осудили за попытку поджога военкомата // РИА Новости : сайт. URL: <https://clck.ru/3QDQ9y> (дата обращения: 08.11. 2025).

² Ананьин О. Ю., Базулина А. А., Жуланов А. В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 291.

³ Готчина Л. В., Сердюк П. Л. Истоки терроризма в России и особенности его предупреждения в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 337.

⁴ В Москве задержан агент спецслужбы НАТО, собиравший данные об оппозиции // Российская газета : сайт. 2025. URL: <https://clck.ru/3QDLCR> (дата обращения: 08.11. 2025).

⁵ Прокофьева Т. В., Тюлякова С. А. Кибертерроризм: понятие, сущность и меры противодействия // Юридическая наука. 2025. № 1. С. 196.

представителей правоохранительных органов в образовательных и досуговых учреждениях для молодежи, а для пожилых людей, например, в отделениях Социального фонда России, поликлиниках. Важным элементом системы профилактики является взаимодействие с родителями несовершеннолетних, которые выступают связующим звеном между поколениями.

В рамках этих мероприятий необходимо разъяснять способы защиты персональных данных, информировать о возможных рисках вовлечения в противоправную деятельность и о том, что ответственность за такие действия будет нести каждая из сторон. Важно способствовать осознанию гражданами Российской Федерации личной безопасности как неотъемлемой части национальной безопасности.

Для подготовки к проведению бесед можно использовать учебно-методические материалы по выявлению вербовочной активности в молодежной среде, а также видеоматериалы (например, «О вербовке в онлайн-играх», «Борьба с сетевыми вербовками»), подготовленные Национальным антитеррористическим комитетом России и размещенные в открытом доступе на их сайте¹.

Во многих субъектах Российской Федерации на базе университетов созданы и функционируют Координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма.

Например, в Санкт-Петербурге такой Центр был открыт в 2022 году в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна. Целью таких центров является реализация комплекса образовательно-просветительских, информационно-аналитических и профилактических мероприятий, в том числе в сфере вербовки молодежи в террористические организации.

В дополнение к просветительским мероприятиям, направленным на повышение уровня осведомленности населения о потенциальных угрозах, необходимо принимать меры по поиску и блокировке контента террористической направленности. Данными вопросами, наряду с государственными органами, занимается добровольное объединение граждан, созданное Лигой безопасного Интернета и известное как «Кибердружина»².

В ситуации, когда избежать общения с вербовщиками не удалось, то одним из вариантов действий является использование сервиса «Адвокатская тайна», запущенного в октябре 2025 года Федеральной палатой

¹ Национальный антитеррористический комитет : официальный интернет-портал. URL: <https://nac.gov.ru/> (дата обращения: 10.11. 2025).

² Лига безопасного Интернета: офиц. сайт. URL: <https://ligainternet.ru/> (дата обращения: 10.11. 2025).

адвокатов Российской Федерации¹. Сервис был разработан в ответ на участвовавшие случаи вербовки школьников и студентов преступными организациями. Жертвы вербовки зачастую оказываются в состоянии психологического шока и боятся обратиться за помощью к родителям, учителям и правоохранительным органам. Данный сервис позволяет несовершеннолетним конфиденциально задавать вопрос адвокату.

Таким образом, профилактика использования сведений о частной жизни лица для вербовки в террористические организации и последующего вовлечения граждан в совершение преступлений террористической направленности первоначально должна быть направлена на формирование устойчивого антитеррористического мировоззрения и правосознания граждан, в то время как вспомогательным инструментом противодействия выступает блокировка контента, содержащего противоправную информацию.

Научная статья

УДК 343.35

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С СОКРЫТИЕМ НЕКОТОРЫМИ ГРАЖДАНАМИ ИМЕЮЩИХСЯ У НИХ АКТИВОВ И ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА

Дмитрий Юрьевич КАМЫШАНСКИЙ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия,
kamyshanski_dmitri@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению угроз экономической безопасности Российской Федерации, возникающих вследствие сокрытия некоторыми гражданами принадлежащих им активов и наличия двойного гражданства.

Автор раскрывает негативные последствия указанных действий, включая потенциальные угрозы для безопасности Российской Федерации, в том числе риски утраты контроля над капиталом, а также создание благоприятных условий для коррупции.

Поднимаются вопросы эффективности механизмов выявления нарушений и предлагаются меры по совершенствованию нормативного правового

¹ «Адвокатская тайна» в действии // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/advokatskaya-tayna-v-deystvii/> (дата обращения: 09.11. 2025).

регулирования, направленные на повышение прозрачности владения активами и предотвращение злоупотреблений.

Ключевые слова: экономическая безопасность, активы, двойное гражданство, сокрытие активов и двойного гражданства, коррупция

Original article

THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION CAUSED BY SOME CITIZENS HIDING THEIR ASSETS AND DOUBLE CITIZENSHIP

Dmitry Yu. KAMYSHANSKY

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia,
kamyshanski_dmitri@mail.ru

Abstract. The article focuses on the threats to the economic security of the Russian Federation that arise from the concealment of assets by certain citizens and the existence of dual citizenship.

The author explores the negative consequences of these actions, including potential threats to the security of the Russian Federation, such as the risk of losing control over capital and the creation of favorable conditions for corruption.

The article also raises questions about the effectiveness of mechanisms for detecting violations and proposes measures to improve legal regulation in order to increase transparency in asset ownership and prevent abuse.

Keywords: economic security, assets, dual citizenship, concealment of assets and dual citizenship, and corruption

Выявление фактов наличия в собственности у граждан Российской Федерации счетов, доходов и имущества, в особенности находящихся за границей, а также двойного гражданства представляет собой целенаправленную деятельность правоохранительных органов и проводится в процессе борьбы с преступностью и коррупцией, что стало особенно актуально в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины¹, а также беспрецедентного секционного давления со стороны ряда иностранных государств.

По нашему мнению, всех российских граждан – собственников активов² (получателей доходов), в том числе находящихся за рубежом и/или

¹ Камышанский Д. Ю. Факторы, влияющие на формирование, развитие и реализацию угроз безопасности Российской Федерации, связанные с проведением специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 2. С. 9–14.

² Здесь и далее под активами понимаются денежные средства на счетах (включая доходы

имеющих двойное гражданство, условно можно разделить на три категории:

1. Лица, которым действующим законодательством запрещено владеть объектами недвижимости за пределами Российской Федерации, счетами в иностранных банках, иметь двойное гражданство, а равно лица, которые обязаны декларировать свои доходы, расходы и недвижимость в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» от 7 мая 2013 №79-ФЗ (ред. от 10.07.2023), но которые в целях сокрытия своего реального имущественного положения предоставляют ложные сведения.

2. Лица, которым законодательно не запрещено владеть объектами недвижимости за пределами Российской Федерации, счетами в иностранных банках, иметь двойное гражданство, но которые скрывают указанные обстоятельства из-за возможного привлечения внимания правоохранительных органов, общественного порицания или по иным причинам.

3. Лица, которые открыто владеют объектами недвижимости за пределами Российской Федерации, счетами в иностранных банках, имеют двойное гражданство и указанные обстоятельства не скрывают.

Следует учитывать, что введение законодательного запрета для некоторых категорий лиц не случайно. Сокрытие отдельными категориями граждан наличия у них зарубежных счетов, доходов и имущества, а также двойного гражданства в определенных случаях является фактором, способствующим реализации угроз безопасности Российской Федерации, или свидетельствует о ранее совершенных противоправных деяниях.

В частности, зарубежные активы могут быть использованы в качестве:

- «рычага» воздействия на собственника (путем ограничения или лишения его вещных прав на имущество);

- предмета подкупа со стороны самого собственника в отношении третьих лиц¹;

- способа легализации дохода, полученного преступным путем.

Наличие двойного гражданства также увеличивает в отношении носителя гражданства уровень рисков, связанных с деятельностью различных незаконных преступных организаций, как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

Наличие второго гражданства позволяет гражданину Российской

в безналичной форме), сами счета и иное имущество.

¹ Кудратов М., Печегин Д. А. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 101–111.

Федерации беспрепятственно находиться на территории иностранного государства и совершать финансовые операции, не подконтрольные государственным контрольно-надзорным и правоохранительным органам Российской Федерации, в том числе со средствами, незаконно добытыми и выведенными за рубеж.

Также в случае преследования указанного лица в уголовном порядке на территории Российской Федерации оно, воспользовавшись паспортом гражданина иного государства, может беспрепятственно покинуть территорию государства, что в дальнейшем затруднит привлечение его к уголовной ответственности.

Важным представляется, что гражданство другого государства влечет за собой политико-правовую связь с этим государством, на гражданина налагаются различного рода обязанности, предусмотренные законодательством страны, предоставляющей свое гражданство или подданство¹. Лицо, получившее гражданство какого-либо государства, фактически присягает ему на верность и в случае конфликтов между государствами у бипатрида, как правило, возникнет так называемый «конфликт присяг».

В связи с этим выявление у российских граждан зарубежных счетов, доходов и имущества, а также двойного гражданства правоохранительными органами осуществляется в рамках противодействия указанным далее угрозам.

Угроза реализации противоправных устремлений незаконных преступных формирований, включая утечку информации, составляющей государственную тайну.

Результаты анализа правоприменительной практики правоохранительных органов свидетельствуют о нарастающей активности некоторых иностранных государств по ведению незаконной деятельности в целях добывания различной информации в военно-политической, социально-экономической, научно-технической и иных сферах, а также в интересах оказания воздействия на развитие политической и социально-экономической ситуации в Российской Федерации.

В поле их интереса находятся российские видные государственные и общественные деятели, процессы, происходящие в Вооруженных силах Российской Федерации². Повышенное внимание уделяется возможным противоречиям в высшем политическом руководстве, особенностям взаимодействия федерального Центра и субъектов Российской Федерации, уровню

¹ Евстеева М. С., Полянский В. В. Национальные и международные аспекты множественного гражданства // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция : Тезисы докладов, Самара, 10–21 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Эко-Вектор», 2023. С. 228–229.

² Ирошников Д. В. Понятие и правовая природа специальной военной операции как средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 21–26.

реального протестного потенциала населения, деятельности правозащитных и оппозиционных структур.

Угроза реализации коррупционных рисков (интересов) государственными (муниципальными) служащими (совершение преступлений коррупционной направленности).

Одной из главных задач правоохранительных органов при проверке коррумпированных чиновников является обнаружение противоправных доходов, способов их легализации и мест хранения, в том числе за границей. В связи с этим можно усилить контроль за документированием и процессуальным закреплением фактов легализации доходов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности.

Коррупционные процессы, протекающие практически на всех уровнях власти и управления, являются источником широкого спектра угроз государству в экономической, политической и социальной сферах, препятствуют нормальному функционированию общественных механизмов, проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики¹. Растет количество случаев игнорирования государственными и муниципальными служащими установленных законом обязанностей, запретов и ограничений.

Следует учитывать, что помимо непосредственного экономического ущерба от сокрытия преступных доходов, а также общественной опасности коррупции как противоправного явления легализация коррумпированными чиновниками преступных доходов путем приобретения собственности и открытия банковских счетов за рубежом одновременно повышает уровень их уязвимости со стороны противоправных преступных формирований, что формирует дополнительные угрозы нанесения ущерба безопасности Российской Федерации.

Угроза подкупа представителей органов государственной и муниципальной власти со стороны криминальных структур, в том числе проникновения во властные структуры представителей организованной преступности, участников террористических и экстремистских структур, «сращивание» криминала и власти и др.

Помимо традиционных преступлений уголовного характера организованные преступные сообщества в последние годы активно осваивают сферу экономических преступлений, связанных с созданием подставных фирм, используемых для получения «безвозвратных» товарных и денежных кредитов, контрабанды товаров, уклонения от налогообложения, обналичивания

¹ Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, 1 ноября 2024 года) / А. Н. Аксенов, К. В. Алексеев, Э. В. Алимов [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 4(52). С. 188–209.

(отмывания) добытых в результате преступной деятельности денежных средств, внедряются в легальную экономику, вкладывая в коммерческие структуры и банки уже легализованные денежные средства.

В результате переориентирования на экономические преступления, зачастую с использованием возможностей новых информационных технологий и искусственного интеллекта¹, организованные преступные сообщества и их лидеры получили реальную возможность укрепления финансового состояния возглавляемых ими преступных структур, аккумуляции похищенных у государства и собственников значительных денежных средств на зарубежных счетах, используемых ими для подкупа должностных лиц, «приобретения должностей».

Угроза утечки валютных средств за рубеж.

Реализации данной угрозы способствует предоставление права выхода на внешний рынок практически любому хозяйствующему субъекту. Проблема утечки за рубеж валютных средств связана не только с некомпетентностью хозяйствующих субъектов в области внешнеэкономических отношений, но и с их криминализацией, что говорит о необходимости усиления валютного регулирования и контроля в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Одним из рычагов валютного контроля является деятельность правоохранительных органов по предотвращению незаконного вывода валютных средств за границу в процессе внешнеэкономической деятельности.

К основным категориям лиц, через которых могут реализовываться рассмотренные угрозы и в отношении которых решаются задачи выявления скрываемых активов и / или двойного гражданства, следует относить:

1. Лиц, осведомленных в сведениях, составляющих государственную тайну (секретоносители), разглашение которых может повлечь причинение ущерба политической, военной и экономической безопасности Российской Федерации².

2. Государственных и муниципальных служащих различного уровня и лиц, занимающих выборные должности. Противоправная деятельность в отношении данных лиц может проявляться в лоббировании выгодных иностранным государствам политических, социальных, экономических инициатив, воздействии на принятие управленческих решений, получении разнотрансовой информации, которая может использоваться в ущерб безопасности Российской Федерации³.

¹ Самойлов И. Н., Камышанский Д. Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 17–22.

² Рясов Д. А. Основание уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих содержание государственной тайны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12–2. С. 131–135.

³ Камышанский Д. Ю. О некоторых аспектах взаимосвязи лоббизма и коррупции в Соединенных

Отдельное негативное влияние на авторитет государственной власти и отношение к политическому строю государства оказывает распространение информации компрометирующего характера в отношении высокопоставленных должностных лиц, что активно используется представителями радикально настроенных общественных движений в целях дестабилизации социально-экономической обстановки в стране путем «обличения власти».

3. Представителей бизнес-элиты, владельцев крупного капитала (земельного, промышленного, банковского и др.)¹, управленцев стратегически важными предприятиями, видных ученых, авторитетных общественных и религиозных деятелей.

4. Влиятельных представителей криминалитета. Лидеры организованных преступных групп способны оказать существенное влияние на развитие криминогенной обстановки в регионе и обладают возможностями использования подконтрольных им членов преступных сообществ в целях дестабилизации социально-политической и экономической обстановки, вплоть до организации проявлений экстремистского характера, а также формирования условий для так называемых «цветных революций».

Рассматривая указанные группы лиц, следует учитывать, что одно лицо может быть отнесено одновременно к двум и более группам. Например, видный ученый или руководитель стратегически важного предприятия может являться секретоносителем.

Таким образом, исследование угроз экономической безопасности Российской Федерации, обусловленных сокрытием активов гражданами и наличием двойного гражданства, выявило ряд существенных рисков и уязвимых мест национальной экономики. Проведенный анализ показал, что указанные факторы создают благоприятные условия для уклонения от налогообложения, нелегального вывода капитала за рубеж, коррупционных схем.

По нашему мнению, для минимизации указанных угроз может быть предложен комплекс мер правового и организационного характера, включающий совершенствование налогового законодательства, усиление международного сотрудничества правоохранительных органов, повышение прозрачности финансовых операций и ужесточение контроля над операциями с зарубежными активами. Эффективное решение обозначенных проблем позволит укрепить экономическую безопасность государства, повысить доверие населения к власти и обеспечить устойчивый рост благосостояния граждан Российской Федерации.

Штатах Америки // Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики : Сборник статей по итогам Шестого Профессорского форума 14–16 ноября 2023 г. Том 1, Москва, 14–16 ноября 2023 года. Москва: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. С. 219–226.

¹ Александров А. В. Развитие Private Banking: удержание и рост владельцев крупного частного капитала // Банковское дело. 2017. № 6. С. 57–61.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПОСЯГАЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ**

Елена Олеговна КОРШИКОВА¹, Дмитрий Владимирович ЛОБАЧ²

^{1, 2} Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия

¹ ekorshikova85@gmail.com

² dimaved85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается конкуренция уголовно-правовых норм ст. 280, 280.1, 280.4 и 282 УК РФ и связанные с ней проблемы оптимальной квалификации.

Делается вывод о нарушении принципа системности при закреплении нормативного материала и дублировании отдельных конструктивных признаков, что свидетельствует об отходе от принципа законности, снижает эффективность правового регулирования рассматриваемых отношений и повышает вероятность ошибок в правоприменительном процессе.

Ключевые слова: публичные призывы, экстремизм, безопасность государства, конкуренция правовых норм

Original article

**CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES INFRINGING
ON STATE SECURITY: PROBLEMS OF QUALIFICATION
AND LEGISLATIVE OPTIMIZATION**

Elena O. KORSHIKOVA¹, Dmitry V. LOBACH²

^{1, 2} Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

¹ ekorshikova85@gmail.com

² dimaved85@mail.ru

Abstract. This article examines the conflict between criminal law provisions in Articles 280, 280.1, 280.4, and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and the associated challenges of optimal classification.

It concludes that the principle of consistency is violated in the codification of normative material and that certain structural features are duplicated. This indicates a departure from the principle of legality, reduces the effectiveness of legal regulation of the relations in question, and increases the likelihood of errors in law enforcement.

Keywords: public appeals, extremism, state security, conflict between legal provisions

Одним из ключевых направлений российской правовой политики является охрана отношений, составляющих гражданский мир и социальное благополучие, которые, в свою очередь, составляют один из элементов безопасности государства и выступают базовой основой конституционного строя Российской Федерации.

Социальный мир как качественная основа безопасности российского государства на современном этапе «красной нитью» прослеживается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (далее – Стратегия национальной безопасности). Так, в Стратегии национальной безопасности межконфессиональные и межнациональные конфликты рассматриваются в контексте угрозы размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, реабилитации фашизма, внешних и внутренних деструктивных сил, предупреждения и нейтрализации социальных противоречий и конфликтов, информационно-психологической диверсии и «вестернизации» культуры, защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры межконфессионального диалога, а также геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть.

Важным направлением обеспечения социальных отношений, составляющих безопасность государства, в современных условиях выступает правоохранительное действие ряда норм уголовного законодательства Российской Федерации, среди которых следует обозначить прежде всего нормативные положения ст. 280, 280.1, 280.4 и 282 УК РФ.

Нормы указанных статей устанавливают дифференцированную ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства. Преступления, ответственность за которые предусмотрена данными нормами, с позиции способа их совершения являются вербальными, на что указывает публичный характер реализации их объективной стороны.

Кроме того, с позиции субъективной стороны все четыре преступления в той или иной степени охватываются экстремистским мотивом (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В свою очередь, связь общественно опасных деяний

с экстремистским мотивом создает определенные сложности в квалификации при оценке отдельных признаков этих деяний. В этом отношении обратим внимание на проблемы, возникающие при квалификации деяний по смежным составам преступлений.

Во-первых, отдельные составы преступлений имеют общий знаменатель по отдельным признакам объективной стороны, охватываемым понятием «экстремистская деятельность». Например, норма ст. 280 УК РФ, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в содержательном отношении (по признакам объективной стороны) в некоторых моментах соотносится до степени смешения и неопределенности с признаками состава преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ.

Дело в том, что нормативное определение понятия «экстремистская деятельность», легально закрепленное в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), содержит перечень общественно опасных деяний, составляющих эту деятельность.

Одним из проявлений такой деятельности является нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации). Вместе с тем норма ст. 280.1 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Таким образом, законодатель декриминализировал указанное проявление экстремистской деятельности через установление административной преюдиции и вывел его в отдельный состав при наличии преюдициального условия (лицо в течение года должно быть привлечено к административной ответственности).

Не вдаваясь в объяснение причин принятия данного законодательного решения, стоит отметить возможные сложности квалификации в ситуации, когда публичные призывы направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

При этом нельзя исключать оба варианта в пределах одного призыва. Например, публичный призыв направлен на изменение конституционного принципа федерализма и государственного суверенитета с обоснованием необходимости сецессии российской территории.

Кроме того, нарушение прав, свобод и законных интересов человека

и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, охватываемое понятием «экстремистская деятельность», раскрываемым в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), также подпадает под регулятивное действие нормы ст. 282 УК РФ.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) к действиям, направленным на возбуждение ненависти либо вражды, относятся любые противоправные действия, включая применение насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии.

Вместе с тем публичные призывы к насилию в отношении представителей определенной социальной группы также означают и призыв к совершению действий, нарушающих определенные права, свободы и законные интересы отдельных лиц в зависимости от их принадлежности к конкретной группе.

Исходя из системного толкования норм ст. 280 и 282 УК РФ, можно прийти к выводу, что разграничение следует проводить исходя из фактора насилия либо административной или уголовной преюдиции.

Это означает, что для квалификации действий по ст. 282 УК РФ публичные призывы к экстремистской деятельности, заключающейся в нарушении прав, свобод и законных интересов определенных лиц в зависимости от их принадлежности к социальной группе, не должны выражаться в насильственной форме, а лицо, совершающее такие действия, не должно быть подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние либо иметь судимость за преступления, прямо указанные в диспозиции ст. 282 УК РФ.

В противном случае лицо подлежит ответственности по ст. 280 УК РФ. Но в такой ситуации возникает вопрос о разграничении составов преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ, учитывая, что, как мы выяснили, составы преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ, различаются по предусмотренным п. «а», «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ альтернативным конструктивным признакам данного состава. Если же данные признаки отсутствуют, то приходится констатировать конкуренцию между ст. 280 УК РФ и ст. 20.3.1 КоАП РФ, которая в отсутствие внесения изменений в уголовный закон или закон об административных правонарушениях без каких-либо «натяжек» правоприменителем, на наш

взгляд, разрешена быть не может.

Кроме того, любопытен тот факт, что законодатель, конструируя норму об уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды или унижение человеческого достоинства, предусмотрев в качестве альтернативного конструктивного признака состава данного преступления уголовную преюдицию, счел достаточным указания на наличие судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282.4 УК РФ, и упустил из виду судимость за совершение аналогичного преступления, то есть предусмотренного ст. 282 УК РФ.

Тем самым законодатель допустил ситуацию, при которой одно лицо, возбудившее ненависть или вражду, являясь лицом, административно наказанным за аналогичное деяние, подлежит уголовной ответственности, а лицо, совершившее такое же деяние, имеющее судимость за аналогичное деяние, но не являющееся административно наказанным ввиду истечения срока, в течение которого считается подвергнутым административному наказанию, будет привлечено лишь к административной ответственности.

Во-вторых, прослеживается также конкуренция норм ст. 354 и ст. 280.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Конкуренция между нормами указанных статей возникает в ситуации, когда публичные призывы выражаются в требовании вооруженного отторжения российской территории (например, требования или обоснования необходимости оккупации, аннексии, установления вооруженного контроля над российской территорией со стороны другого государства)¹.

В научной литературе предлагается квалифицировать такую ситуацию по совокупности норм ст. 280.1 и 354 УК РФ. Такое решение обосновывается правилом об идеальной совокупности, поскольку одно действие одновременно посягает и на территориальную целостность Российской Федерации, и на международный мир².

Вместе с тем такая квалификация представляется небезупречной, поскольку не учитывается в полной мере содержательная сторона агрессии

¹ Ермакова О. В. Вопросы толкования состава публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14–2. С. 35; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. Москва, 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Власенко В. В. Квалификация публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, по признакам объективной стороны // Уголовное право. 2016. № 5. С. 31; Власенко В. В., Жеребченко А. В. Вопросы отграничения публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), от смежных преступлений // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 145.

как особого вида политического насилия. Содержание агрессии охватывает противоправное применение государством своих вооруженных сил против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости другого государства.

Если призыв к агрессии заключается в публичном требовании или обосновании необходимости захвата территории Российской Федерации через применение другим государством своих вооруженных сил, то, учитывая включенность территориального фактора в содержательную сторону агрессии, следует допустить окончательную квалификацию только по ст. 354 УК РФ без совокупности преступлений со ст. 280.1 УК РФ.

Отношения, составляющие международный мир, являются основным непосредственным объектом уголовно-правовой охраны, в то время как безопасность государства, включающая также и территориальную целостность, отходит на второй план и становится дополнительным объектом. Игнорирование территориального фактора приведет к усилению ответственности в нарушение принципа справедливости.

В то же время квалификация по совокупности норм ст. 280.1 и 354 УК РФ все же возможна в ситуации, когда публичные призывы к нарушению территориальной целостности осуществляются через обоснование необходимости сецессии без применения вооруженных сил другого государства, а параллельно делаются публичные обращения (обоснования, утверждения, требования) о необходимости нанесения ракетно-бомбовых ударов по территории России. В данном случае имеет место реальная совокупность преступлений.

В-третьих, наблюдается конкуренция правовых норм ст. 282 и ст. 280.4 УК РФ в части публичных призывов к геноциду. Изначально такие действия охватывались возбуждением ненависти либо вражды в рамках ст. 282 УК РФ.

Так, в соответствии с абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии.

Таким образом, с позиции высшей судебной инстанции Российской Федерации публичные высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида в отношении определенной демографической группы населения, являются действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, в том числе на возбуждение ненависти либо вражды к представителям какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии.

рафической общности, следует квалифицировать по ст. 282 УК РФ как возбуждение ненависти либо вражды.

Вместе с тем Федеральным законом от 14 июля 2022 № 260-ФЗ в УК РФ была внесена норма, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ). В примечании к этой норме со ссылкой на примечание к ст. 104.1 УК РФ дается легальное определение деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, под которой понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 209, 210, 222–223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275–276.1, 281–281.3, 283, 283.1, 284.1, 284.3, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ. Таким образом, геноцид (ст. 357 УК РФ) также является частью деятельности, направленной против безопасности государства, в связи с чем возникает конкуренция уголовно-правовых норм ст. 282 и ст. 280.4 УК РФ, которая требует осмысления и перспективного разрешения.

Сравнение объективной стороны двух преступлений (ст. 282 и ст. 280.4 УК РФ) позволяет увидеть их относительное сходство. И публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, и публичные призывы к деятельности, посягающей на безопасность Российской Федерации, могут совершаться для того, чтобы побудить к геноциду.

Отличительной особенностью, на первый взгляд, по объективной стороне выступает то, что к действиям, направленным на возбуждение ненависти либо вражды, с позиции постановления Пленума относятся высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость проведения геноцида, а публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, охватывают обращения к неопределенному кругу лиц с целью побудить их к совершению действий, составляющих геноцид.

Слова «обоснование» и «утверждение» имеют довольно близкое семантическое значение, заключаемое в аргументации и отстаивании какой-либо идеи как правильной и требующей одобрения. В свою очередь публичный призыв также может охватывать вербальные побудительные акты, отражающие обоснование и (или) утверждение необходимости совершения определенных действий.

Вместе с тем законодатель по-разному оценивает степень общественной опасности обоих преступлений. Норма ч. 1 ст. 282 УК РФ сконструирована с тремя альтернативными признаками: административная преюдиция, судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282.4 УК РФ, и сопряженность деяния с оправданием или

пропагандой применения насилия либо угрозы его применения.

Сложившаяся ситуация демонстрирует снижение степени общественной опасности высказываний, обосновывающих и (или) утверждающих необходимость проведения геноцида, в сравнении с публичными призывами к геноциду, квалифицируемыми по ст. 280.4 УК РФ.

Однако столь условное отличие, с учетом общего признака – вербальные действия должны совершаться для того, чтобы побудить других лиц совершить акт геноцида, – осложняет квалификацию и создает риски произвольного усмотрения правоприменителем, поскольку повышается вероятность смысловой конвергенции обоих понятий (публичный призыв также включает в себя утверждения и (или) обоснования о необходимости совершения определенных действий)¹.

В свою очередь, отнесение законодателем нормы, предусматривающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, к группе преступлений, посягающих на государственную власть, редуцирует характер общественной опасности геноцида, так как отодвигает на второй план отношения, составляющие безопасность человечества.

Наблюдается явная непоследовательность законодателя в конструировании уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Действительно, в одном случае законодатель совершенно оправданно поместил норму о публичных призывах к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ) в раздел XII наравне с нормой о самой агрессии (ст. 353 УК РФ), но почему-то нарушил свою логику применительно к публичным призывам к геноциду. В этом отношении стоит согласиться с позицией, высказанной в академической среде, о необходимости конструирования самостоятельной нормы о публичных призывах к геноциду с ее размещением в XII разделе УК РФ.

В-четвертых, имеет место сложность оптимальной квалификации публичных призывов к диверсии. Квалификация публичных призывов к диверсии зависит от причастности вооруженных сил другого государства и факта состояния вооруженного конфликта. В соответствии с нормой ст. 281 УК РФ во взаимодействии с нормой ст. 280.4 УК РФ публичные призывы к диверсии против Российской Федерации направлены против таких ее национальных интересов, как экономическая безопасность и обороноспособность.

При этом такие действия не должны быть связаны с применением

¹ Лобач Д.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к геноциду в российском законодательстве: вопросы квалификации и законодательной оптимизации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. № 5 (109) 2025. С. 134-140.

вооруженных сил другого государства против национальных интересов России. Если же такие призывы контекстуально связаны с применением вооруженных сил другого государства против России при условии отсутствия вооруженного конфликта между этими государствами, то они должны быть квалифицированы только по ст. 354 УК РФ.

Так, например, было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 354 УК РФ, в отношении лидера украинской радикальной организации «Братство» Корчинского Д. А. (бывшего участника УНА-УНСО) в связи с высказанными им в интервью телеканалу «Россия 1» призывами к развязыванию агрессивной войны путем ведения диверсионно-партизанских действий на территории Российской Федерации, в том числе в Крыму. Поскольку Россия и Украина на тот момент не находились в состоянии вооруженного конфликта, то с учетом направленности умысла и обстановки такие действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 354 УК РФ. Однако, если подобного рода вербальные действия совершаются в условиях уже начатого вооруженного конфликта и направлены на подрыв экономической безопасности или обороноспособности Российской Федерации, то квалификация должна осуществляться только по ст. 280.4 УК РФ как публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Дополнительная квалификация по ст. 354 УК РФ не требуется, так как отношения мирного сосуществования государств и народов уже нарушены.

В заключение следует отметить, что уголовно-правовая охрана социальных отношений, составляющих безопасность Российской Федерации, имеет определенные недостатки, связанные с отходом от принципа системности при конструировании уголовно-правовых норм, что закономерно приводит к конкуренции между ними. В свою очередь, нарушение принципа системности при закреплении нормативного материала и дублирование отдельных конструктивных признаков, приводящие в конечном итоге к противоречивому толкованию, свидетельствуют об отходе от принципа законности, снижают эффективность правового регулирования рассматриваемых отношений и повышают вероятность ошибок в правоприменительном процессе.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УТРАТЫ ДОКУМЕНТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена вопросам квалификации «утраты документов, содержащих государственную тайну».

Автор анализирует признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284 УК РФ.

Приводится характеристика общественно опасных последствий данного состава преступления, в частности, тяжких последствий, причиненных утратой предметов, содержащих государственную тайну.

Ключевые слова: уголовное право, государственная тайна, тяжкие последствия, ст. 284 УК РФ

Original article

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF THE LOSS OF DOCUMENTS CONTAINING STATE SECRETS

Roman M. KRAVCHENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The work is devoted to the issues of qualification of "loss of documents containing state secrets".

The author analyzes the signs of the objective side of the crime under Article 284 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The article describes the socially dangerous consequences of this crime, particularly the severe consequences caused by the loss of items containing state secrets.

Keywords: criminal law, state secrets, severe consequences, Article 284 of the Criminal Code of the Russian Federation

Современные геополитические условия требуют своевременного обеспечения нормативного порядка обращения с информацией. Отечественное законодательство предусматривает различные правовые режимы обращения с различными сведениями, среди которых можно выделить «личную тайну», «профессиональную или служебную информацию», «коммерческую тайну», «банковскую тайну», «врачебную тайну» и др. Особое место в данном перечне занимает информация, которая содержит государственную тайну.

Информатизация государственных органов, дальнейшее развитие электронного документооборота и системы межведомственного электронного взаимодействия обуславливают необходимость поиска новых подходов к правовой защите государственной, в том числе военной тайны ... возможны ситуации, когда информационный ресурс с важными военными сведениями может быть заблокирован или могут быть уничтожены сами сведения, что в свою очередь может парализовать работу руководящих органов и привести к нарушению военного управления¹.

Уголовный закон содержит ряд норм, охраняющих законный порядок обращения со сведениями, составляющими государственную тайну. В зависимости от признаков предмета преступления, способов посягательств, формы вины и других признаков состава преступления в данную группу можно включить неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), государственную измену (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ) и др.

К перечню сведений, составляющих государственную тайну, согласно ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) относятся:

1) сведения в военной области (в частности, о содержании стратегических и оперативных планов, о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре и о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения);

2) сведения в области экономики, науки и техники (в частности, об использовании инфраструктуры Российской Федерации в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства, о силах и средствах гражданской обороны и сведения о государственном оборонном заказе);

3) сведения в области внешней политики и экономики, в которые

¹ Соколов М. С. Некоторые вопросы противодействия угрозам информации, составляющей военную тайну // Военное право. 2013. № 4. С. 25.

входит информация о внешнеполитической, внешнеэкономической деятельности Российской Федерации и о финансовой политике в отношении иностранных государств;

4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также в области противодействия терроризму и в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты (в частности, информация о разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности и о деятельности по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты).

Нормой ст. 284 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение лицом, имеющим допуск к государственной тайне, установленных правил обращения с содержащими государственную тайну документами, а равно с предметами, сведения о которых составляют государственную тайну, если это повлекло по неосторожности их утрату и наступление тяжких последствий.

Основным непосредственным объектом данного преступления следует считать безопасность государства как состояние защищенности конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности от внешних и внутренних угроз, связанных с утратой Россией монопольного владения своими секретами¹.

Отличительной особенностью данного состава преступления является неосторожная форма вины по отношению к общественно опасным последствиям, указанным диспозиции статьи. Если же подавляющее большинство преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере обеспечения сохранности государственной тайны, заключается в умышленном соби- рании и разглашении таких сведений, то в рамках преступной утраты документов, содержащих в себе государственную тайну, общественно опасное деяние сформулировано как нарушение правил обращения с такой информацией. Такие правила устанавливаются как федеральным законодательством, так и ведомственными правовыми актами.

Как показывают материалы оперативно-следственной практики, чаще всего нарушение таких правил состоит в следующем: снятии копий с секретных документов без письменного разрешения режимно-секретного органа; неучтенной передаче документов и изделий другим лицам; выполнении секретных работ вне режимных помещений; подготовке документов закрытого характера на незащищенном компьютере; оставлении документа или предмета без присмотра; перевозке секретных документов и материалов

¹ Савинский А. В. Нормы УК РФ об ответственности за разглашение государственной тайны требуют оптимизации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 61.

в общественном транспорте и т. д.¹.

Ввиду того, что механизм совершения данного деяния обладает меньшей общественной опасностью по сравнению, например, с преступлением, предусмотренным ст. 275 УК РФ, для признания утраты документов, содержащих в себе государственную тайну, преступной необходимо установить сложную цепочку общественно опасных последствий.

Законодателем признано необходимым наступление двух вредных результатов (утраты документов, предметов и далее – тяжких последствий), отсюда употребление соединительного союза «и» в данном случае выглядит вполне оправданным².

Несмотря на то, что сама утрата документов, содержащих в себе сведения, представляющих государственную тайну, причиняет вред интересам государства, может негативно сказаться на его внешнеполитической репутации, а в условиях проведения специальной военной операции ставит под угрозу формирования войск, для применения ст. 284 УК РФ деяние виновного должно дополнительно причинить тяжкие последствия, которые, по смыслу статьи, должны находиться в причинной связи с фактом утраты документов.

Важность сведений, содержащихся в документах, не может выступать в качестве единственного аргумента для признания факта причинения тяжких последствий деянием лица, допустившего их утрату. Данное обстоятельство изначально учтено при регулировании режимности обращения с подобной информацией.

Согласно ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-І (ред. от 08.08.2024) под государственной тайной понимается защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

В зависимости от степени важности таких сведений Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» от 07 февраля 2024 № 132 (ред. от 08.07.2025) установлены следующие степени секретности сведений, а следовательно, формы допуска к ним:

первая форма – для граждан, допускаемых к сведениям особой важности;

вторая форма – для граждан, допускаемых к совершенно секретным сведениям;

третья форма – для граждан, допускаемых к секретным сведениям.

Следовательно, сам факт утраты предметов или документов, содержащих в себе сведения особой важности, не является достаточным основанием

¹ Савинский А. В. Нормы УК РФ об ответственности за разглашение государственной тайны требуют оптимизации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 61.

² Кругликов Л. Л. Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки // Уголовное право. 2010. № 5. С. 38.

для квалификации деяния лица по ст. 284 УК РФ, так как подобное последствие охватывается понятием «утраты документов», но само по себе не характеризует тяжкие последствия от подобного деяния.

Вместе с тем, неверно утверждать, что такие последствия могут выражаться лишь в причинении реального вреда охраняемым общественным отношениям.

Тяжкие последствия имеют оценочный характер, т.е. признаются таковыми с учетом обстоятельств совершенного преступления, конкретной политической, экономической или боевой обстановки. К их числу можно отнести: переход сведений в руки иностранных разведок, срыв важных государственных мероприятий или научных исследований, крупный экономический ущерб, вынужденную передислокацию стратегического объекта, провал крупной оперативной или войсковой операции, срыв важных переговоров и соглашений Российской Федерации, ущерб внешнеполитическим или оборонным интересам России¹.

Подобные негативные изменения выходят за границы характеристики важности утраченных сведений и должны оцениваться самостоятельно как дополнительные последствия, наступившие в результате совершения противоправного деяния.

Так или иначе, для соответствия критериям общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 284 УК РФ, тяжесть последствий, особенно нематериальных, должна основываться на конкретных обстоятельствах, а не носить вероятностный и предположительный характер либо основываться лишь на важности утраченных предметов или документов, содержащих государственную тайну.

Научная статья
УДК 343.32

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Александр Викторович КУРСАЕВ

Договорно-правовой департамент МВД Российской Федерации, Москва,
Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации разглашения государственной тайны (статья 283 УК РФ). Анализируются элементы состава данного преступления и отграничение его от государственной измены (статья 275 УК РФ) и шпионажа (статья 276 УК РФ).

¹ Рарог А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 752–753.

Рассматривается вопрос о субъективной стороне преступления. Автор исходит из того, что данное деяние может совершаться как с умыслом, так и по неосторожности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, разглашение, государственная тайна, безопасность государства

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR DISCLOSING STATE SECRETS

Alexander V. KURSAEV

Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of qualification of disclosure of state secrets (Article 283 of the Criminal Code of the Russian Federation). The elements of the composition of this crime and its differentiation from treason (Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation) and espionage (Article 276 of the Criminal Code of the Russian Federation) are analyzed. The issue of the subjective side of the crime is considered. The author assumes that this act can be committed both intentionally and by negligence.

Keywords: criminal liability, disclosure, state secrets, state security

В ст. 283 УК РФ предусмотрена ответственность за разглашение государственной тайны. Данный состав традиционен для отечественного уголовного права. Так, ранее ответственность за разглашение государственной тайны предусматривалась в статье 75 УК РСФСР 1960 года.

Законодатель сохранил традиции конструирования данного состава, предусмотрев как в статье 75 УК РСФСР 1960 года, так и в статье 283 УК РФ основной состав (часть 1 этих норм), и квалифицированный состав (ч. 2), связанный с причинением по неосторожности тяжких последствий.

В то же время несколько снижен размер уголовного наказания: если в ст. 75 УК РСФСР оно составляло от двух до пяти лет лишения свободы в основном составе и от пяти до восьми лет в квалифицированном, то в ст. 283 УК РФ – до четырех лет и от трех до семи лет соответственно. В УК РФ предусмотрена также возможность назначения альтернативного вида наказания, не связанных с лишением свободы, — ареста, а также назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Статья 283 УК РФ относится к числу достаточно часто применяемых

норм из числа предусмотренных в главе 29 УК РФ. При этом фиксируется устойчивый рост количества лиц, осужденных за совершение рассматриваемого преступления. В частности, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за разглашение государственной тайны было осуждено: в 2020 году – 43 чел., в 2021 году – 58 чел., в 2022 году – 66 чел., в 2023 году – 70 чел., в 2024 году – 75 чел.

Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что информация, в отношении предприняты меры по обеспечению ее конфиденциальности и которая образует сведения, составляющие государственную тайну, разглашается, и в силу этого может быть использована для посягательств на интересы Российской Федерации.

Профессором С. В. Дьяковым было высказано мнение о том, что разглашение государственной тайны посягает на внешнюю безопасность государства¹. Сходной точки зрения придерживается и С. И. Никулин с той лишь разницей, что он полагает, что деяние, предусмотренное ст. 283 УК РФ, субъективно не направлено на причинение ущерба внешней безопасности, и поэтому внешнюю безопасность государства является при его совершении не непосредственным, а видовым объектом².

Полагаем данную точку зрения некорректной. Преступления против внешней безопасности государства (например, государственная измена и шпионаж) совершаются в пользу внешних адресатов. Разглашение государственной тайны является преступным вне зависимости от того, откуда (с территории Российской Федерации или из ее пределов) возникла угроза ее безопасности.

Поэтому более продуктивной считаем точку зрения В. Н. Рябчука³ и А. Г. Хлебушкина⁴, полагающих, что статья 283 УК РФ относится к группе преступлений, посягающих на сохранность государственной тайны. В связи с этим объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с защитой сведений, составляющих государственную тайну.

Исходя из диспозиции ст. 283 УК РФ она применяется при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 УК РФ. Указанное обусловлено тем, что разглашение государственной тайны

¹ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : уголовно-правовое и криминологическое исследование. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс (изд-во Р. Асланова), 2009. С. 31.

² Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. Э. Жалинский. М. 2005. С. 862–863.

³ Энциклопедия уголовного права. Том 26. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб : издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2015. С. 600.

⁴ Полный курс уголовного права. Т. VIII. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы / Под ред. А. И. Коробеева. СПб. Юридический центр- Академия. СПб. 2021. С. 45.

является одним из способов деяний в статьях 275 и 276 УК РФ. Разграничение между ними провидится по направленности умысла и в зависимости от того, кому была разглашена государственная тайна – в ст. 275 и 276 УК РФ ее разглашение производится специальным адресатам – иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям.

Предметом преступления в соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-І (ред. от 08.08.2024) является государственная тайна, под которой понимаются защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Очевидным показателем того, что определенная информация относится к сведениям, составляющим государственную тайну, является наличие соответствующих внешних атрибутов в виде грифа секретности.

Однако следует учитывать, что сведения составляют государственную тайну не в связи с тем, что имеют гриф секретности, а наоборот, гриф секретности присваивается им потому, что они содержат государственную тайну. Поэтому вне зависимости от наличия грифа секретности если сведения по своему содержанию составляют государственную тайну, содеянное также ответственно по ст. 283 УК РФ.

Так, Ж. передал руководителю администрации главы региона Б. документы ограниченного доступа, на которых отсутствовал гриф секретности¹. Исходя из этого в необходимых случаях для подтверждения наличие у определенной информации статуса государственной тайны может подтверждаться путем проведения экспертизы.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в разглашении сведений, составляющих государственную тайну, под которым следует понимать противоправное придание ее огласке, в результате чего она становится известна посторонним лицам.

Способы совершения рассматриваемого преступления могут быть различными и состоять как в совершении активных действий (сообщение в ходе разговора, передача видео-, фото- или аудиофайлов, демонстрация и т. п.), так и путем бездействия (например, путем оставления секретного документа на рабочем столе, в результате чего произошло ознакомление с его содержанием посторонних лиц).

Так, виновный, являясь действующим оперативным сотрудником, осуществил фотографирование и видеозапись на свой личный мобильный телефон секретных документальных материалов, с которыми в после-

¹ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3932174?ysclid=mhnwwlm27b645336045>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

дующем ознакомил другое лицо¹.

Разглашение должно производиться в адрес других лиц. Под ними по смыслу статьи 283 УК РФ следует понимать всех иных лиц, которые не имеют законных оснований для ознакомления со сведениями, составляющими государственную тайну. Круг этих лиц состоит из двух категорий.

Во-первых, это лица, которые вообще не имеют соответствующего допуска к государственной тайне. Соответственно, сведения, составляющие государственную тайну, не могут им сообщаться ни при каких обстоятельствах.

В частности, руководитель подразделения геодезического предприятия имеющий доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, передавал эту информацию для последующей обработки подчиненному, не имеющему такого допуска².

По другому делу чиновник разгласил ставшую ему известной по работе секретную информацию среди третьих лиц, не имеющих допуска к государственной тайне, в результате чего был нанесен ущерб интересам государства в области обеспечения информационной безопасности³.

Во-вторых, к числу других лиц могут относиться лица, которые хотя и имеют доступ к государственной тайне, но не должны быть ознакомлены с секретными сведениями, которые были до них доведены. В частности, можно представить себе ситуацию, когда лицо имеет доступ к государственной тайне и знакомо со сведениями в сфере экономической безопасности, однако ему были доведены сведения в области оперативно-розыскной деятельности, например, данные об агентуре. Содеянное также охватывается статьей 283 УК РФ. Например, к ответственности было привлечено лицо, которое при проведении оперативно-розыскных мероприятий раскрыло их детали субъекту оперативно-розыскной деятельности⁴.

Анализ анонсов судебных дел, размещенных в средствах массовой информации, свидетельствует, что одним из наиболее распространенным случаев применения статьи 283 УК РФ является разглашение данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, третьим лицам, в том числе тем, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Поскольку оперативно-розыскную деятельность вправе осу-

¹ <https://komiinform.ru/news/223935?ysclid=mhnx90chdv91337360>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238691?ysclid=mhnxwvxvxe921964777> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/byvshiy-chinovnik-poluchil-uslovnyy-srok-po-delu-o-razglashenii-gostayny-v-hakasii>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁴ <https://www.uralinform.ru/news/crime/346571-na-urale-policeiskogo-priznali-vinovnym-v-razglashenii-gostainy/> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

шествовать только ограниченный перечень государственных органов, в первую очередь правоохранительных, то данное преступление наиболее часто совершается именно сотрудниками этих органов.

В частности, по анализируемой норме были квалифицированы случаи разглашения конфиденциальных сведений о гражданине – агенте¹, передача результатов оперативно-розыскной деятельности другим гражданам², передача своему знакомому данных прослушивания телефонных переговоров³, предоставление должностными лицами местной жительнице, не имеющей доступ к информации, составляющей государственную тайну, сведений о проводимых в ее отношении оперативно-розыскных мероприятиях⁴.

Наиболее часто также разглашается информация в области государственной тайны, составляющая специфику трудовой деятельности виновного лица. Так, виновный передал подчиненному, не допущенному к государственной тайне, электронные топографические сведения об одном из режимных объектов Иркутской области⁵, судья предал огласке сведения с грифом «секретно» из материалов находящегося в его производстве дела⁶.

При этом поскольку обязанность по сохранению сведений, составляющих государственную тайну, которому она была доверена, действует вне зависимости от актуального статуса данного лица и наличия у него допуска, лицо, владевшее сведениями в области государственной тайны и прекратившее работу (службу), также несет ответственность по ст. 283 УК РФ. Например, бывший полицейский в переписке в интернет-мессенджере с гражданским лицом передал сведения о проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении фигуранта уголовного дела⁷.

Разглашение государственной тайны может вытекать и из факта нарушения установленного порядка работы с секретными сведениями. Так, бывший сотрудник ФСИН России в ходе судебного процесса со своим работодателем, ложно понимая возможности судебной защиты своих интересов

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2014 г. № 51-АПУ14-28сс. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² <https://lenta.ru/news/2023/12/20/jugraaa/?ysclid=mhnwbuqi2n461496282> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ https://rapsinews.ru/judicial_news/20241017/310334785.html?ysclid=mhnwjmc7vv685617650 (дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁴ <https://kavkaz.mk.ru/social/2024/08/03/v-kabardinobalkarii-dvoe-policeyskikh-osuzhdeny-za-razglashenie-gostayny.html?ysclid=mhnwj5vlfu973668052> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁵ <https://regnum.ru/news/3130394> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁶ <https://pravo.ru/story/242504/?ysclid=mhnx8rwodl17043190> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

⁷ <https://74.ru/text/criminal/2023/01/11/71965070/?ysclid=mhnwj8dfo8699992596> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

любыми способами, предал огласке сведения о методах оперативной работы в следственном изоляторе и о лицах-агентах в нем¹.

Рассматриваемый состав преступления относится к числу материальных, поскольку в диспозиции статьи 285 УК РФ указано последствие – «если эти сведения стали достоянием других лиц». Соответственно, деяние будет являться оконченным, если секретные сведения стали достоянием хотя бы одного другого лица, которое не имело законных оснований для ознакомления с ними. В частности, женщина, имеющая на момент совершения преступления допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, передала секретные материалы своему супругу для последующего уничтожения, который ознакомился с отраженными в документах сведениями, касающимися грузоперевозок².

Восприятие другим лицом сведений, составляющих государственную тайну, может быть осуществлено любым способом: посредством запоминания, записи и т.п. Достаточно понимания общего смысла разглашенной информации, а не ее уяснения в полном объеме или с высокой степенью детализации. Если же разглашенные сведения в области государственной тайны не были восприняты другим лицом, то наличествует покушение.

Такое может иметь место, когда гражданин рассказывает сведения, составляющие государственную тайну, другому лицу, которое не может ее воспринять в силу незнания русского языка (является иностранцем), глухоты и проч.

Наличие причинной связи между деянием и преступными последствиями является обязательным составляющим состава преступления по статье 283 УК РФ.

Дискуссионным является вопрос о субъективной стороне преступления в статье 283 УК РФ. Т.Р. Сабитов полагает, что субъективная сторона может заключаться только в умышленной форме вины³. Аналогичной позиции придерживается и А. Г. Хлебушкин, который считает, что преступление, предусмотренное частью 1 статьи 283 УК РФ, характеризуется наличием прямого или косвенного умысла⁴.

Однако мы разделяем другую точку зрения, согласно которой субъективная сторона в статье 283 УК РФ может выражаться как в виде умысла, так и неосторожности⁵.

¹ Назаров П. Защита секретной информации // Законность. 2007. № 1. С. 41.

² <https://www.irk.ru/news/20230824/sentence/> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ Сабитов Т. Р. Квалификация разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ) по форме вины // Уголовное право. 2007. № 4. С. 62

⁴ Полный курс уголовного права. Т. VIII. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы / Под ред. А.И. Коробеева. СПб. Юридический центр- Академия. СПб. 2021. С. 141.

⁵ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства :

Чаще всего преступление совершается с прямым умыслом, когда имеет место прямое раскрытие сведений, составляющих государственную тайну. Так, гражданин, занимавший руководящую должность в государственном органе, передал третьим лицам секретные сведения, к которым имел доступ в связи со служебными полномочиями¹.

С косвенным умыслом действует лицо, которое безразлично относится к тому, могут ли быть в результате его поступков быть восприняты посторонними лицами сведения, составляющие государственную тайну. Такое, например, может иметь место при ведении разговоров на секретную тематику в общественном транспорте.

Наконец, преступная неосторожность может быть констатирована в случае оставления по забывчивости секретного документа на рабочем столе, с содержанием которого ознакомилось другое лицо.

То, что рассматриваемое преступление может совершаться и по неосторожности, следует не только из законодательной формулировки ч. 2 ст. 24 УК РФ, которым деяние, совершенное только по неосторожности, признается лишь в случае, когда это специально предусмотрено статьей Особенной части УК РФ (чего нет в статье 283 УК РФ), но и из сопоставительного анализа ст. 283 и 284 УК РФ.

Статья 284 УК РФ, устанавливая ответственность за утрату документов, содержащих государственную тайну, может совершаться только с неосторожной формой вины. Самое строгое наказание за данное преступление составляет лишение свободы на срок до трех лет. В статье 283 УК РФ самое тяжкое наказание состоит в лишении свободы на срок до четырех лет.

Соответственно, сопоставимость размеров наказания также является дополнительным аргументом того, что по своей общественной опасности криминализированным является и неосторожное разглашение государственной тайны.

Иное бы означало, что утрата по неосторожности материальных носителей сведений, составляющих государственную тайну, будет влечь уголовную ответственность, а неосторожное разглашение государственной тайны – нет. Абсурдность данного суждения очевидна, поскольку общественной опасностью обладают все варианты разглашения государственной тайны вне зависимости от того, каким образом это

уголовно-правовое и криминологическое исследование. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс (изд-во Р. Асланова), 2009. С. 57–59; Энциклопедия уголовного права. Том 26. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб : издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕвразЭС, 2015. С. 617–621; Савинский А. В. Нормы УК РФ об ответственности за разглашение государственной тайны требуют оптимизации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 61.

¹ https://68news.ru/news/crime/tambovskiy_oblastnoy_sud_vynes_prigovor_po_delu_o_razglashenii_gostayny/?ysclid=mhnwe49nzt291000488 (дата обращения: 30.11.2025 г.).

произошло – путем утраты материального носителя или путем ознакомления с его содержимым другого лица.

Мотивы совершения рассматриваемого преступления могут быть различны и состоять в стремлении наладить отношения с руководителем службы безопасности авиакомпании, поделился с ним оперативной информацией¹, желание вступить в неслужебную связь с содержащимся в следственном изоляторе мужчиной², нежелание самому выполнять работу с секретными документами, в результате чего к ней привлекаются посторонние лица³.

Могут быть и иные мотивы, например, разглашение государственной тайны близкому человеку в целях придания видимости важности своего статуса, осведомленности, значимости.

Субъект преступления по статье 283 УК РФ специальный – это лицо, которому была доверена государственная тайна или которому она стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В первом случае лицу оформляется допуск к государственной тайне. Во втором случае оно знакомится со сведениями, составляющими государственную тайну, без оформления допуска, например, в случае участия в качестве стороны в судебном процессе по делам, связанным с государственной тайной.

Для привлечения к ответственности по статье 283 УК РФ не имеет значение гражданство виновного. Он может являться как гражданином Российской Федерации, так и гражданином (подданным) иностранного государства, а также лицом без гражданства. Указанное подтверждается тем, что в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24 января 2024 г. № 58 «Об утверждении Правил оформления, переоформления и прекращения допуска граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства, лиц без гражданства, иностранных граждан к государственной тайне, а также их доступа к сведениям, составляющим государственную тайну» российское законодательство содержит возможность оформления допуска к государственной тайне иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Рассматриваемое преступление может быть совершено и в соучастии, например, когда один виновный имеет статус исполнителя, а другой –

¹ <https://lenta.ru/news/2023/12/20/jugraaa/?ysclid=mhnwbuqi2n461496282> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² <https://53news.ru/novosti/66770-zagadochnaya-istoriya-s-razglasheniem-gosudarstvennoj-tajny-sluchilas-v-novgorodskom-sizo-s-uchastiem-sotrudnitsy-sledstvennogo-izolyatora-i-sideltsa.html?ysclid=mhnwiv51zl651530874> (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ <https://vesti-magadan.ru/proisshestviya/dva-goda-uslovno-za-razglashenie-gosudarstvennoj-tajny> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

пособника преступления¹.

В ч. 2 ст. 283 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав, связанный с наступлением по неосторожности тяжких последствий. Полагаем, что в качестве таковых может рассматриваться широкое разглашение сведений, составляющих государственную тайну, их поступление к иностранному государству, гибель людей (например, агента) или причинение значительного материального ущерба, срыв важных государственных мероприятий.

При этом значение имеет не сама по себе степень секретности (секретные, совершенно секретные или сведения особой важности) разглашенных сведений, а именно тяжесть последствий, наступивших в ходе этого.

Встречается и многоэпизодное (семь случаев) совершение данного преступления².

Разглашение государственной тайны может иметь не только спонтанный характер, но и характеризоваться наличием подготовительной деятельности. В частности, виновный, находясь на службе, незаконно вывез секретную документацию и предоставил к ней доступ посторонним лицам³.

Научная статья

УДК 343.326

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «НЕНАВИСТЬ» В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 282 УК РФ

Георгий Константинович ЛАПКО

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия, detall2010@yandex.ru

Аннотация. В юридической литературе отсутствует всесторонний анализ содержания термина «ненависть» в контексте ст. 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

На основании изучения содержания термина «ненависть» в различных науках автор приходит к выводу, что ненависть в контексте ст. 282 УК РФ – это всеохватывающее, болезненное состояние, проявляющееся в крайне

¹ <https://www.m24.ru/news/sudy/22072019/83632> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4408484?ysclid=mhnx6b0wua815435610> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

³ <https://chistopol-rt.ru/news/chelovek-i-zakon/vynesli-prigovor-cistopolcu-za-razglasenie-gosudarstvennoi-tainy> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

выраженном, агрессивно-отрицательном отношении, отчетливом желании нанести вред человеку или к группе лиц в связи с их происхождением, принадлежностью к определенному полу, расе, национальности, религии, социально или языковой группе.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления экстремистской направленности, экстремизм, ненависть, хейт

Original article

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «HATRED» AS PART OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Georgy K. LAPKO

Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Simferopol, Russia, detall2010@yandex.ru

Abstract. In legal literature there is no comprehensive analysis of the content of the term ‘hatred’ in the context of Article 282 of the Criminal Code ‘Incitement of hatred or enmity as well as humiliation of human dignity’.

On the basis of study of the content of the term ‘hatred’ in various sciences, the author comes to the conclusion that hatred in the context of Article 282 of the Criminal Code is an all-encompassing, painful state that manifested in an extremely pronounced, aggressively negative attitude, a clear desire to cause harm to a person or a group of persons due to their origin, gender, race, nationality, religion, social or linguistic group.

Keywords: criminal liability, extremist crimes, extremism, hatred, hight

Статья 19 Конституции Российской Федерации гарантирует равные права гражданам вне зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В современных условиях защита основ конституционного строя и безопасности государства – одно из приоритетных направлений борьбы с экстремистской преступностью.

Одним из преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства является «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ответственность за которое предусмотрена ст. 282 УК РФ. Диспозицией ч.1 ст. 282 УК РФ предусмотрена ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения,

отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Очевидно, что термины, используемые законодателем для формулирования диспозиции рассматриваемой статьи, требуют определения и тщательного смыслового анализа. Одним из таких терминов является «ненависть». Этот термин используется также в ч.2 рассматриваемой статьи, в п. «е» ч.1 ст. 63 УК РФ, в диспозициях некоторых других статей, объединенных общим мотивом «преступления на почве ненависти» в качестве обстоятельства, отягощающего уголовную ответственность. В частности, в п. «л» ч.2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 119 УК РФ, п. «г» ч. 4 ст. 150 УК РФ, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Одним из основных факторов, определяющих особую общественную опасность преступлений, связанных с ненавистью, обусловлена тем, что отдельные деяния при определенных субъективных и объективных факторах могут достаточно быстро перерасти в более тяжкие преступления, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок, основы конституционного строя и безопасность государства.

Несмотря на то, что термин «ненависть» применяется в уголовном и административном законодательстве, его значение в нормативно-правовых актах не закреплено.

В толковых словарях ненависть трактуется по-разному: нетерпение, нелюбовь, невыносимость, отвращение, омерзение, желание зла, вражда¹. Современные специалисты-филологи рассматривают ненависть как одну из форм чувственных проявлений. При этом ненависть всегда чувство всеохватывающее, схожее с мучительной болезнью и направленное на кого-либо или к чему-либо².

Психологи, описывая чувство ненависти, придерживаются сходных позиций. В справочниках по психологии ненависть определяется как одно из крайних проявлений в чувственной сфере: «чувство, сопровождающееся крайне выраженным, агрессивно-отрицательным отношением человека к кому-либо или чему-либо, а также отчетливо выраженным желанием нанести вред, причинить неприятности соответствующему объекту»³.

¹ Ненависть. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный Ефремовой Т. Ф. [Электронный ресурс] URL: <http://www.efremova.info/word/nenavist>.

² Колодина Н. И. Ненависть как лингвистическое и психологическое понятие [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nenavist-kak-lingvisticheskoe-i-psihologicheskoe-ponyatie>.

³ Ненависть. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Словари и энциклопедии на

Суммируя мнения, существующие в клинической психиатрии, отметим, что в этой науке ненависть рассматривается в нескольких проявлениях:

– как сложный хронический и стабильный агрессивный аффект – один из симптомов различных психических заболеваний таких как навязчивые состояния, тревожные расстройства, различные шизофрении, иволютивных состояний головного мозга, аутизмы, социопатии и т. д.;

– как самостоятельная нозологическая единица (форма) сходная, но обратная патологической любви (т. н. синдрому Адели), которая, между прочим, входит в перечень заболеваний Всемирной организации здравоохранения;

– как психофизиологическое свойство личности. Так в быту достаточно широко используется узко-психиатрический термин «мизантропия» и его производное «мизантроп». Мизантро́пия (от др.-греч. μῖσος «ненависть» + ἄνθρωπος «человек»; дословно – «человеконенавистничество») является психофизиологическим свойством личности, при котором человек испытывает неприязнь и ненависть к человечеству, человеческой природе и окружающим людям. Впрочем, к мизантропам относят не только террориста Брейвика, диктатора Гитлера и подобных им персонажей, но и выдающихся ученых, позитивно повлиявших на человечество и среду его обитания.

Смыслом жизни человека, охваченного ненавистью, является разрушение или уничтожения объекта ненависти и всего связанного с ним. При этом, важно, что свойства объекта ненависти и связанных с ним, как правило являются следствием бессознательной фантазии и сознательных производных этого объекта.

При этом многие психиатры указывают, что ненависть не всегда является патологической. Так ответом человеческой психики на объективную опасность, угрожающую физической или психической деструкцией (разрушением) самого индивида, его близких или его социальной группы может стать непатологическая ненависть, направленная на уничтожение этой опасности.

Впрочем, мнения психиатров по вопросам места ненависти в структуре классификации психиатрических болезней и ее психиатрических особенностей порой диаметрально противоположны.

С позиций политологии ненависть также определяется через чувства, однако отличается в основном акцентами на социо-политологическую направленность и обусловленность классовыми, национальными, социально-историческими, личными и прочими близкими им причинами¹.

Академике. [Электронный ресурс] URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/.

¹ Кабанов П. А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // Следователь. 2008. № 2. С. 57.

Интересным с позиций изучения содержания термина «ненависть» представляется тот факт, что в ст. 282 УК РФ и других вышеперечисленных статьях Уголовного кодекса он используется в сочетании с термином «вражда» («вражды или ненависти»). При этом в законодательстве эти термины не дифференцируются, а в работах специалистов разного профиля, как правило, истолковываются один через другой: «...вражда - отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; ненависть – чувство сильной вражды, злобы»¹.

Объектами ненависти могут быть как живые существа, так и отвлеченные категории. Примерами первых являются угнетатели, богатые или бедные люди, лица определенной национальности, убийцы и насильники, члены определенной партии или общественной организации, мужчины или женщины, мигранты, коллеги по работе или соседи и др.

Психиатрической практике и художественной литературе известны случаи ненависти ко всему миру и всем окружающим людям. В качестве примера отвлеченных категорий – объектов ненависти можно привести классовый строй или экономический уклад государства, отдельные страны (в том числе собственная страна) или блоки государств, место работы или учебы и т. д.).

В то же время у ненависти выявляются социальные характеристики. Она может быть: справедливая или несправедливая, индивидуальная и коллективная, классовая, национальная, социально-историческая и пр.

Таким образом, суммируя позиции специалистов различного профиля, можно заключить, что «ненависть» в контексте ст. 282 УК РФ – это всеохватывающее, болезненное состояние, проявляющееся в крайне выраженном, агрессивно-отрицательном отношении, отчетливом желании нанести вред человеку или к группе лиц в связи с их происхождением, принадлежностью к определенному полу, расе, национальности, религии, социально или языковой группе.

Рассматривая термин «ненависть» в контексте ст. 282 УК РФ считаем необходимым обратить внимание на достаточно широко распространенный в настоящее время в обиходной речи, информационных сообщениях и в социальных сетях неологизм хейт и его производные (хейтер, хейтить и т. п.) который, по мнению специалистов-филологов, используется как прямой синоним слова ненависть.

Принимая во внимание то, что термин «хейт» заимствован из английского языка («hate») и переводится как «ненависть», такое толкование этого

¹ Полонкеева, М. М. Проблемы толкования норм о возбуждении ненависти либо вражды, об унижении человеческого достоинства и оскорблении чувств верующих // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 361.

слова считают вполне оправданным¹.

Хейт – это неприязненное, негативное отношение к кому-либо, выражающееся публично, например в социальных сетях или средствах массовой информации, в форме высказываний, мемов и других инструментов представления крайне отрицательного мнения в адрес объекта. Специалисты-филологи указывают, что сопоставление хейта с лексикографическим описанием лексемы ненависть показало, что хейт – это эмоциональное негативное отношение к объекту, которое обязательно выражается публично.²

В последние годы в средствах массовой информации постоянно появляются публикации, в которых хейтинг рассматривается как новая сфера профессиональной деятельности.³ Таким образом хейт в современной коммуникации – это преднамеренное и целенаправленное культивирование агрессивного поведения, как правило, в отношении лиц, с которыми хейтер не знаком лично.

Хейт – это новый тип коммуникации, в котором может участвовать любой пользователь социальных сетей. Хейтинг может проводиться по разнообразным поводам и в отношении разных объектов, восприниматься негативно, положительно и нейтрально.

Таким образом, возбуждение ненависти с использованием такого инструмента как хейт, в настоящее время становится профессиональной деятельностью, а «риторика ненависти – вербализированная война «всех против всех» – становится атрибутом современных коммуникаций»⁴.

Хотя изучение термина «вражда» не входит в задачи настоящего исследования, отметим, что с позиций психологии вражда – это состояние длительного и глубокого антагонизма между двумя или более сторонами, характеризующееся взаимным недоверием, неприязнью, агрессией и стремлением нанести вред. При этом в отличие от вражды ненависть может быть односторонней. Таким образом, представляется, что «ненависть» больше медицинско-диагностическая, а вражда социально-политическая категория. Исходя из этого ненависть и вражда в контексте ст. 282 УК РФ – это все-таки различные категории.

¹ Hate. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/hate?q=Hate>.

² Щетинина А. В., Семехина А. С. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: опыт портретирования лексемы и понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (219). С. 33.

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>.

⁴ Жадунова Н. В., Коваль Е. А. Риторика ненависти и свобода слова: возможно ли ограничение риторики ненависти в публичном дискурсе? // Век информации. 2018. № 2-2. С. 216–218.

**ДВОЙНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ НОРМЫ О НЕОДНОКРАТНЫХ
ПРОПАГАНДЕ ИЛИ ПУБЛИЧНОМ ДЕМОНИСТРИРОВАНИИ
НАЦИСТСКОЙ И ИНОЙ ЗАПРЕЩЕННОЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
АТТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ, СОВЕРШЕННЫХ НОСИТЕЛЕМ
ТАТУИРОВОК С ИХ ИЗОБРАЖЕНИЕМ**

Анастасия Вадимовна МАРТИРОСЯН

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,
emely_02_02@mail.ru

Аннотация. Рост экстремистских и иных радикальных настроений побудил Российскую Федерацию к принятию мер, выразившихся в законодательном закреплении релевантных им ограничений и запретов.

Одним из таковых стал уголовно-правовой запрет пропаганды или публичного демонстрирования нацистской, экстремистской и иной определенной федеральным законодательством атрибутики и символики, совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ.

Прямое назначение данной нормы заключается в удержании лиц от совершения предусмотренных ей общественно опасных деяний, а также в предупреждении совершения иных преступлений экстремистской направленности.

Однако двойной превентивный потенциал нормы не может быть реализован в полном объеме, поскольку действующее уголовное законодательство не содержит необходимых для этого инструментов. Решение обозначенной проблемы видится в расширении института освобождения от уголовной ответственности путем введения нового специального его вида — освобождения от уголовной ответственности в связи с проведением процедуры удаления татуировки.

Ключевые слова: основы конституционного строя и безопасность государства, историческая память, двойная превенция, нацизм, нацистская атрибутика и символика, пропаганда и демонстрирование нацистской атрибутики и символики

**DOUBLE PREVENTION RULES ON REPEATED PROPAGANDA
OR PUBLIC DISPLAY OF NAZI PROPAGANDA AND OTHER
PROHIBITED PARAPHERNALIA AND SYMBOLS MADE
BY THE TATTOO WEARER WITH THEIR IMAGE**

Anastasia V. MARTIROSYAN

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
emely_02_02@mail.ru

Abstract. The growth of extremist and other radical sentiments prompted the Russian Federation to take measures, which resulted in the legislative consolidation of relevant restrictions and prohibitions. One of them was the criminal law prohibition of propaganda or public demonstration of Nazi, extremist and other paraphernalia and symbols defined by federal law, committed by a person subjected to administrative punishment under Article 20.3 of the Administrative Code of the Russian Federation.

The direct purpose of this rule is to deter persons from committing socially dangerous acts provided for by it, as well as to prevent the commission of other extremist crimes. However, the double preventive potential of the norm cannot be fully realized, since the current criminal legislation does not contain the necessary tools for this.

The solution to this problem is seen in the expansion of the institution of exemption from criminal liability by introducing a new special type of exemption from criminal liability in connection with the tattoo removal procedure.

Keywords: the foundations of the constitutional order and the security of the state, historical memory, double prevention, Nazism, Nazi paraphernalia and symbols, propaganda and demonstration of Nazi paraphernalia and symbols

Сегодня в число национальных приоритетов Российской Федерации входит сохранение государственной целостности и народного единства, защита исторической правды и укрепление исторической памяти, поиск эффективных мер противодействия тлетворному влиянию на традиционные для российского общества идеалы и ценности обращается внимание в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Разрушительное воздействие, в частности, выражается в попытках приобщить население к различного рода деструктивным идеологиям, внедрить радикальные настроения в массы.

На международной конференции «Великое наследие – общее будущее» В. В. Путин заявил: «Мы должны сделать все возможное, чтобы остановить возрождение нацизма»¹.

Противодействие распространению разжигающих ненависть идей, проявлению нацизма в любой форме, его героизации, прославлению нацистского прошлого реализуется, в первую очередь, посредством установления соответствующих ограничений в регулятивном законодательстве (например, Федеральный закон «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024) и закрепления запретов совершения конкретных социально вредных деяний в нормах охранительного характера.

Так, нарушение запрета пропаганды или публичного демонстрация нацистской атрибутики либо символики, иных атрибутик либо символов, использование которых запрещено ст. 6 Федерального закона «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024), влечет административную ответственность по ст. 20.3 КоАП РФ.

В 2022 г. УК РФ был дополнен ст. 282.4, призванной обеспечить охрану основ конституционного строя РФ и ее безопасность от пропаганды, публичного демонстрация, изготовления и сбыта в целях пропаганды, приобретения в целях сбыта или пропаганды нацистских и иных атрибутик и символов, осуществляемых лицом, подвергнутым административному наказанию по ранее упомянутой ст. 20.3 КоАП РФ.

Указанные деяния были криминализированы в связи с устойчивым ростом числа административных деликтов. В 2017–2018 гг. судами было рассмотрено не более 2100 дел о соответствующих административных правонарушениях. В 2019 г. и 2020 г. число рассмотренных материалов возросло на 900 и 800 соответственно. Пиковый период пришелся на 2021 г., когда число дел перевалило за 4200, а прирост по сравнению с предыдущим годом составил 1335², что и стало катализатором принятия решения о включении в УК РФ новых составов преступлений.

Исходя из содержания ст. 282.4 УК РФ, уместно предположить, что наряду с удержанием от совершения запрещенных ей деяний она препятствует оправданию экстремистских идей и, как следствие, предупреждает совершение иных преступных посягательств экстремистской направленности различной степени тяжести.

¹ Путин: Нужно сделать все возможное, чтобы не допустить возрождения нацизма // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6353137/> (дата обращения: 10.11.2025).

² См.: Административная статистика // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/80> (дата обращения: 12.11.2025).

Следовательно, закрепленные в ней уголовно-правовые нормы вполне могут быть отнесены к числу норм с двойной превенцией. В отечественной уголовно-правовой науке сущность и назначение последних осмысливаются не один десяток лет¹. В рассматриваемой ситуации механизм потенциального двойного превентивного воздействия объясним, на наш взгляд, существованием причинно-следственной связи между объектом первичного и объектом вторичного превентивного воздействия². Другими словами, преступления, предусмотренные ст. 282.4 УК РФ, являются условием совершения иных общественно опасных деяний.

Очевидно, что совершению первичного преступления способствуют определенные криминогенные факторы, сводящиеся к внешнему воздействию на личность в целях формирования у нее негативных свойств и анти-социальных установок³. В свою очередь, пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление, сбыт в целях пропаганды, приобретение в целях сбыта или пропаганды нацистской и иной атрибутики и символики есть не что иное, как криминогенный фактор для совершения иных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Непосредственный интерес для исследования представляет объективная сторона преступления, описанного в ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Пропаганда и публичное демонстрирование перечисленных в законе атрибутик и символов на практике осуществляется различными способами, например посредством нанесения граффити на фасады зданий, размещения постов и публикаций в сети «Интернет», офлайн выступлений и агитаций.

Несмотря на вариативность внешних форм выражения посягательства, его детерминанты остаются неизменными⁴. Однако способ пропаганды или публичного демонстрирования будет обуславливать степень влияния данного преступления на совершение иных общественно опасных деяний, которая, вне сомнений, окажется различной.

Так, значительная часть преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, совершается путем демонстрации татуировок с изображением экстремистской, нацистской атрибутики либо символики, или сходной до степени смешения с нацистской⁵.

¹ Шиханов В. Н. Преступления двойной превенции: критический анализ в условиях современности // КриминалистЪ. 2019. № 1. С. 104.

² Ображиев К. В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 170–171.

³ Чулкина Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, система и механизм превентивного воздействия // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 3. С. 66–67.

⁴ Зорькина А. А. Криминологическая характеристика террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации и ее предупреждение // Образование и право. 2021. № 1. С. 267; Колесников Р. В., Кравцов И. А. Детерминанты преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 37.

⁵ См., напр.: Приговор Данковского городского суда Липецкой области от 22.04.2025 по делу № 1-

При этом в большинстве указанных случаев лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, незадолго до вторичной, уже перешедшей в категорию преступной, демонстрации татуировки было подвергнуто административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ.

Короткий отрезок времени, прошедший между правонарушением и преступлением, свидетельствует о том, что независимо от месторасположения татуировки (открытая или закрытая часть тела) скрыть ее чаще всего затруднительно (например, в силу жарких погодных условий, посещения общественных бань, пляжей), а объективная возможность удаления (выведения) татуировки нередко отсутствует, поскольку метод лазерного удаления является дорогостоящим, другие же известные методы носят не просто болезненный, а травмирующий характер. Среди последних: «дермабразия» (соскабливание кожи), «пилинг» (использование кислот), «электрокоагуляция» (денатурация белков высокочастотным электрическим током), «криохирургия» (сведение азотом)¹.

Лицу, осужденному по ст. 282.4 УК РФ, чаще всего назначается наказание в виде лишения свободы². Вместе с тем на теле осужденного остается татуировка, что способствует личностной криминальной деформации, формированию и укреплению криминальной установки, а также восприятию паттернов криминального поведения не только самим осужденным, но и иными взаимодействующими с ним лицами. В таких условиях реализация вторичной превенции ставится под сомнение, поскольку изображенная на теле символика или атрибутика, демонстрация которой запрещена законом, будучи криминальным свойством, не устраняется, способствуя тем самым преобразованию данного преступления в криминогенное условие для совершения иных деяний.

Следовательно, возникает объективная необходимость нейтрализации данного фактора в целях предупреждения более тяжких преступлений. Потребность в решении указанной проблемы также видят П. В. Агапов и К. В. Шевелева, предлагая органам Федеральной службы исполнения

101/2024 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/USuiWm8NP2Qo/>; Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 17.04.2025 по делу № 1-188/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Pln3DhbSnD5q/>; Приговор Сарапульского городского суда Удмуртской Республики от 07.04.2025 по делу № 1-143/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yJGrLd2h3SWT/>; Приговор Палехского районного суда Ивановской области от 28.04.2025 по делу № 1-22/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3KEkV2dibsYN/> (дата обращения: 14.11.2025).

¹ Смирнов С. Н. Некоторые проблемы реализации новой статьи 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в условиях мест изоляции от общества // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний. (17–18 ноября 2022 г.). В 2 т. Т. 2. Рязань: Изд-во Академии права и управления ФСИН, 2022. С. 1766.

² Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика УК РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 14.11.2025).

наказаний предусмотреть механизм избавления лица, подвергнутого административно-правовому воздействию, от таких изображений¹.

Полагаем, что современные реалии административного права и законодательства едва ли позволят претворить в жизнь предложенную идею. Однако в случае принятия нового КоАП РФ в соответствии с разработанной Концепцией, предполагающей введение целостного института освобождения от административной ответственности (п. 2.5 Концепции нового КоАП РФ)², высказанная инициатива найдет твердую почву для реализации.

В свою очередь, Д.Н. Григоров находит целесообразным включить медицинскую процедуру сведения или сокрытия татуировок в число принудительных мер медицинского характера³. Не можем поддержать данное предложение, поскольку указанные меры применяются в отношении определенного круга лиц в целях их излечения или улучшения их психического состояния (ст. 97 УК РФ).

Заметим, что эффективность уголовно-правовых норм с двойной превенцией определяется достаточностью и эффективностью ответственности, грядущей за совершение первичного деяния⁴.

Учитывая это, в основу превентивной меры, способной устранить остаточное криминогенное свойство первичного преступления и раскрыть двойной превентивный потенциал рассматриваемой нормы, может быть положена модель нового специального вида освобождения от уголовной ответственности, а именно освобождения от уголовной ответственности в связи с проведением процедуры удаления татуировки.

Так, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, посредством пропаганды или публичного демонстрирования татуировок на теле, изображающих нацистскую либо иную атрибутику или символику, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно прошло или проходит процедуру удаления татуировки.

Сведение подобных татуировок – бесспорное свидетельство готовности виновного отказаться от прежних деструктивных взглядов и убеждений, отвергнуть разрушительную идеологию. Лицо выразит свое негативное отношение к экстремистским настроениям в целом, а значит превентивный

¹ Агапов П. В., Шевелева К. В. Уголовная ответственность за неоднократные пропаганду и демонстрирование запрещенной федеральным законодательством атрибутики и символики // Вестник владимирского юридического института. 2025. № 2. С. 138–139.

² Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165640/?ysclid=mi4mzy1xmh748640055#review> (дата обращения: 18.11.2025).

³ Григоров Д. Н. Проблемы ответственности за пропаганду и демонстрирование символики, на которую распространяется правовой запрет // Вестник Московского городского педагогического университета. 2023. № 3. С. 123.

⁴ Шуйский А. С. Предупреждение преступности и уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 107.

характер нормы будет реализован в полном объеме.

Более того, отсутствие судимости при применении подобной меры благоприятно скажется на реинтеграции такого лица в общество, в значительной степени избавит от предвзятого отношения и неприятия в различных сферах жизнедеятельности (трудовой, общественной и т. п.), следовательно снизится риск рецидива преступлений и повысится уровень оказываемого превентивного воздействия.

Проведенное исследование показало, что борьба с пропагандой и публичным демонстрированием нацистской и иной запрещенной к использованию атрибутики и символики должна протекать одновременно и в правовом, и в духовно-нравственном контексте посредством искоренения с помощью нового уголовно-правового инструмента внешних факторов – графических изображений на теле – изничтожению подлежат и отражающие их идеи¹.

Научная статья

УДК 343.241

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИЗМЕНУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Марьям Фердинандовна МИНГАЛИМОВА

Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Казань, Россия, maryam_m@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема применения смягчающих обстоятельств и института назначения более мягкого наказания (ст. 64 УК РФ) при осуждении за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности, за государственную измену (ст. 275 УК РФ).

Автор обосновывает тезис о том, что для преступлений, посягающих на основы государственной безопасности, в силу их исключительной общественной опасности, должен действовать повышенный стандарт доказывания существенного уменьшения этой опасности под влиянием смягчающих обстоятельств.

¹ Кирьянова О. В. Административная ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики: теория и судебная практика // Аграрное и земельное право. 2023. № 5. С. 74.

Ключевые слова: назначение наказания, смягчающие обстоятельства, государственная измена, безопасность государства, исключительные обстоятельства, общественная опасность, Нюрнбергский процесс

Original article

THE EXCLUSIVITY OF MITIGATING CIRCUMSTANCES IN THE SENTENCING FOR TREASON: HISTORICAL PARALLELS AND CONTEMPORARY PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Maryam F. MINGALIMOVA

Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Kazan, Russia, maryam_m@mail.ru

Abstract: The article examines the problem of applying mitigating circumstances and the institution of imposing a more lenient sentence (Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation) when convicting for crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state, in particular, for treason (Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The author substantiates the thesis that for crimes that encroach on the foundations of state security, due to their exceptional public danger, there should be an increased standard of proof of a significant reduction of this danger under the influence of mitigating circumstances.

Keywords: sentencing; mitigating circumstances, treason, state security. exceptional circumstances, public danger, Nuremberg Trials

Проблема соразмерности наказания тяжести содеянного является центральной для реализации принципа справедливости в уголовном праве. Особую остроту она приобретает применительно к преступлениям, посягающим на основы государственной безопасности, когда сопоставление индивидуальных характеристик личности виновного и повышенной степени общественной опасности самого деяния создает сложнейшую правоприменительную коллизию.

Важность данного вопроса многократно возрастает в периоды геополитической напряженности, когда защита конституционного строя и суверенитета становится абсолютным приоритетом. Динамика судебной практики красноречиво это подтверждает. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации число осужденных за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности (ст. 275–284.1 УК РФ) демонстрирует устойчивый рост – с 304 чел. в 2020 г.

до 1254 чел. в 2024 г., то есть за пять лет увеличение произошло более чем в четыре раза¹.

На этом фоне критическое значение приобретает правоприменительная практика назначения наказания. Статистика показывает, что, несмотря на общую тенденцию к сокращению применения ст. 64 УК РФ, суды продолжают достаточно активно применять данную норму. Так, в 2020 г. положения ст. 64 УК РФ были применены при назначении наказания в виде лишения свободы 6586 раз; в 2021 г. – 7588; в 2022 г. – 7496; в 2023 г. – 7867; в 2024 г. – 6859. Причем в абсолютном большинстве случаев это выражается в назначении наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Как справедливо отмечается в научной литературе, зачастую это связано с попыткой судов компенсировать «слишком суровый подход законодателя к установлению минимальных пределов санкций»².

Однако именно при рассмотрении дел о государственных преступлениях упрощенный подход к смягчению наказания становится недопустимым. Складывается негативная правоприменительная тенденция, когда суды сталкиваясь с трудностями в оценке обстоятельств как исключительных, подходят к их определению упрощенно, признавая таковыми «стандартный набор» смягчающих обстоятельств, без должной мотивировки их способности существенно уменьшить общественную опасность деяния. Именно эта проблема в ее наиболее острой и социально значимой форме проявляется, например, в делах о государственной измене.

Таким образом, на фоне значительного роста числа осужденных за преступления против государственной безопасности и сохраняющейся практики применения ст. 64 УК РФ, вопрос о корректности оценки исключительности обстоятельств по таким делам выходит на первый план. Для его разрешения представляется полезным обратиться к историческому опыту. Правовые позиции, сформулированные в ходе Нюрнбергского процесса, и современная практика Верховного Суда Российской Федерации, позволяют выявить универсальные подходы к разрешению данной коллизии.

Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибба, произнесенная 29 июля 1946 г. на Нюрнбергском процессе, содержит фундаментальные правовые позиции, не утратившие и сегодня своей значимости. Анализируя феномен нацистской Германии, Ш. де Рибба ввел в правовой оборот концепцию «партийно-государственного аппарата» как

¹ Данные судебной статистики получены из обобщенного отчета статистических показателей состояния судимости за период с 2020 по 2024 г.г. Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 10.10.2025).

² Куковякин А. Е. Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания: монография / под ред. А. А. Нечепуренко. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 4.

единого преступного механизма. Он подчеркивал, что ни один из подсудимых не был тем «отдельным лицом», действия которого можно рассматривать в отрыве от деятельности этого аппарата. Напротив, «все эти лица были действительно связаны стремлением к одной политической цели, что все они так или иначе содействовали совершению наиболее тяжкого преступления – геноцида»¹.

Этот подход имел прямое отношение к оценке смягчающих обстоятельств. Ш. де Риба, по сути, сформулировал принцип, применимый и к оценке роли отдельного исполнителя в преступлениях исключительной тяжести. Он отмечал: «Степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть различным? Ведь даже тот, кого мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смерти!»². Данная позиция основывалась на понимании того, что преступления против государственного и международного правопорядка, носящие системный и масштабный характер, обладают качественно иной общественной опасностью.

Крайне важным является анализ Ш. де Риба природы государственного преступления, которое становится анонимным: «Никто не несет главной ответственности. Все ее разделяют: и тот, кто своим присутствием поддерживает аппарат, и тот, кто выражает желание, чтобы оно было совершено точно так же, как и тот, кто издал приказ о его совершении»³. В такой системе традиционные индивидуальные смягчающие обстоятельства, такие, как менее активная роль, выполнение приказа или даже технический характер деятельности, теряют свое традиционное значение, не будучи в состоянии существенно уменьшить объективную опасность содеянного.

Сформулированный в Нюрнберге высокий стандарт оценки личности преступника в контексте тяжести деяния находит свое отражение в историческом развитии уголовного права. Требование повышенной обоснованности при смягчении наказания за тяжкие преступления имеет глубокие корни и в российском законодательстве. Исторический анализ показывает, что отечественный законодатель с середины XIX века, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., хотя и предоставлял суду возможность смягчать наказание, всегда стремился ограничить судебское

¹ Речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Риба [Электронный ресурс] // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. Т. 7. М.: Госюриздат, 1961. С. 189.

² Речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Риба [Электронный ресурс] // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. Т. 7. М.: Госюриздат, 1961. С. 193.

³ Речь Главного обвинителя от Франции Шампетье де Риба [Электронный ресурс] // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 7 т. Т. 7. М.: Госюриздат, 1961. С. 191.

усмотрение¹. Так, в Уложении 1885 г. смягчение наказания «в размере, выходящем из пределов судебной власти», допускалось лишь в исключительных случаях и требовало особого ходатайства перед верховной властью².

Наиболее показательной является преемственность формулировок в советский период. УК РСФСР 1922 г. (ст. 28) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 51) прямо указывали, что отступление от низшего предела наказания возможно лишь по исключительным обстоятельствам и не иначе, как точно изложив в приговоре мотивы.

Эта норма фактически была прямым предшественником современной ст. 64 УК РФ. Таким образом, действующее законодательство продолжает историческую традицию, согласно которой любое смягчение наказания, выходящее за рамки санкции, должно быть не произвольным актом, а исключительной, тщательно мотивированной мерой.

Актуальность указанных исторических подходов находит свое прямое подтверждение в современной российской судебной практике. В кассационном определении по делу в отношении Ш. Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос об обоснованности применения ст. 64 УК РФ при осуждении за государственную измену³.

Суд первой инстанции, признав наличие исключительных обстоятельств (активное способствование раскрытию преступления, признание вины, раскаяние, молодой возраст), назначил виновному наказание в виде 5 лет лишения свободы, что существенно ниже низшего предела санкции ст. 275 УК РФ⁴. Апелляционная инстанция оставила данное решение без изменения.

Верховный Суд Российской Федерации признал такой подход несостоятельным, указав на системные нарушения, перекликающиеся с логикой Нюрнбергского трибунала.

Во-первых, было отмечено отсутствие мотивировки связи между обстоятельствами и общественной опасностью: суды не выполнили требований ст. 7 УПК РФ об обоснованности. В приговоре и апелляционном определении отсутствовал анализ того, каким именно образом перечисленные смягчающие обстоятельства существенно уменьшают степень общественной опасности конкретного совершенного преступления – государственной

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 Устав Уголовного Судопроизводства. СПб.: Изд. Государственной Канцелярии, 1866. С. 279–280, 303.

³ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 65-УДП24-ЗСС-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Санкция статьи 275 УК РФ предусматривает назначение наказания в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или пожизненное лишение свободы.

измены, выразившейся в сборе персональных данных российских военнослужащих для их сдачи в плен и передаче этих данных иностранной спецслужбе в период проведения специальной военной операции.

Во-вторых, суды проигнорировали характер и контекст преступления. Подобно тому как Ш. де Рибб наставлял на учете общего преступного плана нацистского государства, Верховный Суд Российской Федерации указал, что суды не дали оценки особой тяжести деяния, его направленности против основ конституционного строя и безопасности государства, а также того, что оно было совершено в условиях, объективно повышающих его общественную опасность.

В-третьих, был применен формальный подход к «исключительности». Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что не любые смягчающие обстоятельства, даже в своей совокупности, могут быть признаны исключительными по смыслу ст. 64 УК РФ¹.

Таковыми могут быть лишь обстоятельства, которые в конкретной ситуации существенно уменьшают общественную опасность данного преступления. Стандартные смягчающие обстоятельства не могут автоматически нивелировать высокую степень общественной опасности государственной измены, также, как и менее активная роль подсудимого не могла нивелировать его вклад в функционирование преступного режима на примере Нюрнбергского трибунала. При новом апелляционном рассмотрении приговор суда в отношении Ш. был изменен: исключено из приговора указание на применение положений ст. 64 УК РФ, усилено назначенное по ст. 275 УК РФ основное наказание в виде лишения свободы до 12 лет.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что выявленные в рассмотренном деле о государственной измене нарушения носят не случайный, а системный характер, чему в немалой степени способствует существующая редакция ст. 64 УК РФ. Как отмечают исследователи, ее формулировки являются несовершенными и создают почву для упрощенного подхода, когда суды объявляют исключительной стандартную совокупность смягчающих обстоятельств².

В этой связи, для преодоления сложившейся негативной практики, особенно по делам о преступлениях против безопасности государства, целесообразно вернуться к рассмотрению предложений, высказывавшихся еще в ходе разработки УК РФ. Речь идет о законодательном ограничении круга

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №3 (2025), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гаджиева А. А., Караева З. Ш. К вопросу об основаниях назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 427–430; Тяпченко А. А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление: закон и практика // Вопросы российской юстиции. 2025. Выпуск № 35. С. 449–458.

исключительных обстоятельств только теми, которые прямо указаны в УК РФ, и о прямом закреплении в законе требования о признании исключительными лишь совокупности обстоятельств, а не одного из них. Это стало бы логическим развитием исторически сложившейся в российском уголовном праве строгой традиции применения института исключительного смягчения наказания.

На основе проведенного исследования сформулируем следующие выводы:

Проведенный анализ позволил выявить универсальный правовой принцип, согласно которому индивидуальные смягчающие обстоятельства не могут существенно снизить общественную опасность преступлений, посягающих на основы государственности, что подтверждается как историческими (Нюрнбергский процесс), так и современными примерами, которые демонстрируют устойчивую историческую и правовую преемственность в подходе к наказанию за преступления с повышенной степенью общественной опасности.

Для преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства должен действовать повышенный стандарт судебной мотивировки при применении смягчающих обстоятельств.

Ключевым критерием является не просто наличие смягчающих обстоятельств, а доказанность их способности существенно уменьшить объективно повышенную общественную опасность конкретного деяния, с учетом его объективных признаков, контекста и потенциального вреда. «Стандартные», обычные обстоятельства, такие, как раскаяние, способствование раскрытию и расследованию преступления и молодой возраст, сами по себе не могут служить такому уменьшению.

Суды обязаны проводить не формальный, а содержательный анализ доводов обвинения о тяжести преступления, давая им оценку в мотивировочной части решения. Необходимо анализировать конкретные действия виновного в контексте их направленности против безопасности государства, аналогично тому, как в Нюрнберге анализировалась роль каждого подсудимого в общем преступном плане.

Соблюдение этих принципов, имеющих глубокие исторические корни и подтвержденных современной судебной практикой, будет способствовать обеспечению неотвратимости справедливого наказания за наиболее опасные государственные преступления и укреплению национальной безопасности.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Юлия Владимировна МОРОЗОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия, yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности объективной стороны террористического акта, анализируется позиция Верховного суда РФ, судебная практика.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за террористический акт.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за террористический акт.

Ключевые слова: объективная сторона, террористический акт, угроза, взрыв, устрашение

Original article

ON THE QUESTION OF THE OBJECTIVE SIDE TERRORIST ACT

Yuliya V. MOROZOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract. The article examines some features of the objective side of the terrorist act, analyzes the position of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice.

Attention is drawn to the imperfection of the criminal legislation providing for responsibility for a terrorist act.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for a terrorist act.

Keywords: objective aspect, terrorist act, threat, explosion, intimidation

Несмотря на принимаемые государством значимые меры по противодействию террористическим проявлениям, терроризм продолжает оста-

ваться одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Согласно судебной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 год число осужденных по статье 205 УК РФ составило 75 человек, а за 1 полугодие 2025 года осуждено 210 человек¹, что свидетельствует о повышенной общественной опасности исследуемого явления.

Следует отметить, что в условиях проведения специальной военной операции изменился характер совершаемых террористических актов на территории Российской Федерации. Ранее в большинстве своем террористические акты совершались путем взрыва, поджога, расстрела в местах массового скопления людей и были направлены как на устрашение населения и создание общей атмосферы тревожности, так и на массовую гибель людей и причинение ущерба. Как правило, такие террористические акты совершались людьми, поддерживающими идеи терроризма и экстремизма, со специальной подготовкой.

В последнее время на территории Российской Федерации террористические акты совершаются людьми по мотивам неприятия специальной военной операции, из корыстных побуждений или ставшими «жертвами» мошенников под влиянием психологического манипулирования, которые в большинстве своем далеки от идеологии терроризма. При этом террористические акты, как правило, совершаются в отношении представителей правоохранительных органов, других должностных лиц органов власти.

Совершение данных террористических актов, по нашему мнению, в первую очередь направлено на создание обстановки страха и напряженности на социальном уровне, во вторую – на дестабилизацию деятельности органов власти с целью оказания давления на принимаемые Президентом Российской Федерации решения и на причинение ущерба.

На наш взгляд, это одно из самых опасных последствий терроризма, поскольку общество само изнутри начинает уничтожать себя, что является угрозой национальной безопасности в целом. Причины этого достаточно четко изложены в пункте 86 Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, где указывается на «насаждение чуждых идеалов и ценностей...», которые «приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год и 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 15.10.2025).

норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества... Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма».

Согласно Стратегии национальной безопасности достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, в том числе, на решение задач, связанных с предупреждением и пресечением террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма.

Уголовно-правовым механизмом противодействия террористической деятельности является статья 205 УК РФ, устанавливающая ответственность за террористический акт, под которым понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Отличительной особенностью террористического акта выступает целенаправленное создание атмосферы страха среди населения с целью дестабилизации работы государственных и общественных структур. Подобные преступления могут быть ориентированы как на широкие, неопределенные слои населения, так и на конкретные органы власти, включая отдельных должностных лиц¹.

Таким образом, объективная сторона террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) состоит из альтернативных действий:

- 1) совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий;
- 2) угрозы совершения указанных действий.

Следует обратить внимание на то, что в юридической науке обсуждается вопрос о возможности совершения объективной стороны данного преступления путем бездействия, например, путем «непринятия мер

¹ Преступления против общественной безопасности : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.] ; под ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 5.

по отключению опасных технологических процессов. Однако такая форма допустима лишь при наличии специального субъекта – лица, обязанного действовать в силу должностных обязанностей (ст. 293 УК РФ)»¹.

По мнению Таубкина И.С., в случае, если лицо умышленно допустило нарушение правил производственной безопасности, в связи с чем, произошел взрыв, и при этом преследовало цели, указанные в ст. 205 УК РФ, тогда данное преступление должно квалифицироваться по ст. 205 УК РФ².

Полагаем возможным согласиться с данным мнением, а также предложением относительно внесения изменений в законодательную формулировку диспозиции статьи 205 УК РФ путем замены термина «действия» на термин «деяния».

Террористический акт может быть совершен и путем «угрозы». Угроза должна носить реальный и действительный характер.

Так, С., связавшись по телефону с ГСУ СК РФ, требовал организацию личной встречи с председателем СК РФ, угрожая устроить «кровавую бойню, как в Норвегии». Следствием указанные действия квалифицированы по ч. 1 ст. 205 УК РФ. Верховный Суд Республики Северная Осетия – Алания вынес определение о прекращении дела ввиду отсутствия оснований, свидетельствующих о реальности указанных угроз либо хотя бы о неизбежности их восприятия как реальных³.

По признаку реальности угрозы террористический акт отличается от преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ.

Реальность угрозы следует определять исходя из совокупности всех обстоятельств дела, при этом следует учитывать время, место проявления угрозы, внешнюю активность проявления, личность виновного и др. обстоятельства.

В соответствии с пунктом 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий (ч. 1 ст. 205 УК РФ), может быть выражена различными способами (например, устное высказывание, публикация в печати, распространение

¹ Хохлова К. Ф. Правовой режим контртеррористических операций: проблемы законодательной имплементации // Актуальные вопросы развития современной цифровой среды: материалы Научно-технической конференции молодых ученых (г. Москва, 14–16 апреля 2021 г.): сб. науч. статей / ред.: А. А. Бакаев, О. А. Глобенко, В. Р. Григорьев [и др.]. Волгоград: ИП Черняева Юлия Игоревна (Издательский дом «Сириус»), 2021. С. 985.

² Таубкин И. С. Взрывы. Уголовно-правовая квалификация // Закон и право. 2005. № 12. С. 12.

³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу 22-АПУ13-4 от 23 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

с использованием радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей).

Используемая законодателем техника объединения в одной диспозиции статьи совершение конкретных действий и угрозы их совершения, а также установление одинаковой санкции, вызывает обоснованную критику в научной среде. Полагаем, что совершение конкретных действий, предусмотренных статьями, и угроза их совершения обладают разной степенью общественной опасности, в связи с чем должна быть предусмотрена разная уголовная ответственность за данные деяния.

В соответствии с законодательной формулировкой террористический акт может быть совершен путем взрыва, поджога или путем совершения иных действий. Таким образом, перечень способов совершения анализируемого преступления является открытым.

Так, к одним из «новых» способов совершения террористических актов относят атаки на территорию Российской Федерации с применением беспилотных летательных аппаратов¹.

В соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) действия, которые можно квалифицировать как террористический акт, должны быть сопоставимы по последствиям со взрывом или поджогом, например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

Вместе с тем, термин «сопоставимы по последствиям с взрывом или поджогом» носит оценочный характер, что вызывает сложности при квалификации террористического акта.

Так, Гурин умышленно в общественном месте при большом скоплении людей общеопасным способом с использованием автомобиля на большой скорости совершил наезд на сотрудника ДПС, находившегося при исполнении служебных обязанностей, а затем столкнулся с двумя автомобилями,

¹ СКР квалифицировал украинскую беспилотную атаку как теракт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564637> (дата обращения: 15.10.2025).

причинив тяжкий вред здоровью сотруднику полиции Г. и легкий вред здоровью водителю другого автомобиля Щ., а также имущественный ущерб собственникам автомобилей. Затем он пытался завладеть табельным оружием сбитого инспектора ДПС, а после пресечения указанных противоправных действий при большом скоплении людей заявил о намеренном совершении им наезда и желании таким способом выразить свое недовольство решением органов власти о проведении СВО и побудить их к прекращению военных действий.

Вместе с тем, адвокат осужденного возражал против квалификации действий лица по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, поскольку они несопоставимы по последствиям со взрывом или поджогом или иными действиями, которые в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016), могут расцениваться как террористический акт.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор военного суда и апелляционное определение без изменения, жалобу без удовлетворения¹.

Особенность деяний, составляющих объективную сторону террористического акта и являвшаяся критерием разграничения со смежными составами преступлений, заключается в том, что указанные действия должны носить устрашающий население характер и создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Как отмечала Овчинникова Г.В., для вменения лицу ст. 205 УК РФ должна быть установлена причинная связь между террористическим действием и фактом возникновения опасности, грозящей гибелью людей, повреждением зданий и порождающей чувство страха, незащищенности, паники у неопределенного круга людей².

В соответствии с пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «устрашающими население могут быть признаны такие действия, которые по своему характеру способны вызывать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких,

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2025 № 224-УД25-28-Аб. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Расследование терроризма: Учебное пособие / В. И. Иванов, К. А. Корсаков, О. Н. Коршунова, Г. В. Овчинникова, Е. Б. Серова; Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2001. С. 21.

сохранность имущества и т.п.».».

Сложности квалификации связаны с оценочным характером данного понятия. В той или иной степени любое преступление, в том числе совершенное путем взрыва или поджога, может вызывать страх у населения. Вместе с тем, страх при совершении террористического акта обладает определенной особенностью, связанной с тем, что он возникает не просто у конкретного лица или группы лиц, а распространяется в обществе в целом, вызывая массовое чувство тревоги, неуверенности и паники.

Еще одной обязательной характеристикой действий, составляющих объективную сторону террористического акта, является «создание опасности».

В соответствии с пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий должна быть реальной, что определяется в каждом конкретном случае с учетом места, времени, орудий, средств, способа совершения преступления и других обстоятельств дела (данных о количестве людей, находившихся в районе места взрыва, о мощности и поражающей способности использованного взрывного устройства и т. п.)».

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в некоторых случаях суды, указывая в приговорах, что совершены действия, устрашающие население и создающие опасность, ограничиваются лишь общими фразами.

Так, например, при рассмотрении кассационной жалобы по делу Алиева-Гасанова по обвинению п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, суд указал «что поджог здания военкомата по своему характеру был способен вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества, суд правильно исходил из того, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016), такие действия признаются устрашающими население»¹.

По делу Ивановой, осужденной по ч. 1 ст. 205 УК РФ суд при оценке действий, как устрашающих население, исходил из следующего: «С учетом избранного осужденной времени, места и способа совершения

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2024 № 222-УД24-57-Аб. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

террористического акта Иванова не могла не понимать, что в результате совершенного ею поджога автомобиля, расположенного на территории, непосредственно прилегающей к зданию военного комиссариата, распространение огня в период рабочего времени может повлечь за собой гибель людей, причинить значительный имущественный ущерб, а также окажет устрашающее воздействие на сотрудников государственного учреждения и население»¹.

При рассмотрении кассационной жалобы по делу Николаева по обвинению по ч. 1 ст. 205 УК РФ, суд указал : «На совершение Николаевым поджога, устрашающего население, создающего опасность гибели человека и причинения значительного имущественного ущерба указывают выбранные им орудия преступления, которыми явились бутылки с зажигательной смесью, расположение военного комиссариата в городской черте и нахождение в нем в это время людей, совершение преступных действий в период сосредоточения в военном комиссариате документации, связанной с мероприятиями по комплектованию воинских формирований в период проведения специальной военной операции, а также характер самих действий осужденного при совершении преступления, убившего с места происшествия только после того, как зажигательная смесь в бутылках, которые он установил на окнах здания, воспламенилась и произошло возгорание оконных проемов.

Ссылки в жалобах на совершение поджога в нерабочее время, на ненаступление имущественного ущерба в значительном размере, чего, как следует из материалов уголовного дела, удалось избежать благодаря оперативным действиям по тушению огня, на правильность выводов судов о террористическом характере действий осужденного, правильно квалифицированных по ч. 1 ст. 205 УК РФ, не влияют»².

Такой подход связан, прежде всего, с оценочным характером анализируемых понятий и невозможностью, по нашему мнению, установления четких критериев их определения. Вместе с тем «устрашение населения» и «создание опасности» являются обязательными характеристиками деяния, позволяющими применить статью 205 УК РФ.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2025 № 221-УД25-12-А6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2025 № 225-УД25-5-А6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

КВАЛИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ ПО ОБЪЕКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ

Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия,
Liorev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется обоснованность многочисленных законодательных изменений, внесенных в ст. 275 УК РФ. Автором отмечается, что появление своеобразных «норм–дублеров» отнюдь не облегчает задачу правоприменителя, поскольку при привлечении к уголовной ответственности ему необходимо анализировать несколько норм, трактовка которых не всегда является однозначной, и это в условиях отсутствия разъяснений по данной категории дел со стороны высшей судебной инстанции.

В связи с многочисленными законодательными изменениями и имеющейся неопределенностью в правоприменении автору представляется необходимым сформулировать понятие «безопасность» в Федеральном законе «О безопасности».

В статье также указывается на целесообразность Верховному Суду Российской Федерации на основании обобщения судебной практики сформулировать разъяснения по делам, связанным с государственной изменой, шпионажем и иным подобным посягательствам.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственная измена, безопасность, объект преступления, объективная сторона состава преступления

Original article

QUALIFICATION OF HIGH TREASON ACCORDING TO OBJECTIVE CRITERIA

Elena A. PISAREVSKAYA

Northwest Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia, Liorev@mail.ru

Abstract. This article analyzes the rationale for numerous legislative amendments to Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author notes that the emergence of so-called «duplicate norms» does not make law enforcement any easier, as when prosecuting criminal cases, they must analyze multiple norms, the interpretation of which is not always straightforward, especially in the absence of clarifications on this category of cases from the highest judicial authority.

Given the numerous legislative amendments and the existing uncertainty in law enforcement, the author deems it necessary to define the concept of "security" in the Federal Law «On Security».

The article also points to the expediency of the Supreme Court of the Russian Federation, based on a generalization of judicial practice, to formulate clarifications on cases involving high treason, espionage and other such encroachments.

Keywords: criminal responsibility, high treason, security, the object of the crime, the objective side of the corpus delicti

В 2022 году в нашем государстве наметилось резкое увеличение регистрации государственной измены. Так, если в 2018 году в России было зарегистрировано 7 случаев совершения данного деяния, то в 2021 году – уже 47, а в 2023 году – 207¹.

Таким образом, в рамках периода произошло значительное увеличение регистрации +2857,0%. Подобным увеличением не может «похвастаться» ни одно так называемое общеуголовное преступление.

Очевидно, что эту отрицательную тенденцию можно объяснить влиянием геополитической обстановки, активизацией работы как российских правоохранительных органов, так и враждебных нашему государству сил, а также законодательными изменениями, расширившими круг деяний, за которые возможно привлечь к ответственности по ст. 275 УК РФ.

Криминализация в 2022 году деяния, предусмотренного 275.1 УК РФ, также нашла отражение в статистической информации. Если в 2022 году в Российской Федерации было зарегистрировано всего два подобных преступных деяния, то в 2023 году – уже 31². Темп прироста по данному преступлению составил + 1450%.

При осуществлении анализа объективных признаков государственной измены следует помнить о том, что анализируемая норма в 2022 году терпела значительные изменения. Статья 275 УК РФ до внесения в нее

¹ Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2018-2023 г.г. // МВД РФ ФКУ «ГИАЦ».

² Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2018-2023 г.г. // МВД РФ ФКУ «ГИАЦ».

изменений Федеральным законом от 14 июля 2022 № 260-ФЗ выделяла три формы анализируемого деяния: 1) шпионаж; 2) выдачу иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; 3) оказание разного рода помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

При этом статус указанных в диспозиции статьи организаций законодателем никак не определен. В связи с этим представляется возможным согласиться с мнением о том, что перечисленные организации могут иметь «как легальный, так и противоправный статус, в том числе могут быть в установленном порядке признаны террористическими, экстремистскими или нежелательными»¹, для квалификации это значения не имеет.

Изменения, внесенные вышеуказанным Федеральным законом, не затронули первую и вторую формы анализируемого деяния – шпионаж и выдачу гостайны, осталась неизменно наказуемой измена в форме оказания разного рода помощи перечисленным ранее субъектам, однако эти изменения предусмотрели новую форму государственной измены – переход на сторону противника.

При этом в пункте 1 примечаний к данной статье было сформулировано понятие «переход на сторону противника». Однако в неизменном виде данное понятие оставалось недолго, поскольку, очевидно, не отвечало потребностям правоприменительной практики.

Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ предусмотрел в Примечании 1 непосредственно понятие «противник», а в пункте 2 примечаний само понятие перехода на «враждебную сторону», которое было значительно расширено, в него было включено не только участие в составе сил противника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники, но и «добровольное участие в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций противника, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации».

Помимо вышеуказанных изменений Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ было криминализировано сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или

¹ Власенко В. В. Оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности РФ (ст. 276.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2025. № 9. С. 11.

иностранной организацией, а Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ был расширен субъектный состав данного деяния, который в настоящее время, не ограничиваясь гражданином РФ, включает также постоянно находящегося на территории РФ иностранного гражданина и лицо без гражданства.

По сути, это изменение представляло собой криминализацию деяния для лиц, которые раньше под действие указанной статьи не попадали, а «состав преступления, предусмотренный ст. 275.1 УК РФ, стал общей нормой по отношению к шпионажу и преступлению, предусмотренному ст. 276.1 УК РФ»¹.

При этом данное деяние является наказуемым по указанной «вспомогательной» статье при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст.ст.275, 276, 276.1 УК РФ. Очевидно, что подобные решения законодателя о дополнении уголовного законодательства различными «вспомогательными» нормами направлены на устранение пробелов в правоприменительной практике, а также на привлечение к уголовной ответственности лиц фактически в превентивном порядке, когда они еще не успели совершить более тяжкий вариант деяний, подпадающих под действие, например, ст. 275 УК РФ.

Однако представляется, что подобное законодательное конструирование отнюдь не облегчает задачу правоприменителя, поскольку при привлечении к уголовной ответственности ему необходимо анализировать несколько норм, трактовка которых не всегда является однозначной, и это в условиях отсутствия разъяснений по данной категории дел со стороны высшей судебной инстанции.

Говоря о понимании объекта анализируемого деяния, следует отметить, что и оно значительно трансформировалось за время существования указанной нормы. Так, изначально при принятии УК РФ в 1996 году в диспозиции статьи говорилось о деятельности «в ущерб внешней безопасности Российской Федерации», соответственно, под ней понималось «состояние защищенности государственного и общественного строя России от угроз извне»².

Диспозиция в редакции Федерального закона от 12 ноября 2012 г. № 190-ФЗ и последующие редакции упоминают уже «деятельность,

¹ Ермолович Я. Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности за государственную измену, шпионаж и сопряженные с ними преступления (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 4. С.52.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей редакции Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., Издательская группа НОРМА-ИНФРА.-М., 1998. С. 644.

направленную против безопасности Российской Федерации».

Именно понятие «безопасность Российской Федерации» в настоящее время отображает наше представление об объекте посягательства. Следует согласиться с В.И. Михайловым в том, что это понятие отражает «фактически весь спектр жизненно важных интересов российского общества»¹.

Очевидно, что изменения, внесенные в диспозицию анализируемой статьи в 2012 году, были направлены на расширение объекта рассматриваемого деяния. Ведь получается, что сейчас противоправное воздействие на любой из элементов безопасности государства является посягательством на его безопасность².

Основной проблемой здесь остается отсутствие нормативного закрепления данного понятия. Парадокс Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) заключается в том, что в нем отсутствует определение самого ключевого понятия закона. Лишь в статье 1 данного Федерального закона при определении предмета его регулирования перечисляются различные виды безопасности, которые далее по тексту закона предполагается понимать как безопасность или национальная безопасность. Данное обстоятельство приводит нас к выводу о том, что законодатель рассматривает данные понятия как идентичные.

По обоснованному мнению, В. И. Михайлова безопасность «включает в себя в качестве составных элементов государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, военную, энергетическую безопасность, безопасность личности и другие элементы, имеющие жизненно важное значение для устойчивого развития страны»³. Однако представляется неверным то, что до сих пор это понятие в законодательстве не закреплено.

Объективная сторона рассматриваемого преступного посягательства включает четыре обозначенные выше формы совершения. При этом государственная измена в форме оказания помощи трактуется наиболее широко, включая «любые умышленные деяния, направленные на оказание всякой помощи иностранному адресату в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, а не только деяния, специально

¹ Михайлов В. И. Объект государственной измены и его значение для квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4. С. 43.

² Михайлов В. И. Объект государственной измены и его значение для квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4. С. 45.

³ Михайлов В. И. Объект государственной измены и его значение для квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4. С. 46.

указанные в ст. 275 УК РФ»¹.

Признаем, что открытый перечень данных деяний создает возможности для широкой трактовки подобного рода помощи, но это является объективной неизбежностью, так как невозможно представить и отразить в тексте закона все виды возможной помощи. Главное здесь – направленность указанной помощи, осуществляемой в ущерб безопасности нашего государства.

Остается открытым вопрос о необходимости квалификации по совокупности с анализируемым составом такой помощи, которая сама по себе образует самостоятельный состав преступления. Ведь помощь может состоять в совершении террористического акта, диверсии и целого ряда других преступлений.

Возникает вопрос, необходимо ли квалифицировать в данном случае содеянное по совокупности? Или государственная измена поглощает все виды оказанной помощи? В. И. Михайлов отвечает на этот вопрос положительно, утверждая, что с этой точки зрения логичным выглядит законодательное изменение, реализованное на основании Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ, о дополнении санкции анализируемой нормы пожизненным лишением свободы². Представляется, что данная точка зрения далеко не бесспорна.

Судебная практика, например, идет по пути вменения содеянного по совокупности в случае совершения государственной измены в форме перехода на сторону противника и тех действий по переходу на сторону противника, которые по факту и образуют состав государственной измены.

Например, Л. был осужден к лишению свободы, помимо ч. 3 ст. 30, ст. 275 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 322 УК РФ, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ за покушение на участие в украинском военизированном объединении «...», которое в соответствии с законодательством Российской Федерации признано террористической организацией³.

В другом случае Н был осужден за приготовление к государственной измене в форме перехода на сторону противника, приготовления к участию в деятельности организации, которая в соответствии с отечественным законодательством признана террористической, пропаганду терроризма, совершенную в сети «Интернет». Вышестоящая судебная инстанция опровергла

¹ Михайлов В.И. Особенности конструкции объективной стороны государственной измены и ее значение для квалификации // Журнал российского права. 2025. № 5. С. 105.

² Михайлов В. И. Объект государственной измены и его значение для квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4. С. 46–47.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доводы жалобы о том, что приготовление к государственной измене путем перехода на сторону противника, квалифицированное по ч. 1 ст. 30, ст. 275 УК РФ, полностью охватывает приготовление к участию в деятельности террористической организации и не требует дополнительной квалификации действий Н по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, указав при этом, что это не основано на положениях уголовного закона. Обосновывая свою точку зрения по этому вопросу, суд сослался на положения ст. 17 УК РФ¹.

При этом в пункте 60 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» от 18 мая 2023 года № 11 указано что «Если лицо нарушило правила несения того или иного вида специальной военной службы в целях оказания помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, содеянное подлежит квалификации только по статье 275 УК РФ как государственная измена».

Таким образом, совокупность деяний в данном случае Верховным Судом Российской Федерации исключается. Если исходить из позиции о том, что государственная измена поглощает совершение иной помощи в виде деяний, за совершение которых не предусмотрено пожизненное лишение свободы, то почему кассационный суд квалифицирует по совокупности государственную измену и приготовление к участию в деятельности террористической организации?

В связи с многочисленными законодательными изменениями и имеющейся неопределенностью в правоприменении, обозначенной выше, представляется необходимым сформулировать понятие «безопасность» в Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023).

Верховному Суду Российской Федерации на основании обобщения судебной практики целесообразно сформулировать разъяснения по делам, связанным с государственной изменой, шпионажем и иным подобным посягательствам.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 года по делу № 226-УД25-2-А6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИВЕРСИИ

Ксения Викторовна ПИТУЛЬКО

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации), Санкт-Петербург, Россия, lokhi@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты конструктивные признаки состава диверсии – одного из опаснейших преступлений против конституционного строя и безопасности государства. Отмечая, что в современный период диверсионная деятельность приобрела новые качественные параметры, а количество ее проявлений – выраженную негативную тенденцию к увеличению, автор дает оценку изменениям, внесенным в статью 281 УК РФ.

Одной из характеристик диверсии стала активная вербовочная деятельность, осуществляемая посредством использования ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей. Ее адресатами часто выступают представители социально уязвимых групп населения (несовершеннолетние, пенсионеры), соглашающиеся участвовать в совершении преступления под влиянием обмана или обещания вознаграждения.

Это приводит к относительно легкому выявлению признаков готовящегося преступления, но не позволяет в полном объеме пресекать криминальную активность. В связи с этим автором вносятся предложения по совершенствованию содержания уголовно-правового запрета и оптимизации правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: преступления против конституционного строя и безопасности государства, диверсия, диверсионная деятельность, вербовка, государственная безопасность

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF SABOTAGE

Ksenia V. PITULKO

St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), St. Petersburg, Russia, lokhi@yandex.ru

Abstract. This article explores the constructive elements of sabotage, one of the most dangerous crimes against the constitutional order and state security. Noting that sabotage has acquired new qualitative parameters in the modern era, and its incidence has shown a markedly negative upward trend, the author assesses the amendments to Article 281 of the Russian Criminal Code.

One of the characteristics of sabotage is active recruitment, carried out through the use of information and telecommunications networks. Its recipients are often members of socially vulnerable groups (minors, pensioners), who agree to participate in the commission of a crime under the influence of deception or the promise of a reward. This makes it relatively easy to identify the signs of an impending crime, but does not allow for the complete suppression of criminal activity.

In this regard, the author makes proposals for improving the content of the criminal law prohibition and streamlining law enforcement.

Key words: crimes against the constitutional order and state security, sabotage. subversive activities, recruitment, state security

Понятие диверсии как одного из проявлений враждебной деятельности, направленных на подрыв государственной и общественной безопасности, дестабилизацию гражданского согласия и потенциальное разрушение значимой инфраструктуры известно российскому уголовному законодательству достаточно давно.

В современный период количество таких посягательств приобрело устойчивую тенденцию к росту¹; что побудило законодателя в апреле 2023 г. изложить положения ст. 281 УК РФ в новой редакции. Вследствие внесенных изменений состав диверсии получил конструктивное разграничение от террористической деятельности, что создало условия для правильной квалификации общественно опасных посягательств.

Традиционными параметрами разграничения террористических актов и диверсий в отечественной правовой доктрине были объект преступления, цель совершения преступления и возраст лица, подлежащего уголовной ответственности.

Применительно к последнему основанию можно констатировать, что оно полностью отпало. В настоящее время в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за совершение исследуемых преступлений начинается 14 лет.

¹ В 2024 г. Следственным комитетом Российской Федерации в суд было направлено 429 уголовных дел о совершении преступлений диверсионной и террористической направленности (на 40% больше, чем в 2023 г.); очаги диверсионной активности выявлены в десяти регионах России. При содействии ФСБ России в январе 2025 г. пресечена противоправная деятельность 224 лиц, готовивших диверсии на различных объектах инфраструктуры. См.: В России увеличилось число поджогов и диверсий // Российская газета. 2025. 17 февраля.

Первые два сегодня являются очевидными вследствие расположения этих норм в Особенной части УК РФ и содержания их диспозиций. Решение законодателя можно оценить положительно: в результате были минимизированы возможности избыточного вменения и квалификационных ошибок.

При этом утверждение о совершении террористического акта и диверсии как совокупности преступлений¹ сохраняет свою актуальность: если у субъекта имеется комплексное целеполагание, а разрушение выбранного им объекта влечет не только экономические потери, но потенциально дестабилизирует деятельность органов власти, можно констатировать наличие признаков идеальной совокупности преступлений.

В литературе получило оценку сочетание диверсионной и террористической деятельности, связанной с дезорганизацией транспортных перевозок, нападением на посты, хозяйственные и военные объекты², а также указание в норме о диверсии «адресатов» общественно опасного посягательства³. В настоящее время можно констатировать, что законодательное разграничение диверсии и террористического акта завершено.

Непосредственный объект диверсии – это экономическая безопасность и обороноспособность России, средства жизнеобеспечения населения. Дополнительным объектом могут быть жизнь и здоровье граждан, а также право собственности или иные имущественные права, признаваемые за пользователями сооружений, природных ресурсов, систем связи. По непосредственному объекту состав диверсии обособлен от иных посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства.

Под экономической безопасностью традиционно понимается создание защищенного от противоправного воздействия механизма функционирования объектов промышленности и иных сегментов национальной экономики, а на макроуровне – состояние защищенности экономических интересов общества и государства. Понятие обороноспособности является производным от категории «оборона», получившей закрепление в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2025). Обороноспособность – это комплексная дефиниция, характеризующая военный, политический, экономический, нравственный и научный потенциал, достаточный для защиты национального суверенитета от внешних врагов и внутренней подрывной деятельности.

Общественная опасность диверсии определяется следующими

¹ Кудрявцев В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений. Теоретический анализ // Вестник ЮУПИ. 2013. № 1. С. 45–55.

² Гецелев З. О. Бандформирования, их организация и деятельность (на опыте функционирования в Северо-Кавказском регионе) // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 166–168.

³ Галачиева М. М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. С. 96–102.

обстоятельствами. Во-первых, диверсионная деятельность создает угрозу бесперебойному функционированию экономической системы государства.

Во-вторых, с учетом особенностей поддержания защищенности и работоспособности важных объектов социальной инфраструктуры можно констатировать, что она становится «продуктивной» только в случае группового совершения. Повышение степени ее организованности приводит к тому, что в совершение противоправных действий вовлекается значительное количество субъектов.

В-третьих, деятельность диверсионных сообществ можно назвать более интенсивной и тщательнее маскируемой. Вследствие этого она потенциально масштабнее, разрушительнее и длительнее, нежели аналогичные акты, совершенные неорганизованными субъектами. Осознавая это, законодатель предпринял шаги по самостоятельной криминализации организационно-обеспечительных компонентов диверсионной деятельности.

По конструкции объективной стороны состав диверсии близок к составу террористического акта: в диспозиции ч. 1 ст. 281 УК РФ перечислены опасные действия, направленные на приведение в негодность различных объектов социально значимой инфраструктуры. Перечень этих действий носит открытый характер: взрыв, поджог, иные акты разрушительного содержания (затопление, авария, экологическая катастрофа).

Объективная сторона преступления состоит в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение объектов инфраструктуры. Иные действия могут выражаться в устройстве затопления, аварии, катастрофы и пр.

В составе диверсии получил характеристику такой признак, как место совершения преступления. Диверсия может осуществляться на территории предприятий, различных сооружений (коммуникаций, трубопроводов, транспортных артерий). Высоким диверсионным риском обладают инфраструктура железнодорожного сообщения, места расположения оборудования, необходимого для предоставления услуг связи, объекты жизнеобеспечения.

Особенности конструкции состава диверсии определяют момент окончания преступления: при совершении действий, входящих в объективную сторону, он не связан с разрушением или фактическим повреждением места взрыва или поджога.

Угроза совершения этих действий не тождественна их реализации, поэтому не охватывается оконченным составом диверсии¹. Иными словами, в ситуациях, когда противоправные действия пресечены в момент

¹ Питулько К. В., Коряковцев В. В. Преступления против государственной власти. М.: Русайнс, 2025. С. 87.

размещения взрывного устройства или при попытке поджога, содеянное логично квалифицировать как покушение на диверсию. Напротив, наступление общественно опасных последствий влечет квалификацию действий виновного по ч. 2 или ч. 3 ст. 281 УК РФ (в зависимости от вида последствий – экономический ущерб, вред здоровью граждан, гибель людей).

Субъективная сторона диверсии формализована исключительно в прямом умысле. Обязательным ее признаком выступает и цель – подрыв экономической безопасности или обороноспособности государства. Таким образом, необходимо установить не только осознание лицом общественной опасности и противоправности своих действий, но и их вероятного результата.

При этом даже в тех случаях, когда при расследовании устанавливается корыстная мотивация (совершение поджога за вознаграждение) или же признаки шантажа или манипулирования (вовлечение под влиянием угроз), выраженность целеполагания, возможно, снижается, но не исчезает полностью.

Субъект воспринимает свои действия как подрыв экономической безопасности, осуществляемый путем порчи социально важного оборудования или путем иного нанесения вреда такому объекту, который обладает очевидной экономической ценностью, социальной значимостью¹.

Например, в июне 2024 г. Верховный суд Республики Татарстан вынес приговор по уголовному делу в отношении трех жителей республики. В зависимости от роли в совершении преступления соучастники признаны виновными по ч. 4 ст. 281.1 УК РФ (содействие диверсионной деятельности), по ч. 1 ст. 281 УК РФ (диверсия), ч. 4 ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

В суде установлено, что 20 марта 2023 года 20-летний мужчина, действуя в составе организованной группы с неустановленными лицами, склонил трех несовершеннолетних к диверсии. В результате подростки подожгли релейный шкаф светофора на железнодорожном перегоне «Автозаводская станция–Сидоровка» на территории Тукаевского района республики. 22 марта 2023 г. один из несовершеннолетних, действуя по указанию взрослого, поджог климатический шкаф базовой станции связи ООО «Т2 Мобайл», расположенного на территории коттеджного поселка Простоквашино СНТ Малая Шильни Тукаевского района республики.

За свои действия подростки получили денежное вознаграждение. Указанные действия могли привести к железнодорожной катастрофе или

¹ Питулько К. В. Основные факторы, детерминирующие совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 3. С. 100–105.

к приостановлению оказания услуг связи, что вызвало бы негативный общественный резонанс и могло повлечь иные тяжкие последствия, а кроме того, потребовало дополнительных расходов и замены оборудования.

Подрыв экономической безопасности, как представляется, достигается сочетанными усилиями целого ряда подобных криминальных ячеек, которые, действуя в условиях конспирации, могут одновременно или неоднократно совершать тождественные противоправные действия на объектах инфраструктуры. Однако правоприменительная практика складывается так, что непосредственные исполнители этих действий выявляются и осуждаются к длительным срокам лишения свободы, что служит сдерживающим фактором.

Цель преступления отличает диверсию от уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ), террористического акта (ст. 205 УК РФ), уничтожения или повреждения лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ).

Диверсия может составлять совокупность с таким преступлением, как государственная измена (например, когда совершается гражданином РФ по заданию представителя иностранного государства; последний может выступать организатором или подстрекателем к ее совершению, выполнять функции пособника).

Участившиеся акты вовлечения в диверсионную деятельность граждан России представителями иностранных спецслужб пока не имеют отражения в итоговых процессуальных решениях, однако эта вербовочная деятельность сегодня является объектом пристального оперативного интереса со стороны подразделений ФСБ России.

Квалифицированный состав диверсии (ч. 2 ст. 281 УК РФ) предполагает ее совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, то есть устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения этого преступления или ряда других преступлений помимо диверсии.

Например, в октябре 2024 г. Второй Восточный окружной военной суд вынес обвинительный приговор 13 гражданам России, жителям разных регионов страны, за совершение ряда преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ (диверсия), а также ч. 1 ст. 30, 205 УК РФ (приготовление к террористическому акту).

Они входили в преступную группу, которую организовало неизвестное лицо в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны, дестабилизации деятельности органов власти и воздействия на принятие ими решения о прекращении участия в специальной военной операции.

Члены преступной группы в период с декабря 2022 г. по январь 2023-го совершили 13 диверсий на объектах транспортной инфраструктуры и связи в Москве и Красноярском крае. В частности, ими были подожжены железнодорожный локомотив, шкафы энергоснабжения ОАО «РЖД», а также несколько гражданских трансформаторных подстанций. Кроме того, они готовились поджечь многоцелевые истребители на территории одной из воинских частей в Приморском крае. Свои действия они совершали, исходя из корыстных мотивов.

Другой квалифицирующий признак диверсии – причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий (п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ). Ни тот, ни другой параметр не формализованы, т.е. не определены в рублевом эквиваленте или путем перечневого подхода. Из этого следует, что они носят оценочный характер и могут быть вменены обвиняемому по усмотрению правоприменителя, обоснованному совокупностью собранной по делу информации относительно убытков или особенностей восстановления поврежденных объектов инфраструктуры. Если ущерб не является значительным, а тяжкие последствия не наступили, деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 281 УК РФ.

Например, в декабре 2023 г. Краснодарским краевым судом вынесен приговор, в соответствии с которым подсудимый признан виновным по ч. 1 ст. 281 УК РФ (диверсия) и ч. 4 ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) и осужден к 11,5 годам лишения свободы.

Судом установлено, что в мае 2023 г. подсудимому через мессенджер Telegram поступило предложение за 10 тысяч рублей поджечь релейный шкаф, принадлежащий ОАО «РЖД», в поселке Агроном Динского района Краснодарского края. Он согласился и привлек своего несовершеннолетнего знакомого, который должен был следить, чтобы их никто не заметил, и фиксировать поджог на видео. Далее молодые люди прибыли в поселок Агроном, где подсудимый молотком и отверткой вскрыл релейный шкаф и, облив жидкостью для розжига его внутреннюю часть, поджег. Тяжких последствий из-за повреждения объекта не произошло по независящим от подсудимого обстоятельствам.

Кроме того, в ч. 2 ст. 281 УК РФ предусмотрены особые характеристики места совершения диверсии – объекты федерального органа исполнительной власти в области обороны, Вооруженных Сил РФ, войск национальной гвардии, органов государственной власти, привлекаемых для выполнения отдельных задач в области обороны, а также на объекты топливно-энергетического комплекса и организаций оборонно-промышленного комплекса.

Их повреждение или разрушение ведет к подрыву обороноспособности государства или ослаблению механизмов удовлетворения наиболее важных социальных потребностей.

Наиболее опасные виды диверсии установлены в ч. 3 ст. 281 УК РФ. Во-первых, это посягательство на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты. Объектами использования атомной энергии в соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 № 170-ФЗ (от 21.04.2025) признаются: ядерные установки, пункты хранения ядерных материалов, ядерные материалы, радиационные источники, радиоактивные отходы, радиоактивные вещества, тепловыделяющие сборки ядерного реактора, пункты хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ.

Их разрушение или повреждение может привести к техногенной катастрофе, создать угрозу для жизни многих людей. При этом в данном случае не имеет уголовно-правового значения то обстоятельство, наступили такие последствия, или нет.

Во-вторых, это диверсия с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, а равно ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов. Аналогично первому случаю, здесь потенциально возможна гибель многих людей, поскольку преступником используется максимально опасный способ совершения преступления.

В-третьих, в ч. 3 ст. 281 УК РФ выделено последствие в виде причинения смерти человеку. Указанный признак вменяется в случае гибели в результате диверсии хотя бы одного лица.

В современный период диверсионная деятельность приобрела качественно новые характеристики, вследствие чего сформировалась соответствующая практика выявления и пресечения таких преступлений. В действующей редакции ст. 281 УК РФ предусматривает санкции, связанные с изоляцией осужденного от общества на длительный срок или пожизненно. Это полностью соответствует характеру и степени общественной опасности диверсии и социальным ожиданиям.

НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РСФСР 1920 ГОДОВ

Иван Алексеевич ПОДТЫННИКОВ

Северо-Западная транспортная прокуратура, Санкт-Петербург, Россия,
Deribas29@rambler.ru

Аннотация. В настоящей работе анализируется формирование классового характера советской уголовной юстиции 1920-х годов. В частности, исследуются теоретические и практические аспекты применения аналогии уголовного закона и высылки (ссылки) граждан за пределы государства или его определенных территорий.

Обращается внимание на особенности действия Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и Уголовного кодекса РСФСР 1926 года в отношении преступлений против безопасности государства.

Ключевые слова: история уголовного права, УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, революционная законность, аналогия уголовного закона, социально опасный элемент

Original article

PUNISHMENT WITHOUT CRIME IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RSFSR OF THE 1920S

Ivan A. PODTINNIKOV

North-Western Transport Prosecutor's Office, Saint Petersburg, Russia,
Deribas29@rambler.ru

Разрушение имперского государства и права в 1917 году и последующая борьба за власть в годы Гражданской войны завершилась установлением в России диктатуры пролетариата, «уничтожившей капиталистическую систему хозяйства, утвердившей социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющей советской общества по пути коммунизма»¹.

¹ Доклад Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР» 25 ноября 1936 г. [Электронный ресурс] URL: <https://csdfmuseum.ru/history/300-o-proekte-konstitutsii-soyuz-a-ssr-tekst-doklada> (дата обращения: 07.11.2025).

Среди своих первых задач большевики считали необходимым сломить сопротивление старого буржуазного порядка и закрепить доминирование интересов победившего рабочего класса.

Декларация таких устремлений была сформулирована первым Народным комиссаром просвещения РСФСР А.В. Луначарским в газете «Правда» 1 декабря 1917 года: «Революция для того и совершается, чтобы создать новое право, чтобы новому правосознанию масс завоевать возможность стать действительностью. Вот почему победоносный народ должен немедленно приступить к созданию новых судов и нового уложения, к созданию их на практике, вначале ошупью, руководствуясь своей революционной совестью и лишь постепенно формулируя новые права и выкристаллизовывая новые прекрасные и прочные формы истинно народного суда ... Новое право несет с собой, пока только в неясной форме, требования новой справедливости»¹.

Предвестие неизбежных изменений в праве А. В. Луначарский видел в концепции интуитивного права дореволюционного правоведа Л. И. Петражицкого, который писал: «Одновременное существование и действие и позитивного (писаного) права и интуитивного (идеала новых классов) возможно только при условии согласия между ними в общих чертах: при переходе разногласий за известные пределы, неизбежно крушение позитивного права, в случае сопротивления – в форме социальной революции. Как бы не представлялись отвратительными гильотины революции и разгром культурных гнезд и центров – все это является неизбежным результатом оскорбленного народного чувства, стихийной мстью за попранное право»².

Решение этих задач возлагалось на новое советское право. Прежнее было решительно отменено Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 года.

Такие революционные изменения в праве Н. В. Крыленко характеризовал в лучших традициях большевистских воззваний: «Одним взмахом вставший у власти рабочий класс упразднил все орудия подавления и гнета, которыми бывший режим охранял свои права и боролся против освободительных стремлений пробуждавшегося сознания революционных трудящихся масс»³.

А. В. Луначарский пошел дальше в призывах отменить старые порядки: «Долой суды-мумии, алтари умершего права, долой судей-вампиров, готовых на свежей могиле безраздельного господства капитала продолжать пить

¹ Луначарский А. В. Революция и суд. Правда. 1917, № 124 (193) (18 нояб. (1 дек.)). 1917. [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011713427/ (дата обращения: 07.11.2025).

² Луначарский А. В. Революция и суд. Правда. 1917, № 124 (193) (18 нояб. (1 дек.)). 1917. [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011713427/ (дата обращения: 07.11.2025).

³ Крыленко Н. В. Через пять лет. Еженедельник советской юстиции № 44/45 от 1922 г. С. 6–7. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 07.11.2025).

кровь живых! Да здравствует народ, создающий в своих кипящих, бродящих, как молодое вино, судах, право новое – справедливое для всех, право великого братства и равенства трудящихся!»¹.

Практические же мотивы принятия Декрета о суде его автор П. И. Стучка впоследствии изложил в своей статье «Пять лет революции права»: «... все суды, с «правительствующим сенатом» во главе, нашу революцию просто игнорировали. Если в феврале, на второй день после революции, суды уже писали свои решения «по указу временного правительства», то после Октябрьской революции они Рабоче-Крестьянское Правительство и временно признавать не желали.

В сотнях камер мировых судей и разных других судов провозглашали решения по указу свергнутого уже временного правительства и на основании законов свергнутых правительств. Это было нетерпимо, и я набросал опять вместе с тов. Козловским проект первого «декрета о суде»².

Председатель Московского ревтрибунала А. М. Дьяконов вопрошал: «Но где взять юристов, готовых служить революции? Интеллигентский саботаж особенно сильно был развит в среде судебных работников. Только отдельные единицы взяли на себя выполнение новой трудной задачи. Камеры бывших мировых судов в большинстве оказались запертыми на замок. Под угрозой ареста вызывались мировые судьи и следователи и от них принимались дела»³.

Для сохранения судебных кадров декрет о суде допускал переизбрание советами мировых судей в местные судьи при изъявлении ими согласия.

Однако по воспоминаниям Народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского в Москве не нашлось ни одного судьи, который продолжил работу после издания первого декрета о суде и сделанного им предложения⁴.

В такой ситуации большевикам приходилось рассчитывать только на собственные силы. Потребности того времени нашли свое отражение в словах П.И. Стучки: «Нам сейчас нужны не столько юристы, сколько коммунисты»⁵.

Пункт 5 Декрета о суде требовал от новообразованных местных судов

¹ Луначарский А. В. Революция и суд. Правда. 1917, № 124 (193) (18 нояб. (1 дек.)). 1917. [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011713427/ (дата обращения: 07.11.2025).

² Стучка П. И. Пять лет революции права. Ежедельник советской юстиции № 44/45 от 1922 г. С. 1–3. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 08.11.2025).

³ Дьяконов А. М. Послеоктябрьские эскизы. Ежедельник советской юстиции № 44/45 от 1922 г. С. 10–11. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 08.11.2025).

⁴ Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом Юстиции тов. Дм. Ив. Курским). Ежедельник советской юстиции № 44/45 от 1922 г. С. 4–5. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 08.11.2025).

⁵ Крашенинников П. В.. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. С. 39.

руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Тем самым провозглашался классовый принцип советской юстиции, выражающей классовый характер государства диктатуры пролетариата.

Разработка и принятие такого решения сопровождалось серьезной дискуссией среди большевиков и эсеров. Первый проект декрета содержал более жесткие указания новым судам руководствоваться «не писанными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью и революционным правосознанием»¹.

Таким образом, большевики не рискнули одномоментно отказаться от всего дореволюционного права.

При этом пункт 5 Декрета был дополнен примечанием, согласно которому отмененными признавались все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Рабочего и Крестьянского Правительства, а также программой-минимум РСДРП и ПСР».

Поскольку классовый характер советского права требовал обеспечения его общедоступности широким слоям рабочих и крестьян, в 1920-е годы проводилась активная работа по кодификации нового законодательства, во всех важных сферах общественных отношений были приняты кодексы, к числу которых относится первый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 года.

В преамбуле кодекса указывалось о его принятии в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов, установления твердых основ революционного правосознания.

Очевидно, что при заявленных целях нового уголовного закона места для ряда традиционных в буржуазном праве принципов не нашлось.

К их числу следует отнести известный со времен римского права принцип *nullum crimen nulla poena sine lege* (никакого преступления, никакого наказания, если они не предусмотрены законом), призванный обеспечить превенцию правонарушений путем четкого определения границ девиантного (незаконного) поведения и оградить человека от произвольного ограничения его прав и свобод.

Статья 10 УК РСФСР 1922 года легализовала аналогию, установив в случае отсутствия в УК прямых указаний на отдельные виды преступлений,

¹ Стучка П. И. Пять лет революции права. Еженедельник советской юстиции № 44/45 от 1922 г. С. 1–3. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 08.11.2025).

наказания или меры социальной защиты применять статьи УК, предусматривающие наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил Общей части УК.

Наркомюст в пункте 5 своего циркуляра № 48 от 1922 года разъяснял, что применение аналогии допускалось к деянию подсудимого лишь тогда, когда суд признавал это деяние «явно опасным с точки зрения основ нового правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью, но не законов свергнутых правительств». Наркомюст также отмечал, что аналогия допускалась лишь в исключительных случаях¹.

В Комментарий к УК РСФСР 1922 года Московского Губернского суда разъяснялось, что для применения аналогии следовало прежде всего установить, к какой главе Особенной части относится то преступление, в отношении которого применяется аналогия, то есть относится ли оно к роду хозяйственных, против порядка управления и прочим, и уже после этого применять ту или иную статью соответствующей главы Особенной части².

Например, за пользование заведомо подложными знаками и документами, указанными в статьях 85 и 189 УК РСФСР 1922 года, лиц, приобретавших такие знаки и документы, наказывали по аналогии как за их подделку³.

В другом случае председатель Ставропольского губревтрибунала, обвинявшийся в задержке из личной заинтересованности кассационных жалоб и создании тем самым атмосферы неправосудия, стремлении уничтожить основное право осужденных – право кассации – был осужден по аналогии со статьей 111 УК РСФСР 1922 года как за вынесение неправосудного приговора⁴.

Среди практических дискуссий также отмечалась возможность применения аналогии не только к преступлениям, но к Общей части УК. Например, ввиду отсутствия в статье 43 УК РСФСР 1922 года предельного срока увольнения от должности как вида наказания предлагалось по аналогии применять статьи 40 и 48 УК РСФСР 1922 года, ограничившие поражение в правах пятью годами и высылку социально-опасных элементов тремя годами⁵.

¹ Эстрин А. Я. Аналогия (ст. 10 Угол. Кодекса). Еженедельник советской юстиции № 28 от 1922 г. С. 1–2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331820> (дата обращения: 09.11.2025)

² Уголовный кодекс: текст с постатейно-систематизированным материалов законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного суда, кассационная практика и проч.) / с предисл. Д. И. Курского. М.: Московский губернский суд, 1924. С. 50–52.

³ Уголовный кодекс: текст с постатейно-систематизированным материалов законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного суда, кассационная практика и проч.) / с предисл. Д. И. Курского. М.: Московский губернский суд, 1924. С. 50–52.

⁴ Уголовный кодекс: текст с постатейно-систематизированным материалов законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного суда, кассационная практика и проч.) / с предисл. Д. И. Курского. М.: Московский губернский суд, 1924. С. 50–52.

⁵ Эстрин А. Я. Аналогия (ст. 10 Угол. Кодекса). Еженедельник советской юстиции № 28 от 1922 г. С. 1 – 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331820> (дата обращения: 09.11.2025)

Другим примером отступления от принципа «нет наказания без преступления» являются положения статьи 49 УК РСФСР 1922 года, согласно которой лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасными, могли быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет.

Эта мера, как указывалось в Циркуляре Наркомюста № 154 от 1922 года, носила характер лишения права пребывания в определенной местности, но не могла сопровождаться назначением определенного местожительства¹. В этой связи в приговоре подлежали указанию те местности по списку Наркомюста, пребывание в которых данному лицу воспрещалось².

Следовательно, первоначально данная мера социальной защиты заключалась не в ссылке, а в высылке лица за пределы определенной территории.

В Циркуляре Наркомюста № 118 от 1923 года разъяснялось, что признание судом лица социально опасным могло иметь место не только в случаях вынесения по делу обвинительного приговора, но и тогда, когда при недоказанности обвинения обстоятельства дела все же убедят суд в наличии связи обвиняемого с преступной средой данной местности или в его социальной опасности по прежнему его поведению или судимости³.

Из данных разъяснений М. Н. Гернет и А. Н. Трайнин делали вывод, что применению статьи 49 УК РСФСР 1922 года должно предшествовать предъявление лицу обвинения по определенной статье Особенной части УК⁴.

Дальнейшие нововведения показали, что ученые дореволюционной эпохи не в полной мере учитывали тенденции «классовой» системы советского права.

Не прошло и трех месяцев со дня вступления в силу УК РСФСР 1922 года, как Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 10 августа 1922 года № 51 (далее – декрет ВЦИК № 51) была введена административная высылка⁵.

Поводом для этого послужили адресованные И. В. Сталину служебные записки заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта, в которых

¹ Еженедельник советской юстиции № 46–47 от 1922 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331833> (дата обращения: 09.11.2025).

² Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Книгоиздательство «ПРАВО и ЖИЗНЬ», 1924. С. 124.

³ Еженедельник советской юстиции № 23 от 1923 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prilib.ru/item/331854> (дата обращения: 09.11.2025).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Книгоиздательство «ПРАВО и ЖИЗНЬ», 1924. С. 124.

⁵ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. № 51. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. С. 1134.

утверждалось о «невозможности постановки целого ряда дел в судебном порядке и необходимости избавиться от наглых и вредных элементов»¹.

Необходимость была настолько острой, что с этим предложением И. С. Уншлихт обращался к И. В. Сталину и в Политбюро ЦК РКП(б) трижды: 10 мая, 13 мая и 23 мая 1922 года.

Согласно п. 1 Декрета ВЦИК № 51 данная мера применялась в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, и заключалась в высылке за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке. Лица, в отношении которых применялась административная высылка, лишались на время высылки активного и пассивного избирательного права (п. 7 Декрета ВЦИК № 51).

Вскоре, в дополнение к декрету ВЦИК № 51 16 октября 1922 года ВЦИК издала декрет № 65, согласно которому административной высылке и заключению в лагерь принудительных работ по месту высылки подлежали деятели антисоветских политических партий, осужденные по ст. 60–62 УК РСФСР 1922 года, а также лица, дважды судимые за ряд преступлений. Например, к их числу относились бандитизм, фальшивомонетничество, незаконное изготовление и (или) хранение с целью сбыта спиртного, организация проституции, хулиганство, кража, грабеж, разбой, незаконное хранение огнестрельного оружия (ст. 76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 184, 189, 190, 191 и 220 УК РСФСР 1922 года)².

Постановления об административной высылке выносились Особой комиссией при Народном Комиссариате Внутренних Дел (далее – НКВД), учрежденной декретом ВЦИК № 51. В марте 1924 года Президиум ЦИК СССР издал Положение о правах Объединенного Государственного Политического Управления (далее – ОГПУ), согласно которому Особые комиссии были переименованы в Особые совещания (далее – ОСО)³.

Особое совещание не являлось изобретением большевиков, такое учреждение действовало в России с 1881 года. После убийства императора

¹ Записка И. С. Уншлихта И.В. Сталину о дополнениях в Положение о Госполитуправлении. 10 мая 1922 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 28; Служебная записка И. С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) о внесении в Положение о ГПУ дополнений об административных высылках. 13 мая 1922 г. // Политбюро и органы государственной безопасности: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2017. С. 166; Записка И. С. Уншлихта И.В. Сталину о дополнениях в Положение о Госполитуправлении. 23 мая 1922 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 29.

² Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О дополнении к постановлениям «О Государственном Политическом Управлении» и «об административной высылке» от 16 октября 1922 г. № 65 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. С. 1444.

³ Положение о правах Объединенного Государственного Политического Управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь. 28 марта 1924 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 2. Л. 119–121.

Александра II царская власть была вынуждена принять чрезвычайные меры по борьбе с охватившим империю терроризмом, в том числе установив административную высылку революционеров в определенные местности от 1 до 5 лет¹. По решениям особого совещания МВД Российской империи в ссылку были направлены такие видные деятели, как В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский и другие².

В состав ОСО ОГПУ входило три члена Коллегии ОГПУ и прокурора. Такие же ОСО учреждались в Союзных Республиках для применения высылки в пределах их границ. Право высылки за границу СССР и заключения в лагерь принудительных работ принадлежало исключительно ОСО ОГПУ.

Важность обеспечения законности административных высылки учитывалось составителям данного Положения. Так, к представлению о высылке требовалось прилагать заключение местной прокуратуры, предварительное выяснение поводов к высылке должно было сопровождаться допросом высылаемого лица, в постановлении ОСО о высылке отражались мотивированные указания причин высылки, района и срока ее действий.

Прокурору предоставлялось право опротестовывать постановления ОСО ОГПУ в Президиум ЦИК СССР, постановлений ОСО Союзных Республик в Президиум ЦИК соответствующей Республики или в Центральную Прокуратуру. Действие опротестованного постановления на период рассмотрения протеста прокурора приостанавливалось.

О практике высылки отмечается в служебной записке Ф. Э. Дзержинского его заместителю И. С. Уншлихту от 27 мая 1923 года.

В ней Ф. Э. Дзержинский сообщал И. С. Уншлихту о случаях высылки без предупреждения и требовал запретить их под угрозой наказания без предупреждения высылаемых и их родных, предоставления им перед отправкой свидания и передач³.

Срок административной высылки в соответствии с п. 6 Декрета ВЦИК № 51 составлял до 3 лет. С изданием постановления ЦИК СССР «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР» от 10 июля 1934 года № 123 срок действия административной высылки, ссылки и заключения в лагеря увеличился до 5 лет⁴.

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. [Электронный ресурс] URL: <http://museumreforms.ru/node/13672> (дата обращения: 09.11.2025).

² Мозохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности, 1918–1953. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/pravo-na-repressii-vnesudebnye-polnomochija-organov-gosudarstvennoj-bezopasnosti-1918-1953/3_1#source (дата обращения: 09.11.2025).

³ Записка И. С. Уншлихту о правилах высылки. 27 мая 1923 г. // Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М.: МФД; Материк, 2007. С. 485.

⁴ Постановление ЦИК СССР об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел СССР. 10 июля 1934 г. // Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991: Справочник. М.: МФД, 2003. С. 545–546.

Характерным примером аналогии уголовного закона стало решение ВЦИК в Декрете № 51 привлекать к уголовной ответственности за побег с места высылки или в пути следования к нему по статье 95 УК РСФСР 1922 года, диспозиция которой предусматривала наказание только за побег арестованного из-под стражи или из места заключения.

Таким образом, после решительной ликвидации большевиками основ прежнего буржуазного порядка в России возник правовой вакуум.

Не имея заранее подготовленных проектов нового нормативного регулирования, большевики основывались на марксистском понимании права и считали рабочий класс носителем интуитивного права, отражавшего классовые интересы победивших масс.

Отчетливо сформулировать их интересы представлялось возможным лишь в процессе непосредственного правового революционного творчества¹, поэтому в первые годы советской власти дела разрешались исходя из революционной совести и революционного правосознания.

По мере укрепления советской власти и наращивания ее законотворческой деятельности интуитивное право рабочего класса постепенно преобразовалось в позитивное право государства диктатуры пролетариата, выражавшего классовый характер советского строя.

Составители советских законов адекватно оценивали общественно-политические реалии того времени, незавершенность советского строительства и связанную с этим невозможность учета многообразия преступных деяний в новом советском обществе.

Для борьбы с опасными для нового строя элементами в советском законодательстве 1920-х годов судьям предоставлялась возможность действовать по аналогии.

Кроме того, УК РСФСР 1922 года устанавливал в качестве основания уголовной ответственности не только совершение лицом преступления, но и признание лица социально-опасным элементом. В последнем случае лицо подвергалось высылке в судебном или административном порядке. Цели применения данного наказания исходили в значительной степени из потребностей государства, таких как освоение отдаленных от центральной части государства регионов, поднятие хозяйства, удаление криминально опасных и политически нежелательных граждан за пределы крупных городов или государства².

¹ Луначарский А. В. Революция и суд. Правда. 1917, № 124 (193) (18 нояб. (1 дек.)). 1917. [Электронный ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011713427/ (дата обращения: 07.11.2025).

² Бондарь М. А. Развитие наказаний, связанных с ограничением свободы, в советской России. Вестник Кузбасского института. 2018. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-nakazaniy-svyazannyh-s-ogranicheniem-svobody-v-sovetskoy-rossii> (дата обращения: 09.11.2025).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Семен Алексеевич ПОЛЯКОВ

Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Луганск, Россия, prock-rock@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования технологий искусственного интеллекта в целях обеспечения национальной и международной безопасности в правоохранительной деятельности.

Анализируются факты роста киберпреступности с использованием искусственного интеллекта как в мире, так и в Российской Федерации. В статье освещается роль принятия Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности в борьбе с организованной преступностью, использующей нейротехнологии.

Проводится анализ современных научных разработок в области искусственного интеллекта, а также предлагается внесение изменений в УПК РФ. Подчеркивается, что обеспечение международной и национальной безопасности в настоящее время невозможно без использования в правоохранительной деятельности современных технологий, в том числе искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международная и национальная безопасность, надзор, правоохранительная деятельность, правосудие, предварительное следствие, специальная военная операция

Original article

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN ORDER TO ENSURE NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

Semyon A. POLYAKOV

Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Lugansk, Russia prock-rock@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the use of artificial intelligence technologies in order to ensure national and international security in law enforcement

activities. The facts of the growth of cybercrime using artificial intelligence both in the world and in the Russian Federation are analyzed.

The article highlights the role of the adoption of the United Nations Convention against Cybercrime in the fight against organized crime using neurotechnology. The analysis of modern scientific developments in the field of artificial intelligence is carried out, and amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed.

It is emphasized that ensuring international and national security is currently impossible without the use of modern technologies, including artificial intelligence, in law enforcement activities.

Keywords: artificial intelligence, international and national security, surveillance, law enforcement, justice, preliminary investigation, special military operation

В современных условиях развития нейротехнологий и угроз киберпреступности, соблюдение международной и национальной безопасности требует от государств дополнительного передового обеспечения органов правопорядка и правосудия.

В последнее время в средствах массовой информации публикуются сведения о массовых кибератаках¹ населения с использованием нейротехнологий по факту мошеннических и экстремистских действий организованной преступности. Нередко, что криминальные действия в данной сфере носит межгосударственный и международный характер.

Несмотря на незначительный спад преступности в данной сфере за 6 месяцев 2025 года², к октябрю 2025 года показатели киберпреступности показывают вновь высокую криминогенность в обществе и низкую раскрываемость³.

Одновременно фиксируется рост киберпреступности, незаконно использующих персональные данные граждан⁴. В частности, иностранными разведслужбами с началом специальной военной операции предпринимаются попытки рассекретить персональные данные российских военнослужащих, судей, сотрудников правоохранительных органов и служащих

¹ Летом 2025 года зафиксирован всплеск кибератак с использованием шифровальщиков на российский финсектор // [Электронный ресурс] // Сайт Kaspersky // URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/letom-2025-goda-zafiksirovan-vspleskkiberatak-s-ispolzovaniem-shifrovalshikov-na-rossijskij-finsektor?ysclid=mhw2dozmuf847237327> (дата обращения: 12.11.2025).

² Генпрокуратура отметила спад темпов роста киберпреступности // [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24573429> (дата обращения: 12.11.2025).

³ В России раскрываемость IT-преступлений приблизилась к 30 % // [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24990215> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴ В 2023 году в сеть утекло более 300 млн записей о россиянах // [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС // URL: <https://tass.ru/obschestvo/19693845> (дата обращения: 12.11.2025).

Министерства обороны России. Мошеннические действия также сопровождаются использованием искусственного интеллекта в преступных целях¹.

На территории г. Луганска Вооруженными силами Украины² систематически совершаются попытки террористических актов и иных преступлений экстремистского характера. В том числе, в отношении должностных лиц правоохранительных органов и Вооруженных сил России.

Указанные преступные действия осуществляются также в связи с тем, что на освобожденных территориях новых субъектов Российской Федерации у молодежи наблюдаются поведенческие атрибуты экстремизма, отмечаются попытки воздействия на молодежь со стороны идеологических противников, направленные на внедрение экстремистской идеологии³.

При этом указанные группы активно используют современные технические возможности сети «Интернет», а также западные машины искусственного интеллекта.

В связи с тем, что алгоритмы программ искусственного интеллекта коллективного Запада зависят от интересов собственника, инвесторов сервиса и государства, резидентами которого они являются, в том числе «групп влияния», искусственного интеллекта предлагает молодому поколению однозначный «западный» ответ. Между тем, компания OpenAI, разработчик ChatGPT, базируется в США, как и один из крупнейших инвесторов и партнеров проекта, компания Microsoft⁴.

Таким образом, превентивной мерой для обеспечения национальной и международной безопасности, по нашему мнению, является ограничение сети «Интернет» на территории Российской Федерации в части использования пользователями машин искусственного интеллекта, принадлежащих странам коллективного Запада.

Также необходимо усилить работу в сфере разработки отечественного искусственного интеллекта для деятельности правоохранительных органов. Необходимо разработать отдельные программы для следователей Следственного комитета, Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел.

Так, передовой опыт в криминалистике требует усилий не только со

¹ Алихаджиева И. С. О новых способах совершения преступлений с использованием персональных данных / И. С. Алихаджиева // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1(97). С. 27.

² О преступлениях бандеровцев от 1940-х годов до наших дней // [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904942/ (дата обращения: 14.11.2025).

³ Меркурьев В. В. Борьба за суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации мирового порядка: новые возможности взаимодействия // Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 октября 2024 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 81.

⁴ Былевский П. Г. Культурологическая деконструкция социально-культурных угроз ChatGPT информационной безопасности российских граждан // Философия и культура. 2023. № 8. С. 48.

стороны научного сообщества, но и со стороны государственных правоохранительных органов. В Следственном комитете Российской Федерации активно используется программа на основе технологии искусственного интеллекта, позволяющая строить наиболее вероятный портрет серийного преступника по совокупности признаков совершенных им насильственных преступлений¹.

Однако на указанных разработках по обеспечению современными технологиями уголовного судопроизводства, надзора и следствия не стоит останавливаться.

Интерактивный отечественный помощник в лице искусственного интеллекта должен быть, по нашему мнению, у следователя при проведении следственных и иных процессуальных действий, у прокурора – при осуществлении надзора за деятельностью предварительного следствия, дознания и оперативно-розыскной деятельности, а также при координации деятельности правоохранительных органов, у судьи – при подготовке процедурных промежуточных и окончательных решений по уголовным делам.

Для реализации поставленных целей необходимо использовать и передовой иностранный опыт дружественных России стран. Так, например, в Китае более 13 лет функционирует система «Zero Trust» на основе искусственного интеллекта для борьбы с коррупцией среди чиновников. Система отслеживает необычные изменения на счетах банков чиновника, его семьи и близких друзей, а при подозрениях искусственного интеллекта вычислял вероятность коррумпированных действий², а также иные действия государственных служащих Китая. Представляется, что сбор указной информации должен осуществляться под чутким контролем должностных лиц правоохранительных органов. Правоохранитель обязан проверить достоверность и полноту представленных искусственного интеллекта сведений³.

В условиях мирового развития современных нейросетей и в целом информационно-коммуникационной системы, требуется и своевременное внесение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство упреждающих изменений.

Данные изменения необходимо внести с учетом присутствия искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности и отечественных разработок в данной сфере.

¹ Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А. А. Бессонова информационному агентству ТАСС // [Электронный ресурс] // Сайт Следком // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/?print=1> (дата обращения: 12.11.2025).

² Таршева М. Н., Вастьянова О. Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 268.

³ Головин, А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2(44). С. 31.

Предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и дополнить доказательства новым видом – «сведения, полученные искусственным интеллектом и подтвержденные ответственным должностным лицом».

Также при использовании технологий искусственного интеллекта и современных компьютерных программ, в целях обеспечения национальной и международной безопасности, не стоит игнорировать международные договоры в данной сфере, в частности, положения Конвенции ООН «О киберпреступности» 2024 г.¹.

Следует констатировать, что ратификация указанной Конвенции потребует от законодателя и правоохранителей внесения значительных изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в главе II. «Криминализация» со статьи 7 по 17 статью данной Конвенции, предусмотрены новые составы преступлений с использованием информационно-коммуникационных систем и нейросетей. Интерес вызывают такие составы преступлений как «незаконный доступ», «незаконный перехват», «воздействие на электронные данные», «воздействие на информационно-коммуникационную систему» и «подлог с использованием информационно-коммуникационной системы».

Внесение указанных составов преступлений в УК РФ окажут колоссальное влияние на подходы к расследованию уголовных дел национального и международного уровня.

Научная статья
УДК 343.36

НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ, ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МЕСТО В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Андреевич РАДЧЕНКО

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия,
radchenko_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы объекта и направленности преступного посягательства, предусмотренного ст. 294.1 Уго-

¹ Сообщение МИД России от 24 октября 2025 г. «О подписании Конвенции ООН против киберпреступности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ловного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

На основе анализа законодательства и научных источников делается вывод о том, что объектом соответствующего преступления выступают не общественные отношения в сфере правосудия (глава 31 УК РФ), а основы конституционного строя и безопасность государства (глава 29 УК РФ).

Ключевые слова: преступления против правосудия; преступления против основ конституционного строя и безопасности; следственные действия; оперативно-розыскные мероприятия

Original article

ILLEGAL IMPLEMENTATION OF INVESTIGATIVE MEASURES, OTHER PROCEDURAL ACTIONS AND OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE OBJECT OF THE CRIME AND ITS PLACE IN THE SYSTEM THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey A. RADCHENKO

Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia,
radchenko_alex@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of the object and focus of the criminal offense under Article 294.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Based on the analysis of legislation and scientific sources, it is concluded that the object of the relevant crime is not public relations in the field of justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation), but the foundations of the constitutional order and state security (Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Key words: crimes against justice; crimes against the foundations of the constitutional order and security; investigative actions; operational-search activities

На современном этапе развития российской государственности, в условиях обострения геополитической обстановки и динамичных внутренних процессов актуализируются и требуют всестороннего научного осмысления вопросы уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ глава 31 УК РФ «Преступления против правосудия» дополнена статьей 294.1 «Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации».

Включение в уголовный закон указанного состава преступления не сопровождалось обстоятельной теоретической проработкой и не получило рассмотрение в научных источниках. Не затрагивая вопросы криминологической обоснованности уголовно-правового запрета и удачности использования средств юридической техники при конструировании и описании признаков состава преступления, хотелось бы остановиться на объекте рассматриваемого посягательства, т. к. именно объект выступает отправной точкой для выяснения социальной-правовой сущности преступления и его общественной опасности¹.

Как указывают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин: «Эмпирическим материалом в поиске идей, отражающих законодательный замысел, могут стать не только (а возможно, и не столько) сами законы, сколько документы, отражающие законотворческий процесс, и прежде всего, пояснительные записки к законопроектам, в которых (по идее) цель и основание принятия закона должны быть четко определены»².

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту³ указывается, что Международным уголовным судом, а также правоохранительными и судебными органами недружественных государств осуществляется сбор доказательств преступлений, якобы совершенных российскими военнослужащими и должностными лицами в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине.

В условиях возникающих трудностей с официальным сотрудничеством в правоохранительной и судебной сферах возрастают риски принятия иностранными и международными органами односторонних мер по нелегитимному сбору доказательств (включая электронные) и получения иных сведений от граждан Российской Федерации и иных лиц, находящихся на территории Российской Федерации, в том числе путем дистанционных трансграничных контактов из-за рубежа. В этой связи проектируемая статья направлена на усиление защиты **суверенитета и интересов Российской Федерации от вмешательства в ее внутренние дела** (выделено автором – А. Р.),

¹ Винокуров В. Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование. М., 2022. С. 4–5; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб, 2009. С. 58–59.

² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 113–114.

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 462337-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/462337-8>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

судебной и правоохранительной системы.

Последний тезис является ключевым, т.к. раскрывает социально-правовое значение введения уголовно-правового запрета и отражает охраняемый объект (направленность преступного посягательства). Кроме того, непосредственно в тексте ст. 294.1 УК РФ указывается, что преступные деяния, описанные в диспозиции нормы, направлены на достижение целей, противоречащим интересам Российской Федерации.

При этом суверенитет является ключевым признаком государства и трактуется как верховенство государственной власти внутри страны и самостоятельность в определении направлений и содержания своей деятельности, ее независимость на международной арене и при решении внешнеполитических вопросов¹. В частности, одним из проявлений суверенитета выступает определение государством независимо от других стран системы органов, охраняющих и поддерживающих правопорядок, осуществляющих юрисдикционную деятельность по рассмотрению и разрешению различного рода юридических дел².

Соответственно, по мнению большинства ученых-криминалистов, суверенитет выступает необходимым атрибутом и обязательным элементом основ конституционного строя и безопасности государства, которые выступают видовым объектом преступлений в главе 29 УК РФ³.

Принимая во внимание положения действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, А. Г. Хлебушкин определяет видовой объект соответствующих преступлений как систему общественных отношений, складывающихся по поводу обеспечения и поддержания: состояния защищенности конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности, национальной экономики от внутренних и внешних угроз; обороноспособности государства; политической и социальной стабильности общества⁴.

Вместе с тем законодатель в указанной пояснительной записке попытался обосновать включение рассматриваемого посягательства в главу 31

¹ Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2001. С. 136-137; Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2008. С. 66–67.

² Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник. М., 2001. С. 88.

³ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2009. С. 24–25; Рябчук В. Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2007. С. 567–568; Энциклопедия уголовного права. Т. 26. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб, 2015. С. 53–54; Шумилов А. Ю. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: комментарий к главе 29 УК РФ. М., 2001. С. 8–9.

⁴ Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. VIII. Преступления против государственной власти преступления против военной службы / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2021. С.41–42.

УК РФ тем, что «объектом преступления, предусмотренного проектируемой статьей, является порядок осуществления уполномоченными органами Российской Федерации взаимодействия с зарубежными и международными правоохранительными и судебными органами, установленный в международном договоре и (или) уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025).

Однако в научной литературе характеристика объекта преступлений против правосудия (глава 31 УК РФ) сводится к комплексу общественных отношений, обеспечивающих правильное функционирование и установленный процессуальный порядок деятельности суда, органов следствия и прокуратуры, а также органов, исполняющих судебные акты по решению специфических задач¹.

Так, И. В. Дворянсков приходит к выводу, что содержание глава 31 УК РФ должно быть направлено на формирование социально адекватного механизма обеспечения оптимального и эффективного функционирования в России судебной власти (институтов и субъектов, обеспечивающих ее реализацию)².

Важнейшими признаками законности проведения как следственных и процессуальных действий, так и оперативно-разыскных мероприятий, выступает соблюдение установленной процедуры и полномочность субъектов на их проведение³.

Нарушение указанных условий влечет невозможность использования полученных сведений в рамках предварительного следствия и судопроизводства, в частности, в рамках доказывания и обоснования процессуальных решений (ст. 7,75 и 89 УПК РФ, статей 3,4 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В этой связи, не понятно как совершение «иностранными представителями» на территории России действий, подпадающих под общее понимание следственных или иных процессуальных действий или оперативно-разыскных мероприятий, могут причинить вред общественным

¹ Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. С. 16, 98; Радченко А. А. Понятие и уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере производства предварительного расследования, отправления правосудия и исполнения судебных актов : учебное пособие. Иркутск, 2008. С. 56–59; Чучаев А. И. Преступления против правосудия: научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 4–5.

² Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 139–140.

³ Варпаховская Е. М. Понятие, система и порядок производства следственных действий: учебно-практическое пособие. Иркутск, 2003. С. 6–8; Ривман Д. В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб., 2003. С. 152–153; Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2012. С. 214–215; Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М., 2018. С.81–83.

отношениям в сфере правосудия. т. к. как их результаты не могут повлиять на принятия решения российскими органами следствия и судами, исказить их содержания или даже нарушить процедурные моменты российского судопроизводства.

Кроме того, диспозиция ст. 294.1 УК РФ имеет отсылочный характер за счет указания на отсутствие в указанных действиях признаков преступлений, предусмотренного ст. 276 или 283.4 УК РФ. В свою очередь, ст. 284.3 УК РФ предусматривает, в частности, ответственность за оказание содействий «иностранной стороне» в исполнении решений об уголовном преследовании должностных лиц органов публичной власти России или иных лиц в связи с прохождением ими военной службы или пребыванием в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Возникает парадоксальная ситуация: содействие «иностранной стороне» в исполнении решении об уголовном преследовании образует состав против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ), а совершение «иностранцами представителями» отдельных действий для сбора «доказательств» для осуществления такого уголовного преследования выступает преступления против правосудия (глава 31 УК РФ).

При этом изначально в обоих случаях необходимо провести предварительную квалификация на предмет определения наличия или отсутствия признаков шпионажа (ст. 276 УК РФ) как одного из наиболее тяжких преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Таким образом, расположение ст. 294.1 УК РФ в главе 31 УК РФ не соответствует архитектонике и законодательной логике компоновки нормативного материала в российском уголовном законе в соответствие с направленностью преступного посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Исходя из проведенного анализа, представляется, что объектом рассматриваемого посягательства выступают основы конституционного строя и безопасности государства, охраняемые в рамках главы 29 УК РФ.

Научная статья
УДК 343.32

**МЕХАНИЗМЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАВЫ 29 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Андрей Викторович РЕЗЦОВ

Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации
по Северо-Западному федеральному округу, Санкт-Петербург, Россия,
reztsov.a.v@599.mailop.ru

Аннотация. В статье анализируются изменения главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассматриваются тенденции ужесточения и гуманизации ее предписаний, приводятся мотивы законодателя по разработке нововведений, выявляются факторы, влияющие на законодательный процесс.

Затрагиваются вопросы достоверного прогнозирования последствий внесения изменений в уголовный закон, оценивается необходимость криминологической экспертизы законопроектов, ставится вопрос о выработке методов ее проведения.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовная политика, гуманизация, субъекты законодательной инициативы, факторы законодательного процесса, юридическое сообщество, метод экспертных оценок, вариативность мнений, криминологическая экспертиза законопроектов

Original article

**MECHANISMS OF THE EVOLUTION OF LEGISLATION
(ON THE EXAMPLE OF CHAPTER 29 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Andrey V. REZTSOV

Office of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
for the North-Western Federal District, Saint Petersburg, Russia,
reztsov.a.v@599.mailop.ru

Abstract. The article analyzes the changes to Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, examines the trends of tightening and

humanizing its provisions, provides the legislator's motives for developing innovations, and identifies the factors influencing the legislative process.

The article addresses the issues of reliable forecasting of the consequences of amendments to the criminal law, evaluates the necessity of criminological expertise of draft laws, and raises the question of developing methods for conducting such expertise.

Keywords: criminal legislation, criminal policy, humanization, subjects of legislative initiative, factors of the legislative process, legal community, expert assessment method, variability of opinions, criminological examination of draft laws

Сегодня тема преступлений против государственной власти, к сожалению, носит даже не актуальный, а злободневный характер. Именно поэтому необходимо «с холодной головой», избегая полярных оценок, рассмотреть изменения главы 29 УК РФ, регламентирующей уголовную ответственность за указанные преступления.

УК РФ действует почти 30 лет, немногим меньше, чем предшествовавший УК РСФСР, применявшийся с 01 января 1961 года по 01 января 1997 года. Вот как характеризовались итоги его работы: «Правоприменительная практика постоянно ощущала нестабильность уголовного законодательства. С момента принятия и до его отмены в УК РСФСР было внесено более 700 изменений и дополнений, причем некоторые нормы менялись по пять-семь раз. Кроме того, Кодекс был переполнен «мертвыми» нормами, крайне редко применяемыми; новыми нормами Кодекс пополнялся весьма хаотично, отдельные нормы дублировались, противоречили друг другу»¹.

Соотнесем изложенное с положениями главы 29 УК РФ. С июня 1998 по июль 2025 года изменения в нее внесены 36 федеральными законами (5 – в 2023, по 4 – в 2014 и 2025, по 3 – в 2022 и 2024, 2 – в 2011, по 1 – в 1998, 2002, 2003, 2004, 2006, 2007, 2008, 2009, 2012, 2013, 2015, 2016, 2018, 2020 и 2021). Начинаящая главу статья «Государственная измена» изменялась четырежды – Федеральными законами от 08 декабря 2003 № 162-ФЗ, 27.12.2009 № 377-ФЗ, 12.11.2012 № 190-ФЗ и 28.12.2024 № 510-ФЗ.

Применительно к наличию «мертвых» или «спящих» норм в главе 29 УК РФ отметим следующее. Сводные статистические сведения за 2005 год – 1 полугодие 2025 года о состоянии судимости в России ежегодных «Отчетов о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» по форме № 10-а² показывают, что никто не осуж-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / 3-е изд. доп. и изм., под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999, С. 5.

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL:

дался за 11 преступлений, предусмотренных данной главой. Это преступления, предусмотренные ст. 276.1, ч. 2 и 3 ст. 279 (введены Федеральным законом от 28 декабря 2024 № 510-ФЗ), ст. 284.3 (введена Федеральным законом от 28 апреля 2023 № 157-ФЗ), ч. 2 ст. 281.1 (введена Федеральным законом от 29 декабря 2022 № 586-ФЗ), ч. 3 и 4 ст. 283.2 ст. 284.2 (введены Федеральным законом от 04 марта 2022 № 32-ФЗ), ст. 280.2 (введена Федеральным законом от 08 декабря 2020 № 425-ФЗ), ч. 3 ст. 282.2 (введена Федеральным законом от 05 мая 2014 № 130-ФЗ) и ст. 284 УК РФ.

Отметим, что 8 преступлений дополнили уголовный закон в 2022–2024 годах, что не дает возможности для объективной оценки. Более половины из них (6 из 11) являются квалифицированными составами по отношению к применяемым частям первым ст. 279, 281.1, 282.2 и 283.2 УК РФ. Ни разу не примененную статью 284 УК РФ также нельзя назвать «мертвой» в негативном значении этого определения, поскольку необходимость и разумность устанавливаемого ею уголовного запрета утраты документов, содержащих государственную тайну, не оспоримы. В данном случае имеет место очевидная преемственность от аналогичных предписаний советского уголовного закона – ст. 76 УК РСФСР.

Изменения в главе 29 УК РФ были направлены не только на ужесточение уголовного законодательства. Другим направлением развития стала дифференциация уголовной ответственности. В статьях 279, 280.3 и 281 УК РФ квалифицирующим признаком стала смерть человека. Усилилось наказание за совершение ряда преступлений: в первоначальной редакции только статья 277 УК РФ предусматривала санкцию в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, к 2025 году пожизненным лишением свободы могут наказываться еще 6 преступлений (ст. 275, 279, 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ).

Вместе с тем, наказание в виде смертной казни ни в одну из статей главы не добавлялось, а отдельные преступления по сравнению с первоначальной редакцией стали относиться к категориям как большей, так и меньшей тяжести.

Так, часть 2 статьи 282 УК РФ в редакции закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ стала тяжким преступлением, а после вступления в силу закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ, установившего, что преступления небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, к ним стало относиться преступление, предусмотренное статьей 284 УК РФ, в первоначальной редакции – средней тяжести.

После внесения изменений в статью 282 УК РФ привлечение к уголовной ответственности стало возможно, если преступление совершено лицом после привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние. Также разрешен вопрос при введении статей 282.4, 284.1 и 284.2 УК РФ. Применение административной преюдиции, как отметил председатель Верховного Суда Российской Федерации, является гуманной инициативой¹.

В целом количество статей в главе 29 УК РФ с принятия кодекса в 1996 году до 2025 года увеличилось с 10 до 28, то есть в 2,8 раза. Множество вариантов ожидаемого преступного поведения, исходя из количества пунктов, а при их отсутствии – частей или статей, возросло с 16 квалифицированных и неквалифицированных преступлений в первоначальной редакции до 72, то есть в 4,5 раза.

Из 36 Федеральных законов, изменивших и дополнивших главу 29 УК РФ, 4 приняты по инициативе Президента Российской Федерации, 8 – Правительства Российской Федерации, остальные законопроекты внесены депутатами Государственной Думы и сенаторами Российской Федерации.

Приведенные сведения не полностью раскрывают роли различных участников законодательного процесса. Согласно пояснительным запискам (пояснительные записки к законопроектам № 97034194-2 и 203317-3, принятым как законы от 25 июня 1998 № 92-ФЗ и 25 июля 2002 № 112-ФЗ, в открытом доступе не размещены), законопроекты, ставшие законами от 24 июля 2007 № 211-ФЗ и от 03 февраля 2014 № 5-ФЗ, внесены депутатами Государственной Думы и Правительством Российской Федерации, а разработаны в связи с исполнением поручений Президента Российской Федерации².

В соответствии с ранее действовавшей Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683, по инициативе депутатов принят Федеральный закон от 06 июля 2016 № 375-ФЗ, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 № 400, а также указами Президента от 11 марта 2019 № 97 и от 13 мая 2019 № 216 – Федеральный закон от 29 декабря 2022 № 586-ФЗ. С учетом Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2009 году депутатами внесен законопроект, ставший Федеральным

¹ Рузанова Н. ВС РФ: Уголовное законодательство «страдает» излишней криминализацией // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2016/09/20/vs-rf-ugolovnoe-zakonodatelstvo-stradaet-izlishnej-kriminalizaciej.html> (дата обращения: 07.12.2025).

² Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

законом от 23 июля 2025 № 218-ФЗ.

Подготовка некоторых законопроектов обуславливалась обстоятельствами, напрямую не связанными с противодействием преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства. К ним относились: необходимость совершенствования уголовно-правовых норм и гуманизация уголовной политики (Федеральные законы от 08 декабря 2003 № 162-ФЗ и от 07 декабря 2011 № 420-ФЗ), дальнейшее совершенствование УК РФ, устранение выявленных противоречий и несоответствий (Федеральный закон от 21 июля 2004 № 73-ФЗ).

Причинами внесения изменений в главу 29 УК РФ являлась также реализация положений иных правовых актов.

Например, для реализации предписаний части 2.1 статьи 67 Конституции РФ принят Федеральный закон от 08 декабря 2020 № 425-ФЗ, во исполнение законов от 20 апреля 2006 № 56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма», Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», Федеральный закон от 28 декабря 2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», приняты Федеральные законы от 27 июля 2006 № 153-ФЗ, от 04.03.2022 № 32-ФЗ и от 08.08.2024 № 220-ФЗ. С учетом особых мнений судей Витрука Н.В. и Конова А.Л. в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П принят Федеральный закон от 12 ноября 2012 № 190-ФЗ.

Поводом к принятию закона 27 декабря 2018 № 519-ФЗ может считаться вопрос писателя Сергея Шаргунова о фактическом применении статьи 282 УК РФ, заданный Президенту Российской Федерации на прямой линии 07 июня 2018 года¹.

В срок менее месяца рассмотрено 3 законопроекта (8,3 % от общего числа), изменивших главу 29 УК РФ (Федеральные законы от 28 декабря 2013 № 433-ФЗ, от 29 декабря 2022 № 586-ФЗ, от 14 февраля 2024 № 11-ФЗ).

Ввиду крайне негативные ожиданий от предлагаемых нововведений дольше всего – более 3 лет 11 месяцев – рассматривался внесенный 11 декабря 2008 законопроект, принятый как закон от 12 ноября 2012 № 190-ФЗ, который изменил статьи 275, 276 и 283 УК РФ и дополнил УК РФ статьей 283.1. Его предварительное рассмотрение состоялось 18 декабря 2008,

¹ Стенограмма: «Прямая линия» с Владимиром Путиным // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2018/06/07/stenogramma-priamaia-linii-s-vladimirom-putiny.html> (дата обращения: 13.12.2025).

принятие в первом чтении – 21.09.2012, во втором и третьем – 23.10.2012.

Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека данный законопроект расценивался как противоречащий международно-правовым и конституционным принципам в сфере уголовного права¹, критиковался он представителями судейского² и адвокатского сообщества³, ожидавшими необоснованного расширения уголовной репрессии.

Депутат Государственной Думы Д. Е. Горовцов, выступая перед голосованием по данному законопроекту, заявил: «...любой российский гражданин, беседующий с иностранцем на темы своей профессиональной деятельности или рассказывающий о госпредприятии, на котором он работает, или об органах власти, может рассматриваться как потенциальный изменник Родине, а по сути стать подозреваемым в совершении тяжкого преступления ... В этой связи ... фракция «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» ... не будет поддерживать данный законопроект при голосовании во втором и в третьем чтениях»⁴.

Упомянутые выше данные судебной статистики демонстрируют ошибочность этих прогнозов. На протяжении почти десяти лет после вступления закона в силу резкого увеличения количества лиц, осужденных, например, по статье 275 УК РФ, не произошло. В 2012 году за указанные преступления всего по основной и дополнительной статьям осуждено 6 лиц, в 2013 – 4, в 2014 – 15, в 2015 – 6, в 2016 – 14, в 2017 и 2018 – по 7, в 2019 – 8, в 2020 – 6, в 2021 – 14, 2022 – 16, 2023 – 29, 2024 – 156, 1 полугодии 2025 года – 115.

Также более 3 лет 9 месяцев с 14.05.2018 рассматривался законопроект, ставший законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ. Данным законопроектом предполагалось дополнить кодекс статьей 284.2, устанавливающей уголовную ответственность за ограничение или отказ в совершении обычных хозяйственных операций или сделок в целях содействия в исполнении мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, союзом иностранных государств или международной организацией.

После принятия законопроекта 14.05.2018 в первом чтении он также, как и предыдущий, подвергся критике. Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам

¹ Заключение от 4 октября 2012 года на проект федерального закона № 139314-5 // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: сайт. URL: https://www.president-soviet.ru/docs/expert_conclusions/zaklyuchenie_na_proekt_fz_139314_5_o_vnesenii_izmeneniy_v_ugolovnyy_kodeks_rossiyskoy_federatsii_i_v/ (дата обращения 16.11.2025).

² Колоколов Н. А. Спецслужбам развяжут руки // ЭЖ-Юрист. 2008. № 50.

³ Хамраев В. Измена родине – дело каждого // Сетевое издание «Коммерсантъ»: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1094394> (дата обращения: 23.11.2025).

⁴ Фрагмент стенограммы заседания 55 от 23.10.2012 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/139314-5> (дата обращения: 16.11.2025).

человека М. А. Федотов заявил, что «при произвольном правоприменении» каждый россиянин рискует оказаться фигурантом уголовного дела»¹.

Представители Российского союза промышленников и предпринимателей указывали: «...законопроект создает риски необоснованного уголовного преследования граждан России и иностранных граждан...»². Далее законопроект подвергся существенной переработке, в итоге – ст. 284.2 УК РФ оказалась введена уголовная ответственность за иные действия – призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, ее граждан или юридических лиц, изменилась в сторону смягчения санкция статьи.

Данный прецедент интересен следующим. Дополнение Уголовного закона новой нормой принято считать безусловным усилением репрессии, а отмену или смягчение ответственности – гуманизацией. Обстоятельства принятия Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 04 марта 2022 № 32-ФЗ демонстрируют синтез указанных процессов, когда гуманизация имеет место еще до вступления нововведений в силу.

Критическая ориентированность юридического сообщества привела к тому, что даже на уровне студенческих работ аксиомой стала бездоказательная констатация «недостаточного уровня юридической техники у законодателя»³. С этим нельзя согласиться. В частности, свыше трети депутатов Государственной Думы Российской Федерации I созыва являлись докторами и кандидатами наук, каждый десятый имел звание профессора, члена-корреспондента академии наук или академика⁴.

В Государственной Думе VIII созыва 112 дипломированных юристов⁵ – треть от общего количества депутатов. В этой связи недостатки принимаемых законов следует в первую очередь связывать с позицией официальных

¹ Председатель Совета Михаил Федотов раскритиковал законопроект о пособиях санкций против Российской Федерации // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: сайт. URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/predsdatel_soveta_mikhail_fedotov_raskritikoval_zakonoproekt_o_posobnikakh_sanktsiy_protiv_rossiysk/ (дата обращения: 27.11.2025).

² Заявление Бюро Правления РСПП о проекте ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российский союз промышленников и предпринимателей: сайт. URL: https://rspp.ru/events/news/zayavlenie-byuro-pravleniya-rspp-o-proekte-fz-o-vnesenii-izmeneniya-v-ugolovnyy-kodeks-rossiyskoy-fe--30583/?sphrase_id=5855895 (дата обращения: 13.12.2025).

³ Богданова П. С. К вопросу о мертвых нормах права в уголовном законодательстве Российской Федерации // Правовая система России: история, современность, тенденции развития. Сборник материалов XII заочной научно-практической конференции с международным участием. Благовещенск, 2025. С. 26.

⁴ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в 1993-2004 годах / Под общей ред. Б. В. Грызлова. М., 2004. С. 55.

⁵ Синельников Ю. П. О практике изменения концепции законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 10. С. 42.

авторов конкретных законопроектов, порядком их разработки, внесения и обсуждения, степенью проработанности.

Более того, критикуя, научное сообщество не уделяет должного внимания деятельности законодателей по выработке концептуальных подходов к конкретным проблемам. Например, сборник материалов парламентских слушаний «Законодательство о государственной тайне: вчера, сегодня, завтра» в юридической литературе не цитировался ни разу¹.

Само юридическое сообщество одни и те же обстоятельства оценивает диаметрально противоположно. Например, применительно к главе 29 УК РФ А. А. Дегтерев указывает на необходимость ее дополнения преступлениями из главы 19 УК РФ², а В. В. Антонченко считает, что «Многие нарушения правил в сфере ... основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) лишены той степени общественной опасности, которая необходима для признания данных деяний преступными. По существу, данные деяния являются либо гражданско-правовыми деликтами, либо административными проступками, либо псевдопреступлениями, образованными в интересах правящих групп»³.

Отметим, что последнее крайне радикальное суждение имеет сторонников: во всяком случае его разделяют или редакция журнала, опубликовавшего статью, или ее рецензенты, сведения о которых получить не удалось⁴.

Проведенный анализ дает основания для следующих выводов.

Нельзя исключительно негативно оценивать уголовное законодательство с точки зрения стабильности его предписаний, поскольку дополнение и изменение действующего кодекса – ответ на новые угрозы.

Отсутствие практики применения отдельных норм уголовного закона не является недостатком, не требует безусловной отмены таких предписаний, имеющих также превентивное значение.

Сочетание усиления уголовной ответственности с гуманизацией обуславливается различными мотивами принятия тех или иных законопроектов. Изменения уголовного закона не носят линейного, однонаправленного характера и скорее схожи с эволюцией, когда перемены происходят одновременно в нескольких разных сферах с закреплением наиболее прогрессивного результата.

¹ Научная электронная библиотека: сайт. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19798002> (дата обращения: 29.11.2025).

² Дегтерев А. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4. Москва, 2023. С. 334, 339–343.

³ Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12. С. 126.

⁴ Электронное письмо главному редактору журнала «Актуальные проблемы российского права» от 01.12.2025 // Архив автора.

Развитие уголовного закона определяется не только действиями субъектов законодательной инициативы, но и комплексом других факторов, находящихся в системной связи. Так, экспертное мнение может способствовать отсрочке принятия законопроекта или существенной корректировке его содержания. Многофакторная обусловленность законодательного процесса – сложный механизм, в котором движение одних его частей путем сложного взаимодействия преобразуется в движение других.

Ввиду изначально присущей юриспруденции вариативности мнений экспертные оценки представителей юридического сообщества не применимы для достоверного прогнозирования последствий результатов законодательной деятельности.

Приведенные аргументы не исключают необходимости и возможности такого прогнозирования. Требуется повышения его достоверности путем выработки соответствующих методов на основе расширяющихся возможностей сбора, анализа и обработки информации в условиях перехода к информационному обществу. Таков ответ на поставленный еще в 1994 году вопрос о необходимости криминологической экспертизы проектов или действующих законов и иных нормативных актов¹. Автор на протяжении длительного времени разделяет это мнение². Достоверный экспертный прогноз последствий решений законодателя повысит обоснованность последних и направит эволюцию закона по прогрессивному пути.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Сергей Иванович РУДНИЦКИЙ

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия,
s_rudnitskiy@ugrasu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются преступления, посягающие на экологическую безопасность как составную часть национальной безопас-

¹ Бородин С. В., Лунеев В. В. О криминологической экспертизе законов и иных нормативно-правовых актов // Государство и право. 2002. № 6. С. 44.

² Резцов А. В. Недостатки Уголовно-процессуального кодекса РФ, вызванные процедурой его обсуждения и принятия // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы юриспруденции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 8–10 апреля 2004 г. / ред. Сморгуновой В. Ю. Сост. Васецкая Т. А. СПб., 2005. С. 301–302.

ности государства. Подчеркивается, что экологические угрозы способны подрывать основы конституционного строя, создавая предпосылки для социальной нестабильности, экономических кризисов и угрозы жизни и здоровью населения.

Проведен анализ уголовно-правовых норм, направленных на охрану экологической безопасности, и выделены их криминологические особенности. Определены ключевые факторы, способствующие совершению экологических преступлений, а также даны предложения по совершенствованию механизмов противодействия данным действиям.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, экологические преступления, экологическая безопасность, криминологическая характеристика, уголовная ответственность

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES THAT INFRINGE ON THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE STATE

Sergey I. RUDNITSKY

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, s_rudnitskiy@ugrasu.ru

Abstract. The article examines crimes that infringe on environmental safety as an integral part of the national security of the state. It is emphasized that environmental threats can undermine the foundations of the constitutional order, creating prerequisites for social instability, economic crises and threats to the life and health of the population.

The analysis of criminal law norms aimed at protecting environmental safety is carried out, and their criminological features are highlighted. The key factors contributing to the commission of environmental crimes are identified, as well as suggestions for improving mechanisms to counter these actions.

Keywords: criminal law protection, environmental crimes, environmental safety, criminological characteristics, criminal liability

Экологическая безопасность занимает особое место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Ее нарушение влечет за собой угрозу не только здоровью и жизни населения, но и устойчивости социально-экономического развития, что в конечном счете затрагивает основы конституционного строя и безопасность государства. В условиях усиления антропогенной нагрузки и глобализации экологических рисков вопросы уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений

в сфере охраны окружающей среды приобретают особую актуальность¹.

Отметим, что в уголовном законодательстве России преступления против экологической безопасности сосредоточены в главе 26 УК РФ «Экологические преступления». В настоящее время она включает более 17 статей, предусматривающих свыше 30 составов преступлений: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ), Загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), Загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных массивов (ст. 261 УК РФ) и др.

Законодатель считает преступления общественно опасными действиями, которые причиняют или могут нанести вред здоровью человека и окружающей среде. Однако экологическое преступление шире, чем предусмотрено главой 26 УК РФ: к экологически значимым деяниям относятся составы, предусмотренные главами 24, 25 и 34 УК РФ, например, нарушение правил безопасности на объектах использования атомной энергии (ст. 215 УК РФ), сокрытие информации об обстоятельствах преступления (ст. 238 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ)².

Криминологическая специфика экологических преступлений заключается в их высокой латентности. Значительная часть деяний не отражается в официальной статистике, что обусловлено как объективными трудностями выявления, так и умышленным сокрытием фактов нарушений. Эксперты отмечают, что официальные показатели фиксируют лишь треть или даже четверть реально совершаемых экологических преступлений³.

Особое внимание заслуживает анализ квалифицирующих признаков экологических преступлений. В соответствии с доктринальными подходами и судебной практикой выделяются как общие признаки (причинение вреда здоровью человека, смерть, совершение деяния организованной группой, с применением насилия), так и специальные (совершение деяния в зоне экологического бедствия, на территории заповедника, с применением общепасного способа, причинение массовой гибели животных и др.). Однако систематизация данных признаков не всегда отражает реальный уровень общественной опасности экологических посягательств, что свидетельствует о необходимости совершенствования уголовного законодательства.

Практика квалификации экологических преступлений осложняется

¹ Жадан В. Н. К вопросу об уголовно-правовой характеристике экологических преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 5. С. 300–304.

² Дубовик О. Л. Квалифицирующие признаки экологических преступлений по УК РФ // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 1. С. 55–62.

³ Жадан В. Н. К вопросу об уголовно-правовой характеристике экологических преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 5. С. 300–304.

отсутствием в УК РФ легального определения самого понятия «экологическое преступление». Это приводит к разночтениям в судебных решениях и к необходимости дополнительного разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022) сыграло важную роль в формировании единообразной практики, однако оно не решает всех вопросов, связанных с квалификацией ущерба, разграничением административных и уголовно наказуемых деяний.

Дополнительно необходимо отметить статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции судов общей юрисдикции. Так дела, относящиеся к экологическим преступлениям (ст. 246–262 УК РФ) за 2024 год поступило порядка 7446 дел из них осуждено порядка 5064 человек что в удельном общефедеральном весе составляет 3,73 % осужденных¹. При этом по данным МВД России в январе-августе 2025 года зарегистрировано 7,7 тыс. экологических преступлений, что на 14,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года².

Таким образом, исходя из статистических данных, можно констатировать наличие устойчивой тенденции к снижению регистрируемых экологических преступлений в последние годы. Однако этот показатель нельзя рассматривать как свидетельство уменьшения фактического уровня экологической преступности. Как справедливо отмечается в криминологической литературе, рассматриваемая категория преступлений характеризуется высокой степенью латентности, что обусловлено трудностями выявления, отсутствием достаточных специализированных ресурсов у правоохранительных органов, а также заинтересованностью отдельных хозяйствующих субъектов в сокрытии фактов нарушений.

Снижение количества зарегистрированных деяний может объясняться не только объективным улучшением состояния охраны окружающей среды, но и субъективными факторами – неполнотой учета, недостаточной активностью природоохранных и следственных подразделений, разграничением уголовной и административной ответственности. В этой связи статистические данные нуждаются в критическом осмыслении и сопоставлении

¹ Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации // Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения 29.09.2025 г.)

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 29.09.2025 г.)

с другими индикаторами: объемами причиненного экологического ущерба, количеством обращений граждан, результатами прокурорского надзора.

Важно подчеркнуть, что даже относительно небольшой удельный вес экологических преступлений в общей структуре преступности (3,73 % осужденных) не умаляет их общественной опасности. Ущерб от таких деяний носит долговременный и зачастую необратимый характер, затрагивая здоровье населения, биологическое разнообразие и экономическую безопасность государства.

Таким образом, актуальной задачей является повышение эффективности мер уголовно-правового воздействия, в том числе путем уточнения квалифицирующих признаков составов, совершенствования практики назначения наказаний и активизации деятельности правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 343.3/.7

НЕОДНОКРАТНАЯ ПРОПАГАНДА И ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НАЦИСТСКОЙ, ЭКСТРЕМИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ ИЛИ АТРИБУТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Карина Олеговна РУСИНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
karina_ru@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разрешению актуальной проблемы – определения момента юридического и фактического окончания преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, а также возникающих, в связи с этим правовых сложностях в том случаях, когда юридически деяние считается оконченным, а фактически воздействие на объект уголовно-правовой охраны сохраняется.

В статье сформулированы выводы, имеющие правовое значение для квалификации преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ.

Ключевые слова: символика, атрибутика, правовой запрет, продолжаемое преступление, длящееся преступление, фактическое окончание, юридическое окончание, формальный состав преступления

REPEATED PROPAGANDA AND PUBLIC DEMONSTRATION OF NAZI, EXTREMIST SYMBOLS OR PARAPHERNALIA: PROBLEMS IN DETERMINING THE END OF A CRIME

Karina O. RUSINOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, karina_ru@mail.ru

Abstract. The article is devoted to solving the urgent problem of determining the moment of the legal and actual end of the crime provided for in Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the resulting legal difficulties in cases where the act is legally considered to be over, but in fact the impact on the object of criminal protection remains.

The article formulates conclusions that have legal significance for the qualification of a crime under Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: symbols, attributes, legal prohibition, ongoing crime, ongoing crime, actual termination, legal termination, formal composition

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 22 июля 2022 № 260-ФЗ Особенная часть УК РФ была дополнена составом преступления, предусматривающим ответственность за неоднократные пропаганду и публичную демонстрацию символики и атрибутики, подпадающей под правовой запрет (ст. 282.4 УК РФ).

Новизна данного состава и специфика современного информационного общества¹, где экстремистские организации активно используют особенности цифровой среды² порождают ряд вопросов правоприменительного характера, среди которых научный интерес представляет определение моментов

¹ Информационное общество - новая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. Отличительными являются: увеличение роли информации и знаний в жизни общества, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и др. // Информационное общество [Электронный ресурс] // Словарь финансовых терминов «Финам». – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/informatsionnoe-obshchestvo-20230628-2033/> (дата обращения: 15.11.2025).

² Русинова К. О. Киберпространство как сфера совершения преступлений, связанных с оборотом запрещенной символики и атрибутики (ст. 282⁴ УК РФ) // Крымские юридические чтения. «80-летие Великой Победы: исторические уроки и современные вызовы»: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 20 июня 2025 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. С. 159–161.

юридического и фактического окончания рассматриваемого деяния.

По общим правилам преступление считается оконченным, если содержит все признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ (ч. 1 ст. 29 УК РФ), при этом фактическое окончание преступления определяется моментом прекращения вредоносного воздействия на объект уголовно-правовой охраны по воле самого лица или по независящим от него обстоятельствам.

Для продолжаемых и длящихся преступлений моменты фактического окончания определены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» от 12.12.2023 № 43. Установление момента фактического окончания деяния необходимо при определении срока давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ), а также применении акта амнистии (ст. 84 УК РФ).

Исходным пунктом для анализа служит формальная конструкция ст. 282.4 УК РФ, что подразумевает исключение общественно опасных последствий и причинно-следственной связи из обязательных признаков ее объективной стороны. Данный законодательный выбор обусловлен нематериальным характером последствий и невозможностью их фиксации как на законодательном, так и на практическом уровне, проблемами процессуальной доказуемости, значительной отдаленностью общественно опасных последствий во времени¹. Однако именно данная конструкция порождает обозначенную правовую проблематику, которая приводит к ситуациям, требующим правового разрешения.

Так, выявление символики (атрибутики) в электронном информационном пространстве может быть осуществлено спустя годы после публичного размещения. Фактически все признаки состава преступления ст. 282.4 УК РФ имели место в момент публикации, то есть в прошлом, и именно тогда преступление считается юридически оконченным. Однако фактическое воздействие на объект уголовно-правовой охраны сохраняется. Данные обстоятельства актуализируют вопрос о возможности квалифицировать данное деяние как длящееся и применить к нему соответствующие правила об исчислении сроков давности привлечения к уголовной ответственности и применении акта амнистии.

Существенный вклад в разрешение данного вопроса вносит правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Суд указал, что противоправность подобного рода деяний заключается в самом факте публичной демонстрации (пропаганды) символики экстремистской организации. При этом момент размещения символики способом, обеспечивающим

¹ Решетникова Д. В. Формальный состав преступления в классификационном ряду *Coerpus delicti* // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 133.

доступ неопределенного круга лиц, не имеет правового значения, поскольку после признания судом организации экстремистской, публичная демонстрация символики запрещена и должна быть прекращена¹.

Следовательно, размещение подобной символики в открытом доступе в сети «Интернет» надлежит квалифицировать как длящееся правонарушение (преступление). Факт сохранения символики в информационном пространстве не образует нового самостоятельного состава правонарушения (преступления), поскольку новый акт публичной демонстрации отсутствует. При этом, обязанностью лица является удаление контента. Неисполнение этой обязанности обуславливает длительность совершения противоправного состояния.

Однако возможны ситуации, когда лицо в силу объективных причин (утрата доступа к аккаунту или ресурсу, отсутствия полномочий администрирования сайта) лишено возможности удалить данные файлы и прекратить вредоносное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. В данном случае подход должен быть дифференцированным. Если будет установлено, что лицо умышленно не исполняет обязанность по удалению запрещенного материала и противоправное состояние продолжается по его воле, действие акта об амнистии на такое деяние распространяться не должно (до момента фактического удаления).

Если же лицо предприняло все зависящие от него меры для устранения вредоносного воздействия, но не достигло положительного результата, вопрос должен решаться через иной разработанный правовой механизм, направленный на удаление контента. В таких случаях, сроки применения акта амнистии надлежит исчислять уже после удаления такого контента. Сроки давности уголовного преследования исчисляются с момента фактического окончания противоправного деяния.

В отличие от цифровой среды, публичная демонстрация символики нацистских, экстремистских организации в физическом пространстве (например, в виде татуировки на теле или наклейки на автомобиле), требует отдельного правового анализа. В случае с татуировкой, содержащей запрещенную символику, каждый акт ее публичной демонстрации будет являться основанием привлечения к юридической ответственности (административной, а при наличии неоднократности – уголовной).

Однако сам по себе факт наличия неизгладимого символа на теле не создает непрерывного длящегося преступления, так как объективная сторона заключается в совершении активных действий, а не пассивного обладания.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 575-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С субъективной стороны преступление совершается с умышленной формой вины. Если лицо, отбыв наказание, более публично не демонстрирует символику и предпринимает меры к его сокрытию, основания для привлечения к ответственности, несмотря на физическое наличие символа, отсутствуют.

Иная ситуация складывается с размещением символов на объектах движимого имущества, например автомобиле. Здесь бездействие – неудаление символа не может рассматриваться как пассивное обладание, а привлечение к ответственности за его публичную демонстрацию, не исчерпывается привлечением к юридической ответственности, в случае повторных аналогичных действий с этим же транспортом.

Каждое использование автомобиля в публичном пространстве представляет собой новое действие по доведению символики (и информации, которую она содержит) до сведения неопределенного круга лиц. В данном случае бездействие (не удаление) трансформируется в новые акты противоправного поведения¹, что при неоднократности образует состав преступления, предусмотренный ст. 282.4 УК РФ.

Проведенный анализ позволяет констатировать ряд правовых проблем, для разрешения которых необходимы соответствующие разъяснения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Кроме того, представляется важным продолжить совершенствование законодательных механизмов, направленных на оперативное исключение вредоносного воздействия, включая процедуры принудительного удаления контента в цифровой среде уполномоченными на то государственными органами.

Научная статья
УДК 343.32

МОТИВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Екатерина Алексеевна САЗАНОВА
Южный Университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
yekaterinasazanova79@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу мотива идеологической ненависти или вражды как ключевого элемента субъективной

¹ Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 02.06.2025 № 1-1155/2025 в отношении Г.С.М. по ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стороны преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Доказывается, что данный мотив обладает качественным своеобразием, выражающимся в его тотальном и мировоззренческом характере.

На примере отдельных составов преступлений, включая ст. 280.4, 282, 282.1–282.4 УК РФ, раскрывается специфика проявления этого мотива в противоправной деятельности. Автор приходит к выводу, что игнорирование идеологической составляющей приводит к неверной оценке общественной опасности деяния.

Ключевые слова: мотив идеологической вражды, преступления против безопасности государства, конституционный строй, субъективная сторона преступления, экстремизм, общественная опасность, уголовная ответственность

Original article

THE MOTIVE OF IDEOLOGICAL HATRED OR ENMITY IN CRIMES AGAINST THE CONSTITUTIONAL ORDER AND THE SECURITY OF THE STATE

Ekaterina A. SAZANOVA

Southern University, Rostov-on-Don, Russia, yekaterinasazanova79@bk.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the motive of ideological hatred or enmity as a key element of the subjective side of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state. It is proved that this motif has a qualitative peculiarity, expressed in its total and ideo-logical character.

Using the example of certain types of crimes, including Articles 280.4, 282, 282.1-282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, the specifics of the manifestation of this motive in illegal activities are revealed. The author comes to the conclusion that ignoring the ideological component leads to an incorrect assessment of the social danger of the act.

Keywords: the motive of ideological hostility, crimes against the security of the state, the constitutional system, the subjective side of the crime, extremism, public danger, criminal liability

Актуальность проблемы противодействия экстремизму и обеспечения безопасности государства обусловила формирование в современном уголовном законодательстве Российской Федерации целого комплекса норм,

объединенных общей направленностью на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка от преступных посягательств, связанных с идеологической нетерпимостью.

Существующее правоприменение зачастую фокусируется на объективной стороне составов преступлений (установление факта публикации, наличия призывов), оставляя без должного внимания субъективную сторону состава преступления. Это приводит к тому, что наказание назначается за внешние проявления деятельности, в то время как ее идеологическая составляющая остается без должного внимания.

Современный экстремизм все реже проявляется в формах открытого вооруженного мятежа и все чаще – в виде идеологической агрессии, направленной на размывание легитимности власти, подрыв доверия к институтам государства и разжигание внутреннего социального конфликта.

В этой связи мотив идеологической ненависти или вражды перестает быть факультативным признаком и приобретает роль ключевого, системообразующего элемента всей конструкции составов преступлений, сконцентрированных в главе 29 УК РФ, а именно в составах, предусмотренных ст. 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4. УК РФ.

Понятие мотива идеологической ненависти в контексте рассматриваемых составов требует строгого отграничения от смежных категорий, таких как политическая или религиозная ненависть. Если последние направлены на конкретные социальные группы или институты, то идеологическая вражда носит тотальный характер; ее объектом является сама система конституционных ценностей и принципов, образующих идеологическую основу государства.

Это неприятие действующих основ конституционного строя, таких как – демократии, федерализма, республиканской формы правления, светского характера государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина. Субъект преступления, движимый таким мотивом, воспринимает существующий порядок не как подлежащий реформированию исходя из благородных мотивов, а как подлежащий уничтожению и замене на иную модель государства (смена действующего строя, узурпация власти).

Центральное место в данной главе занимает ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) где мотив идеологической вражды проявляется наиболее явно и, более того, является прямым содержанием противоправного действия.

Пропагандистская или агитационная деятельность, использующая в качестве катализатора – ненависть к группе лиц, выделенной по признакам отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, зачастую служит лишь тактическим приемом, прикрытием для более масш-

табной цели – подрыва конституционного строя. Таким образом, мотив идеологической вражды к основам конституционного строя проявляется через возбуждение ненависти к социальным группам, являющимся частью этого строя.

Более связанным с прямыми угрозами безопасности государства является состав, предусмотренный ст. 280.4 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации). Мотив идеологической вражды здесь приобретает конкретное предметное выражение в виде неприятия одного из конституционных принципов, закрепленных в ст. 4 Конституции РФ – целостности и неприкосновенности территории государства.

Идеологическая суть таких призывов может варьироваться от националистических взглядов до концепций, отрицающих легитимность вхождения определенных территорий в состав Российской Федерации. Ключевым является то, что данный мотив преобразуется в форму публичной аргументации, направленной на поиск сторонников и признания законным совершения противоправных действий в их собственных глазах. Опасность заключается в том, что под видом «права на самоопределение» или «исправления исторической несправедливости» продвигается идеология, прямо противоречащая основам конституционного строя.

Системный характер ненависти или вражды в преступлениях против конституционного строя и безопасности государства нашел свое отражение в составах преступлений, совершаемых организованной группой или преступным сообществом. Статьи 282.1 (Организация экстремистского сообщества) и 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации) УК РФ, которые призваны привлечь к уголовной ответственности не за проявление идеологической агрессии, а за создание и поддержание устойчивых структур, для которых такая деятельность является главной целью.

Мотив идеологической вражды здесь является основополагающим началом, основой для формирования групповой идентичности и субкультуры. Члены экстремистского сообщества объединены не просто общими преступными целями, а разделением общей системы ценностей, основанной на ненависти или вражде к существующему строю.

Доказывание мотива в рамках этих статей имеет ключевое значение, поскольку именно он отличает экстремистское сообщество от иной организованной преступной группы, движимой, например, корыстными побуждениями. Доказательственная база в таких случаях формируется за счет анализа уставных документов, программных заявлений, внутренней переписки, ритуалов и символики, которые в совокупности раскрывают общую для сообщества идеологию вражды.

Анализ примечания к ст. 282.1 УК РФ раскрывает ключевой законодательный механизм, где идеология ненависти закреплена как основа экстремизма. Законодатель вводит универсальный критерий, обязательный для всей главы 29 УК РФ. Понятие «идеологической ненависти» раскрывается не через перечень действий, а через конкретный мотив виновного.

Это субъективный признак, который превращает «обычное» преступление в преступление экстремистской направленности.

Таким образом, именно в этом примечании идеологическая вражда приравнена к экстремизму через свою цель – подрыв конституционного строя. Неважно, выражается ли она в публичных призывах, создании сообщества или насильственных актах; ключевым является враждебная идеологическая мотивация, направленная против основ государства и общества.

Потенциал конкретной опасности, исходящий от лиц, разделяющих идеологию вражды, законодатель учел в составе, предусмотренном ст. 282.3 УК РФ (Финансирование экстремистской деятельности). Данная норма демонстрирует понимание того, что современный экстремизм является ресурсоемкой деятельностью, требующей финансового обеспечения.

Мотив финансирования может быть производным от основного мотива идеологической вражды (когда лицо жертвует средства, руководствуясь солидарностью с целями экстремистов), либо самостоятельным (корыстным). Однако в контексте угрозы конституционному строю наиболее опасным представляется именно финансирование, так как оно свидетельствует о наличии устойчивой сети сторонников, готовых не только на вербальную, но и на материальную поддержку деятельности, направленной на подрыв основ государственного строя.

Наконец, ст. 282.4 УК РФ (Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами) представляет собой уникальный состав, где мотив идеологической вражды проявляется опосредованно, через демонстративное неподчинение закону.

Упорное, неоднократное уклонение от уплаты административного штрафа, наложенного за пропаганду или публичную демонстрацию запрещенной символики, а также за массовое распространение экстремистских материалов, является формой совершения преступления, основанного на идеологическом неприятии самой правовой нормы.

Лицо, совершающее такое деяние, не просто нарушает закон; оно публично демонстрирует свое негативное отношение к действующему правопорядку, утверждая тем самым свою идеологическую позицию, которая

тотально противоположна действующему порядку. Таким образом, в данном составе мотив вражды трансформируется в мотив демонстративного отрицания легитимности государства и права.

В заключение необходимо отметить, что мотив идеологической ненависти или вражды затрагивает всю систему составов преступлений экстремистской направленности, связывая их в единый комплекс, направленный на защиту конституционного строя и безопасности государства и общества в целом.

От прямого возбуждения ненависти (ст. 282 УК РФ) и призывов к нарушению территориальной целостности (ст. 280.4 УК РФ) до создания устойчивых структур (ст. 282.1, 282.2 УК РФ), их финансирования (ст. 282.3 УК РФ) и демонстративного неповиновения закону (ст. 282.4 УК РФ) – везде прослеживается единый мотив в виде неприятия основ конституционного порядка и строя.

Эффективная квалификация этих деяний невозможна без выявления и доказывания данного мотива, что требует от правоприменителя не только юридической грамотности, но и глубокого понимания идеологических механизмов, лежащих в основе современного экстремизма. Игнорирование этой субъективной составляющей ведет к формальному применению закона и не позволяет в полной мере оценить системный характер угрозы безопасности государства.

Научная статья

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

**Александр Сергеевич СЕНЦОВ¹, Валентина Александровна
ВОЛКОЛУПОВА²,**

^{1,2} Волгоградский институт управления (филиал) Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Волгоград, Россия,

^{1,2} sentsov_1951@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются имеющиеся в доктрине уголовного права теоретические подходы к основаниям и условиям выделения квалифицирующих признаков преступлений диверсионной направленности

в целях дифференциации ответственности за них.

С учетом их толкования в современной правоприменительной практике сформулированы авторские предложения и рекомендации по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм.

В частности, авторы отмечают некорректность некоторых законодательных решений относительно критериев дифференциации ответственности за преступления диверсионной направленности и предлагают обобщить новейшую правоприменительную практику и принять специализированное постановление Пленума Верховного Суда РФ о практике применения законодательства по делам о преступлениях диверсионной направленности.

Ключевые слова: диверсия, диверсионная деятельность, преступление, уголовная ответственность, дифференциация, наказание, квалифицирующие признаки

Original article

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES OF SABOTAGE

Alexander S. SENTSOV¹, Valentina A. VOLKOLUPOVA²,

^{1, 2} Volgograd Institute of Management (branch) Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia,

^{1, 2} sentsov_1951@mail.ru

Abstract. The article examines the theoretical approaches to the grounds and conditions for identifying qualifying features of crimes of a sabotage nature in order to differentiate liability for them in the doctrine of criminal law.

Taking into account their interpretation in modern law enforcement practice, the author's proposals and recommendations for improving the relevant criminal law norms are formulated.

In particular, the authors note the incorrectness of certain legislative decisions regarding the criteria for differentiating liability for crimes of a sabotage nature, and propose to summarize the latest law enforcement practice and adopt a specialized resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the practice of applying legislation in cases of crimes of a sabotage nature.

Keywords: sabotage, sabotage activities, crime, criminal liability, differentiation, punishment, qualifying features

На современном этапе стремление российского законодателя своевременно реагировать на резкое ухудшение геополитических условий и оперативно обеспечить устойчивое функционирование всех ветвей государственной власти в сложившейся обстановке, вызванной беспрецедентным давлением на нашу страну со стороны недружественных государств (прежде всего США и стран НАТО), обусловило соответствующую корректировку основных направлений государственной, в том числе и уголовной политики.

Эта корректировка проводится в целях усиления противодействия вновь возникающим угрозам национальной безопасности с использованием уголовно-правовых средств.

В период после начала специальной военной операции особое внимание было уделено и внесению в уголовное законодательство изменений, направленных на дифференциацию ответственности за деяния, создающих угрозу экономической безопасности и обороноспособности России.

Согласно официальным данным за период 2012-2014 гг. (за 3 года) в России было зарегистрировано всего 1 преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ, в 2017 г. уже 3, а в 2022 г. – 23 (рост почти в 8 раз), в 2023 г. – 154, в 2024 г. – 158¹.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 281.1 (Содействие диверсионной деятельности), ст. 281.2 (Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности), ст. 281.3 (Организация диверсионного сообщества и участие в нем).

Учитывая столь широкий спектр преступлений диверсионной направленности в УК РФ была предусмотрена дальнейшая дифференциация ответственности за их осуществление с использованием в качестве ее критериев ряда отягчающих обстоятельств, а также положений, стимулирующих позитивное постпреступное поведение.

В то же время в юридической литературе справедливо отмечается некорректность и непоследовательность в решении отдельных проблем, относящихся к конструированию как диспозиций, так и санкций новых норм². В частности, отмечается, что чрезмерная и не обусловленная объективными

¹ Официальный сайт Российской криминологической ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой. Статистические данные. URL: <https://crimas.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

² Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Специфика и перспективы совершенствования уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 55–61; Брагина А. Г. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений диверсионной направленности и их соотношение со смежными группами преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2 (63). С. 40–47.

потребностями дифференциация ответственности за диверсионную деятельность способна привести к избыточности уголовно-правового регулирования и нарушению принципа справедливости (ст. 6 УК РФ)¹.

Выделение в УК РФ специальных норм об уголовной ответственности за частные случаи соучастия в преступлении и неоконченное преступление диверсионной направленности свидетельствует о стремлении государства не только сократить число таких преступлений, но и удержать граждан от участия в них уже на ранних стадиях их совершения.

Так, в основной состав диверсии были включены новые признаки, указывающие на дополнительные объекты уголовно-правовой охраны, и возможные общественно опасные последствия, таким образом, законодатель продемонстрировал твердую позицию в отношении усиления защиты и целостности не только экономической безопасности и обороноспособности РФ, но и иных охраняемых благ (объектов уголовно-правовой охраны).

Ответственность за совершение диверсии дифференцируется с учетом важности предмета посягательства, а также поражающих свойств орудий и средств совершения посягательства и, наконец, исходя из размера и характера наступивших негативных последствий совершенного деяния.

Так, в ч. 2 ст. 281 УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение диверсии группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В данном случае речь идет о соисполнительстве заранее договорившихся двух или более лиц или о создании их устойчивого объединения для диверсионной деятельности. Этим понятием охватываются и разведывательно-диверсионные подразделения зарубежных стран и учреждений, созданные на основе организованной группы, чьи усилия направлены на подрыв экономической безопасности и обороноспособности нашей страны.

Способы и формы преступной деятельности диверсионных групп аналогичны деятельности террористических формирований. Однако существует ключевое различие в характере «санкционирования» диверсионной и террористической деятельности. Разведывательно-диверсионные группы формируются, как правило, и организуются (часто иерархически), получая соответствующие инструкции от государственных органов или официальных лиц, независимо от их формы или степени открытости. Таким образом, само государство наделяет эти диверсионные группы соответствующими полномочиями и в конечном итоге несет ответственность за их действия².

¹ Чуклина Э. Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 14–25.

² Варфоломеев А. А. Пределы квалификации террористических преступлений на международном и национальном уровне // Государство и право. 2012. № 9. С. 81.

Согласно п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ квалифицирующим признаком диверсии является причинение значительного материального ущерба либо наступление иных тяжких последствий. Данный признак является оценочным и его содержание определяется, исходя из конкретных обстоятельств. В связи с отсутствием его законодательного определения критерии оценки таких последствий вполне можно сопоставить с критериями определения аналогичных последствий, предусмотренных для преступлений террористической направленности, содержание которых разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016).

В п. «в» ч. 2 ст. 281 УК РФ в качестве квалифицирующего признака выделено совершение данных деяний, сопряженных «с посягательством на объекты федерального органа исполнительной власти в области обороны, Вооруженных Сил РФ, войск национальной гвардии РФ, органов государственной власти, привлекаемых для выполнения отдельных задач в области обороны, а также на объекты топливно-энергетического комплекса и организаций оборонно-промышленного комплекса».

Вследствие повышенной опасности диверсионных актов, совершаемых с использованием посредством вредоносного программного обеспечения, и учитывая, что последствия таких действий не ограничиваются первоначальной целью и могут затронуть широкий круг иных объектов уголовно-правовой охраны, в том числе территориально удаленных, А. А. Гребеньков предлагает включить в ст. 281 УК РФ еще один квалифицирующий признак, отражающий данный способ совершения преступления и изложить его в следующей редакции: «сопряженные с использованием вредоносных программ или иных средств, представляющих общественную опасность»¹.

Такая формулировка, по мнению автора, позволит учесть специфику и повышенную общественную опасность диверсий, осуществляемых в киберпространстве и с использованием современных технологий. Аналогичные предложения высказываются и другими авторами². В условиях бурного развития IT-технологий, включая искусственный интеллект, такое предложение представляется логичным и заслуживает внимания законодателя.

В п. «а» и «б» ч. 3 ст. 281 УК РФ предусмотрены такие же особо квалифицирующие признаки, как и в п. «а», «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, и они по своему содержанию идентичны.

¹ Гребеньков А. А. Информационные преступления и ведение информационной войны: уголовно-правовое противодействие // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 31. С. 122.

² Ступина С. А. Уголовная ответственность за диверсионную деятельность через призму законодательных новелл // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 252.

Так, в п. «б» ч. 3 ст. 281 УК РФ особо квалифицирующим признаком является наступление последствий в виде причинения смерти человеку. При квалификации диверсии по данной норме возникает принципиальный вопрос о том, требуется ли в таких случаях дополнительная квалификация по совокупности с нормами, предусматривающими ответственность за преступления против жизни (ч. 2 ст. 205 УК РФ).

Учитывая повышенную опасность диверсий, совершаемых с применением беспилотных летательных аппаратов, наступление подобных трагических последствий становится более вероятным. Лицо, осуществляющее управление беспилотным летательным аппаратом и использующее взрыв как способ совершения преступления, предвидит или как минимум должно было и могло предвидеть возможность наступления смерти человека в результате своих действий. Таким образом, возникает вопрос о наличии или отсутствии совокупности преступлений и необходимости учета всех наступивших последствий при вынесении приговора.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) разъяснило, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует.

Однако данное разъяснение высшей судебной инстанции относительно квалификации содеянного в теории уголовного права подвергается критике. Так, по мнению А.И. Рарога при такой квалификации не учитываются многие квалифицирующие признаки, предусмотренные в ч. 2 ст. 105 УК РФ. В итоге максимальный срок лишения свободы за один лишь террористический акт, предусмотренный п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, не может превышать 20 лет (без учета пожизненного лишения свободы), хотя при его назначении по правилам ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 281 УК РФ и соответствующими пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ его максимальный срок будет равен 30 годам¹.

Представляется, что приведенная позиция Верховного Суда Российской Федерации более логична, она применима и к квалификации диверсии, повлекшей причинение смерти человеку, и с учетом возможности назначения пожизненного лишения свободы доводы авторов, подвергающих ее критике, вряд ли являются убедительными.

В качестве обстоятельства, отягчающего ответственность за содейст-

¹ Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95–103.

вие диверсионной деятельности (ч. 2 ст. 281.1 УК РФ) предусмотрено совершение данных деяний «лицом с использованием служебного положения».

Можно отметить, что совсем недавно Федеральным законом от 17 ноября 2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» помимо расширения предусмотренного в ч. 2 ст. 20 УК РФ перечня преступлений, возраст уголовной ответственности, за совершение которых наступает с 14 лет, путем включения в него преступлений диверсионной направленности, также был предусмотрен и новый квалифицирующий признак в норме, установленной в ч. 2 ст. 281.1 УК РФ (Содействие диверсионной деятельности): «совершение данных деяний в отношении несовершеннолетнего», что допускает сейчас назначение наказания за такие деяния вплоть до пожизненного лишения свободы.

Такое законодательное решение представляется в нынешних условиях вполне логичным. Директор ФСБ А.В. Бортников, выступая 12.08.2025 г. на заседании Национального антитеррористического комитета, отметил, что 65% из числа лиц, задержанных за преступления террористической направленности в России – это молодежь, попавшая под влияние украинских спецслужб и неонацистских организаций¹.

По данным официальной статистики за период с сентября 2022 г. по январь 2024 г. в России выявлены 184 случая диверсии и задержаны в качестве подозреваемых в совершении этих преступлений 141 человек, в том числе 59 несовершеннолетних².

Типичным мотивом противоправных действий непосредственных исполнителей диверсионных актов, особенно связанных с «точечными» посягательствами на объекты транспортной инфраструктуры, является корысть. На наш взгляд, с учетом сложившихся реалий целесообразно включить в ч. 2 ст. 281 УК РФ еще один квалифицирующий признак: «совершение данного деяния из корыстных побуждений, а равно по найму».

Как отмечает С. В. Иванцов и С. В. Борисов большинство диверсий на территории России в настоящее время совершается по «заданию», отправляемому из других недружественных государств, чаще всего из Украины. Однако действующая редакция ст. 281 УК РФ не учитывает транснациональный характер диверсий и других преступлений диверсионной направленности при дифференциации уголовной ответственности за их совершение³.

¹ Директор ФСБ России провел заседание Национального антитеррористического комитета. Национальный антитеррористический комитет. URL: <https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshepoloviny-teraktov-sovershaet-molodezh> (дата обращения: 12.09.2025).

² МВД РФ с начала СВО зарегистрировало 220 поджогов военкоматов и 184 диверсии на железнодорожном транспорте. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19782695> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия

И поэтому названные авторы предлагают дифференцировать ответственность за данные преступления, совершенные представителями иностранного государства, а равно с их участием, в том числе в качестве организаторов, предусмотрев этот признак в качестве квалифицирующего в составе диверсии. На наш взгляд, для диверсии в отличие от вредительства иностранное гражданство субъекта является типичным признаком данного преступления, поэтому выделение его в качестве квалифицирующего вряд ли логично признать обоснованным.

Анализ вопросов, относящихся к критериям дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с диверсионной деятельностью, и установлению пределов назначения наказаний за них, свидетельствует о наличии объективной потребности в корректировке как уголовного законодательства, так и некоторых иных нормативных актов. Это необходимо для всестороннего учета всех обстоятельств совершенного общественно опасного деяния и разработки соответствующих подходов к определению мер наказания.

Существенным недостатком существующей системы норм об уголовной ответственности за диверсионные преступления является чрезмерная дифференциация и определенная непоследовательность в подходах к определению пределов наказаний.

Подобное положение дел приводит к дисбалансу в правовом регулировании и, как следствие, к включению в УК РФ специальных норм, стимулирующих позитивное постпреступное поведение и предусматривающих основания и условия освобождения от уголовной ответственности за данные преступления.

Представляется, что принцип дифференциации ответственности при конструировании новых составов преступлений диверсионной направленности и подходы к их наказуемости должны быть в большей степени согласованы с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ). Это позволит избежать необоснованной критики как со стороны научного сообщества, так и со стороны правоприменителей, а также обеспечит единообразное применение соответствующих уголовно-правовых норм.

По мнению М. Г. Решняк и З. Х. Боташевой повышение «эффективности» уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности можно было осуществить двумя альтернативными путями, в том числе при их сочетании, первый из которых связан с включением диверсии в объем законодательного понятия террористической деятельности, а второй —

диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-diversionnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 17.10.2025).

с усилением наказания, уточнением (дополнением) признаков и дальнейшей дифференциацией уголовной ответственности за диверсию»¹.

Такая позиция представляется чрезмерно категоричной, поскольку диверсионную деятельность и террористическую деятельность вряд ли возможно объединить в одном «законодательном понятии», в силу того, что они направлены на разные объекты уголовно-правовой охраны: первая – на основы общественной безопасности, а вторая – на экономическую безопасность и обороноспособность государства.

На наш взгляд, возникла настоятельная потребность в обобщении судебной практики по делам о преступлениях диверсионной направленности и в подготовке по его результатам постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях диверсионной направленности».

С учетом изложенного можно сформулировать еще один итоговый вывод о том, что в условиях современной геополитической обстановки проводимая законодателем дифференциация уголовной ответственности за преступления диверсионной направленности в целом представляется вполне оправданной. Однако в целях устранения имеющихся недостатков, допущенных при конструировании отдельных норм, предусмотренных в статьях 281-281.3 УК РФ объективно требуется их дальнейшее совершенствование с учетом обобщения новейшей правоприменительной практики.

Нами предлагается, в частности:

- скорректировать санкции уголовно-правовых норм, предусмотренных в статьях 281-281.3 УК РФ и привести их в соответствие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ);
- включить в качестве квалифицирующего признака в статьях 281 и 281.1 УК РФ «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», а равно с использованием искусственного интеллекта;
- включить в качестве квалифицирующего признака в рассматриваемые составы «совершение деяния из корыстных побуждений, а равно по найму».

¹ Решняк М. Г., Боташева З. Х. Уголовно-правовые меры борьбы с диверсионной деятельностью: критический анализ законодательства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11(199). С. 256.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ И В МИРЕ

Павел Леонидович СЕРДЮК

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, pavel.ser@mail.ru

Аннотация. На основе современных теоретических и практических материалов в статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой организации борьбы с экстремизмом в России и в мире. Особое внимание уделяется анализу данного социального явления на Украине, где политика руководства этого государства напрямую связана с нацистской идеологией.

Проводится анализ причин и условий данного социального явления, его влияние на российское общество и предлагаются меры его предупреждения на государственном и общественном уровне. При характеристике экстремиста выделяются такие его черты, как нарциссизм, фанатизм и деструктивное поведение.

Последнее характеризуется как разновидность агрессии, как поведение, не согласующееся с законами и традициями народа, как действие, направленное на разрушение существующих объектов, связанных с жизнедеятельностью общества и государства.

Ключевые слова: Экстремизм, формы экстремизма, экстремизм и терроризма, причины экстремизма, условия экстремизма, предупреждение экстремизма

Original article

EXTREMISM AS A FORM OF POLITICAL PROTEST IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Pavel L. SERDYUK

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
pavel.ser@mail.ru

Abstract. Based on modern theoretical and practical materials, the article discusses issues related to the problem of organizing the fight against extremism in Russia and in the world. Special attention is paid to the analysis of this social

phenomenon in Ukraine, where the policy of the leadership of this state is directly related to Nazi ideology.

The author analyzes the causes and conditions of this social phenomenon, its impact on Russian society and suggests measures to prevent it at the state and public levels. When characterizing an extremist, such features as narcissism, fanaticism and destructive behavior are highlighted.

The latter is characterized as a kind of aggression, as behavior that does not comply with the laws and traditions of the people, as an action aimed at destroying existing objects related to the vital activity of society and the state.

Keywords: Extremism, forms of extremism, extremism and terrorism, causes of extremism, conditions of extremism, prevention of extremism

Экстремизм как глобальное социальное явление в своих проявлениях многогранен и обладает различными оттенками и уровнями степени общественной опасности. Особое внимание исследователей преступления экстремистской направленности обратили на себя в начале нового века, что связано с их распространением в мире и возникновением на их основе других значительно более разрушительных явлений и связанных с ними событий, вплоть до вооруженных конфликтов и войн.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года определила экстремизм как общественно опасное действие, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организацию в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них.

Определяя причины распространения экстремистских настроений среди молодежи в России до начала специальной военной операции на Украине, М. А. Пестрецов писал: «В современных условиях наблюдается явный недостаток воспитательных воздействий на личность молодого человека, а также мер просветительского характера о национальных, культурных, конфессиональных и прочих особенностях народов страны»¹.

Думается, с автором вполне можно согласиться, принимая во внимание тот факт, что в последние годы, с 2010 по 2022 годы наблюдается устойчивая динамика роста зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (от 656 преступлений в 2010 году до показателя в 1566 преступлений в 2022 году) и существенное пополнение Перечня общественных

¹ Пестрецов М. А. Особенности проявления молодежного экстремизма и меры противодействия // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: монография. Симферополь, 2015. С. 278.

объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (в ред. от 27.10.2025) (около 90 организаций). В 2023 году в период прохождения специальной военной операции статистика показала рост в нашей стране правонарушений, связанных с экстремизмом, с 2-х до 9 %.

Однако российская молодежь в своем большинстве проявила достаточно высокий политический и идеологический уровень воспитания. Об этом свидетельствует практика формирования российской армии, которая в значительной степени состоит сегодня из добровольцев, готовых в любых условиях защищать страну.

Экстремизм, от латинского *extremus* – крайний, характеризуется именно такого рода взглядами и мерами не только в сфере политики и идеологии, но, как мы сегодня видим на Украине, и в сфере религии¹.

Основной особенностью этого социального явления можно считать его достаточно скрытое состояние в обществе, что отмечает В. А. Гаужаева. «Часто, – пишет она, – эти идеи и взгляды находятся в скрытом состоянии, когда лица ведут правопослушный образ жизни, но разделяют идеологию экстремизма... и могут состояться как экстремисты»².

Скрытую агрессивность экстремизма в своих публикациях отмечали также Н. Е. Макарова и Ц. С. Дондаков. «Экстремизм оперирует искаженными, деформированными представлениями о действительности. В практической деятельности это неизбежно приводит к насилию»³, – пишут они.

Рассматривая эти позиции, надо сказать, что статья 13 Конституции Российской Федерации допускает разные обычаи и традиции национального и религиозного характера внутри государства. В стране на основании главного государственного закона существует многообразие религий, языка и культуры независимо от численности национального региона.

Примечание к ст. 282.1 УК РФ экстремистскими признает такие мотивы, как политический, расовый, идеологический, национальный и религиозный. Эти мотивы признаются наиболее общественно опасными, так как на их основе у молодых людей формируются негативные черты характера, такие как нарциссизм, фанатизм и деструктивное поведение в обществе.

¹ Рогатин В. Н. Участие неохристианских религиозных движений в современной политической жизни Украины // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 894–902.

² Гаужаева В. А. Понятие идеологии экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 54.

³ Макаров Н. В., Дондаков Ц. С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11. С. 57.

Некоторые авторы писали даже о том, что «растет число русских ваххабитов». Это обосновывалось на примере Ставропольского края, где они видели «отсутствие механизма самореализации для подрастающего поколения»¹.

По нашему мнению, причина экстремистских настроений заключается в том, что утрачена прежняя система образования и более строгие меры воспитания молодежи, которые в недалеком прошлом в России показали себя с положительной стороны. Это же, в частности, отмечается и в публикации директора Института региональных проблем Д. А. Журавлева, который пишет: «Человек общества потребления – информационный человек обладает разнообразной информацией, но недостаточным образованием и низкой культурой. Это естественно, потому что, пользуясь компьютером для письма, он не нуждается в знании орфографии, не очень нуждается в систематическом знании вообще... Это вырывает человека из традиционных связей, ставит в полную зависимость от информационного поля»².

С автором нельзя не согласиться, так как очевидно, что преимущество современных цифровых технологий играет не только полезную роль в плане повышения доступности знаний, но и негативную – в части воспитания молодого человека и культуры его общения с людьми. Увлечение молодежи цифровым пространством молодежи часто негативно влияют и на ее политические взгляды и настроения.

Детальную характеристику экстремистов дает И. В. Романовская: «В экстремистской деятельности, как правило, участвуют физически здоровые и психически вменяемые лица, многие из них активно занимаются спортом, но имеют определенные нравственно-психологические особенности, нередко приобретенные... Часто это обусловлено низким культурно-образовательным и правосознательным уровнем развития»³.

Поддерживая эту позицию, следует сказать, что причина существования такой молодежи в России содержится не только в недостатках современного воспитания, но прежде всего, в активном влиянии через средства информации чуждых нашему обществу взглядов и настроений.

В юридической литературе мы находим деление экстремизма на три категории. В качестве особо опасной категории представлена третья, которая «олицетворяет полную невоспитанность людей, ненавидящих существующий общественный порядок и само общество со дня своего появления

¹ Сафронов А. А. Калужный К. Ю. Терроризм и экстремизм – современная реальность в контексте вероисповедования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4. С. 39.

² Журавлев Д. А. Постиндустриальное общество как среда зарождения и распространения сетевого терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 76–77.

³ Романовская И. В. Психолого-криминологическая характеристика крымского экстремиста // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: монография. Симферополь, 2015. С. 136.

в этом обществе и требующих перемен с появлением первых мыслей в их головах»¹.

Нужно признать, что данная характеристика экстремистов России хотя и не устарела, но это социальное явление носит далеко не массовый характер. Все мы можем наблюдать, с каким энтузиазмом наша молодежь идет на защиту Родины, а также ее поведение на линии фронта специальной военной операции.

«Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки, является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала, – пишет Л. И. Камелова. Этим зачастую пользуются различные социально-политические силы в своих политических и иных целях»². В качестве примера автор приводит идеологическую обработку молодежи на Украине еще в начале нового столетия. Уже тогда группировки ультраправых начали проявлять себя с явными признаками экстремизма с националистическим настроем. Появились целые секты, такие, как «Кровь и Честь», движение – «Белая власть», где молодежь обсуждала вопросы нацизма. Центрами формирований нацистской идеологии были такие города как: Киев, Днепрпетровск, Львов, Запорожье и Чернигов. В Крыму существовала секта «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая прекратила свою законную деятельность на территории Крыма после присоединения к России³.

Отметим, что участие молодежи в указанных организациях, как правило, подготавливалось, в том числе с участием властей Украины и педагогов. В начальных школах детям внушался негатив к русскому языку, искажалась даже сама история путем внушения молодому поколению, что Россия оккупировала Европу, скрывая истинное начало войны с фашистской Германией.

Это уводило молодежь от исторической правды, нормальной светской жизни, негативно влияя на ее психологию и культуру, насаждало ненависть к России и русскому населению. Националисты понимали, что именно таким образом они могут достичь своей цели, и надо признать, что это во многом им удалось. В этом обмане молодежи за 30 лет Украина вырастила свой «майдан», который не способен привести ее к светлому будущему, так как мир не может строиться на обмане.

¹ Дударь О. Г., Дударь А. И., Хусаинов Т. М. Детерминанты экстремизма в России // Педагогика и просвещение. 2014. № 3. С. 50.

² Камелова Л. И. Социальная ответственность молодежи как условие противодействия экстремизму в молодежной субкультуре // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 83.

³ См. также об этом: Саранкина Ю. А., Залозный Н. Ю. Правовой аспект исследования экстремизма и терроризма // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. Симферополь, 2015. С. 54–55.

Отказ руководства Украины от православной религии, стоящей на позициях мира и добра, окончательно подтвердил его нацистскую сущность. Фактически целенаправленно готовился конфликт с русским населением на Донбассе, понимая, что эти люди никогда не примерятся с принятием у себя фашистского режима, основанного на экстремистских установках.

При исследовании экстремизма, напрямую связанного с неонацистской идеологией, приходишь к выводу, что эти люди, строят свою политику на лжи и правилах, противоречащих традициям собственного же народа. Фактически, это прямое отрицание существующих в мире норм морали и нравственности.

О психологии процесса внушения писал итальянский социолог С. Сигеле. Согласно его теории большую роль в данном случае играет так называемая «психология толпы». «Толпа более предрасположена к злу, чем к добру», – писал он, однако признавал, что «внушение не одинаково действует на всех, находящихся в толпе людей, а лишь на лиц, предрасположенных совершить внушаемое действие»¹.

Определяя роль организатора в этом процесса, французский психолог Г. Лебон подчеркивал особую его роль. «Как только живые существа соберутся в некотором количестве, – писал он, – независимо от того, будет ли это стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются авторитету вождя». По мнению этого автора «вожди оказывают свое влияние на массы благодаря идеям, к которым сами они относятся фанатически»².

Руководители Украины сегодня вполне вписываются в представленную характеристику. Их жесткий настрой при поддержке Запада и США удержат русскоязычные регионы в своем подчинении, отняв у них родной язык, их религию и культуру, по нашему мнению, нужно признать геноцидом.

Вопрос организации борьбы с экстремизмом, по сути, всегда остро стоял на повестке нашего государства, в том числе и науки. Речь в основном идет об организации работы с молодежью в плане правового воспитания. Начиная со школьных занятий, главное внимание всегда уделялось воспитанию уважения к законам, обычаям и традициям народов страны. Это является основным средством формирования правосознания населения России.

Рассматривая причины и условия экстремизма, нужно отметить также и роль в его формировании сепаратистских настроений в отдельных регионах России республиканского уровня. Недавним примером этого надо

¹ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // в кн. Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. С. 6.

² Лебон Г. Психология народных масс. Пер. с французского Я. Фридмана и Э. Пименовой. СПб, 1896. С. 259.

признать состоявшийся в январе 2024 года не санкционированный митинг в Башкирии, националистического содержания. Но эта республика характеризуется прочной приверженностью к России, что было подтверждено проведением в этом регионе митинга с противоположным настроением подавляющего большинства граждан. Убедительным подтверждением верности России является и активное участие молодых граждан данной республики в защите страны при проведении специальной военной операции.

Политика украинских нацистов, принявших в свой арсенал военных действий террористические методы, на наш взгляд, напоминает идеологию такого рода группировок, существовавших в прошлом веке в Египте, Ливане, Ираке, Иордании, Сирии и Судане, которые были основаны на религиозном централизме. С действиями этих террористов Украину сближает убийство ряда политических деятелей противной стороны, факты убийства пленных, обстрел мирного населения на Донбассе и на территории России. Очевидно, что такое поведение воюющей стороны не соответствует международным правилам ведения военных действий и характерно лишь для террористов.

Президент Российской Федерации на совещании 29 августа 2015 г. по вопросам обеспечения законности и правопорядка в Крыму выражал озабоченность о том, что в Крыму сохранялась угроза дестабилизации обстановки. «Это могут быть попытки разыграть националистическую карту либо, воспользовавшись теми или иными ошибками, просчётами, неэффективными действиями власти, направить справедливую озабоченность граждан в деструктивное русло»¹, – говорил он.

В период до 2018 года по Крыму был принят ряд правительственных решений: Указ от 15.04.2014 № 2 «О создании антитеррористической комиссии в Республике Крым», Указ от 30.01.2015 № 26-У «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма» и др.». Этот вопрос постоянно был на контроле руководства страны.

В 2017 году в связи с усилением и ростом в стране киберпреступлений на заседании Совета Безопасности Российской Федерации Президент России призвал к усилению защиты российского сегмента сети «Интернет». Благодаря этим мерам жизнь в Крыму сегодня по имеющимся официальным данным полностью отвечает социальным и идеологическим нормам.

Исследуя социальные проблемы, социологи считают, что сегодня в России увеличивается число убийств и других тяжких преступлений по мотивам экстремистского характера. Эти преступления направлены

¹ Совещание по вопросам обеспечения законности и правопорядка в Крыму // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/50156> (дата обращения: 04.10.2024).

не только против личности, но и против общественной безопасности, в том числе по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды.

Реакцией государства явилось дополнение КоАП РФ Федеральным законом от 01 мая 2017 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» статьей 13.37, которая предусматривает распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

На наш взгляд, данная статья КоАП РФ является проявлением гуманности в борьбе с экстремизмом. Эти деяния в случае, если они носят устойчивый характер, требуют более строгой реакции государства, исходя из степени их общественной опасности. Но надо учесть, что административная ответственность в данном случае призвана играть роль предупредительного характера. Меры административной ответственности всегда остаются в России на первом месте и связаны главным образом с воспитанием молодежи. Это не только привитие людям уважения к закону, но и уважения к истории народов, их обычаям и традициям. В этом, по нашему мнению, заключается формирование правовой и нравственной основы каждого человека и государства в целом.

Обращаясь к вопросам предупреждения экстремизма в стране, следует, по нашему мнению, основное внимание обратить на правовое воспитание молодежи, начиная с общеобразовательных учебных заведений. Для этого нужна специальная подготовка кадров данного звена – учителей, по работе с детьми, причем уже на этапе начальной школы, так как эффективность профилактического воздействия угасает с каждым последующим образовательным этапом. Другим важным компонентом нужно признать усиление борьбы на государственном уровне с экстремистскими настроениями информационного характера, что касается, в первую очередь, российского сегмента сети «Интернет», увлекаясь которым дети часто уходят от контроля взрослых.

Следует признать, что указанным направлениям работы с молодежью в России уделяется сегодня достаточно большое внимание. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 28 декабря 2024 г. № 1124 также служит основой для подготовки и реализации нормативных правовых актов, направленных на противодействие экстремизму в России.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ

Алексей Витальевич СУМАЧЕВ

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия,
alekssumachev@mail.ru

Аннотация. В статье определяется понятие экстремизма и указываются преступления экстремистской направленности. При анализе методов предупреждения экстремизма, делается акцент на специально-криминологическое предупреждение.

Анализируется роль педагогических коллективов общеобразовательных школ, колледжей и ВУЗов в системе предупреждения экстремизма.

Указываются возможные формы внеклассной работы с учащимися, педагогами и родителями обучающихся, ориентированные на профилактику экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, специально-криминологическое предупреждение, индивидуальная профилактика

Original article

EXTREMISM AS A FORM OF ENCROACHMENT ON THE SECURITY OF THE STATE AND THE SPECIFICS OF ITS PREVENTION

Alexey V. SUMACHEV

Tyumen State University, Tyumen, Russia, alekssumachev@mail.ru

Abstract. The article defines the concept of extremism and identifies extremist crimes. When analyzing the methods of preventing extremism, emphasis is placed on special criminological prevention.

The article analyzes the role of teaching staff of secondary schools, colleges and universities in the system of preventing extremism.

Possible forms of extracurricular activities with students, teachers and parents of students focused on the prevention of extremism among young people are indicated.

Keywords: extremism, extremist crimes, special criminological prevention, individual prevention

Понятие экстремистской деятельности (экстремизма) определено в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Понятие это достаточно объемное, что проявляется даже, как указывается в статье 15, в возможности привлечения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства за осуществление экстремистской деятельности не только к уголовной, но и к административной и гражданско-правовой ответственности.

В уголовно-правовом смысле экстремизм категория более узкая и соотносится, как правило, с преступлениями, совершаемыми по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ: мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Соответственно, экстремизм в уголовно-правовом смысле – это, прежде всего, определенная в уголовном законе преступная деятельность. Далее, совершение данных преступлений мотивировано ненавистью или враждой. Причиной ненависти или вражды является принадлежность человека к определенной социальной группе.

К формам проявления экстремизма относится достаточно большое количество преступных деяний:

- ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;
- ст. 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;
- ст. 282.1 УК РФ – организация экстремистского сообщества;
- ст. 282.2 УК РФ – организация деятельности экстремистской организации.

Кроме того, к формам проявления экстремизма относятся и другие преступления, ответственность за которые предусмотрена в иных главах УК РФ: п. «л» ч. 2 ст. 105 (убийство), п. «е» ч. 2 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), п. «е» ч. 2 ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), п. «б» ч. 2 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), п. «б» ч. 2 ст. 116 (побои), п. «з» ч. 2 ст. 117 (истязание), ч. 2 ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ст. 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) ч. 4 ст. 150 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), п. «б» ч. 1 ст. 213 (хулиганство), ч. 4 ст. 214

(вандализм). п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения), совершаемые по мотивам национальной ненависти или вражды.

Более того, к формам проявления экстремизма можно относить и иные преступления, где мотив ненависти или вражды в диспозиции нормы не отражен, но фактически присутствует и в дальнейшем может учитываться при назначении наказания в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Так, 01 октября 2010 Тюменский областной суд вынес приговор в отношении 14 членов экстремистского сообщества во главе с Ходыревым. Осенью 2007 года 21-летний Ходырев организовал в Тюмени команду молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет для нападения на граждан Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Армении и россиян с внешностью «азиатов» или «кавказцев». В частности, 30 ноября 2007 года в районе завода «Электрон» на пешеходном мосту через железнодорожные пути Ходырев с двумя единомышленниками напали на узбека, которого избили и несколько раз ударили ножом. Ему удалось сбежать и выжить. В мае 2008 года скинхеды подкараулили и избили мужчину, внешне похожего на азиата. Они с разбега прыгали и приземлялись на тело жертвы. От множественных повреждений и разрывов внутренних органов несчастный скончался на месте. Личность еще одного убитого мужчины до настоящего времени не установлена. Найденный труп с перерезанным горлом не смогли идентифицировать. «Скины» во время налетов не брезговали и вещами своих жертв. Брали деньги и мобильные телефоны. Добытые документы они сжигали. В ходе следствия было доказано 15 преступлений скинхедов, многие из которых члены группы снимали на видео и впоследствии выставляли в Интернете¹.

Предупреждение экстремизма, равно как и любого социально опасного явления, осуществляется на трех уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Относительно предупреждения экстремизма на общесоциальном уровне следует вести речь о государственной политике по нейтрализации ксенофобии в обществе. Деятельность эта включает в себя разработку правовых основ противодействия экстремизму, разработку эффективных социально-экономических программ в отношении различных социальных групп населения, культивирование идеи равенства и свободы человека и гражданина в стране.

К специально-криминологическим методам предупреждения экстремизма относится, прежде всего, деятельность правоохранительных органов по выявлению молодежных экстремистских группировок и пресечению

¹ Официальный сайт Тюменского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=185 (дата обращения: 27 января 2025 г.).

их деятельности, а равно осуществлению мероприятий, направленных на разобщение таких неформальных молодежных группировок.

К специально-криминологическим методам предупреждения экстремизма следует относить соответствующей направленности мероприятия, осуществляемые педагогическими коллективами общеобразовательных школ, колледжей и ВУЗов. Однако стоит заметить, что реформа системы образования не способствует повышению эффективности профилактической работы в отношении, так называемой, «группы риска» (юноши от 16 до 24 лет)¹, то есть лиц склонных к проявлениям экстремизма.

Так, А.А. Бурков, анализируя возможности профилактики экстремизма в образовательных учреждениях, пишет: «В результате изменений в российском образовании за последнее десятилетие школа все больше дает критически не отфильтрованные знания, учебные предметы лишаются воспитательного потенциала. Распространение тестовых форм проверки знаний в значительной степени сводит обучение к запоминанию единичных фактов, не связанных между собой и не систематизированных. Бессистемные знания менее подвержены критическому осмыслению, а значит, несут в себе меньший воспитательный потенциал»². И далее, он делает весьма категоричный вывод: «Сама система образования исключает воспитательный компонент из учебной деятельности»³.

В этой связи, акцент следует делать на внеклассной работе с учащимися, педагогами и родителями обучающихся. Работа эта может выражаться в проведении тематических занятий, ориентированных на профилактику экстремизма; организации различных конкурсов (например, конкурсов национальных костюмов); в чтении лекций сотрудниками полиции, прокуратуры и преподавателями юридических ВУЗов (что практикуется, например, в общеобразовательной школе № 91 г. Тюмени).

Относительно форм подготовки педагогов образовательных учреждений по реализации задач в сфере предупреждения экстремизма в молодежной среде, следует указать на систему обучающих семинаров, проведение должных конференций различного уровня, курсов повышения квалификации, а также круглых столов в рамках межведомственного взаимодействия.

Работа с родителями обучающихся может осуществляться посредством проведения тематических родительских собраний. И здесь, как отмечают исследователи, упор необходимо делать на групповые формы работы.

¹ Бурков А. А. Возможности профилактики националистического экстремизма в образовательных учреждениях // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 74.

² Бурков А. А. Возможности профилактики националистического экстремизма в образовательных учреждениях // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 77.

³ Бурков А. А. Возможности профилактики националистического экстремизма в образовательных учреждениях // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 78.

И еще, в рамках предупреждения экстремизма необходимо, как представляется, проведение специальных исследований преступности несовершеннолетних с позиций молодежных субкультур. Говоря о предупреждении экстремизма, следует изучать не только криминально активные неформальные объединения (националисты (правые и левые скинхеды, антифашисты); фанаты футбольных команд и др.), но и криминально-виктимные группы (неформальные группы, которые своим образом жизни, поведением, внешним видом провоцируют представителей иных неформальных групп на совершение преступлений против них).

В частности, в молодежной, особенно подростковой среде, деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, нежели чем у взрослых основаниям. Большое значение в этом играют субкультурные факторы.

Принадлежность к той или иной субкультуре сопровождается противостоянием традиционной культуре, эпатажем ее образцов и носителей. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи¹.

Результаты проведенного в 2007 г. сотрудниками ВНИИ МВД России исследования свидетельствуют о росте негативного влияния на молодежную среду неформальных объединений экстремисткой направленности. В 2008 г. преступления экстремисткой направленности были зарегистрированы во всех федеральных округах, при этом их количество на 150 % превысило аналогичный показатель 2007 года.

Важнейшим обстоятельством является то, что для молодежи экстремистские действия – это всегда групповой процесс. Согласно статистике преступлений молодые люди совершают более 50 % всех зарегистрированных преступлений; и только 5 % из них совершают преступления в одиночку, остальные – в составе группы. Более 80 % молодых жителей средних и крупных городов России обнаруживают свою приверженность к тем или иным неформальным объединениям.

То есть двое из трех молодых людей, совершивших преступления, и пятеро из семи, совершивших административное правонарушение, позиционируют себя как участники различных неформальных молодежных объединений. А среди тех, кто совершал экстремистские действия, к тем или иным организациям причисляют себя все².

¹ Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 38.

² Преступность и правонарушения (2004-2008 гг.). Статистический сборник. М., 2009. С. 156.

Действия экстремистских неформальных объединений часто носят скандально политизированный характер и поэтому привлекают пристальное внимание средств массовой информации. Подробное освещение совершаемых членами этих групп преступлений приобретает резонансный характер, что чаще всего отражает динамику политической борьбы, но не способствует скорейшему раскрытию таких преступлений¹.

В настоящее время существует большое количество критериев, по которым проводится классификация неформальных молодежных объединений.

Так, отдельные авторы по социально-правовому признаку выделяют:

1) просоциальные или социально-активные неформальные молодежные группы, с позитивной направленностью деятельности (например, группы экологической защиты, охраны окружающей среды («зеленые») и т. д.);

2) социально-пассивные неформальные молодежные группы, деятельность которых нейтральна по отношению к социальным процессам (например, музыкальные и спортивные фанаты);

3) асоциальные неформальные молодежные группы – хиппи, панки, преступные группировки, наркоманы и т.п.

Профессор С. А. Сергеев предлагает следующую типологизацию неформальных молодежных групп (субкультур):

1) романтико-эскапистские неформальные молодежные группы (хиппи, индианисты, толкинисты, байкеры);

2) гедонистическо-развлекательные неформальные молодежные группы (мажоры, рэйверы, рэпперы и т. п.);

3) криминальные неформальные молодежные группы (гопники, люберы);

4) анархо-нигилистические неформальные молодежные группы (панки, скинхеды, экстремистские субкультуры «левого» и «правого» толка), которые также можно назвать радикально-деструктивными².

Как видно, классификация неформальных молодежных групп может проводиться по различным основаниям. Для нас представляет интерес несколько иная классификация неформальных молодежных групп, где основанием выделения видов является их криминальная, экстремистская сущность. Исходя из указанного основания, стоит говорить о следующих неформальных молодежных группах.

¹ Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 70

² Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 96.

1. Криминально-активные молодежные группы – неформальные группы с высокой криминальной активностью, целью объединения которых в большинстве случаев является совершение преступлений и иных правонарушений («гопники»; националисты: правые и левые скинхеды, антифашисты; фанаты и др.).

2. Криминально-виктимные молодежные группы – неформальные группы, которые своим образом жизни, поведением, внешним видом провоцируют представителей иных неформальных групп на совершение преступлений против них («эмо», «готы»).

3. Криминально-нейтральные молодежные группы – неформальные объединения, которые не обладают ярко выраженной криминальной активностью, связанной с присущей им субкультурой (байкеры, толкинисты, диггеры, стритрэйсеры и группы молодежи, которые объединяются по различным направлениям музыки: рэпперы, хиппи, панк-рокеры, клабберы, металлисты, рэйверы и другие).

Естественно, что нас, как исследователей молодежного экстремизма интересуют криминально-активные неформальные молодежные преступные группы.

Наиболее криминально-активной молодежной преступной группой являются националисты. К ним относятся: правые и левые скинхеды («Арийское братство», «ОБ-88», «Славянский легион»); антифашисты, («Red skins», «R.A.S.H.», «S.H.A.R.P.») различные анархисты и политические движения («лимоновцы», РНЕ, НБП), а так же ряд других криминальных группировок по этническому признаку.

Преступления представителей данных неформальных молодежных групп, как правило, совершаются на почве расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Националисты отличаются совершением преступлений с особой жестокостью. Группировки националистов обладают высокой сплоченностью, это стало возможным благодаря развитию сети «Интернет» и других информационных технологий («виртуальная среда»). Националисты обладают глубокой идеологией, но каждая группировка трактует ее по-своему, что часто приводит к столкновениям даже между группами националистов.

Несомненно, из всех националистов наиболее многочисленными и криминально опасными являются «скинхеды». Внешний вид скинхедов максимально приспособлен к уличным дракам: бритая голова, куртка без воротника и неизменные тяжелые ботинки с высоким берцем. Мировоззрение личности националиста достаточно сформировано, поэтому крайне трудно привить им здоровый социальный образ жизни.

Националисты участвуют в различных официальных и неофициальных митингах, протестах и демонстрациях, поэтому многие считают, что националисты действуют по заказу госструктур, хотя финансирование экстремистских группировок на высшем уровне вряд ли возможно. Националистам нравится, что все считают, что их много и они страшные.

Не менее криминально опасной группой молодежи являются «гопники». Это представители маргинальной молодежи, ведущей асоциальный образ жизни. Структура группировок «гопников» очень сложна, так как данная молодежная группа является самой неконкретизированной, а представители этой группы не относят себя к данной субкультуре. Гопники культивируют преступное поведение, мировоззрение, традиции и жаргон уголовного мира.

Группировки «гопников» делятся по территориальному признаку и, как правило, не поддерживают отношений друг с другом. Каждая группировка «гопников» состоит из 10-30 человек, в большинстве случаев без четко выраженных лидеров, но некоторые представители пользуются большим авторитетом, чем другие. Средний возраст «гопника» составляет 16–25 лет.

В основном все они выходцы из неблагополучных семей, многие неоднократно судимы. Наиболее часто совершаемые преступления «гопниками» это: кражи, грабежи, разбои, вымогательства, причинение вреда здоровью различной тяжести, а также убийства. М

еста обитания «гопников» – это окраины, рабочие районы, парки и скверы городов и поселков. Само название «гопник» происходит от выражения «гоп-стоп», которое в свою очередь произошло от слова «гоп» – выражение скачка, прыжка или удара, которое упоминается в пословице «не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

Так же есть версия, что в 1920-е годы в Петрограде в гостинице «Октябрьская» расположилось Городское общежитие пролетариата (ГОП), куда со всех вокзалов свозили беспризорников, промышляющих в городе уличными кражами и мелким грабежом. Их прозвали «гопниками» – по аббревиатуре приюта. В настоящее время осуществлять профилактику преступлений данной субкультуры очень сложно, так как отсутствует какая-либо программа по пресечению криминальной деятельности «гопников».

Другой криминально-активной группировкой являются футбольные фанаты. У крупных российских клубов насчитывается по несколько официальных и неофициальных фанатских объединений, в которых по некоторым данным состоят сотни тысяч человек. Первые хулиганские группировки европейского масштаба – это «Red-Blue Warriors» (ПФК «ЦСКА»), «Flint's Crew» (ФК «Спартак») и «Ultras» (ФК «Зенит»). Практически каждый их выезд на футбольный матч своей команды сопровождался массовыми

хулиганствами и драками. На происходящее обратили внимание силовые структуры, последовали аресты, милиция заняла крайне жесткую позицию, и фанаты, дабы оградить себя от лишнего внимания, стали скрытными и осторожными, перенея тактику, характерную для британских «Кэжуалс»¹.

Вместе с тем, фанатское движение вскоре стало модным, спровоцировав быстрый рост числа футбольных группировок как в столице, так и по всей России. В официальных фанатских клубах существует строгая иерархия и фанатский «кодекс чести». Все мероприятия, проводимые фанатами (от «кричалок» и баннеров до крупномасштабных драк), являются четко спланированными лидерами данных группировок, исключения лишь составляют неофициальные футбольные банды (на сленге – «фирмы»).

В любой официальной или неофициальной «фирме» существует лидер, который отвечает за организацию деятельности Фан-клуба, а именно: организация выездных матчей (билеты, транспорт, проживание и т.п.), контакт с администрацией футбольного клуба, контакт с лидерами других «фирм». В настоящее время за грубое, непристойное поведение болельщиков на трибунах наказывается сам Футбольный клуб, поэтому администрация клуба тесно взаимодействует с лидерами фанатских «фирм». Объединения фанатов отличаются от других субкультур высокой сплоченностью.

В отличие от традиционных экстремистских формирований различного уровня организованности и структурированности большая часть молодежных экстремистских формирований носит слабоустойчивый характер. В них действуют нормы, которые не фиксируются в уставах и инструкциях, а стихийно возникают в процессе общения, в результате чего воспринимаются всеми их членами и укореняются, превращаясь в индивидуальные специфические установки и ценностные ориентации.

«Неформалы» характеризуются различным уровнем организованности. Довольно часто молодежные объединения бывают нестабильны, не отличаются четкой структурированностью, меняют свою конфигурацию. В одних неформальных молодежных объединениях участники, имея весьма неточное, размытое представление об идеологической подоплеке экстремистских движений, во многом ориентируются на громкую фразеологию, внешнюю атрибутику и другие аксессуары, желание почувствовать себя членом некоего «тайного общества», способного безнаказанно расправляться с неудобными.

В других есть стабильный состав, лидер, руководящее ядро, существует распределение ролей. Возрастной диапазон активности членов

¹ Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 187.

экстремистских организаций этого вида – 14–30 лет с организационно-управленческой ячейкой в составе отдельных деятелей старшего возраста. Наиболее активными действиями отличаются подростки и лица, которые в основном не достигли зрелого возраста, с националистическими и сепаратистскими взглядами¹.

И в заключение заметим, что в настоящее время деятельность экстремистских организаций требует от сотрудников правоохранительных органов не только досконального знания данных новаций, но и достаточной подготовленности, чтобы им противостоять.

Научная статья

УДК 343.32

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Оксана Андреевна СЫРОМАХА

Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь,
oksana.syromakha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой регламентации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства на уровне СНГ и в Республике Беларусь.

Предлагается направление совершенствования уголовного законодательства в данной сфере посредством проведения правового мониторинга.

Формулируется возможная модель правового мониторинга и обращается внимание на важность использования специфического инструментария.

Ключевые слова: конституционный строй, безопасность государства, уголовное законодательство, преступление, правовой мониторинг

¹ Сундиев И. Ю. Молодежные экстремистские организации: традиции и новые информационные технологии // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 72.

**LEGAL MONITORING AS METHOD TO IMPROVE LIGISLATION
AND LAW ENFORCEMENT IN THE FIELD OF CRIMES AGAINST
THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER
AND STATE SECURITY**

Oksana A. SYROMAKHA

State institution «Scientific and practical center for strengthening legality and law enforcement of the General Prosecutor Office of the of the Republic of Belarus», Minsk, Republic of Belarus, oksana.syromakha@mail.ru

Abstract. The article describes the issues of criminal law regulation of crimes against the foundations of the constitutional order and state security in the CIS and the Republic of Belarus.

It suggests the direction of improvement of criminal legislation and law enforcement practice in this area through conducting legal monitoring.

It formulates a possible model of legal monitoring and draws attention to the importance of using specific tools.

Key words: constitutional order, state security, criminal legislation, crime, legal monitoring

Уголовно-правовая защита конституционного строя и национальной безопасности представляет собой фундаментальный элемент обеспечения государственного суверенитета и общественно-политической стабильности. Планомерное и научно обоснованное развитие уголовного законодательства в данной сфере необходимо для адекватного противодействия современным вызовам, усиления защиты государственных институтов и поддержания правопорядка. В этой связи особый интерес представляют изучение вопросов криминализации указанных правоотношений и предложение направлений совершенствования их уголовно-правового регулирования.

Согласно главе 31 модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ, принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г., к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства относятся: измена государству, насильственные захват или удержание власти, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, шпионаж, диверсия, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, разглашение государственной тайны, нарушение

правил обращения с содержащими государственную тайну документами или компьютерными данными.

Названия и содержание диспозиций уголовно-правовых норм, закрепляющих данные преступления, а также название соответствующей главы Особенной части модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ во многом или практически полностью нашли отражение в уголовных законах государств-участников СНГ, например, Российской Федерации и Республики Казахстан.

Однако белорусский законодатель пошел по иному пути. Хотя указанные преступления идентичным образом закреплены в особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь или наполнены сравнимо схожим смысловым содержанием, их расположение не ограничивается одной лишь главой. Большинство из них входят в группу преступлений против государства, часть – в группу преступлений против порядка управления. Более того, белорусский Уголовный закон отдельно выделяет группу преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В основополагающих статьях общей части провозглашается, что Уголовный кодекс основывается на Конституции Республики Беларусь, а среди его основных задач – охрана конституционного строя Республики Беларусь от преступных посягательств¹.

Как видно, важность обеспечения незыблемости основ конституционного строя и охраны национальной безопасности пронизывает и связывает воедино пандектную систему охранительного закона. В русле вышесказанного особое значение имеют вопросы совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Одним из направлений такого совершенствования является правовой мониторинг. Согласно статье 75 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» под правовым мониторингом понимается деятельность по систематическому анализу и оценке качества законодательства, практики правоприменения, эффективности правового регулирования общественных отношений². Предложенное законодателем понимание правового мониторинга подчеркивает, что это не совокупность отдельных видов деятельности, а система, в которой каждое действие взаимосвязано и взаимобусловлено другим.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2025).

² О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. 130-З : в ред. от 28 июня 2024 г. № 15-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.11.2025).

Учитывая тот факт, что процесс оформления правового мониторинга как правового института еще не завершен, в настоящее время законодательно определены его задачи, цели, объекты и субъекты, этапы и периодичность, методы и способы. Указанная информация позволяет сформулировать возможную модель правового мониторинга рассматриваемой сферы охранительных правоотношений, ведь качественный мониторинг предполагает предварительное разрешение указанных вопросов¹.

В соответствии с пунктом 2 Инструкции о порядке проведения правового мониторинга, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2019 г. № 65 (далее – Инструкция)², объектом правового мониторинга является принятый и вступивший в силу нормативный правовой акт (его отдельные положения). При этом в пункте 5 Инструкции отмечается, что объект правового мониторинга определяется организатором правового мониторинга. Соответственно, в данном случае объектом правового мониторинга должна выступать соответствующая глава (главы) или совокупность статей Уголовного кодекса Республики Беларусь, направленные на охрану конституционного строя и безопасности государства.

Субъектами правового мониторинга, помимо нормотворческих и иных уполномоченных государственных органов, могут выступать научные организации, общественные объединения (союзы, ассоциации общественных объединений), иные заинтересованные лица³.

К способам правового мониторинга относятся проведение публичных обсуждений, создание рабочих групп, изучение предложений государственных органов и организаций, в том числе научных, общественных объединений, а также граждан по совершенствованию законодательства и практики правоприменения, анализ информации, содержащейся в средствах массовой информации, обзорах практики применения законодательства, обмен информацией между заинтересованными государственными органами и организациями и иные способы, не противоречащие законодательству⁴.

Исходя из части первой пункта 11 Инструкции объект правового мониторинга анализируется с учетом общих показателей (т.е. критериев), среди которых актуальность правового регулирования общественных отношений,

¹ Казиев З. Г., Есимова А. Б. Отраслевой правовой мониторинг: общее понятие, задачи и возможности проведения // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2016. №1. С. 42.

² О порядке проведения правового мониторинга : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 янв. 2019 г. № 65 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025).

³ О порядке проведения правового мониторинга : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 янв. 2019 г. № 65 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ О порядке проведения правового мониторинга : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 янв. 2019 г. № 65 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025).

его социально-экономическая обусловленность, наличие устаревших либо неэффективных норм; наличие пробелов, коллизий и иной правовой неопределенности, внутренних противоречий в нормативном правовом акте, а также наличие (отсутствие) единообразной практики применения нормативного правового акта, создание материально-технических, организационных и иных условий для его реализации и др.¹ Как отмечается в части второй указанного пункта, организатором правового мониторинга могут также предусматриваться иные показатели анализа нормативного правового акта (специальные показатели).

Поскольку законодательством регулируются многообразные общественные отношения, то и методология в каждом конкретном случае должна быть специфичной. Так, правовой мониторинг рассматриваемой области уголовного законодательства может опираться на статистические показатели в данной сфере, опрос сотрудников правоохранительных и иных государственных органов, выявление отличительных и сходных характеристик в правоприменительной практике других государств, где существуют аналогичные уголовно-правовые нормы, например, в государствах-участниках СНГ, иных региональных организациях, сравнительно-правовой анализ международного опыта².

Необходимо также принимать во внимание критерии эффективности уголовного закона, сформулированные и предлагаемые научной доктриной, позволяющие исследовать уголовное законодательство в целом, его институты и нормы в частности. В настоящее время выделяются три основных направления оценки эффективности уголовно-правовых норм: по рецидиву, по результативности предупреждения преступности и по показателям преступности (состояние и динамика)³.

При учете рецидивов преступления в качестве критерия эффективности отмечается, что, если имеется определенное количество рецидивистов или наблюдается увеличение их числа, можно предположить, что закон недостаточно эффективен.

В свою очередь эффективность с позиции общего и специального предупреждения предполагает, что, поскольку предупреждение совершения преступлений является целью уголовного закона, то подразумевается, что закон является эффективным и социально обусловленным, если достиг цели

¹ О порядке проведения правового мониторинга : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 янв. 2019 г. № 65 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025).

² Сартаева Н. А. Правовой мониторинг уголовного законодательства: к вопросу о методологии // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2012. № 2. С. 26.

³ Савенок А.Л. Эффективность уголовного права: от теории к практике // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / редкол. : С. А. Балащенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. С. 109–112.

правового регулирования. Эффективность уголовного закона можно определить также по состоянию и динамике преступности. Такой подход заключается в том, что должна измеряться положительная динамика, произошедшая в общественной жизни. Например, до принятия закона (нормы) был один уровень преступности, после его принятия – другой. Измеряя произошедшие изменения, определяют эффективность¹.

Также особым междисциплинарным методом оценки эффективности является моделирование, позволяющее изучать окружающую действительность на основе построения моделей². Необходимо отметить, что каждый из указанных критериев оценки в отдельности имеет свои недостатки и искажения, в связи с чем важно системно оценивать положение вещей, прибегая к различным методам в совокупности.

По результатам правового мониторинга организатором подготавливается соответствующая справка, содержащая в том числе основные выводы об оценке качества законодательства, практики правоприменения и эффективности правового регулирования общественных отношений, а также предложения по совершенствованию и принятию иных мер, направленных на обеспечение реализации нормативного правового акта³.

Таким образом, правовой мониторинг в качестве направления совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства позволяет осуществить комплексное исследование заданной области законодательства и правоприменения, опирающееся на различные источники информации и способы ее получения, сформулировать выводы на основе всестороннего анализа полученных данных и их объективной оценки с помощью общих и специальных критериев, что реализуется в форме предложений по совершенствованию объекта правового мониторинга.

Соответствующие предложения в дальнейшем учитываются в нормотворческой деятельности, что является гарантом достижения поставленных целей – нерушимости конституционного строя и безопасности государства.

¹ Савенок А. Л. Эффективность уголовного права: от теории к практике // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. С. 109–112.

² Савенок А. Л. Моделирование эффективности уголовного закона // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции (Могилев, 25 марта 2016 года) : в 2-х ч. / Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.] Могилев : Могилев. институт МВД, 2016. Ч. 1. С. 225–228.

³ О порядке проведения правового мониторинга : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 янв. 2019 г. № 65 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025).

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ
ОБЯЗАННОСТИ ПО ПОДАЧЕ УВЕДОМЛЕНИЯ О НАЛИЧИИ
У ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГРАЖДАНСТВА
(ПОДДАНСТВА) ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА ЛИБО ВИДА
НА ЖИТЕЛЬСТВО ИЛИ ИНОГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО
ДОКУМЕНТА, ПОДТВЕРЖДАЮЩЕГО ПРАВО НА ПОСТОЯННОЕ
ПРОЖИВАНИЕ В ИНОСТРАННОМ ГОСУДАРСТВЕ**

Анна Александровна ТАРАСОВА

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия,
antara.2402@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье автор обращает внимание на вопросы правового регулирования ответственности за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на постоянное проживание в иностранном государстве.

В рамках исследования осуществлен краткий разбор современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, гражданство Российской Федерации, гражданство (подданство) иностранного государства, вид на жительство, правоприменительная практика, национальная безопасность

Original article

**CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO COMPLY WITH
THE OBLIGATION TO NOTIFY A CITIZEN OF THE RUSSIAN
FEDERATION OF THE CITIZENSHIP (CITIZENSHIP)
OF A FOREIGN STATE OR A RESIDENCE PERMIT
OR OTHER VALID DOCUMENT CONFIRMING THE RIGHT
TO PERMANENT RESIDENCE IN A FOREIGN STATE**

Anna A. TARASOVA

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow,
Russia, antara.2402@yandex.ru

Abstract. In this article, the author draws attention to the issues of legal regulation of responsibility for failure to fulfill the obligation to submit a notification about the presence of citizenship (allegiance) of a foreign state or a residence permit, or other valid document confirming the right to permanent residence in a foreign state for a citizen of the Russian Federation.

Within the framework of the research, a brief analysis of modern law enforcement practice has been carried out.

Keywords: criminal liability, citizenship of the Russian Federation, foreign citizenship (allegiance), residence permit, law enforcement practice, national security

В условиях глобализации современного мира вопросы правового регулирования статуса граждан, имеющих двойное и множественное гражданство, имеют особую актуальность. Специфика положения гражданина Российской Федерации, обладающего также гражданством (подданством) иностранного государства, заключается в его особой политико-правовой связи, которая проходит одновременно с двумя странами.

Такое лицо находится в уникальной правовой ситуации, поскольку несет конституционные и иные обязанности как перед Российской Федерацией, так и перед иностранным государством. При этом значение российского гражданства как политико-юридического выражения связи с Россией объективно снижается¹, что создает определенные риски для национальной безопасности.

Важной вехой в развитии миграционного законодательства стало принятие Федерального закона от 04 июня 2014 № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который с 4 августа 2014 г. установил обязанность граждан России подавать уведомления о наличии у них иного гражданства либо вида на жительство за рубежом.

Особое внимание закон уделил лицам, уже обладавшим на 4 августа 2014 г. иностранным гражданством (подданством), видом на жительство или иным документом, подтверждающим право на постоянное проживание в иностранном государстве. Для этих лиц был установлен специальный срок подачи уведомлений – до 3 октября 2014 г.

Этим же нормативным правовым актом законодатель усилил правовое регулирование данной сферы. В КоАП РФ была введена статья 19.8.3

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/485228-6> (дата обращения: 17.11.2025).

«Нарушение установленного порядка подачи уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве».

Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 330.2 «Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве».

Таким образом, разграничение административного правонарушения и преступления осуществляется по факту подачи/неподачи уведомления¹.

Уведомление подается в течение 60 календарных дней со дня приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения вида на жительство (ч. 6 ст. 11 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025), п. 3 Порядка подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, и уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в дипломатические представительства или консульские учреждения, утвержденного приказом МИД России от 23 октября 2023 г. № 21573). Гражданин Российской Федерации, не подавший уведомление в указанный срок в связи с нахождением за пределами России, обязан подать его не позднее 60 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию.

Анализируя правовую природу преступления, предусмотренного статьей 330.2 УК РФ, необходимо отметить, что его общественная опасность проявляется в том, что оно нарушает установленный Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) порядок контроля и надзора в сфере миграции. Неисполнение обязанности по уведомлению о наличии, приобретении гражданства

¹ Филиппов П. А. Уголовная ответственность за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве (ст. 330.2 УК РФ) // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3 А. С. 232.

(подданства) иностранного государства создает реальную угрозу интересам Российской Федерации в области государственной безопасности.

Процедура подачи соответствующих уведомлений строго регламентирована. Уведомления подаются по формам, приведенным в приложениях №№ 9, 10 к Положению о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации «Вопросы гражданства Российской Федерации» от 22 ноября 2023 г. № 889 (с изм. от 05.11.2025).

Порядок подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в Министерство внутренних дел Российской Федерации или его территориальные органы, в том числе в электронной форме, утвержден приказом МВД России от 20.09.2023 № 689.

Уведомление может быть подано представителем гражданина РФ, действующим на основании нотариально удостоверенной доверенности. Уведомления в отношении несовершеннолетних граждан или граждан, признанных недееспособными, подаются их законными представителями.

По юридической конструкции состав преступления, предусмотренный статьей 330.2 УК РФ, – формальный (не содержит указания на наступление преступных последствий). Соответственно, деяние выражено в бездействии, под которым понимается неисполнение гражданином Российской Федерации обязанности подать в МВД России или его территориальные органы, а в случае нахождения за пределами РФ – в дипломатическое представительство или консульское учреждение, уведомление о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

Преступление считается оконченным при установлении факта злостного уклонения от исполнения обязанностей¹. Иными словами, преступное деяние, предусмотренное статьей 330.2 УК РФ, – длящееся, временем его

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 564 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-18550-8. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 512. URL: <https://urait.ru/bcode/563340/p.512> (дата обращения: 17.11.2025).

окончания определяется момент установления правоохранительными органами факта совершения преступления или явка лица с повинной¹.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство. Им может быть также законный представитель несовершеннолетнего, а также недееспособного или не обладающего полной дееспособностью лица.

Как следует из частей 8, 9 статьи 11 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) гражданин РФ не подает уведомление, если он сообщил о наличии у него гражданства (подданства) иностранного государства при подаче заявления о приеме в гражданство РФ или о признании гражданином РФ, а также если он освобожден от такой обязанности федеральными конституционными законами, федеральными законами или международными договорами РФ.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется исключительно прямым умыслом поскольку состав является формальным. Виновный осознает общественную опасность своих действий – а именно, сознательно уклоняется от исполнения обязанности по подаче соответствующего уведомления, желает этого. При этом мотив и цель совершенного деяния на квалификацию не влияют.

Нарушение закона выражается не только в неисполнении обязанности уведомить о наличии гражданства иностранного государства и места жительства в нем, но и в случае множественного гражданства или наличия нескольких видов на жительство, если гражданин не сообщил хотя бы об одном из этих юридически значимых фактов².

Анализ судебной практики по делам в отношении граждан России, осужденных по статье 330.2 УК РФ, позволил выявить типичные аргументы правонарушителей в свою защиту. К ним преимущественно относятся: незнание требований федерального законодательства (хотя данная информация общедоступна); сознательное уклонение от предоставления сведений о втором гражданстве, подкрепленное различными оправданиями; ссылка на пропуск срока подачи уведомления по причинам, якобы независящим от обвиняемого (что не подтвердилось в ходе судебного разбирательства).

¹ Зарина А. М. Проблемы определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ: теоретический и практический аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-obektivnoy-storony-prestupleniya-predusmotrennogo-st-330-2-uk-rf-teoreticheskii-i-prakticheskii-aspekty> (дата обращения: 17.11.2025).

² Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 2 : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 3-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 379 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-21463-5. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 324. URL: <https://urait.ru/bcode/572249/p.324> (дата обращения: 17.11.2025).

Так, по приговору мирового судьи судебного участка № 92 Черноморского судебного района (Черноморский муниципальный район) Республики Крым от 20 декабря 2024 г., оставленным апелляционным постановлением Черноморского районного суда Республики Крым от 14 марта 2025 г. без изменения, Г. осуждена по статье 330.2 УК РФ, ей назначен штраф.

Судья судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 14 августа 2025 г. указанные судебные акты оставил без изменения, а жалобу адвоката Г. – без удовлетворения. В постановлении кассационной инстанции отмечено, что Г., будучи гражданином РФ и, получив паспорт иностранного государства (Украины), дающий ей право на постоянное проживание в этом иностранном государстве, в течение 60 дней не сообщила об этом в соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функции по контролю и надзору в сфере миграции по месту своего жительства в РФ.

Доводы кассационной жалобы о том, что по делу не установлены юридически значимые обстоятельства, признаны судом несостоятельными, поскольку паспорт гражданина Украины в доме Г. был обнаружен сотрудниками правоохранительными органами и она сама данный факт не оспаривает. Каким же конкретным образом паспорт гражданина Украины оказался в доме Г. (получила ли она его сама на территории Украины или паспорт ей привезли по месту жительства ее знакомые) значения для юридической оценки содеянного осужденной не имеет¹. Кроме того, в суде апелляционной инстанции Г. подтвердила, что она миграционные органы о получении ею паспорта гражданина Украины не проинформировала; свою вину в совершении преступления признала, просила суд о прекращении уголовного дела.

Судья судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции своим постановлением от 27 августа 2025 г. подтвердил законность апелляционного приговора Северного районного суда г. Орла. Согласно названному судебному акту, гражданин С. признан виновным по статье 330.2 УК РФ и приговорен к 240 часам обязательных работ. В ходе рассмотрения дела суд дал оценку позиции защиты, которая просила квалифицировать действия осужденного как административное правонарушение по статье 19.8.3 КоАП РФ (в связи с несвоевременной подачей уведомления о наличии гражданства США). Тем не менее, суд установил факт

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 августа 2025 г. по делу № 77-1980/2025 // Четвертый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39906504&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 17.11.2025).

умышленного неисполнения требований закона в течение длительного периода (с 2015 по 2024 гг.), что является основанием для привлечения к уголовной ответственности¹.

Приговором мирового судьи судебного участка № 18 Мирнинского района Республика Саха (Якутия) от 19 ноября 2024 г. Т. осужден по статье 330.2 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа.

Апелляционным постановлением Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 2024 г. указанный судебный акт оставлен без изменения, апелляционная жалоба защитника Т. – без удовлетворения.

В кассационной жалобе адвокат Т. просил отменить судебные решения. Указал, что Т. об обязанности направления уведомления о приобретении гражданства иностранного государства осведомлен не был, пересекал государственную границу Российской Федерации с паспортом иностранного государства открыто, полагал деяние малозначительным.

Девятый кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев материалы дела в кассационном порядке, оставила доводы жалобы без удовлетворения, приговор и апелляционное постановление – без изменения².

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что статья 330.2 УК РФ – важный элемент правового механизма, направленного на защиту национальной безопасности Российской Федерации. Формальный состав преступления, не требующий наступления материальных последствий, обусловлен его превентивной природой. Вместе с тем, в связи с возможными сложностями отграничения от административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.8.3 КоАП РФ, представляется необходимым принятие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Кроме того, особое профилактическое значение имеет систематическое информирование граждан РФ о порядке уведомления о наличии гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство, а также об административной и уголовной ответственности, предусмотренной статьями 19.8.3 КоАП РФ и 330.2 УК РФ, в целях предотвращения нарушений федерального законодательства о гражданстве.

¹ Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2025 по делу № 77-2718/2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42532603&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 17.11.2025).

² Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2025 по делу № 77-571/2025 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14186606&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 13.11.2025).

**СОВЕРШЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ КАК ЦЕЛЬ
СОЗДАНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН**

Кирилл Игоревич ТИМОЩУК

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kirill_timoshhuk@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты квалификации преступлений, связанных с участием в экстремистских и противоправных организациях и совершением противоправных деяний участниками таких организаций, в контексте их общественной опасности.

Анализируются составы преступлений, предусмотренных статьями 239, 282 и 282.1 УК РФ и необходимость разграничения составов указанных преступлений.

Обосновывается необходимость формирования правовых позиций Верховного Суда РФ как высшего судебного органа по уголовным делам. Указанные правовые позиции представляется целесообразным отразить в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ с целью повышения правоприменительной определенности и эффективности борьбы с экстремизмом, включая предложения по уточнению правил квалификации преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, организация экстремистского сообщества

Original article

**COMMITTING UNLAWFUL ACTS AS THE GOAL OF CREATING
A NON-PROFIT ORGANIZATION THAT ENCROACHES
ON THE PERSONALITY AND RIGHTS OF CITIZENS**

Kirill Ig. TYMOSHCHUK

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kirill_timoshhuk@rambler.ru

Abstract. The article examines the legal aspects of qualifying crimes related to participation in extremist and unlawful organizations and the commission of unlawful acts by members of such organizations, within the context of their public danger.

The paper analyzes the elements of crimes stipulated by Articles 239, 282, and 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the need to differentiate between the constituent elements of these crimes.

The necessity of forming legal positions by the Supreme Court of the Russian Federation as the highest judicial body for criminal cases is substantiated. These legal positions should be reflected in a corresponding Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The aim is to enhance legal certainty and the effectiveness of countering extremism, including through proposals for clarifying the rules for qualifying crimes.

Keywords: qualification of crimes, establishment of a non-profit organization that encroaches on the personality and rights of citizens, organization of an extremist community

Вопросы исследования цели создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, как совершения противоправных деяний, заслуживают особого внимания в современных условиях правоприменительной практики в силу высокой степени общественной опасности деяний, совершаемых руководителями и рядовыми членами таких организаций.

Следует отметить, что некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан, это не единственное возможное объединение, создаваемое с указанной целью, поэтому особую важность приобретает задача разграничения действий, ответственность за которые предусмотрена ст. 239 УК РФ, с рядом других статей уголовного законодательства с т.н. смежными составами преступлений. И если вопросы соотношения признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 239 и 284.1 УК РФ, уже становились предметом рассмотрения в других работах автора¹, то разграничение преступлений, предусмотренных статьей 239 от преступлений, предусмотренных статьями 282 и 282.1 УК, остаются весьма актуальными.

На первый взгляд, может показаться, что ст. 282 УК РФ, предусматривающая ответственность за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы

¹ Тимошук К. И. Соотношение признаков преступлений, предусмотренных статьями 239 и 284.1 УК РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 243–250.

лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», мало коррелируют с двумя другими рассматриваемыми составами преступлений.

Однако, п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ предусматривает ответственность за указанные деяния «группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», которые, в свою очередь, могут быть членами организаций, ответственность за создание и членство в которых предусматривается ст.ст. 239 и 282.1 УК РФ, что, безусловно, повышает общественную опасность указанных действий в сравнении с совершением таких действий единолично.

Наиболее очевидным формальным критерием для разграничения указанных деяний является расположение регламентирующих ответственность за их совершение статей в Уголовном кодексе Российской Федерации. В то время как ст. 239 УК РФ расположена в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», ст.ст. 282 и 282.1 УК РФ находятся в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», что вполне однозначно определяет различия в объектах преступного посягательства данных деяний.

На основании различия объектов преступного посягательства рассматриваемых деяний можно сделать вывод, что виновность одного лица в деянии, предусмотренном ст. 239 УК РФ, не исключает возможность наличия или отсутствия виновности этого же лица в деянии, за которое ответственность установлена в ст.ст. 282 и (или) 282.1 УК РФ.

Более того, вполне возможно смоделировать ситуацию, в которой одно и то же объединение может одновременно иметь формальные или реальные признаки и некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, и экстремистского сообщества, а члены такой организации могут совершать действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». И поскольку в данном случае не происходит поглощение одной нормы другой по принципу соотнесения как общего с частным – вполне допускается участие в такой организации или руководство ею, а также

совершение указанных действий, квалифицировать в соответствии со ст. 17 УК РФ по совокупности преступлений.

Как уже отмечалось ранее¹, в главе 29 УК РФ преступления в основном классифицированы по характеристикам объектов. И если мы предпримем попытку вникнуть в логику законодателя, то размещение ст. 282 и 282.1 УК РФ между ст.ст. 281 и 283 УК РФ («Диверсия» и «Разглашение государственной тайны» соответственно), на первый взгляд, может указывать на сходный объект посягательства. Однако, при анализе содержания ст.ст. 282 и 282.1 УК РФ становится очевидно, что там отсутствуют прямые упоминания о защите экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации или защите государственной тайны.

Тем не менее, представляется обоснованным утверждение о том, что в широком смысле у всех деяний, предусмотренных рассматриваемыми статьями УК РФ, объектом преступного посягательства, в конечном счете, является безопасность общества и государства.

Так, Атабаева К. А. пишет, что рассматривая ч. 1 ст. 282 УК РФ, можно установить два объекта преступного посягательства для данного деяния – достоинство человека и достоинство группы лиц, но в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ в качестве охраняемого государством объекта указано достоинство личности, что расширяет круг предполагаемых для данного деяния объектов преступного посягательства².

В свою очередь, Латыпова Д. М. указывает на то, что принцип недопустимости каких-либо ограничений по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе является непосредственным объектом исследуемого состава³.

Аналогичной в формулировке данного аспекта является позиция Жеребченко А. В., который под непосредственным объектом преступления понимает отношения, складывающиеся по поводу межгруппового согласия и единства в социуме⁴.

Латыпова Д. М. также пишет, что дополнительным объектом в части второй исследуемой нормы могут выступать отношения, обеспечивающие

¹ Тимошук К. И. Соотношение признаков преступлений, предусмотренных статьями 239 и 284.1 УК РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 243–250.

² Атабаева К. А. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 200–201.

³ Латыпова Д. М. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 551–554.

⁴ Жеребченко А. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

здоровье личности, поскольку она предусматривает насильственный способ совершения данного преступления, а унижение достоинства личности или группы лиц может выражаться в оскорбительных высказываниях по поводу принадлежности лиц к какой-либо социальной общности, составляющей объект преступного посягательства нормы ст. 282 УК РФ¹.

Наибольшие дискуссии вызывают признаки объективной стороны состава, предусмотренные в диспозиции ст. 282 УК РФ². Так, например, Потапов Д.П. пишет, что объективная сторона преступления предполагает совершение таких действий (действий) лица, целью которых может выступать стремление породить в другом человеке негативное отношение в виде ненависти и вражды к другой группе лиц³.

В свою очередь, Коба Т. С. пишет, что объективная сторона в соответствии с диспозицией статьи 282 УК РФ рассматриваемого преступного деяния может быть выполнена только путем активного поведения, то есть, в первом случае, действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, во втором – действий, направленных на унижение достоинства человека по тем же признакам, совершенных публично или в сети «Интернет».

Некоторыми учеными выдвинут еще один – более узкий подход к объективной стороне данного состава преступления, который состоит в том, что объективная сторона данного деяния заключается в оказании активного воздействия на людей «с целью побуждения их к совершению определенных действий, зарождению у них решимости и стремления совершить определенные действия или же способствования уже существующему намерению».

Такой подход по мнению Кобы Т. С. представляется не совсем верным. Автор указывает, что в случае рассмотрения объективной стороны таким образом, становится непонятной граница между ст. 280 и 282 УК РФ.

Коба Т. С. также отмечает, что если следовать данной позиции, то происходит размытие данных составов со статьей, предусматривающей подстрекательство к совершению преступлений экстремистской направленности, и, таким образом, представляется, что объективная сторона рассматриваемого деяния не может выражаться в склонении к совершению каких-либо определенных действий⁴.

¹ Латыпова Д. М. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 551–554.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : Научное издание / под. ред. А. И. Рапрог 13-е издание. Москва : Проспект, 2022. 992 с.

³ Потапов Д. П. Некоторые вопросы квалификации ст. 282 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13–2. С. 66–68.

⁴ Коба Т. С. Проблемы квалификации объективной стороны по статье 282 УК РФ, предусматривающей наказание за Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

Латыпова Д.М. также пишет, что конструктивным признаком субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ является факт привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, но при этом квалифицированный состав исследуемого преступления такого признака не содержит, а указание на признаки специального субъекта в ч. 1 ст. 282 УК РФ переводит первично совершаемое исследуемое деяние в разряд менее общественно опасных административных правонарушений, что не соответствует тяжести и общественной опасности содеянного.

В то же время, автор указывает на то, что субъективная сторона преступления обозначена прямым умыслом, действия субъекта должны быть направлены на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства по признакам состава, а интеллектуальный критерий прямого умысла выражен в осознании преступником направленности своих действий, и, таким образом, доказанность данного критерия определяет возможность привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ¹.

В свою очередь Аравина А. А. пишет, что субъективная сторона преступления определяется наличием прямого умысла и целью – возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также отношения к какой-либо социальной группе².

Автор также ссылается на то, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» подчеркивается, что размещение экстремистского материала в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, может быть признано преступлением по ст. 282 УК РФ только в тех случаях, когда будет доказано, что лицо имело упомянутую выше цель.

Коба Т. С. в свою очередь указывает на то, что юридическая норма, которая содержится в статье 282 УК РФ, направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков, и устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц, в связи с чем конституционные права граждан не нарушает, а охраняет,

посредством сети «Интернет» // NovaUm.Ru. 2021. № 29. С. 60–62.

¹ Латыпова Д. М. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 551–554.

² Аравина, А. А. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, совершенного в сети Интернет // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 5(74). С. 416–422.

поэтому в доктринальных положениях и на практике не возникает вопросов при определении субъективной стороны¹.

Переходя к элементам состава преступления, ответственность за совершение которого предусматривается ст. 282.1 УК РФ, следует привести мнение П.В. Максимова о том, что в качестве основного непосредственного объекта преступления можно выделить комплекс общественных отношений, обеспечивающих в соответствии со ст. 13 Конституции РФ право на равенство всех перед законом, а также в соответствии со ст. 19 Конституции РФ право на политическую и идеологическую свободу, а дополнительным непосредственным объектом преступления будут считаться отношения, обеспечивающие общественную безопасность².

Князькина А. К. пишет, что деяние, запрещенное ч. 2 ст. 282.1 УК, с объективной стороны характеризуется совершением действия – участие в экстремистском сообществе, под которым надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества и участие в подготовке к совершению одного или нескольких преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение указанных преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т. п.)³.

В свою очередь Зубалова О.А. указывает на то, что объективную сторону ст. 282.1 УК РФ характеризует любое из следующих действий: создание экстремистского сообщества; руководство экстремистским сообществом; руководство частью экстремистского сообщества или входящими в такое сообщество структурными подразделениями; и создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества; а создание экстремистского сообщества с объективной стороны выражается, прежде всего, в организационной деятельности, а также: в вовлечении других лиц с определением их ролей в составе данного формирования; в обеспечении иных благоприятных условий для совершения преступлений экстремистской направленности; и в объединении существующих преступных групп для совершения выше-названных преступлений⁴.

¹ Коба Т. С. Проблемы квалификации объективной стороны по статье 282 УК РФ, предусматривающей наказание за Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства посредством сети «Интернет» // NovaUm.Ru. 2021. № 29. С. 60–62.

² Максимов П. В. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 69–71.

³ Князькина А. К. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ): соотношение составов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2016. № 3(28). С. 23–26.

⁴ Зубалова О. А. Особенности привлечения к уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) // Общество и право. 2009. № 3(25). С. 121–124.

Князькина А. К. также пишет, что субъективная сторона организации экстремистского сообщества характеризуется прямым умыслом и специальной целью, а при создании экстремистского сообщества эта цель состоит в подготовке или совершении преступлений экстремистской направленности, для иных форм совершения данного преступления она характеризуется разработкой планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности, и кроме того, организаторы и руководители этого сообщества должны быть объединены общим умыслом на подготовку либо совершение преступлений экстремистской направленности при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему¹.

Наконец, следует отметить, что по вопросам, связанным с субъектом преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, в научной литературе не наблюдается разночтений, все авторы сходятся в мнении о том, что субъект данного преступления общий – вменяемое лицо, достигшее 14 лет.

Таким образом, существует необходимость в подготовке постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое бы разъясняло квалификацию и разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 239, 282 и 282.1 УК РФ.

Квалификация действий лица по статье 239 УК РФ не исключает возможности признания его виновным в преступлениях, предусмотренных статьями 282 и 282.1 УК РФ, поскольку одно и то же объединение может одновременно обладать признаками некоммерческой организации, нарушающей права граждан, и экстремистского сообщества, а его участники могут совершать действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Участие в такой организации или руководство ею может быть квалифицировано по совокупности преступлений в соответствии со статьей 17 УК РФ, равно как и совершение указанных действий при учете участия в такой организации или руководства ею.

¹ Князькина А. К. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ): соотношение составов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2016. № 3(28). С. 23–26.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Алексей Александрович ХОДУСОВ

Международный юридический институт, Москва, Россия,
yustas-73@mail.ru

Аннотация. В статье представлена позиция автора о том, что в современных условиях система преступлений, посягающих на социальные права граждан, нуждается в адаптации к происходящим изменениям в обществе.

Автор исходит из того, что система преступлений, посягающих на социальные права граждан, обусловлена имеющими место общественно опасными формами социального поведения, посягающими на наиболее важные права и свободы человека и гражданина.

Приводится классификация преступлений в сфере социального обеспечения по основным объектам их преступного посягательства; сделан вывод о том, что уголовно-правовая охрана социальных прав и гарантий является комплексным правовым механизмом, обеспечивающим защиту наиболее значимых социальных ценностей и интересов.

Предложен комплекс мер по нейтрализации новых вызовов в цифровую эпоху и обеспечения оптимизации и совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, система преступлений, уголовно-правовая охрана, граждане, социальные права и гарантии, правовой механизм

Original article

ON IMPROVING THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS

Alexey A. KHODUSOV

International Law Institute, Moscow, Russia, yustas-73@mail.ru

Abstract. The article presents the author's position that in modern conditions, the system of crimes that infringe on the social rights of citizens needs to adapt to the ongoing changes in society.

The author proceeds from the fact that the system of crimes that infringe on the social rights of citizens is conditioned by socially dangerous forms of social behavior that infringe on the most important human and civil rights and freedoms.

The classification of crimes in the field of social security according to the main objects of their criminal encroachment is given; it is concluded that the criminal protection of social rights and guarantees is a comprehensive legal mechanism that protects the most significant social values and interests.

A set of measures is proposed to neutralize new challenges in the digital age and ensure the optimization and improvement of current legislation.

Keywords: criminal policy, crime system, criminal law protection, citizens, social rights and guarantees, legal mechanism

В современных условиях система преступлений, посягающих на социальные права граждан, нуждается в адаптации к происходящим изменениям в обществе: цифровизации всех сторон жизни, трансформации существующих тенденций в противоправной деятельности в социальной сфере, в интеграции с конституционными положениями.

При этом в такой сложной системе, которой является социальная и экономическая система Российской Федерации, практически невозможно представить себе деятельность и сферу деятельности государства и экономически значимых субъектов, не имеющей социально-политического значения, а в случае совершения преступлений и общественно опасных последствий, распространяющихся на многие сферы жизни общества.

В подпункте 1 пункта 5 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» следует обратить внимание на то, что национальная безопасность Российской Федерации определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Существующие в настоящее время приговоры, иные судебные решения (например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2013 № 710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гончаровой Елены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав статьей 201 Уголовного кодекса Российской Федерации»), иные фактические обстоятельства со всей очевидностью свидетельствуют об этом.

Таким образом, в процессе уголовно-правовой охраны социальных прав граждан необходимо обращать внимание на тесную взаимосвязь

между общественными отношениями, охраняющими социально-экономические права граждан и общественные отношения, охраняющие интересы государства, в том числе основы конституционного строя и безопасность государства.

Несмотря на солидную теоретическую базу, в научном юридическом дискурсе в цифровую эпоху сохраняется определенные пробелы. Существующие исследования фрагментарны и не предлагают целостной модели для создания правового поля для развития общества в условиях нового технологического уклада.

С учетом имеющихся в литературе¹ суждений, система преступлений, посягающих на социальные права граждан, обусловлена имеющими место общественно опасными формами социального поведения, посягающими на наиболее важные права и свободы человека и гражданина, и включает:

а) Преступления, посягающие на личные (гражданские) права (право на жизнь; права на материнство, детство и семью; право отцовства, инвалидов и пожилых граждан; против достоинства личности; право свободы и личной неприкосновенности; против неприкосновенности частной жизни; право неприкосновенности жилища; право свободы слова и мысли; против свободы совести (вероисповедания); право свободы передвижения; цифровые права).

б) Преступления, посягающие на политические права (право свободы участия в общественных объединениях; право свободы участия в собраниях, митингах, забастовках; право свободы участия в управлении государственными делами; право на обращения; право на свободу информации и участия в средствах массовой информации).

в) Преступления, посягающие на социально-экономические права (право на свободу предпринимательства; право на частную собственность; трудовые права; право на охрану здоровья; право на благоприятную окружающую среду; право на образование; право на свободу использования валюты, в т.ч. цифровой; право обеспечения кибербезопасности).

г) Преступления, посягающие на социокультурные права (право на участие в культурной жизни, искусстве и научном творчестве; право на свободу творчества; право на свободу участия в туристических мероприятиях; право на свободу участия в спортивной жизни (спортивных соревнованиях)).

¹ Гайсина А. В. Система защиты прав человека в современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Екатеринбург. 2004. 19 с.; Ермолаев А. В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2009. 26 с.; Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. М. 2000. 53 с.; Челохсаев О. З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 26 с.

Преступления в сфере социального обеспечения по основным объектам их преступного посягательства можно классифицировать следующим образом:

А) Преступления, первично направленные против государственной и муниципальной собственности (бюджетных средств) – характеризуются: а) ключевым составом (ст. 159.2 УК РФ — Мошенничество при получении выплат); б) сущностью посягательства: прямое хищение денежных средств из бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов путем обмана или злоупотребления доверием; с) конкретными проявлениями (получением пособия по безработице при сокрытии факта трудоустройства; получение пособий по временной нетрудоспособности по фиктивным больничным листам; получением пенсий и выплат по поддельным документам об инвалидности; незаконным обналичиванием средств материнского капитала через фиктивные сделки).

Б) Преступления, первично направленные против интересов государственной службы и установленного порядка управления – характеризуются: а) ключевыми составами (ст. 285.1 УК РФ – Нецелевое расходование бюджетных средств и ст. 285 УК РФ – Злоупотребление должностными полномочиями); б) сущностью посягательства: деяния, которые нарушают нормальную, регламентированную законом работу государственных органов и учреждений по распределению и использованию ресурсов, не обязательно связанные с непосредственным хищением; с) конкретными проявлениями (нецелевое использование денег, выделенных на закупку продуктовых наборов для нуждающихся; коррупционное внесение изменений в списки очередников на жилищные субсидии, нарушающее установленный порядок их предоставления; использование должностным лицом своих полномочий в МСЭ для незаконной выдачи справок об инвалидности).

В) Преступления, направленные против прав и законных интересов граждан – характеризуются: а) ключевым объектом (второстепенный или дополнительный): законные права граждан на получение социальной защиты и поддержки; б) сущностью посягательства: данный объект нарушается опосредованно, как следствие преступлений первых двух типов. Когда средства расхищаются или используются нецелевым образом, это автоматически ущемляет права тех, кто имеет законное право на эту помощь; с) конкретными проявлениями (одинокие пенсионеры недополучили полноценные продуктовые наборы из-за их нецелевой закупки; молодые семьи, стоящие в очереди на жилье, были отодвинуты из-за коррупционных схем чиновника; инвалиды сталкиваются с подозрительным отношением и проверками из-за распространенности мошеннических схем с поддельными справками).

В большей степени в научной литературе обращается внимание на необходимость оценки эффективности современной уголовной политики по охране экономических отношений с использованием цифровых технологий. Авторы подчеркивают, что цифровизация требует не только технологических, но и правовых инноваций, обеспечивающих адекватную защиту социальных прав в новых условиях¹.

Так, например, А. В. Наумов отмечает необходимость корректировки содержания уголовно-правового и криминологического понятия общественной опасности в новых геополитических условиях. Автор подчеркивает, что традиционные подходы к оценке общественной опасности деяний, посягающих на социальные права, не всегда учитывают специфику современных угроз, связанных с цифровизацией, глобализацией и иными процессами².

В ряде источников обосновывается идея о необходимости переосмысления традиционных подходов к определению объекта уголовно-правовой охраны в условиях цифровизации. Выдвигается тезис о том, что цифровые технологии не только создают новые риски, но и открывают новые возможности для эффективной защиты социальных прав, при этом отмечаются изменения характера и масштаба общественной опасности посягательств³.

Проведенный анализ научных исследований позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовая охрана социальных прав и гарантий является комплексным правовым механизмом, обеспечивающим защиту наиболее значимых социальных ценностей и интересов. Эффективность данного механизма зависит от ряда факторов, включая научную обоснованность криминализации деяний, адекватность уголовно-правового реагирования степени их общественной опасности, а также учет новых вызовов, связанных с цифровизацией.

Трансформация общественных отношений формирует новые вызовы, которые пока не получили адекватного правового отражения в системе уголовного права. В частности, необходимо отметить, что остаются не урегулированными в достаточной степени вопросы киберпреступлений, направ-

¹ Денисов Н. Оценка эффективности современной уголовной политики по охране экономических отношений с использованием цифровых технологий // Современные исследования проблем борьбы с экономической преступностью: состояние и направления развития. Сборник научных трудов. М., 2024. С. 36–41 и др.

² Наумов А. В. Корректировка содержания уголовно-правового и криминологического понятия общественной опасности деяния в новых геополитических условиях // В сборнике: Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии. Материалы XIV Российского конгресса уголовного права. М., 2024. С. 85–88.

³ Лопатина Т. М., Русскевич Е. А. Интеллектуальная собственность и цифровизация: уголовно-правовой взгляд // Вестник российской правовой академии, 2022. № 3. С. 76–83; Серебряникова А. В., Лебедев М. В. Уголовное право в эпоху цифровых технологий // Союз криминалистов и кримиологов, 2020. № 4. С. 65–69; Сазонова М. Уголовно-правовые риски в условиях цифровизации: способы противодействия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1443692/?ysclid=mffizhd2jk482217716> и др.

ленных против граждан, особенно против пенсионеров и детей. К ним относятся: мошенничество с недвижимостью, вовлечение в деструктивные интернет-сообщества, распространение материалов, угрожающих психическому развитию, и эксплуатация цифровых платформ для совершения преступлений сексуального характера и др.

В целях нейтрализации новых вызовов в цифровую эпоху и обеспечения оптимизации и совершенствования действующего законодательства целесообразно, по нашему мнению, реализовать следующий комплекс мер:

- Провести конкретизацию элементов составов преступлений, направленных против социальных прав граждан с использованием цифровых технологий, исключив при этом оценочные категории, что позволит повысить правовую определенность.

- Необходимо введение специальных квалифицирующих признаков в ст. 150 УК РФ и др., когда вовлечение в противоправные деяния происходит через сеть «Интернет» или иные ИКТ-сети; усовершенствование правового регулирования незаконного оборота персональных данных детей (уже есть законопроект) и ответственности за создание/распространение вредоносного контента.

- Дополнить уголовное законодательство положениями, регламентирующими ответственность за новые формы преступных посягательств, включая киберугрозы и другие противоправные действия в цифровой среде.

- Разработать комплексную межотраслевую стратегию защиты несовершеннолетних, инкорпорирующую как меры уголовно-правового воздействия, так и эффективные механизмы превенции и социальной профилактики. Защита малообеспеченных, семьи и несовершеннолетних должна сочетать уголовно-правовые меры с профилактикой: меры социальной поддержки семей, образовательные программы, цифровую безопасность, психологическую помощь.

Реализация данных предложений может быть положено в основу формирования концепции социального государства в цифровую эпоху, как систему механизмов уголовно-правовой охраны социальных прав и гарантий, включающая следующие уровни:

1. Нормативно-правовой уровень, включающий систему уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за посягательства на социальные права и гарантии. Данный уровень предполагает научно обоснованную криминализацию деяний, дифференциацию ответственности с учетом степени их общественной опасности, а также своевременную корректировку уголовного законодательства с учетом новых угроз и вызовов в цифровую эпоху.

2. Институциональный уровень, включающий систему государственных и общественных институтов, обеспечивающих реализацию уголовно-правовой охраны социальных прав. Данный уровень предполагает эффективное функционирование правоохранительных органов, специализирующихся на защите социальных прав, а также взаимодействие государственных и общественных институтов в цифровую эпоху.

3. Информационно-аналитический уровень, включающий систему мониторинга состояния социальных прав и эффективности их уголовно-правовой охраны. Данный уровень предполагает сбор и анализ информации о нарушениях социальных прав, оценку эффективности уголовно-правовых механизмов их защиты, а также прогнозирование новых угроз цифровой эпохи.

4. Превентивный уровень, включающий систему мер по предупреждению преступлений в сфере социальных прав. Данный уровень предполагает профилактику правонарушений, правовое просвещение населения, а также устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений в цифровую эпоху.

5. Международно-правовой уровень, включающий систему международного сотрудничества в сфере уголовно-правовой охраны социальных прав. Данный уровень предполагает гармонизацию национальных подходов к уголовно-правовой охране социальных прав, развитие международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональным преступлениям, а также учет международных стандартов в национальной уголовной политике.

Предложенная систематизация позволяет комплексно подходить к совершенствованию уголовно-правовой охраны социальных прав и гарантий, учитывая как традиционные аспекты данной проблематики, так и новые вызовы, угрозы, возникающие в эпоху цифровизации. Дальнейшее развитие механизмов уголовно-правовой охраны социальных прав требует углубленного научного анализа, учета международного опыта, а также адаптации к реалиям цифровой эпохи.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анна Михайловна ЧИХРАДЗЕ

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, Anna.chikhradze@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется концепция уголовно-правовой охраны здоровья применительно к задачам национальной безопасности, а также пути ее трансформации. Проведен анализ механизма уголовно-правовой защиты здоровья как индивидуального и публичного блага.

Сделан вывод о необходимости углубленного переосмысления под влиянием современных биологических, экологических, техногенных, цифровых и социальных вызовов мер уголовно-правового реагирования за посягательство на здоровье.

Обосновывается необходимость системного подхода, при котором здоровье индивидуальное, а также здоровье населения рассматривается в качестве стратегического ресурса государственной устойчивости и гаранта реализации конституционных ценностей.

Ключевые слова: здоровье, уголовное право, национальная безопасность, социальное государство, формальный состав преступления

Original article

CRIMINAL PROTECTION OF HEALTH IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

Anna M. CHIKHRADZE

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, Anna.chikhradze@mail.ru

Abstract. This article analyzes the concept of criminal law protection of health in relation to national security objectives, as well as ways to transform it. It examines the mechanism of criminal law protection of health as an individual and public good. It concludes that a comprehensive rethinking of criminal law responses to attacks on health is necessary, in light of modern biological, environmental, technological, digital, and social challenges. It substantiates the need for

a systemic approach that considers individual and public health as a strategic resource for national sustainability and a guarantor of the implementation of constitutional values.

Keywords: health, criminal law, national security, welfare state, formal elements of a crime

Здоровье человека – одно из фундаментальных благ и ценностей, признаваемых как обществом, так и государством. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание и защиту – обязанностью государства (ст. 2). Более того, Основной Закон устанавливает, что в России «охраняется здоровье людей» (ч. 2 ст. 7) и предусматривает ответственность должностных лиц за сокрытие фактов, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41).

В исключительных случаях допустимо ограничение права и свобод законом – в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Эти положения Конституции прямо подчеркивают значимость здоровья как социальной ценности наряду с иными конституционно защищаемыми благами.

Важно отметить, что понятие здоровья в современном мире трактуется широко и интегрально. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, «здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов»¹.

Таким образом, охрана здоровья включает в себя не только предотвращение заболеваний и травм, но и поддержание общего благополучия личности и населения. Здоровье выступает как личное благо каждого человека и одновременно благополучие общества и государства в целом. Так, в Стратегии национальной безопасности России здоровье нации отнесено к стратегическим приоритетам: отмечается, что решение демографических, социально-экономических и оборонных задач невозможны без обеспечения здоровья населения². Иными словами, здоровье – стратегическое благо, во многом определяющее устойчивое развитие страны и ее безопасность.

В этих условиях уголовно-правовая охрана здоровья приобретает особое значение. Уголовное законодательство традиционно направлено на защиту

¹ <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 03.12.2025).

URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22061> (дата обращения: 03.12.2025).

² Здравоохранение как стратегическая цель обеспечения национальной безопасности // Образовательный портал «Справочник». Дата последнего обновления статьи: 29.01.2025. URL https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/zdravoohranenie_kak_strategicheskaya_cel_obespecheniya_nacionalnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 03.12.2025).

наиболее важных благ и прав человека – жизни, здоровья, чести, достоинства, неприкосновенности, свободы и т. д. Жизнь и здоровье закономерно стоят в первом ряду объектов уголовно-правовой охраны: как подчеркивают исследователи, право на жизнь и право на здоровье относятся к числу особо ценных объектов уголовно-правовой защиты¹.

Уголовный кодекс Российской Федерации системно располагает преступления против личности на первом месте (раздел VII Особенной части), согласно конституционному признанию приоритета общечеловеческих ценностей.

В главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» закон сконцентрировал нормы, защищающие жизнь человека и его физическое благополучие – то есть индивидуальное здоровье. Одновременно в другом разделе УК (Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка») выделена глава 25, объединяющая преступления против здоровья населения и общественной нравственности, призванные охранять санитарно-эпидемиологическое благополучие общества, моральные устои и иные коллективные ценности.

Подобное двойственное положение здоровья – как блага отдельного человека и как блага публичного, требует отдельного анализа. В контексте представленной работы, целью является анализ действующих уголовно-правовых механизмов защиты здоровья личности и здоровья населения, показать их конституционно-правовое обоснование и значение для обеспечения государственной безопасности. Особое внимание уделяется обоснованию тезиса о здоровье как стратегическом благе, нуждающемся в усиленной уголовно-правовой охране в современных условиях.

На уровне принципов конституционного строя здоровье рассматривается государством одновременно как личное благо гражданина, и как публичная ценность, оказывающая воздействие на общественное благополучие и безопасность.

В статье 7 Конституции РФ провозглашено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена, в том числе, на охрану здоровья людей. Глава 2 Конституции закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) и обязывает государство создавать условия для осуществления этого права.

Реализация данного конституционного права непосредственно связана с обязанностью государства предотвращать и пресекать посягательства на здоровье – в том числе с помощью уголовно-правовых средств. Как справедливо отмечается в научной литературе, важнейшая задача государства –

¹ Векленко, В. В. Об определении понятия «преступления против здоровья человека» / В. В. Векленко, М. И. Галюкова // Российский судья. 2014. № 2. С. 10–13.

охрана прав личности, включая право на здоровье, гарантированное Конституцией¹. Именно охрана здоровья является элементом концепции обеспечения правового статуса личности.

Одновременно с этим здоровье признается условием национальной безопасности государства. В стратегических документах подчеркивается прямая взаимосвязь между состоянием системы здравоохранения, демографической ситуацией и обороноспособностью государства².

Так, в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 здоровье нации и развитие человеческого потенциала отнесены к приоритетным национальным интересам. Обеспечение роста численности населения, увеличение продолжительности и качества жизни граждан названо стратегической целью государственной политики. Иными словами, здоровье выходит за рамки сугубо частного блага, приобретая значение общенационального ресурса.

Уголовно-правовая охрана здоровья должна рассматриваться как один из наиболее важных механизмов реализации конституционных ценностей и поддержания общественной безопасности.

Уголовный кодекс РФ в ст. 2 формулирует задачи уголовного закона — охрана прав и свобод человека и гражданина, имущества, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя, мира и безопасности человечества.

Хотя непосредственно понятие «здоровье» в данном перечне не названо, оно несомненно подпадает под охрану как одно из основных благ личности (право человека) и как элемент общественной безопасности (санитарно-эпидемиологическое благополучие населения). В доктрине уголовного права акцентируется, что при анализе объекта преступления необходимо учитывать и реальные блага, которым причиняется ущерб. Произошел

¹ Напр.: Кудрявцев В. Л. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 3 (9). С. 89–100; Лопашенко Н. А. Общая характеристика преступлений против здоровья населения и общественной нравственности и их система // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М.: Инфра-М, 2005; Иногамова-Хегай Л. В. Понятие и виды преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. Изд. доп. / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2005; Полубинская С. В. Понятие и виды преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004.

² Здравоохранение как стратегическая цель обеспечения национальной безопасности // Образовательный портал «Справочник». Дата последнего обновления статьи: 29.01.2025. URL https://spravochnik.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/zdravooohranenie_kak_strategicheskaya_cel_obespecheniya_nacionalnoy_bezопасnosti/ (дата обращения: 03.12.2025).

своеобразный поворот теории к признанию того, что здоровье – это конкретное правовое благо, нуждающееся в самостоятельной защите¹ при чем как в индивидуальном (биологическом), так и социальном измерении.

Здоровье человека можно определить, как естественную биологическую ценность, принадлежащую каждому от рождения, и как условие реализации все других прав (труд, образование, участие в жизни общества). Поэтому охрана здоровья находится на стыке охраны личности и охраны публичных интересов.

Таким образом, здоровье – это конституционно значимое благо, без обеспечения которого невозможно не полноценное осуществление прав человека, ни стабильное развитие общества и государства. Эта двойственная природа здоровья отражается и в уголовном законодательстве, которое предусматривает дифференцированные средства защиты: одни – от посягательств на здоровье отдельного человека, другие – от деяний, ставящих под угрозу здоровье неопределенного круга лиц.

Индивидуальное здоровье охраняется уголовным законом прежде всего через нормы главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Наряду с жизнью как абсолютной ценностью, здоровье человека признается уголовным правом одним из важнейших благ, принадлежащих каждому индивиду. Видовым объектом преступлений главы 16 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность жизни и здоровья человека. Иначе говоря, закон защищает телесную целостность, физическое и психическое благополучие личности от преступных посягательств в ст. 111, 112, 113, 115, 118, 121, 122, 123, 124, 125 УК РФ.

Перечисленные уголовно-правовые нормы формируют комплексную систему защиты личного здоровья средствами уголовного права. Их роднит то, что объектом выступает здоровье конкретного индивида (или нескольких определенных лиц). Эти составы преступлений имеют, как правило, материальный характер – то есть для привлечения к уголовной ответственности необходимо наступление определенного вредного последствия.

Уголовно-правовая охрана здоровья в указанном контексте исторически строилась по результатному принципу. Однако уже в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) мы видим формальный состав: преступление окончено в момент высказывания реальной угрозы, не требуется, чтобы угрозе последовал реальный вред².

¹ Галюкова М. И. Здоровье человека как приоритетный объект уголовно-правовой охраны // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 1. С. 49–50.

² Федышина П. В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений // КриминалистЪ. 2015. №1(16). С. 16–19.

В целом же по отношению к здоровью отдельного человека уголовный закон пока преимущественно реагирует на уже причиненный вред, хотя нам представляется, что это направление требует проактивной (превентивной) защиты. Подобная эволюция законодательства оправдана тем, что здоровье – полностью невозполнимое, стратегически важнейшее благо в современных социальных условиях, чтобы ждать наступления непоправимого ущерба¹.

Здоровье населения – это сложное комплексное понятие, охватывающее санитарно-эпидемиологическое благополучие общества, отсутствие массовых угроз для жизни и здоровья граждан, контроль над опасными для здоровья факторами среды.

Уголовное право отражает установки Конституции РФ и федеральных законов относительно охраны здоровья населения, предусматривая специальную главу 25 – «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» — которая объединяет деяния, посягающие на здоровье неопределенного круга лиц, общественную нравственность и связанные сферы. Эта глава находится в разделе о преступлениях против общественной безопасности, что подчеркивает: рассматриваемые преступления угрожают именно коллективным интересам, публичной безопасности. Их общественная опасность заключается в том, что они посягают на здоровье неопределенного круга лиц, т.е. затрагивают потенциально любого и каждого члена общества.

Преступления против здоровья весьма разнородны по своему характеру. Можно выделить несколько основных групп деяний, входящих в эту главу УК РФ:

1. Преступления, связанные с незаконным оборотом веществ, опасных для здоровья населения (ст. 228, 228.1, 230, 232, 233, 234 УК РФ);
2. Преступления, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил и безопасностью продуктов/услуг (ст. 236, 237, 238 УК РФ);
3. преступления, связанные с нарушением правил медицинской деятельности и обращения с биологическими материалами (ст. 235 УК РФ);
4. преступления против общественной нравственности с аспектом охраны здоровья.

Уголовно-правовая охрана здоровья населения характеризуется превентивной направленностью и широким использованием формальных составов преступлений, то есть объективная сторона исчерпывается совершением деяния. В то же время, некоторые преступления этой главы до недавнего времени имели материальный состав – в частности ст. 236 УК РФ

¹ Векленко В. В., Чихрадзе А. М. Уголовно-правовая оценка вреда здоровью в условиях изменения научной парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 124–133.

(Нарушение санитарных правил). После внесения изменений в уголовный закон в 2020 году, нарушение санитарных правил фактически стало включать в себя формально-конкретизированный состав (создание угрозы эпидемии).

Таким образом, наблюдаем тенденцию: усиление уголовно-правовой охраны здоровья населения идет по пути превентивной криминализации деяний, создающих опасность для здоровья. Это подчеркивает: охрана здоровья – задача комплексная, и уголовная ответственность занимает в ней место крайнего средства (*ultima ratio*), применяемого при самых серьезных нарушениях, когда иные меры недостаточны.

Исследовав оба аспекта – индивидуальный и общественный – можно убедиться, что здоровье в действующем праве подлежит многогранной защите. Тем не менее, современные реалии (пандемии, биологические угрозы, техногенные катастрофы) ставят вопрос о дальнейшем ее укреплении.

Если жизнь традиционно считается высшей ценностью, требующей максимальной защиты, то сегодня приходит осознание также и того, что здоровье – не только частное благо, а стратегический ресурс общества. Без здоровой нации не представляется невозможным обеспечить экономический рост, оборону, научно-технический прогресс.

Поэтому уголовно-правовая политика должна развиваться в направлении повышения приоритета здоровья среди охраняемых благ. Одним из проявлений этого является отмеченная тенденция перехода от наказания лишь за причиненный вред к ответственности за само деяния либо создание угрозы здоровью. По тому же пути видится целесообразным пересмотр ряда составов преступлений, посягающих не только на здоровье населения, но и индивидуальное здоровье граждан, особенно в контексте целей Стратегии национальной безопасности нашего государства.

Рассмотрев уголовно-правовую охраны здоровья личности и населения в контексте конституционных ценностей и безопасности государства можно сформулировать ряд выводов. Прежде всего, здоровье – это не просто медицинское понятие, а юридически значимое благо, охраняемое и Конституцией, и уголовным законом. На уровне конституционных принципов здоровье отнесено к высшим ценностям (ст. 7, 41, 55 Конституции РФ), а его защита признается условием обеспечения основ конституционного строя и самого существования государства.

Уголовное законодательство РФ последовательно защищает здоровье как индивидуальное благо (через нормы о преступлениях против личности), так и общественное благо (через нормы о преступлениях против здоровья населения).

Анализ показал, что эти две группы норм дополняют друг друга, образуя целостный механизм охраны здоровья на разных уровнях. Преступления

против здоровья отдельной личности непосредственно посягают на телесную и психическую неприкосновенность индивида – уголовный закон реагирует здесь преимущественно на факт причинения вреда, дифференцируя ответственность в зависимости от тяжести последствий. Преступления же против здоровья населения нацелены на предотвращение массового ущерба, и активно используются формальные составы, где наказуем сам факт совершения общественно опасного деяния.

Особого внимания заслуживает вывод о стратегическом характере блага здоровья. В современных условиях здоровье граждан приобретает значение фактора национальной безопасности, экономической и социально-демографической устойчивости страны. Это обосновывает необходимость его усиленной уголовно-правовой охраны.

Речь идет о том, чтобы уголовное право не ограничивалось реакцией на уже причиненный вред, а активно реагировало на само посягательство, грозящее здоровью как значимому ресурсу государства. Проведенный анализ подтверждает наличие и оправданность тенденции к расширению проактивного потенциала уголовного закона в сфере охраны здоровья.

II. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Научная статья
УДК 342.5

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Ирина Ивановна ГОЛОВКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
irinaivanovna2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности понимания государственно-правового механизма обеспечения законности в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Сделан вывод о содержании правового регулирования и элементах его структуры – институтах.

Обоснован вывод о круге институтов, осуществляющих обеспечение законности в указанной сфере.

Ключевые слова: противодействие экстремизму и терроризму, воздействие, механизм правового регулирования

Original article

THE INSTITUTIONAL ASPECT OF THE STATE-LEGAL MECHANISM FOR ENSURING LEGALITY IN THE FIELD OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

Irina I. GOLOVKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
irinaivanovna2009@yandex.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of understanding the state-legal mechanism of ensuring the rule of law in the field of countering extremism and terrorism.

The conclusion is made about the content of legal regulation and the elements of its structure – institutions.

Keywords: countering extremism and terrorism, impact, legal regulation mechanism, and institutions

Законодательство о противодействии экстремизму и терроризму устанавливает меры в связи с нарушениями законов и для профилактики правонарушений (ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025); п. 4 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025), а также для обеспечения защиты нарушенных прав (пункты 1, 3 ст. 2 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025)).

В соответствии с п. 34 Указа Президента РФ от 28 декабря 2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» в качестве составляющей цели государственной политики в сфере противодействия экстремизму установлена защита прав и свобод человека и гражданина; на основании п. 36 Указа в числе основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области правоохранительной деятельности определена координация дея-

тельности правоохранительных органов и органов публичной власти в совместной работе с институтами гражданского общества по выявлению и пресечению экстремистских проявлений; реализация мер, направленных на профилактику и противодействие распространению в Российской Федерации экстремизма.

Также осуществление мер социального характера, идеологических и воспитательных, в т. ч. в организациях системы образования и трудовых коллективах, предусматривается комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы.

«Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» в п. 21 определяет мерами по предупреждению терроризма, в том числе, социально-экономические, культурно-образовательные меры.

Организационные меры по совершенствованию государственного управления предусматривает Указ Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 № 116 (ред. от 25.11.2019).

На основании изложенного, а также учитывая, что имеется достаточно большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих меры уполномоченных органов и организаций, а также в общественной жизни постоянно осуществляются просветительские, воспитательные и иные меры, все упомянутые и возможные иные меры в области противодействия экстремизму и терроризму следует рассматривать с точки зрения деятельности, оказывающей в целом воздействие на отдельных лиц и на правоотношения.

В пользу такого вывода приведем мнения авторов научных работ о правовом воздействии:

- направления и формы влияния права на общественную жизнь, в том числе идеологического, воспитательного характера¹;
- процесс влияния права на сознание и поведение людей, их объединений, осуществляемый системой правовых средств, способов и методов, нацеленный на организацию наиболее важных для общества социальных отношений и выражающийся в достижении определенного юридически значимого результата²;
- влияние права на сознание и поведение людей, которое обеспечивается системой собственно юридических средств, а также общесоциальными средствами, отраженными в праве (информационные, психологические, воспитательные, организационные), а также правовыми явлениями (правосознание, правовая культура, правовые принципы, которые определяют особенности сознания и мотивов поведения человека)³;

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1 / М.: Юрид. лит., 1982. С. 290.

² Щербакова Е. К. Механизм правового воздействия. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 12.

³ Некрашевич Т. А. О содержании понятия «Правовое воздействие» // XVII Машеровские чтения. Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.

– в комплекс правового воздействия включаются также экономические, политические, социальные отношения¹.

Воздействие права рассматривают не только с точки зрения понимания мер в целом, но и в части используемых при этом юридических средств, что определяют как правовое регулирование. Правовое регулирование – одна из форм воздействия права на социальные связи².

Предмет правового регулирования – общественные правоотношения – объект юридического воздействия³.

Как отмечал С. С. Алексеев, правовое регулирование понимается как осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения, а в качестве механизма правового регулирования понимается совокупность средств правового воздействия на общественные отношения⁴. По своему внутреннему строению механизм правового регулирования складывается из средств правового воздействия, рассматриваемых в единстве, в процессе регулирования общественных отношений⁵.

Понятие механизма правового регулирования охватывает две его стороны:

1) обеспечение при помощи совокупности правовых средств правового воздействия на общественные отношения и, следовательно, обеспечение эффективности правового воздействия;

2) внутреннее строение механизма, его отдельные элементы, взятые в соотношении⁶, т. е. совокупность организационных сторон (форм), которую Алексеев С. С. обозначал как «структуру правового регулирования», складывающуюся из деятельности компетентных государственных и общественных органов⁷. Аналогичным образом, по мнению А. П. Семитко, структурность системы отражает связи и отношения элементов внутри системы⁸.

В 2-х томах. Витебск, 2023. Издательство: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. С. 337–339.

¹ Малько А. В. Механизм правового регулирования : Лекция // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54–62.

² Малько А. В. Механизм правового регулирования : Лекция // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 54–62.

³ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 52.

⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 5, 32.

⁵ Там же. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 34.

⁶ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 30.

⁷ Там же. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 32.

⁸ Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 114–126.

Таким образом, структура – система элементов (субъектов), принимающих участие в работе по осуществлению правового регулирования общественных отношений, и связей между ними.

Субъекты, образующие структуру правового регулирования, определяются нормами федерального законодательства. Представляется, что в определенной сфере отношений уполномоченные субъекты выстраиваются в рамках структуры по вертикали, а также образуют структуру на определенных уровнях, на которых выстраиваются равные между собой субъекты. Понимание структуры правового регулирования через деятельность уполномоченных органов позволяет учесть значение элементов в отдельности и в новом качестве системы.

Две указанные выше стороны механизма правового регулирования уместно определить как внешнюю (средства) и внутреннюю (структура правового регулирования).

В качестве особенностей механизма правового регулирования воздействия на общественные отношения как внешнего аспекта представляются важными следующие.

Правовое регулирование с точки зрения его эффективного воздействия на правоотношения проходит несколько стадий (С. С. Алексеев):

- стадия формирования и действия юридических норм;
- стадия возникновения прав и обязанностей (правоотношений);
- стадия реализации прав и обязанностей;
- факультативная стадия, которая либо предшествует возникновению правоотношений либо призвана обеспечить их реализацию – стадия применения права, когда компетентный властный орган (прежде всего суд) издает властный индивидуальный акт¹.

Как отмечает С. С. Алексеев, указанным стадиям механизма правового регулирования соответствуют элементы механизма правового регулирования – юридические нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, индивидуальные предписания – акты применения права (факультативный элемент)².

Каждый основной элемент механизма правового регулирования вместе с примыкающими к нему элементами представляет собой подсистему, в рамках которой правовые явления функционируют в единстве и во взаимосвязи³. На стадии реализации прав и обязанностей целостную подсистему

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. М. : Юрид. лит. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 26.

² Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. М. : Юрид. лит. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 27-28.

³ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. М. : Юрид. лит. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 29.

с актами реализации образуют обеспечительные правоприменительные акты¹.

Следовательно, в рамках этого подхода факультативной стадии механизма правового регулирования соответствует особый элемент механизма правового регулирования, а стадия реализации прав и обязанностей рассматривается во взаимосвязи со стадией применения права как подсистема. Значит, в единой подсистеме факультативная стадия применения права соединяется с обязательной стадией реализации прав и обязанностей. Это действительно так, применять право необходимо при наличии оснований, которые могут появиться только в правоотношениях по реализации прав и обязанностей.

В целом проблематика правоотношений, на наш взгляд, является центральной для правового регулирования, так как правоотношения являются определяющим элементом: они требуют правового регулирования и определения полномочий сторон, при нарушении прав стороны правоотношений возникает необходимость принятия мер и пр.

Классификацию видов правоотношений применительно к правовому регулированию определил С. С. Алексеев, который выделил правоотношения общерегулятивные, конкретные регулятивные, охранительные². Выделение этих видов правоотношений поддерживают многие авторы, в том числе современных публикаций, что позволяет взять классификацию за основу.

Также мы учитываем, что правоохранительный механизм обеспечения законности (совокупность правил, средств, способов и процедур, предусмотренных в законе) рассматривается как подсистема механизма правового регулирования³.

Авторы указанной позиции не привели ее обоснования, с учетом упомянутых выше выводов мы понимаем эту точку зрения таким образом – охранительные отношения по реализации мер государственного принуждения осуществляются в рамках механизма правового регулирования как его элемент и охватывают обеспечение законности, защиту прав и предупреждение правонарушений.

В результате изучения научных работ по исследуемой тематике следует сделать вывод, что вопросы механизма эффективного правового воздействия на общественные отношения изучены достаточно подробно.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. М. : Юрид. лит. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 29.

² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва : Юрид. лит., 1966. С. 140.

³ Законность: теория и практика: монография / М. С. Андрианов, С. А. Боголюбов, Н. Д. Бут и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. С. 94.

Поэтому для анализа менее исследованного аспекта правового регулирования – его структуры, внутреннего строения, воспринятые научной общественностью указанные научные выводы могут быть взяты в качестве необходимой отправной точки. При этом мы также придерживаемся системного подхода и его принципов.

Несомненно, отдельного исследования заслуживает проблематика стадий (этапов) осуществления правового регулирования в разрезе структуры и составляющих элементов. По мнению С. С. Алексеева, основными организационными сторонами правового регулирования являются правотворческая и правоприменительная деятельность компетентных органов¹.

Комплекс последовательных стадий механизма правового регулирования, предложенный С. С. Алексеевым, представляется целесообразным связать с деятельностью структурных элементов правового регулирования:

- стадия формирования и действия юридических норм – формирование юридических норм уполномоченными органами и введение их в действие;
- стадия возникновения прав и обязанностей (правоотношений) выявление необходимости и совершенствование действующих нормативных правовых актов;
- стадия реализации прав и обязанностей – выявление необходимости и совершенствование действующих нормативных правовых актов;
- факультативная стадия применения права, когда компетентный властный орган (прежде всего суд) издает властный индивидуальный акт – принятие юридического решения; кроме того – в результате изучения проблем правового регулирования выявление потребности создания правовых норм.

В качестве элементов (субъектов) правового регулирования мы рассматриваем уполномоченные органы, организации, которые предлагаем определить в качестве институтов. Термин «институт» используется не только для обозначения государственных институтов как отношений, связанных с государственным устройством (институты государственной власти, федеративного устройства и т. д.), но и для указания на органы, закрепленные Конституцией Российской Федерации (парламент, президент и пр.)². К числу конституционных органов относится прокуратура Российской Федерации. И в научных публикациях нашло поддержку отнесение прокуратуры к государственным институтам³, прокуратуру определяют надзорным институтом⁴.

¹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. С. 30.

² Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 361.

³ Гулягин А. Ю. Прокуратура как государственно-правовой институт и ее положение в системе правоохраны // Журнал российского права. 2011. № 7 (175). С. 38–48.

⁴ Рокитянский С. Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации:

Учитывая ведомственную принадлежность и подчиненность уполномоченных органов, уместно выделить подсистемы элементов – уполномоченных органов как институты.

В соответствии с действующим законодательством в качестве элементов (субъектов) структуры правового регулирования в области противодействия экстремизму и терроризму следует указать Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, прокуратуру России, федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральных территорий и органы местного самоуправления (ст. 4, 6, 7, 8 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025); ст. 5, 5.2 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025)).

В частях 4, 4.1, 4.2 ст. 5 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025), ст. 7, 8 «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» утвержденной Президентом РФ 05 октября 2009 г., Указе Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 № 116 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму» субъектами противодействия терроризму определяются уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственные организации и объединения, а также граждан, оказывающих содействие в осуществлении антитеррористических мероприятий органам государственной власти и органам местного самоуправления. Координацию деятельности по противодействию терроризму, организацию планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также управление контртеррористическими операциями обеспечивают Национальный антитеррористический комитет, Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации.

Также организации – образовательные, трудовые коллективы и др., упомянутые, например, в «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы», следует включить в круг элементов правового регулирования. Подобную позицию обосновал С. С. Алексеев, также следует учитывать, что эти организации отражают позицию объединяемых ими граждан.

В связи с изложенным к элементам правового регулирования в области противодействия экстремизму и терроризму относятся также институты гражданского общества, в качестве которых понимаются обусловленные конституционными принципами народовластия и приоритета прав и свобод человека и гражданина структурно-правовые способы легального самовыражения и социализации личности; способы непосредственного выражения мнений, предложений, позиций граждан по вопросам общественной жизни; способы прямого участия в принятии социально значимых решений¹ (партии, общественные организации и движения, фонды, семья и пр.).

Институты гражданского общества наделены права и обязанностями, а также осуществляют мониторинг правоприменительной практики и выявляют основания внесения изменений в законодательство, основания рассмотрения правового вопроса и принятия правового решения, о которых информируют уполномоченные органы. На институты гражданского общества как участников противодействия экстремизму обращается внимание в п. 36 Указа Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации».

Осуществление факультативной стадии правового регулирования – применения права определяется наличием соответствующих оснований – нарушений закона и прав или угрозы совершения таких деяний.

На этой стадии осуществляют деятельность органы государства, уполномоченные на рассмотрение вопроса и принятие решения об инициировании воздействия в форме убеждения или принуждения.

Ранее в статье мы обосновали вывод о том, что реализация мер государственного принуждения в охранительных правоотношениях следует рассматривать в рамках механизма правового регулирования как элемент его внешнего аспекта, а государственное правовое принуждение охватывает обеспечение законности, защиту прав и предупреждение правонарушений.

Следовательно, к числу органов, уполномоченных на обеспечение законности (а в равной мере и защиту прав, предупреждение правонарушений), относятся: Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, прокуратура Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральных территорий и органы местного самоуправления, Национальный антитеррористический комитет,

¹ Тихомиров Ю. А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45.

Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах России. Представляется, что в указанный перечень не входят граждане и их объединения, организации, не наделенные полномочиями по осуществлению государственного правового принуждения.

Таким образом, нами обосновано выделение институционального аспекта государственно-правового механизма обеспечения законности в сфере противодействия экстремизму и терроризму и определен круг элементов – институтов, составляющих его структуру.

Научная статья

УДК 343.195.3

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Татьяна Сергеевна КОРНЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
tatyana_korneva_84@mail.ru

Аннотация. Автором проанализирована деятельность прокуратуры Российской Федерации по защите основ конституционного строя и безопасности государства. Данная деятельность основывается на принципах осуществления безопасности государства, закрепленных Федеральным законом «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ.

Указанный закон регламентирует полномочия государственных органов по обеспечению безопасности, однако прокуратура в данный перечень органов не включена. В связи с этим автором предложено внести изменения в закон, отразив участие прокуратуры в осуществлении безопасности государства.

Ключевые слова: безопасность государства, принципы обеспечения безопасности, деятельность прокуратуры, принцип законности, взаимодействие органов власти

**THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLES OF ORGANIZATION
AND ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
FOR THE PROTECTION OF THE FOUNDATIONS
OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND THE SECURITY
OF THE STATE**

Tatiana S. KORNEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
tatyana_korneva_84@mail.ru

Abstract. The author analyzes the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to protect the foundations of the constitutional order and security of the state. This activity is based on the principles of implementation of state security, enshrined in the Federal Law «On security» of 28.12.2010 390-FZ.

This law regulates the powers of the state security agencies, but the prosecutor's office is not included in this list. In this connection, the author proposes to amend the law, reflecting the participation of the prosecutor's office in the implementation of state security.

Keywords: state security, principles of security, activities of the prosecutor's office, principle of legality, interaction between government agencies

Как верно отмечено Н. В. Стус, Ю. А. Намитковым, в условиях усугубляющейся глобальной турбулентности каждая страна вынуждена вырабатывать эффективные механизмы реагирования на вызовы внешней и внутренней среды, чтобы сохранять и укреплять собственную государственность, национальную безопасность и конституционный строй.

Для России этот императив приобретает особенно насущный характер, учитывая масштабность введенных против нее санкций и попытки внешних сил повлиять на ее внутренние политико-правовые процессы¹.

По мнению ученых, конституционный строй как основа российского государства определяет его уникальную роль в структуре национальных интересов, отражает основные принципы организации государства и гарантирует реализацию прав и свобод человека и гражданина. Защита конституционных устоев необходима для предотвращения социальной дестабилизации,

¹ Стус Н. В., Намитков Ю. А. Защита конституционного строя как фундаментальный национальный интерес: ресурсы судебной власти. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, № 50(1). 2025. С. 111–121.

обеспечения национального суверенитета и укрепления общественного согласия¹. Посягательство на конституционный строй – это подрыв социально-экономической и политико-правовой основы Российской Федерации².

Защита основ конституционного строя и безопасности государства базируется на принципах, закрепленных в статье 2 Федерального закона «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023). К указанным принципам законодателем отнесены принципы соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; законности; системности и комплексности применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности; приоритета предупредительных мер в целях обеспечения безопасности; взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Деятельность по обеспечению защиты основ конституционного строя и безопасности государства Федеральным законом «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) возложена на ряд федеральных органов государственной власти, в число которых прокуратура не включена.

Однако, в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) целью прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, что, на наш взгляд, является основой для защиты конституционного строя и безопасности государства.

Организация и деятельность прокуратуры Российской Федерации строится на принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации (ст. 129) и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025). Это принципы единства, централизации, законности, независимости, гласности.

¹ Стус Н. В., Намитокоев Ю. А. Защита конституционного строя как фундаментальный национальный интерес: ресурсы судебной власти. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, № 50(1). 2025. С. 111–121.

² Кузнецов А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // *Социально-политические науки*. № 4. 2017, С. 86–90/

В теории и практике прокурорской деятельности признается высокое значение данных принципов. Это те базовые положения, которые играют ведущую роль в закреплении за прокуратурой оптимальной совокупности функций, установлении характера взаимоотношений между входящими в прокурорскую систему звеньями, а также полномочий прокурора¹.

В деятельности по защите конституционного строя и безопасности государства, которая в том числе регулируется Приказом Генпрокуратуры России от 02.11.2018 № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса», Приказом Генпрокуратуры России от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму», Приказом Генпрокуратуры России от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» и др., прокуратура реализует не только принципы, положенные в ее основу, но и принципы, установленные Федеральным законом «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023):

1. Принцип соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина реализуется во всех направлениях прокурорской деятельности: надзорных и ненадзорных. Осуществление надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина регулируется отдельной главой Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025), Приказом Генпрокуратуры России от 07 декабря 2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в силу которого данное направление надзора призвано одним из основных направлений надзорной деятельности прокуратуры.

2. Принцип законности является основой организации и деятельности прокуратуры. Обеспечение соблюдения законов иными государственными органами и коммерческими организациями, должностными лицами является главной задачей прокуратуры. Прокуратура призвана быть гарантом законности на территории всей страны и в международных отношениях. В то же время прокурорские работники обязаны сами соблюдать законы при осуществлении служебной деятельности.

3. Принцип системности и комплексности применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности реализуется в деятельности прокуратуры в пределах ее компетенции. Что касается организационным мер, то прокуратура в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре

¹Ашурбеков Т. А. Деятельность прокуратуры по обеспечению национальных государственных интересов России. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 143–144.

Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025), Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» координирует деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов.

Информационные меры обеспечения безопасности реализуются в деятельности прокуратуры в силу положений ст. 4 Федерального «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025), в соответствии с которыми прокуратура призвана информировать органы государственной власти и население о состоянии законности и результатах своей деятельности.

Правовые меры реализуются во всех направлениях деятельности прокуратуры, поскольку прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов и ненадзорную деятельность, в свою очередь основываясь на законах.

4. информирование населения являться сдерживающим фактором и способствует профилактике правонарушений и преступлений, реализуя таким образом принцип приоритета предупредительных мер в целях обеспечения безопасности.

5. в целях реализации принципа взаимодействия с иными органами государственной власти, общественными объединениями, международными организациями, прокуратура участвует в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления. осуществляет международное сотрудничество и, как уже отмечалось, координируют деятельность иных органов по борьбе с преступностью.

Таким образом, прокуратура в ходе осуществления защиты основ конституционного строя и безопасности государства, реализует принципы безопасности, закрепленные в Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023).

Однако в перечень федеральных органов, осуществляющих полномочия в области обеспечения безопасности, прокуратура не включена. Тогда как указанный закон регулирует полномочия Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Правительства, федеральных органов исполнительной власти. Прокуратура не относится ни к одному из данных органов власти, однако, в то же время осуществляет полномочия в области безопасности государства. В связи с чем представляется, что участие прокуратуры в деятельности по обеспечению безопасности государства необходимо отразить в указанном законе.

Научная статья
УДК 343.3

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ОБЪЕКТОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ АТАКАМ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Юрий Юрьевич КСЕНДЗОВ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации), Санкт-Петербург, Россия,
yksendzov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения безопасного функционирования различных объектов военного и гражданского назначения в современных условиях непрекращающихся атак беспилотных летательных аппаратов.

Решение данной задачи является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности.

Подчеркивается необходимость создания комплексных систем защиты данных объектов, в том числе гарантирующих результативное и эффективное предупреждение и пресечение атак беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, предупреждение преступлений, национальная безопасность, системы защиты, преступления против конституционного строя и безопасности государства

Original article

MODERN SYSTEMS FOR PROTECTING CIVILIAN OBJECTS THAT HAVE BEEN ATTACKED THROUGH THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

Yuri Yu. KSENZOV

St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
St. Petersburg, Russia, yksendzov@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of ensuring the safe functioning of various military and civilian facilities in modern conditions of incessant attacks

by unmanned aerial vehicles. Solving this problem is one of the priorities for ensuring national security.

The need to create comprehensive systems for the protection of these facilities is emphasized, including ensuring effective and efficient prevention and suppression of attacks by unmanned aerial vehicles.

Keywords: unmanned aerial vehicles, crime prevention, national security, protection systems, crimes against the constitutional order and state security

Одним из стремительно прогрессирующих направлений развития современных технических средств и технологий, вне всякого сомнения, является сфера разработки и производства беспилотных летательных аппаратов. Популярность этого бренда технического прогресса среди его самых различных пользователей настолько очевидна и ощутима, что краткий синоним «беспилотник», аббревиатура «БПЛА», стали давно привычными словами в лексиконе взрослого и школьника, обывателя и ученого.

Востребованность беспилотных летательных аппаратов обусловлена тем, что они не только открывают применяющим их лицам дополнительные технические возможности, способствующие достижению конкретных целей и задач в производственной, транспортной, исследовательской и иных сферах деятельности, но и по сравнению с обычными способами проведения тех или иных работ значительно снижают затраты времени и средств на их производство, и одновременно повышают уровень их безопасности и результативности.

И сегодня, наверное, легче назвать сферы человеческой деятельности, в которых беспилотные летательные аппараты пока еще не используются, чем те, где они уже давно и прочно вошли в повседневную практику. Беспилотные летательные аппараты применяются в военной сфере, в промышленности, в геологии, в энергетике, в транспортной сфере, в сельском производстве, в строительстве, в коммунальном хозяйстве, в медицине, в научной деятельности, и т. д.

Не являются исключением из этого списка сфера правоохранительной деятельности, и, к сожалению, ее извечный антипод – криминальный сегмент рынка потребителей достижений научно-технического прогресса. Беспилотные летательные аппараты применяются правоохранителями при раскрытии и расследовании преступлений в рамках производства различных следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Не менее востребованы беспилотные летательные аппараты, в том числе дроны, основанные на технологиях FPV, искусственного интеллекта, при осуществлении мероприятий, направленных на предупреждение и пре-

сечение административных правонарушений и преступлений¹ (террористических актов, массовых беспорядков, дорожно-транспортных происшествий, несанкционированных митингов и шествий, хищений из нефтепроводов и газопроводов, незаконной вырубки лесных насаждений, добычи полезных ископаемых и многих других), при мониторинге состояния объектов критической инфраструктуры и иных охраняемых объектов, при координации действий сотрудников правоохранительных структур, подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации при пресечении подобных правонарушений, при ликвидации последствий стихийных бедствий, чрезвычайных ситуаций и др.

Нужно сказать, что в целях отслеживания меняющейся обстановки и уровня защищенности на объектах, представляющих «коммерческий» интерес, применяют беспилотные летательные аппараты и криминальные структуры. Кроме того, использование беспилотных летательных аппаратов облегчает осуществление террористических актов², скрытого наблюдения в преступных целях, промышленного шпионажа, транспортировку запрещенных к свободному обращению предметов и т. п.³.

Но наибольшую угрозу представляет использование беспилотных летательных аппаратов при совершении террористических актов, диверсий на предприятиях оборонной промышленности, транспортной и энергетической инфраструктуры, на иных объектах, от стабильного и безопасного функционирования которых зависят жизнеобеспечение, здоровье населения, в целях подрыва обороноспособности, экономической безопасности, дестабилизации общества, при совершении нападений на граждан, на сотрудников организаций, пользующихся международной защитой в целях провокации вооруженных конфликтов. Увы, подобные нападения давно стали обыденным явлением.

В этой связи трудно переоценить актуальность и архиважность задачи создания оптимальных и эффективных систем защиты различных объектов, как военного, так и гражданского назначения. Совершенно очевидно, что успешное решение этой непростой задачи напрямую влияет на обеспечение национальной безопасности нашей страны.

На состоявшемся 28 октября 2025 года в Нижнем Новгороде выездном совещании по вопросам защиты критически важных объектов от террорис-

¹ Кравцов Д. А., Иванов А. Л. Беспилотные летательные аппараты как орудие преступления // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4. С. 63.

² Рудик М. В., Торопов С. А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Том: 5. № 3. С. 176–177.

³ Ксендзов Ю. Ю. Применение робототехнических систем в деятельности Росгвардии по предупреждению и пресечению преступлений // Перспективы развития войск национальной гвардии на современном этапе: сборник материалов круглого стола. Санкт-Петербург-Белгород, 2022. С. 87–88.

тических посягательств в современных условиях Секретарь Совета Безопасности РФ подчеркнул, что, несмотря на то, что до охраняемых объектов долетает не больше одного процента запускаемых враждебными силами беспилотных летательных аппаратов, ущерб от достигающих целей все-таки велик.

Более того, угрозы и количество применяемых беспилотных летательных аппаратов с каждым годом только возрастают. Защитой социально-значимых объектов озадачены на сегодняшний день не только представители бизнес-сообщества, нефтяные, газовые, транспортные и другие компании. В частности, многие руководители регионов страны, и в этом их однозначно поддержал глава государства, выступают за создание добровольческих формирований, целью деятельности которых должно стать обеспечение защиты особо опасных и важных объектов от атак беспилотных летательных аппаратов¹.

Так, например, руководство Ленинградской области, которая неоднократно подвергалась атакам беспилотных летательных аппаратов, особенно в районах, где расположены энергетические объекты, склады нефтепродуктов, крупные транспортные узлы, приступило к созданию военизированного подразделения «БАРС-47», предназначенного для охраны критически важных объектов этого региона. Подобные организации уже функционируют в Белгородской области («Орлан»), в Курской области («Булат»).

Предполагается, что создаваемое подразделение должно быть обеспечено стрелковым вооружением, автомобилями повышенной проходимости, а также средствами радиоэлектронной борьбы, доказавшими свою эффективность против атак беспилотных летательных аппаратов (например, ударного аппарата самолетного типа увеличенной дальности АН-196 «Лютый», относимого к так называемым дронам-камикадзе)².

Естественно, что в дополнение к этим мерам будет продолжаться работа по совершенствованию иных способов и средств защиты от возможных атак беспилотных летательных аппаратов, разнообразие и функциональное различие которых обусловлено многоликостью и многофункциональностью самих указанных средств нападения.

Беспилотные летательные аппараты различаются по назначению, по конструкции, по размеру, по максимальной взлетной массе (микро и мини, легкие, средние, тяжелые), по радиусу действия (малого, среднего, дальнего), по типу двигателя, по типу управления (дистанционный, автономный,

¹ Сергей Шойгу: Удары дронов не смогут дестабилизировать обстановку в РФ // RGRU [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2025/10/28/zashchita-obespechena.html> (дата обращения: 30.10.2025).

² Резервистов нацеливают на беспилотник // «Коммерсант» [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159630> (дата обращения: 30.10.2025).

гибридный), по параметрам полета (высота, скорость, продолжительность и т. д.), по системам навигации (датчики, гироскопы, акселерометры, альтиметры, GPS/ГЛОНАСС) и по многим другим характеристикам.

Исходя из этого, существующие средства борьбы с преступными атаками беспилотных летательных аппаратов также основаны на различных способах их обнаружения и нейтрализации, которые условно составляют три большие группы: активные, пассивные и комбинированные¹.

К сожалению, универсального способа борьбы с беспилотными летательными аппаратами не существует, каждый метод имеет как преимущества, так и недостатки. Так, при применении активных радиосредств борьбы могут возникнуть проблемы с обнаружением беспилотных летательных аппаратов малых размеров, имеющих малую скорость и низкую высоту полета. Кроме того, подобные средства могут испытывать трудности при создании электромагнитных помех в зоне действия беспилотных летательных аппаратов.

Учитывая, что беспилотные летательные аппараты микро и мини размеров обнаруживаются с небольших дистанций, предпочтительнее использовать в этих целях малогабаритные (специализированные) радиолокационные станции².

Применение же акустических пассивных методов, напротив, оказывается более полезным при обнаружении малоразмерных и низколетящих беспилотных летательных аппаратов, в том числе в условиях плохой видимости. Однако, дальность распознавания цели этими средствами зависит от наличия или отсутствия посторонних шумов и атмосферных явлений (например, ветра, тумана). Непогода также негативно сказывается на результативности работы оптических систем обнаружения беспилотных летательных аппаратов³.

Как показывают наблюдения исследователей проблем противодействия преступного использования беспилотных летательных аппаратов, многие компании прибегают к применению в этих целях такого пассивного метода как сооружение на охраняемых объектах защитных ограждающих конструкций, как правило, в виде сетчатых заграждений.

Такие конструкции призваны обеспечить соответствующую защиту объекта от ударной волны, устойчивость к высоким температурам в случае

¹ Ильин В. А., Завитков А. В. Обзор существующих методов обнаружения и противодействия малым беспилотным летательным аппаратам // Оригинальные исследования. 2025. Том: 15. № 1. С. 199.

² Ерёмин Г. В., Чёрный С. Н. Система борьбы с беспилотными летательными аппаратами – новый технический уровень и комплексный подход // Военная мысль. 2022. № 7. С. 36.

³ Красненко Н. П., Богушевич А. Я., Кураков С. А., Раков А. С., Рыбаков И. А. Обнаружение беспилотных летательных аппаратов: существующие решения и возможности // Современные проблемы дистанционного зондирования, радиолокации, распространения и дифракции волн: материалы Всероссийской открытой научной конференции. Муром, 25–27 июня 2024 года. Муром, 2024. С. 430.

взрыва, к уменьшению вероятности проникновения на объект взрывных устройств малых размеров¹.

Так, например, ООО «Системы механической защиты» гарантирует, что разработанная ими растягивающаяся защитно-улавливающая сеть «Дарвин» из полиамида сможет обеспечить гашение кинетической энергии дронов практически до 100%. Сеть сконструирована таким образом, что для достижения цели дрону необходимо прорвать все контактные ячейки, но их разрывы приводят к запутыванию такого беспилотника в сети или к его падению рядом с сетью².

Целесообразно отметить, что специализирующиеся на разработке и производстве средств защиты от атак беспилотных летательных аппаратов, анализируя практику ведения борьбы с этим явлением, выявляя объективно существующие недостатки каждого из средств, все больше акцентируют внимание на необходимости создания комплексных систем безопасности, включающих в себя широкий набор различного оборудования, позволяющий построить многоуровневую и многофункциональную систему защиты.

Такие системы состоят из пассивных и активных средств защиты, сочетают как стационарные (например, купольные системы РЭБ, устанавливаемые на зданиях типа «Капюшон» К-12, стационарные комплексы пассивного круглосуточного радиомониторинга -аэроскоп типа «Х1С» и др.) и средства, предназначенные для мобильных групп (например, мобильный аэроскоп типа «Н1С», мобильный комплекс РЭБ типа «Гарпия 300W» и др.), что позволяет обеспечить полноценное противодействие атакам беспилотных летательных аппаратов, особенно совершаемым роем дронов.

Не в меньшей степени, чем объекты критической инфраструктуры, нуждаются в защите объекты гражданского назначения. Причем, в современных условиях недостаточно просто адаптировать системы защиты под существующие (уже построенные) объекты гражданской инфраструктуры, требуется изменить подход к возведению новых зданий, учитывая требования безопасности еще на этапе проектирования (фасадные защитные сетки, многослойные фасады, фальшфасады, заглубленные окна, взрывобезопасные зоны внутри дома, усиленные каркасы и др.)³.

В завершении следует отметить, что задача по созданию эффективных систем противодействия угрозам атак беспилотных летательных аппаратов на различные объекты военного и гражданского назначения является одной

¹ Макаренко С. И., Тхакахов А. А. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 5. Защитные ограждающие конструкции // Системы управления, связи и безопасности. 2025. № 3. С. 126.

² В России разработан новый способ борьбы с БПЛА // РИА Новости [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20250821/bpla-2036623703.html> (дата обращения: 30.10.2025).

³ Полянцев Е. Р. Архитектурная защита зданий от атаки БПЛА // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2025. Т. 27. № 1. С. 106–107.

из приоритетных в области обеспечения национальной безопасности государства, состояния защищенности общества и гражданина. Наиболее перспективным является создание многоуровневых систем защиты, включающих в себя разной функциональной направленности средства обнаружения и нейтрализации беспилотных летательных аппаратов.

Научная статья

УДК 343.231

РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Инна Викторовна МАЛЫШЕВА

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия, inna1108@yandex.ru

Аннотация. В условиях военно-политической нестабильности органы таможенные должны обеспечивать не только экономическую безопасность государства, но и иные виды безопасности.

Увеличивающаяся в современных условиях контрабанда оружия и незаконное перемещение денежных средств демонстрирует потребность разработки профилактических мер противодействия и пресечения этих видов таможенных преступлений, с одной стороны. С другой стороны, это демонстрирует значение таможенных органов при обеспечении военно-политической и информационной безопасности государства.

Однако, при обеспечении безопасности государства следует помнить о приоритетных функциях таможенных органов – развитие внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности.

Ключевые слова: военно-политическая безопасность; цели и задачи таможенных органов; таможенные преступления; контрабанда оружия

Original article

THE ROLE OF CUSTOMS AUTHORITIES IN ENSURING THE SECURITY OF THE STATE IN THE CONTEXT OF MILITARY AND POLITICAL THREATS

Inna V. MALYSHEVA

St. Petersburg V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy,
St. Petersburg, Russia, inna1108@yandex.ru

Abstract. In conditions of military-political instability, customs authorities must ensure not only the economic security of the state, but also other types of security. The increasing smuggling of weapons and illegal movement of funds in modern conditions demonstrates the need to develop preventive measures to counter and suppress these types of customs crimes, on the one hand. On the other hand, this demonstrates the importance of customs authorities in ensuring the military-political and information security of the state.

However, when ensuring the security of the state, one should remember the priority functions of the customs authorities - the development of foreign economic and foreign trade activities.

Keywords: military-political security; goals and objectives of customs authorities; customs crimes; arms smuggling

Следуя логике и функциональному назначению органов таможенного контроля в сфере обеспечения безопасности государства чаще всего рассматриваются вопросы экономической безопасности¹, что соответствует и установленной п. 2 ч. 1 статьи Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03 августа 2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025) норме.

Однако, в последнее время, исследователи поднимают вопрос обеспечения экологической безопасности в деятельности органов таможни², иных видов безопасности. Современные межгосударственные и внешнеполитические процессы расширяют видение содержания безопасности Российской Федерации, в том числе и в деятельности таможенных органов, тем не менее, не смещая с приоритета экономической безопасности: «без экономического потенциала эффективное противостояние внешним и внутренним угрозам не представляется возможным»³.

Сегодня, в условиях множественных военно-политических конфликтов в мире, активного развития и изменений способов ведения боевых действий,

¹ См., напр.: Самаруха В. И. К вопросу об экономическом развитии ЕАЭС // Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : Материалы первой Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Иркутск, 13 декабря 2018 года / Под редакцией И. В. Цвигун, В. С. Колодина. Иркутск, 2019. С. 189–195.

² См., напр.: Путятю О. В., Прохоров В. А. Роль таможенных органов в обеспечении экологической безопасности // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей Международной научно-практической конференции: в двух томах, Минск, 16–17 ноября 2023 года. Минск, 2023. С. 242–247; Ткаченко И. Е. Усиление роли государственного института таможни в обеспечении экологической безопасности // Таможенное дело. 2017. № 4. С. 36–40 и др.

³ Бушуев А. Л. Значение и роль таможенных органов РФ в обеспечении национальной безопасности в условиях современных глобальных изменений // Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 12 декабря 2019 года / Под научной редакцией И. В. Цвигун, А. В. Шалака. Иркутск, 2021. С. 88.

важную роль имеют все службы правоохранительной системы при обеспечении безопасности государства. Понятие безопасности государства многогранно, исследователи выделяют в его структуре разные элементы и разновидности. В последнее время особенно значимым выступает военно-политическая безопасность, которую можно рассматривать как с позиции внутренних резервов обеспечения, так и с точки зрения воздействия внешних факторов. Полагаем, что таможенные органы так же задействованы в обеспечении этого вида безопасности государства.

Л.В. Попова предлагает следующее определение понятия «военно-политическая безопасность»: «защищенность территории и населения страны, её политических институтов от внутренних и внешних угроз», выделяя такие ее формы как физическая, территориальная, политическая и военная. Многосекторное определение автор обосновывает особенностями угроз для Российской Федерации на современном этапе, обозначая их как многофакторные и многосферные¹. Действительно, проблема обеспечения государственной безопасности в современных условиях носит разносторонний характер.

Одной из основных задач органов таможни при обеспечении государственной безопасности является пресечение контрабанды оружия, ядовитых веществ, наркотических средств и прекурсоров и иных предметов (ст. 226.1, ст. 229.1 УК РФ).

По итогам работы за 9 месяцев 2025 года таможенными органами Российской Федерации возбуждено 1 548 уголовных дел (АППГ – 1578; в 2023 г. – 1527; в 2022г. – 1516; в 2021 г. – 1637), из них:

- по статье 173.1 УК РФ – 49 (АППГ – 54; в 2023 г. – 65; в 2022г. – 90; в 2021 г. – 85);
- по статье 173.2 УК РФ – 79 (АППГ – 129; в 2023 г. – 172; в 2022г. – 167; в 2021 г. – 156);
- по статье 174 УК РФ – 0 (в 2023 г. – 1; в 2022 г. – 1);
- по статье 174.1 УК РФ – 5 (АППГ – 3; в 2023 г. – 5; в 2022 г. – 8; в 2021 г. – 7);
- по статье 189 УК РФ – 2 (АППГ – 3; в 2022г. – 3; в 2021 г. – 2);
- по статье 193 УК РФ – 8 (АППГ – 5; в 2023 г. – 12; в 2022 г. – 27; в 2021 г. – 24);
- по статье 193.1 УК РФ – 206 (АППГ – 204; в 2023 г. – 154; в 2022 г. – 123; в 2021 г. – 109);
- по статье 194 УК РФ – 250 (АППГ – 256; в 2023 г. – 229; в 2022 г. – 277; в 2021 г. – 281);

¹ Попова Л. В. Экономическая безопасность и военно-политическая безопасность: сущность и взаимосвязь // Учет и статистика. 2024. Т. 21, № 4. С. 87–88.

– по статье 200.1 УК РФ – 70 (АППГ – 54; в 2023 г. – 60; в 2022 г. – 80; в 2021 г. – 71);

– по статье 200.2 УК РФ – 0 (АППГ – 88; в 2023 г. – 56; в 2022 г. – 43; в 2021 г. – 75);

– по статье 226.1 УК РФ – 776 (АППГ – 651; в 2023 г. – 648; в 2022 г. – 575; в 2021 г. – 605);

– по статье 229.1 УК РФ – 103 (АППГ – 131; в 2023 г. – 127; в 2022 г. – 122; в 2021 г. – 222).

Предметами преступлений преимущественно являются лес и лесоматериалы, автотранспортные средства, сильнодействующие вещества, наркотические средства, психотропные вещества, иностранная валюта и валюта Российской Федерации, товары народного потребления¹.

Не может не настораживать стабильно увеличивающийся показатель по ст. 193.1 УК РФ (перевод денежных средств с использованием подложных документов) и ст. 226.1 УК РФ (контрабанда ядовитых, отравляющих, взрывчатых и иных веществ и материалов, оружия, боеприпасов и др.). В условиях нестабильного военно-политического положения очевидным и понятным становится контрабанда оружия.

Очевидно, что международные террористические организации, организованные преступные группы осуществляют свою контрабандистскую деятельность постоянно. Тем не менее, в условиях нестабильной политической обстановки, множественных межгосударственных конфликтов такие преступные посягательства становятся частью военно-политического воздействия и требуют повышенного внимания со стороны, в том числе, таможенных органов.

С организованной преступной деятельностью связаны и установленные федеральным законодательством ограничения ввоза-вывоза денежных средств. В вопросе перемещения денежных средств стоит признать недостаточность информирования населения о целях ограничения ввозимых/вывозимых денежных средств. Ведь именно разъяснительные мероприятия составляют основу профилактики преступлений.

Тем не менее, растущие показатели по составам ст. 193.1 и ст. 226.1 УК РФ демонстрируют приоритетные направления воздействия, требующие разработку системы современных и эффективных мер предупреждения, профилактики, противодействия, с учетом условий военно-политической нестабильности.

¹ Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Федеральная таможенная служба РФ : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya/document/> (дата обращения: 17.11.2025)

Например, представляется возможным при приобретении авиа- или железнодорожных билетов за пределы Российской Федерации информировать (списком) граждан об ограничениях ввоза/вывоза установленных денежных сумм или лекарственных средств, список которых постоянно корректируется, по электронной почте в виде памятки о допустимом провозе товаров и денежных средств за территорию Российской Федерации.

Развитие информационных технологий, баз данных во всех сферах регулирования общественных отношений, включая и деятельность таможенных органов, поднимает также вопрос информационной безопасности. Безусловно, развитие информационных технологий в деятельности таможенных органов позволяет экономить временные ресурсы, делает деятельность более прозрачной. Тем не менее, информационные базы данных всех государственных систем и служб сегодня являются самым значимым объектом для преступного мира.

Профессор В. О. Бессарабов совершенно справедливо пишет, что в условиях глобального рынка и глобализации информационных технологий, прогресс которых остановить невозможно, важно сосредоточиться на «поддержании положительных и нейтрализации отрицательных особенностей развития информационных технологий».

В качестве мотивации атак на информационные системы называются «нажива, хулиганство, желание славы»¹ и иные личные мотивы. Однако, если речь идет об атаках на информационные системы государственных органов и «информационном терроризме» важно понимать, что злоумышленники зачастую покушаются не на саму деятельность государственных органов и систем, а на основы общественной безопасности и общественного порядка, что выступает последствием таких атак.

В условиях военно-политической нестабильности, конфликтности между государствами, информационная безопасность как явление требует особых систем защиты и профилактики. Нарушение информационной безопасности органов таможни, сбой информационной инфраструктуры могут негативно сказываться не только на экономических процессах, бизнес-стратегиях, но и подрывать основы политической безопасности государства, общественного порядка и общественной безопасности.

При этом сложность механизма обеспечения безопасности государства для органов таможни лежит в плоскости нахождения баланса между развитием внешнеторговых отношений в условиях сложных, нестабильных

¹ Бессарабов, В. О. О некоторых угрозах информационной безопасности электронной таможни как факторе влияния на экономическую безопасность // Таможенное дело и экспертная деятельность: современное состояние и перспективы : Материалы международной научно-практической интернет-конференции, посвященной 105-летию ФГБОУ ВО «ДОННУЭТ», Донецк, 27 марта 2025 года. Донецк, 2025. С. 15.

внешне-политических отношений и поиском способов обеспечения безопасности государства, что фактически находится в плоскости «разрешения противоречий между экономическими возможностями Российской Федерации и обеспечением необходимого уровня противодействия ее внешним угрозам»¹.

Важно понимать, что основное назначение органов таможни лежит в плоскости экономической деятельности, развитии внешнеторговых отношений. Правоохранительная функция, функция обеспечения безопасности органов таможни, безусловно, значимая в условиях внешнеполитической нестабильности, однако приоритетные направления деятельности не должны привести к подмене основополагающих целей и задач органов таможни.

В качестве выводов стоит отметить три значимых положения:

во-первых, при наличии для органов таможни приоритета обеспечения экономической безопасности, необходимо обозначить, возможно, нормативно или стратегически закрепить, в качестве основополагающей задачи – обеспечение военно-политической безопасности государства.

Может быть стоит дополнить п. 2 ч. 1 статьи Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03 августа 2018 № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025).

Во-вторых, разрабатывая механизм предупреждения и предотвращения таможенных преступлений, понимая уязвимость цифрового пространства и обеспечивая информационную безопасность, военно-политическую безопасность и иные виды безопасности необходимо даже в условиях повышенного уровня угроз обеспечить нормальное функционирование органов таможни, понимая реализацию внешнеторговых отношений как приоритетное направление деятельности органов таможни.

Третье, представляется важным разработать и постоянно актуализировать памятку о допустимом провозе товаров и денежных средств за территорию Российской Федерации и направлять на электронную почту гражданам (по желанию), которые приобретают билеты за пределы Российской Федерации.

Указанные меры могут способствовать не только предотвращению преступных посягательств или минимизировать правонарушающее поведение, но и служить укреплению государственности.

¹ Попова Л. В. Экономическая безопасность и военно-политическая безопасность: сущность и взаимосвязь // Учет и статистика. 2024. Т. 21, № 4. С. 87.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Елена Борисовна СЕРОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
serowa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы выявления и расследования преступлений экстремистского характера.

Обращается внимание на наиболее яркие криминалистические особенности преступлений рассматриваемой группы.

Основной акцент сделан на формировании доказательственной базы, связанной с исследованием виртуальных следов. Указано на важность использования следователем специальных знаний.

Ключевые слова: преступление, экстремизм, расследование, следственное действие, специальные знания

Original article

EXTREMIST CRIMES: SOME ISSUES OF IDENTIFICATION AND INVESTIGATION

Elena B. SEROVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Pro-Curacy
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, serowa@yandex.ru

Abstract. The article deals with topical issues of detection and investigation of extremist crimes. Attention is drawn to the most striking criminalistic features of the crimes of the group under consideration.

The main emphasis is placed on the formation of an evidence base related to the study of virtual footprints. The importance of using special knowledge by the investigator is pointed out.

Keywords: crime, extremism, investigation, investigative action, special knowledge

Экстремистская деятельность (экстремизм), легальное определение которой дано в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), является одним из наиболее общественно опасных видов противоправной деятельности, наносит существенный вред национальной безопасности, оказывает негативное влияние на деятельность органов государственной власти, порождает вражду и ненависть среди людей. Именно поэтому борьба с экстремизмом может рассматриваться как важнейшая задача всех правоохранительных органов. Данные преступления должны своевременно выявляться, пресекаться, а виновные лица должны привлекаться к ответственности.

Как отмечается в литературе, преступления экстремистского характера разнообразны по своей природе и степени угрозы, однако все они объединены общими признаками: агрессивным характером, целью подрыва общественной безопасности, социальной гармонии и политической стабильности общества¹.

Как объекты криминалистического исследования, по мнению З. З. Ложиса, они уникальны с точки зрения их множественности при наличии общих целей и мотивов посягательства и одновременно разнородности по механизму их совершения².

Указанные черты позволяют прийти к выводу о возможности и необходимости выработки единых подходов к выявлению и расследованию названных преступлений, а также к поддержанию государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела о преступлении экстремистского характера в суде.

В настоящей работе мы считаем необходимым обратить внимание читателя на некоторые, наиболее значимые для целей уголовного преступления, особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях исследуемой группы.

Разработка любой частной криминалистической методики предполагает необходимость исследования преступления (разновидности, вида или группы преступлений) как объекта криминалистического анализа, которое позволит разработать его криминалистическую характеристику.

Хотя в научной литературе неоднократно высказывались критические мысли о возможности и необходимости разработки данной дефиниции, мы полагаем, что для выработки научно-обоснованных рекомендаций по орга-

¹ Муслихиддинзода М. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистского характера // Государствоведение и права человека. 2025. № 1. С. 393.

² Ложис З. З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного Комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6(127). С. 184.

низации и осуществлению расследования необходимо, прежде всего, познать особенности того объекта, по поводу которого осуществляется расследование, т.е. преступления.

Зная особенности каждого элемента, образующего систему преступления определения вида (разновидности, группы), и, что самое главное, закономерные связи между ними, можно выдвинуть обоснованные версии о событии преступления и причастных к нему лицах, спланировать расследование, правильно определить предмет следственных действий, в целом правильно и полно решить задачи раскрытия и расследования преступления.

По нашему мнению, имеющиеся на сегодня теоретические исследования в данной области еще не исчерпали себя и многие вопросы еще ждут своего исследователя. Однако даже имеющиеся на сегодня теоретические наработки позволяют прийти к выводу о яркой специфике преступлений экстремистского характера с точки зрения криминалистики и предложить ряд рекомендаций по осуществлению досудебного производства.

Первое на что хотелось бы обратить внимание, это особенности личности субъекта посягательства и способа преступления. Анализ современной судебной и следственной практики показывает, что исследуемые преступления нередко совершаются молодыми людьми, не имеющими достаточного жизненного опыта, с отсутствующей критической оценкой той информации, которая им целенаправленно поставляется со стороны организаторов и зарубежных кураторов.

Сказываются и недоработки в области воспитательной работы среди молодежи, имевшие место в течение достаточно длительного периода времени. Субъект посягательства подчас не имеет высокого уровня образования, прежде всего недостаточно осведомлен в области исторической науки, готов черпать информацию из непроверенных источников.

И в то же время все чаще исполнителями преступлений становятся люди старшей возрастной группы, не относящиеся критически к той информации, которую доводят о их сведения организаторы преступления и стремящиеся любым путем сохранить свои денежные средства и имущество, готовые ради мнимого собственного благополучия совершить любое деяние, в том числе и «торговать Родиной». При этом организаторы преступления люди достаточно молодые.

Такие особенности личности сказываются на способе преступления и особенностях слеодообразования. Все большее число преступлений экстремистского характера совершаются дистанционно в виртуальном пространстве, но даже и в случаях совершения преступления в реальной действительности, значительная информация о преступнике, его связях, месте нахождения и прочих важных обстоятельствах, входящих в предмет доказывания,

может быть обнаружена на цифровых носителях, что должно учитываться правоприменителем.

Как отмечают Ю. В. Гаврилин и А. В. Шмонин, «преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», влекут возникновение криминалистически значимой информации в электронной форме (специфической следовой картины), исследование которой требует применения особых криминалистических технологий. Разработка и совершенствование данных технологий на протяжении уже ряда лет представляет актуальное направление развития науки криминалистики»¹.

Это направление тем более актуально, что раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий существенным образом затруднено, что обусловлено с одной стороны отсутствием у сотрудников правоохранительных органов необходимых знаний, а с другой, особенностями цифровых технологий, позволяющих максимально анонимизировать пользователей и затрудняющих установление не только субъекта, но и места его нахождения.

В этой связи заслуживает внимания предложение В. Б. Вехова о введении в криминалистический оборот термина «дорожка электронных следов», которая представляет собой «систему образования следов в сети «Интернет», состоящую из нескольких последовательно расположенных по времени и логически взаимосвязанных записей о прохождении компьютерной информации по линиям связи через коммутационное оборудование оператора(-ов) связи и(или) провайдеров услуг «Интернет» от компьютера преступника до компьютера потерпевшего или в обратном порядке (в зависимости от следственной ситуации)»².

Информация о преступлении и причастных к нему лицах может быть обнаружена на различных ресурсах: в социальных сетях, мессенджерах, на различных форумах и web-сайтах, в электронной почте заподозренных.

Это может быть переписка лиц, причастных к преступлению, в том числе команды руководителей непосредственным исполнителям, фото- и видеоотчеты о совершенном преступлении, собственно информация экстремистского содержания и иная информация.

¹ Гаврилин Ю. В., Шмонин А. В. Использование информации, полученной из сети «Интернет», в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 107.

² Вехов, В. Б. Особенности расследования преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием технологий «Даркнет» // Искусственный интеллект и большие данные (Big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени : Материалы международной научно-практической конференции, Астана, 19 мая 2023 года. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2023. С. 104.

Как отмечают В. О. Давыдов и А. Ю. Головин, в ряде случаев члены «боевых» ячеек могут не владеть сведениями о своих непосредственных руководителях, узнавая о месте и времени проведения очередной акции, например, на форуме, посредством электронной почты либо анонимной SMS-рассылки и т.п., что вызывает необходимость своевременного выявления и фиксации криминалистически значимой информации, содержащейся в потоках вызовов и сообщений, поступающих (либо исходящих) на средства мобильной коммуникации лиц, подозреваемых к причастности к преступной деятельности экстремистского характера¹.

Здесь обратим внимание на важное обстоятельство. Выявляя и исследуя указанные следы, следователь получает информацию о событии, контактах между людьми и их содержании, но необходимо также доказать и то, кто являлся истинным автором сообщений, чтобы исключить версию о совершении действий в цифровом пространстве не собственником того или иного гаджета, блога или аккаунта, а иным лицом. Более того, практике уже известны случаи заявления версии о том, действия были совершены не живым человеком, а искусственным интеллектом. Аналогично дело обстоит и с банковскими переводами и электронными платежами. Так, лицо, являющееся владельцем банковской карты, и пользователь этой карты могут не совпадать.

Для доказывания данных обстоятельств подчас недостаточно производства только лишь следственных действий (выемки и обыска носителей цифровой информации, их осмотров, экспертных исследований и др.), необходимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих установить круг реальных пользователей².

Как мы уже отмечали, одна из задач правоохранительных органов – своевременное выявление преступлений экстремистской направленности и их пресечение. С решением этой задачи тесно связан вопрос о возбуждении уголовного дела и проверке той информации, которая поступила в распоряжение следователя.

Важное место в системе выявления преступлений исследуемой группы занимает мониторинг сети «Интернет», который осуществляется специализированными подразделениями правоохранительных органов. В связи

¹ Давыдов В. О., Головин А. Ю. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 254.

² Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Особенности расследования преступлений экстремистского характера среди молодежи // Актуальные проблемы социального и профессионально-экономического вхождения молодежи в региональную общественно-производственную среду : Материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 05 июня 2017 года / Ответственные за выпуск Л. П. Пачикова, Ф. Т. Хаматнуров. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. С. 20–24.

с А. В. Кутузов полагает целесообразным выделить в качестве основных методов мониторинга информации в сети «Интернет» обработку сайтов «в ручном режиме» или с помощью новостных рассылок, с помощью поисковых систем и с использованием специализированных программных продуктов и сервисов мониторинга интернет-ресурсов¹.

Кроме того, значимая информация может быть получена из заявлений (сообщений) о преступлении, из публикаций средств массовой информации, в ходе расследования иных преступлений, в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности и из иных источников. Информация о противоправном поведении может быть получена и в ходе прокурорской проверки.

В большинстве случаев первоначальная информация подлежит проверке и оценке следователем, в ходе которой он определяет законность повода к возбуждению уголовного дела, наличие основания для принятия процессуального решения, проводит процессуальные, в том числе следственные действия.

С позиции науки уголовно-процессуального права – это деятельность по проверке заявления (сообщения) о преступлении. Вместе с тем, эта деятельность должна осуществляться с учетом научно-обоснованных рекомендаций, что порождает вопрос о месте этих рекомендаций в частной криминалистической методике.

Ряд криминалистов включают эту деятельность в первоначальный этап расследования². По мнению А. М. Кустова и О. А. Макаровой, деятельность по проверке сообщения о преступлении не является этапом расследования, поскольку само расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а потому проверка сообщения о преступлении является криминалистическим этапом по установлению наличия (отсутствия) признаков преступлений определенного вида³.

¹ Кутузов А. В. Мониторинг сети «Интернет» как способ получения оперативно-значимой информации при раскрытии и расследовании преступлений экстремистского // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : Материалы VII Международной научно-практической конференции, Алушта, 25–26 апреля 2019 года / Ответственные редакторы М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Алушта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 55.

² См., напр.: Косарев С. Ю. Примерная типовая структура типичных частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 3(36). С. 83–87.

³ Кустов А. М., Макарова О. А. Особенности структуры частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 1. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 418.

Нам ближе позиция авторов, разделяющих первую точку зрения. Как нам представляется, с позиции криминалистики вся деятельность следователя с момента получения информации о преступлении до решения задач раскрытия преступления образует первоначальный этап расследования. Четкая граница у него одна – начало процессуальной деятельности, а вот окончание связано с предъявлением обвинения или же выполнением всех возможных неотложных следственных действий.

При этом в зависимости от формирующейся по делу следственной ситуации одни и те же по форме и содержанию действия могут выполняться как до, так и после принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. В связи с этим мы полагаем возможным говорить о расследовании с криминалистической точки зрения как о процессе познания преступления в досудебном производстве. Признавая, что данный вопрос заслуживает отдельного исследования, более подробно мы на нем здесь не останавливаемся.

В ходе проверки информации о преступлении важное значение имеет «анализ криминалистически значимой информации, имеющейся в других отделах и подразделениях органов внутренних дел: сводки о совершенных преступлениях экстремистского характера на соседних административных территориях и транспорте, материалы выезда на места совершения аналогичных преступлений; материалы проведенных первичных проверок и оперативных разработок, имеющихся в соседних подразделениях органов внутренних дел; архивные уголовные дела и дела оперативного учета, выделенные в отдельное производство материалов следствия и отказные материалы в отношении лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности, в других подразделениях органов внутренних дел и т. д.»¹.

Если преступление выявлено в ходе оперативно-розыскной деятельности, важный вопрос, на который должен ответить следователь, связан с оценкой результатов ОРД с позиции наличия признаков провокации и инсценировки преступления. В связи с этим, в частности, И. И. Бранчель отмечает, что при совершении в процессе ОРД действий, направленных на активное побуждение проверяемого лица совершить преступление, это должно расцениваться как провокация, инициатива на совершение преступного деяния во всех случаях должна исходить только от проверяемого лица, которое должно иметь полную свободу выбора вариантов своего

¹ Кустов А. М., Макарова О. А. Особенности структуры частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 1. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 421.

поведения – совершить преступление либо отказаться от выполнения противоправных действий¹.

Определенная часть доказательств может быть получена еще до возбуждения уголовного дела, однако, основная доказательственная база формируется уже в ходе предварительного расследования. Значимую роль в доказывании играет использование специальных знаний, которое может осуществляться как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме.

По нашему мнению, инициатива использования специальных знаний всегда исходит от следователя, поэтому первое, что он решает, где эти знания нужны, а где он обойдется без них. Следующий шаг – какие конкретно и в какой форме знания должны быть использованы. Для ответа на этот вопрос возможно непроцессуальное взаимодействие со специалистом, который подскажет, к какой области знаний относится тот или иной вопрос, кто из специалистов может дать на него ответ.

На использование возможностей различных экспертиз указывают многие авторы. В научной литературе ведется активная дискуссия о том, какие специальные знания (в области лингвистики, психологии, социологии и других гуманитарных наук) могут и должны использоваться для выявления признаков экстремизма в исследуемом событии.

Одновременно исследователи обращают внимание и на возможности использования традиционных экспертиз. Так, Т. В. Сезонова указывает на необходимость анализа в ходе расследования вербальной информации, передаваемой по акустическим каналам связи. Фонограммы служат средством совершения преступления, одновременно сохраняя его следы и иные обстоятельства, свидетельствующие о совершении лицом преступления. Необходимым условием приобщения фонограммы в качестве доказательства к уголовному делу является подтверждение ее аутентичности².

Рассмотренные в настоящей статье вопросы не исчерпывают всей специфики выявления и расследования преступлений экстремистского характера. Мы постарались выделить самые яркие, как видится, особенности противодействия преступлениям рассматриваемой группы и не сомневаемся, что исследования в той области должны продолжаться.

¹ Бранчель И. И. Провокация и инсценировка преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2011. № 4. С. 72.

² Сезонова Т. В. Фоноскопическая и лингвистическая экспертиза в расследовании преступлений экстремистского характера // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : международная научно-практическая конференция : памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения, Орел, 11 октября 2024 года. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 116–120.

МЕХАНИЗМ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Виталий Викторович ФИРСОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
vitaiiy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности механизма международно-правового в области противодействия терроризму. Рассмотрены вопросы содержания национального законодательства некоторых государств в части противодействия терроризму.

На основе международного опыта противодействия терроризму, делается вывод о дальнейших перспективах участия международно-правового противодействия преступлениям террористической направленности.

Ключевые слова: международно-правовое сотрудничество государств, терроризм, противодействие терроризму, террористический акт

Original article

MECHANISM OF INTERNATIONAL LEGAL COUNTERACTION TO TERRORISM

Vitaly V. FIRSOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
vitaiiy-viktorovich@list.ru

Abstract. The article examines the features of the mechanism of international law in the field of countering terrorism. The issues of the content of the national legislation of some states in terms of countering terrorism are considered.

Based on the international experience in countering terrorism, a conclusion is drawn about the future prospects for the participation of international legal counteraction to terrorist crimes.

Keywords: international legal cooperation of states, terrorism, counteraction to terrorism, terrorist act

Сегодня международно-правовая база сотрудничества государств в борьбе с терроризмом является необходимой основой для обеспечения безопасности граждан и общества. Это широкий набор международных договоров, конвенций и резолюций, разработанных и принятых государствами, с целью предотвращения, пресечения и наказания террористических актов. Такая международно-правовая база основана на принципах уважения прав человека, суверенитета государств, неприемлемости терроризма во всех его формах и проявлениях. Она предусматривает сотрудничество между государствами в обмене информацией, экстрадиции и судебном преследовании террористов, а также меры по предотвращению финансирования терроризма и пропаганды экстремистских идей.

Международные соглашения, разработанные странами, участвующими в ООН, подчеркивают, что никакие обстоятельства не оправдывают использование терроризма. Они признают, что террористические акты независимо от их мотивов – политических, философских, идеологических, расовых, этнических, религиозных или других – недопустимы и осуждаемы.

Ключевой принцип заключается в привлечении к ответственности лиц, совершивших террористические акты и иные террористические преступления. Международные соглашения призывают государства сотрудничать в исполнении этой обязанности, включая преследование и наказание виновных лиц. Они также поддерживают создание правовых механизмов и судебных процессов для действенного преследования террористических преступлений.

Важно отметить, что эти соглашения также подчеркивают необходимость уважения прав человека и поддержания правового государства в борьбе с терроризмом. Они поддерживают недопустимость любых форм насилия и нарушений прав человека, прилагаемых в ходе противодействия терроризму.

Кроме того, международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом включает совместные операции, обучение и подготовку правоохранительных органов, обмен опытом и передачу технологий. Важно отметить, что такое сотрудничество особенно актуально в эпоху глобализации, когда террористическая угроза переходит границы и требует координации усилий всех стран. Так же национальное законодательство также играет важную роль в обеспечении правовой основы сотрудничества государств в борьбе с терроризмом.

Большинство стран имеют свои законы о противодействии терроризму, которые определяют действия, связанные с террористическими актами и преступлениями, и предусматривают меры для их предотвращения, расследования и наказания виновных лиц.

В Российской Федерации приняты: Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025), Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023), Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 № 16-ФЗ (ред. от 21.04.2025), Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21 июля 2011 № 256-ФЗ (ред. от 07.07.2025), Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2025), Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) и другие нормативные правовые акты.

В Китайской Народной Республике в качестве основных нормативно-правовых актов в сфере противодействия экстремизму и терроризму стоит, прежде всего, назвать Закон о национальной безопасности и Законе о борьбе с терроризмом, принятие в 2015 г.¹

Во Французской Республике приняты: Закон № 2006-64 от 23 января 2006 г. «О борьбе с терроризмом», Закон № 2012-1432 от 21 декабря 2012 г. «О безопасности и борьбе с терроризмом», который продлил действие положений акта от 2006 г. Закон № 2014-1353 от 13 ноября 2014 г. «Об усилении мер по противодействию терроризму» и др.²

В рамках международного сотрудничества по борьбе с терроризмом национальное законодательство играет роль в оказании юридической помощи между государствами. Это включает такие вопросы, как экстрадиция террористов, обмен информацией, ведение совместного расследования и передача доказательств. В целом, национальное законодательство позволяет обеспечить выполнение норм международных соглашений в борьбе с терроризмом, включая выдачу подозреваемых и осужденных лиц.

Однако, необходимость согласования и гармонизации национальных законов и подходов по борьбе с терроризмом становится все более важным, чтобы обеспечить эффективное и сбалансированное сотрудничество между государствами в этой области. Таким образом, международные соглашения ООН подчеркивают ясные принципы недопустимости терроризма и необхо-

¹ Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Гуманитарные и юридические исследования : науч. журн. : электр. версия. 2021, № 4. С. 169–174. URL: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.21> (дата обращения: 26.10.2025).

² Попов А. С. Противодействие терроризму во Франции в 2006–2016 гг.: историко-правовой аспект // Общество: философия, история, культура : науч. журн. : электр. версия. 2019. № 7. С. 77–81. URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-filosofiya-istoriya-kultura/2019/7> (дата обращения: 26.10.2025).

димости привлечения его исполнителей к ответственности, призывая государства сотрудничать для обеспечения безопасности граждан и общества.

Национальное законодательство играет важную роль в обеспечении правового механизма сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, особенно в сфере оказания юридической помощи и согласования действий по выдаче преступников.

Таким образом, международные конвенции и другие правовые документы включают в себя все аспекты, связанные с борьбой с терроризмом. Сегодня международно-правовая база в этой области достаточно структурирована и позволяет государствам координировать и объединять свои усилия. Однако одного принятия международных конвенций недостаточно для полной победы над терроризмом. Международно-правовые нормы лишь определяют основы и стратегические направления реальных мер, которые необходимо предпринять.

Такие как выработка и усиление национального законодательства по борьбе с терроризмом и его применение, усиление сотрудничества и обмен информацией между государствами, создание и развитие специализированных правоохранительных и разведывательных органов, преследование и судебное преследование террористов, предотвращение финансирования терроризма и замораживание активов террористических организаций, разработка и реализация мер по пропаганде толерантности и предотвращению радикализации, проведение антитеррористических операций, включая разрушение террористической инфраструктуры и нейтрализацию террористических группировок. Эти меры должны осуществляться с учетом международных стандартов в области прав человека и правового государства.

Важно, чтобы борьба с терроризмом была максимально эффективной и пропорциональной. Кроме того, необходимо продолжать развивать и укреплять сотрудничество между государствами, международные организации и общественные объединения в борьбе с угрозой терроризма.

Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом также включает в себя создание и поддержание специализированных международных организаций. Одной из таких организаций является Контртеррористический комитет ООН (КТК), который играет ключевую роль в координации контртеррористической деятельности на международном уровне.

Кроме того, в каждой стране существуют национальные структуры, занимающиеся вопросами борьбы с терроризмом. Эти структуры играют важную роль в пресечении и расследовании террористических актов на национальном уровне.

Таким образом, международное сотрудничество в борьбе с терроризмом осуществляется через разработку общих норм международного права и их соотнесение с национальными законами. Существуют также различные международные контртеррористические организации, через которые государства координируют свои действия и выступают с совместными инициативами.

В целом, международно-правовая база по борьбе с терроризмом является важным инструментом в противодействии этому глобальному вызову. Однако, решение проблемы терроризма требует всеобъемлющего подхода, включающего политические, экономические и социальные меры, а также понимание и предотвращение источников радикализации и экстремизма.

Научная статья
УДК 343.326

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК БАЗИС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Алексей Васильевич ХОЛОПОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
alekseiholopov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из значимых, по мнению автора, особенностей преступлений, описанных в главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключающейся в мотивообразующем факторе криминального поведения, во многом основанном на чувстве идеологической неприязни к культурно-историческому наследию и общественно-политическому строю государства.

Автор приходит к выводу, что осуществление профилактики и предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства возможно на основе обеспечения ментальной безопасности социальной системы.

Ключевые слова: преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, ментальная безопасность, социальная система, социальная энтропия, профилактика, предупреждение

ENSURING MENTAL SECURITY AS A BASIS FOR COUNTERING CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AND STATE SECURITY

Alexey V. KHOLOPOV

Saint-Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, alekseiholopov@yandex.ru

Abstract. This article examines, in the author's opinion, one of the significant characteristics of the crimes described in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation: the motivating factor behind criminal behavior, largely based on a sense of ideological hostility toward the cultural and historical heritage and socio-political system of the state.

The author concludes that prevention and warning of crimes against the foundations of the constitutional system and state security is possible by ensuring the mental security of the social system.

Keywords: crimes against the foundations of the constitutional system and state security; mental security; social system; social entropy; prevention; warning

Одной из значимых особенностей преступлений, описанных в главе 29 УК РФ, в особенности таких, как государственная измена (ст. 275 УК РФ), сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 276.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и др., является не столько способ их совершения, сколько мотивообразующий фактор, во многом основанный на формируемом и развивающемся в сознании субъекта преступления, своего рода чувстве идеологической неприязни к культурно-историческому наследию и общественно-политическому строю государства.

В этом смысле преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, как умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, с психолого-криминологической точки зрения следует рассматривать как результат сложных информационно-смысловых процессов энтропийного (энтропия – мера неупорядоченности системы, мера хаоса в системе) характера, проникающих на ментальном уровне в индивидуальное и коллективное (массовое) сознание социальной системы.

С точки зрения системного подхода (теории систем), а также теории управления и организации, объектом преступного воздействия являются элементы социальной системы, преимущественно осуществляющие организационно-управленческую деятельность, то есть целью преступлений данного рода является нарушение функционирования социальной системы как целостной организованной иерархической структуры.

Факт совершения таких преступлений свидетельствует о наличии в информационно-смысловом пространстве (среде) на уровне индивидуального и массового сознания социальной системы энтропийных процессов, сформировавших антагонистическое негативное восприятие общественно-политического устройства государства.

В этом смысле, во многом, природа мотива совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства имеет идеологический характер, генезис которого следует искать в пространстве ментальных процессов социума. Это позволяет говорить о том, что осуществление профилактики и предупреждения преступлений подобного рода должно быть неразрывно связано с деятельностью по обеспечению так называемой ментальной безопасности социальной системы, имеющей внутренние и внешние контуры.

В философском понимании ментальность, есть «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом.

Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики»¹.

В свою очередь, менталитет – «это некая интегральная характеристика людей конкретной культуры, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми картины окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него. На первый план, таким образом, выступает рефлексия человека над внешней действительностью, своеобразное восприятие этой действительности через призму соответствующей культурной среды»².

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Степина. 2001. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ (дата обращения: 07.12.2025).

² Хромова Е. Б. О некоторых подходах к исследованию феномена «Менталитет» в социально-гуманитарном знании // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podhodah-k-issledovaniyu-fenomena-mentalitet-v-sotsialno-gumanitarnom-znani> (дата обращения: 07.12.2025).

Говоря о теоретических основах ментальной безопасности, следует сказать, что с точки зрения противодействия социальной энтропии, представляющей собой «социокультурный феномен, воплощающий совокупность характеристик социальной реальности, сложившихся в ходе социального взаимодействия и отражающих меру ее отклонения от условно нормального (эталонного) состояния, системную социальную неопределенность в жизнедеятельности личности и социума, уровень социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики»¹, одной из основных причин в идеолого-мировоззренческом пространстве личности является хаотизация коммуникативной информационно-смысловой среды, транслирующей искаженные ценностные системы, оказывающие негативное влияние на процесс формирования и развития личности.

В этом случае социальная система для обеспечения безопасности развития индивида и социума должна осуществлять надзор и контроль за энтропийностью коммуникативной информационно-смысловой среды. Иными словами, необходимо повышение негэнтропийности (негэнтропия является «мерой порядка, упорядоченности, внутренней структуры, связанной информации»²) коммуникативной информационно-смысловой среды социума. Поэтому, с точки зрения эффективности управленческих и организационных процессов в социальных системах, современное уголовное судопроизводство практически не является технологией противодействия социальной энтропии.

Полагаем необходимым пояснить, что социальная система посредством уголовного судопроизводства осуществляет противодействие и борьбу не с первопричиной, заключающейся в энтропийной антипедагогической коммуникативной информационно-смысловой среде, а с последствиями ее функционирования в системе. Такая энтропийная информационно-смысловая среда может быть результатом функционирования антисистемы, сформировавшейся в социальной системе.

Отечественный историк Л. Н. Гумилев определял антисистему как «системную целостность людей с негативным мироощущением, выработавшую общее для своих членов мировоззрение»³.

В нашем случае, с точки зрения социальной энтропии, признаком действия антисистемы следует признать социальную атомизацию и отчуждение, доминирование философии потребления, деструктивные процессы

¹ Воробьев Г. А. Теоретико-методологический конструкт философского изучения социальной энтропии в процессах воспроизводства социальной реальности // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 22. № 6. С. 137.

² Лотоцкий В. Л. Энтропия и негэнтропия // ПНиО. 2017. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/entropiya-i-negentropiya> (дата обращения: 07.12.2025).

³ Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М. : АСТ, 2004. С. 518.

расчеловечивания, являющиеся последствием функционирования агрессивной энтропийной антипедагогической коммуникативной информационно-смысловой среды, которую также следует рассматривать как один из основных признаков антисистемы. Считаем, что такая антисистема, прежде всего, отражающаяся в индивидуальном и массовом сознании является результатом философии постмодерна и массовой популярной «культуры», транслируемой на глобальном (общемировом) уровне странами коллективного Запада.

В контексте рассматриваемых проблем, считаем необходимым пояснить такое явление как антипедагогика, которое заключается в том, что «полностью порывает не только с традициями образования и воспитания, но и со всей традиционной культурой... (...). Общество постмодерна основано на плюрализме интересов, их конкуренции и отсутствии консенсуса, это общество без фундаментальных ценностей, поэтому преподаватель не имеет права признавать, провозглашать и навязывать какие-то общезначимые цели воспитания и образования, базирующиеся на неких универсальных и абсолютных нормах. Это означает, что сегодня «воспитание и образование потеряли свой смысл»¹.

Катастрофичность такого антисистемного периода в социальной системе опасна тем, что в антипедагогической коммуникативной информационно-смысловой среде, отчасти являющейся отражением коллективного сознания, протекают процессы формирования личности индивида.

Ценностные ориентации личности и ее ментальный мир будут соответствовать жизненному укладу (образу жизни), формируемому коммуникативной, информационно-смысловой средой социальной системы, что подтверждается высказыванием В. Франкла о ценностях, которым «нельзя научить, ценности нужно прожить»².

Процесс их формирования в личности, прежде всего, зависит от коммуникативной информационно-смысловой среды, по сути являющейся воспитательной средой, транслирующей на индивидуальном и общественном уровне энтропийные или негэнтропийные модели социального поведения, определяющие онтологию и гносеологию личности.

Иначе сформировать у человека, например, личную гигиену или правосознание как норму в его поведении возможно и эффективно не лекциями и морализаторством, а нормами (ценностями) социального поведения, отраженными в обыденной жизни. Такая обыденность для индивида является воспитательной средой, формирующей фоновые условия, адаптация

¹ Огурцов А. Антипедагогика: вызов постмодернизма // Высшее образование в России. 2002. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antipedagogika-vyzov-postmodernizma> (дата обращения: 07.12.2025)

² Франкл В. Э. Воля к смыслу. М.: «Альпина Диджитал», 2018. С. 46.

к которым обеспечивает развитие его личности. В целом это следует считать самой эффективной технологией воспитательного (педагогического) профилактического (предупредительного) воздействия социальной системы на индивидуальном и коллективном уровне.

Воспитательная среда есть «совокупность внешних по отношению к человеку факторов, посредством чего он воспитывается и развивается. Это то, среди чего пребывает человек – предметы, Вещи явления, отношения, события, факты, ситуации и т. д. и т. п.

Среда формирует образ жизни человека, а через него и характер, способности, отношения. Духовно и материально богатая среда обогащает людей, бедная – обедняет, порочная – калечит. Через средовые факторы можно управлять некоторыми сторонами развития личности: поддерживать, порождать, предупреждать появление одних качеств и разрушать, не поддерживать другие. На основе идеи о роли среды в воспитании детей сформулирован новый педагогический принцип средового подхода к образованию, воспитанию, обучению и развитию»¹.

По своей сути, вышесказанное в полной мере составляет основу внутреннего контура ментальной безопасности социальной системы. Внутренний контур заключается в том, что социальной системе необходимо наполнить коммуникативную информационно-смысловую среду негэнтропийными образами, формирующими фоновое (средовое) естественное воспитательное воздействие на коллективное и индивидуальное сознание.

Фактически, внутренний контур ментальной безопасности обеспечивается созданием педагогической коммуникативной информационно-смысловой среды с высоким уровнем негэнтропийного содержания, которая основывается и, в свою очередь, воздействует на ментальный уровень коллективного и индивидуального сознания социальной системы.

Педагогичность информационно-смысловой среды заключается в том, что социальная система организует и управляет негэнтропийным содержанием культуры, искусства, образования, науки, а также средствами его доставки до сознания индивида – средствами массовой информации, тем самым обеспечивая безопасность своего гуманитарного пространства, в котором происходит создание и развитие новых элементов – личности человека.

С правовой точки зрения, триггером в обеспечении внутреннего контура ментальной безопасности следует назвать поправки к Конституции Российской Федерации, внесенные законодателем в 2020 году и принятые

¹ Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург. В. С. Безрукова. 2000. // URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2133/Среда_воспитания (дата обращения: 07.12.2025)

на всенародном голосовании (референдуме), закрепляющие основные социальные гарантии, обеспечивающие развитие человека и общества.

Такие изменения в основном законе России, обеспечивающие не только ее ментальную безопасность, но и в каком-то смысле провозглашающие ее ментальный суверенитет, являются реакцией на угрозы экзистенциального характера, вызванные агрессивной (враждебной) политикой стран коллективного Запада в культурно-информационном, экономико-политическом и военно-политическом пространстве.

Также другим правовым актом, по сути устанавливающим контуры внешней и внутренней ментальной безопасности, является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, например, в которой в п. 92 провозглашается: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах, развитие коллективных начал российского общества, поддержка социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения...».

На внутреннем контуре ментальной безопасности такой угрозой и одновременно преимуществом можно назвать многонациональное, многоконфессиональное и многокультурное устройство Российской Федерации, что позволяет говорить о системе симбиотического сосуществования менталитетов народов и культур нашей страны. Однако разница менталитетов в российском и постсоветском полинациональном и поликультурном пространстве в определенных условиях может вызвать противоречия (столкновение менталитетов) в виде криминальных форм поведения, например, преступления, совершаемые мигрантами и т.д.

Для предупреждения таких столкновений менталитетов социальной системе, для обеспечения внутреннего контура ментальной безопасности, необходимо сформировать наднациональную, надрелигиозную, надкультурную идеологию. По нашему мнению, в настоящее время потенциалом для формирования такой наднациональной, надрелигиозной, надкультурной идеологии в России обладает такое течение отечественной философской мысли, как русский космизм¹, основанный на холистическом (от греческого *holos* – целый, цельный) мировоззрении.

¹ Русский космизм : Антол. филос. мысли / [Сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; Вступ. ст., с. 3-33, С. Г. Семеновой; Примеч. А. Г. Гачевой]. Москва : Педагогика-пресс, 1993. 365 с.

Внешний контур ментальной безопасности социальной системы обеспечивается ее защитной реакцией как сложной открытой системы в процессе взаимодействия (соприкосновения) с внесистемной (внешней) средой, образованной другими социальными системами. Логика (идеология) обеспечения внешнего контура ментальной безопасности отлична от внутренней. По нашему мнению, логику обеспечения ментальной безопасности на внешнем контуре социальной системы можно проиллюстрировать концепцией американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹, одна из основных идей которой заключается в том, что границы, разделяющие человечество (цивилизации), а также источники конфликтов, преимущественно определяются культурой, т.е. на ментальном уровне социума.

Важно отметить, что одно из важнейших системных отличий внешнего контура ментальной безопасности от внутреннего заключается в том, что внешний не ограничен границами пределов социальной системы. Другими словами, края внешнего контура ментальной безопасности могут значительно превышать пространство, ограниченное политическими границами государства, т. е. внешний контур может (должен) распространяться во внутреннюю информационно-смысловую среду (пространство) соседних граничащих социальных систем (государств), например, создание культурных центров, школ, киностудий, телеканалов и т.д.

В качестве негативного (отрицательного) примера обеспечения ментальной безопасности на внешнем контуре можно привести многочисленные факты совершения диверсий на железнодорожном транспорте, а также террористический акт, совершенный в 2024 году в торгово-развлекательном комплексе «Крокус-Сити» в Москве.

По нашему мнению, с точки зрения ментальной безопасности, лица, имеющие гражданство государств постсоветского пространства, прибывая в Российскую Федерацию, уже имели в менталитете, отраженном на бессознательном и сознательном уровне индивида, враждебные образы энтропийного характера. При совокупном воздействии объективных и субъективных факторов это обеспечило фазовый переход с протокриминальной стадии в предкриминальную на уровне мышления (осмысления) и физического действия в виде совершения террористического акта – криминальную фазу преступления. В этом смысле потенциальные ментальные образы негативного мировосприятия культурно-политического смыслового пространства России не были подавлены ни на уровне внешнего, ни на уровне внутрен-

¹ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [Пер. с англ. Ю. Новикова]. Москва ; СПб. : АСТ, 2003. 603 с.

него контуров ментальной безопасности и тем самым явились мотивообразующим фактором криминального поведения.

По нашему мнению, с этой точки зрения, к основным факторам, приведшим к совершению данного преступления, следует отнести: 1) низкий уровень обеспечения ментальной безопасности на внешнем контуре, то есть недостаточное присутствие в странах постсоветского пространства организованных условий для информационно-смыслового педагогического воздействия на ментальный уровень личности с целью подавления образов враждебности и негативного восприятия граждан и культуры России посредством трансляции ее положительного образа; 2) низкий уровень обеспечения ментальной безопасности на внутреннем контуре, то есть энтропийное содержание коммуникативной информационно-смысловой среды, не обеспечивающее достаточного (необходимого) педагогического воздействия на личность человека, что могло стать одним из провоцирующих факторов, вызвавших враждебность, которая явилась одной из основ крайней формы реакции криминального характера.

Современная ситуация с противодействием преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства осложняется тем, что Российской Федерации фактически объявлена ментальная война¹.

«Боевые действия» ментальной войны происходят в информационно-смысловом пространстве социальной системы и преимущественно носят идеологический характер, направленный на формирование в индивидуальном и коллективном сознании антисистемного мировоззрения. Важно понимать, что противостоять энтропийной идеологии возможно исключительно методом создания негэнтропийной педагогической идеологии – идеологии расчеловечивания следует противопоставить идеологию очеловечивания.

В этом смысле считаем необходимым инициировать создание стратегии ментальной безопасности Российской Федерации и стран СНГ, устанавливающей стандарты обеспечения безопасности в противодействии энтропийным явлениям в функционировании коммуникативной педагогической информационно-смысловой среды стран постсоветского пространства.

Таким образом, можно констатировать, что эффективная профилактика и предупреждение преступлений, описанных в главе 29 УК РФ, возможны только на основе системной деятельности по возведению внутренних и внешних контуров ментальной безопасности государства.

¹ Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnaya-voyna-rossii> (дата обращения: 07.12.2025); Борзова Е.П., Ковалев А. А. Ментальные войны как новый вызов современному миру // ЭСГИ. 2022. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnye-voyny-kak-novyy-vyzov-sovremennomu-miru> (дата обращения: 07.12.2025).

**КООРДИНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАДА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ
В ПЕРИОД ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА
В 1941–1944 ГОДАХ**

Александр Германович ЮРАСОВ

Прокуратура Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности координационной деятельности прокуратуры Ленинграда по противодействию преступности в период обороны и блокады Ленинграда в 1941-1944 годах.

Рассмотрены вопросы нормативного и организационного обеспечения наиболее действенные формы деятельности прокуратуры Ленинграда по противодействию преступности в период обороны и блокады.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о результативности и итогах деятельности прокуратуры Ленинграда по противодействию преступности в период обороны и блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история уголовного права, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, прокуратура Ленинграда, координационная деятельность прокуратуры, противодействие преступности

Original article

**COORDINATING ACTIVITIES OF THE LENINGRAD
PROSECUTOR'S OFFICE TO COMBAT CRIME DURING
THE DEFENSE AND SIEGE OF LENINGRAD IN 1941–1944**

Alexander G. YURASOV

St. Petersburg Prosecutor's Office, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the specifics of the coordination activities of the Leningrad Prosecutor's Office to combat crime during the defense and siege of Leningrad in 1941-1944.

The issues of regulatory and organizational support for the most effective forms of activity of the Leningrad Prosecutor's Office to combat crime during the defense and blockade are considered.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion about the effectiveness and results of the activities of the Leningrad Prosecutor's Office in combating crime during the defense and blockade of Leningrad during the Great Patriotic War.

Keywords: history of criminal law, the Great Patriotic War, the siege of Leningrad, Leningrad Prosecutor's Office, coordination activities of the prosecutor's office, crime prevention

Цель проведенного исследования состоит в том, чтобы показать работу органов прокуратуры Ленинграда в условиях блокадного времени, проблемы с которыми сталкивались наши коллеги в тот самый сложный период и конкретные результаты их работы.

Во все времена одной из главных задач прокуратуры была в той или иной степени координация работы правоохранительных органов по противодействию преступности.

Координационная деятельность – это обеспечение согласованной деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Целью такой деятельности является осуществление согласованных мер по выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствовавших их совершению. В целях обеспечения координационной деятельности прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует необходимую информацию и осуществляет иные полномочия.

Согласно действовавшему накануне Великой Отечественной войны законодательству сходные функции были возложены и на прокуратуру СССР.

В июне 1933 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была образована Прокуратура СССР, которая раньше называлась Прокуратура Верховного суда СССР. 17 декабря 1933 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о прокуратуре СССР, в соответствии с которым на прокуратуру помимо иных функций возлагались надзор на основе особого положения за законностью и правильностью деятельности ОГПУ, милиции и исправительно-трудовых учреждений. По сути, именно с этого момента прокуратура становится самостоятельным, независимым надзорным и координирующим органом. Окончательно были закрепили эти функции прокуратуры в статьях 113 и 117 Конституции СССР 1936 года, утвержденной Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР.

Формы координации работы по противодействию преступности имели в то время свою специфику. В первую очередь это было связано со взаимодействием с Ленинградским горкомом ВКПб и Военным Советом

Ленинградского фронта, которые являлись основными органами управления Ленинграда в период блокады.

Как следует из справки «О работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности за время с 01.07.1941 по 01.07.1943» – в основу проводимой борьбы с преступностью были положены указания И. В. Сталина, Указы Президиума ВС СССР, Постановления ГКО, Военного Совета Ленфронта и Городского комитета ВКП(б). Организуя борьбу с преступными элементами и надзирая за соблюдением законности, прокуратура стремилась к тому, чтобы всемерно помочь руководящим партийным и советским органам города во всех проводимых ими мероприятиях.

Одной из распространенных форм взаимодействия с органами власти стало проведение докладов и бесед на рабочих собраниях по различным вопросам: охраны революционного порядка, о борьбе с хищениями социалистической собственности, о соблюдении трудовой дисциплины. За первые два года блокады прокурорами было проведено 372 таких докладов и бесед.

В частности, в 1943 году по вопросам борьбы со злоупотреблениями в области торговли и снабжения прокуратурой были установлены факты неудовлетворительного состояния учета и контроля за расходованием продовольствия, запоздалое вскрытие фактов злоупотреблений, несвоевременное реагирование на эти злоупотребления и недостаточное внимание подбору кадров.

С целью устранения этих нарушений районными прокурорами на заседаниях бюро районных комитетов ВКП(б) были проведены тематические доклады, по которым были приняты партийные и советские решения. Такие же доклады прокуратуры города были обсуждены на созванном Горкомом ВКП(б) городском совещании работников торгового аппарата и контрольных органов.

Наиболее действенным мероприятием прокуратуры по надзору за следствием в органах милиции считалось непосредственное участие прокуроров в расследовании (допросы обвиняемых, свидетелей) и дача письменных указаний по делам. Эта работа постоянно наращивалась. Если в 1 полугодии 1942 г. прокуроры приняли участие в 672 допросах (4 %) и ими было дано 524 указания (3 %) по делам, расследуемым милицией, то в 1 полугодии 1943 г. с участием прокуроров было допрошено уже 1812 лиц (30 %) и дано указаний по 1309 (20 %) делам.

Интересно, что по делам, находившимся в производстве УНКГБ, с участием прокурора было расследовано 95 % дел. Кроме вышеуказанных, использовались такие формы координационной и методической работы, как

проведение учебных конференций, дача заданий следователям по изучению методических писем, принятие зачетов у следователей.

В первые месяцы войны было принято большое количество новых законодательных актов, приказов, постановлений, надзор за правильным и неукоснительным применением которых требовал скорейшего создания судебной и следственной практики, решающая роль в формировании которой ложилась на прокуратуру.

Так 26.06.1941 опубликован Приказ Прокурора СССР и НКВД СССР «О квалификации нарушения правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне», 06.07.1941 Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», 12.07.1941 Указ Президиума ВС СССР «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений», 14.07.1941 постановление Пленума ВС СССР «О квалификации случаев уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств», 22.09.1941 постановление Пленума ВС СССР «О квалификации случаев уклонения от сдачи призматических биноклей», 11.10.1941 постановление Пленума ВС СССР «Об уголовной ответственности граждан, уклоняющихся от всеобщего обязательного обучению военному делу» и т. д.

Все эти нормы требовали незамедлительного и самого главного правильного, единообразного и законного применения. Некоторые вопросы решались в оперативном порядке. Так, 28 июня 1941 всем прокурорам на местах была направлена телеграмма Прокурора Союза ССР № 65, согласно которой «Лиц, не состоявших на воинском учете, но после объявления мобилизации явившихся в военкоматы, к уголовной ответственности не привлекать. Дайте указания всем прокурорам и милиции».

Не менее четкие указания о квалификации и сроках расследования за злоупотребления продовольственными и промтоварными карточками изложены в циркулярном письме Прокурора Союза ССР от 15.08.1941 «О надзоре за неукоснительным соблюдением законов о порядке торговли по карточкам». Сами тексты этих документов говорят о решающей роли прокуратуры в координационной работе правоохранительных органов и в формировании уголовно-судебной практики.

Главной особенностью работы прокуратуры Ленинграда в блокаду стал ее переход на военные рельсы. В городах и районах СССР, объявленных на осадном положении, территориальные судебно-прокурорские органы преобразовывались в военные. Еще 25.10.1941 все судебные органы и органы прокуратуры Москвы были реорганизованы в военные трибуналы и военные прокуратуры соответственно. Это решение стало прецедентом и для Ленинграда.

4 декабря такое же решение было принято уже Военным Советом Ленинградского фронта. Но еще до того, как стать официально военными РККА большинство прокурорских работников Ленинграда подали заявления об отправке на фронт, многие, получившие отказ, уходили в народное ополчение. Такой отток опытных и подготовленных кадров в дальнейшем не мог не сказаться на работе прокуратуры. Похожая ситуация сложилась тогда и в других правоохранительных органах. Все эти факты отразились на борьбе с преступностью в Ленинграде.

Криминогенная обстановка в городе в течение блокады соответствовала складывающейся вокруг и внутри города военно-политической обстановке. Еще летом в Ленинград хлынули массы беженцев из ближайших Псковской и Ленинградской областей и Прибалтийских регионов.

Этот процесс использовался абвером для заброски своих агентов. Город был обложен базами, разведшколами, в которых подготовка диверсантов была поставлена на поток. Лазутчиков забрасывали в город всеми возможными способами. Внутри города также активизировались враги советской власти, их деятельность была направлена на усиление агитации против действующего режима, распространение панических и пораженческих слухов, распространение соответствующих листовок и анонимок. Свои действия они координировали с немецкой разведкой.

Именно поэтому в структуре преступности 1941 г. значительную долю занимали контрреволюционные преступления. 80 % лиц из всего числа осужденных по этим статьям были осуждены в 1-й год войны. Уже во второй половине 1942 года число осужденных по этой категории дел сокращается до 13 %, а в первом полугодии 1943 года оно составляло только 6,8 %.

Всего же в первые два года войны за контрреволюционные преступления было осуждено 3799 из 15193 лиц (т.е. 21,7 % от общего количества осужденных). При этом к высшей мере наказания за эти преступления в этот период приговорено было 759 человек (20 %). Таким образом активная работа правоохранительных органов, тесное взаимодействие прокуратуры и УНКГБ позволили достаточно быстро снизить число преступлений против государственной власти и безопасности государства.

Начиная с 1942 года, особое значение приобретают преступления, связанные с хищением социалистической собственности. Самыми пораженными в этой области стали органы торговли и предприятия общественного питания. Число осужденных по закону от 07.08.1932 г. достигало в 1 полугодии 1942 г. 1107 человек (56 % всех судимых за хищение социалистической собственности).

Затруднения со снабжением продовольствием населения закономерно вызвали значительный рост спекуляции, за которую было осуждено

в 1 полугодии 1942 года 541 человек (50,5 % от всех осужденных за эти преступления за два года войны). В этой связи в апреле 1942 года было принято постановление Военного Совета Ленфронта «Об усилении борьбы со спекуляцией», в это же время стала улучшаться и обстановка со снабжением. Все это способствовало тому, что эти преступления пошли на убыль. В 1 полугодии 1943 года за спекуляцию было осуждено только 126 человек, на 415 меньше, чем в тот же период 1942 года.

Зимой 1941–1942 г. в городе фиксировался значительный рост убийств и разбойных нападений, связанных с завладением продовольственными карточками и продуктами питания, а также хищения имущества эвакуированных. Для того что бы сбить волну этих преступлений бюро Горкома ВКП(б) и Военный совет Ленфронта принял ряд постановлений, направленных на борьбу с этими проявлениями, в отношении этих преступлений стал применяться закон, приравнивающий эти деяния к бандитизму. Это дало свой эффект – если за 1 полугодие за эти виды преступлений было осуждено 1216 человек, то во 2-й половине 1942 г. уже 546 , а в 1 половине 1943 г. всего 194 человека.

Существовали особенности в состоянии преступности в сфере соблюдения населением воинских повинностей, соблюдения правил противовоздушной обороны и трудовой повинности. Следует отметить крайне незначительное число лиц, осужденных за эти новые преступления – за первые два года войны по этим видам преступлений было осуждено только 441 человек. За уклонение от мобилизации и воинского учета было осуждено всего 392 человека.

Сложившаяся оперативная обстановка предъявляла свои жесткие требования к работе всех правоохранительных органов. В первую очередь это касалось сроков расследования уголовных дел. Прокуратура Ленинграда неуклонно работала над сокращением сроков расследования. О колоссальной нагрузке на следователей прокуратуры свидетельствуют такие цифры: по итогам 1943 года из 4245 оконченных уголовных дел 1023 дела было расследовано в сроки до 2-х дней, 1132 от 2-х до 5-ти дней, от 5 до 10 дней 1543 дела. Свыше 2-х месяцев в 1943 году было расследовано только 28 дел. В первые два года войны число дел, расследованных в срок до 10 дней, составило 77,4 %.

Подобные сжатые сроки, как и нехватка опытных кадров во всех правоохранительных органах, к сожалению, сказывались и на качестве расследования. Так, на дополнительное расследование за первые два года войны было возвращено 481 дело, прекращено на стадии расследования 1633 дела (тут надо отметить, что большинство дел в 1941 г. было прекращено в связи

с призывом в РККА фигурирующих в них лиц, а в 1 полугодии 1942 года в связи со смертью обвиняемых).

С течением времени, благодаря более качественно организованной работе и координационной деятельности прокуратуры, количество таких фактов неуклонно сокращалось. Если в 1941 г. судом возвращалось на дополнительное расследование 5,1 % дел, то в 1943 г. уже 3,1 %. Прекращаемость дел 1941 г. составляла 22,9 %, а в 1943 уже 4,1 %.

Непростая ситуация складывалась и при рассмотрении уголовных дел в судах. Острая нехватка государственных обвинителей, особенно в первые месяцы войны, не позволяла обеспечить должное участие прокурора в судебном процессе. Так во 2-м полугодии 1941 участие прокуроров в судах составляло всего 13 (0,1 % к числу рассмотренных дел), в 1 полугодии 1942 г. картина поменялась не существенно – 17 выступлений (0,2 %).

С приходом новых кадров, которые набирались опыта, с хода окунаясь в следственную и надзорную работу, ситуация во всех отраслях надзора быстро выравнивалась. Росло качество следствия, качество прокурорского надзора, улучшался уровень поддержания государственного обвинения.

Благодаря принятым мерам, начиная с лета 1942 г. картина начинает радикально меняться – во 2 полугодии 1942 г. уже насчитывается 1231 выступление (10,7 %) , в 1 полугодии 1943 г. – 3341 (50,4 %). В прямой зависимости от участия прокурора находились и показатели по оправданным лицам. Если во 2-м полугодии 1941 г., когда процент участия прокурора в процессе был минимальным, судами было оправдано 1219 лиц (9,3 %) , то за 1 полугодии 1943 г., когда прокурор выступал в каждом втором деле, оправдано только 367 человек (5,1 %).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство оправданных приходилось на лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по Указу Президиума ВС СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому вводилась уголовная ответственность за самовольный уход с рабочего места. За 2 года по таким обвинениям было оправдано 4212 из 40596 человек.

Вместе с тем подобная судебная статистика говорит об объективном подходе судей и прокуроров к рассмотрению уголовных дел общеуголовной направленности и развенчивает миф о тотальной репрессивной машине, которая не разбирая правых и виноватых осуждала всех граждан по всем предъявленным им обвинениям .

Таким образом, приведенные выше факты убедительно доказывают важную роль прокуратуры Ленинграда в координации работы всей правоохранительной системы блокадного города. Работа прокуратуры Ленин-

града получила высокую оценку от руководства прокуратуры Союза ССР еще в период Отечественной войны.

В приказе от 02.12.1942 года «Об организации борьбы с преступностью и о состоянии следственной работы Военной Прокуратуры г. Ленинграда» прокурор Союза ССР В. М. Бочков указал, что «прокуратура и следователи г. Ленинграда успешно справились со стоявшими перед ними задачами» и отметил «значительные достижения в следственной работе Военной Прокуратуры г. Ленинграда, явившиеся результатом энергичной и умной работы ленинградских следователей и четкого руководства их работой».

Общими усилиями всех правоохранителей города ситуация с преступностью была сначала стабилизирована, а потом сведена к минимуму. Все это стало возможно благодаря прокурорским работникам, которые оказались в труднейшее время в одном из самых трудных и опасных мест второй мировой войны – в осажденном Ленинграде. Благодаря их мужеству, стойкости и выдержке город не сполз в пучину хаоса и преступной анархии, был обеспечен порядок и законность во всех сферах жизнедеятельности города. Благодаря их героизму город выдержал величайшее испытание в своей истории. Наша же цель – сделать так, чтобы эти годы борьбы никогда не были забыты, чтобы никто не посягал на историческую правду о защитниках нашей Родины.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО»

Научная статья
УДК 343.344

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рамиль Амилович АБДУЛОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
sprama@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юриди-

ческого института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу незаконного оборота оружия, рассматриваемого как самостоятельное, массовое и опасное социально-правовое явление, подрывающее основы государственной и общественной безопасности.

Выявлены проблемы правоприменения, связанные с неопределенностью момента окончания преступления, технической сложностью процессов и терминологической неполнотой нормативного регулирования, приводящие к неоднородности судебной практики.

Обоснована необходимость совершенствования уголовно-правового и методического обеспечения противодействия нелегальному обороту оружия в контексте угроз безопасности государства.

Ключевые слова: общественная безопасность незаконный оборот оружия, изготовление оружия, переделка оружия, ремонт оружия

Original article

ILLEGAL ARMS TRAFFICKING AS A THREAT TO STATE SECURITY

Ramil A. ABDULOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, cprama@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of illegal arms trafficking, considered as an independent, massive and dangerous socio-legal phenomenon that undermines the foundations of state and public security.

The problems of law enforcement related to the uncertainty of the moment of the end of the crime, the technical complexity of the processes and the terminological incompleteness of regulatory regulation, leading to the heterogeneity of judicial practice, are revealed.

The necessity of improving the criminal law and methodological support for countering illegal arms trafficking in the context of threats to state security is substantiated.

Keywords: public safety, illegal arms trafficking, manufacture of weapons, conversion of weapons, repair of weapons

В современной науке и правоприменительной практике незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств обоснованно рассматривается как самостоятельное, относительно массовое социально правовое явление, которое выходит далеко за рамки отдельных составов преступлений.

Корецкий Д. А. и Солоницкая Э. В. толкуют незаконный оборот оружия как преступное движение оружия, выражающееся в существенном нарушении правил законного оборота, приводящим к выходу его из-под контроля, и вовлечение в криминальную сферу¹. Необходимо также, учитывать отклонения и в сфере законного оборота оружия, создающие предпосылки его криминализации².

Ключевые свойства оружия как орудия преступления³: источник повышенной опасности; особый правовой статус; предназначены для деструкции живых организмов и разрушения объектов; особый предмет посягательства, обладающий специфической конструкцией и материальной природой.

Предметы незаконного оборота обладают двойственной уголовно-правовой природой: они выступают как непосредственный предмет посягательства в преступлениях (статьи 222–226.1 УК РФ), так и выполняют роль конструктивного признака состава либо способа совершения деяния в рамках иных уголовных правонарушений, направленных на подрыв общественной безопасности и общественного правопорядка, жизни, основ конституционного строя (терроризм, бандитизм, вооруженный мятеж и др.).

Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, утвердивший Стратегию национальной безопасности, относит выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (п. 47 подп. 15), к числу приоритетных задач государственной и общественной безопасности. Тем самым нормативно подтверждается системный характер угроз, исходящих от указанной категории преступлений.

¹ Корецкий Д. А. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение. Москва: Высшая школа, 2019. С. 92.

² Робак В. А. Понятие незаконного оборота оружия и классификация преступлений // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 4. С. 200–204.

³ Хрушков Н. В. Уголовно-правовая характеристика незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов: дипломная работа. Екатеринбург, 2019. С. 13.

В структуре незаконного оборота оружия особое место занимает преступление, предусмотренное ст. 223 УК РФ. Незаконное изготовление, переделка и ремонт формируют материальную основу его дальнейшего преступного использования, следовательно, детерминируют совершение иных тяжких деяний против государственной безопасности.

Анализ объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ, имеет принципиальное значение для единообразной квалификации и эффективного противодействия нелегальному обороту оружия. Практика применения нормы выявляет существенные правовые и экспертные затруднения: отсутствие четких критериев разграничения альтернативных действий, неопределенность момента окончания деяния, а также сложность оценки технических действий, связанных с переделкой или ремонтом оружия. Технологическая сложность соответствующих процессов и неполнота терминологии обуславливают разночтения в экспертных выводах и неоднородность судебной практики. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость нормативного и методического уточнения признаков объективной стороны для обеспечения неотвратимости уголовной ответственности.

Объективная сторона выражается в ряде альтернативных действий: изготовление, переделка и ремонт. Состав по конструкции объективной стороны – формальный¹.

Согласно абз. 5 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под незаконным изготовлением следует понимать создание, переделка предметов в нарушении установленного порядка, в результате чего такие предметы приобретают свойства соответствующего вида оружия либо боеприпасов.

Абз. 6 того же пункта толкует незаконную переделку как разновидность изготовления, входе которого у преобразуемого объекта изменяются тактико-технические характеристики в нарушение установленного порядка, при котором независимо от результата такие предметы сохраняют поражающие свойства.

Критерием переделки является факт внесения конструктивных изменений, влияющих на тактико-технические характеристики реально полученного оружия (боеприпасов), а не на характеристики исходных предметов.

Разграничение изготовления и переделки определяется исходным объектом: изготовление имеет место тогда, когда создается новый предмет,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2022. С. 138.

ранее не обладавший признаками оружия или его основной части (например, превращение строительного пистолета в огнестрельный либо формирование ствола из заготовки). Переделка же предполагает изменение уже существующего оружия, влекущее вышеописанные изменения.

Для квалификации значения не имеет, из каких материалов – кустарного либо промышленного изготовления – создан или модифицирован соответствующий объект.

Преступление при изготовлении и переделке оружия считается оконченным, когда предмет приобретает признаки соответствующего вида оружия и становится конструктивно и функционально пригодным для поражающего действия, независимо от степени внешней отделки.

Понятия сборки оружия и приспособления предметов под оружие в уголовном законе не закреплены, а в научной литературе отсутствует единый подход к их определению, что придает данной проблематике дискуссионный характер. Представляется обоснованным рассматривать сборку и приспособление как способы незаконного изготовления оружия.

Незаконная сборка – это форма изготовления, заключающаяся в безлицензионном соединении основных частей оружия в конструктивно и функционально полноценный образец, обладающий свойствами оружия.

Под приспособлением следует понимать внесение в конструкцию предмета, изначально не относящегося к оружию, таких изменений, которые впервые придают ему функциональные признаки и поражающие свойства оружия: установку ударно–спусковых или метательных механизмов, создание направляющих элементов, узлов крепления боеприпасов либо иных устройств, обеспечивающих возможность поражающего воздействия.

Если в результате приспособления предмет приобретает конструктивные и функциональные свойства оружия, содеянное должно оцениваться как способ изготовления.

Вместе с тем, когда модифицированный предмет содержит взрывчатые вещества или по своей сути становится самодельным взрывным устройством, действия подлежат квалификации по специальным нормам – ст. 222.1 УК РФ или 223.1 УК РФ, независимо от вида носителя и способов доставки, включая использование беспилотных летательных аппаратов.

Незаконный ремонт в уголовно-правовом смысле – это выполнение без лицензии работ, направленных на восстановление технической исправности оружия или его основных частей, в результате чего оружие вновь приобретает функциональную пригодность к стрельбе.

Художественная отделка, восстановление внешнего вида, иные действия, не влияющие на конструктивные характеристики и функциональные качества оружия, не образуют состава по ст. 223 УК РФ Преступление

считается оконченным с момента фактического восстановления его поражающих свойств¹.

При оценке объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ, необходимо учитывать не только сами действия – изготовление, переделку или ремонт, но и дополнительные элементы состава, прежде всего способ совершения деяния и предмет охраны, которые непосредственно влияют на степень его общественной опасности.

Ч. 4 ст. 223 УК РФ предусматривает самостоятельный состав преступления, охватывающий незаконный ряд действий с огнестрельным оружием ограниченного поражения, и лишь изготовление газового, пневматического (с дульной энергией свыше 7,5 Дж), холодного, метательного оружия и патронов к ним (не охватывает изготовление и переделку).

Если же до начала действий оружие как функциональный объект отсутствовало и имелся лишь набор отдельных элементов, даже при условии их непригодности, не образующих цельного изделия, их восстановление и последующее соединение фактически создает новый предмет с поражающими свойствами. В таком случае содеянное подлежит квалификации как незаконное изготовление.

Если изготовлена только основная часть, но умысел был направлен на получение готового огнестрельного оружия, содеянное следует расценивать как покушение на незаконное изготовление оружия, а не как оконченный состав изготовления основной части. Когда же преступный замысел ограничивался изготовлением именно основной части и эта часть фактически создана, деяние образует оконченный состав преступления.

Следует отметить, что изготовление основных частей оружия, в виду чего оно фактически разобрано, образует оконченное изготовление оружия, в виду того, что осуществима быстрая его сборка и использование.

Покушением также признаются случаи, когда лицо выполняет отдельные технологические операции, объективно направленные на создание оружия (обработка деталей, сборка, установка механизмов, изготовление отдельных элементов), но не доводит процесс до получения функционально пригодного образца по независящим от него обстоятельствам².

Приготовление имеет место тогда, когда виновный лишь создает условия для будущего изготовления оружия – например, приобретает детали, заготовки, материалы или инструменты, но не приступает к непосредст-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. К. В. Образиев, Н. И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2022. С. 138.

² Муркштис М. И., Савинова Е. А. Объективные признаки незаконного приобретения и изготовления оружия: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4(44). С. 56–61.

венным технологическим операциям, направленным на формирование оружия или его основной части.

Процесс изготовления оружия включает в себя не только итоговый результат, но и всю систему действий, совершаемых в ходе его изготовления. Ввиду этого общественную опасность представляет не только конечный результат, но и процесс входе достижения ряда альтернативных действий, описанных в диспозиции ст. 223 УК РФ. Такой подход соответствует технологической логике производственного цикла оружия и позволяет разграничивать стадии объективной стороны в зависимости от направленности умысла и степени фактического продвижения к созданию соответствующего предмета.

Разборка и сборка технически исправного предмета выражает фактическое владение оружием и при отсутствии разрешения образует состав незаконного хранения оружия.

Если группа лиц либо организованная группа изготавливает основные части оружия с намерением последующей сборки готового образца, то такие действия подлежат квалификации как покушение.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 17.06.2014 № 18-П, а также специального правового режима оружия, имеющего культурную ценность, представляется, что при толковании и применении ст. 223 УК РФ подлежат учету особенности оборота старинного (антикварного) оружия, его копий и реплик. Указанное Постановление непосредственно относится к оценке конституционности ч. 4 ст. 222 УК РФ и регулирования незаконного сбыта холодного оружия, однако выработанный Конституционным Судом подход к необходимости дифференциации правового режима оружия, обладающего культурной ценностью, и учету его специального назначения может быть воспроизведен и при квалификации деяний по ст. 223 УК РФ.

Исходя из этого, изготовление, переделка и ремонт старинного (антикварного) оружия, его копий и реплик, осуществляемые в целях сохранения, реставрации и музейной (экспозиционной) деятельности и не направленные на восстановление либо придание предметам поражающих свойств, не должны образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ. Лишь действия, объективно создающие реальный вооруженный потенциал и угрозу общественной безопасности, могут рассматриваться через призму данной нормы.

На основании анализа судебной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации можно выделить правила разграничения единого преступления и совокупности в квалификации деяний по ст. 223 УК РФ:

1. Реальная совокупность возникает, если деяния совершены в разное время, с разными целями, в отношении объектов с разной уголовно-правовой охраной;

2. Единым признается преступление, если, действия совершаются в рамках единого умысла и в отношении одного объекта.

При этом выявляется еще одна принципиальная проблема: несоответствие уголовно-правовой дифференциации ответственности реальной степени общественной опасности различных форм незаконного обращения с оружием.

Создание нового вооруженного потенциала – через незаконное изготовление, переделку и ремонт оружия – нередко санкционируется мягче или сопоставимо с незаконным хранением либо сбытом (ст. 222 УК РФ), что приводит к смещению репрессивного акцента с первичного звена преступной цепочки на вторичный оборот.

Отсутствие альтернативных мер наказания и гибких механизмов индивидуализации ответственности по базовым составам ст. 223 УК РФ провоцирует несоразмерность наказаний, ослабляет превентивную функцию уголовного закона и затрудняет эффективное противодействие формированию нелегального вооруженного потенциала

Таким образом незаконный оборот оружия представляет собой устойчивое криминальное явление, оказывающее прямое воздействие на безопасность государства и подрыв конституционного строя. Его общественная опасность выражена во вредоносности и прецедентности, вовлечением рецидивного контингента и дальнейшем перетеканием в криминальную сферу.

Научная статья

УДК 343.3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

Абдулварис Багавдинович АБДУЛХАМИДОВ

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия,
abdul6719640@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского госу-

дарственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации), кандидат юридических наук, доцент **Айша Габировна ТАЙЛОВА**

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ теоретических и практических проблем, возникающих при применении статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма.

Исследуются дискуссионные вопросы квалификации данного преступления, его отграничения от смежных составов.

На основе проведенного анализа предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой охраны исторической памяти и обеспечение единообразия судебных решений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, историческая память, реабилитация нацизма, заведомо ложные сведения, символы воинской славы, осквернение, унижение достоинства ветерана

Original article

CURRENT ISSUES OF THE THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE REHABILITATION OF NAZISM

Abdulvaris B. ABDULHAMIDOV

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia,
abdul6719640@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Candidate of Law, Associate Professor **Aisha Gabirovna TAILOVA**

Abstract. This article analyzes the theoretical and practical problems that arise in the application of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for the rehabilitation of Nazism.

The debatable issues of the qualification of this crime and its differentiation from related crimes are investigated.

Based on the analysis, ways are proposed to improve legislation and law enforcement practice aimed at improving the effectiveness of criminal law protection of historical memory and ensuring uniformity of judicial decisions.

Keywords: criminal liability, historical memory, rehabilitation of Nazism, deliberately false information, symbols of military glory, desecration, humiliation of the dignity of a veteran

Противодействие попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны и оправдания преступлений нацизма является одной из важнейших задач современного правового государства, направленной на защиту основ конституционного строя и сохранение исторической памяти.

В российском уголовном законодательстве центральную роль в решении этой задачи играет статья 354.1 УК РФ. Введение данной нормы в Уголовный кодекс стало закономерной реакцией на рост проявлений исторического ревизионизма. Однако, несмотря на безусловную социальную обусловленность и актуальность, правовая конструкция указанной статьи и ее применение на практике вызывают значительные дискуссии в научной среде и порождают ряд сложностей для правоприменительных органов. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления этих проблем и выработки научно обоснованных рекомендаций по их разрешению для обеспечения эффективной защиты охраняемых законом ценностей.

Состав преступления, предусмотренный ст. 354.1 УК РФ, носит сложный, многообъектный характер. В качестве основного непосредственного объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие сохранение исторической памяти о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и об осуждении преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала. Дополнительными объектами могут выступать честь и достоинство ветеранов Великой Отечественной войны, а также общественный порядок и нравственность в части, касающейся уважительного отношения к символам воинской славы России.

Объективная сторона преступления выражается в совершении одного из альтернативных деяний, перечисленных в диспозиции статьи.

К ним относятся:

- отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, а равно одобрение преступлений, установленных указанным приговором;
- распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;
- распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;
- осквернение символов воинской славы России.

Особую сложность в теории и на практике вызывает толкование признака «заведомо ложные сведения»¹. Для квалификации деяния по данному признаку необходимо доказать не только ложность самих сведений, но и то, что субъект преступления достоверно знал об их ложности и целенаправленно их распространял. Это требует от правоприменителя глубокого анализа исторического контекста и установления прямого умысла лица, что зачастую невозможно без проведения сложных психолого-лингвистических и исторических судебных экспертиз.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Мотивы и цели могут быть различными (например, политическая или идеологическая ненависть, вражда), однако для квалификации по основной части статьи они не имеют значения, выступая в качестве квалифицирующих признаков в других составах преступлений.

Одной из центральных проблем правоприменения является отграничение реабилитации нацизма от смежных составов преступлений, в частности, от возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Эта сложность обусловлена прежде всего различием в объектах посягательства. Если статья о реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ) направлена на защиту исторической памяти, уважения к ветеранам и установленным международным трибуналом фактам о Второй мировой войне, то составы преступлений, предусмотренные статьями 280 и 282 УК РФ, охраняют основы конституционного строя, безопасность государства и общественные отношения в сфере межнационального и межконфессионального согласия.

Ключевое различие проходит по содержанию и направленности деяния. Для квалификации по статье 354.1 УК РФ необходимо, чтобы высказывание было напрямую связано с событиями Второй мировой войны. Это может быть отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, одобрение преступлений нацистов, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны или осквернение символов воинской славы России. Таким образом, предмет преступления здесь исторически конкретизирован.

В свою очередь, возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) не привязано к определенному историческому периоду. Объективной

¹ Гарбатович Д. А. Проблемы доказывания заведомой ложности сведений при квалификации реабилитации нацизма // Уголовное право. 2022. № 5. С. 25–32.

стороной данного состава преступления являются действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Оправдание нацистской идеологии может содержать признаки этого состава, но только в том случае, если оно используется как инструмент для возбуждения ненависти к современным социальным, национальным или религиозным группам.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) отличаются от исследуемого состава преступления еще большей конкретикой умысла. Здесь субъект не просто выражает мнение или дает оценку историческим событиям, а прямо призывает других к совершению конкретных действий экстремистского характера, перечень которых определен в законодательстве.

В практике часто возникает ситуация идеальной совокупности, когда одно и то же публичное высказывание может содержать признаки нескольких составов. Например, одобрение практики геноцида, совершенного нацистами в отношении определенного народа (признак ст. 354.1 УК РФ), может одновременно быть направлено на возбуждение ненависти к представителям этого народа, живущим в настоящее время (признак ст. 282 УК РФ). В таких случаях правоприменителю необходимо тщательно анализировать умысел лица, контекст высказывания и его основную цель, чтобы определить, какой из объектов посягательства пострадал в большей степени, и дать деянию верную правовую оценку.

Разграничение следует проводить в первую очередь по объекту посягательства. Если в ст. 354.1 УК РФ основным объектом является историческая память, то в составах экстремистской направленности объектом выступают основы конституционного строя и безопасность государства.

Серьезные трудности возникают при доказывании субъективной стороны, а именно прямого умысла и «заведомости» распространения ложных сведений. Необходимо отличать умышленное искажение фактов от добросовестного заблуждения, научной дискуссии или выражения личного мнения, пусть и непопулярного. Граница между критическим анализом истории и уголовно наказуемым деянием может быть весьма тонкой. Отсутствие четких критериев создает риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и, наоборот, уклонения от нее лиц, действительно совершивших преступление.

Еще одной проблемой является квалификация деяний, совершаемых с использованием сети «Интернет». Публичность распространения информации в данном случае очевидна, однако установление личности правонарушителя, сбор и фиксация цифровых доказательств требуют применения

специальных познаний и тактических приемов, что усложняет процесс расследования.

Для решения обозначенных проблем представляется целесообразным предпринять комплексные меры.

Во-первых, необходимо совершенствование самой законодательной техники. Диспозиция ст. 354.1 УК РФ нуждается в большей конкретизации. Требуют уточнения такие оценочные понятия, как «одобрение преступлений», «явное неуважение к обществу», «осквернение». Четкость формулировок позволит снизить риски их расширительного толкования и повысить предсказуемость правоприменения.

Во-вторых, важнейшую роль в правильной квалификации деяний по данной статье играет установление субъективной стороны преступления, а именно – прямого умысла. Необходимо установить, что лицо не просто высказывало спорное мнение или приводило исторические факты, которые могут быть неоднозначно истолкованы, а действовало с конкретной целью – реабилитировать нацизм, то есть оправдать его идеологию и практику, представить их в положительном свете. Отсутствие четкого разграничения между умыслом на реабилитацию нацизма и, например, умыслом на ведение научной или публицистической дискуссии по сложным вопросам истории создает риск объективного вменения, когда уголовная ответственность наступает за сам факт распространения определенной информации, вне зависимости от реальных мотивов и целей автора.

Наконец, третьим ключевым направлением является повышение качества и стандартизация экспертной деятельности, о которой говорилось ранее. Правоприменитель зачастую не обладает специальными познаниями в истории и лингвистике, чтобы самостоятельно оценить содержание спорных материалов. Именно заключение эксперта становится для него главным источником сведений о наличии или отсутствии признаков преступления. Поэтому разработка и имплементация единых, научно обоснованных методик для проведения комплексных историко-лингвистических экспертиз является насущной необходимостью. Это позволит отделить преступное деяние от добросовестного заблуждения, научной гипотезы или художественного вымысла, обеспечив тем самым справедливость и законность правосудия.

Кроме этого, назрела острая необходимость в принятии постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного судебной практике по делам о реабилитации нацизма. В данном документе следует дать разъяснения по ключевым вопросам квалификации: как определять содержание прямого умысла, какими критериями руководствоваться при установлении «заведомой ложности» сведений, как отграничивать данное

преступление от смежных составов и от реализации права на свободу слова в рамках научной или исторической дискуссии¹.

Также следует совершенствовать методическое обеспечение деятельности экспертных учреждений. Необходимо разработать и утвердить единые методики проведения исторических и лингвистических экспертиз по делам данной категории.

Это позволит обеспечить единообразие и объективность экспертных оценок, что является критически важным для справедливого правосудия. Такие методики должны устранить существующую вариативность в подходах разных экспертов и экспертных учреждений, снижая риск как необоснованного привлечения к ответственности, так и уклонения от нее.

Создание и утверждение таких единых методологий для проведения комплексных историко-лингвистических экспертиз позволит отделить научные дискуссии и выражение частного мнения от преступных деяний, направленных на оправдание и пропаганду одной из самых разрушительных идеологий в истории человечества, и обеспечит прочную доказательную базу для судебных решений.

Это позволит повысить объективность и научную обоснованность экспертных заключений, которые играют ключевую роль в процессе доказывания.

Наконец, важным направлением является профилактическая работа, включающая образовательные и просветительские программы, направленные на формирование у граждан, особенно у молодежи, объективного представления об истории и незыблемого уважения к подвигу народа в Великой Отечественной войне².

Статья 354.1 УК РФ является важным инструментом уголовно-правовой охраны исторической памяти и противодействия идеологии, оправдывающей нацистские преступления. Вместе с тем существующие теоретические и практические проблемы, связанные с ее применением, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как законодательной базы, так и правоприменительной практики.

Комплексный подход, включающий уточнение законодательных формулировок, выработку единых судебных толкований и развитие экспертных методик, позволит обеспечить эффективное и справедливое применение данной нормы, достигая баланса между защитой общественно значимых ценностей и соблюдением фундаментальных прав граждан.

¹ Чучаев А. И., Грачева Ю. В. Проблемы толкования и применения ст. 354.1 УК РФ // Lex Russica. 2020. № 10. С. 56–68.

² Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана исторической памяти: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 78–91.

Научная статья
УДК 343.32

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО
СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Кристина Александровна АНДРЕЕВА

Волжский филиал Международного юридического института,
г. Волжский, Россия, kristen-1703@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского филиала Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент **Елена Валерьевна МАЛЬЦЕВА**, lenok7979@mail.ru.

Аннотация. Данная статья рассматривает использование информационных технологий в преступлениях против конституционного строя и безопасности государства по уголовному законодательству Российской Федерации.

Особое внимание уделяется проблемам квалификации данных деяний и методам противодействия им.

Ключевые слова: преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, информационные технологии, квалификация преступлений, цифровые доказательства, терроризм, противодействие, национальная безопасность, уголовное право

Original article

**THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN CRIMES AGAINST
THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER
AND THE SECURITY OF THE STATE: QUALIFICATION
AND COUNTERACTION ISSUES**

Kristina A. ANDREEVA

Volga Branch of the International Law Institute, Volzhsky, Russia,
kristen-1703@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Volga Branch of the International Law Institute, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Valeryevna MALTSEVA**, lenok7979@mail.ru

Abstract. This article examines the use of information technology in crimes against the constitutional order and state security under the criminal legislation of the Russian Federation.

Special attention is paid to the problems of qualifying these acts and methods of countering them

Keywords: crimes against the foundations of the constitutional order and state security, information technologies, qualification of crimes, digital evidence, terrorism, counteraction, national security, and criminal law

В современных условиях, когда происходит стремительная цифровизация социума наблюдается формирование новых вызовов для конституционных основ государства, активно задействуются информационные технологии, включающие в себя глобальную сеть «Интернет», веб-разработки и ресурсы анонимного доступа для реализации деятельности, которая может быть направлена на деструктивное воздействие касаясь конституционных основ и обеспечения государственной безопасности. Преступления, направленные против конституционного строя и государственной безопасности, предусмотрены главой 29 УК РФ.

В сфере информационных технологий наблюдается повышенный рост регистрируемых преступлений. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период январь-июль 2025 год количество преступлений составляет почти 40 %, а количество зафиксированных случаев увеличилось на 0,7 %, что в свою очередь, эквивалентно 371,4 тысячи новых инцидентов. Также, ранее было обнародовано, что в 2024 году общее количество преступлений с использованием информационных технологий составляло 13 %, что в общем соотношении составляло 765 тысяч инцидентов¹.

В условиях, когда происходит стремительное развитие информационных технологий, они превращаются из инструментов прогресса в орудие, используемое отдельными лицами для посягательства на конституционные основы и безопасность государства.

Имеющаяся обстановка создает серьезные проблемы в практике, что приводит к уклонению от ответственности и снижения эффективности мер по противодействию данным угрозам. Информационные технологии

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. Москва. [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/>.

используются для подрыва конституционного строя, увеличивается число атак на российские информационные ресурсы, большинство которых исходят из-за рубежа.

Киберпространство стирает географические границы, обеспечивает анонимность и создает новые формы совершения общественно опасных деяний.

Традиционными преступлениями, направленными на подрыв национальной безопасности, является – государственная измена (ст. 275 УК РФ) и шпионаж (ст. 276 УК РФ). Данные преступления приобрели новые формы и методы. К новым методам совершения данных преступлений относится использование зашифрованных каналов связи, облачное хранение для передачи данных

Основной проблемой при квалификации данных деяний является непосредственно сам факт наличия намерения передачи информации, а не сам носитель информации.

Для выяснения данных фактов требуется тщательный анализ обстоятельств дела, которые включают в себя все технические аспекты передачи данных, использование методов шифрования и скрытия информации.

К всему этому, также возникают вопросы в разграничении понятий «шпионажа» и «кибершпионажа», основными проблемами является сложности в точном установлении государственных границ из-за использования таких технологий, как блокчейн и VPN, анонимность пользователей, что приводит к затруднениям в установлении является ли лицо шпионом или разведчиком, сложно определить, осуществляется ли тайный сбор информации на территории иностранного государства, а также отсутствие четкого определения кибершпионажа на законодательном уровне, имеется только теоретическое определение под которым следует понимать, что кибершпионаж — это несанкционированный доступ с помощью информационных технологий к защищенной информации.

Разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) может произойти не только в результате умышленных действий, но и вследствие хакерских атак или человеческой небрежности (оставление доступа к данным на незащищенном сервере). В связи с этим, возникает проблема квалификации ситуации, когда лицо не предприняло достаточных мер кибербезопасности, что в свою очередь привело к утечке информации. На данный момент, в законодательстве РФ, а именно действующая редакция ст. 283 УК РФ не конкретизирует стандарты для «кибер-осмотрительности», учитывается только форма вины (умысел или неосторожность).

Благодаря развитию информационных технологий, появляются разнообразные новые методы пропаганды, вербовки, планирования и финансирования террористической и экстремистской деятельности.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) совершаются путем публикации соответствующих материалов в сети «Интернет», в том числе в закрытых чатах, которые порождают проблемы с определением признака «публичности».

В сети «Интернет» часто стираются границы между публичным и частным пространством. Возникает вопрос, является ли публичным размещение материала в чатах с ограниченным доступом или личная переписка, которая потом была распространена одним из участников? Законодательством точно не установлены четкие количественные или качественные критерии «публичности». В судебной практике наблюдается устойчивая тенденция к интерпретации принципа доступной информации. Однако, данная категория носит оценочный характер и требует детального анализа обстоятельств дела.

Экстремистские послания часто передаются не прямым текстом, а через образы, которые будут понятны только узкому кругу лиц, или вырванное из контекста выражение, может быть воспринято как призыв, но в оригинале оно могло нести другой посыл. Необходимо определить, что лицо желало побудить других к осуществлению противоправной деятельности.

Сложности возникают при определении круга лиц, охваченных данным призывом, что важно для оценки общественной опасности, сложно определить, сколько именно граждан увидело или могло увидеть противоправный контент, в этом случае играет роль принцип доступности информации.

Принцип доступности информации представляет собой сложную и многогранную категорию, которая требует тщательного анализа и оценки в каждом конкретном случае. Данный принцип, включает в себя как технические, так и социальные и правовые аспекты, касающиеся интерпретации различными категориями лиц.

Расследование подобных преступлений, затрудняется поиском субъекта преступлений, возникают сложности в установлении круга лиц, на которых были направлены призывы, так как могут быть использованы информационные ресурсы, находящиеся за пределами РФ.

Для решения возникших проблем необходима детализация формулировок разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые, в свою очередь могли разъяснять с применением квалификации двусмысленных высказываний и устанавливали критерии публичности.

Для правильной квалификации преступлений, связанных с публичными призывами, необходимо учитывать как формально содержание, так и направленность, а также последствия для общественной безопасности и конституционного строя государства.

Разграничение преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ также нуждается в детальном юридическом анализе.

Действия, направленные на побуждение к экстремистской деятельности, регулируются ст. 280 УК РФ в то время, как ст. 282 УК РФ акцентирует свое внимание на возбуждение чувств, таких как ненависть. В практике, данные составы часто применяются в совокупности, так как зачастую, призыв к экстремизму содержит факторы, побуждающие к разжиганию межнациональной, межрелигиозной или социальной вражды.

Экстремизм может быть одним из этапов перехода к терроризму. Террористические организации все чаще представляют под собой разнообразные сетевые структуры, члены которых могут не знать лично друг друга, и взаимодействовать исключительно онлайн.

Террористы активно пользуются различными онлайн-инструментами для привлечения финансовых ресурсов. Используются криптовалюты, платежные системы, ботов, краудфандинговые платформы, они затрудняют финансовый мониторинг и доказывание самого факта финансирования. Анонимность и отсутствие строгого контроля над транзакциями делают данные платформы привлекательными для террористических организаций.

Террористические организации маскируют сбор средств под «благотворительность», например сбор средств для пострадавших от военных действий и т. д.

Отправитель электронного платежа может не знать лично получателя и целей сбора, все это позволяет привлечь финансовые средства от лиц не осознающих преступный характер своих действий. Использование анонимных кошельков и одноразовых адресов в криптовалютах затрудняет доказывание того, что отправитель сознательно и целенаправленно осуществлял финансирование терроризма, а не просто совершал анонимную транзакцию.

Финансовые средства, могут проходить через неопределенное количество кошельков прежде, чем попасть к конечному исполнителю. Доказать, что первоначальный отправитель был ее началом – достаточно сложная техническая и юридическая задача.

Финансирование может осуществляться не одним лицом, а децентрализованной сетью через микрофинансирование, следовательно, возникает вопрос: подлежит ли ответственности по ст. 205.1 УК РФ каждый, кто перевел 100 рублей или другую сумму через бот?

Также возникают проблемы с разграничением смежных составов, таких как финансирование терроризма и организация террористического сообщества. Если лицо не только финансировало, но и с помощью информационных технологий осуществляло координацию действий сообщества, таким образом, необходима квалификация по совокупности. Важно также разграничивать такие составы, как финансирование терроризма и публичные призывы к терроризму, часто в одном источнике размещаются и призывы, и реквизиты для сбора финансирования, они по-разному криминализируют информационную деятельность.

Квалификация финансирования терроризма является сложным и многогранным процессом, который требует от правоприменителя четкого разграничения умысла на финансирование террористической деятельности от иных, сходных, но менее опасных деяний. Решения должны основываться на глубоком анализе доказательств.

Квалификация финансирования с помощью информационных технологий является вызовом для всей системы уголовного законодательства. Основными проблемами является не только сама угроза и борьба с ней, но и действия, которые не будут нарушать права граждан на приватность.

Применение карательных мер должно осуществляться в четком соответствии с принципами защиты прав граждан и презумпции невиновности. Важно обеспечить, чтобы квалификация деяний не использовалась как инструмент, с помощью которого будет идти подавление инакомыслящих или осуществлялось преследование по недоказанным основаниям, недопустимо, чтобы механизмы правосудия становились средством давления или инструментом репрессий.

В правовой системе необходимо соблюдать баланс между необходимостью обеспечения правопорядка и обеспечением права человека.

Идентификация лиц, совершивших преступления с помощью информационных технологий против конституционного строя и безопасности государства, представляют собой сложную задачу, которая обусловлена достаточно широким спектром технологических инструментов, направленных на скрытие личности и местоположения преступника. Использование VPN, анонимных серверов, поддельных IP-адресов и других технологий сильно затрудняют правильную квалификацию преступлений.

На основе данного факта, возникает конфликт юрисдикций, который играет значительную роль при борьбе с киберпреступностью. Сложность в определении местоположения преступника порождает правовую неопределенность, касаемо правильного применения законодательства и проведения расследования.

Способность данных легко изменяться или уничтожаться благодаря информационным технологиям порождает еще одну проблему. Информация, размещенная в сети «Интернет», легко поддается быстрой модификации или уничтожению, что, в свою очередь, требует от правоохранительных органов оперативного реагирования и разработки эффективных методов фиксации и изъятию улик, не нарушая правовых и процедурных рамок.

Что в свою очередь, требует новшеств в нормативно-правовой базе для проведения эффективной борьбы против преступлений, направленных на подрыв государственной безопасности и конституционного строя РФ, внедрение систем, позволяющих автоматически проводить мониторинг источников на предмет выявления признаков преступления, создания понятных и прозрачных систем, позволяющих удалять или блокировать противоправную информацию.

Научная статья

УДК 343.326

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И ДИВЕРСИИ

Милена Олеговна АНИСИМОВА¹, Алена Владимировна ТЕРЕНТЬЕВА²,

^{1, 2}Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,

¹milyaanisimova.9@gmail.com, ²terentieva.4@yandex.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Елена Васильевна КОБЗЕВА**

Аннотация. В статье раскрывается уголовно-правовое содержание террористического акта и диверсии, анализируются проблемы квалификации данных общественно опасных деяний.

Предложены критерии разграничения террористического акта и диверсии, имеющих важное значение для реализации эффективной уголовно-правовой охраны конституционного строя и общественной безопасности.

Ключевые слова: террористический акт, диверсия, основы конституционного строя, безопасность государства, общественная безопасность, экономическая безопасность, обороноспособность

ISSUES OF DELINEATION OF A TERRORIST ACT AND SABOTAGE

Milena O. ANISIMOVA¹, Alyona V. TERYENTYEVA²,

^{1,2} Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,

¹milyaanisimova.9@gmail.com, ²terentieva.4@yandex.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Vasilyevna KOBZEVA**

Abstract. The article reveals the criminal and legal content of a terrorist act and sabotage, analyzes the problems of qualifying these socially dangerous acts. The criteria for distinguishing between a terrorist act and sabotage are proposed, which are important for the implementation of effective criminal law protection of the constitutional order and public safety.

Keywords: terrorist act, sabotage, foundations of the constitutional order, state security, public safety, economic security, defense capability

В спектре угроз национальной безопасности особое место занимают преступления, посягающие на основы конституционного строя РФ, безопасность государства и общества. Ключевое значение среди них имеют деяния диверсионного и террористического характера.

Суверенитет, целостность и неприкосновенность территории, верховенство закона, идеологическое многообразие, светский характер государства – все эти базовые принципы составляют ядро национальной безопасности, уязвимое как для масштабного террора, направленного на дестабилизацию общественных отношений и устрашение населения, так и для точечных диверсий, нацеленных на подрыв экономической и оборонной мощи страны.

Длительное время статья о диверсии (ст. 281 УК РФ) практически не применялась. Так, в 2019-2022 г. по данной статье было осуждено всего 4 человека, в 2023 г. Ц 9 человек. В последние годы в связи с известными геополитическими событиями правоприменитель стал использовать данную статью уголовного закона гораздо активнее: только в 2024 г. к ответственности по ней привлечено 48 человек.

Несмотря на то, что состав диверсии активно «заработал» на практике, правоприменители испытывают серьезные трудности в квалификации

деяний данного вида. К числу таких трудностей следует отнести проблемы разграничения диверсии с террористическим актом. По результатам анализа материалов уголовных дел установлено, что схожие по обстоятельствам совершения действия в одних случаях оцениваются по ст. 281, в других – по ст. 205 УК РФ.

В ст. 205 УК РФ под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Диверсия же представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Из приведенных дефиниций отчетливо видно, что террористический акт и диверсия сходны по внешним формам своего выражения и состоят в совершении взрыва, поджога и иных общеопасных действий. Таким образом, глобально и одно, и второе общественно опасное деяние посягает на национальную безопасность, представляющую собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В то же время благодаря конкретным признакам, указанным в диспозициях ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 281 УК РФ, становится понятно, что их разрушительное воздействие направлено против различных секторов национальной безопасности. Террористическая деятельность посягает на общественную безопасность как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Диверсия же оказывает негативное воздействие на экономическую безопасность государства, т.е. состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Для формирования более четкого понимания специфической и различающейся сущности данных преступлений необходимо выявить критерии их разграничения¹.

Как следует из легальных дефиниций, действия которыми совершаются террористический акт и диверсия, идентичны, однако альтернативной формой выражения террористического акта выступает также угроза его совершения. Эта законодательная конструкция отражает сущностное понимание терроризма как явления, направленного в первую очередь на дестабилизацию общественных отношений через создание обстановки страха и подавленности, которая может быть достигнута не только реальным взрывом, но и его достоверной угрозой, психологически воздействующей на неопределенно широкий круг лиц. В случае же с диверсией законодатель связывает уголовную ответственность исключительно с реальным причинением ущерба объектам критической инфраструктуры и обороноспособности, что и обуславливает невозможность ее совершения в форме угрозы².

Различие между террористическим актом и диверсией заключается также в предмете преступления. Конкретные объекты, на которые может быть направлено общественно опасное деяние, в ст. 205 УК РФ не указаны. Диверсия, согласно ст. 281 УК РФ, имеет узкий и четко определенный круг объектов, в отношении которых могут совершаться взрыв, поджог и иные действия, квалифицируемые как диверсия: предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства, средства связи и объекты жизнеобеспечения населения.

Еще одним важным критерием для разграничения этих двух видов преступлений является цель совершения взрыва, поджога или иных действий. При террористическом акте она состоит в дестабилизации работы органов власти или международных организаций, а также в попытке оказать влияние на принятие ими решений, а при диверсии специальная цель – это подрыв экономической безопасности и обороноспособности РФ³.

Отличие заключается в том, что уничтожение или повреждение предприятий или сооружений при диверсии важно само по себе, в то время как в случае совершения террористического акта уничтожение или повреж-

¹ Необходимо отметить, что смешение рассматриваемых деяний допускают не только правоприменители. Так, в названии круглого стола «Воспитание и правовое просвещение как инструменты профилактики совершения обучающимися диверсионно-террористических актов», проведенного 5 ноября 2025 г. в рамках Всероссийского форума «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», используется эклектичный (с уголовно-правовой точки зрения) термин «*диверсионно-террористический акт*».

² Шрагер В. В., Попова Е. И. Диверсионная деятельность: вопросы уголовно-правовой квалификации // Вестник науки. 2025. № 10. С. 345.

³ Мурин Н. В. Разграничение террористического акта со смежными составами преступлений // Скиф. 2021. № 6. С. 298.

дение определенных материальных объектов значимо в целях создания атмосферы страха и паники.

Диверсионная деятельность, по нашему мнению, является деятельностью конспиративной. Ее первичная тактическая задача заключается в скрытом, непубличном нанесении ущерба критически важным объектам, обеспечивающим обороноспособность, экономическую безопасность государства.

Совершение диверсии подразумевает незаметность для органов власти и общества на этапе подготовки и реализации, ее цель – не немедленная демонстрация силы, а подрыв материальных и инфраструктурных основ государственной мощи, последствия которого могут проявиться спустя какое-то время.

Террористический акт, напротив, представляет собой акт открытого, демонстративного насилия. Его ключевой задачей является не сокрытие, а максимально широкое и оперативное оглашение самого факта совершения акта насилия, его жестоких последствий, а также подразумеваемых в логике такого рода деяний политических, идеологических или религиозных требований.

В связи со сложившейся геополитической обстановкой представляется актуальным рассмотреть практику уголовно-правовой оценки поджогов военкоматов¹. В мае 2022 г. житель Крыма совершил диверсию – поджег военкомат, расположенный в Симферополе, а также попытался взорвать железнодорожный мост при помощи противотанковой мины. Для этого он заранее приобрел компоненты, необходимые для изготовления зажигательной смеси. Верховный суд Крыма признал подсудимого виновным и квалифицировал действия по ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 281 (поджог военкомата), а также по ч. 1 ст. 30 ч. 1 ст. 281 УК РФ (приготовление к подрыву железнодорожного моста)².

В другом уголовном деле Центральный окружной военный суд вынес приговор по делу о поджоге здания военкомата в Нижневартовске и квалифицировал действия поджигателей по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ³. То есть в одном случае поджог военкомата расценен в качестве диверсии, в другом – как террористический акт.

Опираясь на выявленные нами критерии разграничения террористического акта и диверсии, осмелимся сказать, что в первом примере суд неверно квалифицировал поджог военкомата.

¹ Пикина Т. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. С. 260.

² ВС приговорил к 10 годам колонии поджигателя военкомата // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230330/308791006.html (дата обращения: 29.10.2025).

³ В России вынесли первый приговор по статье «теракт» за поджог военкомата // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/01/2023/63d8d6799a7947675ec07980> (дата обращения: 29.10.2025).

В первую очередь важно обратить внимание на то, что здания военкоматов не входят в круг объектов, четко закрепленных в диспозиции ст. 281 УК РФ (предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры, транспортные средства, средства связи и объекты жизнеобеспечения населения). Кроме того, сам статус военного комиссариата как территориального органа Министерства обороны РФ дает основание предполагать, что его поджог нацелен на дестабилизацию деятельности органов власти. Также расположение военкомата в черте города позволяет говорить о том, что действия виновных лиц направлены на устрашение жителей населенного пункта и заведомо вызовут широкий резонанс. Из этого следует, что поджог военкоматов должен квалифицироваться исключительно как террористический акт, а не как диверсия.

В свою очередь поджог релейных шкафов на железной дороге следует квалифицировать как диверсию. Так, Верховный суд Удмуртской Республики признал местного жителя виновным по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ. Подсудимый, действуя по заданию неустановленного следствием лица, с целью повреждения объектов транспортной инфраструктуры, совершил поджог релейного шкафа¹.

Релейный шкаф является объектом транспортной инфраструктуры (т. е. входит в круг объектов, обозначенных в ч. 1 ст. 281 УК РФ), цель его поджога – подрыв экономической безопасности государства. Отдаленность железнодорожных путей и релейных шкафов от населенных пунктов делает данное деяние скрытым и не поддающимся мгновенной общественной огласке именно в момент совершения поджога. Следовательно, по нашему мнению, суд правильно квалифицировал данное общественно опасное деяние как диверсию.

На основании детального анализа законодательных конструкций ст. 205 и 281 УК РФ и материалов судебной практики предлагаем критерии разграничения террористического акта и диверсии, которые в дальнейшем будут способствовать правильной и единообразной квалификации данных преступных деяний:

Объект преступления: у террористического акта – общественная безопасность, у диверсии – экономическая безопасность и обороноспособность государства.

Способ совершения: террористический акт включает как реальные действия, так и угрозу их совершения. Диверсия предполагает исключительно реальное разрушение или повреждение.

¹ В Удмуртии вынесен обвинительный приговор по уголовному делу о диверсии на железной дороге // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5835751/> (дата обращения: 30.10.2025).

Предмет преступления: для диверсии установлен исчерпывающий перечень критически важных объектов, на разрушение которых она направлена, что не характерно для террористического акта.

Специальная цель преступления: квалификация террористического акта требует установления специальных целей, прямо указанных в законе (ст. 205 УК РФ).

Обстоятельства совершения преступления: диверсия характеризуется скрытностью, тогда как террористический акт носит демонстративно-публичный характер.

На основании изложенного сущность данных преступлений может быть определена следующим образом: террористический акт – это психологическое воздействие на общество и власть, в то время как диверсия – оружие «точечного» экономического и военного поражения.

Выработка научно обоснованных критериев для четкого их разграничения решает не только теоретическую, но и насущную практическую задачу, состоящую в точной квалификации преступлений, применении справедливых мер государственного принуждения и в конечном счете создании надежных уголовно-правовых гарантий устойчивости конституционных основ Российской Федерации.

Научная статья
УДК 343.3

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Иван Дмитриевич АННЕНКОВ¹, Мария Сергеевна ПОПЕЛЬ²

^{1, 2} Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия,

² masha.popel.1808@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент
Павел Тимурович САВИН

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации преступлений против безопасности государства с использованием виртуальных

активов. Проанализированы положения УК РФ в условиях цифровых угроз. Рассмотрены характеристики виртуальных активов (анонимность, трансграничность), осложняющие правовую оценку.

Обоснована необходимость новой интерпретации традиционных составов преступлений применительно к криптовалютам. Выделены ключевые квалифицирующие признаки, связанные с цифровой средой, и трудности разграничения шпионажа, государственной измены и диверсии.

Сделан вывод о потребности в разработке специализированных методических подходов к расследованию и квалификации таких деяний.

Ключевые слова: цифровизация, виртуальные активы, Уголовный кодекс Российской Федерации, дропперы, квалификация, правоприменение

Original article

THE SPECIFICS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST THE SECURITY OF THE STATE USING VIRTUAL ASSETS

Ivan D. ANNENKOV¹, Maria S. POPEL²

^{1,2} Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, Moscow, Russia,

² masha.popel.1808@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, Candidate of Law, Associate Professor **Pavel Timurovich SAVIN**

Abstract. The article addresses the problems of qualifying crimes against state security committed using virtual assets. The provisions of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed in the context of digital threats.

The characteristics of virtual assets (anonymity, cross-border nature) that complicate legal assessment are considered. The necessity of a new interpretation of traditional elements of crimes in relation to cryptocurrencies is substantiated.

Key qualifying features related to the digital environment and the difficulties of distinguishing between espionage, treason, and sabotage are identified. The conclusion is made about the need to develop specialized methodological approaches for the investigation and qualification of such acts.

Keywords: digitalization, virtual assets, the Criminal Code of the Russian Federation, droppers, qualifications, law enforcement

Актуальность исследования обусловлена цифровизацией и использованием виртуальных активов (криптовалют, ЦФА) для финансирования деятельности, направленной против безопасности РФ. Ключевые свойства виртуальных активов – виртуальность и децентрализованность – создают новую среду для преступных посягательств. Трансграничный характер активов и неразвитость механизмов их изъятия и конфискации затрудняют противодействие экстремизму и терроризму, что требует научного анализа и совершенствования уголовного законодательства.

Наиболее остро проблемы квалификации с использованием виртуальных активов проявляются применительно к конкретным составам преступлений, предусмотренным главой 29 УК РФ. В судебной практике начинают формироваться подходы к оценке таких деяний.

Так, криптовалюты могут использоваться для финансирования деятельности иностранной разведки или передачи информации иностранному государству. Например, получение вознаграждения за шпионскую деятельность в биткоинах через анонимные кошельки существенно затрудняет установление факта финансирования и доказательство умысла.

Так, например, ФСБ задержала жителя Тульской области, которого подозревают в переводе криптовалюты вооруженным формированиям Украины. По данным ведомства, мужчина оказывал финансовую помощь иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности России. Ему предъявлено обвинение в государственной измене по ст. 275 УК РФ, предусматривающей наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. В сообщении отмечается, что средства переводились в пользу украинских вооруженных формирований с использованием криптовалюты. Проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего¹.

Таким образом, сложность заключается в доказывании именно направленности умысла на причинение ущерба безопасности РФ, когда передача средств формально может быть замаскирована под гражданско-правовую сделку.

В российском законодательстве виртуальными активами признаются имуществом или имущественным правом, что имеет значение для квалификации. Цифровые права (криптовалюты) регулируются Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» от 31 июля 2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025).

В теории уголовного права предмет преступления – это элемент материального мира или информационный носитель, воздействуя на который

¹ Жителя Тульской области арестовали за перевод криптовалюты ВСУ // Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25642613> (дата обращения: 10.11.2025)

виновный причиняет вред охраняемому уголовным законом объекту¹. Применительно к виртуальным активам это воздействие может выражаться в их незаконном приобретении, хранении, использовании или переводе с целью, например, финансирования деятельности против основ конституционного строя. Важно понимание законодательной властью особенностей современных криминогенных факторов, что заключается в том числе и в консультативной поддержке по данному вопросу правоприменителей².

Виртуальные активы можно отнести к кластеру предметов преступления «материальные ценности», который традиционно включает деньги, имущество и имущественные права. Они относятся к материальным ценностям, выполняющих функции платежного средства (криптовалюты) или имущественного права (токены).

Для квалификации важно, что при финансировании преступлений виртуальными активами выступают именно предметом, а не орудием, и представляют ценность как имущественное право, а не как информация.

Современное состояние правового регулирования создает системные трудности для правоохранительных органов, которые усугубляются технологическими особенностями виртуальных активов³. Несмотря на признание виртуальных активов имуществом, механизмы их изъятия, ареста и конфискации в уголовном процессе разработаны крайне слабо. Отсутствие технических возможностей для безопасного хранения ключей доступа и сложности с обращением взыскания на конфискованные активы делают эту меру малоэффективной. Параллельно стремительное развитие технологий повышения анонимности (миксеры, р2р-сервисы, анонимные криптовалюты) создает дополнительные препятствия для доказывания, активно используясь для отмыwania преступных доходов и финансирования терроризма. Внедрение международных стандартов, таких как «красные флаги» ФАТФ, в национальную правоприменительную практику является насущной необходимостью для противодействия этим вызовам.

Использование виртуальных активов в преступной деятельности против безопасности государства создает значительные трудности для правоприменителя, связанные с необходимостью точной квалификации содеянного и отграничения от смежных составов преступлений. Эти проблемы носят системный характер и затрагивают как установление субъективной стороны преступления, так и разграничение объектов посягательства.

¹ Казанцев М. Ф., Смирнова М. В. Правовые основы регулирования виртуальных активов в Российской Федерации и зарубежных странах [Электронный ресурс] // Lawtech. 2022. № 4.

² FATF Recommendations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/topics/fatf-recommendations.html> (дата обращения: 22.05.2024).

³ Власова Д. А., Сидоров А. В. Криптовалюты как объект правового регулирования: проблемы и перспективы // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. Т. 1, № 35. С. 140–145.

Ключевой проблемой квалификации преступлений с использованием виртуальных активов является доказывание направленности умысла виновного на подрыв безопасности государства. При анонимных криптовалютных переводах установление связи между действиями и их конечной преступной целью становится крайне сложным, поскольку виновный может ссылаться на легальные цели переводов, что создает риск ошибочной квалификации и переквалификации на менее тяжкие составы.

Дополнительную сложность представляет то, что действия с виртуальными активами часто образуют сложную цепь правонарушений, требующую разграничения составов преступлений против безопасности государства, компьютерной информации и экономической деятельности¹. Например, использование взломанных компьютеров для майнинга криптовалюты с последующим финансированием антигосударственной деятельности требует точного определения основного объекта посягательства во избежание судебной ошибки.

Отдельную проблему составляет квалификация действий дропперов – посредников, обналачивающих криптовалютные активы. Ключевым критерием является их осведомленность о конечной цели использования средств: при доказанности знания о финансировании экстремизма или терроризма действия квалифицируются как соучастие в преступлении против государственной безопасности, в противном случае – как пособничество в легализации преступных доходов.

Квалификация действий дропперов также требует обращения к конкретным статьям. Если осведомленность дроппера о финансировании экстремистской деятельности доказана, его действия следует квалифицировать как соучастие по соответствующей статье главы 29 УК РФ (например, по ст. 275 УК РФ). В противном случае, при отсутствии доказательств осведомленности о политических или экстремистских целях, но при доказанности знания о незаконном происхождении средств, его действия квалифицируются по ст. 174 УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем).

Например, дроппер, предоставивший свою карту для перевода 2,3 млн рублей, утверждал, что не знал о мошенническом характере операций. При этом суд не усмотрел в действиях лица состава преступления в форме пособничества, указав в обоснование своего решения на отсутствие в материалах дела доказательств его осведомленности о преступных намерениях

¹ Красные флаги ФАТФ: признаки отмывания денег для виртуальных активов [Электронный ресурс] // AMLBot. 2022. 21 ноября. URL: <https://blog.amlbot.com/ru/krasnyie-flaghi-ot-fatf-priznaki-otmyvaniia-dieniegh-dlia-virtualnykh-aktivov> (дата обращения: 09.11.2025).

других лиц. В мотивировочной части приговора обозначено, что объективное действие по передаче банковской карты третьим лицам само по себе не может служить безусловным подтверждением наличия у лица прямого умысла на оказание содействия в совершении преступления¹.

В заключение следует отметить, что проблемы квалификации исследуемых преступлений усугубляются недостаточной адаптацией существующих институтов уголовно-правового воздействия к реалиям цифровой среды², в частности, отсутствием у правоохранительных органов отработанных механизмов ареста и конфискации виртуальных активов.

Отсутствие единообразного подхода к оценке роли виртуальных активов при совершении преступлений по ст. 275, 276 УК РФ приводит к судебным ошибкам и необоснованному смягчению наказания для виновных. Сложности доказывания субъективной стороны и конечной цели использования средств, особенно в условиях использования миксеров и анонимных сетей, являются основными препятствиями для эффективного противодействия.

Действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), несмотря на систематические обновления, содержит ряд пробелов технического и системного характера в области регулирования цифровых отношений³. По нашему мнению, целесообразно дополнить соответствующие составы преступлений главы 29 УК РФ («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») квалифицирующим признаком «совершенные с использованием виртуальных активов (криптовалют)». Это позволит адекватно отражать повышенную общественную опасность таких деяний, связанную с их транснациональностью и анонимностью, а также унифицирует подход правоприменителя к квалификации, устанавливая более строгое наказание.

¹ Приговор Московского городского суда от 12.03.2024 по делу № 1- 29/2024 // «Судакт»: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9wqX5bVvLkP/> (дата обращения: 10.11.2025).

² Финансовая безопасность: научно-аналитический журнал. 2025. № 1(47) [Электронный ресурс] / Росфинмониторинг. Режим доступа: https://fedsfm.ru/content/files/журнал/2025/fb_47_2025.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

³ Гриб В. В., Петров Д. А. Уголовно-правовые риски использования цифровых финансовых активов // Гуманитарная экология. 2023. № 4. С. 45–52.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО
СТРОЯ: РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Анастасия Алексеевна АПАНОВИЧ¹ Янина Денисовна МОЛОДЦОВА²
^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт Петербург, Россия,
^{1, 2} molodtsovayanina@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Криминальные посягательства на конституционный строй – угроза национальной безопасности. Необходим комплексный подход, включающий силовые, правовые и информационные меры. Средства массовой информации и правовое просвещение играют ключевую роль, распространяя информацию о конституционных ценностях и формируя нетерпимость к экстремизму.

Они укрепляют правовую культуру, осознанность прав и обязанностей, а также критическое мышление. Взаимодействие средств массовой информации с правоохранительными органами и профессионализм журналистов важны для эффективности мер. Таким образом, средства массовой информации и правовое просвещение способствуют консолидации общества и национальной безопасности.

Ключевые слова: правовое просвещение, информация, преступление, конституционный строй

Original article

**INFORMATION SUPPORT FOR COUNTERING CRIMES AGAINST
THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM:
THE ROLE OF MASS MEDIA AND LEGAL EDUCATION**

Anastasia A. APANOVICH¹ Yanina D. MOLODTSOVA²
^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,
^{1, 2} molodtsovayanina@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. Criminal encroachments on the constitutional order are a threat to national security. A comprehensive approach is needed, including enforcement, legal and informational measures. The media and legal education play a key role in spreading information about constitutional values and fostering intolerance towards extremism.

They strengthen legal culture, awareness of rights and responsibilities, as well as critical thinking. The interaction of the media with law enforcement agencies and the professionalism of journalists are important for the effectiveness of measures. Thus, the media and legal education contribute to the consolidation of society and national security.

Keywords: legal education, information, crime, constitutional system

Криминальные посягательства на основы конституционного строя представляют собой одну из наиболее опасных угроз для национальной безопасности и стабильности любого государства. Эти преступления, в отличие от общеуголовных, направлены не просто против интересов конкретного человека или собственности, а против фундаментальных принципов, на которых основывается конституционный порядок: суверенитета, формы правления, принципа разделения властей, а также иных базовых ценностей, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Противодействие таким преступлениям требует комплексного подхода, где силовые и правовые меры, безусловно, необходимы, но не достаточны. В современных условиях, характеризующихся высокой степенью информатизации и медиатизации общественной жизни, ключевая роль в этой борьбе принадлежит сфере информационного обеспечения.

В этом контексте система информационного обеспечения противодействия преступлениям против основ конституционного строя предстает как целенаправленная и скоординированная деятельность государственных институтов, гражданского общества и профессиональных сообществ по сбору, анализу и распространению информации, направленной на выявление, предупреждение и пресечение данной категории преступлений.

Центральными элементами этой системы, обладающими наибольшим потенциалом воздействия на массовое и индивидуальное сознание, выступают средства массовой информации и институты правового просвещения.

Такие преступления против основ конституционного строя, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, диверсии представляют собой комплексную угрозу, направленную на подрыв фундаментальных принципов государственного управления и общественного устройства. Поэтому издаются соответствующие нормативно-правовые акты, способствующие противодействию преступной деятельности в сети «Интернет».

Например, запрет на распространение информации, транслирующей отдельные идеологические течения криминальной направленности, связанные с пропагандой войны, разжиганием национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, устанавливается п. 6 ст. 10 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 07.06.2025). Подобная законодательная регламентация охватывает запрет на распространение информации, транслирующей в большей степени идеологию экстремизма¹.

А экстремистская деятельность, безусловно, является одним из самых опасных направлений преступной направленности, которое может привести к масштабным последствиям разрушительного характера². Поэтому борьба с экстремизмом является важнейшим направлением деятельности любого государства, Российская Федерация не является исключением.

Призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием средств массовой информации представляют собой более значительную общественную опасность, чем действия, предусмотренные ч. 1 ст. 280 УК РФ, поскольку они рассчитаны на неопределенное количество читателей, слушателей или зрителей и способны более существенно воздействовать на чувства и настроения людей³.

В любой стране эффективное противодействие экстремизму возможно только при наличии полного и отвечающего современным тенденциям законодательства⁴.

¹ Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук : Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2022. С. 125.

² Свиридова К. Ю. Проблемы правового регулирования профилактики экстремистской деятельности в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 44 (491). С. 276.

³ Зарубин А. В. Вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы (совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282 УК РФ) // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / [О. Н. Коршунова и др. ; под ред. Г. В. Штадлера]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. С. 153.

⁴ Румянцев Н. В. К вопросу о некоторых проблемах административно-правового регулирования по противодействию экстремистской деятельности // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30, № 4. С. 567–574.

Пропаганда, дезинформация, распространение экстремистских идеологий и манипуляция общественным мнением выступают в качестве основных инструментов подготовки, вербовки исполнителей и координации преступных действий. В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий, сеть «Интернет» и социальные сети стали важнейшими платформами для распространения информации, связанной с указанными преступлениями. Они обладают высокой степенью доступности, оперативности и охвата аудитории, что создает новые вызовы для правоохранительных органов и государства в целом. Недостоверные или манипулятивные данные способны подорвать конституционный порядок, разжигая конфликты и разрушая доверие к государственным институтам.

Однако роль средств массовой информации в этом процессе двойственна, ведь средства массовой информации одновременно являются «четвертой властью» и служат инструментом профилактики преступлений.

Исследование Антипова А. И. анализирует использование средств массовой информации и сети «Интернет» для преступлений, связанных с призывами, склонением и незаконным оборотом запрещенных предметов. Автор подчеркивает угрожающую сторону информационного пространства и необходимость его нейтрализации через правовое просвещение. Современные технологии расширяют возможности преступников, обеспечивая анонимность, скорость и убедительность распространения информации. Это создает угрозу конституционному строю через призывы к экстремизму, сепаратизму и вербовку.

Исследование Антипова А. И. описывает механизм и способы таких преступлений, что важно для разработки системы противодействия. Средства массовой информации должны использоваться не только как инструмент преступления, но и как средство защиты. Правовое просвещение через средства массовой информации помогает обществу противостоять манипуляциям и осознавать юридические последствия противоправных действий. Информационное обеспечение противодействия требует от правоохранительных органов умения выявлять и квалифицировать использование информационных сетей¹.

Огромное влияние оказывают современные средства массовой информации на формирование общественного мнения, без поддержки которого трудно вести речь об эффективной внешней и внутренней политике государства².

¹ Антипов А. И. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов. М., 2022. 248 с.

² Боровиков В. В. Вопросы уголовного права и деятельность средств массовой информации // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 126.

Благодаря объективному информированию о конституционных ценностях и угрозах им средства массовой информации формируют в обществе нетерпимость к экстремизму, раскрывают мышление и тактику преступников, объясняя, почему посягательства на конституционный строй представляют угрозу миру, безопасности и стабильности.

Одним из важнейших аспектов является формирование общественного иммунитета к радикальным идеологиям. Средства массовой информации активно продвигают ценности демократии, верховенства закона, прав и свобод человека, патриотизма и единства. Публикации, освещающие исторические уроки и достижения национальной государственности, укрепляют гражданскую идентичность и чувство принадлежности к единому обществу, что является мощным инструментом противодействия попыткам посеять раздор и разобщенность.

Особое значение имеет правовое просвещение через средства массовой информации, которое обеспечивает широкий охват аудитории и способствует соблюдению закона. В этом ключе средства массовой информации играют важную роль в развенчании мифов и пропагандистских нарративов, распространяемых экстремистскими и террористическими организациями. Анализ и опровержение дезинформации, используемой для вербовки сторонников и оправдания насилия, способствуют снижению уровня радикализации и укреплению критического мышления в обществе. Благодаря оперативной и объективной подаче информации средства массовой информации выступают в качестве фильтра, препятствующего распространению опасных идей.

Еще одной важной задачей средств массовой информации является функция раннего предупреждения. Репортажи о подозрительной активности и аналитические материалы о тенденциях радикализации, в частности среди молодежи, повышают бдительность населения и стимулируют граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами. Демонстрация успешных примеров противодействия преступной деятельности, в свою очередь, укрепляет доверие к государственным институтам.

Правовое просвещение представляет собой фундаментальный механизм укрепления конституционного строя, направленный на формирование высокого уровня правовой культуры, уважения к закону и осознания гражданами своих прав, свобод и обязанностей.

Его основная цель заключается в донесении до каждого индивида сути и значения ключевых нормативно-правовых актов и прежде всего Конституции, а также в разъяснении правовых последствий противоправных действий и важности защиты конституционного строя как коллективной обязанности.

В контексте противодействия преступлениям, направленным против основ конституционного строя, правовое просвещение выполняет функцию критического анализа сущности таких преступлений, информирования о мерах ответственности и формирования у граждан навыков критического мышления для выявления и нейтрализации пропагандистских и вербовочных практик.

Субъектами правового просвещения выступают как государственные институты, включая правоохранительные органы и образовательные учреждения, так и средства массовой информации. Многообразие форм реализации данного процесса охватывает лекции, публикации, интерактивные онлайн-курсы и социальные рекламные кампании. Таким образом, правовое просвещение является важным элементом правовой системы, способствующим формированию правового сознания и укреплению конституционного строя.

Однако для достижения максимальной эффективности в противодействии угрозам конституционному строю необходимо формирование комплексного подхода к информационному обеспечению, включающего тесное взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов. Это предполагает разработку совместных информационных кампаний и повышение квалификации журналистов в вопросах освещения специфических угроз.

А правоохранительная деятельность в рассматриваемом контексте по определенному критерию должна быть направлена на широкие слои населения, в первую очередь на молодежь, а также на социально уязвимые социальные группы¹.

Важным аспектом является также интеграция правового просвещения в медийную активность, когда медийные платформы используются для проведения просветительских мероприятий, а журналисты привлекаются к созданию актуального и достоверного контента.

Однако средства массовой информации могут быть использованы как во благо, так и во вред. Поэтому важно не только обеспечивать свободу средств массовой информации, но и требовать от них профессионализма и осознания своей роли в поддержании общественной стабильности.

При выполнении своих функций средства массовой информации должны соблюдать принципы объективности, точности и непредвзятости. Распространение непроверенной информации, слухов или материалов, способных вызвать панику или ненависть, недопустимо. Фокус должен быть

¹ Миц Д. С., Андриянченко Е. Г. Информационная профилактика противоправных посягательств на конституционный строй государства: правовые аспекты в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 32.

направлен на разрушительную природу действий преступников и страдания жертв. Выбор терминологии должен быть тщательным.

Не менее важен и систематический компонент правового просвещения. Если средства массовой информации работают с актуальной повесткой, то просвещение формирует долгосрочное правосознание. Главная цель – воспитать у гражданина внутреннюю убежденность в ценности основ конституционного строя.

Таким образом, средства массовой информации выступают не просто как трансляторы информации, но и как стратегические партнеры государства в обеспечении национальной безопасности, способствуя формированию устойчивого, информированного и ответственного гражданского общества, способного противостоять угрозам и защищать свои фундаментальные ценности и конституционный строй, а взаимодействие средств массовой информации и правового просвещения создает информационную среду, затрудняющую распространение экстремистской идеологии и способствующую консолидации общества вокруг конституционных ценностей.

Научная статья

УДК 343.34

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Амина Хасановна АРСАЕВА¹, ДАНЧЕНКО Милана Витальевна²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

^{1, 2}Amina0739@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации совершения несовершеннолетними преступлений экстремистской направленности. Обосновывается повышенная степень общественной опасности

несовершеннолетних, совершивших преступлений террористической направленности.

На основе проведенного исследования предложены меры по совершенствованию квалификации преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная ответственность, преступления террористической направленности, террористический акт, диверсия, несовершеннолетние

Original article

RESPONSIBILITY OF MINORS FOR THE COMMISSION OF TERRORIST CRIMES

Amina Kh. ARSAYEVA¹, Milana V. DANCHENKO²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

^{1,2} Amina0739@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

В современном мире терроризм остается одной из наиболее острых и масштабных угроз международной безопасности, затрагивающей жизни миллионов людей. Особую тревогу вызывает растущая тенденция вовлеченности несовершеннолетних в террористическую деятельность, что требует от государства и общества выработки комплексных стратегий в области профилактики и правового противодействия.

Статистические данные разных лет подтверждают устойчивую связь терроризма с подростковой средой. Так, в 2022 году из 127 зарегистрированных террористических актов 13 были совершены с участием несовершеннолетних. Эта тенденция находит отражение и в судебной практике: уже в 2024 году по террористическим статьям были осуждены 48 несовершеннолетних (из 870 осужденных). Эти цифры указывают на то, что проблема не только существует, но и активно преследуется по закону.

Одной из ключевых площадок распространения радикальных идей становится цифровая среда, особенно социальные сети и мессенджеры. Они становятся эффективными инструментами вербовки благодаря своим техническим возможностям и широкой доступности среди молодежи.

Их опасность усугубляется психофизиологической незрелостью целевой аудитории. В силу возрастных особенностей – остроты восприятия, отсутствия жизненного опыта, несформированности критического мышления и устойчивых мировоззренческих установок – несовершеннолетние являются идеальной мишенью для манипуляций. Вовлекаясь в деструктивную деятельность, несовершеннолетние часто примыкают к неформальным объединениям террористической направленности, где ими манипулируют и принуждают к совершению противоправных действий, способных причинить тяжкий вред здоровью и жизни граждан.

Подростковый умысел на террористическое преступление – это часто не осознанное зло, а результат психологических искажений. Подросток может знать, что взрыв – это плохо, но не понимать, что за этим стоят реальные смерти и сломанные судьбы. Его восприятие искажено компьютерными играми и пропагандой, где насилие становится абстрактной игрой.

Согласно исследованиям Д. Е. Некрасова, ключевым мотивом подросткового терроризма в России является неприятие базовых общественных ценностей: уважения к другим, культурного многообразия и плюрализма социальных групп. Эти преступления часто продиктованы стремлением к доминированию и насилию. Существенную роль в формировании подобных установок играют современные коммуникационные технологии, которые активно влияют на мировоззрение несовершеннолетних. Особую опасность представляет целенаправленное анонимное воздействие на подростков в сети «Интернет» с целью вовлечения их в противоправную деятельность.

Таким образом, с психологической точки зрения, несовершеннолетний часто является не столько «субъектом преступления», сколько «объектом» целенаправленного психологического воздействия.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35 (ред. от 28.02.2025) терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

По мнению В. П. Емельянова, терроризм представляет собой публично совершаемые общеопасные действия или угрозы, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов¹. Таким образом, терроризм стремится вызвать в обществе

¹ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. М., 2000. С. 9.

резонанс, способный запустить желательный для террористов сценарий развития событий.

Основными составами преступлений террористической направленности являются: террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в террористическом сообществе или организации (ст. 205.4, 205.5 УК РФ).

Уголовное законодательство РФ, борясь с терроризмом, учитывает и его связь с подростковой средой. Это проявляется в установлении ответственности не только за террористические акты, но и за смежные преступления.

Эта тенденция доказывает, что угроза терроризма многогранна и включает дестабилизацию общества через панику, чему молодежь особенно уязвима. Поэтому государственный подход закономерно сочетает жесткое преследование организаторов с работой на опережение, направленными в том числе на защиту подростков от влияния террористической идеологии и предотвращение их вовлечения в деструктивную деятельность, даже на уровне «шуток» и ложных вызовов.

Правовой статус несовершеннолетнего как специального субъекта уголовной ответственности закреплен в ч. 1 ст. 87 УК РФ. Согласно закону, к несовершеннолетним относятся лица в возрасте от 14 до 18 лет. В рамках этого периода выделяются три ключевых возрастных рубежа: 14 лет – минимальный возраст для привлечения к ответственности за отдельные, строго оговоренные преступления (ч. 2 ст. 20 УК РФ); 16 лет – общий возраст уголовной ответственности; и 18 лет – возраст, по достижении которого лицо утрачивает особый статус несовершеннолетнего.

Ключевые сложности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности заключаются в следующем:

1. Особую проблему представляет установление и фиксация вины, когда несовершеннолетние действуют под влиянием авторитета старших товарищей или родственников.

2. Вовлечение все чаще приобретает скрытые формы, активно используя интернет-коммуникации, что серьезно затрудняет их оперативное выявление и документирование.

3. В связи с тем, что несовершеннолетние зачастую не в полной мере осознают тяжесть и последствия своих действий, остро встает проблема

справедливости и целесообразности привлечения их к уголовной ответственности. - вспомнить бы откуда это для сноски найду

Таким образом, проблема уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность в Российской Федерации не может быть решена исключительно в рамках существующих уголовно-правовых норм.

Несмотря на наличие специализированного состава преступления (ст. 205.1 УК РФ), правоприменительная практика сталкивается с системными трудностями: латентностью и сложностью доказывания подобных деяний, особенно при использовании интернет-коммуникаций и манипулятивном воздействии со стороны взрослых. Кроме того, недостаточная осознанность несовершеннолетними последствий своих действий ставит вопрос о справедливости и эффективности карательной парадигмы в отношении данной возрастной группы.

В целях корректной квалификации действий несовершеннолетних, совершивших преступлений террористической направленности, необходимы следующие меры:

1. Обязательное проведение экспертизы. На стадии предварительного следствия в отношении несовершеннолетних обвиняемых должна в обязательном порядке назначаться комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Ее задача – установить субъективную сторону преступления, включая ведущие психологические мотивы подростка.

2. Тщательное исследование содержания умысла. Следствие должно конкретно устанавливать, на что именно был направлен умысел обвиняемого. Например, при поджоге военкомата необходимо определить, преследовал ли подросток цели терроризма или действовал по иным мотивам.

3. Действия подростка, который был обманут или запуган третьими лицами и не разделял террористических целей (устрашение населения, дестабилизация власти и т.д.), не должны квалифицироваться как терроризм. На это может указывать отсутствие соответствующей идеологической подготовки, радикальных высказываний и иных данных, свидетельствующих о террористическом умысле.

При этом по мнению В. И. Николовой вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности взрослым должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1–2 ст. 205.1 УК РФ¹.

¹ Николова В. И. Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности // В Сборнике Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против общественной безопасности) : материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред.

Ряд исследователей, признавая детскую незрелость и уязвимость, тем не менее, настаивает на возможности и необходимости привлечения несовершеннолетних к ответственности. Свою позицию они подкрепляют отсылками к Конвенции ООН о правах ребенка, которая допускает уголовное преследование несовершеннолетних при соблюдении специальных процедур, а также общей обязанностью государств привлекать к ответу за международные преступления. По их мнению, такая мера в долгосрочной перспективе служит интересам как общества в целом, так и самого ребенка, поскольку означает признание ответственности за тяжкие нарушения прав человека, совершенные детьми, достигшими достаточного уровня осознания своих действий.

Согласно альтернативной точке зрения, привлечение детей к ответственности за подобные деяния недопустимо, поскольку прямо противоречит сложившимся международным нормам по защите прав ребенка¹.

Естественно, в случае насильственного вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность они воспринимаются в первую очередь как жертвы, что влияет и на возможность привлечения их к ответственности.

Научная статья

УДК 343.326

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДИВЕРСИОННОГО СООБЩЕСТВА

Дмитрий Алексеевич БАРАННИКОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, barannikovd1@mail.ru

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **Анна Борисовна КАЛИНКИНА**, kalinkina.ab@skspba.ru

А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2020. С. 380–381.

¹ Дронина П. Е. Пресечение участия детей в вооруженных конфликтах: международно-правовая регламентация // Сборник докладов II Международной научно-практической заочной конференции. Северодвинск: 2015. С. 233–243.

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовной ответственности организатора диверсионного сообщества за преступление, предусмотренное ст. 281.3 УК РФ.

Особое внимание уделяется изменениям в уголовном законодательстве, результатом которых стало в том числе и введение ст. 281.3 УК РФ. Статья также затрагивает вопрос о конкуренции статей 281.3 и 210 УК РФ.

Констатируется и подчеркивается, что закрепление ст. 281.3 УК РФ в исчерпывающем перечне норм, предусмотренных ч. 5 ст. 35 УК РФ, является необходимым ответом на возникшую неточность Уголовного закона.

Ключевые слова. преступление, диверсия, преступное сообщество, ответственность, законодательство, организация

Original article

ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE ORGANIZATION OF A SUBVERSIVE COMMUNITY

Dmitry A. BARANNIKOV

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, barannikovd1@mail.ru

Scientific adviser – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **Anna Borisovna KALINKINA**, kalinkina.ab@skspba.ru

Abstract. The article discusses the problem of criminal liability of the organizer of a subversive community for a crime under Article 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Particular attention is paid to changes in criminal legislation, which resulted in the introduction of art. 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also addresses the issue of competition in Articles 281.3 and 210 of the Criminal Code of the Russian Federation.

It is stated and emphasized that the consolidation of Article 281.3 of the Criminal Code in the exhaustive list of norms provided for in Part 5 of Article 35 of the Criminal Code is a necessary response to the inaccuracy of the Criminal Law.

Keywords: crime, sabotage, criminal community, responsibility, legislation, organization

Уголовное законодательство является динамичной структурой – данное положение вытекает из догм теории права, и вместе с тем, положения, транслируемые законодателем, не всегда являются исчерпывающими. Нередки ошибки, пробелы и коллизии в устанавливаемых нормах.

Причина данных фактов понятна – нормы издаются людьми, и в этой стезе нельзя исключать человеческий фактор, невозможно уследить абсолютно за всеми положениями, вводимыми в правовое пространство. В. В. Лунеев высказывает интересное предположение о том, что проблемы в Российском законодательстве связаны в первую очередь с тем, что современные специалисты, касательно правовых аспектов, умеют растолковывать действующее законодательство, но практически никто не умеет анализировать¹.

Ч. 5 ст. 35 УК РФ содержит исчерпывающий перечень видов преступных сообществ, за организацию которых или участие в которых лица, в соответствии со своим статусом, несут уголовную ответственность. Данное положение, закреплено в общей части УК РФ. Данный факт означает, что нормы Общей и Особенной части УК РФ должны представлять собой прочную конструкцию, отвечающую всем возможным вопросам, возникающим в правоприменительной практике.

Вместе со всем вышесказанным, Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2022 № 586-ФЗ была введена новая норма, рассматривающая организацию диверсионного сообщества и участие в нем как самостоятельное преступление. Бесспорно, данное положение отвечает реалиям современного социального мира.

В той политико-правовой парадигме, которая складывается на международной арене, в связи с ведением Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины, необходимо жесткое санкционирование подобных актов поведения, потому как во многих преступлениях диверсионного и террористического характера организаторами выступают именно лица, действующие в интересах Украины, таким непристойным путем происходит попытка ведения военной конфронтации.

Международным сообществом должны не только не поддерживаться подобные акты, но и находить серьезную критику. Данное положение закреплено в п. «f» ч. 3 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 51/210 «Меры по ликвидации международного терроризма» от 17 декабря 1996

¹ Лунеев В. В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rossiyskogo-ugolovno-pravovogo-zakonotvorchestva-chast-i> (дата обращения: 17.11.2025).

года, согласно которому государства обязаны предпринять шаги, с тем чтобы воспрепятствовать и противодействовать посредством соответствующих внутренних мер финансированию террористов и террористических организаций.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что организация диверсионного сообщества и участие в нем по всем признакам состава преступления должна быть признана самостоятельным уголовно-наказуемым деянием, так как сама организация подобного рода преступного сообщества и участие в нем носит достаточно высокий общественно опасный характер, также как и организация любого другого преступного сообщества или участие в нем.

Тем не менее, лицо, организовавшее диверсионное сообщество, исходя из положений ч. 5 ст. 35 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности за все совершенные преступным сообществом преступления, если они охватывались его умыслом, что отличает подобных субъектов от организаторов иных преступных сообществ.

В подтверждение моих слов, рассмотрим содержание ч. 5 ст. 35 УК РФ, которое закрепляет, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом.

Следует обратить внимание, что организатор подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом, здесь речь идет о конкретных статьях Уголовного кодекса, что не подразумевает само по себе привлечение к уголовной ответственности организаторов иных преступных сообществ.

Да, санкция за организацию диверсионного сообщества или участие в нем указана в статье 281.3 УК РФ и фактически означает привлечение подобных лиц к уголовной ответственности, но «де-юре» правоприменитель сталкивается с проблемой привлечения такого лица к уголовной ответственности, основываясь на положении ч. 5 ст. 35 УК РФ, за все совершенные акты диверсионного характера, которые охватывались умыслом организатора. Подводя итог небольшому анализу, можно сделать вывод, что законодатель, издавая Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2022 № 586-ФЗ без объективных на то причин не внес изменения в ч. 5 ст. 35 УК РФ.

При этом возникает вопрос о необходимости включения данного положения в исчерпывающий перечень норм представленных в ч. 5 ст. 35 УК РФ. Думается, что данное нормативное закрепление поможет дать наиболее точную и полную оценку действий и их последствий для организаторов и участников диверсионного сообщества, подобно иным видам преступных сообществ, что безоговорочно систематизирует положения УК РФ, касающиеся преступных сообществ. Данный факт, в свою очередь, значительно облегчит работу правоприменителя. К тому же, применение закона по аналогии запрещено в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ, так как нарушает принцип законности.

В своей статье Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. писали о данной проблематике еще в 2023 году¹. Однако такое положение не нашло отклика у законодателя.

Одним из важных вопросов в исследуемой проблеме является то, как правоприменитель привлекает к уголовной ответственности лиц, организовавших диверсионное сообщество.

Так, Горьков и Заичкин были обвинены в создании на территории Российской Федерации диверсионного сообщества, которое по меньшей мере насчитывает 3 эпизода. Для достижения своей преступной цели путем угроз, подкупа и шантажа склонили несовершеннолетних к осуществлению действий диверсионного характера, что является темой моей иной статьи о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и диверсионной направленности.

Горьков приговором 2 Западного окружного военного суда осужден по ст. 281.2, ч. 4 ст. 150, п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «а», «б» ч. 2 ст. 281, п. «а», «б» ч. 2 ст. 281, п. «а», «б» ч. 2 ст. 281, ч. 1 ст. 281.3 УК РФ. Заичкин осужден по ч. 2 ст. 281, ч. 2 ст. 281.3 УК РФ².

Исходя из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что Горькову, при условии, что он являлся организатором диверсионного сообщества, вменено: прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступ-

¹ Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Специфика и перспективы совершенствования уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник военного права. 2023. № 1. Режим доступа: <https://limited-vumo.mil.ru/upload/site57/0736J42eul.pdf>.

² Дело № 1-68/2024 URL: https://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2789977&case_uid=074bc32c-ceb1-4f63-a6d9-e22c3d2d6027&delo_id=1540006&new=.

лений, кража, организация диверсионного сообщества и 3 отдельных эпизода совершения диверсии.

Таким образом, можно констатировать, что, отвечая фактическим реалиям уголовной ответственности организатора диверсионного сообщества, суд осуществил правильную правовую оценку его действий и дал соответствующую квалификацию по всем трем эпизодам, совершения диверсии, что, конечно, не коррелируется с положением ч. 5 ст. 35 УК РФ.

Ссылаться на ст. 210 УК РФ при осуждении Горькова за совершение всех 3 эпизодов диверсии, основываясь на преступном сообществе, как понятии, включающем в себя диверсионное сообщество не следует, в соответствии с правилами квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм.

В нашем случае организация преступного сообщества или участие в нем (ст. 210 УК РФ) будет рассматриваться, как общая норма по отношению к специальной норме, которой является организация диверсионного сообщества или участие в нем (ст. 281.3 УК РФ), при данном виде конкуренции уголовно-правовых норм применяется специальная норма, а значит квалифицировать деяния Горькова по ст. 210 УК РФ будет ошибочно.

Вместе с тем, при привлечении к уголовной ответственности за организацию диверсионного сообщества, видится возможным, ссылка на постановление Пленума Верховного суда от 10.06.2012 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем (в ней)», как было сказано ранее диверсионное сообщество является подвидом преступного сообщества, а значит толкование Верховного суда по отношению к последнему будет абсолютно справедливо и легально применительно к диверсионному сообществу.

Так, например, п. 14 данного постановления говорит об уголовной ответственности за организацию преступного сообщества, в частности, лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию), его (ее) руководитель, а также лица, осуществляющие коллективное руководство таким сообществом (организацией), несут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 210 УК РФ за совершение хотя бы одного из указанных в ней преступных действий, а также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации за все совершенные другими участниками преступного сообщества (преступной организации) преступления без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ и в том случае, когда указанные лица непосредственно не участвовали в совершении конкретных преступлений, но они охватывались их умыслом, и как было сказано ранее, данное толкование можно применять

абсолютно ко всем видам преступного сообщества, в том числе и диверсионному сообществу, но вменять Горькову ч. 1 ст. 210 УК РФ нельзя.

Таким образом, по нашему мнению, законодателю необходимо обратить внимание на данную проблему, дабы исключить подобные несоответствия и систематизировать уголовно-правовые установления. Подобные неточности в преступлениях, направленных на безопасность государства, недопустимы, особенно в условиях введения Вооруженными силами РФ специальной военной операции на территории Украины, поскольку могут порождать некий хаос и ложную безнаказанность у лиц, организовывающих диверсионные сообщества.

Научная статья

УДК 344.131.4

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ**

Таисия Александровна БАРЫШНИКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
taisiya.barishnikova@mail.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу субъекта преступлений против военной службы в законодательстве РФ и зарубежных стран.

Выявлены пробелы в определении круга лиц, подлежащих ответственности по главе 33 УК РФ.

На основе изучения зарубежного опыта предложены пути совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: субъект преступления, преступления против военной службы, военнослужащий, сравнительно-правовой анализ, зарубежный опыт

Original article

ON THE ISSUE OF DEFINING THE SUBJECT OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Taisiya A. BARYSHNIKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, taisi-ya.barishnikova@mail.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of the subject of crimes against military service in the legislation of the Russian Federation and foreign countries. Gaps in determining the circle of persons liable under Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation have been identified. Based on the study of foreign experience, ways to improve Russian legislation have been proposed.

Key words: subject of a crime, crimes against military service, military personnel, comparative legal analysis, and foreign experience

В нынешней сложной геополитической обстановке обеспечение законности в сфере военной службы приобретает первостепенное значение для защиты национальной безопасности и обороноспособности страны.

Число осужденных за военные преступления выросло в 4,2 раза в период с 3399 в 2020¹ до 14389 в 2024 году². Данная тенденция обуславливает актуальность конкретизации и совершенствования гл. 33 УК РФ и законо-

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: // https://cdep.ru/userimages/Statistika_2020/F1-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 08.10.2025).

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: // https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 08.10.2025).

дательства, закрепляющего статус военнослужащих. В частности, современный теоретико-правовой подход к определению субъекта преступлений против военной службы требует дальнейшего углубленного изучения, в частности, путем сравнительного анализа норм международного и национального уголовного права.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации теоретико-правового подхода к понятию субъекта военных преступлений, а также выявлению особенностей рассматриваемой дефиниции при сравнительном анализе норм международного и национального уголовного права.

Вопрос о понятии и характеристиках субъекта военных преступлений представляет собой одну из наиболее сложных проблем современного уголовного права. П. С. Данилов справедливо указывает на то, что система преступлений против военной службы и в российском законодательстве, и в зарубежном строится «на различных критериях, однако такой критерий, как субъект преступления, всегда является системообразующим»¹. Однако понятие и признаки субъекта преступлений против военной службы никогда не были единообразны.

В международном уголовном праве понятие субъекта военных преступлений формировалось под влиянием судебной практики международных трибуналов – начиная с Нюрнбергского и Токийского процессов и заканчивая деятельностью Международного уголовного суда. Эти институты заложили основы уголовной ответственности за совершение преступлений в рассматриваемой среде, тем самым утвердив принцип индивидуализации ответственности.

В российском уголовном законодательстве, несмотря на имплементацию ряда международных норм, особенный подход к определению признаков субъектов преступлений против военной службы. В главе 33 УК РФ большинство норм носит бланкетный характер и отсылают к специальному законодательству. Кроме того, она уникальна тем, что ст. 331 УК РФ носит общерегулятивный характер и содержит дефиницию преступлений против военной службы, а также определяет некоторые признаки субъекта рассматриваемого вида преступных деяний. Однако данная норма нуждается в дальнейшей доработке.

Так, согласно российскому законодательству, субъект преступлений против военной службы – специальный. Субъектами преступлений против военной службы являются граждане Российской Федерации, имеющие статус военнослужащего (военнослужащие, проходящие военную службу

¹ Данилов П. С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования: ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2019. С. 65.

по призыву или по контракту) и приравненные к ним граждане, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Данные категории конкретизированы в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025), Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025) (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»), Указе Президента РФ от 16 сентября 1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы») (ред. от 31.12.2025) и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Статус военнослужащего и приравненных к ним лиц отличается в различных правовых системах. Так, Российская Федерация относится к континентальной правовой системе, где правовое регулирование определяется Уголовным кодексом и специальными федеральными законами (отметим, что в данном случае существует множество подходов: военно-уголовный кодекс, кодекс военной юстиции, иные специализированные нормативные акты).

Напротив, в государствах англо-американской приоритет отдается специальным военно-уголовным законам, которые ограничивают действие уголовного законодательства вплоть до разграничения предметов их регулирования.

В государствах мусульманской, религиозной правовой семьи характеристика преступлений против военной службы устанавливаются в специальных военно-уголовных законах, которые в некоторых случаях, как и в романо-германской правовой семье, прямо отсылают к общим уголовным законам (Кодекс военной юстиции Египта, Акт Пакистана о Воздушных Силах, Закон Ирана о наказаниях за преступления, совершаемые служащими Вооруженных Сил и т. д.).

Правовой статус определенных категорий лиц получает неоднозначное закрепление в национальных законодательствах различных государств.

Например, согласно ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025), «лицо может считаться проходящим военную службу по призыву и с 16-летнего возраста в том случае, если оно является курсантом военного образовательного учреждения профессионального образования». Однако данное лицо нельзя признать субъектом преступных посягательств против военной службы до достижения совершеннолетнего возраста (оно может быть привлечено к ответственности за общеуголовные преступления по дейст-

вующему законодательству). Данный вопрос является дискуссионным в уголовно-правовой доктрине и обсуждается, например, в работах К. В. Фатеева и Р. В. Закомолдина.

В ряде стран круг субъектов воинских преступлений является более широким по сравнению с Российской Федерацией, поскольку охватывает, в том числе, и курсантов военных образовательных учреждений. Так, «к числу лиц, подлежащих уголовной ответственности по Военно-уголовному закону Республики Корея, южнокорейский законодатель отнес не только лиц, проходящих военную службу в той или иной форме, но и иных лиц – нанятых вооруженными силами гражданских служащих, курсантов, резервистов и ополченцев (пп. 1–3 ч. 3 ст. 1 Военно-уголовного закона Республики Корея)¹».

Также данная особенность закреплена в уголовном законодательстве Великобритании, Канады² и др. В США подход схож с российским. Так, курсанты имеют статус военнослужащих, к ним применяют специальные виды наказания (например, увольнение), но за совершение тяжких общеуголовных преступлений или в случае признания неблагонадежным³.

Также проблемным является вопрос о статусе лиц, пребывающих в добровольческих формированиях. В России данный вопрос урегулирован с 2024 года, однако рассматриваемая категория регулируется в ряде стран с некоторыми особенностями. В ст. 72 Закона Республики Армения от 29.11.2017 № ЗР-195 «О военной службе и статусе военнослужащего» дается ограниченное толкование военного добровольца (только лица, имеющие статус добровольца «Еркрапа»).

В Белоруссии данная категория рассматривается как дополнительная мобилизационная сила. В данной стране принят специальный Закон Республики Беларусь «О народном ополчении» от 17 июля 2023 г. № 287-З, который закрепляет понятие добровольца народного ополчения, принципы, порядок комплектования отрядов, указание на время действия (при военном положении) и т.д. В Бразилии существуют дополнительные критерии к добровольцам (должны обладать специальными знаниями).

Представляется интересным, что «единственной страной, чье законодательство не предполагает участие добровольцев в рядах вооруженных сил, является ЮАР»⁴.

¹ Добряков Д. А. Военные наказания и наказания за военные преступления по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Корея // Общество и право. 2017. №3 (61). С. 58.

² Данилов П. С. Критерии построения системы преступлений против военной службы в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве : сравнительно-правовой аспект // Вестник СИБИТа. 2016. №2 (18). С. 92.

³ Сивов В. В. Применение к военнослужащим специальных видов наказаний по современному зарубежному уголовному законодательству // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №2. С. 135.

⁴ Семяникова Д. А. Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах – членах ЕАЭС и БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18.

Кроме того, существуют страны, где добровольцам не предоставлены меры социальных гарантий (Индия). А в Кыргызстане законодательно статус добровольческих формирований не закреплён, но некоторые правовые изменения частично опосредуют обеспечение ими безопасности при защите государственных границ. Таким образом, к единому понятию «доброволец» в разных государствах применяются различные подходы, касающихся как их законодательного определения, так и выделения мер социальной поддержки. Также представляется интересным, что при существующей дифференциации понятий «доброволец» и «ополченец» по критериям функций и безвозмездности, в разных странах разный подход к их толкованию.

В России по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против военной службы, могут нести ответственность и граждане, не относящиеся ни к субъектам воинских преступлений, ни к лицам, приравненным к ним при условии, если они участвуют в совершении воинского преступления вместе с военнослужащим. Такие граждане в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ отвечают в качестве организаторов, пособников и подстрекателей воинских преступлений; соисполнителями таких преступлений они быть не могут. Данный аспект отражён в Военном УК Албании, Военно-уголовном законе Республики Корея, где гражданские лица несут уголовно-правовую ответственность за отдельные преступления, а в Кодексе военной юстиции Франции данное правило действует при военном времени¹.

Примечателен опыт зарубежных стран, где уголовная ответственность за преступления против военной службы применяется также к наемникам — лицам, участвующим в операциях за материальное вознаграждение (Великобритания, Германия, Дания, Бельгия, Франция). В Российском уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за наемничество. Так, в ст. 359 УК РФ раскрывается понятие «наемник», подход к толкованию, к уголовно-правовой ответственности разные в международно-правовых нормах.

Например, по-разному интерпретируется понятие «вербовка», которое наиболее часто встречается в диспозициях статей Законов других государств (истолковывается как «побуждение», «пользование услугами другого лица» либо «склонение людей», «доставки» завербованного лица)². В некоторых странах разграничена ответственность за вербовку и найм. Так, в УК Франции же нет ответственности за вербовку (лица несут ответст-

№ 2. С. 87.

¹ Данилов П. С. Критерии построения системы преступлений против военной службы в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве : сравнительно-правовой аспект // Вестник СИБИТа. 2016. №2 (18). С. 91.

² Корханина Я. В. Ответственность за наемничество по законодательству иностранных государств // Вестник магистратуры. 2021. №4-2 (115) С. 40.

венность лишь за «набор вооруженных сил без приказа или без разрешения законных властей»¹).

Отметим, что в зарубежном законодательстве применительно к субъекту преступлений против военной службы также встречаются такие формулировки, как: лица, направленные на задание (Приложение 15 к Акту Великобритании о Вооруженных Силах), утвержденные в качестве шпионов (Акт Канады о национальной обороне), прикомандированные к войскам по международному договору (Единый Кодекс военной юстиции США) и военнопленные (Кодекс военной юстиции Чили, УК Швеции).

Таким образом, проведенный сравнительный анализ показывает, что конструирование понятия субъекта преступлений против военной службы в России и в зарубежных странах отличается значительным разнообразием, обусловленным историческими, геополитическими и правовыми традициями. С целью совершенствования российской уголовно-правовой доктрины и законодательства представляется целесообразным расширить толкование ст. 331 УК РФ и дополнить норму понятием субъекта преступлений против военной службы, что устранил существующие пробелы в законодательстве Российской Федерации.

Реализация указанных мер будет способствовать гармонизации отечественного военно-уголовного законодательства с международно-правовыми подходами и повысит его эффективность в условиях современных вызовов.

Научная статья

УДК 343.3/.7

КИБЕРШПИОНАЖ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Вероника Игоревна БАШКАТОВА

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия, nikashensha@gmail.com

Научный руководитель – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор **Вера Александровна КАЗАКОВА**, vera1313@yandex.ru

¹ Корханина Я. В. Ответственность за наемничество по законодательству иностранных государств // Вестник магистратуры. 2021. №4-2 (115) С. 40.

Аннотация. В статье обосновывается необходимость уголовно-правового закрепления статуса информационной войны через криминализацию кибершпионажа.

Анализируется существующий пробел в российском законодательстве, где отсутствует специальная норма, учитывающая кибернетический способ совершения шпионажа. Доказывается, что кибершпионаж обладает признаками акта агрессии в киберпространстве и может служить основанием для введения особого правового режима.

На основе сравнительно-правового анализа предлагается конкретная норма для включения в ст. 276 УК РФ. Разработанные положения направлены на совершенствование механизмов противодействия современным угрозам национальной безопасности.

Ключевые слова: кибершпионаж, информационная война, уголовная ответственность, национальная безопасность, киберпространство, криминализация, правовые пробелы

Original article

CYBER ESPIONAGE AS A LEGAL BASIS FOR CRIMINALIZATION OF INFORMATION WARFARE STATUS

Veronika Ig. BASHKATOVA

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nikashensha@gmail.com

Scientific adviser – Head of the Department of Criminal Law Disciplines at Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Professor, **Vera Alexandrovna KAZAKOVA**, vera1313@yandex.ru

Abstract. This article substantiates the necessity of establishing the legal status of information warfare in criminal law through the criminalization of cyber espionage. The analysis focuses on the existing legislative gap in Russian law, which lacks specific provisions accounting for the cybernetic methods of committing espionage. It is argued that cyber espionage exhibits characteristics of an act of aggression in cyberspace and could serve as grounds for implementing a special legal regime. Based on comparative legal analysis, a specific amendment to Article 276 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed. The developed provisions aim to enhance mechanisms for countering contemporary threats to national security.

Keywords: cyber espionage, information warfare, criminal liability, national security, cyberspace, criminalization, gaps in legislation

Информация представляет собой фактор воздействия, способный определить направление исторического развития самым непредсказуемым образом. Стремительный технологический прогресс привел к тому, что мир находится в постоянном состоянии «информационной войны» – политико-коммуникативной технологии, целью которой является достижение информационного преимущества в интересах национальной стратегии¹.

В гонке за первенство в войне государства используют как военные, так и невоенные инструменты, разрабатывают различные способы их применения. Этим обусловлено возникновение пробелов в национальном и международном правовом регулировании.

Согласно Федеральному конституционному закону «О военном положении» от 30 января 2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024), под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Агрессией в современном международном праве является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в Определении агрессии, утвержденном резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.

Достижение информационного преимущества в настоящее время в большей степени осуществляется посредством совершения деяний в рамках киберпространства – среды информационного взаимодействия и обмена данными, реализуемой в компьютерных сетях и сетях связи².

Важно отметить, что одним из типов информационных войн выступает информационно-техническая война, элементами которой являются кибератаки. Одной из целей осуществления кибератак выступает похищение секретной информации³.

¹ Пирумов В. С., Родионов М. А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5. С. 34.

² ГОСТ 34009-2016. Средства и системы управления железнодорожным тяговым подвижным составом. Требования к программному обеспечению : межгосударственный стандарт (введен приказом Росстандарта от 11.01.2017 № 3-ст) // Официальный текст. С. 2. URL: https://rosstd.ru/file/gost/35/080/gost_34009-2016.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

³ Иншаков С. М. Основы теории национальной безопасности : учебник. М. : КноРус, 2023. С. 245–250. (дата обращения: 30.09.2025).

Согласно данным «RED Security SOC», общее количество кибератак на российские компании с января по июнь 2025 года превысило 63 тысячи, что на 27 % больше, чем за аналогичный период 2024 года¹.

Несмотря на увеличение числа противоправных деяний, совершаемых в киберпространстве, различных кибератак, посягающих на основы конституционного строя и безопасность Российской Федерации, основания полагать, что государства находятся в состоянии информационной войны не находят юридического закрепления. Усовершенствование национального и международного уголовного законодательства, криминализация деяний в условиях технологического прогресса в разумных пределах станет основой для правового закрепления состояния информационной войны.

Рассмотрим проблему на примере состава кибершпионажа, конкретного деяния, совершаемого в киберпространстве и не имеющего прямого закрепления в национальном законодательстве Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за шпионаж, однако в составе преступления не отражен важный криминализирующий признак, связанный со способом совершения деяния.

Уголовное законодательство европейских стран содержит конкретные положения, указывающие на совершение шпионажа посредством информационных средств. Так, уголовное уложение Германии предусматривает ответственность за подготовку выведывания и перехвата данных путем продажи, предоставления, распространения или иным образом открывая доступ к компьютерным программам, направленность которых заключается в совершении подобного деяния². Указание способа позволяет усилить правовое регулирование с точки зрения стратегической уголовной политики, так как способствует выработке эффективных средств и методов борьбы с преступностью.

Также особое внимание при конкретизации стоит уделить субъекту. Не всегда лица, разработавшие программное обеспечение или специальное оборудование, являются теми же лицами, которые его используют в своей шпионской деятельности, что часто приводит к невозможности установить лицо, осуществляющее шпионаж, а следовательно, привлечь данное лицо к ответственности³.

Указание цели создания программного обеспечения в рамках основного уголовного законодательства позволит более четко разграничить

¹ Число кибератак в России и в мире [Электронный ресурс] // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_кибератак_в_России_и_в_мире (дата обращения: 04.09.2025)

² German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). Section 202c Acts preparatory to data espionage and phishing / науч.-практ. коммент., пер. с нем. П. В. Головненков. С. 314.

³ Галушкин А. А. К вопросу о кибершпионаже и киберконтрразведке на современном этапе [Электронный ресурс] // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kibershpiionazhe-i-kiberkontrrazvedke-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 15.09.2025).

действия разработчиков и пользователей, а также устранить пробелы в квалификации деяний, связанных с применением компьютерных средств, повысить эффективность расследования.

Применяя аналогию закона при разработке правовой нормы, можно презюмировать, что видовым объектом кибершпионажа являются основы конституционного строя и безопасность Российской Федерации. Следовательно, в том случае, если субъектом кибершпионажа выступает представитель государственной власти, противоправное деяние может рассматриваться как акт агрессии.

Так, кибершпионаж, согласно Н. Джупиллэту, порождает риск эскалации напряжения и возникновения конфликтов между государствами по ряду причин, главным образом, относящимся к его беспрецедентному масштабу, специфическим характеристикам и потенциальным последствиям¹.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 обращается внимание на расширение использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности».

Стоит отметить, что статья 276 УК РФ также содержит следующую формулировку: «передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации». Однако информационная война не предполагает наличия оружия, но также подразумевает борьбу. Противостояние происходит с использованием информационных технологий².

Таким образом, кибершпионаж, по степени общественной опасности соотносимый с актом агрессии, может выступать основанием для правового закрепления состояния информационной войны. Отсутствие законодательного закрепления дефиниции информационной войны, ее конкретных признаков, а также оснований введения состояния информационной войны,

¹ Jupillat N. From the Cuckoo's Egg to global surveillance: cyber espionage that becomes prohibited intervention // North Carolina journal of international law and commercial regulation. – Chapel Hill, 2017. – Vol. 42, № 4. P. 933–988.

² Девяткина А. Г. Информационные войны в современных международных отношениях [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум. 2014. С. 54. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014003478> (дата обращения: 15.09.2025).

создает пробел в правовом регулировании, что снижает эффективность противодействия угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

Статью 276 УК РФ целесообразно дополнить положением о кибершпионаже в качестве второй части, учитывая все вышеперечисленные признаки состава преступления. Это позволит более полно охватить современные угрозы, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий для проведения разведывательной деятельности, представляющей серьезную опасность для национальной безопасности.

Формулировка вышеупомянутого положения может звучать следующим образом: «Совершение шпионажа путем использования информационно-коммуникационных технологий, включая кибершпионаж, то есть сбор, похищение, хранение или передачу секретных сведений, охраняемых законом, с применением компьютерных программ, сетевых и иных технических средств, направленных на добычу информации, представляющей государственную тайну, а также иных сведений, которые могут быть использованы против безопасности Российской Федерации или ее вооруженных сил, совершенные иностранным гражданином, лицом без гражданства или иностранным государством, международной либо иностранной организацией либо их представителями».

Правовое закрепление киберпреступлений, преступлений в информационной сфере позволит юридически закрепить само понятие информационной войны, определить основания введения состояния информационной войны на территории государства и обеспечить ее отражение в системе национальной и международной безопасности.

Научная статья

УДК 343.195.3

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Полина Александровна БЕЛОУС¹ Анна Сергеевна БИГАН²

^{1, 2} Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь, Россия,

¹polina-belous@internet.ru

²annabigan26@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета

прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
Фатма Аблямитовна АМЕТКА, fatma18@mail.ru

Аннотация. Преступления террористической и экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют внутривластную и социальную обстановку.

В статье особое внимание уделяется переходу от мер реагирования к устойчивой модели превенции, основанной на межведомственном взаимодействии органов власти, образовательных учреждений и общественных организаций.

Реализация данных подходов способствует укреплению национальной безопасности и формированию устойчивого иммунитета молодежи к идеологиям насилия и нетерпимости.

Ключевые слова: органы прокуратуры, экстремизм, молодежный терроризм, профилактика

Original article

ON SOME ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S ACTIVITIES IN COUNTERING THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM

Polina A. BELOUS¹ Anna S. BIGAN²

^{1, 2} Crimean Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Simferopol, Russia,

¹polina-belous@internet.ru

²annabigan26@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Fatma Ablyamitovna АМЕТКА**, fatma18@mail.ru

Abstract. Crimes of a terrorist and extremist nature cause increased public resonance and destabilize the domestic political and social situation. The article focuses on the transition from response measures to a sustainable prevention model based on interagency cooperation between government agencies, educational institutions, and public organizations. Implementing these approaches contributes to strengthening national security and fostering a sustainable immunity among young people against ideologies of violence and intolerance.

Keywords: prosecutor's office, extremism, youth terrorism, prevention

Преступления террористической и экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют внутриполитическую и социальную обстановку. В условиях современной российской действительности, характеризующейся ростом преступлений данной направленности, работе органов прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму придается особое значение.

В конце 2024 года Международная организация ЮНИСЕФ опубликовала шокирующие данные: «473 миллиона детей по всему миру живут в условиях, где конфликты непосредственно влияют и разрушают их жизни. Так, дети все чаще становятся жертвами жестокости, лишаются образования медицинской помощи и даже самой возможности детства. Так, эксперты ЮНИСЕФ предупредили: эта ситуация не должна стать «новой нормой» для мира»¹.

Психическое здоровье детей в зонах конфликтов находится под постоянным риском. В той же Газе 96 % детей заявили, что ощущают угрозу смерти, а почти половина из них выразили желание умереть из-за пережитой травмы. Эксперты отмечают: такие реалии лишают детей не только безопасности и базовых жизненных потребностей, но и самой возможности жить простой детской жизнью².

В докладе исполнительного директора Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) Кэтрин Рассел Кэтрин Рассел указывается, что «дети живут в мире, который становится все более враждебным по отношению к их правам. Каждый пятый ребенок живет в зонах конфликтов или спасается из них бегством. Многие из этих детей получают ранения, погибают или подвергаются сексуальному насилию»³.

Организацией Объединенных Наций подтверждено более 315000 случаев грубого нарушения прав детей в зонах конфликта в период с 2005 по 2022 год. По данным ЮНИСЕФ «более 120000 детей в указанный период были убиты или получили ранения. Не менее 105000 детей были завербованы и привлечены к службе в том или ином качестве вооруженными силами или вооруженными группами. Более 32500 детей были похищены. Более 16000 детей подверглись сексуальному насилию. ЮНИСЕФ также занимается реабилитацией детей, участвовавших в боевых действиях. Только

¹ Гандрабура Ю. ЮНИСЕФ: каждый 5 ребенок живет в зонах конфликтов! Будущее обречено? URL: <https://www.techinsider.ru/news/news-1672569-yunisef-kajdyi-5-rebenok-jivet-v-zonah-konfliktov-budushchee-obrecheno/>.

² Гандрабура Ю. ЮНИСЕФ: каждый 5 ребенок живет в зонах конфликтов! Будущее обречено? URL: <https://www.techinsider.ru/news/news-1672569-yunisef-kajdyi-5-rebenok-jivet-v-zonah-konfliktov-budushchee-obrecheno/>.

³ Глава ЮНИСЕФ во Всемирный день ребенка: права детей нарушаются все чаще URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446967>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

в прошлом году фонд помог почти 12500 детям, завербованным для участия в вооруженных действиях, вернуться к нормальной жизни и реинтегрироваться в общество»¹.

Таким образом, противодействие экстремистским и террористическим проявлениям на современном этапе развития российской государственности, особенно среди детей и молодежи, объективно выступает одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности. Социально-политические трансформации, сопровождаемые ростом радикальных настроений и повышением конфликтного потенциала, сформировали необходимость переосмысления стратегий предупреждения и пресечения экстремистской деятельности, в том числе с использованием новых моделей прокурорского надзора и межведомственного взаимодействия.

Сохраняющаяся угроза экстремизма детерминирована низким уровнем политико-правовой культуры, недостаточной зрелостью институтов гражданского общества и ограниченным участием граждан в демократических процессах. Указанные факторы формируют социальную среду, восприимчивую к радикальным идеологиям, способным разрушать основы конституционного строя и подрывать легитимность публичной власти.

Официальная статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации фиксирует устойчиво высокий масштаб преступлений анализируемых категорий. Так, в сфере экстремистской деятельности зарегистрировано: в 2017 году – 1521 преступление, в 2018 году – 1265, в 2019 году – 585, в 2020 году – 833, в 2021 году – 1057, и за девять месяцев 2022 года – уже 1125 преступлений. Показатели террористической направленности также демонстрируют динамику: 1871 преступление в 2017 году, 1679 — в 2018 году, 1806 – в 2019 году, 2342 – в 2020 году, 2136 – в 2021 году, и 1818 – за девять месяцев 2022 года². Приведенные данные подтверждают, что рассматриваемая группа преступлений приобретает устойчивый и сложно предсказуемый характер, требующий коррекции методов надзорной деятельности государства.

Прокуратура Российской Федерации, обладая полномочиями по надзору за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму, закономерно выступает системным субъектом предупреждения данных угроз. Значимость данного направления неоднократно подчеркивал Генеральный прокурор Российской Федерации.

В частности, И. В. Краснов, указывал на приоритетность надзора за антитеррористической защищенностью ключевых государственных объектов

¹ ЮНИСЕФ: за последние 18 лет было совершено 315 000 нарушений прав детей в условиях конфликта URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441707>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Показатели преступности России. Динамика // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.10.2025).

и за распространением в информационном пространстве призывов к насилию и иных деструктивных материалов¹. Сложность работы органов государственной власти по противодействию экстремистской и террористической угрозе, в том числе и органов прокуратуры, обусловлена трансформацией и постоянной изменчивостью организации и тактики экстремистских и террористических движений.

Нормативной основой прокурорской деятельности в данной сфере выступают приказы Генерального прокурора Российской Федерации № 156 от 21.03.2018 и № 295 от 17.05.2018, определяющие экстремизм и терроризм как системные угрозы государственному и общественному развитию. Данные акты закрепляют комплексный характер прокурорской деятельности, предполагающий использование всего спектра надзорных полномочий, механизмов уголовного преследования, участие в судебных процедурах, а также правотворческое влияние на формирование региональных и муниципальных норм.

Особое значение имеет обеспечение конституционного принципа признания прав и свобод человека высшей ценностью, закрепленного в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Противодействие экстремизму и терроризму не может служить основанием для необоснованного ограничения прав и свобод граждан; напротив, прокурорский надзор является гарантией их соблюдения при реализации мер безопасности.

Также, следует отметить, что в России противодействие вербовке подростков в террористические организации стало одним из приоритетных направлений государственной политики. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2023 году было зарегистрировано 44 преступления террористической направленности, совершенные лицами в возрасте от 14 до 17 лет, в то время как в 2022 году таких случаев насчитывалось 30.

Среди них – подрывы железнодорожных путей, поджоги военных объектов и зданий государственных органов. Особую тревогу вызывает случай в Омске в сентябре 2024 года, когда двое подростков подожгли военный вертолет Ми-8, действуя по указаниям анонимного куратора через мессенджер Telegram, обещавшего вознаграждение в размере 20 тысяч долларов. Аналогичные схемы выявлены и в других регионах, включая Республику Крым и г. Севастополь, где несовершеннолетним предлагали денежные суммы за совершение террористических актов.

Так, по данным губернатора г. Севастополя М. Развожаева подросткам поступали сообщения через мессенджеры с предложением за крупное

¹ Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=73345383> (дата обращения: 20.10.2025)

вознаграждение в размере 700 тыс. рублей совершить террористический акт – заминировать торговый центр «Муссон»¹. Подобные факты свидетельствуют о возрастающей активности иностранных спецслужб и экстремистских организаций, которые все чаще прибегают к использованию несовершеннолетних, в том числе через социальные сети и онлайн-игры.

Активное распространение социальных сетей и анонимных коммуникационных платформ облегчает процесс вербовки. Подростки оказываются особенно уязвимыми к манипуляциям, поскольку их психика находится в стадии формирования, а система ценностей – под воздействием внешних факторов. В связи с этим, Росфинмониторинг в 2024 году включил в реестр террористов и экстремистов 93 несовершеннолетних – наибольшее количество за последние шесть лет. Исследования показывают, что почти половина несовершеннолетних в возрасте до 12 лет имели опыт общения с незнакомыми людьми в сети «Интернет». Такое взаимодействие может привести к психологическому насилию, вовлечению в деструктивные сообщества и даже физическому вреду.

Таким образом, дальнейшее развитие государственной системы противодействия экстремистским и террористическим угрозам предполагает усиление аналитических и прогнозных функций, расширение цифровых механизмов профилактики, а также институциональное укрепление сотрудничества органов прокуратуры с иными субъектами безопасности и научным сообществом.

Научная статья

УДК 343.31

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Елизавета Ивановна БЕНЬЯМИНОВА

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Луганск, Россия,
elizavetabenaminova@gmail.com

Научный руководитель – заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Луганского юридического института (филиала)

¹ Кельдасов Т. Д. Вербовка российской молодёжи экстремистскими организациями // 2022. № 3. С. 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbovka-rossiyskoy-molodezhi-ekstremistskimi-organizatsiyami> (дата обращения: 25.09.2025).

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Вячеслав Валерьевич ЕПИШИН**

Аннотация. Статья посвящена характеристике уголовно-правовой характеристике преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Автор отмечает актуальность исследования составов преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ и высокую степень их общественной опасности.

В статье разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за преступления, предусмотренные главой 29 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, государственная измена, шпионаж, экстремизм

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND STATE SECURITY

Elizaveta I. BENYAMINOVA,

Lugansk Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Lugansk, Russia, elizavetabenaminova@gmail.com

Scientific adviser – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Candidate of Law **Vyacheslav Valerievich EPISHIN**

Abstract. The article is devoted to the characterization of the criminal law characterization of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state.

The author notes the relevance of the study of the crimes provided for in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation and the high degree of their public danger.

The article develops proposals to improve the practice of applying criminal legislation on liability for crimes provided for in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal legislation, crimes against the foundations of the constitutional order and state security, high treason, espionage, extremism

Глава 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, с момента своего принятия в 1996 году демонстрирует устойчивую негативную динамику. Однако при криминологической и правовой оценке данной категории деяний следует учитывать, что статистические показатели носят в известной мере условный характер.

Исключительная общественная опасность государственной преступности обусловлена в первую очередь не ее количественными показателями, а особой значимостью охраняемых ценностей и глобальным характером возможных социальных последствий. Подобные деяния способны нанести масштабный, а иногда и невосполнимый ущерб всей системе национальной безопасности, затрагивая как внутренние, так и внешнеполитические интересы государства.

Согласно доктрине конституционного права, конституционный строй Российской Федерации базируется на системе фундаментальных принципов и незыблемых устоев, определяющих его сущность как конституционного государства¹.

Данная правовая конструкция предполагает двойственную природу государства, т.е. осуществляя управленческие функции в обществе, оно одновременно функционирует в рамках саморегулирующегося гражданского общества, учитывая его потребности и запросы.

В первой главе Конституции РФ данные принципы находят свое правовое выражение через: провозглашение источника власти и носителя суверенитета; установление фундамента правового статуса личности; закрепление формы правления и типа государственного устройства; а также определение основ конституционного строя России в качестве демократического, социального и светского государства. Охрана столь масштабной сферы общественных отношений составляет одну из функций всей правовой системы, в то время как их защита от преступных посягательств по своей значимости соответствует принципиальным целям уголовного права.

В этой связи разделяется научная позиция о чрезмерно широком определении родового объекта преступлений главы 29 УК РФ, который не в полной мере соответствует закрепленной в ней системе конкретных составов².

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М., 1995. С. 78, 79.

² Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 12.

Наиболее точное определение сущности анализируемых противоправных деяний достигается при использовании правовой конструкции «безопасность государства». Под государственной безопасностью в общем смысле подразумевается защищенность национальных интересов.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Следовательно, защита конституционных основ, образующих ядро правовой системы, составляет суть национальных интересов. Это позволяет определить государственную безопасность через стабильность и способность конституционного строя противостоять современным вызовам и дестабилизирующим воздействиям¹.

Защита основ конституционного строя обладает двойственной природой, будучи одновременно гарантией и производной государственной безопасности. Такой подход формирует две взаимосвязанные стратегические задачи: противодействие дестабилизирующим факторам и создание прочного фундамента для поступательного развития и долгосрочной стабильности государства.

Реализация данной стратегии включает два взаимодополняющих компонента: нейтрализацию дестабилизирующих воздействий и наращивание национального потенциала в материальной и духовной сферах. Следовательно, обеспечение безопасности представляет собой синтез правоограничительных мер, направленных на пресечение деструктивных действий, и целенаправленного раскрытия созидательного потенциала общества.

В комплексе мер по нейтрализации дестабилизирующих факторов уголовно-правовые нормы главы 29 УК РФ, выполняют специализированную функцию, действуя наряду с политическими и международными механизмами. Их уникальность определяется четко очерченными пределами действия, т.к. они обеспечивают защиту государственных интересов только от тех угроз, которые обладают признаками преступления.

Повышенная степень общественной опасности данных преступных деяний определяется не только спецификой охраняемого объекта, но и особенностями их юридического состава. В большинстве случаев они выра-

¹ Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13.

жаются в активных действиях, причем законодатель, учитывая важность защищаемых ценностей, конструирует их как формальные составы, не требующие доказательств реального наступления вредных последствий. Характерно, что субъективная сторона этих преступлений в основном характеризуется прямым умыслом, за исключением состава, предусмотренного статьей 284 УК РФ, где законодатель прямо указывает на неосторожную форму вины.

Субъектный состав преступлений против государственной безопасности, преимущественно, образует дееспособный индивид, достигший шестнадцатилетнего возраста. При этом для отдельных составов (статьи 275 и 276 УК РФ) гражданская принадлежность субъекта выступает обязательным и критерием разграничения. В особых случаях, например, при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), возрастной порог привлечения к ответственности снижается до четырнадцати лет. Отдельные нормы (ст.ст. 283, 284 и ч. 3 ст. 282.1 УК РФ) предусматривают специального субъекта, чья характеристика связана с осуществлением служебных полномочий.

Анализируемые преступления характеризуются экстерриториальным действием уголовного закона. Часть 3 статьи 12 УК РФ наделяет правоприменительные органы юрисдикцией в отношении не проживающих в стране иностранцев и апатридов, совершивших противоправные действия вне ее границ, если такие деяния противоречат интересам Российской Федерации. Действие данной нормы обусловлено отсутствием ранее вынесенного приговора за указанное деяние в другом государстве и последующим производством по делу в рамках национальной судебной системы.

Общей основой для систематизации преступлений против государственной безопасности, предусмотренных главой 29 УК РФ, служит их системная связь с основами конституционного строя. Данная связь выражается в единстве объекта уголовно-правовой охраны и общественно опасной направленности таких деяний. Многообразие существующих классификационных подходов отражает сложный характер этого правового института. При этом практическая ценность любой типологии состоит не в создании некой идеальной модели, а в ее функциональной значимости для углубленного анализа составов преступлений и формирования стратегических ориентиров для развития уголовно-правовой защиты государственности.

Классификация преступлений против государственной безопасности, предусмотренных главой 29 УК РФ, по непосредственному объекту посягательства позволяет выстроить целостную систему охраняемых правовых ценностей. Фундамент этой системы образуют преступления против целостности государственного суверенитета и территориальной неприкосновенности, куда входят деяния против внешней безопасности (ст. 275, 276 УК РФ) и внутренней безопасности (ст. 277, 278, 279, 280, 280.1, 284.1 УК РФ).

Следующий структурный блок составляют преступления, нарушающие конституционные основы правового статуса личности, объединяющие составы экстремистской направленности (ст. 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ). Отдельное место занимают противоправные деяния против экономической безопасности государства, представленные диверсией (ст. 281 УК РФ). Завершает систему группа преступлений против информационной безопасности, включающая разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), незаконное получение соответствующих сведений (ст. 283.1 УК РФ) и утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ). Такое структурное представление обеспечивает методологическую основу для совершенствования правоприменительной практики в данной сфере.

Проведенное исследование охраняемых правовых благ свидетельствует, что уголовно-правовой запрет распространяется на наиболее опасные формы противоправного поведения, направленные против основ конституционного строя. Существенным отличием современной кодификации выступает структурное расположение соответствующих норм.

Если в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, раздел о государственных преступлениях открывал Особенную часть, то в действующем УК РФ аналогичные составы помещены в завершающие разделы кодекса. Это структурное решение не является однозначным в научном сообществе и имеет как сторонников, так и критиков.

На ранних этапах демократических преобразований выдвижение защиты прав личности на первый план расценивалось как отход от тоталитарной модели и утверждение верховенства человеческих ценностей¹.

В современной правовой доктрине последовательно отстаивается позиция о приоритетной защите государственных интересов как фундаментальной основы обеспечения прав граждан. Содержательное ядро этой концепции раскрывается через системную взаимосвязь государственного и личного начал – только при гарантированной защите конституционного строя, национального суверенитета и территориальной целостности возможно реальное осуществление прав и свобод отдельного человека в условиях социальной нестабильности².

Данный подход не противопоставляет общественные и индивидуальные интересы, а выстраивает их иерархическую взаимосвязь, где обеспечение государственной безопасности создает необходимые предпосылки для действительной реализации всей системы гражданских прав. Такой взгляд находит отражение в структуре уголовного законодательства, где защита основ государственности составляет базовую предпосылку для эффективной охраны прав личности.

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 2017. С. 33.

² Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 141.

Вместе с тем, следует признать, что полемика о систематизации норм в Особенной части Уголовного кодекса в большей степени отражает политическую, нежели юридическую позицию. Степень защищенности охраняемого объекта определяется не расположением статьи в структуре Кодекса, а точностью ее диспозиции, строгостью установленных мер ответственности и эффективностью правоприменительной деятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, регламентированные главой 29 УК РФ, обладают исключительной общественной опасностью в силу ценности охраняемых объектов – суверенитета, территориальной целостности, легитимности власти и конституционного статуса личности. Существующая система составов, несмотря на дискуссионность определения родового объекта, в целом адекватно отражает современные угрозы государственной безопасности, что подтверждается предложенной классификацией по непосредственному объекту.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в этой сфере должно быть направлено на повышение эффективности защиты национальных интересов через совершенствование юридической техники и обеспечение неотвратимости ответственности, что является необходимым условием для сохранения конституционного порядка и стабильного развития Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.2/.7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛА В РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ УГРОЗАМ КОНСТИТУЦИОННОМУ СТРОЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Диана Евгеньевна БИРЮКОВА¹, Полина Александровна ВАСИЛЬЕВА²

^{1, 2} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Россия,

¹dbirukova11@gmail.com,

²Poylina14@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент **Сергей Николаевич БЫЧКОВ**, snb0464@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Национального центрального бюро (НЦБ) Интерпола в России в системе противодействия межнациональным угрозам конституционному строю Российской Федерации.

Рассматриваются правовые и организационные основы деятельности НЦБ, ее ключевые направления, включая международный розыск, оперативную поддержку и информационное взаимодействие с зарубежными правоохранительными органами и Европоллом.

Авторы обосновывают тезис о том, что эффективность деятельности НЦБ является важным фактором обеспечения национальной безопасности, и определяют перспективные направления ее развития.

Ключевые слова: НЦБ Интерпола, конституционный строй, терроризм, международный розыск, национальная безопасность, экстремизм

Original article

THE ACTIVITIES OF THE NATIONAL CENTRAL BUREAU OF INTERPOL IN RUSSIA TO COUNTER THREATS TO THE CONSTITUTIONAL ORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Diana E. BIRYUKOVA¹, Polina A. VASILIEVA²

^{1,2} North-West Branch of the Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russia,

¹ dbirukova11@gmail.com,

² Poylina14@mail.ru

Scientific advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Candidate of Law, Associate Professor **Sergey Nikolaevich BYCHKOV**, snb0464@mail.ru

Abstract. The article analyses the role of the National Central Bureau (NCB) of INTERPOL in Russia in the system of countering transnational threats to the constitutional order of the Russian Federation.

It examines the legal and organizational foundations of the NCB's activities, its key areas of focus, including international search, operational support and information exchange with foreign law enforcement agencies and EUROPOL.

The authors substantiate the thesis that the effectiveness of the NCB's activities is an important factor in ensuring national security and identify promising areas for its development.

Keywords: NCB of INTERPOL, constitutional system, terrorism, international search, national security, extremism

Современная эпоха характеризуется интенсификацией транснациональных угроз, среди которых терроризм и экстремизм представляют собой наиболее серьезные вызовы для международной и национальной безопасности. Их рассмотрение в контексте деятельности Национального бюро Интерпола в России обусловлено тем, что данные явления напрямую посягают на основы конституционного строя Российской Федерации, угрожая ее суверенитету и территориальной целостности.

Как отмечается в Стратегии противодействия экстремизму, терроризм представляет собой глобальную угрозу. В условиях цифровизации преступности Интерпол является одним из немногих каналов связи между государствами, для сплоченной работы против общей проблемы.

Будучи аполитичным инструментом международного сотрудничества, Интерпол обеспечивает необходимую координацию усилий правоохранительных органов, что является важным фактором обеспечения устойчивого положения конституционного строя Российской Федерации путем нейтрализации трансграничных угроз.

Практическая реализация деятельности по поиску террористов, в том числе на территории Российской Федерации, осуществляется через Национальное центральное бюро (НЦБ) Интерпола, которое координирует взаимодействие между российскими и зарубежными правоохранительными органами.

Деятельность организации в сфере противодействия терроризму носит многоплановый характер, включая оперативную поддержку и организационно-методическую помощь, и направлена на решение ключевых задач: выявление террористов, пресечение их деятельности и ликвидацию каналов финансирования и вербовки.

Эта работа координируется Генеральным секретариатом и осуществляется через национальные центральные бюро в каждой стране-участнице, формируя единое оперативное пространство для противодействия транснациональным террористическим угрозам.

Необходимость объединенных усилий мирового сообщества обусловлена сложным и постоянно эволюционирующим характером террористической деятельности. Согласно данным Института экономики и мира, зафиксировано 8352 террористических актов, унесших жизни 3350 человек, при этом наблюдается рост числа атак, совершаемых так называемыми «одиночками» (в соответствии с докладом, это 93 % смертельных террористических атак), не связанными с конкретными террористическими структурами,

но вдохновленными радикальной идеологией, что существенно осложняет их своевременное выявление¹.

В контексте роста транснациональной преступности международный розыск утвердился в качестве одного из наиболее значимых направлений оперативно-розыскной деятельности. Его целью является обнаружение и задержание лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, скрывшихся от органов власти за пределами юрисдикции государства, инициировавшего розыск.

Правовой базой для его осуществления в Российской Федерации служит ч. 1 ст. 210 УПК РФ, согласно которой следователь при неизвестности места нахождения обвиняемого или подозреваемого поручает его розыск органам дознания. Законодатель допускает объявление лица в розыск как в ходе предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением.

На долю международного розыска преступников приходится основной объем розыскной работы Интерпола. Россия, являясь его активным участником, вносит существенный вклад в общие усилия по борьбе с терроризмом и экстремизмом. На данный момент число лиц, которых разыскивают правоохранительные органы Российской Федерации, составляет 2463 мужчин и 705 женщин².

Основанием для объявления в международный розыск является официальный запрос от компетентного правоохранительного органа, направляемый в НЦБ Интерпола в России³. Такой запрос, помимо идентификационных данных разыскиваемого лица, должен содержать правовое основание для розыска, а также обоснование целесообразности осуществления контроля, задержания и последующей экстрадиции в случае его обнаружения. Правом направления запросов через НЦБ наделен широкий круг органов, таких как органы прокуратуры, МВД, ФСБ, ФСО, ФСИН, ФТС и другие⁴.

Передача запроса и сопутствующих материалов может осуществляться в НЦБ по каналам почтовой связи. В ситуациях, требующих безотла-

¹ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2025: Measuring The Impact of Terrorism. Sydney, March 2025. // Институт экономики и мира: официальный сайт. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

² Просмотр и поиск общедоступных «красных уведомлений» о розыске лиц // Интерпол: официальный сайт. URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Notices/Red-Notices/View-Red-Notices> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Приказ МВД России от 31.03.2012 № 305 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 № 8437). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гательного действия, допускается использования факса с последующим обязательным направлением почтовой корреспонденции.

Для усиления взаимодействия с европейскими партнерами в 2004 году в структуре НЦБ Интерпола МВД России был создан Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолом (РН КП)¹. На него были возложены задачи по обеспечению обмена информацией между компетентными органами Российской Федерации и Европолом, а также по выработке мер, направленных на совершенствование данного сотрудничества.

На оперативном уровне работа Интерпола заключается в практическом содействии расследованиям, включая помощь в идентификации жертв, дешифровке изъятых электронных устройств, работе с биометрическими данными и анализе фото- и видеоматериалов.

Полученные сведения сверяются с международными базами данных, что повышает вероятность идентификации преступников. Для оптимизации этого процесса организация задействует специализированные инструменты, такие как проект FIRST (Facial, Imaging, Recognition, Searching and Tracking), позволяющий правоохранительным органам различных государств оперативно обмениваться биометрическими данными известных террористов и подозреваемых лиц². Эффективность данного подхода подтверждается реальными результатами: так, в 2018 году внедрение подобных практик в одной из тюрем Багдада позволило выявить среди заключенных трех высокопоставленных представителей международных террористических организаций.

Однако оперативная работа не может быть полноценной без прочной нормативной базы на глобальном уровне. Эффективность участия Интерпола в расследовании террористических актов напрямую коррелирует с ее развитостью и адаптированностью к современным вызовам. В разработке такой основы, наряду с Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН, должны активно участвовать и другие уполномоченные международные структуры. Одним из перспективных направлений нормотворчества является противодействие ядерному терроризму, под которым понимаются как атаки с применением ядерного оружия, так и захват соответствующих объектов.

Таким образом, деятельность Национального центрального бюро Интерпола в России является неотъемлемым элементом системы обеспечения национальной безопасности. Через механизмы международного поли-

¹ Прокопчук А. В. Взаимодействие с Европолом: вместе против преступности, не знающей границ (интервью) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. Т. 3, № 5 (14). С. 20.

² Рыжов В. Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом // Международное право. 2020. № 2. С. 59.

цейского взаимодействия НЦБ вносит существенный вклад в противодействие подрыву конституционного строя Российской Федерации, нейтрализуя трансграничные угрозы терроризма и экстремизма.

Повышение эффективности этой работы требует дальнейшего развития международно-правовой базы, унификации подходов к квалификации преступлений и укрепления атмосферы доверия между странами-членами Интерпола. Именно такой комплексный подход позволяет обеспечивать устойчивость конституционных основ российского государства в условиях глобальных вызовов и угроз.

Научная статья

УДК 343.9

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Милана Ширваниевна БИСУЛТАНОВА¹, Надежда Викторовна
ТЕРЕХОВА²**

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹mibi2005@mail.ru

²nadya.2004497@gmail.com

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится криминологический анализ финансирования экстремистской деятельности как угрозы национальной безопасности.

Исследуются основные каналы финансирования, включая использование религиозных механизмов благотворительности и средств, полученных путем дистанционного мошенничества.

На основе анализа правоприменительной практики раскрываются особенности субъекта преступления по ст. 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предлагаются направления совершенствования противодействия данному виду преступной деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, финансирование экстремизма, национальная безопасность, каналы финансирования, дистанционное мошенничество, уголовная ответственность

Original article

FINANCING EXTREMIST ACTIVITIES: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Milana S. BISULTANOVA¹, Nadezhda V. TEREHOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹mibi2005@mail.ru

²nadya.2004497@gmail.com

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article provides a criminological analysis of the financing of extremist activities as a threat to national security. It examines the main channels of financing, including the use of religious charitable mechanisms and funds obtained through remote fraud.

Based on the analysis of law enforcement practice, the article reveals the characteristics of the subject of the crime under Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The article also suggests ways to improve the counteraction to this type of criminal activity.

Key words: extremism, financing of extremism, national security, financing channels, remote fraud, criminal liability

В настоящее время тема борьбы с экстремизмом становится все более актуальной. Это видно не только по тому, что ученые уделяют ей много внимания, но и по тому, что государство активно принимает новые законы и корректирует уже существующие, чтобы лучше реагировать на современные вызовы.

Сегодня вопросы национальной безопасности выходят на первый план, и среди главных угроз выделяются именно экстремизм. При этом особую

опасность представляет не только сама деятельность экстремистских организаций, но и их финансирование, которое позволяет таким организациям укреплять свои позиции.

Важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, прямо говорится, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем предупреждение и пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц, а также через профилактику экстремистских и иных преступных проявлений.

На заседании коллегии МВД России президент Российской Федерации, В. В. Путин подчеркнул, что рост преступлений экстремистского характера является тревожным сигналом, требующим глубокого анализа. Он отметил важность своевременной оценки рисков возможных проявлений экстремизма и выработки эффективных превентивных мер¹. Полагаем, что акцент на разработке мер профилактики действительно оправдан: борьба с экстремизмом не должна ограничиваться реакцией на уже совершенные преступления, важно формировать систему раннего предупреждения.

Финансирование экстремистской деятельности, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» – законодателя, оказание финансовых услуг либо предоставление или сбор денежных (в наличной или безналичной форме) или материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования экстремистской организации или экстремистского сообщества, подготовки или совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности либо для финансирования или материального обеспечения лица в целях совершения им такого преступления.

Установление юридического определения финансирования экстремистской деятельности закономерно порождает вопрос о практических источниках ее ресурсного обеспечения. Анализ судебной и следственной практики, в том числе по делам, связанным с деятельностью таких запрещенных в России организаций, как «Хизб ут-Тахрир Аль-Ислами», «Джамаат» в Татарстане и других, позволяет выявить устойчивую финансовую базу, обеспечивающую их долговременное функционирование несмотря на противодействие правоохранительных органов².

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения: 11.11.2025).

² Бутырская А. В. Источники финансирования террористических и экстремистских формирований // Стратегия развития сферы науки и образования в современном глобализирующемся мире : сборник

Как справедливо отмечает К. И. Амиров, важнейшим источником финансирования радикальных группировок являются традиционные исламские механизмы благотворительности — регулярные пожертвования (закят) и добровольные взносы (садака). Эти средства, изначально легальные и не подвергающиеся государственному аудиту, аккумулируются через сеть международных исламских фондов и банков. По мнению Амирова К. И., одним из ключевых источников является именно система религиозных пожертвований (закят и садака), которая в силу своего легального статуса и отсутствия должного финансового контроля создает канал для перераспределения средств на нужды экстремизма¹.

Эффективное противодействие финансированию экстремизма требует не только выявления каналов поступления средств, но и четкого определения круга лиц, несущих уголовную ответственность за подобные деяния. В этой связи ключевое значение приобретает анализ субъекта преступления, предусмотренного статьей 282.3 УК РФ (Финансирование экстремистской деятельности).

Представляется, что субъектом преступления по статье 282.3 УК РФ является лицо, которое предоставляет или собирает средства, а также оказывает финансовые услуги для финансирования экстремистской деятельности. К таким действиям относятся, например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата ее аренды, предоставление денежных средств для подкупа должностных лиц.

Анализ современной правоприменительной практики наглядно демонстрирует реализацию данных законодательных положений. Так, в июне 2025 года в Санкт-Петербурге был задержан гражданин, осуществлявший денежные переводы Фонду борьбы с коррупцией, что квалифицировано как оказание финансовых услуг запрещенной экстремистской организации².

Еще один показательный случай из Нижегородской области иллюстрирует систематический характер подобной деятельности: житель города Кстово на протяжении нескольких месяцев регулярно перечислял средства на счет экстремистского формирования, осознавая противоправность своих действий³.

научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 октября 2021 г. Белгород : Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. С. 68. URL: <https://apni.ru/article/3013-istochniki-finansirovaniya-terroristicheskikh> (дата обращения: 12.11.2025).

¹ Амиров К.-И. Г. Финансирование экстремизма и терроризма: опыт международного и отечественного противодействия // Исламоведение. 2011. №3. С. 64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-ekstremizma-i-terrorizma-opyt-mezhdunarodnogo-i-otechestvennogo-protivodeystviya> (дата обращения: 13.11.2025).

² В Петербурге мужчина задержан за финансирование экстремистской организации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4562161> (дата обращения: 13.11.2025).

³ Жителя Кстова признали виновным в финансировании экстремистской организации [Электронный ресурс]. URL: <https://nn.aif.ru/incidents/details/zhitelya-kstova-priznali-vinovnym-v-finansirovanii->

Эти примеры не только подтверждают широкую распространенность рассматриваемого состава преступления, но и подчеркивают характерный признак субъективной стороны – наличие прямого умысла и осознание общественной опасности своих действий, что проявляется в целенаправленном и неоднократном выделении денежных средств на поддержку деструктивных структур.

Анализируя личность преступника по ст. 282.3 УК РФ, мы видим, что речь идет, прежде всего, не о профессиональном преступнике, а об обычном гражданине, который имеет устойчивые политические или идеологические убеждения. Он сознательно поддерживает цели запрещенной организации, считая их правильными.

По нашему мнению, чаще всего такими гражданами движет не корысть, а идея. Их действия являются осознанными и систематическими: они по своей воле, не один раз, переводят деньги, используя для этого обычные банковские переводы или онлайн-сервисы.

Это показывает, что они достаточно грамотны, чтобы пользоваться финансовыми инструментами, и понимают, что делают. При этом они, как мы можем догадаться, не связаны с классической организованной преступностью. Их главная особенность – это идейная убежденность, которая и толкает их на финансовую поддержку экстремизма, делая их не менее опасными, чем те, кто совершает насилие.

Помимо прямого идеологического спонсирования, значительную угрозу представляет опосредованное финансирование экстремизма за счет средств, добытых преступным путем. Как справедливо отмечается в научной литературе, ключевым каналом такого ресурсного обеспечения становится дистанционное мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Данное явление обладает двойной природой: оно не только является посягательством на собственность граждан, но и выполняет криминально-экономическую функцию, выступая «финансовым донором» для экстремистских структур. Средства, похищенные у граждан путем обмана или злоупотребления доверием, направляются как на распространение идеологии, так и на материальное обеспечение непосредственных преступных акций.

Механизм и особенности трансформации криминального капитала выстраивается по следующей схеме: организованные преступные группы, часто базирующиеся в call-центрах за рубежом, используют схемы психологического воздействия для хищения денег у наиболее уязвимых категорий населения (например, пожилых людей). Полученные средства, благодаря

анонимности цифровой среды и использованию технологий сокрытия IP-адресов, легализуются через сложные цепочки транзакций и в конечном итоге пополняют бюджеты экстремистских организаций¹. Таким образом, рядовое мошенничество трансформируется в инструмент финансирования деятельности, направленной против основ конституционного строя и общественной безопасности.

Говоря о социально уязвимых категориях населения, следует особо подчеркнуть, что именно они становятся основными мишенями для мошеннических схем, опосредованно финансирующих экстремизм. Важно понимать, что пожилые люди, лица с ограниченной цифровой грамотностью и социально незащищенные граждане оказываются наиболее уязвимы в силу психологических особенностей и недостаточного владения современными технологиями.

Ярким примером может служить типичная схема, когда злоумышленник, представляясь сотрудником банка, сообщает пенсионеру о «подозрительной операции» и под предлогом «защиты сбережений» вынуждает перевести все средства на «безопасный счет». В действительности эти деньги поступают на подконтрольные мошенникам счета, а затем могут быть перенаправлены на финансирование экстремистских организаций. Таким образом, пожилой человек, сам того не понимая, может стать «соучастником» финансирования деятельности, направленной против безопасности собственного государства.

Эта схема демонстрирует особый цинизм современной преступности: уязвимость одних граждан используется для создания угрозы безопасности общества в целом. Поэтому повышение защищенности социально уязвимых групп напрямую связано с задачами противодействия экстремизму, образуя единый комплекс мер национальной безопасности, где защита прав отдельного гражданина неотделима от обеспечения безопасности всего общества.

Данный аспект требует особого внимания при разработке профилактических программ, которые должны учитывать не только технические, но и социально-психологические особенности различных групп населения, создавая многоуровневую систему защиты, сочетающую правовое просвещение, техническую грамотность и социальную поддержку.

Следует отметить, что эффективное противодействие финансированию экстремизма требует комплексного подхода. Помимо традиционных уголовно-правовых мер, необходимо совершенствование финансового

¹ Кизилев А. П., Венидиктов М. И., Гущина С. В. О некоторых актуальных вопросах противодействия фактам дистанционного мошенничества, сопряженному с финансированием экстремистской деятельности // Криминологический журнал. 2025. №1. С. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aktualnyh-voprosah-protivodeystviya-faktam-distantionnogo-moshennichestva-sopryazhennomu-s-finansirovaniem> (дата обращения: 13.11.2025).

контроля за деятельностью некоммерческих и религиозных организаций, а также усиление мониторинга транзакций, имеющих признаки обналичивания или транзита через сомнительные юрисдикции.

Ключевое значение приобретает разработка и внедрение превентивных мер, направленных на защиту наиболее уязвимых категорий населения (пожилых людей, лиц с низкой цифровой грамотностью) от мошеннических схем, средства от которых могут быть перенаправлены на цели экстремизма. Повышение финансовой и правовой грамотности населения, наряду с созданием многоуровневой системы защиты, является неотъемлемым элементом стратегии противодействия.

Таким образом, борьба с финансированием экстремистской деятельности должна вестись на опережение, сочетая оперативные методы выявления каналов поступления средств с глубокой профилактической работой, направленной на перекрытие финансовых потоков и минимизацию социальной базы экстремизма.

Научная статья
УДК 343.195.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Евгения Дмитриевна БОКОВА

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Луганск, Россия, esha.nemo@gmail.com

Научный руководитель – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Вячеслав Валерьевич ЕПИШИН**

Аннотация. Одна из важнейших приоритетных задач государственной политики в сфере безопасности заключается в разработке действенных механизмов противодействия экстремизму.

Содержание прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму – сложная и многоаспектная тема, вызывающая активные дискуссии в научной среде.

В статье исследованы особенности противодействия органов прокуратуры современным формам экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, исполнение законодательства о противодействии экстремизму, киберэкстремизм

Original article

IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON COUNTERING EXTREMISM IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

Evgeniya D. BOKOVA

Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, esha.nemo@gmail.com

Scientific adviser – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Candidate of Law **Vyacheslav Valerievich EPISHIN**

Abstract. One of the most important priorities of state security policy is to develop effective mechanisms for countering extremism.

The content of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremism is a complex and multifaceted topic that is the subject of active discussions in the scientific community.

The article examines the specifics of the prosecution authorities' counteraction to modern forms of extremism.

Keywords: extremism, implementation of legislation on countering extremism, cyber extremism

Современные реалии характеризуются стремительным развитием цифровых технологий, что создает как новые возможности для общества, так и дополнительные угрозы национальной безопасности. Одним из наиболее значительных вызовов для правоохранительных органов является киберэкстремизм. На территории Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), столкнувшейся с особыми геополитическими угрозами, борьба с этим явлением приобретает особую значимость.

Экстремистская деятельность в цифровом пространстве не только дестабилизирует внутреннюю ситуацию, но и используется как инструмент внешнего давления на государство.

Так, после признания ЛНР и последующего вхождения в состав Российской Федерации на территории республики активизировалась деятельность интернет-сообществ, связанных с украинскими националистическими формированиями.

Через Telegram-каналы и анонимные чаты распространялись призывы к массовым беспорядкам, дезинформация о действиях российских войск и органов власти, координировались диверсионные группы. Такая активность имела двойной эффект: внутренний – рост недоверия к органам власти и панические настроения среди населения и внешний – использование этих информационных поводов иностранными средствами массовой информации для дискредитации России и усиления санкционного давления¹.

В связи с этим требуется эффективный механизм выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений экстремистской направленности, который должен базироваться на комплексном подходе. Современные вызовы показывают, что традиционные механизмы противодействия экстремизму требуют модернизации с учетом новых форм угроз, так, например, остро стоит проблема киберэкстремизма, как формы экстремистской деятельности с использованием цифровых технологий, включая социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, для пропаганды экстремистских взглядов, организации незаконных действий и вовлечения новых участников.

Существующий механизм демонстрирует свою несостоятельность в обеспечении оперативности, являющейся ключевым фактором в вопросах противодействия экстремизму. Затянутые сроки блокировки контента, а также мгновенное появление сайтов-клонов после блокировки оригинального ресурса, нивелируют результативность принимаемых мер.

Согласно статистике Роскомнадзора за 2024 год, средний срок блокировки экстремистского ресурса составляет до 5 суток, что снижает результативность мер². Учитывая деструктивный потенциал экстремизма и его катастрофические последствия для государства и общества, первоочередной задачей является своевременное и бескомпромиссное устранение противоправного контента из информационного пространства.

Сегодня одной из ключевых характеристик экстремизма является цифровая среда распространения, благодаря которой экстремистские материалы легко распространяются через социальные сети, форумы, мессенджеры и даркнет. Анонимность и децентрализация позволяют преступникам скрывать свою личность, использовать зашифрованные каналы связи и избегать ответственности.

¹РИА Новости: информ. агентство России: сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://ria.ru/20220721/google-1803964446.html> (дата обращения: 25.10.2025)

² Роскомнадзор: сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://old.rkn.gov.ru/treatments/p459/p750/> (дата обращения: 25.10.2025)

Еще одной особенностью является широкий охват аудитории, поскольку сеть «Интернет» позволяет экстремистам воздействовать на людей по всему миру, привлекая новых последователей. Для усиления влияния они используют манипулятивные технологии, включая дезинформацию, социальную инженерию и алгоритмы цифровых платформ, чтобы продвигать свою идеологию и воздействовать на сознание пользователей.

Обращаясь к последним событиям на мировой арене, можно увидеть, что ситуация в ЛНР является ярким подтверждением того, как геополитическая напряженность приводит к росту экстремистской активности в цифровом пространстве.

После признания независимости республики и последующего вхождения в состав Российской Федерации субъект столкнулся с рядом угроз, включая деятельность диверсионных групп, террористические акты, попытки дестабилизации ситуации и распространение экстремистской идеологии посредством средств массовой информации, в том числе посредством сети «Интернет».

В данном контексте ключевую роль играет прокуратура, не только обеспечивая исполнение законодательства в сфере информационной безопасности, но и реализуя меры по защите общества от распространения деструктивного контента. В соответствии со статьей 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) Генеральная прокуратура Российской Федерации наделена полномочиями направлять в Роскомнадзор требования о принятии мер по ограничению доступа к интернет-ресурсам, содержащим призывы к осуществлению экстремистской деятельности, во внесудебном порядке.

Однако эффективность данного механизма сдерживается рядом проблем, возникающих при практическом применении правовых инструментов. В частности, анализ Инструкции, утвержденной Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 8 сентября 2016 г. № 562 «Об организации работы по рассмотрению уведомлений о распространении в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, и направлению требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию», показывает, что предусмотренный алгоритм действий прокурора является излишне сложным и не способствует своевременному реагированию на выявленные факты распространения экстремистских материалов в сети.

Как было сказано выше, экстремистские организации активно адаптируются к современным реалиям, используя социальные сети (ВКонтакте, Telegram и др.) для пропаганды, вербовки и координации. Массовые рассылки, распространение контента, репосты – все это инструменты для расширения аудитории и вовлечения новых членов. Сеть «Интернет» предоставляет экстремистам беспрецедентные возможности для вербовки и организации преступлений, особенно в сфере пропаганды экстремистских взглядов. Хотя российское законодательство предусматривает возможность блокировки мессенджеров, нарушающих закон, практическая реализация этой нормы затруднительна.

Рядом исследователей предлагается усовершенствовать законодательство, наделив прокуроров полномочиями по принятию решений о включении экстремистских ресурсов в Единый реестр, предусмотренный Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025)¹.

Кроме того, необходимо создать эффективную систему межведомственного взаимодействия между прокуратурой и Роскомнадзором, основанную на использовании современных технологий и каналов связи, для оперативного противодействия экстремистской угрозе в каждом субъекте Российской Федерации.

Кроме того, в целях совершенствования деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму необходимо учесть несколько факторов.

Во-первых, современные реалии требуют от прокуратуры и других субъектов противодействия экстремизму не только повышения качества аналитической и оперативной работы, но и внедрения инновационных технических решений. Для достижения значимых результатов необходимо, чтобы органы прокуратуры во всех регионах страны систематически проводили мероприятия по информационному противодействию экстремизму в виртуальном пространстве. Безусловно, для эффективной борьбы с экстремизмом требуется дальнейшая модификация законодательства. Несмотря на существующие нормативные акты и уголовное законодательство, необходимо совершенствовать правовую основу деятельности правоохранительных органов, включая прокуратуру. Для упрощения этой задачи предлагается создание постоянно действующих экспертных групп, которые будут проводить анализ публикаций в виртуальном пространстве, предположительно содержащих экстремистский контент.

¹ Фантров П. П., Захарья И. Т. Совершенствование деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 170–178.

Для повышения эффективности противодействия распространению экстремистских материалов в сети «Интернет» предлагается внести изменения в ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Действующая внесудебная процедура ограничения доступа к противоправным ресурсам отличается громоздкостью, что выражается в многоступенчатости согласований, ограниченном круге органов, уполномоченных инициировать блокировку (только Генеральный прокурор и его заместители), значительной задержке между выявлением информации и фактической блокировкой, а также избыточной бюрократизацией документооборота.

Для устранения указанных недостатков предлагается:

- расширить круг уполномоченных органов, наделив правом направления требований в Роскомнадзор не только Генерального прокурора и его заместителей, но также МВД России, ФСБ России и Следственный комитет РФ;

- закрепить возможность направления требований в электронной форме с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, при последующем предоставлении оригинала документа;

- ввести механизм «оперативной блокировки» с правом Роскомнадзора временно ограничивать доступ к ресурсу немедленно после поступления электронного требования, с последующим судебным контролем в срок не позднее пяти суток;

- сократить сроки исполнения предписаний для операторов связи и хостинг-провайдеров, установив обязанность ограничивать доступ не позднее одного часа с момента получения уведомления;

- упростить порядок уведомления владельцев интернет-ресурсов и операторов связи через электронные каналы связи;

- предусмотреть в подзаконных актах (Инструкции) создание единого автоматизированного портала обмена информацией между уполномоченными органами и Роскомнадзором, а также ведение статистического мониторинга сроков и эффективности блокировки.

Реализация данных поправок позволит значительно ускорить реагирование на распространение экстремистских материалов в сети «Интернет», повысить эффективность применения ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) и устранить избыточную бюрократическую нагрузку.

В целях обеспечения правовой определенности и защиты конституционных прав граждан целесообразно закрепить процессуальные механизмы обжалования решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам.

Обжалование может осуществляться как в порядке подчиненности – вышестоящему прокурору, так и в судебном порядке – с правом на рассмотрение дела в установленные законом сроки. Такая конструкция позволит гражданам и организациям, не имеющим отношения к экстремистской деятельности, эффективно защищать свои информационные права.

При этом необходимо учитывать, что лица, действительно осуществляющие распространение экстремистской информации, объективно не заинтересованы в обжаловании решений о блокировке, поскольку их действия носят заведомо противоправный характер и направлены против основ конституционного строя. Попытка обращения с жалобой в таком случае лишь послужит дополнительным основанием для их идентификации и привлечения к ответственности.

Закрепление указанных механизмов будет способствовать соблюдению принципа соразмерности ограничений, обеспечению баланса публичных и частных интересов, а также укреплению доверия граждан к институту внесудебного ограничения доступа к противоправным материалам.

Во-вторых, для повышения эффективности координации усилий по противодействию экстремизму территориальным прокуратурам следует сосредоточиться на нескольких ключевых направлениях, в частности:

- необходимо мобилизовать антиэкстремистский потенциал граждан путем формирования неприятия ненависти и вражды, а также минимизации негативных последствий миграции;
- важно усовершенствовать систему раннего выявления и предотвращения преступлений, что предполагает выявление лиц, находящихся в уязвимом положении, и их реинтеграцию в общество;
- необходимо активно пресекать каналы финансирования и распространения экстремистской деятельности.

В контексте координации деятельности прокуратуры и других субъектов в современных условиях крайне важно разработать и апробировать стратегические направления профилактики экстремизма, основанные на научных методах. Это позволит проводить комплексный анализ экстремистских преступлений, всесторонне исследовать проблемы противодействия экстремизму, разрабатывать концептуальные рекомендации по совершенствованию антиэкстремистского законодательства и предлагать научно обоснованные меры по смягчению факторов, способствующих экстремистским настроениям в российском обществе.

В-третьих, у многих исследователей возникает вопрос: оправдано ли существование такого акта прокурорского реагирования, как предупреждение, при наличии представления, которое, к тому же, предусматривает более короткий срок для устранения нарушений¹?

Предупреждение и представление имеют много общих черт: письменная форма, указание оснований вынесения (внесения), ссылки на нарушения закона и сроки для принятия мер. Однако предупреждение имеет специфические последствия – обращение в суд для ликвидации или приостановления деятельности организации.

В то же время, представления вносятся должностному лицу, уполномоченному устранить нарушения, подлежат безотлагательному рассмотрению и предусматривают четкие сроки. Таким образом, предупреждение, хоть и является специальным актом в сфере противодействия экстремизму, по своим характеристикам дублирует представление. Хотя эти инструменты не исключают, а дополняют друг друга, на практике прокуроры часто выносят предупреждение и одновременно вносят представление, что особенно актуально при выявлении многочисленных нарушений законодательства об экстремистской деятельности. Это ставит вопрос о необходимости сохранения предупреждения как отдельного акта, учитывая наличие более эффективного и универсального инструмента – представления.

В-четвертых, алгоритм действий прокурора при выявлении новых фактов экстремистской деятельности содержит ряд спорных моментов. Действующее законодательство обязывает прокурора обращаться в суд с требованием о ликвидации или запрете деятельности организации при выявлении экстремистских проявлений. Такая жесткая норма лишает прокурора гибкости в принятии решений, не позволяя учитывать степень опасности конкретных фактов и применять более соразмерные меры реагирования.

В-пятых, проблемой остается проведение экспертиз материалов, содержащих признаки экстремизма, национальной, расовой или религиозной вражды. Сегодня их выполняют экспертные учреждения Минюста, МВД, ФСБ, а также независимые специалисты. Однако в отдаленных регионах наблюдается дефицит квалифицированных экспертов. Большая часть специализированных экспертных подразделений Минюста, МВД и ФСБ сосредоточена в Москве, Санкт-Петербурге и крупных региональных центрах. В субъектах с большой территорией и удаленностью от федерального центра (Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ) экспертных учреждений мало или они отсутствуют вовсе, что вынуждает следственные органы

¹ Ергашев Е. Р. Современные проблемы правового регулирования предупреждения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности как акта прокурорского реагирования // Право в современном мире. 2019. №1(50). С. 11–16.

направлять материалы на экспертизу в другие регионы. Это объективно увеличивает сроки.

С развитием интернет-технологий количество материалов с признаками экстремизма (включая тексты, изображения, аудио- и видеозаписи) существенно возросло. Это резко увеличило нагрузку на имеющиеся экспертные учреждения, которые не справляются с объемом исследований.

Кроме того, привлечение экспертов с недостаточным опытом и знаниями также приводит к затягиванию сроков следствия и ставит под сомнение объективность принимаемых решений. Эффективная борьба с экстремизмом требует налаженного взаимодействия между федеральными, региональными и местными органами власти. Координирующую роль в этой работе должна играть прокуратура, обеспечивая согласованность действий и направляя усилия всех участников. По нашему мнению, для оперативного и своевременного принятия правовых решений по делам об экстремизме необходимо создать в Минюсте России специализированное подразделение, которое будет проводить судебные этнологические, религиоведческие, психолого-лингвистические и другие виды экспертиз.

В-шестых, для эффективного противодействия распространению экстремизма в сети «Интернет» предлагается разработать и внедрить в органах прокуратуры единую автоматизированную систему мониторинга, основанную на использовании искусственного интеллекта.

Центром системы может быть Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. В прокуратурах субъектов РФ соответственно необходимо создать автоматизированные рабочие места для операторов.

Ключевая функция системы – автоматическое сканирование интернет-пространства с использованием искусственного интеллекта для выявления материалов с признаками экстремизма. Система будет формировать электронные досье на выявленные материалы и направлять их в соответствующие прокуратуры для принятия решений. Важным элементом системы станет создание единого федерального банка данных экстремистских материалов, что позволит централизовать информацию и обеспечить оперативный доступ к ней для всех уполномоченных сотрудников прокуратуры.

С учетом использования единой автоматизированной системы мониторинга предлагается внести изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»¹, которые заключаются в следующем:

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 21.03.2018 N 156 (ред. от 24.03.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // Доступ из

– в целях повышения эффективности выявления информации экстремистского характера организовать работу по внедрению и использованию единой автоматизированной системы мониторинга экстремистских материалов в сети «Интернет»;

– подготовку заключений осуществлять на основании данных единой автоматизированной системы мониторинга экстремистских материалов в сети «Интернет».

Таким образом, в условиях глобальной цифровизации успешная борьба с киберэкстремизмом становится важнейшей составляющей национальной безопасности и стабильности государства, в связи, в том числе и с нестабильной геополитической обстановкой, и требует грамотного решения, как на законодательном, так и правоприменительном уровне.

Опыт ЛНР показывает, что традиционные методы правоохранительной деятельности требуют адаптации к новым вызовам, а прокуратура в этом выступает гарантом эффективной защиты прав граждан в цифровом пространстве.

Научная статья

УДК 343.3/.7

«ГЕНОМНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ». ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Мария Олеговна БОРОЗДИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
borozdina.04@bk.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ** sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы уголовно-правового регулирования манипуляций с геномом человека. Автор исследует пробелы и противоречия в современном международном и российском законодательстве, затрудняющие квалификацию подобных действий как

преступных. Обосновывается необходимость разработки четких правовых критериев, позволяющих разграничить допустимые исследования и общественно опасные деяния, подлежащие криминализации в рамках глав УК РФ о преступлениях против личности и основ конституционного строя.

Ключевые слова: уголовное право, генные модификации, геном человека, геномные преступления

Original article

«GENOMIC CRIMES». DEFINITIONAL PROBLEMS

Maria O. BOROZDINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, borozdina.04@bk.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. This article analyzes current issues in the criminal regulation of human genome manipulation.

The author examines the gaps and contradictions in current international and Russian legislation that complicate the classification of such actions as criminal.

The need to develop clear legal criteria to distinguish between permissible research and socially dangerous acts subject to criminalization under the chapters of the Russian Criminal Code on crimes against the person and the foundations of the constitutional order is substantiated.

Keywords: criminal law, genetic modification, human genome, genomic crimes

К началу XXI века медицина достигла значительных успехов в борьбе с тяжелыми заболеваниями. Благодаря инновационным технологиям стали доступны эффективные методы лечения, воссоздание и трансплантация искусственных компонентов организма человека, особенно заметен прогресс в генетике.

По нашему мнению, неоспорима медицинская польза от разработки и применения методов и технологий генной инженерии в области восстановления или, возможно, расширения круга возможностей человека. Но отметим, что на данном этапе развития указанной отрасли полноценное

применение подобных технологий нереализуемо или, по крайней мере, очень рискованно.

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (далее – Всеобщая декларация) провозглашает: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека в соответствии со статьей 1 Всеобщей декларации прав человека знаменует собой достояние человечества». Иными словами, правовой статус генома человека специфичен, признается высокой его социальная, политическая или даже экономическая ценность. Следовательно, необходим соответствующий правовой режим защиты данного предмета.

Генеральная конференция ЮНЕСКО обращает в статье 16 «Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека», принятой 19.10.2005 на 18-м пленарном заседании Декларацию к государствам, устанавливая «ориентиры» для правоприменительных действий в сфере научных исследований и практических вмешательств в геном человека. Особое внимание уделяется защите «генетических характеристик» будущих поколений. Реализация подобных правовых актов, принятых на международном уровне, затрудняется тем, что не указываются четкие запреты или ограничения в сфере воздействия на генетические данные человека. Единой международной позиции по этим вопросам на сегодняшний день не выработано.

К тому же, в общепризнанных принципах можем найти пробелы и противоречия, что также препятствуют единообразному толкованию.

Например, статья 11 Всеобщей декларации признает недопустимым репродуктивное клонирование человека, призывает государства принимать необходимые меры по пресечению данной практики. В то же время пункт «б» статьи 12 провозглашает свободу проведения научных исследований, «касающихся генома человека», в его дополнение статья 15 предлагает государствам принимать меры, «способствующие созданию интеллектуальных и материальных условий, благоприятствующих свободе проведения таких научных исследований».

Очевидна попытка противопоставления «позитивных» и «негативных» возможностей генной инженерии. Однако не ясно, когда изучение и применение технологий влияния на геном человека можно оценить как «направленное на улучшение состояния здоровья», а когда действия той же направленности начинают «противоречить человеческому достоинству». Отсылки к этике и декларативным принципам тоже не способствуют унификации охранительных норм.

Ярким примером оценки таких рисков (возможностей) является осуждение китайского ученого Хэ Цзянькуя, который в 2018 году провел

эксперимент по модификации генома эмбрионов, в результате чего родились первые в мире «генно-модифицированные» близнецы. Несмотря на то, что законодательство Китая не содержит уголовного запрета данного деяния (сами манипуляции по редактированию гена эмбриона медицинским актом не считаются¹), близнецы, как заявляется², родились абсолютно здоровыми, а международное сообщество располагает лишь косвенными данными о возможных последствиях, Хэ Цзянькуй был приговорен к трем годам лишения свободы, штрафу в размере трех миллионов юаней за осуществление «незаконной медицинской практики»³.

Согласимся с Д.Н. Сергеевым в том, что «нельзя в рамках общего понимания научного прогресса однозначно приравнять любые манипуляции с геном к противоправным действиям». Таким образом, сегодня как законодателю, так и правоприменителю действительно трудно делать выводы об очевидности общественной опасности описанных деяний.

Следует признать, что проблема отсутствия императивных предписаний и установления ответственности за общественно опасные манипуляции с человеческим геном не разрешается и на национальном уровне.

Например, п. 31 ст. 13 Указа Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» среди основных задач государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности отмечается «анализ угрозы применения против Российской Федерации в террористических целях генной инженерии». Однако конкретный правовой механизм оценки и регулирования такого рода отношений в отечественном законодательстве не закреплен.

Не видится возможным ввести полный запрет воздействия на геном человека и его исследования.

Во-первых, такой подход нарушил бы права человека на доступ к достижениям науки, что гарантируются органами государственной власти Российской Федерации установленный ст. 3 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025).

¹ Разъяснение Верховного народного суда КНР по отдельным вопросам, касающимся особенностей применения закона при рассмотрении уголовных дел о незаконной медицинской практике № 5 от 28 апреля 2008 г. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/50991327> (дата обращения: 25.10.2025).

² Бирюкова П. Китайский Франкенштейн: что не так с экспериментами ученого, который редактировал ДНК детей // МЕЛ: сайт. URL: <https://mel.fm/zhizn/razbor/5693207-istoriya-budet-na-moyey-storone-chto-ne-tak-s-eksperimentami-uchenogo-kotory-redaktiroval-dnk-detey>.

³ Сергеев Д.Н. Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-manipulyatsii-s-genomom-cheloveka-delo-he-tszyankuya> (дата обращения: 12.11.2025).

При этом, согласно Стратегии научно-технического развития, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О стратегии научно-технологического развития РФ», генетические технологии в области медицины обозначены как приоритетное направление развития.

Во-вторых, такого рода категоричность в целом схожа с призывом отказаться от использования достижений современных технологий, призванных поддерживать здоровье и благосостояние граждан.

В то же время активное вмешательство в организм человека, в частности, работа с наследственным материалом действительно создает угрозу общественно опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство. Таким образом, у государства возникает необходимость оперативного регулирования складывающихся отношений, а именно - разработки новых и конкретизации существующих охранительных норм права.

Единственный легальный запрет в сфере манипуляций с геном человека содержится в Федеральном законе «О временном запрете на клонирование человека» от 20 мая 2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010), за репродуктивное клонирование и введение в экономический оборот таких эмбрионов предполагается «ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». До настоящего времени ответственность так и не была установлена. Иные методы и технологии генной инженерии в отношении наследственного материала человека в принципе остаются за рамками правового поля.

Действие ст. 5 Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 5 июля 1996 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2022) распространяются лишь на производство оборотоспособной продукции, «полученной с применением генно-инженерно-модифицированных организмов». То есть, человеческое здоровье никак не относится к возможным предметам регулирования. Однако данный Федеральный закон (ст. 4) можем использовать для уточнения понятийного аппарата.

Задаваясь целью криминализации отдельных общественно опасных действий по модификации генома человека, считаем целесообразным определить характер такой опасности. Доктринально под общественной опасностью понимается способность деяния причинить существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством, либо создать угрозу причинения такого вреда¹.

Согласно разъяснениям п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» при

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 24.

учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред».

Как уже отмечалось, к основным задачам в области биологической безопасности относится анализ угроз совершения террористических актов с использованием опасных биологических агентов, созданных с использованием генной инженерии. Исходя из положений федерального законодательства безопасность можем рассматривать как состояние защищенности конституционного строя, суверенитета, обороноспособности, территориальной целостности и других жизненно важных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз.

Как справедливо замечают А. Г. Блинов и М. М. Лапунин, «вмешательство в зародышевую линию *Homo sapiens* без медицинских и социальных показаний создает угрозу развитию как отдельных лиц, так и общества в целом»¹.

Таким образом, геномные преступления могут посягать на основы конституционного строя и безопасность государства, причиняя ущерб общественным отношениям, который объективно свидетельствует о недостаточности их предупреждения с помощью иных средств, кроме как путем уголовно-правового принуждения.

При этом все риски проведения вмешательств в геном не должны признаваться обоснованными. Как показывает опыт Хэ Цзянкуя, эксперимент оправдывался именно общественно полезной целью, которая не могла быть достигнута другим путем, тем не менее действия были оценены как преступные. Возможности генной модификации не могут быть полноценно заменены иными медицинскими технологиями.

Представляется, риск в рассматриваемой области нельзя признать обоснованным только в случае непринятия достаточных мер для предотвращения вреда охраняемых уголовным законом интересов. Заведомое и достоверное предвидение наступления общественно опасных последствий исключает обоснованность, а поскольку рассматриваемые действия могут совершаться исключительно генными инженерами, осознание ими последствий объективно предполагается.

Однако снова возвращаемся к проблеме отсутствия как конкретных легальных оценок, так и практических разработок. И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев предлагают криминализовать лишь те деяния, «общественная опасность которых очевидна»², что, на наш взгляд, может являться лишь временной мерой.

¹ Блинов А. Г., Лапунин М. М. Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 820.

² Козаченко И. Я. Сергеев Д. Н. Пенализация генетических преступлений // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 1(64). С. 182.

Для решения подобных вопросов требуется закрепить в законе понятие и виды модификаций генома, пути его редактирования, условия, допускающие вмешательство в наследственный материал человека (при каких заболеваниях или состояниях организма вмешательство можно считать обоснованным), пределы изменения человеческого гена.

Согласимся с А. Г. Блиновым и М. М. Лапуниным в том, что «неправомерные деяния генетиков, напрямую не связанные с редактированием наследственной линии, следует отнести к разряду административных правонарушений, если оно не осуществляется против воли носителя генома или его законных представителей»¹.

В описанном случае не нарушается процесс «естественной эволюции», поскольку не производится редактирование генома на репродуктивном уровне. Если те же деяния совершаются против воли лица, из личной заинтересованности или низменных побуждений, считаем уместным их запрет в рамках главы 16 УК РФ.

Таким образом при условии должной правовой регламентации условий, допускающих вмешательство в геном человека, их нарушение при модификации наследственного материала человека должно быть запрещено, соответствующий состав, по нашему мнению, необходимо разместить в главе 29 УК РФ, так как подобная деятельность напрямую направлена против внутренней безопасности Российской Федерации.

Научная статья
УДК 34.343.3

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СЛОВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 280 УК РФ

Данил Романович ГАЙДАШЕВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия, gaidashevdanil@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук **Алла Сергеевна СИЗОВА**, kurganovaalla58@gmail.com

¹ Блинов А. Г., Лапунин М. М. Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 822.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых гарантий свободы слова в контексте применения статьи 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»). Исследование базируется на последовательном изучении положений Конституции Российской Федерации, международных договоров, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также судебной практики, включая разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и рассмотрение конкретных уголовных дел.

Цель работы – систематизировать и доказать наличие действенного механизма гарантий, обеспечивающих баланс между необходимостью противодействия экстремизму и защитой свободы выражения мнений.

Автор приходит к выводу, что российская правовая система формирует многоуровневую систему таких гарантий, которая реализуется на практике и снижает риск необоснованного ограничения конституционных прав граждан.

Ключевые слова: свобода слова, публичные призывы, экстремистская деятельность, правовые гарантии, конституционные ограничения, уголовно-процессуальные права, судебная практика.

Original article

LEGAL GUARANTEES OF FREEDOM OF SPEECH WHEN APPLYING ARTICLE 280 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Danil R. GAIDASHEV

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, gaidashevdanil@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal guarantees of freedom of speech in the context of the application of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation («Public calls for extremist activity»).

The research is based on a consistent study of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, international treaties, criminal and criminal procedure legislation, as well as judicial practice, including clarifications from the

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and consideration of specific criminal cases.

The purpose of the work is to systematize and prove the existence of an effective mechanism of guarantees that ensure a balance between the need to counter extremism and the protection of freedom of expression.

The author comes to the conclusion that the Russian legal system forms a multi-level system of such guarantees, which is implemented in practice and reduces the risk of unjustified restriction of constitutional rights of citizens.

Keywords: freedom of speech, Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, extremist activity, legal guarantees, constitutional restrictions, criminal procedural rights, judicial practice

Свобода слова – одно из фундаментальных прав человека и основ демократического общества, закрепленное в Конституции Российской Федерации. Однако в условиях необходимости защиты государства и общества от деструктивной деятельности законодатель устанавливает определенные ограничения.

По мнению А. М. Смирнова такое ограничение «вполне оправдано, поскольку беспредельная реализация свободы слова иногда может причинить существенный вред правам и свободам человека и гражданина, функционированию общества и государства, став, таким образом, общественно опасной»¹

Статья 280 УК РФ, направленная на предотвращение возбуждения ненависти либо вражды, часто вызывает дискуссии по поводу соотношения между защитой общественного порядка и конституционной гарантией свободы выражения мнений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и анализа правовых гарантий, обеспечивающих реализацию и защиту свободы слова в процессе применения данной нормы уголовного права.

Важно подчеркнуть, что правовые механизмы, действующие в современной России, действительно создают условия для сбалансированного обеспечения публичной безопасности и уважения к праву граждан свободно выражать свои мысли, что требует детального изучения и обоснованной оценки с позиции ведомственного правоприменения. Данное исследование направлено на систематизацию существующих гарантий, анализ практики их реализации, а также на выявление возможностей совершенствования уголовно-правовой защиты свободы слова в рамках статьи 280 УК РФ.

¹ Смирнов А. М. Уголовно-правовые ограничения реализации свободы слова в России. Закон и право. 2019. № 6. С. 101.

Свобода слова в Российской Федерации является базовым конституционным правом, закрепленным в статье 29 Конституции Российской Федерации. Согласно части 1 данной статьи, каждому гарантируется свобода мысли и слова, что создает нормативную базу для свободного выражения гражданами своих мнений и убеждений.

Однако данное право не является абсолютным, поскольку статья 29 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации предусматривает определенные ограничения, которые являются необходимыми для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья и прав других лиц¹.

Механизм ограничений свободы слова дополнительно регулируется статьей 55 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает принцип соразмерности: права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данный принцип становится ключевой гарантией того, что ограничения, устанавливаемые в рамках применения статьи 280 УК РФ, остаются в пределах допустимого конституционного поля.

Международные обязательства Российской Федерации также определяют стандарты защиты свободы слова. В соответствии со статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, право на свободное выражение мнений может быть подвергнуто некоторым ограничениям, но исключительно при условии, что они предусмотрены законом и необходимы для уважения к правам или репутации других лиц, либо для охраны национальной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности общества².

Таким образом, международное право также поддерживает идею сбалансированного подхода к защите свободы слова и общественной безопасности.

Конституционные положения получают развитие в уголовно-правовой доктрине. Как справедливо отмечает М. Г. Адылханов, «свободу слова следует определить как совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещенной законом информации...»³.

¹ Кодзоков Б. В. К вопросу о конституционно-правовых ограничениях свободы слова. Право и управление. 2023. №10. С. 30.

² Жеглова А. Правовые основы международного обеспечения свободы слова. Ученые записки ОГУ. 2009. №3. С. 212.

³ Адылханов М. Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова. Автореф. дис. ... канд. юрид. Краснодар, 2020. С. 18.

Данное определение подчеркивает, что законодатель защищает как активные формы выражения мнения, так и право на отказ от такового, что свидетельствует о сбалансированном подходе к регулированию. Так, статья 280 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Важно отметить, что сам факт установления уголовной ответственности за такие действия содержит в себе процедурные и материальные гарантии, направленные на защиту прав лиц, обвиняемых в совершении этого преступления.

Российское уголовное процессуальное законодательство предоставляет обширный комплекс гарантий защиты прав обвиняемого, что закреплено в статьях 16 и 48 УПК РФ. Согласно этим нормам, подозреваемому и обвиняемому гарантируется право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью адвоката-защитника и законного представителя. Органы уголовного преследования и суд обязаны разъяснить лицу его права и обеспечить возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) формирует систему правовых гарантий, обеспечивающих баланс между противодействием экстремизму и защитой конституционных прав граждан, в первую очередь – свободы слова. В документе закреплён ряд принципиальных положений, минимизирующих риск необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ. Прежде всего, суд обязан обеспечивать защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод, включая свободу мысли, слова и массовой информации, что подчеркивает приоритет конституционных ценностей. При этом ограничение свободы слова допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом, и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Ключевое значение имеет четкое определение понятия «публичные призывы» как обращений к другим лицам в любой форме (устной, письменной, в сети «Интернет»), направленных на побуждение к экстремистской деятельности: такой подход позволяет отграничить уголовно наказуемые деяния от частных высказываний или дискуссий.

Отдельно подчеркивается, что не является преступлением высказывание суждений и умозаключений в научных или политических дискуссиях, если они не содержат намерения побудить к экстремизму, что защищает

академическую свободу и право на публичное обсуждение социальных проблем.

Важным гарантом выступает требование оценивать совокупность обстоятельств содеянного – форму и содержание информации, ее контекст, комментарии автора, данные о его личности и деятельности, что способствует объективной квалификации деяния.

Анализ судебной практики подтверждает, что такие разъяснения позволяют судам избегать расширительного толкования ст. 280 УК РФ и соблюдать принцип пропорциональности ограничений свободы слова.

В судебной практике по делам, связанным с ограничением свободы слова, показательным является дело блогера Харченко (признан иностранным агентом), осужденного Геленджикским городским судом по совокупности преступлений, включая ч. 2 ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

Обвинение строилось на анализе контента его YouTube-канала, насчитывавшего около 400 тысяч подписчиков. Харченко вменялись призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации, клевета и оскорбление религиозных чувств. Суд установил, что в ряде видеороликов содержались высказывания, квалифицированные как призывы к противоправным действиям; при этом учитывалось, что ранее блогер уже привлекался к административной ответственности по статье 20.3.3 КоАП РФ (Дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации).

Анализ данного дела позволяет утверждать, что в нем соблюдены ключевые правовые гарантии свободы слова, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и международными обязательствами России. Прежде всего, суд действовал в рамках принципа презумпции невиновности: вина Харченко устанавливалась на основе доказательств, включая экспертные заключения по содержанию публикаций, а не на основании предположений или общей направленности его деятельности.

Обвиняемый имел возможность представлять свои доводы, оспаривать доказательства и настаивать на том, что его высказывания являлись выражением личного мнения, а не призывами к насилию.

При этом ограничение свободы слова реализовано строго в рамках закона – уголовно наказуемыми признаны не критика власти или инакомыслие, а именно призывы к противоправным действиям, что согласуется с допустимыми ограничениями.

Кроме того, Харченко сохраняет право на обжалование приговора в апелляционном и кассационном порядке, что является важной процессуальной гарантией защиты его прав. Таким образом, данное дело демонс-

трирует, что российское правосудие при рассмотрении вопросов, связанных с ограничением свободы слова, стремится соблюдать баланс между защитой конституционных ценностей и обеспечением прав личности: ограничения применяются только при наличии состава преступления, доказанности вины и с учетом принципов законности, соразмерности и справедливости.

Практика показывает, что суды требуют убедительных доказательств наличия всех элементов состава преступления и дают негативное толкование при наличии сомнений в квалификации. Это соответствует принципу, закреплённому в УПК РФ, согласно которому все неясности, двусмысленности и неточности закона толкуются в пользу обвиняемого.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) установил механизм, при котором материалы, признанные экстремистскими, включаются в Федеральный список экстремистских материалов. Эта система, хотя и ограничивает распространение определенных материалов, содержит в себе гарантии справедливого разбирательства, поскольку при помещении материала в список судом проверяется его соответствие признакам экстремизма согласно федеральному законодательству.

Важно отметить, что включение материала в список экстремистских материалов не означает автоматического привлечения автора или распространителя к уголовной ответственности по статье 280 УК РФ.

Для привлечения к ответственности необходимо установить наличие публичного призыва, прямого умысла и других элементов состава преступления. Таким образом, между административным запретом распространения материалов и уголовной ответственностью существует процедурный разрыв, что также служит гарантией защиты свободы слова.

Принцип соразмерности, закреплённый в Конституции Российской Федерации, требует, чтобы ограничения, устанавливаемые в целях противодействия экстремизму, не выходили за пределы необходимого для достижения целей защиты конституционного строя и безопасности государства.

Практика международного права подчеркивает, что закрытие организаций и запрет средств массовой информации должны быть разрешены только в крайнем случае в самых исключительных обстоятельствах, и для средств массовой информации должны быть предусмотрены менее ограничительные альтернативы.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что российская правовая система формирует комплексную и многоуровневую систему гарантий свободы слова при применении статьи 280 УК РФ. Данная система основывается на прочном конституционном фундаменте, требующем соразмерности любых ограничений, и дополняется международными стан-

дартами, подчеркивающими допустимость лишь необходимых в демократическом обществе пределов осуществления свободы выражения мнений.

Уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает практическую реализацию этих гарантий через институты презумпции невиновности, права на защиту и состязательности сторон, создавая процедурные барьеры для необоснованного ограничения прав граждан.

Существенную роль в конкретизации баланса играет судебное толкование, в частности, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые целенаправленно ориентируют правоприменителей на необходимость отграничения уголовно наказуемых призывов от допустимых форм высказывания, учета контекста, обстоятельств дела и обязательного установления прямого умысла.

Анализ судебной практики, включая рассмотрение конкретных уголовных дел, подтверждает, что закрепленные в законодательстве гарантии не остаются декларацией, а активно используются в правоприменительной деятельности.

Таким образом, существующий правовой механизм демонстрирует наличие действенных инструментов для защиты свободы слова от произвольного ограничения в рамках уголовного преследования за публичные призывы к экстремистской деятельности, обеспечивая конституционный баланс между безопасностью общества и правами личности.

Научная статья
УДК 343.326

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА

Айшат Магомедовна ГАСАНГУСЕНОВА

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации),
г. Махачкала Россия, aishatgasang@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации) кандидат юридических наук, доцент **Айша Габиевна ТАИЛОВА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации вооруженного мятежа, предусмотренного статьей 279 УК РФ. Автор анализирует элементы состава данного преступления, акцентируя внимание на признаках «вооруженность» и «мятеж».

Особое внимание уделено вопросам отграничения вооруженного мятежа от смежных составов преступлений, таких как массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), террористический акт (ст. 205 УК РФ) и организация незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ).

На основе проведенного анализа предлагаются пути решения выявленных проблем правоприменения.

Ключевые слова: квалификация преступлений, вооруженный мятеж, основы конституционного строя, государственная безопасность, массовые беспорядки, террористический акт

Original article

CURRENT QUALIFICATION ISSUES ARMED REBELLION

Aishat M. GASANGUSENOVA

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Makhachkala, Russia, aishatgasang@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Candidate of Law, Associate Professor **Aisha Gabibovna TAILOVA**

Abstract. The article discusses the problems of qualification of armed rebellion provided for in Article 279 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author analyzes the elements of the composition of this crime, focusing on the signs of «armament» and «rebellion». Special attention is paid to the issues of distinguishing armed rebellion from related crimes, such as mass riots (Article 212 of the Criminal Code), terrorist act (Article 205 of the Criminal Code) and the organization of an illegal armed group (Article 208 of the Criminal Code).

Based on the analysis, ways to solve the identified problems of law enforcement are proposed.

Keywords: qualification of crimes, armed rebellion, foundations of the constitutional system, state security, mass riots, terrorist act

Защита основ конституционного строя и безопасности государства является одной из приоритетных задач уголовного права. Центральное место в системе преступлений против государственной власти занимает состав вооруженного мятежа, криминализированный в ст. 279 УК РФ.

Данная норма предусматривает ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации.

Несмотря на высочайшую степень общественной опасности данного деяния, правоприменительная практика по ст. 279 УК РФ крайне немногочисленна, что, однако, не снижает актуальности ее теоретического осмысления. Отсутствие разъяснений высшей судебной инстанции и наличие ряда оценочных признаков в диспозиции статьи порождают значительные трудности в процессе квалификации и, что особенно важно, в отграничении вооруженного мятежа от смежных, хотя и менее тяжких, преступлений.

Объективная сторона данного преступления выражается в совершении одного из двух альтернативных действий: 1) организация вооруженного мятежа; 2) активное участие в нем. Ключевыми признаками здесь являются «мятеж» и «вооруженность».

Под мятежом в доктрине уголовного права принято понимать бунт локального характера вооруженной толпы людей, организованный и поднятый с целью свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения ее территориальной целостности¹. Признак «вооруженность» вызывает наибольшее количество вопросов. Следует ли считать мятеж вооруженным, если оружие (включая холодное, метательное, а также предметы, используемые в качестве оружия) имеется лишь у части участников?

Является ли достаточным наличие у мятежников только холодного или импровизированного оружия? Отсутствие четких критериев создает почву для неоднозначного толкования.

Следующий оценочный критерий в вооруженном мятеже это – активность. Следует отметить, что именно эта особенность отличает вооруженный мятеж от других преступлений, где также применяется критерий участия, но активность участников не является предметом анализа.

Это позволяет утверждать, что уголовной ответственности подлежат те лица, чьи противоправные действия существенно способствовали достижению целей, указанных в законе.

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2008. С. 765–766.

П. В. Агапов в своих рассуждениях по этому вопросу предложил несколько вариантов квалификации: эти лица могут не нести уголовной ответственности вовсе, либо же быть привлеченными к ответственности по ч. 5 ст. 33 и ст. 279 УК РФ, либо по другим статьям Уголовного кодекса (например, по ч. 2 ст. 208)¹.

Но здесь трудно выделить одно решение, которое подходило бы для всех ситуаций, исключая два других варианта. Тем не менее, возникает мысль о том, что признак активности представляет собой определенную проблему, так как отсутствуют четкие критерии, позволяющие точно определить активное участие в вооруженном мятеже в соответствии с диспозицией ст. 279 УК РФ.

В этой связи интересно мнение А. В. Павлинова, который утверждает, что «необходимо исключить из текста статьи упоминание об активной роли участника вооруженного мятежа»².

Но данное предложение вызывает определенные сомнения. С одной стороны, исключение признака активности из ст. 279 упростит работу судей, так как им не придется оценивать, достигали ли действия подозреваемого необходимой степени активности для квалификации деяния по этой статье. С другой стороны, признак активности служит защитным барьером для тех, кто случайно оказался в центре событий или совершил незначительные действия, которые не оказали влияния на действия мятежников. В этом контексте целесообразнее сохранить критерий активности в ст. 279 УК РФ и разработать перечень конкретных параметров, по которым будет оцениваться участие.

Кроме того, А. В. Павлинов поднимает вопрос о дифференциации уголовной ответственности за вооруженный мятеж, основываясь на том, что организаторские действия представляют собой большую общественную опасность, чем действия других участников.

Учитывая, что мятеж подразумевает организованное и тщательно спланированное действие с внутренней структурой, задача дифференциации ответственности за организацию вооруженного мятежа и участие в нем кажется сложной, так как это преступление не иницируется лишь одним или двумя главарями, а все мятежники направлены на его организацию и последующее участие. Однако даже если суд решит выделить организаторские действия конкретного лица, он может обратиться к ч. 3 ст. 33 УК РФ.

¹ Агапов П. В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66.

² Павлинов А. В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 56.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом и наличием специальной цели – свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение ее территориальной целостности. Именно эта цель является главным, системообразующим признаком, отграничивающим мятеж от иных преступлений. Доказывание наличия данной цели представляет основную сложность для органов предварительного следствия¹.

Для обеспечения единообразной и правильной квалификации деяний по ст. 279 УК РФ представляется необходимым принятие комплекса мер, основной из которых является разработка и принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства».

В данном документе целесообразно разъяснить содержание признака «вооруженность». Нужно определить, что следует понимать под вооруженностью применительно к мятежу. Например, указать, что мятеж признается вооруженным не только при наличии у участников огнестрельного оружия, но и любого другого оружия, а также взрывных устройств или иных предметов, специально подготовленных и предназначенных для причинения вреда жизни и здоровью в ходе силового противостояния с представителями власти. Также следует разъяснить, является ли обязательным наличие оружия у каждого участника или достаточно его наличия у организующей части группы.

Другим вопросом, требующим, по нашему мнению, разъяснения является определение критериев понятиям «организация мятежа» (планирование, вербовка, руководство и т.д.) и «активное участие» (выполнение конкретных действий в рамках общего плана мятежа, применение насилия, непосредственное участие в столкновениях).

Также требуется, по нашему мнению, определить какие доказательства могут свидетельствовать о наличии у виновных цели свержения или насильственного изменения конституционного строя (программные документы, публичные призывы, содержание переговоров, характер и масштаб действий и т.п.).

Требуется определения и разграничение ст. 279 УК РФ и смежных составов преступления, в каких случаях деяние должно квалифицироваться только по ст. 279 УК РФ, а в каких — по совокупности со ст. 212, 205 или 208 УК РФ.

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3. Особенная часть. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 768.

Статья 279 УК РФ является важнейшим инструментом уголовно-правовой охраны суверенитета и конституционного строя Российской Федерации. Однако наличие в ней оценочных понятий и отсутствие официального судебного толкования создают риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и, наоборот, неверной квалификации особо опасных деяний по менее тяжким статьям.

Основным вектором совершенствования правоприменения в этой сфере должно стать, по нашему мнению, принятие разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Такой шаг позволит сформировать единые подходы к толкованию признаков состава вооруженного мятежа, обеспечит его правильное отграничение от смежных преступлений и будет способствовать укреплению режима законности при защите фундаментальных основ российского государства.

Научная статья
УДК 343.01

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Анастасия Олеговна ГЛАДКОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
gladkowskaya.nastia@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним иностранным лицам в Российской Федерации.

Несмотря на законодательно закрепленный принцип равноправия, автор выявляет ряд практических трудностей, связанных с языковым барьером, культурными различиями, миграционным статусом подростков и их родителей.

На основе анализа конкретных мер воспитательного воздействия предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики, включая разработку специализированных программ и алгоритмов действий для правоохранительных органов.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного характера, несовершеннолетние, наказание, иностранные граждане

Original article

APPLICATION OF COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES TO MINORS OF FOREIGN CITIZENS: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Anastasia O. GLADKOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
gladkow-skaya.nastia@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of applying compulsory educational measures to minor foreign citizens in the Russian Federation.

Despite the legally established principle of equality, the author identifies a number of practical difficulties related to the language barrier, cultural differences, and the migration status of adolescents and their parents.

Based on the analysis of specific educational measures, the article proposes ways to improve law enforcement practices, including the development of specialized programs and algorithms for law enforcement agencies.

Keywords: compulsory educational measures, minors, punishment, foreign citizens

Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» утвердил новую концепцию, которая делится на два важных направления, одно регулирует активную борьбу с незаконной миграцией и преступностью, активно развивающуюся на территории РФ,

а другое держит курс на создание условий адаптации тех иностранцев, которые законно находятся в стране и разделяют ее ценности.

Данная концепция стала одним из важных стратегических документов планирования в миграционной сфере, в связи с активным ростом количества преступлений, совершенными иностранцами или лицами без гражданства. Согласно статистике Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации если за 2020 год было осуждено 16133 иностранцев, в 2024 – 22131, то за первое полугодие 2025, уже насчитывается 10487 иностранных граждан, в отношении которых вынесен приговор¹.

Привлечение иностранных лиц к уголовной ответственности характеризуется некоторыми особенностями, которые могут осложняют процесс уголовного преследования. Рассмотрим правовой статус иностранцев подробнее.

Национальное законодательство гарантирует, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме определенных случаев, установленных законодательством РФ и международным договором Российской Федерации.

Данное положение относится к иностранным гражданам вне зависимости от пола, возраста, национальности. Стоит отметить, что российский законодатель не выделяет иностранных несовершеннолетних граждан в отдельную категорию. Они пользуются равными правами и обязанностями с несовершеннолетними гражданами Российской Федерации. Права и законные интересы детей защищаются в Российской Федерации вне зависимости от их гражданства. Однако это не означает, что правовой статус иностранных несовершеннолетних граждан не имеет своих особенностей².

Привлечение, освобождение иностранных граждан от уголовной или административной ответственности за нарушение законодательства всегда имело свои особенности, которые разрешали на практике, но вопросы в сфере иностранных несовершеннолетних граждан остаются открытыми.

В рамках раскрытия содержания правового положения несовершеннолетних иностранных граждан следует отметить, что они несут административную ответственность наравне со своими сверстниками - гражданами Российской Федерации³.

¹ Судебный Департамент Верховного суда Российской Федерации URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 28.10.2025).

² Косарева Е. А. Особенности правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 88–92.

³ Полякова Н. В. Проблемы административно-правового регулирования положения несовершеннолетних мигрантов // Вестник ВИ МВД России. 2017. № 1. С. 189–195.

Однако дополнительно к ним применяется такой вид административной ответственности как административное выдворение. Так, например, Красносельский районный суд Санкт-Петербурга постановил выдворить из России семьи подростков, чьи дети потушили Вечный огонь на мемориале «Братское захоронение советских воинов» в Красном Селе, забросав снегом. Данное нарушение закона, повлекло осквернение истории, ценностей и символов священных для России. Красносельский суд также привлек мигрантов к административной ответственности за нарушение режима пребывания в Российской Федерации¹.

Когда любой иностранный гражданин совершает преступление, к нему может быть применена как экстрадиция, так и полноценное уголовное преследование в Российской Федерации.

Обращаясь к статьям 89–91 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», заключенной в г. Кишиневе 07.10.2002, посвященным отказам выдаче, уголовном преследовании невиданного лица, а так же обязанности осуществления уголовного преследования, можно отметить, что даже если в выдаче иностранного гражданина страной отказано, вопрос их ответственности не остается без внимания.

Ст. 90 Конвенции прямо обязывает запрашиваемую сторону решить вопрос об уголовном преследовании на своей территории. Для Российской Федерации это означает необходимость применения УК РФ с его широким перечнем основания для освобождения от ответственности именно для несовершеннолетних.

В 2024 году 0,74 % из всех иностранных граждан или лиц без гражданства на момент совершения преступлений на территории Российской Федерации являлись несовершеннолетними лицами, каждого привлекли к уголовной ответственности и назначили наказания².

В статистике Судебного Департамента Верховного суда Российской Федерации по освобождению от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия нет разделения, графы «несовершеннолетние иностранные граждане», на основе чего можно предположить, что практика их применения отсутствует.

Несмотря на законодательное закрепление равноправия несовершеннолетних иностранных лиц и несовершеннолетних граждан РФ, при назна-

¹ Всю семью ждет депортация: Школьника-мигранта, затушившего снежком Вечный огонь в Петербурге, отправили в спецприемник // Комсомольская правда URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27593/4864854/> (дата обращения: 28.10.2025).

² Судебный Департамент Верховного суда Российской Федерации URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 28.10.2025).

чении принудительных мер воспитательного воздействия первым возникает ряд сложностей.

Например, одной из относящихся к принудительным мерам воспитательного воздействия, является: «передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа», которая может осложниться тем, что взрослые так же не имеют российского гражданства и плохо ориентируются в правовой системе принимающий их страны.

Если родители находятся на территории Российской Федерации незаконно, что тоже может повлечь их депортацию, в следствии, и ребенок будет вывезен из страны и не сможет надлежаще исполнять требования суда. В этом случае, суд должен учесть обстоятельство и оценить реальную возможность осуществление надзора на территории РФ, а вследствие этого отдать предпочтение другой мере или назначить специализированный орган ответственным за исполнение решения суда. В противном случае, ненадлежащее исполнение этой обязанности может привести к отмене меры и привлечения к уголовной ответственности.

Трудности так же могут возникнуть в общении с подростком, что повлияет не только на такую меру воспитательного воздействия как «предупреждение», но и на другие, которые указаны в ст. 90 УК РФ. Языковой барьер и культурные различия осложнят коммуникацию несовершеннолетнего с психологами, педагогами, комиссией по делам несовершеннолетних, другим государственными органами. Данную проблему можно решить, путем разработки и внедрения специализированных программ психолого-педагогического характера, которые смогли бы учитывать особенности иностранного гражданина при его воспитании в образовательных учреждениях.

Третий вид исследуемой меры – «возложение обязанности загладить причиненный вред», который осложняется тем обстоятельством, что суду потребуется установить, есть ли официальный источник дохода у несовершеннолетнего субъекта не за рубежом, а на территории РФ, а также в каком социально-экономическом состоянии находится его семья.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего так же относится к принудительным мерам воспитательного воздействия. Применяя ограничения досуга, пребывания в определенных местах, к иностранному несовершеннолетнему гражданину нужно учитывать, что есть большая вероятность незнание им местности, а следовательно, не понимания сути предписаний, культурных норм, определенных запретов, указанные подростку судом.

Разъяснения ограничений и установления специальных правил, должно разъясняться несовершеннолетнему на его языке, и контролироваться госу-

дарственным органом, иначе не знание правовых последствий может повлечь совершение подростком нового преступления.

Ст. 92 УК РФ к принудительным мерам воспитательного воздействия относит помещение в специально-учебной воспитательное учреждение закрытого типа. Данный вид мер применяется к несовершеннолетним как вид освобождения несовершеннолетних от наказания за преступления средней тяжести и тяжкие.

Поместить в такое учреждение несовершеннолетнего иностранного гражданина осложняется многими факторами, как воспитательными, культурными, так и языковыми. А если лицо скроется из такого закрытого учреждения, то поиски так же будут невозможны, в связи с отсутствием постоянного места жительства.

Можно отметить, что все принудительные меры воспитательного воздействия могут применяются к несовершеннолетнему с любым гражданством с целью профилактики аморального и противоправного поведения подростка, посредством применения государством специальных средств, направленных на конкретное лицо, требующего особое педагогическое воздействие. При применении таких мер к несовершеннолетнему иностранному гражданину для достижения указанной цели привлекается дополнительный субъект- переводчик, который должен учитывать при переводе возраст обвиняемого.

Обратим внимание, что порядок применение мер принудительного характера к иностранцам хоть и имеет идентичный характер с российскими гражданами, но относится к миграционному законодательству. Даже имея позитивный результат применения указанных мер и освобождение от уголовной ответственности не гарантирует иностранному подростку права дальнейшего пребывания на территории Российской Федерации.

Таким образом можно прийти к выводу, что применение мер российским законодательством к несовершеннолетним иностранным гражданам разрешено и не имеет отличий от назначения к российским гражданам. Но практическая реализация невозможна и имеет свои особенности, еще не разрешаемые на современном этапе.

Отсутствие единого алгоритма действий для органов следствия, суда, комиссии по делам несовершеннолетних при работе с несовершеннолетними мигрантами приводит к нарушению его прав и затягиванию процесса, что может создать дополнительные нарушения в миграционном законодательстве.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО НЕОНАЦИЗМА

Данил Дмитриевич ДАВЫДОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Danil.davydov2024@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу преступлений немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле в период Великой Отечественной войны как исторической и идеологической основы современного неонацизма. На примере тотального уничтожения мирного населения, варварского разрушения культурного наследия Великого Новгорода и идеологии расового превосходства прослеживается прямая связь с практиками и риторикой современных неонацистских движений.

Особое внимание уделяется таким преемственным элементам, как дегуманизация противника, оправдание насилия и исторический ревизионизм. Автор подчеркивает опасность использования интернет-пространства для пропаганды этих идей.

В качестве мер противодействия предлагается целенаправленная работа по сохранению исторической памяти, правовое преследование и просвещение общества.

Ключевые слова: Великий Новгород, преступления нацизма, неонацизм, историческая память, оккупационный режим, идеология

CRIMES OF THE GERMAN FASCIST OCCUPIERS IN THE NOVGOROD REGION AS A PREREQUISITE FOR THE EMERGENCE OF MODERN NEO-NAZISM

Danil D. DAVYDOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Danil.davydov2024@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology, and Criminal-Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the crimes of the German fascist occupiers in the Novgorod region during the Great Patriotic War as the historical and ideological foundation of modern neo-Nazism.

Using the example of the total extermination of civilians, the barbaric destruction of the cultural heritage of Veliky Novgorod, and the ideology of racial superiority, a direct connection is drawn to the practices and rhetoric of modern neo-Nazi movements. Particular attention is given to such consistent elements as the dehumanization of the enemy, the justification of violence, and historical revisionism.

The author emphasizes the dangers of using the internet to promote these ideas. Countermeasures include targeted efforts to preserve historical memory, legal prosecution, and public education.

Keywords: Veliky Novgorod, Nazi crimes, neo-Nazism, historical memory, occupation regime, ideology

Великая Отечественная война – это история нашей страны, отразившаяся в сердцах людей и печалью, и ненавистью, и тяжелой радостью. Важность и необходимость сохранения памяти об этом периоде истории нашей страны, безусловно, занимают ключевые позиции в настоящее время как для становления сплоченного общества, так и для развития государства и возможности избежать ошибок прошлого. Преступления фашистских захватчиков оставили трагический отпечаток, вспоминающейся только с болью.

Одним из ярких примеров варварства фашистских захватчиков является оккупация моего родного дома, Великого Новгорода – города осно-

вателя всей нашей страны и истории, с его великолепной русской культурой и достопримечательностями.

Преступления, совершаемые в Новгороде, показывают не только злость и бессердечие захватчиков, но и силу идеологии нацизма, заключающейся в восхвалении лишь одной группы людей и ненависти ко всем остальным, которая, к сожалению, находит последователей и приемников и в наши дни. Сложно поверить, но сегодня это все же существует и именуется неонацизмом.

Связь между данным явлением и злодеяниями нацистов времен Великой Отечественной Войны, в частности в Великом Новгороде, безусловно есть, и важно проследить как эти исторические события послужили первым темным шагом к современным подобным идеологиям. А важность нахождения этой связи заключается в том, что, определив ее можно приблизиться к усовершенствованию методов противодействия неонацизму наших дней.

После объявления войны население не спешило уходить, потому что считало, что до города никто не дойдет и красная армия с легкостью разобьет врага, однако история покажет обратное. К концу июля фашисты заняли несколько районов области, а спустя еще месяц, в августе были захвачены практически все районы Новгородской области.

До начала Великой Отечественной Войны в Великом Новгороде находилось 2 346 жилых домов и проживало около 48 тысяч человек. После прихода освободителей 20 января 1944 года, жилых домов осталось 40, а выжил всего лишь 51 человек¹.

Следует сказать, что отношение немцев к Новгороду было особым. Они считали, что Рюрик пришедший по одной из версии из Скандинавии был на самом деле немцем, а значит немцы стоят у истоков русского народа, и поэтому Великий Новгород, по их мнению, должен был либо быть уничтожен до основания, либо стать их трофеем и венцом.

Именно из-за особого отношения город погрузился в чудовищные дни. Гитлеровцы массово казнили новгородцев без оснований. Некоторые допрошенные участники этих зверств рассказывали, что даже не знали в чем обвиняют многих людей, которых привозили на расстрел, просто отдавался приказ и людей убивали и закапывали.

Так, акт комиссии Черновского сельсовета Батецкого района раскрывает подробности массовых расстрелов и истязаний мирных жителей. «На расстрел немцы советских людей привозили на автомашинах группами по три-пять человек, приводили пеших. Ставили около ям и залпом производили расстрел из автоматов, после чего трупы укладывали рядами в ямы

¹ Сожженные деревни России, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменова и др. М.: Фонд «Историческая память», 2017. С. 169–198.

и тонко засыпали землей. А потом опять привозили новых людей, расстреливали и клали в эти же ямы», – писала комиссия¹.

Оккупанты совершали расстрелы постоянно. Также никого не спасало неучастие в каких-либо делах красной армии или партизан, так как немцы казнили по принципу коллективной ответственности.

Расчет руководителей фашистского движения был на то, чтобы сделать оккупированные территории Новгорода и ее области продовольственной базой, к населению же кроме расстрелов применялась еще одна жестокая мера, это угон в другие города и страны, люди расценивались лишь как дешевая рабочая сила.

Жителей в большинстве случаев уводили в страны Прибалтики: Латвию, Эстонию, Литву и другие. Я хочу представить воспоминания моей прабабушки, которая прошла войну и поведала мне о тех страшных событиях: «Всех выгнали из домов на улицу, построили и отправили в Латвию. У меня было 4 брата и 5 сестер, немцы разъединили все семьи, отделив и родителей, и детей, а затем расселили в дома людей, которых мы называли хозяевами. Кому-то повезло больше, кому-то меньше, я попала к строгим людям, которые за малейшую провинность наказывали ударами плетью. Одной из моих сестер повезло больше, ее хозяева кормили больше и не почти не наказывали. Маленькие дети работали по дому, а чуть постарше в поле и на огородах. Совсем взрослых отправляли на более тяжелую работу. К большинству из нас относились как к инструментам, бесплатной рабочей силе. Это было трудное время, я долго не видела своих родителей и других членов семьи».

Не стоит, однако упускать из виду и тот факт, что Великий Новгород был и одним из культурных столиц нашей страны, в нем хранились ценнейшие образцы русской истории, и множество из них было либо похищено, либо уничтожено немецкими солдатами.

Известный Софийский собор, построенный в начале одиннадцатого века сыном Ярослава Мудрого Владимиром Ярославичем, также попал под вражескую руку, с главного купола был снят золотой крест, который в последствии был переправлен в Испанию, а с самого купола сняли золотые листы и переплавили в обычные шкатулки и пепельницы для фашистов.

Хранившееся внутри собора бесценные иконы, мозаики и фрески были вывезены в Германию и другие страны Европы, а часть безжалостно уничтожена. Немецкие оккупанты намерено обосновывали внутри древних церквей и храмов свои огневые позиции, конюшни или казармы, чтобы в следствии обстрелов они сами по себе разрушались.

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков / Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1946. С. 199–201.

Всеми известный памятник Тысячелетия России, воздвигнутый в 1862 году, расценивался как материал для продажи, его просто распилили на части¹. В современном мире тяжело себе представить такое равнодушие, с каким захватчики убивали людей и уничтожали ценнейшие артефакты русской истории, однако идеология нацизма имела огромную силу, желание стереть русскую нацию с лица земли так завладело людьми, что остановить их не могла ни ценность каких-либо памятников, ни даже детские глаза.

В 1941 году в середине июля по новгородской земле, ныне Демьянского района, шел состав с эвакуированными ленинградскими детьми, поезд не прибыл к месту назначения, на него было сброшено несколько десятков бомб, из многочисленных маленьких детей, выжило лишь восемнадцать².

Для целей недопущения повторения таких преступлений в ст. 353 УК РФ раздела XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» предусмотрена ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. Статья 354 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Статья 354.1 УК РФ предусматривает ответственность за реабилитацию нацизма во всех ее формах. Данная статья запрещает искажение исторических фактов в пользу поощрения или одобрения действий фашистов во времена Великой Отечественной Войны, Статья 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», предназначена для недопущения жесткого обращения с военнопленными или гражданским населением, разграбления национального имущества на оккупированной территории и других сходных деяний.

Как мы видим данные нормы во многом коррелируют с преступлениями, совершаемыми в то время, законодатель, как можно сделать вывод из вышеперечисленного, постарался защитить нашу страну от подобных страшных ситуаций и периодов в целом, путем установления уголовной ответственности за их совершение.

Еще одной немаловажной защитой является тот факт, что сроки давности за указанные преступления не применяются. Существование такой нормы в ст. 78 УК РФ мы считаем абсолютно правильным, поскольку подобная жестокость и бесчеловечность не должна прощаться никогда.

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Новгородская область : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. сост. В. Г. Колотушкин; авт. науч. ст. М. Н. Петров; авт. археогр. предисл. В. Г. Колотушкин, Е. Ф. Михайлова. М. : Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2020. С. 390

² Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Новгородская область : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. сост. В. Г. Колотушкин; авт. науч. ст. М. Н. Петров; авт. археогр. предисл. В. Г. Колотушкин, Е. Ф. Михайлова. М. : Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2020. С. 31

Все что происходило в Великом Новгороде находило свое отражение и по всей стране, эти зверства немецких захватчиков в корне определяют позицию их фашистской идеологии. Люди воспринимались всего лишь как инструмент, как рабы, родившиеся на свет только для службы высшей нации, которую продвигала немецкая элита. Все эти идеи и злодеяния выступают ростками по отношению к современному неонацизму.

После освобождения Великого Новгорода в январе 1944 года и победы над фашистской Германией, когда был подписан акт безоговорочной капитуляции, началась волна судебных дел над сторонниками и деятелями нацистской идеологии.

Мир провозгласил изгнание этой доктрины и осуждения ее на всех возможных уровнях, и казалось, что дело сделано, больше о ней никто не заговорит, ибо не было ни одной семьи в СССР, кого бы не коснулось эхо войны, однако мы живем в начале нового тысячелетия, всего спустя 60 лет после Великой Отечественной Войны, а вопрос нацизма, вернее, как он существует сейчас – неонацизма, встает невероятно остро и начинает серьезно волновать, как противников этого режима, так и властей нашей страны.

Неонацизм – это современное движение, правых радикальных идеологий, которое либо полностью, либо частично копирует мировоззрение и идеологию Фашистской Германии, а также заимствует ее символы, либо их слегка видоизменяет. Конечно, есть и моменты, которые отличают его от нацизма 40-х годов, однако корень остается все тем же, меняются лишь методы и способы претворения этой основы в жизнь.

Как в нацизме разрушившим Новгород, так в современном неонацизме в своих теориях они находят место для дегуманизации. Это чудовищное явление, когда люди воспринимаются лишь как расходный материал, то есть как рабы. В моем городе все те, кто не попадал под понятия немецких убеждений были расстреляны, это были и евреи, и цыгане, и русские. Бессмысленно отрицать, что данный принцип лежит в основе и современных движений неонацизма.

Еще одной пронесшейся сквозь годы ужасной чертой, ставшей в основе современных убеждений подобного рода, это необходимость насилия, как тогда, так и сейчас насилие в подобных идеологиях не вынужденная мера, а скорее необходимая, это так называемая «чистка», которая поможет лучшей нации занять свое господствующее положение в мире.

Подмена исторических фактов и изменение истории в свою пользу в современном мире является конструирующей силой идеологий, правильная интерпретация исторических событий помогает давать нужные объяснения и оправдывать самые жестокие зверства. Данное явление получило термин «исторический ревизионизм». Неонацизм не исключение, и, как и его пред-

шественник середины 20 века, активно использует данный прием для искажения истории и выстраивания ее под себя, возвеличивая преступников и пособников нацизма, уменьшая значительность преступлений этих режимов и так далее.

И конечно, как видно из истории Великого Новгорода фашистская идеология старается уничтожить под корень историческую память, чтобы люди не знали своей истории, не знали своих предков и корней, этот прием используется для построения «правильного», нового общества, которое не будет сомневаться в своем происхождении, будет знать кто им управляет и какая идеология едина для всех.

С развитием сети «Интернет» стали возникать и проблемы, такие как свобода пользования данной сетью для всего населения планеты, это источник, помогающий людям слышать и прислушиваться ко мнениям и убеждениям других людей.

Применительно к неонацизму сеть «Интернет» стала большим помощником в данном движении, последователи этой идеологии распространяют в социальных сетях свои мысли и идеи, которые в последствии приобретают вид пропаганды. Это очень опасное явление так как преподнести ужасные вещи можно совершенно с нормальной стороны, и человек, который читает и вникает в данные тексты уже начинает проявлять интерес к подобным движениям, его буквально обманывают, а затем собирают на улицах для митингов и маршей. Это безусловно негативно сказывается на сознании общества, ведь чем больше продвигаются подобные идеи, тем больше сторонников они находят.

Однако на сети «Интернет» неонацисты не останавливаются, за последние годы участились случаи нападения на представителей национальных меньшинств, избиения мигрантов, которые основаны как раз на ненависти к определенной группе, а часто ко многим группам.

Конечно, историю невозможно изменить, все что творили фашисты в моем родном городе, забыть и исправить нельзя, но можно не допустить этого в будущем. Наш народ как никто другой знает к чему может привести безобидная группа людей с радикальными идеями об уничтожении рас и возведение одной из них на трон всего живого.

Для недопущения развития современных неонацистских движений в первую очередь необходимо усердно работать с сохранением исторической памяти. История – сильное оружие, и оно должно находиться в руках людей, которые не допустят повторения геноцидов и разорения стран.

Работать в сфере просвещения населения очень важно, это будет формировать общество таким образом, что оно само вытолкнет подобные идеологии и убеждения из своего оборота. В понятие истории я вкладываю также

и исторических личностей, которые массово признаются героями в соседних странах, хотя на самом деле они были убийцами и нацистами, допущение подобных случаев не должно быть возможным, так как люди равняются на своих героев, а на кого будет равняться человек если возведенный в герои это нацист и преступник.

Таким образом важно отметить, что призраки страшного прошлого, выжившие до наших дней, смогли обустроиться на новых рельсах подобных идеологий, и идеи из-за которых был уничтожен Великий Новгород и большая часть его населения, возвращаются и бросают нам вызов и сегодня.

К успешному противодействию распространению подобных убеждений нас обязывает сохранение памяти о прошлом, необходимость развития общества в направлении, основанном на человечности и осуждении зла.

Научная статья

УДК 343.985.4

ЦИФРОВАЯ ФИКСАЦИЯ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ IT-ТЕХНОЛОГИЙ

Яна Романовна ДАРШТ

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, yana.darsht.04@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Илона Викторовна ТЕРТЫЧНАЯ**, ilona.ter13@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема криминалистики как науки и как деятельности правоохранительных органов – фиксация следов на месте происшествия в киберпреступности с использованием цифровых технологий.

Поскольку современные процессы информатизации и цифровизации общества прогрессируют, правоохранительные органы сталкиваются с трудностью расследования компьютерных преступлений, а именно, осмотром места происшествия, фиксацией следов и поиском преступника.

Новые инструменты и способы совершения преступлений требуют новых усовершенствованных технологий для их обнаружения, что говорит о необходимости развития технологической базы полиции.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровая фиксация, ки-бепреступления, виртуальное пространство, место происшествия, IT-технологии.

Original article

DIGITAL RECORDING OF THE SCENE ON CRIMES IN THE FIELD OF IT TECHNOLOGIES

Yana R. DARSHT

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, yana.darsht.04@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminology at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Ilona Viktorovna TERTYCHNAYA**, ilona.ter13@mail.ru

Abstract. This article discusses the current issue of forensic science and law enforcement, which is the capture of traces at the crime scene in cybercrime using digital technologies.

As modern processes of informatization and digitalization of society continue to progress, law enforcement agencies face the challenge of investigating computer crimes, including the examination of the crime scene, the capture of traces, and the search for the perpetrator.

The emergence of new tools and methods for committing crimes requires the development of advanced technologies for their detection, emphasizing the need for the advancement of police technology.

Key words: digital forensics, digital recording, cybercrime, virtual space, crime scene, IT technologies

Выделение в криминалистике новой научной теории – цифровой криминалистики показывает масштабность совершения преступлений в сфере IT-технологий и сложность их расследования. Предметом данной науки выступают закономерности обнаружения, фиксации, предварительного исследования, использования компьютерной информации и средств ее обработки в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений и преступлений. По мере развития уровня технической оснащенности преступников расширяется и ассортимент технико-криминалис-

тических средств правоохранительных органов для фиксации следов киберпреступлений.

По данным статистики МВД России преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по сравнению с периодом январь–май 2024 года зарегистрировано на 1,3 % больше. При этом количество дистанционных краж снизилось на 12,9 % и на 24,7 % – преступлений в сфере компьютерной информации¹.

В 2023 году была открыта первая цифровая криминалистическая лаборатория в Казахстане на базе центрального аппарата МВД. Лаборатория специализируется на расследовании преступлений с использованием цифровых следов. Специалисты работают в двух направлениях:

Компьютерно-технические исследования. Включают изучение компьютеров, электронных носителей информации, программного обеспечения, мобильных телефонов, планшетов, органайзеров, серверов и телекоммуникационного оборудования.

Портретные исследования. Проводятся по фото- и видеоизображениям с использованием идентификации личности по биометрическим признакам

Правоохранительные органы сталкиваются с рядом проблем в расследовании таких преступлений:

1. Проблема достоверности информации, содержащейся в виртуальных следах;

2. Сложность поиска следов преступления;

Виртуальные следы преступления можно классифицировать по следующим основаниям:

- по форме носителя могут быть обнаружены на оптических и жестких дисках, флеш-картах;

- по форме возникновения могут быть непосредственные (электронные документы, записи в социальных сетях) и опосредованные (данные телеметрии)².

3. Анонимность преступников (применение шифра, пароля, кода);

4. Отсутствие физического контакта преступника с жертвой;

5. Недолговечность виртуальных следов (возможность удалить данные);

6. Определение места происшествия:

- рабочее место, рабочая станция – место обработки информации, ставшей предметом преступного посягательства;

- место постоянного хранения информации – сервер;

¹ Состояние преступности в РФ за май-июнь 2025 г. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news> (дата обращения: 25.07.2025).

² Вершицкая Г. В. Возможности использования виртуальных следов в ходе расследования киберпреступлений // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 19.

– место использования технических средств для неправомерного доступа к информации, находящейся в другом месте, например, использование внешнего удаленного доступа при стороннем взломе;

– место подготовки преступления (разработки компьютерных вирусов, программ взлома).

Местом происшествия могут быть как одно или несколько помещений с компьютером и информацией в нем, а также само информационное пространство¹. Перед полицией ставится вопрос о том, как проводить осмотр места происшествия, фиксировать найденную информацию и придавать ей доказательственное значение.

Для осмотра такого специфического места происшествия как информационное пространство требуются соответствующие технологии и способы фиксации доказательств – цифровая фиксация.

Цифровая фиксация – это процесс использования технических средств, основанных на цифровых технологиях, для закрепления информации в ходе процессуальных действий.

Для цифровой фиксации киберпреступлений используются специализированные средства и программы, например:

1. Фото-, кино-, видеосъемка применяется для фиксации всех изъятых предметов, самого места происшествия и участников;
2. Аудиозапись нужна для запечатления хода и действий осмотра места происшествия, закрепления комментариев²;
3. Компьютерное моделирование места происшествия с 3D–эффектом позволяет оценивать расстояние, расстановку и расположение предметов, поворачивать, увеличивать, уменьшать модель;
4. EnCase используется для восстановления доказательств с захваченных жестких дисков. Программа позволяет проводить глубокий анализ пользовательских файлов, собирать такие доказательства, как документы, фотографии, история в сети «Интернет» и информация реестра Windows;
5. FTK (Forensic Toolkit). Программа для поиска, извлечения и анализа данных, расследования электронной почты, восстановления паролей, расшифровки данных, восстановления удаленных файлов;
6. Autopsy. Открытый инструмент для анализа файловых систем, для восстановления удаленных и скрытых файлов, поиска файлов по словам и кодам, исследовании истории в сети «Интернет»;

¹ Протасевич А. А., Зверьянская Л. П. Особенности осмотра места происшествия по делам о киберпреступлениях // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2. С. 23.

² Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 490 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-17464-9. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/568013> (дата обращения: 26.06.2025). С. 41.

7. Wireshark. Инструмент для анализа сетевого трафика, позволяет захватывать и анализировать пакеты данных для выявления подозрительной активности в сети.

8. Volatility. Открытый инструмент для анализа дампов оперативной памяти, извлекает информацию о процессах, сетевых соединениях и других объектах¹.

Требуется соответствующая подготовка кадров, обладающих специальными навыками и знаниями для применения таких технологий. С помощью комбинированного использования инструментов обеспечивается надежность, точность и полнота результатов.

Таким образом, с развитием технологий совершения преступления деятельность правоохранительных органов перестраивается под новые условия, совершенствует технологическую базу, применяет специальные инструменты фиксации места происшествия в виртуальном пространстве.

Новые средства позволяют своевременно, качественно и полно обнаруживать источник преступления, следы и ход действий. В целях повышения раскрываемости киберпреступлений есть необходимость грамотного обучения сотрудников полиции, адаптации к работе в цифровом пространстве.

Научная статья

УДК 343.359.3

НЕЗАКОННЫЙ ЭКСПОРТ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНОЙ И КОНТРАБАНДОЙ

Виктор Дмитриевич ДОРОФЕЕВ¹, Иван Николаевич ЯКОВЛЕВ²,

^{1, 2} Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, г. Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2}dr.do@internet.ru

Научный руководитель – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент **Наталья Сергеевна АЛЕКСАНДРОВА**, alex-rta2006@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена вопросам квалификации преступлений, посягающих на внешнюю и внутреннюю безопасность государства.

¹ Иванов Д. Д. Применение цифровой криминалистики в современных расследованиях и анализе данных/ Международный научный журнал «Вестник науки» № 12 (81). Т. 4 2024. С.673.

Предметом исследования являются нормы, закрепленные в статьях 189, 275-276.1, 226.1 УК РФ.

На примерах судебной практики анализируются основные способы совершения незаконного экспорта, проводится разграничение со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: незаконный экспорт, экспортный контроль, экономическая безопасность, государственная измена, контрабанда

Original article

ILLEGAL EXPORTS AS A THREAT TO THE STATE SECURITY: ISSUES OF DIFFERENTIATION WITH HIGH TREASON AND SMUGGLING

Viktor D. DOROFEEV¹, Ivan N. Yakovlev²,

^{1,2}Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, St. Petersburg, Russia

^{1,2}dr.do@internet.ru

Scientific adviser – Head of the Department of Criminal Law Disciplines at the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Natalia Sergeevna ALEXANDROVA**, alex-rta2006@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of qualification of crimes that infringe on the external and internal security of the state.

The subject of the study is the norms stipulated in Articles 189, 275-276.1, 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Using examples of judicial practice, the main methods of committing illegal exports are analyzed, and a distinction is made with related crimes.

Keywords: illegal export, export control, economic security, high treason, smuggling

Государственная безопасность – понятие широкое и может рассматриваться в военном, политическом, экономическом и иных аспектах. Способов подрыва государственной безопасности существует множество: от диверсий и вооруженного мятежа до шпионажа и государственной измены. Применительно к данной сфере общественных отношений действующее законодательство регламентирует вопросы привлечения к уголовной ответст-

венности в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Вместе с тем, государственная безопасность является объектом не только тех посягательств, которые непосредственно указаны в данной главе, но и иных противоправных деяний, наносящих вред (или ставящих под угрозу причинения вреда) внутреннюю и внешнюю безопасность государства.

Экономическая безопасность (как одна из составных частей государственной безопасности) также является объектом уголовно-правовой охраны. Преступления, направленные против экономической безопасности государства прямо или опосредованно наносят существенный ущерб Российской Федерации (порядку финансово-хозяйственных отношений, бюджету и т.д.) и при этом характеризуются высокой степенью латентности.

Характерным примером преступления, объектами которого выступают как экономическая, так и военно-политическая безопасность государства, является деяние, ответственность за которое предусмотрено ст. 189 УК РФ (Незаконный экспорт или передача предметов и технологий, незаконное выполнение работ либо оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль).

В правоприменении и теории уголовного права вопросы разграничения незаконного экспорта (ст. 189 УК РФ) с государственной изменой (ст. 275 УК РФ), сотрудничеством на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ), оказанием помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. 276.1 УК РФ), контрабандой (ст. 226.1 УК РФ) вызывают определенные сложности.

Нельзя не отметить, что за последние 5 лет в сфере регулирования вопросов государственной безопасности произошли значительные изменения, в том числе криминализована часть деяний, введены новые составы преступлений (например, ст. 275.1, 276.1 УК РФ), подверглись редакции многие уже существующие уголовно-правовые нормы. Следствием введения новых уголовно-правовых норм явилась их конкуренция, что, в свою очередь, обусловило необходимость разграничения смежных составов преступлений.

Вопросы разграничения преступлений, посягающих на внутреннюю и внешнюю безопасность государства определяют необходимость уголовно-правового анализа статьи 189 УК РФ «Незаконный экспорт из Российской Федерации или передача товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль».

Объектом указанного общественно опасного посягательства традиционно считался установленный порядок осуществления внешнеэкономической деятельности, а именно экспорта или передачи товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль.

Однако, существуют и иные точки зрения. Так, Б. В. Волженкин, указывал на формальность предложенного выше подхода, подчеркивая, что «экспортный контроль установлен в целях обеспечения безопасности государства, его политических, экономических и военных интересов...»¹.

В свете происходящих геополитических и социально-экономических изменений в жизни общества, такой подход к пониманию объекта преступления представляется наиболее верным, и его следует понимать как общественные отношения в сфере экономической, политической и военной безопасности государства.

Исходя из диспозиции указанной нормы, становится очевиден ее бланкетный характер построения. Следовательно, для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности следует обращаться к соответствующему отраслевому законодательству.

Системообразующим в данной сфере является Федеральный закон «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022). В соответствии с данным Федеральным законом, списки (перечни) контролируемых товаров и технологий разрабатываются федеральными органами исполнительной власти с привлечением представителей Федерального Собрания Российской Федерации, промышленных и научных организаций, их ассоциаций и союзов и утверждаются постановлениями Правительства Российской Федерации. Кроме того, Президент РФ уполномочен принимать решения об установлении (приостановлении/прекращении действия) режима безлицензионного экспорта отдельных видов контролируемых товаров в иностранные государства.

Объективная сторона преступления заключается в незаконном экспорте или передаче товаров или технологии, вооружения или военной техники; незаконном выполнении работ, оказании услуг в отношении которых установлен экспортный контроль.

Для наглядности следует рассмотреть проявление объективной стороны на конкретных примерах:

1) Преступление имеет форму незаконного экспорта, когда субъект, имея преступный умысел, заключает внешнеторговый контракт на поставку

¹ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 578.

товара, находящегося в соответствующем перечне, при этом либо не получая лицензию на экспорт данного товара в уполномоченном органе (в случае экспорта на территорию ЕАЭС не осуществляется таможенный контроль и таможенными органами не проверяется лицензия, следовательно не нарушается порядок таможенного оформления – отсутствуют признаки контрабанды), либо получая такую лицензию с использованием недостоверных сведений (подложных документов).

После этого производится отгрузка и экспорт товара с последующим принятием его в пункте назначения (на территории иностранного государства). Преступление является оконченным с момента пересечения товаром государственной границы Российской Федерации¹.

2) Преступление имеет форму незаконной передачи или выполнения работ или оказания услуг в случаях, когда субъект, имея преступный умысел, заключает консультационный контракт и / или трудовой договор с иностранным представителем, далее передает информацию, которая составляет существо технологии, которая при экспорте подлежит лицензированию уполномоченным органом, выполняет пуско-наладочные и опытные работы, ищет поставщиков сырья для организации производства, выполняет прочие работы и оказывает иные услуги. Осуществляться действия могут как посредством личных встреч с иностранными представителями, так и посредством сети «Интернет»².

Субъект преступления общий – им является любое лицо, фактически совершающее обозначенные в диспозиции действия. Ранее содержащиеся в статье признаки специального субъекта были исключены из ее текста. Стоит лишь отметить, что зачастую субъект преступления поручает своим сотрудникам или иным лицам подготовку документов для заключения противоправной сделки в отношении предметов данного преступления и последующего таможенного оформления такой сделки, заведомо осознавая преступность деяния. Сами работники лишь исполняют трудовую функцию, не имея представления о противоправном характере данной сделки, и не являются субъектами преступления.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, что прямо закреплено в диспозиции ч.1 ст. 189 УК РФ «...в отношении которых заведомо для виновного установлен экспортный контроль...». Мотивы могут быть различны, как правило превалирует корыстная составляющая – улучшение собственного материального положения.

¹ Судебная практика. Приговор Дзержинского районного суда г. Ярославля по делу № 1-339/2024 [Электронный источник] – <https://судебныерешения.рф/84096647>.

² Судебная практика. Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области по делу № 1-339/2024 [Электронный источник] – <https://судебныерешения.рф/54629012>.

Исходя из анализа судебной практики по данной категории дел, в целях последующего разграничения со смежными уголовно-правовыми составами следует выделить наиболее распространенные способы совершения данного преступления:

- 1) экспорт, осуществляемый с подделкой лицензии, выдаваемой уполномоченным органом;
- 2) экспорт, осуществляемый без получения лицензии, выдаваемой уполномоченным органом;
- 3) экспорт, осуществляемый в процессе оформления лицензии, выдаваемой уполномоченным органом, до момента ее получения;
- 4) экспорт, осуществляемый в страны, передача которым той или иной военной продукции не разрешена.

Фактически способы 2, 3 и 4 возможны только применительно к странам Евразийского экономического союза, то есть без пересечения таможенной границы и, соответственно, без прохождения таможенного контроля, так как при прохождении таможенного контроля отсутствие лицензии будет выявлено и данное деяние обретет форму незаконного перемещения товара через таможенную границу, т. е. контрабанды.

Касаясь вопроса разграничения незаконного экспорта и государственной измены (ст. 275 УК РФ), стоит отметить, что незаконный экспорт может быть квалифицирован как государственная измена при условии, если предмет преступления, его характеристики относятся к сведениям, составляющим государственную тайну и такие действия направлены против безопасности Российской Федерации. Предмет преступления имеет ключевое значение: предметы, относительно которых установлен экспортный контроль, так или иначе поставляются в другие государства, с такими предметами взаимодействуют иностранные представители. Экспортные образцы впоследствии могут оказаться на изучении у третьих лиц из недружественных России государств.

Именно поэтому, существуют, например, отдельные «линейки» однотипного вооружения: одна «линейка» вооружения является экспортной, в ней, как правило, не используются наиболее передовые технологические решения, относящиеся к государственной тайне, переход которых в руки третьих лиц недопустим. Экспортный контроль, в первую очередь, направлен на достижение экономической выгоды, проведения той или иной торговой политики, поддержание конкурентоспособности РФ как участника глобального рынка.

Далее следует отграничить незаконный экспорт от сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ).

При незаконном экспорте субъект преступления старается скрыть не сам факт сотрудничества, а передачу того или иного предмета или информации (технологии), при этом придерживаясь таможенных правил (иначе образуется состав контрабанды, о чем речь пойдет далее), присутствует элемент публичности и частичного легального оформления. При этом таким экспортом или передачей предметов (информации, технологий), выполнением работ или оказанием услуг не должно осуществляться содействия противнику в деятельности, заведомо направленной против интересов России. В случае незаконного экспорта целенаправленно нарушаются исключительно меры экспортного контроля, как правило – по корыстным мотивам.

Форм сотрудничества в рамках ст. 275.1 УК РФ несравнимо больше, сотрудничество выражается в разнообразных формах, при этом не заключаются договоры поставки и прочие внешнеторговые акты. Преступления формально, как и в случае с государственной изменой, посягают на разные объекты (установленный порядок экспортного контроля и внешняя безопасность Российской Федерации соответственно). Находит это отражение и в субъективной стороне: в случае с экспортом заведомо для виновного установлен экспортный контроль, в случае с сотрудничеством и государственной изменой заведомо для виновного деятельность направлена против безопасности Российской Федерации.

При разграничении незаконного экспорта со шпионажем и оказанием помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации (ст. ст. 276 и 276.1 УК РФ) необходимо отметить, что различия заключаются в субъекте преступления.

Для целей статей 276 и 276.1 УК РФ предусмотрен специальный субъект – иностранный гражданин или лицо без гражданства, в то время как субъектом незаконного экспорта является любое лицо. В остальном разграничение идентично со ст. 275.1 УК РФ

Немаловажным представляется и вопрос разграничения незаконного экспорта с контрабандой (ст. 226.1 УК РФ). Из обширного перечня предметов контрабанды выделяются предметы, схожие с предметами преступления, предусмотренного статьей 189 УК РФ, к таковым относятся: огнестрельное оружие, его основные части, взрывные устройства, боеприпасы, иное вооружение, иная военная техника, а также сырье, материалы, оборудование, технологии, научно-техническая информация или результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники. В целом, предметный перечень статьи 189 УК РФ шире, ведь предметом преступления могут являться выполнение работ и оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный

контроль. В случаях несовпадения предметов посягательства вопросов разграничения с контрабандой не возникает.

Особенную остроту проблема разграничения данных преступлений приобретает при совпадении предметов посягательства. Мы считаем, что основным критерием разграничения в данном случае является объект посягательства. А именно, в случае совершения контрабанды это установленный порядок пересечения таможенной границы, при незаконном экспорте нарушается установленный порядок экспортного контроля.

Таким образом, состав незаконного экспорта образуется в двух случаях.

Во-первых, когда товар надлежащим образом прошел таможенное оформление, достоверно задекларирован, перемещается в соответствии со всеми требованиями таможенных процедур, однако в таможенный орган предоставляются подложные экспортные разрешения и лицензии, либо же они не предоставляются вовсе.

Во-вторых, когда поставка товара осуществляется в рамках единой таможенной территории ЕАЭС, в связи с чем фактический таможенный контроль не осуществляется. На практике, таможенный орган зачастую выявляет отсутствие требуемых экспортных документов и отказывает в выпуске товаров, передавая материалы в службу экспортного контроля и органы государственной безопасности.

Однако случается и так, что таможенные органы данных нарушений не выявляют, например, когда экспортные лицензии подложны. В таких случаях, как правило, преступление выявляется органом экспортного контроля и органами государственной безопасности как до выпуска товара с территории Российской Федерации, так и по факту выпуска товаров.

Примечательно, что законодатель прямо указывает на недопустимость квалификации незаконного экспорта и контрабанды по идеальной совокупности преступлений. Например, если на то или иное оружие требуется экспортная лицензия, которая не получена лицом, перемещающим товар, лицо, сознавая, что нарушает экспортный порядок, прячет оружие в тайнике при пересечении границы – действия такого лица следует квалифицировать по статье 226.1 УК РФ, так как оно совершается контрабандным способом, в деянии присутствуют признаки контрабанды. В этом контексте приходится говорить о соотношении незаконного экспорта и контрабанды как общей и специальной нормы.

В заключение следует отметить, что в связи с текущими тенденциями производство различных товаров, разработка различных технологий, которые имеют двойное назначение, и создание иных видов вооружения в Российской Федерации только возрастает, одновременно растет и количество

преступных посягательств на государственную безопасность Российской Федерации.

Из этого следует, что продолжение работы по надлежащей правовой регламентации данной отрасли общественных отношений, создание и модернизация уголовно-правовых мер защиты в этом направлении является насущной необходимостью.

Правовой определенности бы способствовало описание способов совершения незаконного экспорта в самой ст. 189 УК РФ либо разъяснительное постановление Пленума ВС РФ по этому вопросу.

Тем не менее, следует обозначить, что четкое разграничение составов преступлений, выражающееся в правоприменительной практике, доказывает эффективность уголовно-правовых инструментов охраны совокупности общественных отношений в сфере реализации интересов общества и государства по защите его внутренней и внешней безопасности.

Научная статья

УДК 343.3/.7

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ СИМВОЛИКА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Савелий Алексеевич ДОСТАВАЛОВ¹, Милена Владимировна ШАЧИНОВА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ Gogogobs26@gmail.com

² milena.shachinova@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и доктринальные аспекты понятия экстремистской символики в российском законодательстве, анализируются признаки, позволяющие отграничивать запрещенную атрибутику от исторически и культурно нейтральных символов.

Особое внимание уделено проблемам правоприменительной практики, связанным с отсутствием исчерпывающего перечня запрещенных знаков,

двойственной природой ряда символов (на примере свастики), а также рисками формального подхода при квалификации административных и уголовных правонарушений.

Обосновывается необходимость уточнения законодательных критериев для обеспечения баланса между защитой общественной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: экстремистская символика, атрибутика, запрещенные организации, пропаганда ненависти, административная ответственность, уголовная ответственность, свастика, нацистская символика, правоприменение

Original article

EXTREMIST SYMBOLISM: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

Saveliy A. DOSTAVALOV¹, Milena V. SHACHINOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹ Gogogobs26@gmail.com

² milena.shachinova@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines legal and doctrinal aspects of the concept of extremist symbolism in Russian legislation and analyzes the criteria that allow distinguishing prohibited symbols from historically and culturally neutral ones.

Particular attention is paid to problems in law enforcement practice related to the absence of an exhaustive list of prohibited signs, the dual nature of certain symbols (e.g., the swastika), and the risks of a formalistic approach in qualifying administrative and criminal offenses.

The authors argue for the need to clarify legislative criteria to ensure a balance between public security and the protection of constitutional rights.

Keywords: extremist symbolism, attributes, banned organizations, hate propaganda, administrative liability, criminal liability, swastika, Nazi symbolism, law enforcement

В современном обществе символы и знаки нередко становятся не просто элементами визуального оформления, а мощным инструментом идеологического воздействия. Распространение экстремистской атрибутики и символики выступает неотъемлемым компонентом организационной и пропагандистской деятельности, направленной на вербовку сторонников, психологическое влияние на население и подстрекательство к участию в радикальных акциях. При этом такая символика одновременно выступает и предметом, и средством реализации экстремистских целей.

В условиях обострения внешних вызовов особую значимость приобретает правовое регулирование в сфере противодействия экстремизму. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года подчеркнул: «Элиты Запада стремятся нанести стратегическое поражение России, осуществляя против нее все более массовые и изощренные информационные атаки»¹. В этих условиях законодательство, направленное на недопущение пропаганды ненависти, разжигания вражды и реабилитации нацизма, становится важнейшим элементом обеспечения национальной и информационной безопасности.

Статья 29 Конституции Российской Федерации прямо запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Именно такие цели – распространение чужденоненавистнических идеологий, подрыв традиционных для российского общества ценностей, дестабилизация межнационального согласия – преследуют экстремистские структуры, используя символику как средство идеологической экспансии.

В последние годы в России значительно ужесточено законодательство в этой сфере, а правоохранительные органы все чаще привлекают к ответственности за публикации в социальных сетях, демонстрацию определенных знаков или ношение одежды с символикой, связанной с запрещенными организациями. Это делает тему экстремистской атрибутики и символики особенно актуальной для юристов, студентов, правозащитников и всех, кто сталкивается с вопросами баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой конституционных свобод.

На сегодняшний день в юридической науке сформировалось достаточно четкое представление о правовых символах, и позиции ученых по данному вопросу практически совпадают. Как отмечает М. Л. Давыдова: «В отечественной юридической литературе под правовыми символами традиционно понимаются закрепленные законодательством условные образы

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 16.10.2025).

(замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям. При этом фактически названный термин часто используется для обозначения близких, но различных по своей природе явлений»¹.

Вместе с тем российское законодательство не содержит прямого и исчерпывающего определения понятия «экстремистская символика» как такового. Однако Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) дает косвенное разъяснение этого термина.

В частности, в пункте 4 статьи 1 указанного Федерального закона под символикой экстремистской организации понимается «символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

Таким образом, закон связывает запрет на использование символики не с самим изображением как таковым, а с его принадлежностью к организации, признанной экстремистской в установленном судебном порядке. Это подчеркивает, что ключевым критерием признания символики экстремистской является ее функциональная и идеологическая привязка к деятельности, направленной на разжигание ненависти, нарушение общественного порядка или насильственное изменение основ конституционного строя, а не внешний вид знака.

Первым признаком группы юридически значимых символов, запрещенных действующим законодательством, является их неправовое происхождение. Право не создает такие символы – их возникновение и существование изначально не связаны с правовой сферой. Они приобретают юридическое значение лишь в тот момент, когда в правовой системе устанавливается ответственность за их публичное использование или распространение. Таким образом, именно правовой запрет выступает в качестве механизма, переводящего изначально нейтральные или иные по своей природе знаки в разряд юридически значимых символов.

Из этого логически вытекает второй признак – двойственная природа запрещенной символики: она одновременно принадлежит как минимум двум различным категориям – одной, связанной с правом (в силу установленного запрета), и другой, не имеющей к праву прямого отношения.

¹ Давыдова М. Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. №4 (9). С. 4.

Например, сдвоенные руны, использовавшиеся в Третьем рейхе для обозначения подразделений СС, исторически восходят к древнегерманской символике и изначально олицетворяли Солнце. Однако после введения в российском законодательстве уголовной и административной ответственности за их публичную демонстрацию эти знаки были включены в группу юридически значимых, запрещенных к использованию.

Третий признак – массовое распространение такой символики в цифровой среде. Федеральный список экстремистских материалов, ведущийся Министерством юстиции РФ, насчитывает уже свыше четырех тысяч позиций, значительная часть которых касается именно визуальных символов, впервые появившихся в сети «Интернет» и впоследствии признанных судами экстремистскими.

При этом нормы антиэкстремистского законодательства отличаются недостаточной определенностью, что затрудняет прогнозирование, какой именно символ может быть квалифицирован как запрещенный. Даже ироничное или сатирическое изображение – например, карикатура с персонажем в форме, несущим запрещенную символику, – может быть признано экстремистским лишь на том основании, что содержит запрещенный знак, независимо от контекста или намерения автора.

Это свидетельствует о серьезной проблеме в юридической технике отечественного законодателя. Отсутствие четких, объективных критериев отнесения той или иной символики к категории экстремистской порождает правовую неопределенность и превращает цифровое пространство в постоянный источник новых запрещенных символов¹.

В этих условиях особенно актуальным становится требование к законодателю – закрепить понятные и предсказуемые признаки, позволяющие дифференцировать допустимое и недопустимое использование символики в рамках правового порядка.

На данный момент использование экстремистской атрибутики и символики в Российской Федерации влечет за собой как административную, так и уголовную ответственность, что подчеркивает серьезность правового подхода к противодействию идеологии ненависти и вражды.

Но стоит отметить, что до 2022 г. лица, совершающие пропаганду и демонстрацию нацистской атрибутики или символики, привлекались только к административной ответственности. Начало специальной военной операции на фоне активизации нацистских формирований на Украине стало катализатором усиления ответственности за данное деяние².

¹ Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики // Криминалист. 2025. № 3 (52). С. 60.

² Агапов П. В., Шевелева К. В. Уголовная ответственность за неоднократные пропаганду и

Основным нормативным актом в этой сфере выступает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Согласно статье 20.3 КоАП РФ, «пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций... если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения, либо административный арест на срок до пятнадцати суток... либо обязательные работы на срок до ста часов». При этом законодатель четко разграничивает простое демонстрирование и действия, совершенные с целью пропаганды или сбыта, устанавливая за последние повышенные санкции.

В случае повторного совершения подобных деяний – уже после привлечения к административной ответственности по статье 20.3 КоАП РФ – наступает уголовная ответственность по статье 282.4 УК РФ. Эта норма предусматривает наказание в виде штрафа до одного миллиона рублей, обязательных или исправительных работ, а также принудительных работ или лишения свободы на срок до четырех лет. Таким образом, законодатель создает двухуровневую систему ответственности: административная – за первичное нарушение, и уголовная – за рецидив, что свидетельствует о стремлении пресечь систематическое распространение экстремистских идей.

Важно подчеркнуть, что закон не запрещает использование запрещенной символики как таковой, а именно ее пропаганду или публичное демонстрирование с целью одобрения или распространения экстремистской идеологии. Об этом прямо говорит примечание к статье 20.3 КоАП РФ: «Положения настоящей статьи не распространяются на случаи использования... при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии». Это означает, что изображение свастики в учебном фильме, музейной экспозиции или художественном произведении, направленном на осуждение нацизма, не является правонарушением.

Кроме того, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (в ред. от 27.10.2025) закрепляет механизм признания организаций экстремистскими и последующего запрета их символики.

Судебное решение о ликвидации или запрете деятельности такой организации становится основанием для включения ее символики в официальный перечень, публикуемый Министерством юстиции России. Именно наличие этого перечня позволяет правоприменителям квалифицировать конкретные знаки как запрещенные. В совокупности эти нормы формируют правовую основу для борьбы с экстремистской символикой, при этом оставляя пространство для ее легитимного использования в образовательных, научных, культурных и религиозных целях – при условии отсутствия пропагандистского умысла.

Несмотря на четкую нормативную проработку ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование экстремистской символики, на практике возникают значительные трудности, связанные с неопределенностью самого понятия «запрещенная символика» и отсутствием исчерпывающего официального перечня таких знаков.

Как справедливо отмечают И. В. Пикин, И. А. Тараканов и С. А. Пичугин, «в настоящее время описание символики экстремистских организаций содержится в перечне... организаций, в отношении которых судом принято... решение о ликвидации или запрете деятельности», однако «описание символики движения АУЕ должно содержаться в учредительных документах указанного движения (о которых ничего не известно), а не в решении Верховного Суда РФ»¹.

Это создает правовую коллизию: организация может быть признана экстремистской, но не иметь формальных учредительных документов, а значит – и официально зафиксированной символики.

Особенно остро эта проблема проявляется в случаях с децентрализованными, неформальными структурами, такими как «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) или движение «Колумбайн», где символика носит размытый, субкультурный характер и включает в себя не только восьмиконечные звезды или аббревиатуры, но и карточные масти, изображения котов или даже определенные музыкальные предпочтения. В таких условиях правоохранительным органам и судам приходится полагаться на экспертные заключения культурологов, лингвистов и историков, что не исключает субъективности в оценке.

Кроме того, законодательство не содержит определения «атрибутики экстремистской организации», хотя именно этот термин используется

¹ Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Проблемы уголовно-правового противодействия пропаганде либо публичному демонстрированию атрибутики и символики экстремистских организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 3. С. 505.

в ст. 20.3 КоАП РФ и 282.4 УК РФ. Ученые предлагают рассматривать атрибутику как «совокупность отличительных (как правило, внешних) признаков принадлежности к экстремистской организации, причем эти признаки могут и не быть отраженными в учредительных документах организации»¹. Однако без нормативного закрепления такого подхода остается пространство для разночтений.

Особую сложность представляет квалификация символов, сходных с нацистской свастикой до степени смешения. В научной литературе справедливо подчеркивается, что «не любая символика, которая схожа с нацистской, имеет... свойства человеконенавистнической идеологии»². Например, череп с костями – общепринятый символ опасности, используемый в христианской традиции и на знаках радиационной угрозы, – не может автоматически приравниваться к нацистскому символу «Мертвая голова». Здесь решающее значение приобретает контекст и цель использования.

Важно и то, что административная и уголовная ответственность наступают только при наличии умысла и отсутствии признаков осуждения нацизма или экстремизма. Как указывает А. А. Кунашев, «использование нацистской и экстремистской символики (атрибутики) в культурных, исторических, научных целях не образует признаков составов данных правонарушений»³. Судебная практика подтверждает этот подход: например, размещение карты Европы с исторической свастикой в образовательных целях не влечет ответственности, если не преследуется цель пропаганды.

Тем не менее сохраняется риск формального подхода, особенно в отношении татуировок. Наличие запрещенного символа на теле само по себе не является правонарушением, но его публичное демонстрирование – да. В условиях уголовной ответственности за повторное нарушение (ст. 282.4 УК РФ) это создает угрозу необоснованного привлечения к ответственности, особенно в пенитенциарной среде, где контроль за внешним видом осужденных усилен. При этом закон не предусматривает механизма принудительного или добровольного удаления таких татуировок, что ставит лиц в заведомо невыгодное положение.

Таким образом, несмотря на обоснованность запрета на экстремистскую символику как необходимой меры противодействия идеологии

¹ Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Проблемы уголовно-правового противодействия пропаганде либо публичному демонстрированию атрибутики и символики экстремистских организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 3. С. 506.

² Кунашев А. А. Действия с нацистской и экстремистской атрибутикой или символикой: тонкости квалификации // Уголовный процесс. 2024. № 10 (238). С. 62.

³ Кунашев А. А. Действия с нацистской и экстремистской атрибутикой или символикой: тонкости квалификации // Уголовный процесс. 2024. № 10 (238). С. 65.

ненависти и насилия, действующее правовое регулирование нуждается в существенном уточнении. Отсутствие четкого, официально утвержденного перечня запрещенных символов, а также неясность в разграничении исторически нейтральных знаков и тех, что приобрели идеологическую окраску, порождает правовые коллизии и риски произвольного толкования закона. Особенно остро эта проблема проявляется на примере таких многозначных символов, как свастика.

Действительно, свастика – один из древнейших знаков человечества, на протяжении тысячелетий использовавшийся в религиозных, культурных и бытовых практиках самых разных народов. В индуизме и буддизме она символизирует удачу, просветление и вечное движение; у славян – солнце, жизненную силу и защиту от зла (часто под названием «коловрат» или «колядник»); в Древней Руси и даже в ранний советский период свастика встречалась на одежде, вышивках, керамике, денежных знаках 1918 года и нарукавных знаках красноармейцев¹. Однако с 1920 года, когда Адольф Гитлер утвердил свастику в качестве символа Национал-социалистической немецкой рабочей партии, ее восприятие в общественном сознании кардинально изменилось. С этого момента она стала ассоциироваться с фашизмом, антисемитизмом, геноцидом и агрессией против человечества.

В российском законодательстве запрет на использование нацистской символики закреплён в статье 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024), где прямо указано, что использование нацистской атрибутики и символики «оскорбляет многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах». При этом закон не содержит четкого определения того, что именно считать «нацистской свастикой». Как отмечает Р. В. Богдасаров, под запрет следует подводить не всю свастику как таковую, а именно «хакенкрюц» – «крюковой крест», стоящий на ребре под углом 45 градусов с концами, направленными по часовой стрелке, который использовался Третьим рейхом².

Тем не менее судебная практика зачастую игнорирует это различие. Так, в деле общин «ВЕК РА» Краснодарский краевой суд, а затем и Верховный Суд Российской Федерации пришли к выводу, что «факт пропаганды изображения свастики сам по себе является достаточным основанием для

¹ Павлов А. Н. Свастика – символ под запретом // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10. С. 138.

² Богдасаров Р. В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М.: «Белые альвы», 2001. С. 20.

признания организации экстремистской». Подобный подход, хотя и упрощает правоприменение, порождает коллизии: древние сакральные символы, не имеющие отношения к нацизму, автоматически приравниваются к запрещенным. Однако в последние годы суды все чаще обращают внимание на контекст использования символа.

Современное правоприменение все чаще исходит не из формы символа, а из его функции и контекста. Свастика как элемент буддийского храма в Калмыкии или славянская вышивка на рубахе в этнографическом музее не являются правонарушением. Но та же свастика на футболке с лозунгом «Слава нации!» или в посте с «хэштегами» радикального толка – уже основание для привлечения к ответственности. Эта дифференциация, хотя и требует привлечения экспертов и тщательного анализа, позволяет избежать формального подхода и сохранить уважение к культурному и религиозному наследию, не жертвуя при этом защитой общества от идеологии ненависти.

В основе проблемы экстремистской символики в России лежит острый конфликт между насущной потребностью в противодействии идеологии ненависти и несовершенством действующего правового регулирования. С одной стороны, государство создало жесткую двухуровневую систему ответственности — административную за первичное нарушение и уголовную за рецидив, что подчеркивает серьезность борьбы с использованием символов для вербовки сторонников и подрыва общественной безопасности. С другой стороны, законодательство не содержит четкого определения «экстремистской символики» и исчерпывающего перечня запрещенных знаков, что порождает правовую неопределенность и риск субъективного толкования закона.

В практике это приводит к тому, что правоприменение все больше смещается в сторону оценки контекста и функции символа, а не только его внешней формы. Однако отсутствие ясных, объективных критериев создает сложности как для правозащитников и граждан, так и для правоохранительных органов. Особенно остро эта проблема проявляется в случаях с историческими и многозначными символами, такими как свастика, что требует от законодателя более точных формулировок для баланса между обеспечением национальной безопасности и защитой культурного наследия и конституционных свобод.

СЕКТАНТСТВО, КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Кирилл Александрович ДРОЗДОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kir-drz@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Владимировна МОРОЗОВА**,
yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема сектантства как одной из форм экстремистской деятельности.

В работе анализируется правовая база регулирования деятельности некоммерческих организаций, раскрывается механизм использования некоммерческих организаций как прикрытия для тоталитарных сект, подрывающих доверие к институту общественных организаций и государству.

Рассматривается феномен неоязычества как одного из направлений религиозного экстремизма, анализируются его течения, идеологические основы и методы вовлечения адептов.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, сектантство, общественная безопасность, некоммерческие организации

Original article

SECTISM AS A FORM OF EXTREMISM

Kirill A. DROZDOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kir-drz@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Vladimirovna MOROZOVA**,
yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract. The article examines the problem of sectarianism as one of the forms of extremist activity.

The paper analyzes the legal framework for regulating the activities of non-profit organizations, reveals the mechanism of using non-profit organizations as a cover for totalitarian sects that undermine confidence in the institution of public organizations and the state.

The phenomenon of neo-paganism is considered as one of the directions of religious extremism, its currents, ideological foundations and methods of involving adherents are analyzed.

Keywords: extremist crimes, sectarianism, public safety, non-profit organizations

В современных условиях Российской Федерации пришлось столкнуться со «скрытой бомбой» в виде некоммерческих организаций, осуществляющих подрывную деятельность против конституционного строя Российской Федерации и ее граждан.

В уголовном законодательстве установлена ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (ст. 282.2 УК РФ), также осуществление деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1 УК). Это обусловлено социально значимой функцией некоммерческих организаций и желанием государства обезопасить потенциально уязвимую среду от преступных посягательств.

Некоммерческие организации, согласно определению данному в ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 № 7 (ред. от 28.11.2025), это организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности.

Именно в виде некоммерческих организаций в правовом поле осуществляют свою деятельность общественные объединения, целями которых являются выполнение социально-значимых функций.

По данным статистики Министерства юстиции Российской Федерации и Росстата, с 2022 года в России нет зарегистрированных некоммерческих организаций социальной направленности, однако, до этого количество регистраций таких организаций с 2012 по 2021 в среднем составляло 120 в год¹.

За последние 10 лет перечень организаций, в отношении которых судом было принято решение о ликвидации или запрете деятельности по

¹ Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: сайт. URL: <https://nko.economy.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2025)

основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), пополнился более, чем 60 организациями.

Многие из этих организаций были религиозными, в том числе, религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящие в ее структуру 350 местных религиозных организаций¹. При этом, согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период с 2019 по 2022 год, после спада 2019 года произошел резкий рост на 38,4 % преступлений экстремистской направленности², а согласно заявлениям заместителя секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Александра Гребенкина, в 2024 году в России зарегистрировали 1,7 тысячи преступлений экстремистской направленности, что почти на треть больше, чем за 2023 год³.

Кроме того, анализируя официальный список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации, можно сделать вывод, что экстремистские организации достаточно часто используют религию в качестве инструмента для распространения своих идей и привлечения пособников, так как религия с древности является одним из самых эффективных методов объединения людей и стимулирования их действий.

На этой почве в разное время возникают различные радикальные религиозные течения, в том числе, радикальные, например, радикальное христианство, радикальное мусульманство и других.

Значительное место среди новых религиозных или псевдорелигиозных учений занимает неоязычество. Вследствие того, что до наших дней сведения о язычестве древних славян и скандинавов дошли обрывками в виде легенд и баллад, язычество, как религия, слабо изучена наукой и практически не освещена в современной культуре.

Попытки увеличить популярность язычества приводят к наполнению древних рун новыми значениями и обрастанию легенд новыми сюжетами, что в свою очередь приводит к появлению неоязычества – неокрепшей религии, используя которую, злоумышленники, подменяя понятия, могут вовлекать в экстремистскую деятельность простых обывателей.

В литературе предлагаются различные определения понятия

¹ Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // minjust.gov.ru (дата обращения: 15.11.2025).

² Обзор правовой статистики о предварительно расследованных преступлениях экстремистской направленности в период с 2009 по наст. время // Портал правовой статистики генеральной прокуратуры РФ: офиц.сайт URL:http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.11.2025).

³ В Совбезе заявили о росте числа преступлений экстремистской направленности // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250331/sovbez-2008302576.html> (дата обращения: 01.12.2025).

неоязычество. Одни предлагают рассматривать его как новую религию, основанную на политеистических верованиях, которая стремится найти новую этническую идентичность и создать новую идеологическую систему¹.

Согласно другой точке зрения неоязычество представляет собой искусственно созданное вероучение, направленное на возрождение национальной духовности и основанное на местных языческих верованиях².

Третьи авторы предлагают считать неоязычество политизированной квазирелигией, которую можно охарактеризовать как форму мифологизированной расовой, этнической и религиозной ксенофобии³.

При этом отмечается, что большинство неоязыческих обществ пропагандируют антихристианские и экстремистские идеи, воспроизводящие религиозную вражду⁴.

Религиовед А. В. Гайдуков предлагает рассматривать неоязычество как совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических, историко-культурных объединений и движений, основанных на дохристианских верованиях, культовых практиках и магических обрядах, целью которых является их реконструкция и возрождение⁵.

В целях обеспечения правильного понимания причин неоязычества для повышения эффективности противодействия его радикальным проявлениям представляется целесообразным определить его содержание как вытекающее из понятия метафизического бунта⁶.

Итак, неоязычество — это одно из проявлений метафизического бунта, вызванного разочарованием как в современной действительности, так и в событиях относительно недавнего прошлого, характеризуется отрицанием христианской традиции и провозглашением языческого культа древних славян и скандинавов.

Неоязычество представляется в виде совокупности различных объединений и движений (религиозных, общественных, политических), основанных на неоязыческих учениях и занимающихся определенной деятельностью. На современном этапе неоязычество разделяется на течения, в зависимости от направления деятельности.

¹ Гурко А. В. Неоязычество в Беларуси: предпосылки и условия возникновения, организационные формы, перспективы / Неоязычество на просторах Евразии. М.: ББИ, 2015. С. 133.

² Шнирельман В. Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство Библейско-Богословского института, 2012. С. 10.

³ Прибыловский, В. Неоязыческое крыло в русском национализме / Панорама. 2012. № 49. С. 137–159.

⁴ Хвыля-Олинтер А. И. Духовно-религиозные основания национальной безопасности России. М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2012. С. 120.

⁵ Гайдуков А. В. Новое язычество, неоязычество, родноверие: проблема терминологии // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Монография / под ред. Р. В. Шиженского. Н. Новгород: Мининский Университет, Типография Поволжье, 2016. С. 24.

⁶ Метафизический бунт – восстание против мировоззрения, против жизненного удела (А. Камю).

Выделяются несколько таких течений: народно-бытовое язычество, этническое язычество, экологическое, целительное, а также радикальные течения (например, «Русское национально-освободительное движение», «Рун-Вера» и т. д.). В том числе поэтому удастся незаметно подменять понятия и открыто пропагандировать фактически националистические лозунги. Например, «Омское славянское объединение» – неформальная молодежная организация, которая, по информации на август 2025 года, продвигала ультраправую идеологию и вовлекала в движение новых участников. Организация была представлена как закрытый чат в мессенджере Telegram. В октябре 2023 года создателя задержали и возбудили против него уголовное дело по статье «Создание экстремистского сообщества». 22 мая 2025 года Центральный районный суд Омска признал «Омское славянское объединение» экстремистской организацией, а 22 августа 2025 года объединение было добавлено в перечень экстремистских организаций, опубликованный на сайте Минюста¹.

Следует признать, что деятельность неоязычников, направленная на возрождение и реконструкцию славянских обрядов, славянского мировоззрения, в определенной мере носит позитивный характер. Само по себе неоязычество не несет экстремистской направленности, и является мирной религией, которой удастся сплотить людей в патриотизме, спорте и многом другом.

Так, Самойлов С. Ф., подчеркивает, что общим среди доктрин всех неоязыческих течений, для всех практик и доктрин неоязычества является отказ от атеизма и монотеизма, провозглашение политеизма и возврат к древним представлениям о богах. Но на этапе представления о богах неоязычество получает очередное разветвление на традиционалистическую – признание возможности возврата к дохристианской традиции, и на модернистскую – призыв адаптации богов к современному эзотерическому мировоззрению, тенденции. Общим же лозунгом как «традиционного», так и «модернистского» направлений современного неоязычества выступает отказ от фундаментальных принципов и ценностей монотеистических религий и тем самым отрицание длительного периода в развитии культуры².

На сегодняшний день все эти атрибуты также остались неизменными. Осталось то же приветствие, стали использовать различные свастики, особую популярность получила свастика под названием «Коловрат», являющаяся экстремистским символом, стали также активно использоваться руны.

¹ Омское славянское объединение* внесли в список террористов // ngs55.ru: сайт. URL: <https://ngs55.ru/text/world/2025/08/14/75827773/> (дата обращения: 01.12.2025).

² Самойлов С. Ф. Идеологические основы противодействия проявлениям экстремизма в неоязыческой среде в деятельности сотрудников оперативных подразделений / Общество и право. 2021. № 1. С. 94.

На основе результатов анализа судебной практики и сайтов Министерства юстиции Российской Федерации и Национального антитеррористического комитета, можно заметить, что на сегодняшний день одной из отличительных черт современного неоязычества стало объединение элементов славянского и скандинавского язычества.

Организации с неоязыческой идеологией в большинстве случаев создаются для нарушения целостности и независимости государства.

Деятельность этих организаций в основном нацелена на привлечение в свои круги молодежи, а также групп лиц, нуждающихся в особой социальной защите, так как именно они больше всего склонны к совершению противоправных деяний. Молодежь в силу их еще неопределенности в мировоззрении, а также в силу отсутствия у них достаточного жизненного опыта проще всего склонить к совершению противоправных деяний, а также убедить их в безобидности, совершаемых ими действий. Группы лиц, нуждающиеся в особой социальной защите, склонны к совершению противоправных деяний в силу потребности в получении средств необходимых для их существования.

Так 11 апреля 2013 г. Рудничный районный суд г. Кемерово вынес обвинительный приговор создателю и участникам общественной организации «Преображение России», которая изначально позиционировала себя как центр избавления от алкогольной и наркотической зависимости. Однако на деле зависимых людей насильно удерживали и заставляли бесплатно трудиться, избивая и унижая. В «Преображении России» была создана устойчивая иерархия, подкрепленная строго определенными правилами поведения и ответственностью за их нарушение, разработан механизм поддержания внутренней дисциплины, четко ориентированный на грубое насилие над гражданами. Находясь на «реабилитации», человек был обязан безвозмездно трудиться. Всем запрещалось употреблять алкоголь, табак и наркотики, а также нецензурно выражаться. За малейшее неповиновение или проступок обязательно следовало наказание. Проведенная религиоведческая экспертиза заключила, что «Преображение России» шло по пути развития типичной тоталитарной секты и имело черты просектантской структуры с криминальным характером. А догмы, которые проповедовались в ней, надерганы из разных религиозных учений и сект и не имели ничего общего ни с православием, ни с другими традиционными конфессиями¹.

Таким образом проблема возникновения новых неоязыческих сект

¹ Розенко С. В. Насилие как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ «создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан». Конференция Верховного Суда. 2014. № 5. С. 87–88.

или группировок, а впоследствии и экстремистских сообществ, и организаций, должна решаться системно.

В основу данной системы должна лечь научная разработка неоязычества, детальное изучение язычества и общественное просвещение, а также разработка методических рекомендаций для правоохранительных органов по выявлению и пресечению незаконной деятельности некоммерческих организаций или иных общественных объединений.

Научная статья

УДК 343.34

ПОСОБНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Роман Дмитриевич ДУРКИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
durkinrom@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы уголовной ответственности за пособничество в совершении преступлений террористической и диверсионной направленности.

Обращается внимание на противоречия в нормативном регулировании, вызванные дублированием понятия пособничества в Общей и Особенной частях УК РФ, а также на сложности квалификации таких деяний в условиях роста диверсионной активности.

Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства, включая исключение избыточного примечания 1.1 к ст. 205.1 УК РФ и уточнение разграничения между терроризмом и диверсией.

Ключевые слова: пособничество, террористическая деятельность, диверсия

COMPLICITY IN COMMITTING TERRORIST AND SABOTAGE-RELATED OFFENSES

Roman D. DURKIN

St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University
of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
durkinrom@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article analyzes issues related to criminal liability for complicity in terrorist and sabotage-related offenses.

Attention is drawn to contradictions in legal regulation caused by the duplication of the concept of complicity in the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to difficulties in qualifying such acts amid the growing incidence of sabotage activities.

Proposals are developed to improve criminal legislation, including the elimination of the redundant Note 1.1 to Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and clarification of the distinction between terrorism and sabotage.

Keywords: complicity, terrorist activity, sabotage

Преступления террористической и диверсионной направленности как одни из наиболее опасных явлений в обществе вынуждают государство применять, определенные законом, меры противодействия. Особенно широкие масштабы подобные преступления приобретают при вовлечении в них большого количества людей, которые хоть и не являются непосредственными исполнителями общественно опасных деяний, но создают необходимые условия для их реализации.

Обсуждаемая исследователями необходимость противодействия деятельности террористической и диверсионной направленности в полной мере поддерживается в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Одним из основополагающих инструментов противодействия является

Уголовный кодекс Российской Федерации, который устанавливает наказание за соответствующие деяния. Также и на межгосударственном уровне можно проследить особое внимание к данной теме, в частности к термину «содействие терроризму»¹.

По законодательному определению пособника (ч. 5 ст. 33 УК РФ) функция последнего состоит в том, что он своими деяниями (действием или бездействием) оказывает исполнителю, организатору, подстрекателю или другому пособнику консультационную, информационную, материальную, физическую и иную помощь в совершении преступления, хотя сам непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления не принимает, не организывает преступление и не возбуждает желания у других соучастников совершить преступление.

В УК РФ выделяют два вида пособничества: физическое и интеллектуальное. Физическое пособничество заключается в оказании соучастникам материальной или практической помощи при совершении преступления, в частности в передаче им средств или орудий, используемых для его совершения.

Интеллектуальное пособничество характеризуется психическим влиянием пособника на сознание и волю исполнителя в целях оказания ему необходимой для совершения преступления интеллектуальной помощи².

Исследователи относят к пособнической деятельности такие действия как: планирование, подготовку, финансирование, вооружение, обучение террористов, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта³.

Ратифицировав Конвенцию Совета Европы «О предупреждении терроризма» в 2006 г., Россия ввела в Уголовный кодекс РФ новую статью 205.1 «Содействие террористической деятельности», которая устанавливает уголовную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ, а также вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя

¹ Серебряков А. В. Становление категории «содействие террористической деятельности» в нормах международного уголовного законодательства // Общество и право. 2010. № 3. С. 140–143.

² Уголовное право. Общая часть : учебник / Д. А. Безбородов, С. А. Бочкарев, Л. В. Готчина [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. 1 CD-R (39,4 МБ). Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD- ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600/16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. Загл. с экрана. Текст : электронный. С. 317.

³ Ульянова В. В. Противодействие финансированию терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 20; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2010. С. 17.

бы одного из указанных преступлений.

Текст статьи 205.1 УК РФ подвергался неоднократным корректировкам. Первые изменения, внесенные в 2009 году, затрагивали лишь уточнение мер наказания, однако последующие модификации существенно изменяли уголовно-правовое регулирование в отношении содействия террористической деятельности. В 2010 году статья была дополнена ч. 3, которая определила ответственность за пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ.

В 2016 году перечень преступлений, содействие которым влечет наказание по части 3 статьи 205.1 УК РФ, был увеличен. В данный список были включены также ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ.

Включение ч. 3 в ст. 205.1 УК РФ было встречено критическими замечаниями со стороны специалистов в области уголовного права. Основной причиной для критики данного решения стало мнение ученых о том, что новая норма нарушает согласованность между положениями Общей и Особенной частей Уголовного кодекса¹.

Утвердилась позиция, согласно которой в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ предусмотрена ответственность пособника, регламентируемая в ч. 5 ст. 33 УК РФ, но уже в качестве исполнителя содействия террористической деятельности, что в результате привело к деструктуризации УК РФ².

Статья 205.1 УК РФ содержит примечание 1.1, в котором раскрывается понятие пособничества, применимое, согласно его определению, исключительно к указанной статье. Данное определение пособничества имеет несколько отличий от положений ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Во-первых, норма Общей части УК РФ дает определение пособнику, а не пособничеству. При этом понятие пособника, предусмотренное частью 5 статьи 33 УК РФ, раскрывается посредством перечисления конкретных действий, составляющих его деятельность. Следовательно, различие заключается лишь в форме изложения, а не в содержании уголовно-правового определения пособничества.

Во-вторых, ч. 5 ст. 33 УК РФ в отличие от прим. 1.1 к ст. 205.1 УК РФ намеренно указывает, что обещание скрыть следы преступника, а равно обещание приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем, должны быть даны пособником заранее, т. е. до совершения преступления исполнителем.

Новый подход к регулированию пособничества в совершении одного

¹ Зарубин А. В. Проблемы уголовно-правовой оценки пособничества террористической деятельности // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012. № 2(07). С. 95.

² Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. №3. С. 352.

из преступлений, указанных в диспозиции части 3 статьи 205.1 УК РФ, породил сложности с правильной квалификацией таких деяний.

Дело в том, что подобные действия одновременно подпадают под норму соответствующего преступления террористической направленности с применением части 5 статьи 33 УК РФ и полностью соответствуют признакам, предусмотренным частью 3 статьи 205.1 УК РФ. В научной литературе предложено множество вариантов решения этой проблемы, которые в обобщенном виде можно разделить на две основные группы.

Некоторые авторы считают, что содеянное следует квалифицировать по правилам идеальной совокупности преступлений¹. Другие исследователи отвергают такой подход, указывая, что квалификация по совокупности приводит к двойному осуждению за одно и то же деяние, что противоречит принципу справедливости, закрепленному в части 2 статьи 6 УК РФ².

Верховный Суд Российской Федерации разделяет вторую точку зрения. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) указано, что деяние в таком случае квалифицируется по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, а дополнительное вменение статьи, предусматривающей ответственность за конкретное преступление, совершению которого содействовал пособник, не требуется³.

Помимо указанных различий положения ч. 5 ст. 33 УК РФ и примечания 1.1 к ст. 205.1 УК РФ совпадают дословно. Данное обстоятельство приводит к выводу об отсутствии необходимости существования самостоятельного определения пособничества в статье Особенной части УК РФ, которое может лишь дезориентировать правоприменителя, особенно с учетом наличия указанных технических ошибок.

Исходя из этого, Тарбагаев А. Н. и Москалев Г. Л. считают нужным рекомендовать законодателю исключить прим. 1.1 из ст. 205.1 УК РФ⁴.

Особое внимание стоит уделить термину «заранее обещанное». Именно предварительно состоявшееся соглашение между пособником и исполнителем последний, надеясь на помощь и поддержку пособника,

¹ Серебряков А. В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности // Общество и право. 2010. № 4. С. 193.

² Докуев А. А. Соотношение уголовно-правовой нормы об ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и норм о соучастии в преступлениях террористического характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 4. С. 107.

³ Серебряков А. В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 28.

⁴ Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. №3. С. 352.

укрепляется в решимости совершить преступление.¹

Необходимо подчеркнуть, что содействие совершению преступления при данной форме пособничества заключено в самом факте обещания, а не в последующем укрывательстве преступления.

Это значит, что невыполнение обещанного не освобождает лицо от уголовной ответственности.

Следует разграничить пособничество террористической деятельности и пособничество диверсионной деятельности. Это необходимо сделать, т. к. ошибки при квалификации преступлений могут повлечь нарушение фундаментальных принципов уголовного права, прежде всего – принципа законности. Кроме того, такие ошибки способны сформировать у граждан искаженное представление об уровне общественной опасности конкретного преступного деяния.

Различия между террористическим актом и диверсией заключаются в предмете преступления. В первом случае конкретный предмет, на который направлены действия, перечисленные в диспозиции ст. 205 УК РФ, не указан, что свидетельствует о том, что взрыв, поджог и иные действия могут быть направлены на различные объекты, не являющиеся определяющими для квалификации содеянного.

Предметом же преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, выступают предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, т. е. ограниченный круг объектов, в отношении которых могут совершаться взрыв, поджог и иные действия, квалифицируемые как диверсия².

По своей природе диверсия представляет собой тайные и скрытые действия, которые заведомо не предполагают публичного освещения. В отличие от этого, террористы, напротив, стремятся действовать максимально демонстративно, открыто заявляя о своих требованиях.

Фактическое сходство между диверсионной и террористической деятельностью получило свое формальное закрепление в новых нормах уголовного законодательства. В отличие от диверсии, терроризм представляет собой более сложное и многогранное явление, сочетающее в себе опасную идеологию и соответствующую практику, реализуемую через террористическую деятельность. Эта деятельность охватывает разнообразные преступления террористической направленности, включая террористический акт, который является смежным составом по отношению к диверсии.

¹ Безбородов Д. А. Виды соучастников преступления : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 59.

² Тутуков А. Ю., Татаров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №6. С. 170.

Иванцов С. В. и Борисов С. В. считают, что «сопоставление статей 281.1, 281.2 и 281.3 со статьями 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ также позволяет заключить, что противодиверсионные уголовно-правовые новеллы основаны на устоявшихся антитеррористических положениях уголовного закона, предусматривающих ответственность за содействие террористической деятельности, обучение в целях осуществления последней, создание террористического сообщества, руководство таковым и участие в нем»¹.

Необходимость повышения эффективности противодействия пособничеству диверсионной деятельности обусловлена ее интенсификацией в период проведения специальной военной операции. Диверсии, наряду с террористическими актами, превратились в характерные формы враждебной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации. Так, по данным МВД России на 22 января 2024 г., с момента начала специальной военной операции в России было совершено 184 диверсии на железных дорогах, за их совершение было задержано 141 лицо, в том числе 59 несовершеннолетних. Данные преступления в основном совершены за материальное вознаграждение. Также полиция зарегистрировала 220 нападений на органы государственной власти, преимущественно состоявших в поджогах военкоматов².

Таким образом пособничество в террористической и диверсионной деятельности представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности и общественному порядку, особенно в условиях современных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию. Участие лиц, не являющихся непосредственными исполнителями преступлений, но создающих условия для их реализации, значительно расширяет масштабы угрозы и требует эффективного правового реагирования.

Российское уголовное законодательство последовательно совершенствуется в целях противодействия терроризму и диверсиям. Введение и последующие изменения статьи 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»), включая появление части 3, направлены на усиление ответственности за пособничество. Однако данные новеллы вызвали дискуссии в научном сообществе из-за нарушения системности Уголовного кодекса – дублирования понятия пособничества и конфликта между нормами Общей и Особенной частей.

Существует сложность в разграничении ответственности по статье 205.1 УК РФ и по общим нормам соучастия (ст. 33 УК РФ). Научное сообщество и судебная практика склоняются к тому, что при наличии признаков пособничества в террористической деятельности квалификация должна

¹ Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 79.

² В МВД назвали число совершенных в России диверсий на железной дороге // URL: https://dzen.ru/a/Za4qmVJL_ms0gEuL (дата обращения: 29.10.2025).

осуществляться исключительно по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, без привлечения к ответственности по основному составу преступления. Это позволяет избежать нарушения принципа справедливости и двойного наказания за одно деяние.

Примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, содержащее отдельное определение пособничества, является избыточным и потенциально вводящим в заблуждение правоприменителей. Многие исследователи рекомендуют его исключить, поскольку оно практически дублирует положения ч. 5 ст. 33 УК РФ, но содержит технические неточности (например, отсутствие требования «заранее данного обещания»).

Несмотря на внешнее сходство (применение взрывов, поджогов и т.п.), террористический акт и диверсия различаются по объекту посягательства, целям и характеру действий. Терроризм носит публичный, демонстративный характер и направлен на запугивание населения, тогда как диверсия – скрытое посягательство на стратегически важные объекты инфраструктуры. Эти различия требуют четкой квалификации для соблюдения принципа законности и адекватной оценки общественной опасности деяний.

В условиях специальной военной операции наблюдается рост диверсионной активности, в том числе с участием несовершеннолетних и иностранных агентов. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия пособничеству в диверсионной деятельности, аналогично уже существующим антитеррористическим нормам.

Научная статья
УДК 343.23

ПРОБЛЕМА ПОЛИМОТИВНОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наталия Петровна ЕВСЮГИНА¹, София Юрьевна ТОКМАКОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ nataliaevsyugina@yandex.ru

² sofiyatokmakova87113@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема полимотивности при квалификации преступлений в уголовном праве. Анализируется противоречие между устоявшимся правилом о единстве ведущего мотива в умышленном преступлении и законодательными новеллами, допускающими конкуренцию мотивов.

Особое внимание уделяется критическому анализу состава «экстремистского» хулиганства, где законодатель допустил одновременное наличие хулиганских и экстремистских побуждений.

Рассматриваются также проблемы квалификации убийства двух и более лиц при разных мотивах, возникающих как изначально, так и в процессе совершения преступления. На основе анализа судебной практики и научной доктрины доказывается необходимость выделения доминирующего мотива для точной квалификации содеянного.

Ключевые слова: полимотивность, квалификация преступлений, конкуренция мотивов, доминирующий мотив

Original article

THE PROBLEM OF POLYMOTIVENESS IN CRIME CLASSIFICATION

Natalia P. EVSYUGINA¹, Sofia Y. TOKMAKOVA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,

¹ nataliaevsyugina@yandex.ru

² sofiyatokmakova87113@gmail.com

Scientific supervisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. This article examines the problem of polymotivity in the classification of crimes in criminal law. It analyzes the contradiction between the established rule of a single, dominant motive in an intentional crime and legislative innovations that allow for competing motives.

Particular attention is given to a critical analysis of the elements of «extremist» hooliganism (clause «b» of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation), where the legislator has allowed for the simultaneous presence of hooligan and extremist motives.

The article also examines the issues of classifying the murder of two or more persons with different motives, both initially and during the commission of the crime. Based on an analysis of judicial practice and scientific doctrine, the need to identify the dominant motive for an accurate classification of the act is demonstrated.

Keywords: polymotivity, crime classification, competing motives, dominant motive

В системе субъективной стороны преступления мотив традиционно рассматривается как внутренняя двигательная сила, детерминирующая поведение лица в процессе совершения инкриминируемого ему деяния. Однако в правоприменительной практике нередко возникает ситуация полимотивности, когда преступление обуславливается сложным переплетением двух или более внутренних побуждений. Данное явление ставит перед органами дознания, предварительного следствия и суда сложную квалификационную задачу, связанную с необходимостью разграничения и юридической оценки конкурирующих мотивов, их иерархизации и определения их влияния на окончательную уголовно-правовую квалификацию содеянного.

Доктриной уголовного права и судебной практикой выработано правило, согласно которому в умышленном преступлении может быть лишь один ведущий мотив, имеющий уголовно-правовое значение.

Так, при квалификации убийства суды, руководствуясь разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 № 1 (ред. от 03.03.2015), исходят из того, что вменение любого квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, который характеризует мотив или цель преступления, в том числе совершение преступления из хулиганских побуждений, исключает возможность квалификации деяния по любому другому признаку из ч. 2 ст. 105 УК РФ, относящемуся к субъективной стороне преступления.

Вместе с тем, анализ отдельных уголовно-правовых норм и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации позволяет констатировать исключение из данного общепринятого правила.

Речь идет о п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – составе преступления, которое в научной литературе уже именуется «экстремистским» хулиганством. По смыслу УК РФ, в таком хулиганстве виновный, не имея при этом существенного повода, стремится грубо нарушить общественный порядок, выразить явное неуважение к обществу и одновременно с этим испытывать вражду либо ненависть к какой-либо социальной группе или ее представителям в связи с их расовой принадлежностью или национальной, идеологией, отношением к религии, а также иным отличительным признакам.

Так, например, суд квалифицировал действия К. в отношении

потерпевшего А. как убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, организованной группой, из хулиганских побуждений, по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды.

Такой вывод основывался на том, что подсудимый нападал на лиц неславянского происхождения с целью возбуждения национальной, расовой вражды, демонстрируя превосходство русской национальности над другими народностями, потерпевшие подвергались нападению, потому что они иной, нежели подсудимый, национальности, что свидетельствует, что виновный действовал по мотиву национальной и расовой ненависти и вражды.

Квалифицируя эти же убийства как хулиганские, суд исходил из того обстоятельства, что подсудимый нападал на лиц неславянского происхождения в общественных местах города, причем подсудимый ранее потерпевших не знал, последние своим поведением никоим образом не провоцировали конфликт, а подверглись нападению лишь по причине иной, нежели виновные, национальности»¹.

Мы считаем, что предложенное сочетание мотивов является некорректным ввиду их взаимного исключения. Преступлениям экстремистской направленности присуща избирательное проявление ненависти не на общество в целом, а на конкретную социальную группу, что образует существенный признак их мотивационной структуры.

Субъекты подобных преступлений, идентифицируя себя с доминирующей частью общества, зачастую действуют под влиянием искаженного представления об общественном благе. При этом жертвой становится не случайный индивид, а носитель особых признаков и черт.

Существующая в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ формальная возможность одновременного существования экстремистских и хулиганских побуждений создает системную проблему в правоприменении. Эта законодательная конструкция существенно ограничивает потенциал судебного толкования, поскольку блокирует формирование универсального правового подхода к квалификации деяний с полимотивной структурой. Отсутствие четких критериев дифференциации мотивационных комплексов препятствует выработке последовательной судебной практики по делам, содержащим конкурирующие мотивы.

Помимо этого, также существует проблема конкуренции мотивов в случае убийства двух и более лиц, когда содеянное подпадает под признаки п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (сложное единичное составное преступление), в том числе если преступное посягательство направлено на несколько объектов с различной мотивацией и такие убийства не объединены единым умыслом.

¹ Приговор Московского городского суда от 28 октября 2010 года № 2-63-28/10. Цит. по: Иванов А. Л. Конкуренция мотивов и (или) целей при квалификации убийства двух или более лиц // Уголовное право. 2016. № 6. С. 27.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации, обязывающая правоприменителя выделять один доминирующий мотив из всей их совокупности при заранее возникшем умысле на убийство двух и более лиц, логически вытекает из устоявшегося правила о конкуренции мотивов, применяемого к убийству одного лица, сформулированном в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025).

Однако на практике зачастую возникает вопрос, как быть, если виновный сразу же замыслил совершить убийство двух лиц по разным мотивам, например, – одного из экстремистских, а другого – из корыстных побуждений.

Очевидно, что при таких условиях выявить доминирующий мотив будет достаточно трудно, а то и вовсе невозможно. Аналогичный вопрос возникает при квалификации содеянного, когда умысел на убийство второго потерпевшего возник в процессе убийства первого, например, когда в ходе сопряженного с разбоем убийства неожиданно для преступника появляется нежелательный для того очевидец преступления.

Например, М. совершено убийство Г., сопряженное с разбоем. За совершение этого преступления М. не был осужден, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений он совершил убийство М., затем с целью сокрытия этого преступления в тот же день он совершил убийство М. С учетом этих требований закона действия М., связанные с причинением смерти Г., М. и М., квалифицированы по пп. «а», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, т. е. умышленное причинение смерти двум и более лицам, сопряженное с разбоем, совершенное с целью скрыть другое преступление»¹. Таким образом, мы можем наблюдать противоречие в позициях Верховного Суда по данному вопросу, требующее уточнения.

В советский период существования уголовного права проблему конкуренции мотивов и целей преступления в случае их множественности судебная практика предлагала решать, например, следующим образом: пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», устанавливал, что «умышленное убийство двух или более лиц характеризуется единством преступного намерения виновного и, как правило, совершается одновременно. В случаях, когда смерть двум или более лицам причинена действиями, не охватываемыми единством намерения виновного, содеянное предлагалось расценивать как несколько убийств»².

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2012 г. № 88-о12-24. URL: https://dogovor-urist.ru/sudebnaya_praktika/delo/88-o12-24/. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Борисевич М. М. Проблема конкуренции мотивов и целей при квалификации преступлений //

Представляется, что данный подход является в наибольшей степени соответствующим принципам назначения наказания.

Мы полагаем, что такой подход является наиболее правильным, поскольку он соответствует как теории уголовного права, так и практике высшего судебного органа России. Следует согласиться с позицией А. И. Рагога, считающего теоретически необоснованной квалификацию одного деяния одновременно по двум мотивам, если каждый из них выступает в роли самостоятельного квалифицирующего признака.

В подобной ситуации правовая оценка содеянного должна определяться доминирующим мотивом, который при анализе субъективной стороны состава преступления необходимо рассматривать в неразрывной связи с содержанием умысла виновного¹.

При этом, мы признаем реальную возможность одновременного наличия у виновного нескольких мотивов в момент совершения преступления. Однако именно определение основного, системообразующего мотива позволит точно квалифицировать содеянное и дифференцировать уголовную ответственность.

Изменения же, внесенные в ст. 213 УК РФ, по нашему мнению, достаточно спорные и противоречивые, на наш взгляд, не должны менять сложившуюся практику квалификации убийств при наличии нескольких мотивов.

Научная статья **УДК 343.326**

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ», КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Сергей Владимирович ЕСИН

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия, sereja20060706@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Александр Александрович КАШКАРОВ**

Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 декабря 2020 года. Том Часть 2. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2020. С. 185.

¹ Рагог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам : монография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 203.

Аннотация. В связи с современной геополитической обстановкой, а также стремительной цифровизацией общества наиболее остро стоит вопрос обеспечения национальной безопасности государства и охраны основ конституционного строя от преступных посягательств, совершенных в сети «Интернет».

В данной статье автор анализирует актуальные статистические данные, а также состояние российского законодательства в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности в информационной среде.

Особое внимание уделяется проблемным вопросам профилактики и пресечения экстремистских преступлений в сети «Интернет».

Ключевые слова: национальная безопасность, противодействие экстремизму, сеть «Интернет», статистика, цифровизация

Original article

EXTREMIST CRIMES COMMITTED ON THE INTERNET, AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Sergey V. ESIN

Crimean Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Simferopol, Russia, sereja20060706@mail.ru

Scientific advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Alexander Aleksandrovich KASHKAROV**

Abstract. Due to the current geopolitical situation, as well as the rapid digitalization of society, the issue of ensuring the national security of the state and protecting the foundations of the constitutional system from criminal encroachments committed on the Internet is the most urgent.

In this article, the author analyzes current statistical data, as well as the state of Russian legislation in the field of countering extremist crimes in the information environment.

Special attention is paid to problematic issues of prevention and suppression of extremist crimes on the Internet.

Keywords: national security, countering extremism, the Internet, statistics, digitalization.

В настоящее время борьба с угрозами национальной безопасности стала первостепенной задачей современного государства. Особое внимание

правоохранительными органами уделяется состоянию законности и правопорядка в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», которые часто служат способом трансляции не только общественно-полезных и рекомендуемых форм поведения граждан, но преступных явлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, общества и личности.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Основными угрозами государственной и общественной безопасности в современных реалиях выступают:

- 1) разведывательная деятельность специальных служб иностранных государств, наносящая ущерб национальным интересам;
- 2) деятельность радикальных общественных объединений, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;
- 3) деятельность преступных организаций, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, взрывчатых веществ, торговлей людьми и др.¹.

Противоправное поведение, обусловленное, в том числе, влиянием контента, размещаемого в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», представляет опасность для различных общественных институтов, характеризуясь латентностью, высокой степенью повторяемости, деструктивностью и опасной самодетерминацией, формированием «резерва» для повторной и рецидивной преступности².

Особую опасность для национальной безопасности государства в настоящее время представляют преступления экстремистской направленности, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», поэтому одним из приоритетных направлений

¹ Бикмашев В. А. Преступления против основ конституционного строя – преступления против национальной безопасности Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 1–2.

² Никуленко А. В. Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 92.

государственной политики является противодействие экстремизму, что закреплено как в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114 (ред. от 27.10.2025), так и в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» от 28 декабря 2024 № 1124.

Актуальность данной проблемы обусловлена также статистическими данными, согласно которым в период с января по сентябрь 2025 г. МВД России зарегистрировано 589 случаев публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ст. 280 УК РФ), что на 65 % больше, чем за аналогичный период в прошлом году¹.

Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400 закрепляет основы правовой политики борьбы с экстремизмом в сети «Интернет» и ставит главной целью – защиту основ конституционного строя России, общественной безопасности от внешних и внутренних угроз, проявлений экстремизма.

В связи с повышенной публикационной активностью пользователей сети «Интернет» публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности представляют существенную угрозу безопасности личности, общества и государства. УК РФ устанавливает ряд составов преступлений экстремистской направленности, в которых публичность указана в качестве признака объективной стороны (статьи 280, 282 УК РФ). В числе наиболее популярных цифровых платформ для распространения экстремистских материалов выступают социальные сети, мессенджеры, видеохостинги.

Несмотря на сложности, возникающие в деятельности правоприменителей по противодействию экстремизму в сети «Интернет», раскрываемость данных преступлений в настоящее время стремительно растет (в период за январь-сентябрь 2025 г. показатели увеличились на 37,3 %)², что свидетельствует о повышении эффективности правоохранительной деятельности в указанной сфере.

В настоящее время обсуждается необходимость внесения изменений и дополнений в уголовный закон в части деяний лиц, способствующих совершению преступлений экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет».

Предлагается установить уголовную ответственность в отношении

¹ Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/15123414>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/15123414>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

владельцев, менеджеров и администраторов различных интернет-ресурсов, социальных сетей и мессенджеров, если данные лица не будут предпринимать действия и обеспечивать принятие различных мер по недопущению распространения деструктивной информации, содержащей признаки преступного поведения¹.

На наш взгляд, внесение подобных изменений в уголовный закон будет чрезмерно, поскольку у правоприменителей возникнут трудности по определению умысла, направленного на трансляцию такой информации, а также установлению непосредственного выполнения объективной стороны указанными лицами преступного деяния, содержащего в себе экстремистские проявления в форме высказываний, возбуждения ненависти и т. д.

В сложившейся обстановке, самым распространенным способом борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет», выступает блокировка интернет-ресурсов с экстремистскими материалами.

Вместе с тем такой способ характеризуется некоторыми недостатками, поскольку существует множество способов обхода блокировки, кроме того, наряду с противоправной информацией может быть заблокирована информация, не относящаяся к экстремистской, может быть нарушена работа различных электронных средств, связанных с сетью «Интернет». Следовательно, борьба с распространением экстремистских материалов должна заключаться в борьбе непосредственно с авторами запрещенных материалов.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что одним из приоритетных направлений государственной политики и правоохранительной деятельности в настоящее время является противодействие экстремистским преступлениям в сети «Интернет».

Важность осуществления указанной деятельности продиктована современными геополитическими условиями и тенденциями развития общества, в котором информационно-телекоммуникационные сети все чаще становятся способом трансляции преступного поведения, посягающего не только на охраняемые законом интересы общества и личности, но и на безопасность государства, в целом.

¹ Шикула И. Р., Афанасьев М. В., Яньшина С. В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях // Образование и право. 2024. № 9. С. 333.

Научная статья
УДК 343.23

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ, ГЕРМАНИИ И США**

Егор Иванович ЖДАНОВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия, egor.zdanow2004@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук **Алла Сергеевна СИЗОВА**, kurganovaalla58@gmail.com

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия распространению экстремистских материалов в сети «Интернет» через репосты и комментарии в социальных сетях. Исследуются особенности правового регулирования в Российской Федерации, Германии и США, выявляются различные подходы к квалификации противоправных деяний и привлечению к ответственности.

Особое внимание уделяется деятельности Роскомнадзора и других государственных органов в России, германской системе регулирования на основе Закона о правоприменении в сетях (NetzDG), а также американской модели, основанной на приоритете свободы слова.

Анализируется эффективность применяемых мер и их соответствие современным вызовам в условиях цифровизации.

Ключевые слова: Экстремизм, сеть «Интернет», репосты, комментарии, уголовная ответственность, Роскомнадзор, законодательство, сравнительный анализ, социальные сети, противодействие экстремизму

Original article

**CRIMINAL LAW COUNTERMEASURES AGAINST THE SPREAD
OF EXTREMISM ON THE INTERNET: A COMPARATIVE ANALYSIS
OF LEGISLATION IN RUSSIA, GERMANY, AND THE USA**

Egor I. ZHDANOV

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, egor.zdanow2004@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. The article provides a comparative analysis of criminal law measures to counter the spread of extremist materials on the Internet through reposts and comments on social networks. The features of legal regulation in the Russian Federation, Germany and the United States are investigated, and different approaches to the qualification of illegal acts and prosecution are identified.

Special attention is paid to the activities of Roskomnadzor and other state bodies in Russia, the German regulatory system based on the Network Enforcement Act (NetzDG), and the American model based on the priority of freedom of speech.

The effectiveness of the applied measures and their compliance with modern challenges in the context of digitalization are analyzed.

Keywords: Extremism, internet, reposts, comments, criminal liability, Roskomnadzor, legislation, comparative analysis, social networks, countering extremism

Современное развитие информационных технологий коренным образом изменило способы распространения экстремистских идей. В условиях цифровизации особую актуальность приобретает вопрос противодействия распространению экстремистских материалов через репосты и комментарии в социальных сетях. Как отмечают Абдуразаков А. А. и Юнусов Э. А., в российском праве понятие «экстремистская деятельность» и «экстремизм» тождественны, и используются как синонимы¹. Данное понятие, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), составляет основу правового регулирования в данной сфере.

Согласно исследованию Абдуразакова А. А. и Юнусова Э. А., экстремистская деятельность представляет собой идеологию насилия, направленную на разрешение политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов. Авторы подчеркивают, что «экстремистская идеология» включает в себя «пропагандирующих насильственные и иные противоправные действия»², что автоматически предполагает более широкий объем данного термина.

Перенос экстремистской деятельности в интернет-пространство обус-

¹ Абдуразаков А. А., Юнусов Э. А. Содержание и соотношение понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 491.

² Там же.

ловлен рядом факторов. Как отмечают Туркин С. и Ульянова Е., к ним относятся: «анонимность доступа к большинству ресурсов», «возможность максимально оперативного доступа к информации», «богатый видеоряд: использование графики, анимации», а также «престижность сети «Интернет» как средства массовой информации в молодежной субкультуре»¹.

В Российской Федерации сформирована комплексная система противодействия распространению экстремизма в сети «Интернет», ключевую роль в которой играет Роскомнадзор. В рамках своих полномочий Роскомнадзор осуществляет ведение Единого реестра запрещенной информации, взаимодействие с хостинг-провайдерами и блокировку ресурсов, распространяющих запрещенную информацию. Помимо Роскомнадзора, в систему противодействия экстремизму входят МВД России, ФСБ России и Генеральная прокуратура Российской Федерации, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, противодействуют экстремизму в сфере обеспечения государственной безопасности и координируют деятельность правоохранительных органов.

Основными статьями УК РФ, применяемыми в данной сфере, являются статья 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и статья 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды»). Как отмечает Олейникова П. А., объективная сторона преступления по статье 280 УК РФ выражается в «обращениях к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности»².

Особенностью российского подхода является приравнивание репоста к распространению информации. После реформы 2018 года уголовная ответственность по статье 282 УК РФ за деяния, совершенные впервые, наступает только при повторном нарушении в течение года.

В Германии противодействие экстремизму в сети «Интернет» строится на принципах защиты демократического строя при сохранении свободы слова. Основными нормативными актами являются § 130 Уголовного кодекса ФРГ («Подстрекательство к ненависти»), § 86 Уголовного кодекса ФРГ, запрещающий распространение пропаганды «враждебных конституций» организаций, и Закон о правоприменении в сетях (NetzDG) 2017 года, обязывающий социальные платформы удалять запрещенный контент в течение 24 часов.

Как отмечается в исследовании Скибо Т. Ю., Енютин М. В. и Гасова В. Ю., «немцы подходят к решению данной проблемы весьма скрупу-

¹ Туркин С., Ульянова Е. Зарубежный опыт противодействия экстремистским тенденциям в Интернете // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3(44). С. 3.

² Олейникова П. А. Уголовная ответственность за лайки и репосты – проблемы квалификации и наказания за содеянное // E-Scio. 2020. № 7(46). С. 95.

лезно, различая правый, левый, исламистский и зарубежный экстремизм»¹. При этом репост экстремистского контента может быть приравнен к распространению, однако немецкие суды уделяют значительное внимание контексту и доказыванию умысла.

В США подход к регулированию экстремизма в сети «Интернет» принципиально отличается от европейского и российского. Как отмечают исследователи, «в политической и законодательной практике США проводится разделение понятий «экстремизм» и «терроризм». Если последний воспринимается как действительно серьезная угроза, то к экстремистской деятельности американские власти относятся довольно терпимо»².

Основой американского подхода является Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу слова. Уголовное преследование возможно лишь в исключительных случаях, соответствующих критерию «непосредственного подстрекательства» к незаконным действиям, установленному в деле *Brandenburg v. Ohio* (1969). Как отмечают Туркин С. и Ульянова Е., в США «шансы на уголовное преследование подобных высказываний, в особенности размещенных в сети «Интернет», близки к нулю»³.

Проведенный анализ показывает три различных подхода к регулированию ответственности за репосты и комментарии экстремистского содержания. Российская модель характеризуется созданием комплексной системы государственных органов, осуществляющих противодействие экстремизму в сети «Интернет», с акцентом на превентивные меры и строгую уголовную ответственность за распространение запрещенных материалов.

Германская модель отличается сбалансированным подходом с акцентом на контекст и обязательное доказывание умысла, сочетая уголовно-правовые запреты с активной ролью интернет-платформ. Американская модель основывается на приоритете свободы слова и устанавливает уголовную ответственность только за высказывания, представляющие непосредственную угрозу общественной безопасности.

Несмотря на системный характер российского подхода, его практическая реализация, в части привлечения к уголовной ответственности за репосты, вызывает серьезную дискуссию о соразмерности и справедливости. Критики указывают, что автоматическое приравнивание репоста к распространению экстремистских материалов без учета контекста, цели и отсутствия прямого умысла может вести к необоснованному преследованию

¹ Скибо Т. Ю. Енютина М. В., Гасов В. Ю. Противодействие молодежному экстремизму в России и в мире: сравнительный анализ // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 7(7). С. 190.

² Туркин С. Ульянова Е. Зарубежный опыт противодействия экстремистским тенденциям в Интернете // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3(44). С. 5.

³ Там же.

граждан. Действие пользователя, совершенное по незнанию, из любопытства или с целью критики, может быть истолковано как уголовно наказуемое деяние.

В этой связи, позитивный опыт зарубежных юрисдикций мог бы быть учтен для оптимизации российского законодательства:

У Германии целесообразно позаимствовать принцип контекстуального анализа и обязательного доказывания умысла. Германские суды, в отличие от российских, тщательно исследуют обстоятельства публикации: сопровождающий комментарий, общую направленность аккаунта пользователя и наличие прямой цели подстрекать к ненависти. Внедрение этого подхода в российскую правоприменительную практику позволило бы отличать реальных распространителей экстремистской идеологии от пользователей, действовавших без злого умысла.

У США полезным был бы стандарт непосредственного и неизбежного подстрекательства к незаконным действиям. Хотя американская модель в целом неприменима в российских условиях, этот строгий критерий позволяет отсекаать абстрактные высказывания, фокусируясь на высказываниях, представляющих конкретную и непосредственную угрозу. Его адаптация помогла бы сосредоточить уголовное преследование на наиболее общественно опасных деяниях, повысив тем самым целесообразность и эффективность работы правоохранительных органов.

Таким образом, для повышения справедливости правоприменения российской системе необходимо сместить акцент с формального распространения информации на доказывание реального умысла и общественной опасности конкретного действия пользователя.

Как справедливо отмечается в исследовании Скибо Т. Ю., Енютин М. В. и Гасова В. Ю., «в условиях глобализации наиболее перспективным направлением и эффективным способом борьбы с терроризмом является его предупреждение»¹, что требует комплексного подхода к решению проблемы и развития международного сотрудничества в данной сфере.

¹ Скибо Т. Ю., Енютин М. В., Гасов В. Ю. Противодействие молодежному экстремизму в России и в мире: сравнительный анализ // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 7(7). С. 192.

О ДЕТЕРМИНАЦИИ И МОТИВАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

Ксения Павловна ЖУРИКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
k.zhuvur14@gmail.com

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается государственная измена, выделяются причины и мотивы ее совершения.

Обращается внимание на проблемы выявления государственной измены с учетом мотивов совершения исследуемого преступления.

Разработаны предложения по совершенствованию практики выявления и предупреждения государственной измены с учетом детерминант и мотивов преступления.

Ключевые слова: преступление, государственная измена, пожизненное лишение свободы

Original article

ON THE DETERMINATION AND MOTIVATION OF HIGH-STATE TREASON

Ksenia P. ZHURIKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, k.zhuvur14@gmail.com

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article examines high treason, highlights the causes and motives for its commission.

Attention is drawn to the problems of detecting high treason, taking into account the motives for committing the crime under investigation.

Proposals have been developed to improve the practice of detecting and preventing high treason, taking into account the determinants and motives of the crime.

Keywords: crime, high-trust treason, life imprisonment

На современном этапе развития Российской Федерации наблюдается непростая ситуация в рамках международных отношений в связи со сложной геополитической обстановкой. В России целостность государства и его суверенитет являются основами конституционного строя, которые определяют основные принципы организации государства как субъекта политических отношений и самостоятельного института.

Внешняя безопасность выступает неотъемлемым элементом поддержания целостности государства, его важность определяется тем, что преступления, посягающие на представленные общественные отношения, выделяются в отдельную главу 29 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Конфронтационный характер международных отношений в последнее время определяет значимость для рассмотрения указанной группы преступлений. Так, в России за первое полугодие 2025 года было вынесено 105 обвинительных приговоров за государственную измену¹.

Статистика преступлений данной категории несколько лет подряд показывает, что с каждым годом количество преступлений, квалифицируемых как государственная измена, растет. Если за 2023 год, по статье 275 УК РФ были осуждены 39 человек, то уже в 2024 году количество данных лиц превысило 130 человек. Нередкими субъектами совершенных преступлений выступают молодые люди в возрасте до 24 лет².

Растущая тенденция совершения преступлений, посягающих на безопасность государства, делает их наиболее интересными к подробному рассмотрению, в том числе и с криминологической точки зрения, на предмет выявления причин и особенностей.

В ст. 275 УК РФ дано следующее определение государственной измены: совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации

¹ С января по июнь 2025 года в РФ за госизмену осудили 105 человек [Электронный ресурс] // Вести.Ру. URL: <https://www.vesti.ru/article/4742778> (дата обращения: 23.10.2025).

² В России в 2024 году число приговоров за госизмену выросло почти в четыре раза [Электронный ресурс] // Тасс.Ру. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23704899> (дата обращения: 23.10.2025).

или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

В свою очередь, примечания к данной статье дают подробные разъяснения, что относится к каждому из зафиксированных в диспозиции статьи деяний. Представленные деяния создают реальную угрозу национальной безопасности государства.

Стоит отметить, что данная формулировка статьи на протяжении долгих лет оставалась неизменной и лишь в 2022 году была дополнена новым деянием – переходом на сторону противника. Уточнение объективной стороны рассматриваемого преступления обусловлено сложной внешнеполитической обстановкой и необходимостью повышения эффективности борьбы с такими преступлениями.

Диспозиция рассматриваемой уголовно-правовой нормы закрепляет, что субъектами государственной измены могут быть лица, являющиеся гражданами Российской Федерации, а совершение шпионажа (ст. 276 УК РФ) предусматривает ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства.

В этом аспекте представляется сложным процесс привлечения данных лиц к уголовной ответственности в связи с тем, что нередко им предоставляются политические убежища тех стран, в интересах которых они совершали противоправную деятельность¹. В литературе выделяется корыстный мотив, на основании которого лицо, преимущественно руководящего состава передает закрытую информацию иностранным государствам.

Однако государственная измена может осуществляться и путем оказания поддержки иностранного государства посредством предоставления технических и материальных ресурсов, что может выступать показателем в том числе и идеологических мотивов совершения преступления².

Мотивы и цели могут быть разнообразными. Помимо вышеназванных к таковым относятся и духовные особенности человека, его трусость и малодушие, они не имеют значения для квалификации, но подлежат обяза-

¹ Яковлев Н. А. Государственная измена и шпионаж: проблемы правоприменения // Моя профессиональная карьера. 2020. №10. С. 135.

² Ким Е. В. Ким А. В., Зуева К. А. Уголовно-правовая характеристика государственной измены // Ученые заметки ТОГУ. 2014. №4. С. 396-400.

тельному установлению, так как важны для определения меры ответственности¹.

В последнее время судебная практика показывает, что причиной совершения государственной измены является вовлечение в преступление под угрозой разоблачения важной для лица информации или путем манипулирования иным воздействием на лицо или членов его семьи.

Вынесенные судом за последние годы приговоры показывают, что преступления, квалифицируемые правоприменителем как государственная измена, совершаются лицами преимущественно на фоне непринятия проводимой государством внешней политики.

Так, приговором Московского областного суда было предъявлено обвинение гражданину Российской Федерации в совершении умышленного создания условий для совершения поджога, направленного на разрушение и повреждение объектов транспортной инфраструктуры в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Из материалов дела видно, что преступление было совершено под влиянием представителей Украины с помощью интернет-технологий².

Важно отметить, что уголовно-правовая политика в связи с особой важность объекта посягательства данного рода преступлений и участвовавшими случаями их совершения направлена на ужесточение наказания за преступления. Федеральным законом от 28 апреля 2023 № 157-ФЗ были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающие введение пожизненного лишения свободы за государственную измену.

Кроме того, правоприменительная практика строится на назначение наиболее строгого вида наказания за совершение данного преступления, о чем может говорить в том числе и пересмотр Верховным Судом Российской Федерации приговоров, выносимых по данной категории дел в пользу ужесточения наказания. Исключением из данного правила стало дело гражданина, которому за государственную измену назначено пять лет лишения свободы³, хотя санкция этой статьи предусматривает от 12 до 20 лет, а также пожизненное лишение свободы.

Таким образом, государственная измена представляет собой наиболее общественно опасное деяние. В качестве причин, почему люди идут на совершение преступления против интересов своего же государства, можно выделить влияние иностранных государств и несогласие с проводимой

¹ Нестеров А. В. Понятие государственной измены в уголовном законодательстве России // Наука, общество, государство. 2017. №3 (19). С. 1–10.

² Приговор № 2-137/2024 2-46/2025 от 12 мая 2025 г. по делу № 2-137/2024 [Электронный ресурс] // СудактРy. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6mlS6O7rouRE/> (дата обращения: 05.11.2025).

³ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 65-УДП24-3СС-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государственной политикой, что показывает судебная практика, неудовлетворенность личностными обстоятельствами жизни и гипертрофированное понимание политической ситуации¹.

Исследователи выделяют несколько методов воздействия на граждан с целью предупреждения совершения рассматриваемых преступлений. В числе них развитие и укрепление национального законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за осуществление противоправных деяний против государства, регулярное повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, повышение информированности населения о последствиях государственной измены².

Таким образом, государственная измена относится к наиболее тяжким преступлениям, направленным на подрыв конституционного строя и безопасности государства. Важно отметить, что проблема активной превенции государственной измены стала наиболее актуальной в последние годы на фоне сложной внешнеполитической обстановки. Причины совершения данного преступления вытекают как из внешнего воздействия на человека со стороны, так и из внутренних противоречий. Борьба с преступлениями против безопасности государства требует более точной законодательной регламентации и повышения эффективности правоприменения, поддержки со стороны не только государства, но и общества, иных государств.

Научная статья
УДК 343.34

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА

Мария Германовна ЗАДУНАЙСКАЯ¹, Анна Сергеевна ЮРИНА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ maria.pakalru@gmail.com

² yurinaanna2006ana@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

¹ Ахлибининский Б. В., Асеев В. А., Шорохов И. М. Принцип детерминизма в системных исследованиях: монография. Л., 1984. С. 25–48.

² Саловаров К. В. Противодействие государственной измене и шпионажу: актуальные вопросы // Вестник науки. 2025. №6 (87). С. 136–141.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового противодействия пропаганде терроризма в России, анализируются спорные вопросы квалификации данного преступления.

Авторы анализируют нормативно-правовую базу и судебную практику, подкрепляя ее теоретическими исследованиями и на основании этого демонстрируют понятие и признаки пропаганды терроризма.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за пропаганду терроризма.

Ключевые слова: уголовная ответственность, терроризм, пропаганда терроризма, противодействие терроризму, публичные призывы, экстремизм

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR PROPAGANDA OF TERRORISM

Maria G. ZADUNAYSKAYA¹, Anna S. YURINA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹ maria.pakalru@gmail.com

² yurinaanna2006ana@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of criminal law counteraction to the propaganda of terrorism in Russia, analyzes the controversial issues of the qualification of this crime.

The authors analyze the regulatory framework and judicial practice, supporting it with theoretical research, and based on this demonstrate the concept and signs of terrorist propaganda.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for terrorist propaganda.

Keywords: terrorism, terrorist propaganda, counter-terrorism, public calls, criminal liability, extremism, legal regulation

Поиск эффективных способов противодействия терроризму является предметом научных и политических споров для всего мирового сообщества.

Терроризм как социально-политическое и криминальное имеет более глубокую историю и существует задолго до появления его правового регулирования.

Однако вопрос определения сущности терроризма остается дискуссионным в международно-правовой практике. Несмотря на то, что еще в 1972 году в Организации Объединенных Наций был создан Комитет по вопросам международного терроризма, достичь универсального определения термина не удалось, что во много связывают с различием политических и правовых подходов государств к данному явлению¹.

В научной и справочной литературе понятие терроризм трактуется неоднозначно. В энциклопедических источниках термин «терроризм» связывается с понятием страха и запугивания, происходящим от латинского *terro* – «ужас». Вместе с тем Е.П. Кожушко определяет терроризм как форму насилия, исходящую от политически мотивированных групп².

Терроризм рассматривается как наиболее радикальная и опасная форма проявления экстремизма. К числу типичных проявлений террористической активности относятся акты насилия, связанные с применением взрывчатых и отравляющих веществ, захватом людей и объектов, а также нападениями на инфраструктуру, информационные системы и другое. Все эти действия направлены на запугивание населения и дестабилизацию общественной и государственной безопасности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» № 1 от 9 февраля 2012 (ред. от 03.11.2016) отмечается, что террористическая деятельность рассматривается как угроза не только внутренней, но и международной безопасности, которая также затрагивает и основы государственности, экономической стабильности и права граждан.

Законодатель и судебная практика исходят из того, что любые формы террористической активности представляют особую общественную опасность и подлежат уголовной ответственности. При этом ответственность предусмотрена не только за совершение террористических актов, но и за пропаганду, публичные призывы и иные действия, которые могли бы способствовать распространению террористической деятельности.

Сегодня, в связи с развитием сети «Интернет», информационных технологий, социальных сетей, мобильных приложений делиться информацией

¹ Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму : учебное пособие / под редакцией А. В. Юрковского. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 8.

² Горбунов Ю. С. Что такое терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №4. С. 21.

стало легко и удобно. Однако эти же технологии используются не только в позитивных целях, но и для продвижения идей экстремизма и терроризма. Интернет-пространство представляет широкие возможности для анонимного обмена данными, вербовки сторонников и распространения идеологической пропаганды, что в значительной мере усложняет борьбу с подобными преступлениями. Пропагандировать террористические идеи становится намного легче.

С юридической точки зрения пропаганда – деятельность физических и юридических лиц, направленную на распространение информации как положительного, так и отрицательного характера. В российском законодательстве нет определенного понятия этого термина, однако существуют нормы, регулирующие различные виды пропаганды.

Например, с 1 сентября 2025 года в уголовном законодательстве вводится ст. 230.3 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, а также растений, содержащих такие вещества, а ст. 205.2 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма.

В статьях 6.13, 6.21 и 20.3 КоАП РФ определяется ответственность за пропаганду запрещенных взглядов, атрибутики или символики, а также за распространение информации о средствах и веществах.

Под пропагандой терроризма понимаются различные формы информационного воздействия, направленные на формирование у граждан положительного отношения к террористической идеологии или оправдание насильственных действий, совершаемых в ее поддержку¹.

Чаще всего подобная деятельность осуществляется посредством цифровых коммуникаций, социальных сетей, а также традиционные медиаканалы. Особую же опасность представляет публичное оправдание террористических действий, которые выражаются в заявлениях, демонстрирующих согласие с их идеологией и призывах к подражанию.

Уголовная ответственность за пропаганду терроризма является одним из центральных механизмов противодействия террористической деятельности. Речь идет о наказуемости действий, направленных на оправдание или популяризацию террористической деятельности, что создает угрозу общественной безопасности. В условиях глобализации и развития технологий такие действия становятся более доступными, что вынуждает государства усиливать превентивные меры для предотвращения радикализации и защиты общества.

¹ Ковлагина Д. А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Проблемы в российском законодательстве. 2020. №5. С. 155.

При этом важно учитывать правовые аспекты, связанные с соблюдением принципов свободы слова и прав человека, что нередко вызывает сложные эτικο-юридические споры.

Конституция РФ в ч. 5 ст. 13 закрепляет запрет на деятельность объединений, подрывающих основы конституционного строя, угрожающих целостности государства и разжигающих социальную и национальную рознь. Также в ч. 2 ст. 29 Конституции установлены ограничения, касающиеся распространения идей, способных возбуждать ненависть и вражду, включая запрет на пропаганду социального, национального и религиозного превосходства. Уголовный кодекс конкретизирует эти положения: статья 205.2 предусматривает ответственность за публичные призывы к террористической деятельности, ее оправдание и иные формы информационного содействия терроризму.

С момента включения статьи 205.2 в Уголовный кодекс Российской Федерации прошло около 20 лет, однако в доктрине и правоприменении по-прежнему отсутствует единое понимание содержания ее ключевых признаков состава этого преступления. Ситуацию усложнили поправки, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2017 № 445-ФЗ. В название и диспозицию статьи ч. 1 ст. 205.2 УК РФ была добавлена новая категория – «пропаганда терроризма». Это изменение вызвало дискуссии относительно разграничения понятия «призывы» и «пропаганда»¹.

В статье 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» № 1 от 09 февраля 2012 (ред. от 03.11.2016), публичным может считаться обращение к другим лицам, выраженное в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей). Пункт 19 данного постановления уточняет, что вопрос о публичности должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела.

К числу примеров, которые могут рассматриваться как публичные,

¹ Москалев Г. Л. Пропаганда Терроризма (Ст. 205.2 УК РФ) // Национальная безопасность. 2018. №6 (59). С. 84.

относятся: обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях; распространение листовок, вывешивание плакатов; размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть «Интернет» (на сайтах, форумах или в блогах); распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений.

Также стоит учитывать, что при использовании средств массовой информации или интернет-ресурсов деяние подлежит квалификации по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, что влечет более строгую ответственность. Это связано в первую очередь с тем, что в цифровую эпоху особенности каналов (анонимность, скорость распространения, ретрансляция) усиливают общественную опасность подобных деяний.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 205.2 УК РФ, характеризуется как формальный. Преступление будет считаться оконченным, когда совершен сам призыв или публичное высказывание становится доступным третьим лицам. Если такие призывы распространяются через листовки, плакаты или иные визуальные материалы, преступление считается оконченным с момента распространения хотя бы одного экземпляра или появления соответствующей надписи в общественном месте. Также необходимо отметить, что для квалификации содеянного не имеет значения, вызвали ли эти действия у кого-либо намерение поддержать или осуществить террористическую деятельность, либо убедили ли кого-то в ее правомерности¹.

Судебная практика, включая разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) подтверждает, что момент окончания преступления связан именно с распространением информации, а не с созданием. Это подтверждает точку зрения, согласно которой автор материала без последующего распространения не считается исполнителем. Кроме того, само определение «пропаганда терроризма» акцентирует внимание на действиях по распространению, что выводит создание информации за пределы объективной стороны состава преступления².

Субъективная сторона преступления характеризуется осознанным и целенаправленным намерением лица осуществлять действия, попадающие под понятие пропаганды терроризма.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов, В. К. Андрианов, М. А. Кауфман [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 2. Москва : Проспект, 2022. С. 17.

² Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды: проблемные вопросы // Право: история и современность. 2022. №3. С. 351.

Например, А. был признан виновным и осужден за публичное оправдание терроризма с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Показаниями свидетеля было установлено, что в начале сентября 2022 года он увидел комментарий пользователя в социальной сети «ВКонтакте», оправдывающий действия террориста, создававший у аудитории положительные представления о насильственных актах против государственных органов¹.

В другом случае Беркович и Петрийчук были осуждены за опубликование в сети «Интернет» пьесы, содержащей в себе призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма.

В связи с постановкой режиссером Беркович спектакля «Финист – Ясный сокол» по пьесе Петрийчук, в котором поднимается тема женщин, уезжающих в Сирию к боевикам ИГИЛ (признана террористической организацией), было возбуждено уголовное дело².

Данные дела иллюстрируют, что российские суды оценивают контент публикаций с точки зрения их потенциального влияния на общество и принимают меры для защиты общественной безопасности. Судебная практика подтверждает, что государство строго реагирует на любые формы публичного оправдания терроризма, особенно в цифровой среде, что напрямую связано с эффективностью правового регулирования пропаганды терроризма.

Помимо «пропаганды» необходимо также выделять и понятие «подстрекательство к совершению террористических действий», которое тоже квалифицируется по статье 205.2 УК РФ. В некоторых случаях суды применяют именно такое понятие для классификации преступлений вместо понятия «пропаганда». Эти термины не являются тождественными.

Стоит разграничить понятия «пропаганда» и «подстрекательство». Подстрекательство к терроризму подразумевает призыв к осуществлению конкретных террористических актов, в то время как пропаганда терроризма связана с распространением материалов и информации, которые формируют идеологию терроризма и убеждение в его приемлемости.

Основное различие заключается в том, что подстрекательство непосредственно побуждает к насилию, тогда как пропаганда влияет на мировоззрение и может не содержать явных призывов к немедленным действиям. Понятие подстрекательства к террористической деятельности закреплено в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 223-УД25-10-А6 от 2 апреля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 222-УД25-30-А6 от 19 августа 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, Юсубов был осужден по делу о подстрекательстве к совершению террористических актов в Москве. В конце 2019 года он пытался убедить своего знакомого Кайбакова совершить террористический акт у здания ФСБ на Лубянской площади, планируя убить полицейского и завладеть его оружием. В это время жена Кайбакова должна была устроить взрыв на станции метро. Однако Кайбаков сдался правоохранительным органам и дал показания против Юсубова. Он был признан виновным по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (склонение к террористическому акту)¹.

Данное дело иллюстрирует различия между «пропагандой» и «подстрекательством», так как в проиллюстрированных ранее делах о пропаганде злоумышленники размещали информацию в сети «Интернет», не призывая ни к чему, а в решении Второго Западного окружного военного суда, преступник конкретно призывает к действиям.

Разграничение подстрекательства к террористической деятельности и пропаганды терроризма важно для точного определения характера и направленности действий, связанных с терроризмом.

При разграничении склонения к террористической деятельности, вербовки, иного вовлечения в террористическую деятельность (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) следует обращать внимание на адресат сообщения².

Анализ нормативного регулирования показывает необходимость внедрения дополнительных мер, направленных на повышение эффективности борьбы с пропагандой терроризма.

Прежде всего, требуется законодательное уточнение самого понятия «пропаганда терроризма», что позволит избежать неоднозначного толкования и правовых коллизий при квалификации таких деяний. Кроме того, важно уделить вниманию повышению профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в вопросах расследования преступлений террористической направленности, а также формированию у них знаний в сфере защиты прав человека.

Таким образом, пропаганда терроризма представляет собой одну из наиболее опасных форм информационного воздействия, подрывающую основы государственной и общественной безопасности. Противодействие

¹ Южноуральца отправили в колонию по обвинению в подстрекательстве к терроризму // Интерфакс-Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/ural/news/yuzhnouralca-otpravili-v-koloniyu-po-obviniyuu-v-podstrekatelstve-k-terrorizmu> (дата обращения: 26.10.2025).

² Зарубин А. В. Содействие террористической деятельности: вопросы квалификации // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / [А. Н. Попов и др. ; под ред. Г. В. Штадлера]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 156.

ей требует не только применение уголовно-правовых мер, но и формирование четких механизмов по профилактике радикализации, включающей правовое просвещение. Уголовная ответственность за пропаганду терроризма должна рассматриваться как часть комплексного подхода, объединяющего правовые меры и социальные инициативы. Только совместными усилиями государства, общества и международного сообщества можно будет противостоять идеологии насилия в современном мире.

Научная статья

УДК 343.24

**УЧЕТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПУНКТА «Ф» СТАТЬИ 63 УК РФ
В КАЧЕСТВЕ ОТЯГЧАЮЩЕГО ДЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 280.3 УК РФ**

Алена Алексеевна ЗАЙЧИКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
zaichikova05@bk.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому анализу обстоятельства, отягчающего наказания, предусмотренного пунктом ф» статьи 63 УК РФ – совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен.

Рассмотрены предпосылки введения данной нормы, а также особенности назначения наказания за совершение преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ с применением пункта ф» статьи 63 УК РФ.

Ключевые слова: назначение наказания, публичность, административная преюдиция, преступление против основ конституционного строя и безопасности государства, Вооруженные Силы Российской Федерации, распространение заведомо ложной информации, программно-аппаратные средства

Original article.

**TAKING INTO ACCOUNT THE CIRCUMSTANCE OF PARAGRAPH
«F» OF ARTICLE 63 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION AS AN AGGRAVATING FACTOR FOR THE CRIME
PROVIDED FOR IN ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Alena A. ZAICHIKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, zaichikova05@bk.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal law analysis of the circumstances aggravating the punishment provided for in paragraph f of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation - the commission of a crime using software and hardware means of access to information resources, information and telecommunication networks, access to which is restricted.

The prerequisites for the introduction of this norm are considered, as well as the specifics of sentencing for the commission of a crime provided for in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the application of paragraph f of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: sentencing, publicity, administrative prejudice, crime against the foundations of the constitutional order and state security, the Armed Forces of the Russian Federation, dissemination of deliberately false information, software and hardware

24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации объявил о начале проведения специальной военной операции, основаниями для реализации которой послужили ратифицированные Федеральным собранием Российской Федерации договоры о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой.

Данные обстоятельства неизбежно привели к формированию и распространению искажающих действительность сведений, которые, в большинстве своем, были призваны оказать неблагоприятное воздействие на сос-

тояние законности в обществе и уровень доверия населения к власти.

В связи с этим, а также в целях защиты основ конституционного строя Российской Федерации и поддержания международного мира и безопасности, многие правовые акты претерпели значительные изменения, в том числе и Уголовный кодекс Российской Федерации.

В частности, в марте того же года был принят Федеральный закон от 04 марта 2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который дополнил главу 29 УК РФ статьей 280.3, предусматривающей ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Однако изначальная редакция статьи не стала окончательной и в дальнейшем, исходя из складывающейся геополитической обстановки, так же подвергалась значительным дополнениям. Таким образом, как отметил Председатель Государственной Думы Российской Федерации – Вячеслав Володин: «...каждый солдат и офицер... должен понимать: ложь и клевета в его отношении будет наказана, и они защищены законом»¹.

Несмотря на законодательную регламентацию, отдельные элементы состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, до сих пор вызывают дискуссии относительно их содержания и реализации. Так, наиболее проблемным, на наш взгляд, остается вопрос, касающийся именно объективной стороны деяния.

Являясь необходимым основанием для установления уголовной ответственности, объективная сторона, представляет собой «внешний акт человеческого поведения, причиняющий или способный причинить вред объектам, охраняемым уголовным законом, и включающий в себя общественно опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия (преступный результат), причинную связь, а также место, время, обстановку, способ, орудия и средства совершения преступления»².

Выражается она в ст. 280.3 через публичные действия, направленные

¹ Государственная Дума Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/56548/> (дата обращения: 27.10.2025).

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. Бриллиантова А. В.: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. С. 942.

на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий. Чаще всего к ним относят публичные акции, призывы, распространение ложной информации, в том числе и за пределами Российской Федерации, то есть любые акты, открыто порочащие деятельность российской армии и других субъектов, закрепленных в уголовной норме. Кроме того, в диспозиции анализируемой статьи предполагаются и иные дискредитирующие действия, форма которых законодательно не определена. К ним, помимо перечисленных, можно отнести «публикации статей в средствах массовой информации, посты и комментарии в социальных сетях, переписка в мессенджерах (WhatsApp, Telegram), одиночные пикеты с антивоенными плакатами, аудио - и видеозаписи, надписи, граффити и другие проявления общественной активности»¹.

Следовательно, размещение подобной информации в открытом доступе дает основания предполагать о юридическом окончании преступления, однако фактически, «пока запрещенный контент находится в открытом доступе в сети «Интернет», субъект осуществляет призывное обращение, тем самым непрерывно воздействуя на объект уголовно-правовой охраны, что соответствует признакам длящегося преступления»².

Однако некоторые специалисты считают, что рассматриваемые деяния нельзя безусловно относить к длящимся, поскольку объективная сторона преступления состоит в размещении пользователем определенных сведений, что, по сути, является одноактным действием.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно утверждать, что именно публичность выступает в данном составе преступления одним из ключевых аспектов, влекущих наступление уголовной ответственности. Тем не менее, дефиниция данного феномена до сих пор не закреплена ни в одном нормативном правовом акте Российской Федерации.

Руководствуясь постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025), под публичностью, по аналогии со ст. 280 УК РФ, можно понимать «выраженные в любой форме (например в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам».

Поскольку судами должны быть учтены и оценены все обстоятельства

¹ Уголовная ответственность за дезинформацию о деятельности Вооруженных Сил России, а также за дискредитацию их действий по защите страны и поддержанию мира (статьи 207.3, 280.3, 284.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) : учеб. пособие / Литвяк Л. Г., Лункашу Ю. В., Нескородова И. С.. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 103.

² Шумихин В. Г. Конструктивные признаки длящегося преступления // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Юрид. науки». 2010. № 2. С. 208.

конкретного общественно опасного деяния, существует позиция, при которой в отдельных случаях во внимание также принимается точное количество людей, получивших тем или иным способом ложную и порочащую информацию. Представляется, что наиболее верной в данном вопросе является все же противоположная точка зрения, резюмирующая, что «главное здесь – открытость, гласность, обращенность призывов ко многим людям – арифметический подход в данной ситуации неприемлем»¹.

Сложившаяся ситуация создает неопределенность в деятельности всего публично – правового механизма, позволяя государственным органам и суду толковать данный феномен субъективно и многозначно, что во многом может противоречить принципу законности, закрепленному в Уголовном кодексе, а также ограничивать фундаментальные права граждан. Помимо всех вышеперечисленных аспектов, нельзя обойти стороной и обязательный признак неоднократности, прямо указанный в ст. 280.3 УК РФ.

Так, Федеральным законом от 04 марта 2022 № 31-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» КоАП РФ был дополнен ранее упомянутой статьей 20.3.3, которая стала преюдиционной для ст. 280.3 УК РФ. Вопросы криминализации или декриминализации деяний при конструировании норм с использованием данного института в рамках уголовного законодательства до сих пор вызывают интерес.

Так, на данный момент УК РФ содержит более 10 составов с преюдицией, но только некоторые из них когда – то, действительно, устранили преступность деяний, введя за них еще и административную ответственность (например, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Остальные же, либо наоборот криминализировали ранее закрепленные в КоАП РФ правонарушения (например, ст. 151.1 УК РФ), либо стали действовать одновременно с вносимыми изменениями в УК РФ (например, ч. 1 ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ).

В этом смысле, как справедливо отметила доктор юридических наук Н. А. Лопашенко «проблема заключается в том, что в административном законодательстве далеко не всегда используются те же формулировки, что в уголовном, а в некоторых случаях под понятие «аналогичное деяние» могут подпадать сразу несколько составов административных правонарушений. Потому правоприменителю приходится прибегать к определенным допущениям, к субъективной оценке преюдициального деяния, что колеблет границы криминализации, которые должен устанавливать только законодатель»². Таким образом, привлечение к уголовной ответственности лица,

¹ Дьяков С. В. Унификация уголовного законодательства об ответственности за преступления против государства // Вестник межпарламентской ассамблеи. 1995. № 4. С. 40.

² Лопашенко, Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»?

понесшего ранее административное наказание по нововведенной в КоАП РФ статье, возможно только при условии совершения этим же субъектом повторного, аналогичного деяния в течение 1 года.

При определении признаков такого лица используется общее правило о возрасте уголовной ответственности, установленное ст. 20 УК РФ. Субъективная же сторона преступления представляет собой действия в форме прямого и, реже, косвенного умысла. Следовательно, для привлечения субъекта к уголовной ответственности органам государственной власти «в ходе сбора доказательств по делу следует документально подтвердить, что лицо обладало сведениями о несоответствии информации действительности, произвело умышленные действия, направленные на доведение ее до иных лиц»¹.

Более того, при установлении несоответствия распространяемой информации, правоприменитель обязан руководствоваться данными только из официальных источников, а также результатами судебных экспертиз, которые могут установить признаки технической подделки аудио- или видеоконтента, показаниями свидетелей и другими доказательствами, устанавливающими объективную ложность конкретного сообщения. Только в таком случае возможно будет с точностью дифференцировать публичные умышленные действия от распространения информации, автор которой благонамеренно заблуждался относительно ее правдивости или ложности.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в нынешнее время преступления, совершаемые с использованием информационно – телекоммуникационных технологий, стали наиболее распространенными.

Так, «по данным МВД РФ, в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8 %) были совершены с использованием сети «Интернет». Всего таких преступлений зарегистрировано 649,1 тыс., что на 23 % больше, чем годом ранее»².

Следовательно, для назначения законного, обоснованного и справедливого наказания, суд, помимо ранее названного, а также характера и степени общественного опасности деяния, личности виновного, должен обращать особое внимание и учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Несмотря на важность и длительность существования данного института, дефиниция терминов так и не нашла своего законодательного закрепления. Однако А. В. Сумачев и А. Р. Салимгареева интерпретируют данные обстоятельства как «указанные в статьях Особенной части Уголовного

// Российский следователь. 2022. № 5. С. 52.

¹ Медведева О. А. К вопросу об ответственности по статье 280.3 уголовного Кодекса Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4(76). С. 174.

² ТАСС : информ. агентство России : сайт. Москва. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения: 08.11.2025).

кодекса Российской Федерации и типичные для многих видов преступлений конкретные факты и события, безусловно свидетельствующие об изменении степени общественной опасности совершенного преступления в сторону его мягкости или тяжести и подлежащие обязательному учету при определении конкретной меры наказания в пользу его смягчения или утяжеления (уже-сточения)»¹.

Таким образом, интеграция современных информационных технологий во все сферы деятельности привела к тому, что преступники все чаще стали прибегать к использованию специфических средств и способов реализации своего умысла, которые лишь косвенно регулируются законодательством. В этом смысле, практический интерес представляют недавние изменения, внесенные в ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Так, Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2025 № 282-ФЗ часть 1 ст. 63 УК РФ была дополнена пунктом «ф», который установил, что обстоятельством, отягчающим наказание, является совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен.

Таким образом, все средства совершения высокотехнологичных преступлений могут быть классифицированы на следующие группы: программные, аппаратные, программно-аппаратные.

В большей части высокотехнологичных преступлений используются программные средства, представленные, как правило, различными видами вредоносного программного обеспечения, роль аппаратных средств является во многих случаях вспомогательной².

Наиболее актуальными, в контексте нововведения, представляются программно-аппаратные средства, помогающие скрыть преступникам свои данные в сети «Интернет», с целью предотвращения идентификации их личности и местоположения, что в разы повышает общественную опасность деяния.

К ним можно отнести различные VPN-сервисы, которые шифруют сетевой трафик между устройством и VPN-прокси-сервером. Более того, «если требуется высокий уровень конспирации, преступники арендуют у провайдеров хостинговых услуг вычислительные мощности практически в любой точке мира, на которых настраивают собственные VPN-серверы либо виртуальные машины, с которых, используя сторонние VPN-сервисы,

¹ Сумачев А. В., Салимгареева А. Р. Уголовное наказание : учебное пособие. Екатеринбург, 2016. С. 61.

² Поляков В. В. Аппаратные и программно-аппаратные средства совершения высокотехнологичных преступлений // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности. 2022. С. 137.

выходят в сеть «Интернет»¹.

Можно утверждать, что таким поведением преступник посягает еще и на дополнительный объект, который, что интересно, охраняется не самой статьей 280.3 УК РФ, а рассматриваемым отягчающим обстоятельством. Скрытие своих данных подобным способом сказывается на состоянии законности и безопасности в обществе и государстве, поскольку использование указанных сервисов предоставляет пользователю буквально стереть почти все свои данные, что, безусловно, вызывает проблемы у государственных органов в своевременной идентификации и поимке такого лица. Именно по этим и иным причинам, как нам кажется, дополнительным объектом посягательства будут выступать охраняемые законом интересы правосудия.

Подводя итог всему вышеупомянутому, можем сделать вывод, что статья 280.3 УК РФ требует законодательной доработки и разъяснений, поскольку отсутствие единообразного понимания ключевых терминов приводит к субъективной и произвольной их интерпретации.

Кроме того, раскрытие подобных преступлений значительно усложняют и научные достижения в области компьютерных технологий, которые так же требуют значительного внимания. Все эти факторы обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования навыков структурных подразделений правоохранительных органов по использованию цифровых технологий, искусственного интеллекта, возможностей сети «Интернет» в профилактике и борьбе с преступлениями этой категории.

Научная статья
УДК 343.326

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эльмира Мансуровна ИБРАГИМОВА

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия,
elllmira.ibragimova1@mail.ru

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всерос-

¹ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3 (148). С. 91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-sposoby-kompyuternyh-prestupleniy-i-zakonomernosti-ih-realizatsii>.

сийского государственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации) **Елена Алексеевна КУХТЯЕВА**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности.

Выявляются пробелы действующего законодательства, связанные с уголовной ответственностью за публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности.

Ключевые слова: диверсия, уголовная ответственность, публичные призывы, национальная безопасность, законодательный пробел, квалификация преступления

Original article

ISSUES OF RESPONSIBILITY FOR PUBLIC APPEALS TO CARRY OUT SUBVERSIVE ACTIVITIES

Elmira M. IBRAGIMOVA

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia, elllmira.ibragimova1@mail.ru

Scientific adviser – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) **Elena Alekseevna KUKHTYAEVA**

Abstract. The article discusses the issues of criminal liability for public calls for subversive activities.

The gaps in the current legislation related to criminal liability for public calls for subversive activities are identified.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for public calls for subversive activities.

Keywords: sabotage, criminal liability, public appeals, national security, legislative gap, qualification of a crime

В условиях проведения специальной военной операции враждебные действия на российской территории, включая недавно присоединенные

регионы, приобрели систематический характер.

Террористические акты и диверсионные операции превратились в пространенные формы агрессивных проявлений, к которым причастны в том числе и иностранные представители, действующие напрямую или через посредников. Усиление диверсионной активности требует более действенного противостояния таким угрозам. Законодательные органы нашей страны активно работают над модернизацией профилактических и контрмер антидиверсионного характера, что включает совершенствование уголовно-правовой базы для борьбы с подобными преступлениями¹.

Специалисты проявляют большой интерес к грамотно сформированной системе уголовно-правовых мер защиты национальной безопасности России, особенно в контексте современного расширенного подхода к этому вопросу. Безусловным остается факт: власти используют инструменты уголовного права для блокирования деструктивных факторов, угрожающих военному потенциалу державы, и для гарантии экономической стабильности в широком смысле – как базовых национальных интересов, определяющих реальное существование государства.

Однако текущие преобразования требуют проверки и всестороннего анализа уголовного законодательства в исследуемой сфере, позволяющего выявить существующие недостатки и определить эффективные способы их скорейшего исправления.

Проведение специальной военной операции Российской Федерацией на украинской территории с целью денацификации и демилитаризации вызвало ответные действия.

Украинские агенты, завербованные иностранцы и отдельные российские граждане начали осуществлять диверсии против различных объектов инфраструктуры – промышленных, военных, транспортных и критически важных. Подобные акты наносят ущерб экономике страны, нарушая выполнение международных обязательств, осложняют ход специальной военной операции и, что наиболее важно, угрожают безопасности мирного населения России.

Наиболее существенные изменения были внесены в Уголовный кодекс Российской Федерации в конце 2024 г., когда его глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» была дополнена тремя статьями, предусматривающими такие новые составы преступлений, как содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ),

¹ Прохорова М. Л., Горенко М. Г., Чибизов В. В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281.1, 281.3 УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Российский следователь. 2023. № 10. С. 42–45.

включая вовлечение в осуществление диверсии, вооружение или подготовку в целях совершения таковой или ее финансирование (ч. 1), пособничество в совершении диверсии (ч. 3), ее организацию, руководство совершением и организацию финансирования (ч. 4), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2 УК РФ), организация диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.2 УК РФ).

Необходимо отметить, что в действующем уголовном законодательстве закреплена ответственность за публичное подстрекательство к различным противоправным деяниям, включая как общеуголовные, так и институциональные преступления. Речь идет о призывах к развязыванию агрессивной войны, к деятельности, подрывающей государственную безопасность, к экстремистской деятельности, к массовым беспорядкам, к террористической деятельности, а также к доведению до самоубийства. Однако законодатель почему-то оставил без внимания вопрос криминализации публичного подстрекательства к диверсионным актам.

Мы считаем, что распространение публичных призывов к диверсионной деятельности представляет реальную угрозу. Отсутствие специального состава преступления вынуждает судебные органы квалифицировать такие действия по альтернативным статьям, что является неприемлемым подходом.

Заслуживает внимания мнение С. И. Глазырина о том, что деяния, описанные в первой части статьи 281.1 УК РФ (склонение, вербовка и другие формы вовлечения граждан в диверсионную активность), имеют направленный, индивидуализированный характер¹. Следовательно, они не охватывают ответственность за призывы, которые по своей природе являются открытыми обращениями к неопределенному кругу лиц.

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова термин «публичный» означает трактуется как «в присутствии публики, открытый»².

В правовом аспекте понятие публичности означает направленность сообщаемых сведений на неопределенную аудиторию – массовую группу людей, скопление граждан и подобные категории.

Ключевая задача состоит в донесении данных до неперсонализированного и неограниченного числа лиц³.

¹ Глазырин С. И. Современный уголовно-правовой подход к обеспечению обороноспособности и экономической безопасности российской федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // Искусство правоприменения. The art of law. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ugolovno-pravovoy-podhod-k-obespecheniyu-oboronosposobnosti-i-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-putem> (дата обращения: 12.11.2025). С. 73–89.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2019. С. 946.

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной

При этом форма представления информации может быть любой – начиная от устного или письменного изложения и заканчивая применением различных технических инструментов и средств коммуникации. Распространяемая информация не имеет конкретного адресата со стороны лица, совершающего противоправное деяние.

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, под «призывом» понимается краткое воззвание, содержащее основополагающую мысль, настоятельное пожелание или девиз; также это может быть просительное обращение или мольба¹.

В юридической литературе понятие призывов определяется через категорию воздействия на неопределенный круг субъектов². Речь идет о ситуациях, когда лицо распространяет информацию, направленную на формирование у адресатов намерения участвовать в противоправных действиях. Если говорить о конкретных составах преступлений, то, в частности, применительно к экстремистской деятельности такие призывы интерпретируются следующим образом: публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д.

Публичные призывы, направленные на стимулирование террористических действий, определяются как попытки пробудить у определенных групп граждан стремление участвовать в подобной противоправной деятельности. Ключевой характеристикой таких действий – открытость. Средства передачи подобных обращений многообразны: голосовые выступления, текстовые материалы, аудиовизуальные носители, наглядная агитация в виде плакатов или печатных листовок. Существенной особенностью является отсутствие адресности – такие призывы не ориентированы на конкретного человека и не ставят целью склонить определенную личность к совершению конкретного криминального деяния³.

Позиция С. И. Глазырина заслуживает поддержки в части того, что законодательство содержит пробел, не устанавливая наказание за агитацию к совершению преступлений диверсионного характера⁴.

инфекции (COVГO-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2019. С. 888.

² Глазырин С. И. Современный уголовно-правовой подход к обеспечению обороноспособности и экономической безопасности российской федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // Искусство правоведения. The art of law. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ugolovno-pravovoy-podhod-k-obespecheniyu-oboronosposobnosti-i-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-putem> (дата обращения: 12.11.2025). С. 167–175.

³ Сверчков В. В. Уголовное право : учебник для среднего профессионального образования / В. В. Сверчков. 11-е изд., перераб. и доп. М., : Издательство Юрайт, 2025. С. 134–146.

⁴ Глазырин С. И. Современный уголовно-правовой подход к обеспечению обороноспособности и

По нашему мнению, целесообразно ликвидировать данный недостаток путем дополнения Уголовного кодекса РФ статьей 281.4, которая может называться «Публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности» и иметь следующее содержание:

«Статья 281.4 Публичные призывы к осуществлению диверсионной деятельности

1. Публичные призывы к осуществлению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 настоящего Кодекса,

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

В заключение отметим, что на сегодняшний день уголовное законодательство проходит этап активного реформирования. Усиливается ответственность за преступления террористической и диверсионной направленности.

Необходимо ликвидировать существующие недостатки нормативно-правового регулирования в указанной сфере для обеспечения согласованной и унифицированной юридической квалификации подобных противоправных действий как уголовно наказуемых.

Научная статья

УДК 343.72

ХИЩЕНИЯ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ТЕРРИТОРИИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Антонина Денисовна КАРАСЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
tonya_karaseva2004@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

экономической безопасности российской федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // Искусство правоведения. The art of law. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ugolovno-pravovoy-podhod-k-obespecheniyu-oboronosposobnosti-i-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-putem> (дата обращения: 12.11.2025). С.110–156.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы уголовной ответственности за хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемые с территории других государств.

Обращается внимание на несовершенство применения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемые с территории других государств.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемые с территории других государств.

Ключевые слова: преступления против собственности, информационно-коммуникационные технологии, дистанционное хищение, колл-центры, обман, банковская карта

Original article

THEFT FROM A BANK ACCOUNT, AS WELL AS THEFT OF ELECTRONIC MONEY, COMMITTED FROM THE TERRITORY OF OTHER STATES

Antonina D. KARASEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, tonya_karaseva2004@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of criminal liability for thefts from a bank account, as well as for thefts of electronic funds, committed from the territory of other countries.

Attention is drawn to the imperfections in the application of criminal legislation that provides for liability for thefts from a bank account, as well as for thefts of electronic funds, committed from the territory of other countries.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for thefts from a bank account, as well as for thefts of electronic funds, committed from the territory of other countries.

Keywords: crimes against property, information and communication technologies, remote theft, call centers, deception, and bank cards

Информационно-коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем практически во всех сферах жизни российского общества. Развитие инструментов финансового рынка, платежных систем, а также в целом цифровизация экономических процессов дали толчок к появлению специфических способов расчетов – электронных средств платежа и их использованию юридическими и физическими лицами для безналичных расчетов.

Бесконтрольный оборот электронных средств платежа после их получения от кредитных организаций, создающий условия для их последующего использования в целях совершения незаконных действий, несет общественную опасность.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 и на перспективу до 2036 года» одной из ключевых целей развития Российской Федерации является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы (пп. «ж» п. 1). Для достижения указанной цели установлены некоторые задачи, одной из которых является создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, от их совершения (пп. «к», п. 8).

В Распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» от 30.12.2024 № 4154-р подчеркивается, что в настоящее время практически каждое третье преступление совершено в информационно-коммуникационной сфере либо с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В структуре преступлений данной категории в 2023 году преобладали кражи и мошенничества, которые составили почти три четверти таких преступлений (70,2 %). Каждое восьмое преступление (12 %) совершалось с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств и психотропных веществ. Экономическую направленность имеют 3,4 % преступлений, экстремистскую направленность и террористический характер – 0,2 %.

Стоит отметить, что в совершении рассматриваемых противоправных деяний особую активность проявляют организованные преступные группы,

которые используют в своей деятельности специальную технику, вредоносное программное обеспечение, фишинговые сайты, электронные платформы и кол-центры для совершения массовых мошеннических звонков, которые впоследствии тяжело отследить. Все это усложняет работу правоохранительных органов.

В вышеупомянутом распоряжении Правительство Российской Федерации отмечает, что основная масса преступлений совершается специализирующимися на мошенничествах транснациональными организованными преступными группами, связанными с организацией хищения персональных данных граждан Российской Федерации и работой действующих с территориями недружественных государств кол-центров, с использованием которых похищаются средства граждан.

Объектом хищения является собственность, т. е. общественные отношения по поводу имущества, юридически выражающиеся в виде правомочий владения, пользования и распоряжения этим имуществом, которыми обладает собственник, и в обязанности других лиц (несобственников) воспринимать указанные правомочия как должное и не препятствовать их осуществлению¹.

В рассматриваемом посягательстве на собственность граждан Российской Федерации целесообразно выделить факультативный объект преступления – интересы безопасности государства, стабильность экономического развития, так как действия виновных лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации, направлены в том числе на подрыв национальной безопасности Российской Федерации.

Наиболее значимым и дискуссионным является вопрос об определении предмета, на который посягают хищения, совершаемые при помощи банковских (платежных) карт.

Имущество, хотя и тесно связано с понятием собственности, является не объектом, а предметом имущественного посягательства, для определения которого необходимо выявить его существенные признаки, необходимые для того, чтобы среди множества модификаций того, что в гражданском праве носит название имущества, выделить и обособить только те объекты права собственности, которые по природе своей могут быть и предметом хищения².

Сложность в определении предмета хищения, связанного с безналичными денежными средствами, состоит в том, что в науке нет четкого понимания, что из себя представляют эти средства имущество или имущественное право.

¹ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 106.

² Там же.

Из текста ст. 128 ГК РФ следует, что безналичные денежные средства как объект гражданских прав относится к имущественному праву, что по мнению большинства теоретиков права является спорной трактовкой правового режима данного вида денежных средств. Ю. Б. Шубников с своей работе предлагает выделить в системе объектов гражданских прав наличные, безналичные и цифровые (электронные) деньги прежде всего как виды овеществленного и неовеществленного имущества, но не как имущественных прав¹.

По мнению Б. В. Волженкина, при определении предмета мошенничества, связанного с использованием банковских карт, не имеет значение признание безналичных денежных средств имуществом или обязательственными правами, преступные посягательства на них будут квалифицироваться как мошенничество, поскольку предметом может выступать как имущество, так и право на имущество².

Однако такая позиция является спорной, поскольку в соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Таким образом, законодательство не предусматривает возможность рассмотрения имущественного права как предмета рассматриваемых преступлений. По нашему мнению, в рамках уголовного законодательства следует признать безналичные денежные средства как имущество, чтобы не возникало проблем с признанием их предметом преступления.

В теории уголовного права давно сложилось три подхода к определению момента окончания хищения: теория изъятия, теория завладения и теория распоряжения³.

Первая теория связывает момент окончания хищения с моментом фактического причинения ущерба потерпевшему, то есть потери владения потерпевшим своим имуществом. Данная теория находит свое отражение в позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В своем Постановлении от 27 декабря 2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что кражу с банковского счета, а равно в отношении

¹ Шубников Ю. Б. Безналичные денежные средства и цифровые (электронные) деньги в системе объектов гражданских прав // КриминалистЪ. 2022. №4 (41). С. 151.

² Волженкин Б. В. Мошенничество. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 20–21.

³ Басов А. А. Момент окончания хищения, совершаемого с использованием платежных карт // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 107.

электронных денежных средств следует считать оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Также в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Согласно второй теории, такое хищение признается оконченным с момента фактического завладения имуществом потерпевшего.

Третья же теория гласит, что моментом окончания хищения следует считать появление реальной возможности у виновного распоряжаться имуществом. Эта теория также поддерживается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Согласно п. 6 данного постановления, кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению.

Таким образом, учитывая, что правоприменители опираются на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, наиболее распространенная теория момента окончания хищения с использованием банковских карт следует считать теорию изъятия. Данная позиция, по нашему мнению, является правильным, так как если опираться на общий подход определения момента окончания хищения – теория распоряжения, то возникает ряд вопросов. Имел ли возможность распорядиться похищенными денежными средствами виновный, если у него нет доступа в сеть «Интернет», соответственно и к личному кабинету банка, и поблизости нет банкомата? Если нет, то в какой момент появляется эта возможность и как доказать этот момент? Таким образом, однозначно определить момент появления реальной возможности распорядиться похищенными безналичными денежными средствами не всегда представляется возможным.

Следует также разграничивать кражу и мошенничество при совершении хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемые с территории других государств. Главным критерием выступает способ совершения преступления. Оба преступления

совершаются дистанционно, но для кражи свойственно характерно тайное изъятие чужого имущества; для мошенничества – изъятие чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием¹.

При краже обман (как и злоупотребление доверием) используется лишь для облегчения доступа к имуществу для последующего тайного его изъятия². В результате такого обмана право собственности на имущество не происходит, виновный не наделяется никакими правомочиями на это имущество. Целью такого обмана служит облегчение доступа к имуществу, то есть устранение препятствий для дальнейшего хищения.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам и мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) рекомендует квалифицировать действия виновного как кражу, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием.

В таком случае обманным путем виновный не совершил хищение, а лишь завладел конфиденциальной информацией, с помощью которой в последующем совершит преступление, которое справедливо должно быть квалифицировано как кража, так как такому хищению характерна тайность, в связи с которой потерпевший не может никак воспрепятствовать данным действиям.

При мошенничестве же обман и злоупотребление доверием служат средством завладения имуществом³. В результате такого обмана виновный приобретает право на владение данным имуществом, и имеет реальную возможность пользоваться или распоряжаться им. Таким образом, обман для получения имущества при мошенничестве отличается от обмана для получения доступа к имуществу при краже, что является важным критерием разграничения данных составов преступления.

¹ Киктенко А. А. Уголовная ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2023. С. 108.

² Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 8.

³ Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 8.

Подводя итог, отметим, что в настоящий момент существенное негативное влияние на криминогенную обстановку в сфере хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершенных с территории других государств, оказывает сложная международная ситуация. Объектом таких хищений стоит рассматривать не только основной объект – общественные отношения по поводу собственности, но и факультативный объект – общественные отношения по поводу защиты национальной безопасности Российской Федерации и стабильного экономического развития страны. Предметом хищения являются безналичные денежные средства, которые в рамках уголовного законодательства целесообразно относить к имуществу, а не к имущественному праву.

Основным критерием разграничения кражи и мошенничества как самых распространенных видов хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершаемых с территории других государств, является способ совершения противоправного деяния. Обман характерен для кражи в том случае, если он используется для облегчения последующего хищения, а мошенничество совершается непосредственно путем обмана или злоупотреблением доверия.

Научная статья
УДК 343.326

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Екатерина Сергеевна КЕТОВА¹, Арина Алексеевна ЮХТИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ ketova.jekaterina@yandex.ru

² aayukhtina@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем ответственности преступлений, посягающих на историческое наследие Великой Отечественной войны.

В статье акцентируется внимание на значении уголовных норм, таких как статья 354.1 УК РФ, введенной с целью создания ответственности за реабилитацию нацизма, а также статье 243 УК РФ, касающейся уничтожения объектов культурного наследия.

Статья предлагает ряд рекомендаций по усовершенствованию уголовного законодательства, включая уточнение терминов и расширение перечня квалифицирующих признаков, что, по мнению исследователей, приведет к усилению защиты историко-культурных объектов и повышению правовой ответственности за преступления против памяти о защитниках Отечества.

Ключевые слова: историческое наследие, реабилитация нацизма, Великая Отечественная война, уничтожение памятников, повреждение памятников, уголовная ответственность

Original article

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES INFRINGING ON THE HISTORICAL HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Ekaterina S. KETOVA¹, Arina A. YUKHTINA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹ ketova.jekaterina@yandex.ru

² aayukhtina@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of liability for crimes that infringe upon the historical heritage of the Great Patriotic War.

The article focuses on the significance of criminal norms, such as Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which was introduced to create liability for the rehabilitation of Nazism, as well as Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation, which deals with the destruction of cultural heritage sites.

The article proposes a number of recommendations for improving criminal legislation, including clarifying terms and expanding the list of qualifying

features, which, according to the researchers, will lead to increased protection of historical and cultural sites and increased legal responsibility for crimes against the memory of the defenders of the Fatherland.

Keywords: historical heritage, rehabilitation of Nazism, Great Patriotic War, destruction of monuments, damage to monuments, criminal liability

Историко-культурное наследие является фундаментальным элементом формирования национальной идентичности государств, приобретая особую значимость в контексте осмысления Великой Отечественной войны.

Современные реалии порождают комплексные вызовы, ставящие под угрозу сохранение историко-культурного наследия: фиксируются случаи умышленного повреждения и уничтожения материальных объектов, являющихся символами военных событий; наблюдается тенденция к фальсификации исторических нарративов, реабилитации лиц, совершивших военные преступления, и минимизации вклада Красной Армии в победу над фашизмом¹. Существующая правовая база, по нашему мнению, демонстрирует ограниченную эффективность в борьбе с указанными противоправными деяниями.

Исследование проблематики ответственности за посягательства на историческое наследие представляет собой актуальное научное направление, способствующее разработке эффективных превентивных стратегий, укреплению правовой охраны историко-культурной среды и сохранению народной памяти о подвиге прошлых поколений. Данная проблематика требует глубокого научного анализа и комплексной проработки для формирования научно обоснованных рекомендаций по оптимизации правовой политики.

В целях противодействия вытеснению нашей страны на мировую обочину, дестабилизации обстановки внутри государства усилиями внешних сил в России установлен правовой режим охраны исторической памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн. В российской правовой традиции правовая охрана подразумевает установление общего правового режима для определенных общественных отношений.

Ключевым документом для формирования режима охраны исторической памяти в целом является Конституция Российской Федерации, в преамбуле которой обосновывается необходимость сохранения многонационального государственного единства нашей страны, а также воспитания молодежи в почитании предыдущих поколений, «передавших нам любовь и уважение к Отечеству».

Помимо Основного закона страны правовую защиту исторической

¹ Акопянц А. С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2020. №2 (8). С. 71.

памяти народов Российской Федерации о событиях 1941–1945 гг. обеспечивает Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024), Федеральный закон «О Знамени Победы» от 07 мая 2007 № 68-ФЗ, Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2025) и другие федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты. Режим охраны исторического наследия устанавливает Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 № 73-ФЗ (ред. от 19.12.2016).

Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 354.1, установившей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. Данные уголовно-правовые нормы стали достаточно востребованными в отечественной юридической практике.

Нарушение закона, запрещающего оправдывать нацизм, распространять заведомо ложные сведения о деятельности СССР в военное и послевоенное время, а также ряд деяний, совершаемых с целью выразить явное неуважение к общественной памяти, нашли свое выражение в объективной стороне рассматриваемого преступления, которая формулируется следующим образом: 1) отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси Берлин–Рим, совершенное публично; 2) одобрение преступлений, установленных указанным приговором; 3) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично; 4) распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества; 5) осквернение символов воинской славы России; 6) оскорбление памяти защитников Отечества; 7) унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны. Ответственность за перечисленные деяния введена в целях устранения законодательного пробела – отсутствия уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за одобрение преступлений, предусмотренных Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси Берлин–Рим. Появление данной нормы, на наш взгляд, явилось своевременным шагом, поскольку способы совершения подобных преступлений стали более изощренными, посягающими на безопасность всего общества¹.

¹ Шамсунов Х. Ш., Меркурьев В. В., Агапов П. В., Новиков А. В., Радченко Т. В., Шевелева К. В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй

Реабилитация нацизма согласно ст. 354.1 УК РФ является формальным по составу преступлением, что определяет момент окончания преступления – публичное распространение сведений, реабилитирующих нацизм, указанными выше способами, вне зависимости от достижения или не достижения своей цели и наступления¹.

В части первой данной статьи содержится четыре самостоятельных состава преступления, так или иначе связанных с реабилитацией нацизма.

Часть вторая предусматривает для вышеуказанных преступных деяний четыре разновидности квалифицирующих признаков (пункты «а», «г»). В части 3 ст. 354.1 УК РФ содержится еще четыре основных состава преступления, связанных с публичным пренебрежительным отношением к защите Отечества и его защитникам.

Федеральным законом «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 05 апреля 2021 № 59-ФЗ статья 354.1 УК РФ была дополнена частью четвертой, которая предусматривает две группы квалифицирующих признаков, связанных с групповым характером совершения преступных деяний, предусмотренных частью 3, либо с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Такая сложная конструкция статьи уголовного закона в совокупности с отсутствием устоявшегося научно обоснованного понимания объективных и субъективных признаков этих преступных деяний, их квалифицированных видов, а также неоднозначностью трактовки термина «нацизм» применительно к целям уголовного законодательства не могли не повлечь за собой возникновение ряда проблем в процессе квалификации соответствующих посягательств².

Отметим, что на данные затруднения правоприменителей уже обращалось внимание в специальной литературе. Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ, представлена следующими общественно опасными действиями: отрицание, одобрение, распространение. На первый взгляд, их понимание однозначно и не должно создавать трудностей для правоприменительной практики. Однако реальные

мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука. 2022. № 2. С.129–131.

¹ Червонных Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьями 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 24–25.

² См., например: Зарубин А. В. Защита прокурором интересов государства, общества и личности от преступлений, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354. 1 УК РФ) // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Деятельность прокурора по обеспечению безопасности в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, Н. А. Васильчикова, И. Б. Ломакина [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. М. : Директ-Медиа, 2025. С. 275–293.

уголовные дела свидетельствуют об обратном¹.

На практике все обстоит также неоднозначно. Так, в деле по осквернению памятника «Воинам, погибшим в Великую Отечественную войну», двадцатилетним гражданином, вскидывающим нацистское приветствие на фоне монумента, для правоприменителя не возникло проблемных моментов. Гражданин совершил данное действие публично, на фоне мемориала в честь воинов погибших в годы Великой Отечественной войны.

В то же время в марте 2019 года СК РФ проводил проверку факта надругательства над Знаменем Победы и именем героя Гражданской войны Василия Чапаева. И если надругательство (выразившееся в откровенном танце) перед Знаменем Победы не должно вызвать у правоприменителя трудностей, знамя является явным символом воинской славы, т. к. его всегда относят к таковым в доктринальных источниках, то факт надругательства над именем В. И. Чапаева доказать сложнее, во-первых, так как он сражался не в годы Великой Отечественной войны, и, во-вторых, из-за отсутствия четкого списка символов воинской славы. Однако если проводить прямые параллели между иными символами воинской славы, которые не относят ко времени Великой Отечественной войны, к примеру, захоронения воинов, павших во время войны в Афганистане, то и имя Чапаева можно отнести к таковому².

Стоит выделить основные проблемы ответственности по статье 354.1 УК РФ. Сложная структура, в ней отсутствует устоявшееся научно-обоснованное понимание объективных и субъективных признаков преступного деяния; отсутствие четкой дефиниции «публичность», а исходя из этого сложность в определении публичного действия, очень неоднозначной остается дефиниция «нацизм»; отсутствие ограничения пределов действия статьи, ведь информация может быть использована в целях научных изысканий; сложность установления прямого умысла, поскольку место может иметь неосторожность, так как субъект может находиться в заблуждении или незнании некоторых исторических фактов.

Чтобы решить данные проблемы, предлагается конкретизировать дефиниции «публичность» и «нацизм», установить четкие пределы действия статьи.

Также предлагается, усилить ответственность за реабилитацию нацизма с использованием сети «Интернет» и урегулировать список пособ-

¹ Денисова А. В. Проблема квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. 2022. 482. С. 240–241.

² Поляков Р. А., Кривенко С. А., Пенкин С. С. Проблемы и возможные коррективы статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–4. С. 123.

ников нацистского режима. Предполагается, что данные действия помогут упростить квалификацию преступлений, а далее частично решить проблему ответственности преступных деяний, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ.

Также вопросы сохранности объектов исторического наследия регулируются ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей».

Состав преступления, определенного данной статьей, является материальным, соответственно оно считается оконченным с момента уничтожения (повреждения) памятника истории или культуры. Преступные последствия выражаются в причинении реального имущественного или иного ущерба, экологического вреда. Субъективная сторона выражена виной в форме прямого или косвенного умысла. Важным элементом является то, что виновный должен осознавать значение и статус предмета посягательства, его историческую или культурную ценность¹. Мотивы – хулиганские, корыстные, экстремистские.

Часть 2 ст. 243 УК предусматривает более суровое наказание за совершение указанных выше деяний в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения. Их перечень и порядок оборота регламентируются Законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 февраля 2002 № 73 (ред. от 15.10.2025).

Определенные сложности возникают при разграничении смежных составов с рассматриваемым преступлением². Данные преступления имеют один и тот же предмет преступного посягательства, схожую объективную сторону, поэтому при квалификации особое внимание следует обращать на мотив и цель содеянного.

Для хищения особо ценных предметов и документов характерны корыстные мотивы. Цель состоит в завладении предметом преступного посягательства, а его уничтожение, порча или повреждение обычно не охватывается умыслом преступника, являясь лишь последствием его действий.

Часть 2 ст. 243 УК устанавливает ответственность за уничтожение или

¹ Подройкина И. А., Серегина Е. В., Улезько С. И. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М.: Юрайт, 2012. С. 586.

² Шалагин А. Е. Ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры по российскому уголовному законодательству // Russian Journal of Economics and Law. 2012. №3 (23). С. 286.

повреждение особо ценных объектов или памятников общероссийского значения. Это преступление отличается от хищения предметов особой ценности (п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ), поскольку последнее совершается из корыстных побуждений, а ущерб объекту является следствием, а не целью.

Важно отличать данное преступление от умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ), вандализма (ст. 214 УК РФ), надругательства над могилами (ст. 244 УК РФ), экологических преступлений (ст. 259, 261, 262 УК РФ)¹.

В последнее время участились случаи вандализма в отношении воинских захоронений и мемориалов, особенно посвященных Великой Отечественной войне.

В связи с этим был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 07 апреля 2020 № 112-ФЗ, дополнивший Уголовный кодекс РФ статьей 243.4 УК РФ. Хотя подобные деяния и ранее подпадали под действие ст. 243 УК РФ, новая норма позволяет более точно квалифицировать преступления, связанные с осквернением памяти защитников Отечества, даже если объекты не включены в реестр памятников.

Для правильной квалификации необходимо разграничивать составы преступлений по ст. 243 и ст. 243.4 УК РФ. Субъект преступления в обоих случаях общий – вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Объектом является общественная нравственность, но в ст. 243 – в сфере культурной жизни, а в ст. 243.4 – в сфере охраны памяти погибших защитников Отечества. Дополнительным объектом выступает собственность.

Предмет преступления по ст. 243 УК РФ – исторические и культурные памятники, культурные ценности, природные комплексы, включенные в юридическую систему правоотношений (реестр объектов культурного наследия).

Предмет ст. 243.4 УК РФ – воинские захоронения и мемориальные сооружения, посвященные павшим защитникам Отечества, историческая значимость которых подтверждена экспертизой. Важно, что ст. 243.4 УК РФ распространяется и на объекты за пределами РФ. Субъективная сторона обоих составов – прямой или косвенный умысел. Объективная сторона выражается в уничтожении или повреждении предмета преступления.

Ст. 243.4 УК РФ имеет более мягкие санкции, чем ст. 243 УК РФ, и направлена на защиту памяти погибших, позволяя более точно квалифицировать преступления и защищать интересы России за рубежом. Ключевые

¹ Зарубин А. В. Некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. Вып. 9, т. 1 : спец. юбилейн. изд. С. 140.

различия между статьями заключаются в предмете и объекте преступления. При конкуренции предметов преступления для ст. 243 УК РФ, включающей религиозные объекты, важно различать их назначение. Религиозные объекты, как правило, подпадают под ст. 243 УК РФ, если не доказан умысел на повреждение как исторического памятника погибшим (ст. 243.4 УК РФ). Ключевым является исследование субъективной стороны деяния. Несмотря на схожесть составов, различия в объекте и предмете преступления, а также субъективная сторона, требуют тщательного анализа для правильной квалификации.

Для устранения существующих правовых пробелов и повышения эффективности судебной практики предлагается внести ряд изменений, а именно дополнить статью 243 УК РФ квалифицирующими признаками, усиливающими ответственность за деяния, направленные против культурных ценностей государства, включая особо ценные объекты и памятники общероссийского значения, совершенные организованными группами или лицами, использующими свое должностное положение. Также предлагается установить исчерпывающий список субъектов, причастных к нацистскому режиму, чтобы исключить неопределенность в применении норм уголовного права.

По нашему мнению, внесение приведенных выше дополнений позволило бы привлекать к ответственности должностных лиц, отвечающих за архитектурный (градостроительный) облик городов, избежать многих проблем в следственной и судебной практике, минимизировать коррупционные факторы, повысить защищенность охраняемых объектов.

Научная статья

УДК 343.9

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**Екатерина Александровна КНЯЗЕВА¹, Наида Омаргаджиевна
ОМАРОВА²**

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

^{1,2} naida.2686@mail.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской

Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние сети «Интернет» на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

Актуальность исследования обусловлена статистическими данными, свидетельствующими о росте преступлений, совершенных в результате взаимодействия между преступниками и жертвами в онлайн-среде.

В заключение предлагаются рекомендации по предотвращению преступлений среди несовершеннолетних в условиях развивающегося цифрового мира.

Ключевые слова: интернет-пространство, несовершеннолетние, вовлечение, преступность, профилактика преступлений

Original article

THE INTERNET SPACE AS A FACTOR OF INVOLVEMENT OF MINORS IN THE COMMISSION OF CRIMES

Ekaterina A. KNYAZEVA¹, Naida O. OMAROVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

^{1,2} naida.2686@mail.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociology, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. This article examines the impact of the internet on the involvement of minors in criminal activity.

The relevance of the study stems from statistical data indicating an increase in crimes committed as a result of interactions between criminals and victims online.

Recommendations for preventing juvenile crime in the evolving digital world are offered.

Keywords: internet, minors, involvement, crime, crime prevention

На сегодняшний день сложилось устойчивое мнение, что именно в несовершеннолетнем возрасте закладываются основы мировоззрения,

формируется характер и проявляются другие психические особенности человека. Взросление данной категории граждан, как правило, сопровождается стремлением к самовыражению, которое может проявляться как в творческой деятельности или иной позитивной форме, так и делинквентном поведении, выражающемся в противоправных деяниях.

Необходимо учитывать, что повышенная криминальная активность среди несовершеннолетних вызвана многофакторностью. Психика подростка является достаточно уязвимой перед влиянием факторов, которые проявляются в различных институтах социализации. В настоящее время одним из ведущих среди них является фактор влияния интернет-пространство.

В 2025 году компанией МТС в преддверии Дня защиты детей было проведено исследование, в соответствии с которым 39 % несовершеннолетних проводят в сети «Интернет» от 6 до 8 часов в сутки в отсутствие взрослых¹.

Длительное время, проведенное ими в сети, все чаще становится причиной негативных последствий. Так, согласно данным исследования АО «Квадрум» примерно 7 миллионов подростков подвергаются деструктивному воздействию в сети «Интернет», а ежегодно около 2 миллионов из них оказываются вовлеченными в преступную деятельность².

Представитель подразделения по делам несовершеннолетних МВД России Евгения Герговская приводит статистику преступлений, согласно которой в 2024 году в России число преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сети «Интернет», увеличилось почти на треть³.

Родители принимают меры для обеспечения информационной безопасности детей, включая проведение профилактических бесед (79 %), установление ограничений на экранное время (59 %) и проверку истории браузера (38 %) ⁴. Тем не менее, исходя из указанных данных, эти действия не являются эффективными в полной мере.

Вовлечение в сети «Интернет», как правило, происходит путем психологического воздействия (обещания, обман, предложения и т. д.), а также «иными способами», к которым, в частности, относятся провокации (челленджи, прямо побуждающие к совершению конкретных действий, реклама казино, и т. п.); геймификация («игровизация») и т. д. В обществе сложилось мнение, что чаще всего вовлечатель нацеливается на подростков, нахо-

¹ Аналитика МТС: треть российских детей проводят в интернете до восьми часов в сутки // МТС // [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PTHCb> (дата обращения: 10.09.2025).

² Более 7 млн подростков вовлечены в деструктивные группы в соцсетях // Digital Russia // [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PTNHx> (дата обращения: 13.09.2025).

³ В РФ мошенники вовлекают детей в диверсии и теракты для дестабилизации ситуации // ТАСС // [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24070557> (дата обращения: 13.09.2025).

⁴ Более трети российских детей проводят в интернете до восьми часов в сутки // Газета.Ru // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/06/02/25928594.shtml?updated> (дата обращения: 15.09.2025).

дящихся в тяжелых жизненных обстоятельствах или имеющих неустойчивую психику¹.

Однако данный тезис является ошибочным, поскольку преступники вовлекают также и тех, кто обладает внутренним равновесием и поддержкой со стороны семьи. Так, доля преступлений, совершаемых учащимися несовершеннолетними – 64,4 %; работающими – 3,4 %; лицами, не обучающимися и не работающими – 31,8%. При этом подавляющее большинство воспитывалось в полноценной семье – 46 %; в неполноценной – 45%; воспитанники детских домов – 9 %².

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность обусловлено множеством факторов. Подростки становятся объектом манипуляций не только из-за материальных трудностей или проблем в семье, но и желания самоутвердиться в обществе посредством негативных форм активности, например, таких как быстрый, но незаконный заработок в сети «Интернет».

В последние годы эксперты отмечают, что именно через сеть «Интернет» несовершеннолетние все чаще всего вовлекаются в участие в террористических и экстремистских мероприятиях, вооруженные нападения в школах, сбыт и потребление наркотических средств, а также кибербуллинг³. С учетом динамики развития интернет-ресурсов, данный список продолжает расширяться, что подчеркивает необходимость принятия соответствующих способов защиты.

На законодательном уровне предприняты меры, направленные на обеспечение защиты несовершеннолетних от участия в преступлениях. Одной из них выступает внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В декабре 2024 года президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон, предусматривающий дополнение ч. 2 ст. 150 УК РФ квалифицирующим признаком – «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Соавтор данной инициативы, председатель Комитета по безопасности и противодействию коррупции Василий Пискарев, пояснил: «По статистике чаще всего подростков вовлекают в сбыт наркотиков и психотропных веществ. В прошлом году число таких преступлений выросло на 52,3 % (с 1.4 тысячи до 2,1 тысячи). И очень часто общение с ребенком ведется через сеть «Интернет»⁴. Следовательно, внесение изменений в УК РФ обусловлено

¹ Бошаева Л. Л. Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 154.

² Сколько в России несовершеннолетних преступников // Т - Ж // [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3PTHYV> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Цифровая гигиена: молодежь в сети // [Электронный ресурс]. URL: https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/2019/04/Metod_posobie.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

⁴ Ужесточена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Государственная Дума // [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/60610/> (дата обращения: 17.09.2025).

ростом преступлений, связанных с использованием интернет-пространства.

Помимо этого, законодателем принимаются нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение информационной безопасности. К ним относится Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г., в которой выражена необходимость уделять особое внимание категориям граждан, неспособным защитить себя от «опасного контента» в силу личностных особенностей (возраст, психофизическое состояние и т. д.).

В первую очередь к данной категории следует отнести несовершеннолетних¹.

В последние годы в некоторых субъектах РФ разрабатываются региональные программы, направленные на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность через сеть «Интернет», организуются встречи с участием представителей комиссий по делам несовершеннолетних и других организаций.

Однако, по нашему мнению, данных мер недостаточно. Проблема криминализации молодежи постепенно охватывает все больше субъектов, и ее решение требует комплексного подхода с проведением профилактических мероприятий в каждом регионе.

В образовательных учреждениях необходимо организовывать беседы с психологами как для учеников, так и для их родителей, а также проводить уроки правового просвещения с участием представителей правоохранительных органов. В связи с тем, что не все психологи и учителя в настоящее время обладают должными навыками для оказания психологической помощи детям, государство также должно предусмотреть программы повышения профессиональной квалификации.

Кроме того, считаем необходимым организовывать лекции с участием специалистов в области информационных технологий, в рамках которых данные сотрудники смогут предоставить информацию о сомнительных сайтах и мессенджерах, наиболее часто используемых преступниками для связи с подростками, а также распространенных шаблонных фразах и методах, применяемых для установления доверительных отношений с подрастающим поколением.

Государству также необходимо оказывать поддержку работодателям в создании временных рабочих мест для подростков в летний период. Это не только поможет молодежи получить первый опыт трудовой деятельности, но и значительно снизит риск безнадзорности.

17.09.2025).

¹ Лебедева В. С. Влияние социальных медиа на формирование преступного поведения несовершеннолетних // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 317.

Ко всему прочему, следует не забывать о значимой роли родителей, которые обязаны заботиться о психологическом и нравственном развитии своего ребенка, чтобы снизить риск его вовлечения в преступную деятельность.

Таким образом, профилактика подростковой преступности через интернет-пространство требует системного подхода, включающего как меры по повышению осведомленности о последствиях совершения преступления, так и создание условий для полноценного развития подростков в безопасной социальной среде.

Научная статья

УДК 343.32

**ГЕРМЕНЕВТИКА ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ:
ЕДИНСТВО КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ**

Елизавета Сергеевна КОЖУХАРЬ

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Симферополь, Россия,
liza.kozhukhar@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент
Андрей Геннадьевич РУБЛЕВ, andrewrublev@bk.ru

Аннотация. Автор анализирует значение государственной тайны в современных условиях киберугроз, «гибридных войн», в целом сложность необходимости обеспечения баланса между интересами публичной власти и правами человека.

Исследуется сложность толкования норм в условиях конкуренции конституционных ценностей с учетом безопасности государственных интересов и свободы информации.

На основе герменевтического подхода автор приходит к выводу единства и взаимодействия конституционных основ и уголовно-правовых механизмов защиты государственной тайны в Российской Федерации.

В статье исследованы критерии для засекречивания сведений, составляющих предмет преступлений против основ конституционного строя

и безопасности государства, на соответствия конституционным принципам законности, соразмерности и правовой определенности.

Ключевые слова. государственная тайна, конституционные права, соразмерность, секретность, уголовная ответственность, ограничения прав, баланс интересов

Original article

HERMENEUTICS OF LEGAL REGULATION OF STATE SECRETS: THE UNITY OF THE CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND CRIMINAL LAW PROTECTION

Elizaveta S. KOZHUKHAR

Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, liza.kozukhar@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Gennadievich RUBLEV**, andrewrublev@bk.ru

Abstract. The author analyzes the importance of state secrets in modern conditions of cyber threats, «hybrid wars», in general, the complexity of the need to ensure a balance between the interests of public authority and human rights.

The article examines the complexity of interpreting norms in the context of competition of constitutional values, taking into account the security of state interests and freedom of information.

Based on the hermeneutic approach, the author comes to the conclusion of the unity and interaction of the constitutional foundations and criminal law mechanisms for the protection of state secrets in the Russian Federation.

The article examines the criteria for classifying information that constitutes the subject of crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the state, for compliance with the constitutional principles of legality, proportionality and legal certainty.

Keywords. State secrets, constitutional rights, proportionality, secrecy, criminal liability, restrictions on rights, balance of interests

Любые ограничения конституционных прав гражданина допустимы только на основании федерального закона (ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Кроме того, ведомственные акты не могут регулировать фунда-

ментальные конституционно охраняемые права гражданина, к примеру, указанные в ст. 23, 24, 48 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, конституционный принцип пропорциональности (соразмерности) ограничивает критерии законности мотивов и оснований применения мер, связанных с государственной тайной, необходимости и своевременности ограничений в целях ее защиты.

Понятие секретности сведений, составляющих государственную тайну, с учетом развития либеральных идей во второй половине XX века противоречило данной тенденции, особенно с учетом того, что требования прозрачности и публичности приобретали все большую значимость в современном обществе.

Существует диалектическое противоречие между обязательствами по сохранению секретности и различными правами на информацию, установленными государством. Изложенное проявляется во многих направлениях человеческой деятельности. Так, например, цифровизация разрушает границы конфиденциальности, которые закон стремится сохранить, о чем свидетельствуют сложности защиты тайны в период цифровой революции. При этом интересы общества и государства требуют сохранять секретность, защищаемую законом.

В связи с изложенным возникает необходимость переосмысления оснований отнесения к государственной тайне тех или иных сведений при условии подтверждения их легитимности и наличия достаточно эффективной системы, ограничивающей потенциальное злоупотребление. При этом практически любая секретность информации представляет потенциальную угрозу ограничения одного из основополагающих прав человека и гражданина – права на выражение мнений, передачу информации (ст. 29 Конституции РФ). Следовательно, эффективность мер защиты государственной тайны должна проявляться, когда это должно быть законным, своевременным и соразмерным.

Нельзя не признать, что секретность, понимаемая как возможность или необходимость для лица не раскрывать информацию, хранителем которой он является, – это важная в определенной области человеческой деятельности практика.

Известно множество примеров целесообразности использования секретности в широком понимании, например: в международных переговорах или в других областях, таких как право компаний, акции которых котируются на бирже, в области административного права, которое требует раскрытия документов и доступа к публичным данным, в сфере интеллектуальной собственности, включая обязательную публикацию патентов или даже в экологическом праве, где одним из оснований гласности правоотношений

служит право доступа к экологической информации.

Исследуя развитие законодательства по данной теме, следует прийти к выводу, что закон постепенно признавал легитимность некоторых практик конфиденциальности, унаследованных либо от канонического права (тайна исповеди), либо от феодальных, а затем абсолютистских политических традиций. В определенных корпорациях некоторые тайны, связанные с профессиями доверия, например, врачебной и адвокатской, были впервые освящены обычаем до того, как понятие профессиональной тайны было юридически признано в XIX веке¹, а понятие, к примеру, военной тайны в сфере обороны страны было установлено в XX веке².

Ретроспективное исследование изложенных правоотношений дает основания утверждать, что между обязательствами по сохранению тайны и различными правами или обязанностями, связанными с информацией, которая представляет интерес для государства, существует постоянное противоречие.

Следует учитывать, что логика конкуренции таких интересов основана главным образом на прозрачности рыночных отношений в экономике, что также допускает различными юридическими лицами сохранение конфиденциальности своих коммерческих секретов, в то время как правовое государство устанавливает публичность и гласность действий органов публичной власти.

Необходимо заметить, что противоречивая природа права на тайну еще больше усугубляется дестабилизирующим воздействием перехода к информационному обществу, цифровизацией всех форм оборота информации. Вместе с тем, строго ограниченные секреты, использование которых строго регламентируется, должны обретать эффективность и легитимность.

В настоящее время актуальная геополитическая обстановка активизировала практику по уголовным делам о преступлениях против конституционного строя и безопасности государства, предметом которых являются сведения, составляющие государственную тайну³.

Можно выделить следующие составы преступлений, где государственная тайна является предметом уголовно-правовой охраны: ст. 275 УК РФ «Государственная измена», ст. 276 УК РФ «Шпионаж», ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны», ст. 283.1 УК РФ «Незаконное получение

¹ Васильев А. В. Развитие института профессиональной тайны // Крымский научный вестник. №4 (29). 2020. С. 63–77.

² Панарин А. В. Этапы исторического развития подходов к уголовно-правовой охране государственной тайны в законодательстве России // В сборнике: Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества. Ставрополь, 2024. С. 300–305.

³ Слащёв В. А. Уголовные дела с государственной тайной: неразрешенные процессуальные препятствия // Уголовный процесс. №9. 2023. С. 60–73.

сведений, составляющих государственную тайну».

В целях применения составов преступлений, защищающих государственную тайну, требуется интерпретационная координация с другими отраслями права, которая, среди прочего, содержит текущее определение «государственной тайны» и, следовательно, очерчивает круг преступлений, регулируемых статьями УК РФ.

Закон разделяет секретные и конфиденциальные сведения, при этом возможно констатировать, что нормативная эволюция и развитие правовой системы повлияли на эти категории сведений.

Государственной тайной являются любые сведения, документы, вещи, деятельность или места, распространение о которых может нанести ущерб высшим и неоспоримым интересам государства в следующих областях: а) внешняя политика и международные отношения; б) оборона и военное положение; в) научно-технологическое и экономическое развитие; г) публичный порядок и общественная безопасность; д) разведывательные и контрразведывательная деятельность, оперативно-розыскная работа правоохранительных органов государства.

Таким образом, следует иметь в виду, что понятие государственной тайны не ограничивается внешней и внутренней безопасностью государства, значительно расширяет перечень охраняемых интересов, включая в него, помимо внешней политики, обороны и обеспечения общественного порядка, также научно-технологическое и экономическое развитие, а также оперативно-розыскную деятельность правоохранительных органов.

Это расширение, несомненно, отражает эволюцию концепции государственной безопасности, которая больше не ограничивается только военными аспектами, а включает в себя новые сферы, такие как, например, экономика, технологии и киберпространство.

Согласно упомянутым выводам, данное понятие с уголовно-правовой точки зрения вызывает серьезные озабоченности, поскольку оно, по-видимому, еще больше размывает и без того с первого взгляда неопределенные границы охраняемого законом интереса (статьи 283–284 УК РФ).

В настоящее время понятие государственной тайны необходимо сопоставить с гораздо более широким и всеобъемлющим определением, которое включает в себя такие изменчивые и потенциально экспансивные интересы, как «научно-технологическое и экономическое развитие» и «общественный порядок и общественная безопасность».

Внешнеполитическая информация, военная и экономическая тайна, разведывательные и контрразведывательные действия кажутся наиболее традиционными и соответствующими классическому ядру отечественной безопасности, связанной с суверенитетом и территориальной целостностью

государства. Например, справедливым, по нашему мнению, является вопрос о возможности признания конфиденциальной информацией о дипломатических переговорах или военных учениях государственной тайной, даже если ее раскрытие не представляет реальной угрозы для «высших интересов» государства.

В случае исследования понятий «научно-технологическое и экономическое развитие», по нашему мнению, представляется наиболее проблематичным с точки зрения определенности ответ на вопрос, что именно подразумевается под «ущербом» данным интересам. Может ли, например, информация о слиянии крупных отечественных компаний или о передовых научных исследованиях быть засекречена на том основании, что ее раскрытие может нанести ущерб экономической конкурентоспособности или технологическому лидерству страны? Такая широкая формулировка, возможно, рискует превратить государственную тайну в инструмент для защиты корпоративных или частных экономических интересов под видом защиты государственной безопасности.

Защита сведений разведывательной и контрразведывательной деятельности, а также информация об определенных источниках, оперативных методах и организации работы, кажется оправданной с точки зрения защиты спецслужб и их сотрудников. Однако и здесь необходимо провести тщательное различие между информацией, раскрытие которой действительно ставит под угрозу жизнь сотрудников или конфиденентов, и информацией, которая просто может быть «неудобной» для правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В свете вышеизложенного возникает фундаментальный вопрос: может ли широкое определение государственной тайны служить действительным ориентиром для толкования положений нормативных правовых актов, которые, будучи исключениями из принципа свободы пользования в России информацией (ч. 4 ст. 28 Конституции РФ) должны толковаться ограничительно в соответствии с принципом законности и верховенства права.

Помимо определения охраняемых интересов, в настоящее время возникают новые операционные требования для определения государственной тайны, которые отсутствовали ранее. Эти требования, как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 11.03.1999 № 10-О «По делу о проверке конституционности статьи 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне», направлены на то, чтобы сделать применение института более строгим и менее дискреционным.

В частности, необходимо подчеркнуть, что государственная тайна может быть установлена только в случае, если это абсолютно необходимо для защиты высших и неоспоримых интересов государства и при условии,

а ущерб, который может быть нанесен их распространением, является серьезным и фактическим.

Таким образом, с учетом вышеизложенного предлагаются следующие основные критерии для установления уголовно-правовой охраны государственной тайны:

1) критерий абсолютной необходимости: ограничение пользования информацией могут обоснованно устанавливаться законом для охраны основ конституционного строя, личности, общества и государства. Это означает, что не должно быть альтернативных, менее ограничительных средств для достижения той же защитной цели.

2) критерий существенного и фактического ущерба. Так, распространение информации должно быть способно причинить серьезный ущерб охраняемым интересам, что исключает возможность засекречивания информации на основании абстрактных, гипотетических или незначительных рисков;

3) критерий своевременности подразумевает установление ограничений на распространение сведений заблаговременно или с момента их получения.

Изложенные критерии, несомненно, формально подчиняются принципам законности, необходимости и соразмерности, которые являются основами правового государства. Более того, их практическая эффективность зависит от того, насколько строго данные принципы будут применяться и контролироваться.

Учитывая, что решение о наложении государственной тайны принимается публичной властью в рамках деятельности, которая, согласно практике высших судов России, характеризуется «высокой дискреционностью», возникает вопрос, не останутся ли эти критерии чисто формальными, без реальной способности ограничивать злоупотребления, который стал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23.11.2017 № 32-П «По делу о проверке конституционности ст. 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко».

Некоторые сомнения с точки зрения уголовно-правовой охраны государственной тайны, по нашему мнению, вызывают вопросы о допустимости то, как эти критерии должны учитываться при применении предмета преступлений, предусмотренных статьями 283-284 УК РФ.

Таким образом, вышеизложенное подводит нас к деликатному вопросу о судебном контроле над актом о наложении государственной тайны, теме, которую следует рассмотреть более подробно в другом исследовании, посвященном роли судебной власти.

С уголовно-правовой точки зрения адекватность или конституционность нормативно-правовых актов реализации института государственной тайны создает существенные основы правовой определенности. Изложенное подчеркивает необходимость тщательной оценки не только ограниченного объема законодательства, но и всей нормативно-правовой базы, регуливающей государственную тайну, при применении и правильном толковании законодательства в области государственной тайны.

Научная статья
УДК 343.326

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКТОРОВ ЗА ДЕМОНСТРАЦИЮ НАЦИСТСКОЙ АТТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ

Арина Андреевна КОЛЕНДОВСКАЯ¹, Дарья Дмитриевна СРЕБНЯК²

^{1,2}Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹arina.kolens@mail.ru

²darya.srebnyak@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Проблемы уголовной ответственности исторических реконструкторов за демонстрацию нацистской атрибутики и символики в настоящее время имеют существенное значение.

Правоохранительные органы при разрешении подобных дел сталкиваются с недостатками в законодательстве. Основой решений по делам за демонстрацию нацистской атрибутики и символики составляет только экспертное мнение.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности исторических реконструкторов за демонстрацию нацистской атрибутики и символики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления экстремистской направленности, нацистская атрибутика и символика, исторические реконструкторы

**SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY
OF HISTORICAL REENACTORS FOR DISPLAYING NAZI
PARAPHERNALIA AND SYMBOLS**

Arina A. KOLENDOVSKAYA¹, Daria D. SREBNYAK²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,

¹arina.kolens@mail.ru

²darya.srebnyak@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The problems of criminal liability of historical reenactors for displaying Nazi paraphernalia and symbols are currently of significant importance. Law enforcement agencies face shortcomings in legislation when resolving such cases. The basis of decisions on cases for the demonstration of Nazi paraphernalia and symbols is only an expert opinion. Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on the responsibility of historical reenactors for displaying Nazi paraphernalia and symbols.

Keywords: criminal liability, extremist crimes, Nazi paraphernalia and symbols, historical reenactors

Нацистская атрибутика и символика неоднократно демонстрируется в культурном пространстве, в том числе с использованием информационных технологий, что влечет за собой массовое распространение этой информации. Несмотря на действия государства по ограничению популяризации подобной информации, есть риск распространения нацистской атрибутики и символики в пространстве современного искусства и масс-медиа в форме скрытой пропаганды.

Однако процесс распознавания скрытой пропаганды является затруднительным и требует проведения культурной экспертизы, что выходит за рамки нормативного правового регулирования. Не всегда демонстрация может отождествляться с пропагандой нацизма: она может выступать в целях исторического просвещения, воспитания патриотизма населения, включая подрастающее поколение.

В рамках этого существует проблема необходимости привлечения к уголовной правовой ответственности исторических реконструкторов. Историческая реконструкция – это процесс воссоздания материальной или духовной культуры определённой исторической эпохи и региона либо воспроизведения исторического события¹. Вследствие чего можно сделать вывод, что при проведении исторической реконструкции может неоднократно демонстрироваться нацистская атрибутика и символика при воспроизведении событий Второй мировой войны.

В ст. 282.4 УК РФ предусматривается ответственность за неоднократную пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. К уголовной ответственности привлекаются к ответственности только лица, которые были подвергнуты административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ². Таким образом, лицо, совершившее указанное правонарушение впервые, не может привлекаться к уголовной ответственности.

Ответственность в КоАП РФ применяется за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Из этого следует, что состав уголовного преступления основывается на вышеуказанной статье КоАП РФ, но помимо этого включает в себя такое обязательное условие, как неоднократность деяния.

Легальная дефиниция «нацистская атрибутика и символика» законодателем не была предусмотрена. В статье 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 № 80–ФЗ (ред. от 28.12.2024) указывается, что к запрещенным относятся: нацистская символика и атрибутика, а также схожие с ними по внешним признакам элементы.

Кроме того, запрещаются экстремистские материалы, в том числе изображения руководителей организаций, движений или групп, чья преступная деятельность была установлена приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских

¹ Историческая реконструкция – Рувики: Интернет-энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Историческая_реконструкция (дата обращения: 23.10.2025).

² Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики // КриминалистЪ. 2025. № 3 (52). С. 58.

стран оси (Нюрнбергского трибунала).

Стоит отметить, что в ходе от 4 ноября 2014 года поправки в эту статью Федерального закона формулировка «запрещается пропаганда и публичное демонстрация» заменена на формулировку «запрещается пропаганда либо публичное демонстрирование» указанной атрибутики и символики.

Таким образом, существенно расширяется круг действий, подпадающих под запрет, и упрощается процедура доказывания факта правонарушения, что ведет к усилению административно-правового и уголовно-правового воздействия на нарушителей. Анализируя эту норму, Е. Н. Арестова и А. В. Борбат дают собственное определение: «Нацистской символикой (атрибутикой), как представляется, следует считать геральдику Национал-социалистической немецкой рабочей партии и иную нацистскую символику (свастика и др.), которая фигурирует в упомянутом нами Федеральном списке экстремистских материалов»¹.

Таким образом, основанием для привлечения к ответственности является демонстрация только тех материалов, которые содержатся в федеральном списке экстремистских материалов.

Использование нацистской атрибутики или символики является экстремистской деятельностью согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114–ФЗ (ред. от 27.10.2025). В нем делается акцент на то, что не являются экстремизмом случаи «использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии». Таким образом делается упор на комментарии, с которыми демонстрируется нацистская атрибутика и символика, содержащиеся в федеральном списке экстремистских материалов.

Исчерпывающего перечня экстремистской атрибутики и символики в настоящее время не существует. Ранее уже предпринимались попытки решить эту проблему. Так, в 1998 году Правительство РФ представило в Государственную Думу законопроект «О запрещении нацистской символики и литературы», но он был снят с рассмотрения. Этот законопроект предлагал считать нацистской символикой, согласно ст. 2, «знамена, значки, элементы униформы и приветствия, которые в любой форме воспроизводят символику, применявшуюся национал-социалистической рабочей партией

¹ Арестова Е. Н., Борбат А. В. Проблемы противодействия публичной демонстрации и распространению фашистской и нацистской символики (правовой аспект) // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5. С. 429.

Германии и фашистской Италией, такую как свастика, фасции и соответствующие приветственные жесты»¹. Так как законопроект не был принят, суды относят ту или иную символику (атрибутику) к запрещенной на основании заключений экспертов и специалистов.

Основным видом заключения в этом вопросе является культурная экспертиза. Дефиницию культурной экспертизы в своей статье дает Е. Н. Савельева, определяя ее как «установление соответствия / несоответствия действующим правилам и нормам социокультурной действительности ценностно-смыслового содержания исследуемых материалов»².

Например, Основанием для отклонения довода жалобы Л. послужило выводы судебной экспертизы. Как усматривается из заключения специалиста, татуировка на теле заявителя содержит изображение креста, являющегося основным компонентом символики, использовавшейся национал-социалистической партией Германии и фашистской партией Италии. Установленное экспертом сходство данного изображения с нацистской атрибутикой, публичное демонстрирование которой запрещено федеральным законом, опровергает утверждение Л. о том, что татуировка является исключительно оберегом и не относится к запрещенной символике³.

Иначе складывается судебная практика по данной категории дел за рубежом. В 2010 году в эстонском городе Синямэ прошел международный фестиваль «Дни военной истории». О своем желании принять участие в батальных сценах заявили военно-исторические клубы Латвии, Литвы, Финляндии, Польши и ряд других государств. Помимо реконструкции батальей, организаторы фестиваля подготовили ряд мероприятий, позволявших ознакомиться с нацистской атрибутикой и символикой, а также предметами солдатского быта⁴.

Участники могли пользоваться столовыми приборами, кружками и личными вещами с нацистской символикой. Подобная бытовая реконструкция нормализует и делает приемлемой нацистскую идеологию. Это является формой скрытой пропаганды, о чем упоминалось выше.

Таким образом, исторические реконструкторы могут быть привлечены к ответственности за отсутствием комментариев к предоставляемому

¹ О запрещении нацистской символики и литературы: Законопроект № 98067778–2. Ст. 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/98067778-2#bh_histras (дата обращения: 23.10.2025).

² Савельева Е. Н. Художественно-образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 107.

³ Постановление седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2020 г. № 16–3644/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Участники международного фестиваля «Дни военной истории» реконструируют кровопролитные бои в эстонском местечке Синимяэ [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.kp.ru/online/news/712843/> (дата обращения: 25.10.2025).

материалу. Об этом, в том числе, свидетельствует правовая позиция Роскомнадзора от 15 апреля 2015 года о том, что демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не является нарушением закона о противодействии экстремизму¹.

Цели пропаганды, которые могут быть неявно выражены в исторической реконструкции, обнаруживаются двумя способами, на которые указывает А. Г. Пырин. К числу действий, образующих признаки противоправной пропаганды, относится публичное демонстрирование образцов агитационного искусства Третьего рейха в виде первоисточников или их стилизаций при отсутствии сопровождающего критического анализа, комментария, а также подача материалов о Второй мировой войне, создающая ложное представление об оценке преступного характера идеологий нацизма и фашизма².

К последнему относится намеренное представление лидеров фашистских режимов с акцентом на их личностных качествах вне контекста совершенных ими преступлений против человечности. Указанные способы одностороннего освещения деятельности таких лиц, как Гитлер, Муссолини и Франко, при систематическом игнорировании их причастности к организации концлагерей, геноцида и иных преступлений, экспертами рассматриваются как формы открытой пропаганды, направленной на реабилитацию соответствующих идеологий.

Таким образом, чтобы «добросовестные» исторические реконструкторы не были привлечены к ответственности, при организации соответствующих мероприятий им необходимо соблюдать ряд правил:

- наличие обязательного исторического контекста: мероприятие должно быть оформлено так, чтобы было абсолютно ясно, что оно является исторической реконструкцией с образовательной целью;
- наличие объяснительных материалов: на сайте мероприятия, в афишах, программах и устных объявлениях должно быть четко указано, что это воссоздание исторических событий без цели пропаганды;
- наличие вступительного слова: перед началом реконструкции ведущий должен объяснить зрителям суть события, его историческое значение для Победы и осуждает идеологию нацизма;
- отсутствие представления лидеров фашистских режимов, где основ-

¹ Роскомнадзор – Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна трактоваться как нарушение закона о противодействии экстремизму [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news31736.htm> (дата обращения: 25.10.2025).

² Пырин А. Г. Новые тенденции в пропаганде фашизма. // Вестник Российского философского общества. 2011. №3. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-3-59-2011/12696-novye-tendencii-v-propagande-fashizma.html> (дата обращения: 23.10.2025).

ное внимание уделяется их личностным качествам, при этом полностью игнорируется контекст их преступлений против человечности.

Соблюдение этих мер не исключает ответственность, но создает правовую позицию защиты. В случае проверки организаторы могут доказать, что их цель – не реабилитация, а историческое просвещение и осуждение нацизма. Отсутствие же такого контекста легко может быть расценено как пропаганда.

Уголовная ответственность наступает только в случае умышленного преступления при наличии признака административной преюдиции.

Закрепление такого списка позволило бы проводить единую политику в сфере противодействия распространения нацистской идеологии. Более того, является необходимым закрепление единых методик для специалистов в области культурной экспертизы, так как ст. 204 УПК РФ устанавливает обязательным требование указания использованных методик. В настоящее время в экспертных заключениях по подобным делам ссылка на методики не указывается за их отсутствием.

Научная статья

УДК 343.326

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДИВЕРСИИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Елена Владимировна КОЛЬЦОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
helen2003k@Bk.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Владимировна МОРОЗОВА**,
yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются сходства и различия составов преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 281 УК РФ, что обусловлено сложностью их разграничения в правоприменительной практике.

Автор отмечает, что схожесть объективных сторон и абстрактность цели дестабилизации органов власти ведут к ошибочной квалификации

диверсий как террористических актов.

Делается вывод о важности совершенствования судебной практики и внесения уточнений в Постановление Пленума ВС РФ для обеспечения корректной квалификации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, террористический акт, диверсия

Original article

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF SABOTAGE AND A TERRORIST ACT

Elena V. KOLTSOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, helen2003k@Bk.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Vladimirovna MOROZOVA**, yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the similarities and differences between the types of crimes provided for in Articles 205 and 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is due to the complexity of their differentiation in law enforcement practice.

The author notes that the similarity of the objective sides and the abstraction of the purpose of destabilizing the authorities lead to the erroneous qualification of sabotage as terrorist acts.

The conclusion is made about the importance of improving judicial practice and making clarifications to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to ensure correct qualifications.

Keywords: criminal liability, crimes against the foundations of the constitutional order and state security, terrorist act, sabotage

Диверсия (ст. 281 УК РФ) и террористический акт (ст. 205 УК РФ) традиционно в литературе считаются смежными составами преступлений. По законодательной конструкции объективная сторона диверсии почти полностью совпадает с объективной стороной террористического акта.

Так, оба состава могут быть совершены в виде взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение определенных объектов либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды. Иными словами, этим преступлениям, как правило, свойственно насилие, связанное с общеопасным способом действия.

В силу схожести конструирования диспозиции рассматриваемых статей на практике могут возникать трудности при квалификации. Зачастую диверсию рассматривают как составную часть террористического акта, что является неправильным, так как у данных составов преступления разный объект посягательства, цель и др¹.

Отсутствие понимания у правоприменителя отличий диверсии от террористического акта может привести к ошибкам в квалификации, которые напрямую нарушают принцип законности, сформулированный в ст. 6 УК РФ.

Обратимся к статистике, чтобы проанализировать динамику террористических и диверсионных преступлений. Так, в 2021 году зарегистрировано 2136 преступлений террористического характера, в 2022 – 2233², в 2023 – 2382³, а в 2024 – 3714⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о стремительном росте числа террористических преступлений за последние несколько лет (за один год с 2023 по 2024 число совершенных преступлений террористической направленности увеличилось примерно на 36 %).

При этом количество зарегистрированных диверсий в разы уступает террористическим актам за аналогичный период. Например, в 2021 год на территории Российской Федерации зафиксировано 1 диверсионное преступление, в 2022 – 21⁵, а в 2024 – 189⁶. Столь существенное различие в статистических показателях вызывает закономерный вопрос о возможных ошибках в их квалификации и сложившийся ошибочной правоприменительной практике.

Как нам кажется, в период проведения специальной военной операции

¹ Тутуков А. Ю., Татаров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 169.

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Показатели преступности России 2021, 2022. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 06.11.2025).

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 06.11.2025).

⁴ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 06.11.2025).

⁵ Пискарев: по данным Генпрокуратуры, в РФ в 2022 году зарегистрирована 21 диверсия // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/14/19270687.shtml?ysclid=mhnb4p5fal606914713> (дата обращения: 06.11.2025).

⁶ В ГД отметили увеличение числа диверсий в девять раз по сравнению с 2022 годом // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25397527?ysclid=mhnb9dghwj855269910> (дата обращения: 06.11.2025).

количество диверсионных преступлений должно существенно превышать террористические преступления. Это обусловлено сущностью акта диверсии, которая заключается в нанесении максимального ущерба противнику путем уничтожения живой силы, вывода из строя военной техники, транспортных коммуникаций и иных особо значимых объектов в период проведения военных действий¹.

В связи с изложенным, по нашему мнению, существующая статистика по рассматриваемым составам не отражает реального состояния преступности в силу искажения, вызванного сложившейся неправильной судебной практикой. На сегодняшний день практика, по нашему мнению, складывается таким образом, что взрыв или поджог независимо от места и цели их совершения квалифицируются по ст. 205 УК РФ.

О проблеме разграничения диверсии от террористического акта также говорит неоднозначная судебная практика, связанная с поджогами релейных шкафов. Так, в начале специальной военной операции органы предварительного расследования РФ возбуждали уголовные дела по факту поджога релейных шкафов по следующим статьям: ст. 167 УК РФ (Умышленные уничтожение или повреждение имущества), ст. 267 УК РФ (Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения), ст. 205 УК РФ (Террористический акт), ст. 281 УК РФ (Диверсия)².

В настоящее время поджоги железнодорожных релейных шкафов в основном квалифицируются как диверсия³ или террористический акт⁴. В связи с этим возникает вопрос об установлении цели совершения преступления при совершении внешне сходных преступлений.

По нашему мнению, в практике складывается ситуация поглощения цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации целью дестабилизации деятельности органов власти, поскольку последняя является более абстрактной и, как следствие, проще

¹ Давитадзе М. Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169.

² Довбня А. В., Множина Д. Н., Иванова Ю. Ю. Релейные шкафы как объекты преступного посягательства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 3 (35). С. 49.

³ Суд приговорил к 14,5 годам поджигателя релейных шкафов в Петербурге // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20241119/310419252.html (дата обращения: 06.11.2025); Поджигатель релейных шкафов в Саратове получил 12 лет за диверсию // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20231009/saratov-1901565470.html?ysclid=mhqtsgz7r1451418096> (дата обращения: 06.11.2025); Верховный суд Удмуртии дал 12,5 лет студенту из Глазова за поджог объекта РЖД // Комерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7889031?ysclid=mhqtajadh558379837> (дата обращения: 06.11.2025).

⁴ Кассационное определение от 24 февраля 2025 г. по делу № 2-102/2024. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Приговор Центрального окружного военного суда от 09.11.2025 по делу № 2-48/2025 (2-179/2024;). Доступ база из базы судебных актов. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращение: 06.11.2025); В Санкт-Петербурге вынесен приговор по уголовному делу о совершении террористического акта путем поджога релейного шкафа на железнодорожной станции Лахта // Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://zmsut.sledcom.ru/news/item/1880366/> (дата обращение: 06.11.2025).

поддается доказыванию.

Так, законодательство Российской Федерации четко оперирует такими понятиями, как «экономическая безопасность» и «оборона», тогда как дефиниция «дестабилизация деятельности органов власти» остается без легального определения.

Несомненно, данный подход не является верным, так как субъективная сторона является конститутивным обязательным признаком любого состава преступления, помогающим отличать преступления, совпадающие по внешним признакам.

Непосредственным объектом ст. 205 УК РФ является общественная безопасность. В соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации: утвержденной Президентом Российской Федерации от 14.11.2013 № Пр-2685 от 20 ноября 2013 года под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Данное определение носит широкий характер, отождествляя общественную безопасность с нормальным режимом функционирования общественной жизни, при котором обеспечено спокойствие, неприкосновенность жизни и здоровья населения, нормальная деятельность государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий. Ученые выделяют два компонента, характеризующих общественную безопасность: объективный и субъективный¹. Объективный критерий выражает уровень реальной защищенности системой законодательного регулирования, реализацией полномочий правоохранительных и иных органов. Субъективный критерий выражает психологическое восприятие в обществе: чувство спокойствия и защищенности в общественных местах.

Дополнительный непосредственный объект ст. 205 УК РФ является альтернативным: безопасность жизни или здоровья; право собственности; нормальное функционирование органов власти и международных организаций.

К основному непосредственному объекту ст. 281 УК РФ относится экономическая безопасность и обороноспособность.

Согласно п. 7 Указа Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечи-

¹ Овчинникова Г. В. Терроризм: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. С. 66.

ваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Как общественная, так и экономическая безопасность являются составными компонентами национальной безопасности.

Легальное определение обороноспособности отсутствует в российском законодательстве. Однако данное понятие можно вывести из легальной дефиниции обороны, закрепленной в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2025), где под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории.

Несмотря на то, что рассмотренные объекты являются кардинально разными, на практике могут возникать трудности в их разграничении.

Так, 8 октября 2022 года ВСУ был подорван Крымский мост¹. С одной стороны, Крымский мост является важнейшим стратегическим, логистическим объектом, соединяющим Таманский полуостров (Краснодарский край) с Керченским полуостровом (Крым). В связи с этим любое повреждение его подрывает экономическую безопасность Российской Федерации. С другой стороны, этот инцидент оказал прямое воздействие и на общественную безопасность. Подрыв моста, который является не только инфраструктурным, но и мощным символическим объектом, создал волну психологического напряжения и ощущение уязвимости среди населения в период проведения специальной военной операции².

Данное преступление правоохранительные органы квалифицировали по ч. 2 ст. 205 УК РФ³. Однако, по нашему мнению, содеянное стоит квалифицировать по совокупности преступлений: ст. 205 и ст. 281 УК РФ, если будет доказана субъективная сторона обоих составов. О допустимости квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ, в случаях, когда лицо, совершая взрывы, поджоги и иные общеопасные действия, преследует как террористические, так и диверсионные цели, писал В. Л. Кудрявцев⁴.

Думается, что при совершении преступлений террористической или диверсионной направленности может причиняться вред нескольким

¹ Теракт на Крымском мосту 8 октября 2022 года//ТАСС. URL: <https://ria.ru/20231008/terakt-1900976039.html> (дата обращения: 10.11.2025).

² Госдума: Уровень бронирования отелей на ноябрь в Крыму упал до нуля//Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/10/24/71762054/?ysclid=miampgto8p909943275> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Глава СК заявил о завершении расследования теракта на Крымском мосту в 2022 году//РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2024/65de91039a7947542838f074> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Кудрявцев В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1 (10). С. 52.

объектам одновременно, при этом выбрать наиболее значимый, страдающий в первую очередь объект: общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность или общественные отношения, обеспечивающие экономическую безопасность и обороноспособность, представляется затруднительно. Таким образом, на практике разграничение составов ст. 281 и ст. 205 УК РФ по объекту посягательства носит скорее теоретический, чем практический характер.

Более практикоориентированным критерием для отграничения ст. 281 УК РФ и ст. 205 УК РФ является предмет преступления.

В общепринятом понимании предмет – то, на что непосредственно воздействует лицо, совершая преступление. Стоит отметить, что в доктрине, исходя из толкования ст. 205 УК РФ, полагают, что предмет преступления не является обязательным признаком террористического акта. Полагаем, это связано с тем, что причинение вреда имуществу, потерпевшим, животным, иным материальным предметам выступает не в роли главной цели посягательства, а способа, позволяющего воздействовать на принятие решения органами власти и международными организациями. Террористический акт нарушает интересы не конкретного определенного круга лиц, а лишь интересы тех, кто оказался в зоне их преступных интересов. Террористу не важна ни личность жертвы, которая пострадает во время террористического акта, ни место совершения деяния (используются, как правило, общественные места, но это может быть любое общественное место), ни имущество, которому будет причинен вред.

В отличие от террористического акта в диверсии принято выделять предмет как обязательный признак состава. Так, предметом посягательства ст. 281 УК РФ являются различные предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, вред здоровью людей и компонентам природной среды. Отметим, что два последних предмета посягательства были приняты в качестве законодательной новеллы в 2023 году.

Согласно пояснительной записке к законопроекту расширение перечня предмета ст. 281 УК РФ обусловлено появлением новых рисков для экономической безопасности и обороноспособности государства. К ним, наряду с традиционными взрывами и поджогами, теперь необходимо относить преднамеренное выведение из хозяйственной деятельности трудоспособного населения, заражения сельскохозяйственных животных и растений, приведения в негодность пищевых и сырьевых ресурсов, поражения и уничтожения иных компонентов природной среды¹.

Сегодня диверсия перестала быть исключительно актом материального

¹ Проект №232768-8 ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Государственная Дума : офиц. сайт. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/122117-8> (дата обращения: 10.11.2025).

разрушения инфраструктуры, она может принимать самые нетипичные формы, способных нанести ущерб экономической безопасности и обороноспособности. Однако конструирование диспозиции ст. 281 УК РФ в виде закрытого перечня предметов посягательства является, по нашему мнению, ошибочным, так как она не охватывает иные формы объектов, в отношении которых могут совершаться диверсионные действия. Так, в литературе уже давно выделяют кибердиверсии, в ходе которых вредоносные программы атакуют стратегически значимое программное оборудование¹.

Таким образом предмет посягательства является важнейшим элементом, помогающим разграничить террористические и диверсионные преступления. Несмотря на то, что террористический акт не имеет конкретизированного предмета посягательства, можно выявить определенную закономерность, проанализировав места, где данные преступления традиционно совершаются. Как правило, это места массового скопления: торговый центр, метро, многолюдный рынок и др. В свою очередь для диверсии характерен конкретный и стратегически важный предмет посягательства (предприятие энергетики, транспортная инфраструктура, объект связи и коммуникации и др.).

В науке ряд авторов относит демонстративность и ультимативность действий к числу существенных признаков, разграничивающих составы преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 281 УК РФ².

Как справедливо указывает Г. В. Овчинникова: «Если террористический акт не имеет публичного характера, то не будут достигнуты цели совершения данного преступления. Для преступника важно, чтобы было очевидно, что совершен именно акт терроризма, что происшедшее не является ни несчастным случаем, ни каким-то иным преступлением»³.

Признак публичности непосредственно связан с устрашением населения и признаком опасности. Совершение террористических актов в общественных местах является катализатором страха среди населения, усиливающим состояние незащищенности. В свою очередь, акты диверсии носят скрытый характер, так как у преступника цель нанести максимальное повреждение/разрушение стратегическому объекту. Широкая огласка таких действий активизирует работу специальных служб, которые будут стремиться минимизировать ущерб, что противоречит интересам диверсанта.

Несмотря на то, что данные признаки не являются обязательными для квалификации по ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ, на практике в конкретных

¹ Куликов А. В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика, Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ред. Э.В. Фомин. Чебоксары, 2022. С. 97.

² Овчинникова Г. В. Терроризм: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. С. 32.

³ Расследование терроризма: Учебное пособие / В. И. Иванов, К. А. Корсаков, О. Н. Коршунова, Г. В. Овчинникова, Е. Б. Серова; Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 2001. С. 2.

делах они могут иметь большое значение для их разграничения. На основании изложенного, считаем, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) необходимо дополнить необходимо дополнить признаком публичности, характеризующим деяние при совершении террористического акта.

Таким образом, на сегодняшний день в правоприменительной практике сложилась проблема, связанная с разграничением террористического акта (ст. 205 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ). Это обусловлено тем, что у рассматриваемых составов схожим образом сконструирована объективная сторона. Кроме того, мы предполагаем, что существенное преобладание террористических актов по сравнению с диверсиями связано с абстрактностью цели дестабилизации в ст. 205 УК РФ, что облегчает ее доказывание по сравнению с конкретными целями подрыва экономической безопасности и обороноспособности, требуемыми для квалификации диверсии.

Данная проблему предлагается решить путем закрепления критериев, свидетельствующих о цели дестабилизации деятельности органов власти в деянии лица, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09 февраля 2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). Кроме этого, предлагается принять меры к унификации судебной практики путем подготовки Верховным Судом Российской Федерации обзора по делам преступлениях террористической и диверсионной направленности.

Научная статья
УДК 343.97

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РИСКАМИ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Лилия Алексеевна КОНДРАТЬЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kondrateva_lilit.2004@mail.ru

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета проку-

ратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Людмила Александровна ЗИМИРЕВА**, zimpravo@yandex.ru

Аннотация. Автором проанализированы основные риски миграционной преступности: связь криминальной миграции с терроризмом и экстремизмом, взаимообусловленность незаконной миграции и коррупции.

Установлено, что противодействие этим рискам требует комплексного подхода, включающего борьбу с коррупцией, профилактику радикализации и совершенствование правового регулирования миграционных процессов.

Предложены практические рекомендации по оптимизации государственного управления в сфере миграционной политики.

Ключевые слова: национальная безопасность; миграционная преступность; терроризм и экстремизм в миграционной среде; незаконная миграция; коррупция.

Original article

SOME RISK-RELATED ISSUES MIGRATION CRIME

Lilia A. KONDRATYEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,
kondrat-eva_lilit.2004@mail.ru

Scientific adviser – Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Lyudmila Aleksandrovna ZIMIREVA**, zimpravo@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the main risks of migration crime: the connection of criminal migration with terrorism and extremism, the interdependence of illegal migration and corruption.

It has been established that countering these risks requires an integrated approach, including combating corruption, preventing radicalization and improving the legal regulation of migration processes.

Practical recommendations on optimizing public administration in the field of migration policy are proposed.

Keywords: national security; migration crime; terrorism and extremism in the migration environment; illegal migration; corruption

Актуальность исследования рисков миграционной преступности обусловлена тем, что «любая миграция – законная или незаконная – порождает проблемы, требующие принятия сбалансированных решений со стороны принимающего государства...»¹.

Во-первых, миграционная преступность – сложный вид преступности, который можно рассматривать как совокупность трех групп преступлений: 1) совершаемых иностранными гражданами (лицами без гражданства); 2) в отношении указанной категорий лиц; 3) против миграционного режима (порядка въезда, пребывания (проживания) иностранного контингента)².

Во-вторых, миграционная преступность охватывает не только девиантное поведение самих мигрантов, но и должностных лиц, выполняющих свои служебные обязанности противозаконно.

В-третьих, особое влияние на миграционную преступность оказывает миграционная обстановка (ситуация) в принимающем государстве (государстве-реципиенте), под которой понимается совокупность факторов, обусловленных въездом, пребыванием, транзитным проездом и выездом иностранных граждан и лиц без гражданства, оказывающих влияние на социально-экономическую и демографическую ситуацию, внутривнутриполитическое и внешнеполитическое положение и национальную безопасность государств, указано в Решении Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции», принятом в г. Астане 16 сентября 2004 года.

Таким образом, точное обозначение детерминантов миграционной преступности, оценка государственной политики в сфере миграции, рассмотрение правового регулирования положения иностранных лиц и лиц без гражданства на территории России являются крайне важными вопросами для принятия эффективных мер к управлению рисками преступности³.

Миграция является древним историческим процессом, следствием социального, экономического и технологического прогресса в развитых странах. Избавиться от нее невозможно, однако правильно организовывать и вести контроль за естественным процессом миграции – главная задача государства и правоохранительных органов.

Как отмечают ученые-криминологи Ю. М. Антонян, А. В. Росто-

¹ Маркова О. А., Кошелев М. С., Суходолов Я. А. Анализ миграционной преступности в Забайкальском крае, ее влияние на криминогенную обстановку в регионе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 2. С. 218.

² Урда М. Н. Концепция управления рисками миграционной преступности // Публичное право: теория и практика применения. 2020. С. 59 URL: <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-57-64>

³ В данном контексте, управление рисками миграционной преступности понимается как воздействие органов государственной власти принимающего государства (субъекта управления) на риски миграционной преступности (объект управления) с целью их минимизации.

кинский, Я. И. Гилинский: «мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни коренного населения; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются на заработок в другие страны и регионы наиболее активные – молодые мужчины, чья повышенная криминальность известна»¹.

Рассмотрим риски криминальной области миграции на основании, проведенного нами анкетирования по данной теме. В опросе приняли участие всего – 92 человека, из них 52 – лица, связанные с юридической деятельностью, остальные 40, осуществляют деятельность, отличную от юридической.

Анализ ответов респондентов на вопрос об основных рисках миграционной преступности свидетельствует о том, что участники исследования выделяют совокупность угроз, демонстрирующих комплексный и многоаспектный характер. Однако основными рисками, ассоциируемыми с миграционной преступностью в России, респонденты исследования считают терроризм и экстремизм (67,4 %), общую социальную напряженность (62 %), а также увеличение межнациональных конфликтов (57,6 %).

Значимое место в восприятии рисков занимают коррумпированность, криминализация экономических отношений и трансграничная преступность (по 22,8 % каждый), а также рост наркотизации общества (25 %). Остальные опасения – такие как рост числа уголовных преступлений, ужесточение миграционной политики или увеличение числа половых преступлений – получили существенно меньшее внимание (около 1–2 %).

В связи с тем, что любое государство-реципиент прежде всего ставит в приоритет вопросы национальной безопасности, обратимся подробнее к проблеме терроризма, экстремизма и их взаимосвязи с миграцией.

В числе резонансных преступлений последних лет – вооруженное нападение на посетителей концертного зала «Крокус Сити Холл». Последствия события привели к гибели 144 человек и ранению 551².

Именно мигранты, находясь в условиях нестабильного финансового положения на территории России, составляют незащищенный социальный слой, формирующий благоприятную среду для вербовки иностранными специальными службами и экстремистскими организациями. Экономическая уязвимость и социальная изоляция делают данную категорию лиц восприимчивой к предложениям получения дополнительного дохода. Они становятся орудиями реализации экстремистских и террористических целей.

¹ Экстремизм и его причины: монография / Ю. М. Антонян, А. В. Ростокинский, Я.И. Гилинский [и др.]; под ред. Ю. М. Антонян. М.: Логос, 2014. С. 115.

² Серков Д., Химшиашвили П., Хабарова В. Теракт в «Крокус Сити». Хроника событий // РБК: [сетевое издание]. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/65feb1cc9a794700bc1389f1/>.

При этом не только нелегальные мигранты вовлечены в процесс распространения радикальных взглядов, но и среди трудовых мигрантов, прибывающих в России, существуют подобные идеи.

Для решения вышесказанного В. В. Путин строго обозначил: «Любые проявления экстремизма, нарушения правопорядка, незаконная трудовая деятельность – должны служить основанием для быстрого принятия и исполнения решения о высылке таких людей за пределы России и о запрете на въезд в нашу страну в будущем»¹.

Данные меры характерны к уже совершенным деяниям или планируемым, но к предупреждающим мерам относятся и другие профилактические мероприятия миграционной политики.

Например, по линии пресечения незаконной миграции, согласимся с А. В. Богдановым, И. И. Ильинским, О. В. Кудиным о необходимости проведение оперативно-профилактических мероприятий, встреч с представителями и духовными лидерами этнических диаспор, работа в местах концентрации мигрантов².

Думается, что количество трудовых иностранных граждан (лиц без гражданства) должно отвечать потребностям тех сфер, которые в них нуждается принимающее государство: различных областях экономики, строительства, жилищно-коммунальной сфере, социальных услуг.

К положительно реализуемому второму этапу федеральной комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал-2025», направленной на выявление и пресечение преступной деятельности, связанной с незаконной миграцией, предлагаем рассмотреть дополнительно предложения:

- 1) цифровизация процесса заключения трудовых договоров;
- 2) введение обязательного официального приглашения работодателя для въезда иностранного лица или лица без гражданства на территорию России;
- 3) усиление контроля за законностью трудоустройства и квалификацией работников;
- 4) повышение ответственности работодателей за незаконное использование труда мигрантов.

Следственный комитет Российской Федерации неоднократно официально констатировал прямую связь между коррупцией и нелегальной миграцией. В мае 2024 года в официальной публикации Следственного комитета Российской Федерации было заявлено: «Особую опасность представляет

¹ В. В. Путин призвал высылать из Российской Федерации мигрантов за экстремизм и правонарушения. URL: <https://www.interfax.ru/russia/822648>.

² Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsionnoy-situatsii-v-rossii-na-ekstremizm-i-terrorizm>.

незаконная и неконтролируемая миграция. Она ухудшает криминогенную обстановку, создает условия для роста теневой экономики и коррупции, смыкается с организованной преступностью. Более чем в два раза возросла преступная активность тех, кто нелегально находится в России – с 3451 до 9306»¹.

Также по данным СК РФ в 2025 году в суд направлено 97 уголовных дел о совершении ОВД РФ преступлений в области миграционного законодательства (в аналогичном периоде прошлого года – 58). К уголовной ответственности привлечены 120 фигурантов, среди которых 81 обвиняемый – это сотрудники миграционных подразделений ОВД РФ (за 5 месяцев 2024 года – 36). Кроме того, к дисциплинарной ответственности привлечены 123 сотрудника органов внутренних дел, среди которых 82 служат в подразделениях по вопросам миграции².

Комплексный характер вышеуказанных социальных явлений обусловлен их системной взаимообусловленностью. Коррупция служит исходным фактором, генерирующим незаконную миграцию, при этом распространенность нелегально находящихся лиц на территории России создает предпосылки для постоянного воспроизводства коррупционных механизмов. Подобная цикличность обеспечивает возможность для самоподдерживающегося процесса деградации государственных институтов.

Исходя из приведенных статистических данных, управление рисками миграционной преступности является актуальной сферой деятельности органов государственной власти.

Видится, что в целях противодействия миграционной преступности, следует наладить следующие процессы: во-первых, продолжать вектор, установленный Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) по цифровизации административных процедур в процессе взаимодействия въезжающих на территорию России иностранных граждан (лиц без гражданства) с миграционными органами, тем самым, обеспечить прозрачность решаемых вопросов.

Во-вторых, предлагается усилить прокурорский надзор за миграционными органами, а также увеличить количество проверок по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов.

В-третьих, согласно Федеральному закону «О внесении изменения в ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 09 ноября 2024

¹ Миграция и национальная безопасность: баланс между безопасностью и правами человека. URL: <https://pressa.sledcom.ru/zhurnal/Magazine-6-2024/item/1939911/>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Выросло число преступлений, совершенных сотрудниками миграционных служб // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-sledkome-zayavili-o-roste-chisla-prestupleniy-sovershennykh-sotrudnikami-migracionnykh-sluzhb.html>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

№ 387-ФЗ активно использовать право конфискации для виновных лиц в организации незаконной миграции.

Научная статья
УДК 343.611.6

**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 277 УК РФ**

Виктория Алексеевна КОТЕНЕВА

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
kotenevaviktoria@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент **Анна Михайловна РАЗОГРЕЕВА**,
amrazogreeva@sfsedu.ru

Аннотация. В данной статье внимание сосредоточено на выявлении специфических характеристик потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ.

На основании проделанного анализа действующего российского законодательства и судебной практики автором предлагаются признаки, позволяющие выделить общественного деятеля как необходимого для квалификации деяния по данной статье потерпевшего.

Ключевые слова: посягательство на жизнь общественного деятеля, общественный деятель, государственный деятель, убийство в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга

Original article

**THE CONCEPT AND SIGNS OF A PUBLIC FIGURE
IN THE COMPOSITION OF A CRIME PROVIDED
FOR IN ARTICLE 277 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Victoria A. KOTENEVA

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
kotenevaviktoria@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Southern Federal University, Candidate of Law, Associate Professor **Anna Mikhailovna RAZOGREEVA**, amrazogreeva@sfsu.ru

Abstract. This article focuses on identifying the specific characteristics of the victim as part of a crime under Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Based on the analysis of current Russian legislation and judicial practice, the author suggests signs that make it possible to identify a public figure as necessary for the qualification of an act under this article.

Keywords: encroachment on the life of a public figure, a public figure, a statesman, murder in connection with the exercise of official activity or the fulfillment of a public duty

Государство – это не только государственные институты, политические партии и органы власти, но и люди – яркие, важные, живые и значимые не только для своих близких (хотя для уголовно-правовой защиты это более чем достаточное основание), но и для функционирования общества и государства в целом.

Убийства Индиры Ганди, Патриса Лумумбы или Джона Кеннеди изменили не только жизнь людей в Индии, Конга или США, соответственно, но и оказали влияние на мировую историю.

Статья 277 УК РФ в качестве преступления против безопасности государства предусматривает ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, связывая нормальное функционирование государства и его безопасность не только лицами, занимающими государственные должности в системе службы в настоящем или прошлом (государственные деятели), но и тех, кто не занимая формальных должностей, самым своим способом жизни обеспечивают культурную или политическую суверенность нашего государства.

Действительно, общественный деятель – это не должность, которую можно подтвердить каким-либо правоустанавливающим актом. Характер определения деятельности в качестве общественной требует конкретного анализа в каждой отдельной ситуации, неочевиден и представляет сложность для правоприменителя.

С одной стороны, важно не девальвировать значимость нормы, предусмотренной ст. 277 УК РФ, применяя ее необоснованно широко для защиты широкого круга лиц, обладающих некой известностью или социальной значимостью. С другой, необходимо применять именно эту норму в случаях,

когда посягательство на конкретного человека имеет высокую степень государственной значимости.

Для того чтобы определиться с пониманием специфических признаков общественного деятеля в контексте данного состава преступления в первую очередь мы обратились к базовым определениям, содержащимся в учебной литературе как источнике конвенционального доктринального понимания.

В. В. Сверчков считает, что общественным деятелем должно признаваться такое лицо, которое не просто активно вовлечено в деятельность разрешенного общественного объединения, а его работа в таком объединении оказывает существенное воздействие на политическую жизнь страны, причем даже в международном масштабе¹.

В. Б. Боровиков в своем определении выделяет в качестве характеризующей черты активное участие в жизни страны вне зависимости от вида деятельности². А. В. Наумов и А. Г. Кибальник в качестве признаков общественного деятеля указывают наряду с активным лицом «видное», которое может состоять не только в политической партии, но и ином законном общественном объединении³. А. И. Бастрыкин отмечает активное участие лица именно в руководстве официально зарегистрированного общественного объединения, необязательно осуществляющего политическую деятельность⁴.

Настолько разные подходы к определению общественного деятеля в учебной литературе демонстрируют отсутствие единого подхода к пониманию потерпевшего в анализируемом составе преступления, соответственно, данный вопрос остается слабо изученным, что и вызывает научный интерес.

Целесообразным представляется проанализировать нормативные источники и практику их применения для определения легально установленных признаков общественного деятеля. Так, одной из государственных

¹ Сверчков В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. В. Сверчков. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 421 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-20221-2. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 346 URL: <https://urait.ru/bcode/557819/p.2> (дата обращения: 20.10.2025).

² Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 479 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-20006-5. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 289 URL: <https://urait.ru/bcode/557447/p.289> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 564 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-18550-8. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 399. URL: <https://urait.ru/bcode/563340/p.555> (дата обращения: 08.11.2025).

⁴ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина ; под научной редакцией А. И. Чучаева. М. : Издательство Юрайт, 2025. 468 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-12079-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 334. URL: <https://urait.ru/bcode/580312/p.334> (дата обращения: 08.11.2025).

наград является Орден Святого апостола Андрея Первозванного, в Указе Президента РФ от 07 сентября 2010 № 1099 (ред. от 22.12.2025) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия – Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия «За безупречную службу», почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации») о котором указано, что награждены им могут быть видные общественные деятели. Эта конструкция – видные общественные деятели – эквивалента, по нашему мнению, свойствам потерпевшего в составе ст. 277 УК РФ.

Так, в частности, этой награды именно за общественную деятельность был удостоен кинорежиссер Н. С. Михалков. Соответственно, видного деятеля культуры и кинематографического искусства можно признавать общественным. Кавалерами ордена являются также Ф. Г. Алиева – аварская поэтесса, оперная певица И. В. Архипова, поэт Р. Г. Гамзатов, писатель Д. А. Гранин, патриарх Московский и всея Руси Алексей II, автор гимна С. В. Михалков.

В связи с этим может возникнуть вопрос о возможности переноса этой правовой позиции в целях применения ст. 277 УК РФ. Буквальное толкование диспозиции статьи 277 УК РФ позволяет сделать вывод, что уголовно-правовая охрана в рамках данного состава преступления будет предоставляться лицу, в отношении которого было совершено причинение смерти или покушение на таковое в связи с осуществлением им именно политической деятельности.

Получается, что если трактовать политическую деятельность узко, то тогда посягательство на общественного деятеля, не участвующего в деятельности политических партий, движений, не принимающего участие в проводимых на законных основаниях митингах, пикетированиях, не будет подвергнут уголовно-правовой охране в рамках специальной нормы, даже несмотря на ощутимое влияние, какое он оказывает на общество.

Если рассматривать возможность квалификации посягательства на жизнь общественного деятеля, не занимающегося политической деятельностью в узком смысле, но при этом оказывающего влияние на общественную жизнь, по части 1 статьи 105 УК РФ, нужно учитывать, что объектом данного состава преступления является только жизнь.

Однако посягательство на жизнь общественного деятеля, который влияет на формирование общественного мнения в той или иной сфере, соот-

ветственно, имеет определенное, в той или иной степени, воздействие на общество, не посягает лишь на жизнь конкретного человека.

Состав преступления, предусмотренный статьей 277 УК РФ, относится к главе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, соответственно, потерпевший должен являться лицом, личность которого играет важную роль в общественной жизни государства.

Мы считаем, что в случае, если лицо посягает на жизнь общественного деятеля именно из-за осуществления им общественно значимой деятельности, то такое посягательство необходимо квалифицировать именно по статье 277 УК РФ.

Справедливым полагаем утверждение С. А. Пичугина, что к числу общественных деятелей на основании функционально-политического признака стоит относить влиятельных представителей культуры, науки, образования, средств массовой информации, искусства, так как они способны оказывать влияние на социальные процессы в государстве¹.

Кроме того, судебная практика доказывает, что политическая жизнь в уголовно-правовом понимании не трактуется узко. Так, в кассационном порядке оспаривалась квалификация действий лица, который причинил смерть лицу, осуществлявшему «общественно-политическую деятельность в сфере экологии и охраны окружающей среды»².

Деяние не было переквалифицировано на статью 277 УК РФ, но исключительно по причине того, что доводы о том, что смерть была причинена потерпевшему именно в связи с осуществлением потерпевшим политической деятельности, не нашли объективного подтверждения.

Однако при этом осуществление потерпевшим общественно-политической деятельности в экологической сфере не препятствует для квалификации содеянного как посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля при условии совершения объективной стороны состава преступления именно из-за осуществления потерпевшим таковой деятельности.

На основании вышеизложенного мы предлагаем следующие признаки общественного деятеля применительно к анализируемому составу преступления:

1. Осуществление лицом общественно значимой деятельности

Раскрывая данный признак, следует подчеркнуть, что общественный деятель должен влиять своими действиями на политическую часть жизни

¹ Пичугин С. А. Общественный деятель как потерпевший в составе преступления, предусмотренном ст. 277 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы определения и квалификации // Legal Bulletin. 2021. № 3. С. 56–58.

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2024 № 77-607/2024 (УИД 77RS0027-02-2022-012154-97). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

общества, однако таковая деятельность необязательно должна быть политической в узком смысле этого понятия. Лицо может быть активным членом любого общественного объединения, если оно оказывает влияние на социальные процессы в государстве. Дело в том, что общественные объединения априори вовлечены в политическую сферу жизни общества.

2. Активное вовлечение лица в осуществление общественно значимой деятельности

Считаем необязательным лицу при наличии оснований для квалификации по статье 277 УК РФ являться исключительно руководителем общественного объединения. Достаточным будет активное членство такого лица в деятельности объединения. Однако фактическое членство лица в каком-либо общественном объединении не является обязательным критерием в случае, если в ходе осуществления своей деятельности оно оказывает влияние на политическую сферу жизни общества. Например, если лицо периодически проводит с разрешения органов местного самоуправления митинги для достижения какой-либо общественно полезной цели.

3. Публичное осуществление общественно значимой деятельности

На наш взгляд, публичность является неотъемлемой частью оказания влияния на что-либо. Однако неверным будет, на наш взгляд, предлагать какие-то критерии для определения степени популярности лица при оказании им влияния на общество в ходе осуществления им общественно значимой деятельности. Соответственно, масштабность влияния лица на социальные процессы может быть разной; ключевым является субъективная сторона состава преступления – направленность посягательства на лицо в связи с осуществлением им общественно значимой деятельности.

4. Осуществление общественно значимой деятельности в интересах Российской Федерации

Общественная деятельность должна осуществляться в интересах обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, социально-экономического и национального развития Российской Федерации. Наглядно данный признак может быть проиллюстрирован, если деятельность, которую осуществляет лицо подпадает под национальные цели российского государства в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Дополнительно можно назвать несколько сугубо формально определенных признаков: потерпевший должен являться гражданином Российской Федерации и в случае, если он является членом общественного объединения, таковое должно быть легально зарегистрировано на территории Российской Федерации.

Таким образом, общественный деятель – это гражданин Российской Федерации, публично лично, либо в рамках членства в общественном объединении, легально осуществляющем деятельность на территории Российской Федерации, осуществляющий общественно значимую деятельность в интересах Российской Федерации.

На наш взгляд, учет предложенных признаков общественного деятеля позволит разграничить статью 277 УК РФ и п. «б» ч. 2 статьи 105 УК РФ. В связи с чем трудностей в надлежащей квалификации деяния в отношении общественного деятеля в практической деятельности станет меньше.

Научная статья
УДК 343.326

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ,
А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА**

Светлана Владимировна КРАВЦОВА

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия,
skrovecz@bk.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Наталья Дмитриевна ПЯТИБРАТОВА**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 280, 280.1, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализируются сложности разграничения составов публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и возбуждения ненависти либо вражды. Исследуются объективные и субъективные признаки данных преступлений, выявляются проблемы правоприменительной практики. Предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Обосновывается необходимость уточнения критериев разграничения

смежных составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Ключевые слова: экстремизм, публичные призывы, возбуждение вражды, квалификация преступлений, конституционный строй, безопасность государства, уголовная ответственность

Original article

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF PUBLIC APPEALS TO CARRY OUT EXTREMIST ACTIVITIES, PUBLIC CALLS FOR ACTIONS AIMED AT VIOLATING THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND INCITEMENT OF HATRED OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY

Svetlana V. KRAVTSOVA

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow,
Russia, skrovecz@bk.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law **Natalia Dmitrievna PYATIBRATOVA**

Abstract: The article examines current problems of qualification of crimes provided for by Articles 280, 280.1, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The difficulties of distinguishing between the elements of public calls for extremist activities and incitement of hatred or hostility are analyzed. The objective and subjective features of these crimes are investigated, and problems of law enforcement practice are identified. Directions for improving criminal legislation in the field of combating extremism are proposed.

The necessity of clarifying the criteria for distinguishing related elements of crimes against the foundations of the constitutional order and state security is substantiated.

Keywords: extremism, public appeals, incitement of hostility, crime qualification, constitutional order, state security, criminal liability

Современные реалии общественного развития актуализируют проблематику эффективного противодействия экстремистским проявлениям, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства.

Особую сложность представляет квалификация деяний, содержащих признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, что обусловлено пересечением норм различных статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья 280 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, при этом диспозиция данной нормы отсылает к федеральному законодательству об экстремистской деятельности. Анализ судебной практики свидетельствует о существенных трудностях в разграничении данного состава с преступлениями, предусмотренными статьями 280.1 и 282 УК РФ.

Объективная сторона преступления, закрепленного в статье 280 УК РФ, характеризуется совершением публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Публичность предполагает обращение к неопределенному кругу лиц, при котором призывы могут быть восприняты значительным количеством людей. Призывы должны содержать конкретные требования к совершению действий экстремистского характера, определенных федеральным законодательством.

Статья 280.1 УК РФ предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Разграничение с составом, предусмотренным статьей 280 УК РФ, проводится по предмету призывов и направленности умысла виновного лица. Территориальная целостность выступает более узким объектом посягательства по сравнению с экстремистской деятельностью в целом.

Наибольшую сложность представляет разграничение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности с возбуждением ненависти либо вражды, предусмотренным статьей 282 УК РФ. Объективная сторона последнего преступления включает действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии¹.

Ключевое различие заключается в характере совершаемых действий: статья 280 УК РФ предполагает призывы к конкретным активным действиям экстремистского характера, тогда как статья 282 УК РФ охватывает более широкий спектр действий, направленных на формирование негативного отношения к определенным группам лиц. При квалификации необхо-

¹ Голубовский В. Ю. Общественная опасность преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии. Материалы XIV Российского конгресса уголовного права. М., 2024. С. 186.

димо учитывать направленность умысла и содержание высказываний виновного лица¹.

Проблематичным представляется соотношение уголовной и административной ответственности за экстремистские проявления. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит составы, частично пересекающиеся с уголовно-правовыми нормами, что создает сложности в правоприменительной практике и требует четкого определения критериев разграничения.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Мотивы и цели не являются обязательными признаками составов, однако их установление имеет значение для индивидуализации ответственности.

Анализ правоприменительной практики выявляет необходимость совершенствования критериев разграничения смежных составов преступлений. Представляется целесообразным внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025), содержащее разъяснения по вопросам квалификации преступлений экстремистской направленности, с детализацией признаков каждого состава преступления.

Законодательное предложение состоит в дополнении статьи 280 УК РФ примечанием, содержащим определение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности как выраженных в любой форме обращений к неопределенному кругу лиц, содержащих требования совершить конкретные действия, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма.

Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в рассматриваемой сфере должно основываться на четком определении границ каждого состава преступления, исключающем возможность неоднозначного толкования. Необходимо обеспечить единообразие правоприменительной практики через детализацию критериев квалификации в руководящих разъяснениях высших судебных инстанций.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости системного

¹ Арипшев А. М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистского характера: психолингвистических аспектах // Право и управление. 2024. № 12. С. 276.

подхода к решению проблем разграничения составов преступлений экстремистской направленности. Совершенствование законодательной техники и правоприменительной практики будет способствовать повышению эффективности противодействия экстремизму при обеспечении соблюдения принципов законности и справедливости.

Научная статья

УДК 343.326

ЭКСТРЕМИЗМ В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Евдокия Валерьевна КРАЕВА¹, Даниил Леонидович ТОЛСТУНОВ²

^{1,2} Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия,

¹ evdokiya.kraeva@mail.ru

² danya.konkov.02@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Вячеславовна ПРОКОФЬЕВА**, prokofftv@list.ru.

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях. Поднимается вопрос о необходимости точного закрепления содержания понятия «информационно-телекоммуникационные сети» в отечественном законодательстве.

Авторы выделяют особенности публичного распространения материалов экстремистской направленности, а также проблемы квалификации деяний, существующие, в частности, из-за пробела в определении содержания понятия «информационно-телекоммуникационные сети».

Рассматриваются трудности, возникающие при расследовании указанной категории преступлений, связанные с трансграничным характером и высоким уровнем латентности.

Ключевые слова: экстремизм, киберпространство, информационно-телекоммуникационные сети, уголовная ответственность, квалификация преступлений, противодействие экстремизму

EXTREMISM IN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS: ISSUES OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION

Evdokiya V. KRAEVA¹, Daniil L. TOLSTUNOV²

^{1,2} Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹ evdokiya.kraeva@mail.ru

² danya.konkov.02@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Candidate of Law, Associate Professor **Tatyana Vyacheslavovna PROKOFIEVA**, prokofftv@list.ru.

Abstract. This article examines the issues of qualifying crimes of an extremist nature committed in information and telecommunication networks. The authors raise the question of the need for precise legislative definition of the term «information and telecommunication networks» in domestic law.

The article outlines the specific characteristics of the public dissemination of extremist materials, as well as the problems in classifying offenses that exist, in particular, due to a legislative gap in the definition of «information and telecommunication networks».

The difficulties encountered during the investigation of this category of crimes, associated with their cross-border nature and high latency, are also considered.

Keywords: extremism, cyberspace, information and telecommunication networks, criminal liability, qualification of crimes, countering extremism

Французский философ Жан Бодрийяр определяет современный мир через призму триумфа информационной реальности. Данный феномен находит выражение в гегемонии медиа, тотальном распространении компьютерных и кибернетических технологий, а также в глобализации сферы развлечений и производства знаний.

Трансформация социальных институтов под воздействием цифровизации общественных отношений детерминировала формирование новой коммуникативной реальности, которая, наряду с прогрессивными возможностями, сформировала благоприятные условия для криминализации виртуального пространства, в частности в сфере экстремистской деятельности.

Качественные характеристики сети «Интернет» как среды социальной коммуникации определяют возникновение новых модусов противоправного поведения и создают системные сложности в деятельности правоохранительных органов. В этой связи представляется значимым уголовно-правовой анализ генезиса экстремизма в цифровой среде.

Важно отметить, что несмотря на распространенное использование термина «информационно-телекоммуникационные сети», в отечественном законодательстве нет четкого разъяснения данного явления. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) в статье 2 дает определение указанного понятия, но ни в этом Федеральном законе, ни в иных нормативных правовых актах не дается точного указания, что именно можно отнести к информационно-телекоммуникационным сетям. На наш взгляд, этот пробел в законодательстве в первую очередь влияет на появление проблем юридической техники и влечет снижение качества законов, регламентирующих правовые аспекты использования информационных технологий и установления ответственности за преступления, связанные с ними.

Тем не менее, положения той же статьи рассматриваемого Федерального закона позволяют презюмировать, что к информационно-телекоммуникационным сетям относится, прежде всего, сеть «Интернет». Указание на нее есть и в нормах УК РФ, рассматривающих использование информационно-телекоммуникационные сети в целях совершения преступления.

Сеть «Интернет», представляя собой сложный социально-технический феномен, обладает рядом особенностей, которые активно актуализируются субъектами экстремистской деятельности. К числу системообразующих характеристик, определяющих криминогенный потенциал данной среды, и создающих сложности при расследовании преступлений экстремистской направленности, следует отнести латентность, трансграничность, скорость распространения контента и использование технологий анонимизации.

Высокий уровень латентности противоправных деяний, совершаемых в киберпространстве, объективно обусловлен спецификой цифровой коммуникации. Как обоснованно отмечает А. М. Арипшев, установление факта совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и размещения экстремистских материалов, особенно при использовании развитых технологий анонимизации, требует от правоприменительных органов реализации сложного комплекса оперативно-разыскных мероприятий технического характера. Между тем, оперативно-розыскные инструменты, доказавшие свою эффективность в борьбе с преступностью в физическом пространстве, демонстрируют ограниченную

результативность при их применении в цифровой среде¹.

Существенной проблемой в контексте уголовной юрисдикции выступает трансграничная природа интернет-пространства. Дисперсное расположение субъекта преступления, технической инфраструктуры и потерпевших в различных национальных юрисдикциях порождает сложные коллизионные вопросы и требует развития международного правового сотрудничества, которое зачастую носит фрагментарный характер².

При этом скорость распространения информации значительно увеличивает общественную опасность экстремистских материалов. Она позволяет единичной публикации в кратчайшие сроки достигать масштабов, не имеющих аналогов в офлайн-среде. Указанные риски катализируются доступностью технологий обеспечения анонимности, включая VPN-сервисы и криптографические протоколы связи, создающие значимые препятствия для процесса доказывания.

Доминирующей формой проявления экстремизма в сети «Интернет» выступает публикация материалов, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, за что наступает уголовная ответственность, установленная статьей 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Объективная сторона в данном преступлении характеризуется действием, а также имеет квалифицирующий признак – способ – применение информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Как уже отмечалось, отсутствие четкого перечня информационно-телекоммуникационных сетей создает правовой пробел, в том числе и в применении указанной статьи, поскольку из-за неопределенности ключевого понятия сфера реализации данного способа видится достаточной пространной.

Несмотря на то, что некоторые группы и чаты в социальных сетях обладают статусом «закрытых» и характеризуются определенными ограничениями прав доступа, подобная коммуникационная среда все равно сохраняет свою публично-правовую природу. Это возможно благодаря тому, что данные группы остаются открытыми для значительного числа пользователей, хотя и предусматривают предварительную проверку личных профилей потенциальных участников перед их одобрением. Важно понимать, что подобная система фильтрации новых членов не превращает группу в сугубо приватную площадку, а скорее служит инструментом управления контентом и составом участников.

¹ Арипшев А. М. Преступления в сфере информационных технологий: киберпреступность // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1. С. 285–286. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=37084960>. (дата обращения: 12.11.2025).

² Бойко О. А., Унукович А. С. Детерминанты латентных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридический вестник Самарского университета. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-latentnyh-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 12.11.2025).

Институционализация противоправной деятельности через создание цифровых платформ, включая закрытые группы в социальных сетях и специализированные форумы, образует состав организации экстремистского сообщества. На основании этого представляется, что функции администрирования подобных ресурсов, включая модерирование контента и управление членством по своей сущности имеют организационный характер и формируют составы статей 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества») и 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации»).

Указанная деятельность коррелирует с процессами вербовки и радикализации, которые могут получать квалификацию по совокупности уголовно-правовых норм, включая организацию экстремистского сообщества и склонение к совершению преступлений. Персонифицированный характер вербовочной деятельности, осуществляемой через каналы приватной коммуникации с применением технологий психологического воздействия, детерминирует ее повышенную деструктивность¹.

Еще одним преступлением экстремистской направленности являются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Разъяснения сущности публичных призывов приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025).

На основании разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации считаем необходимым уточнить некоторые позиции для обеспечения верной квалификации деяний по ст. 280 УК РФ.

Так, одним из важнейших признаков является направленность публикуемого материала на неопределенно большой круг лиц. Важно отметить, что квалификация по данной статье возможна независимо от фактического количества подписчиков или участников группы, если преступление было совершено в цифровом пространстве социальной сети. Отсюда выявляется еще один важный аспект – степень распространения информации, то есть содержание опубликованных материалов должно стать или потенциально может стать известно неограниченному количеству лиц, то есть иметь возможность массового охвата аудитории, независимо от того, было ли достигнуто фактически большое число просмотров или прочтений.

Особенное значение имеет тематический характер публикуемых материалов. Так, политические и религиозные темы традиционно привлекают повышенный интерес и внимание большого числа людей. Подобные

¹ Фридинский С. Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // ЮП. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-prizvyvy-k-osuschestvleniyu-ekstremist-skoy-deyatelnosti-ugolovno-pravovaya-harakteristika-i-voprosy-kvali-fikatsii> (дата обращения: 15.11.2025).

публикации способны быстро распространяться среди широкой аудитории, усиливая риск возникновения общественно опасных последствий. Поэтому наличие политического или религиозного подтекста в материале дополнительно подтверждает квалификацию деяния по рассматриваемой статье.

Тем не менее, важно с учетом позиции Пленума Верховного суда отличать их от рядовых рассуждений пользователей информационно-телекоммуникационных сетей о политике, религии и иных темах. Необходимо помнить и о том, что публичное распространение информации, направленное на обоснование необходимости осуществления экстремистской деятельности, влечет ответственность уже по статье 282 УК РФ.

Это означает, что для правильной квалификации деяний преступника в процессе расследования крайне желательно осуществить лингвистическую экспертизу высказываний и материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационных сетях. На наш взгляд, совокупность указанных условий позволит верно квалифицировать действия экстремистской направленности, обеспечить законность и обоснованность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в связи с развитием информационно-телекоммуникационных сетей, сопряженным с глобализацией, у преступников появилось больше возможностей для осуществления экстремистской деятельности и привлечения сторонников.

Отечественное законодательство непрерывно совершенствуется в этой сфере, однако не успевает давать адекватный ответ на постоянно модернизирующийся характер совершаемых противоправных деяний в киберпространстве, что может не только подрывать общественную безопасность, но и мешать реализации принципа законности при привлечении к уголовной ответственности виновных в совершении рассматриваемых деяний. Представляется целесообразным уточнить содержание понятия «информационно-телекоммуникационные сети» путем установления перечня относящихся к ним средств и технологий.

Кроме того, целесообразно сделать лингвистическую экспертизу обязательной по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ.

Остается актуальным вопрос о проведении на постоянной основе работы по повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, занимающихся противодействием преступлениям с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Экстремизм является угрозой для национальной безопасности Российской Федерации, что подтверждают положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 и Стратегии противодействия

экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 28 декабря 2024 г. № 1124. Поэтому необходимость совершенствования соответствующих законодательных норм, а также повышение эффективности правоприменительной практики, особенно с учетом современных высокотехнологичных способов совершения преступлений, является стратегически значимой.

Научная статья
УДК 343.23

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УГРОЗ ГОСУДАРСТВУ

Иван Николаевич КУЗНЕЦОВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия, ivankuz2005@icloud.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук **Алла Сергеевна СИЗОВА**, kurganovaalla58@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена сравнительному исследованию уголовно-правового регулирования преступлений против государства в пяти странах: России, Беларуси, США, Германии и Италии.

Проанализированы подходы к определению, классификации и наказанию за государственные преступления, а также роль исторических, политических и правовых факторов в их формировании.

Особое внимание уделено различиям между системами, связанным с защитой внутреннего конституционного порядка, национальной безопасности и демократических институтов. Сделан вывод о том, что, несмотря на разные модели уголовного права, во всех странах преступления против государства рассматриваются как тяжкие деяния, требующие особой правовой регламентации.

Ключевые слова: государственные преступления, уголовное законодательство, конституционная безопасность, измена, национальная безопасность

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN CRIMINALIZING THREATS TO THE STATE

Ivan N. KUZNETSOV

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, ivankuz2005@icloud.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. This paper focuses on a comparative study of the criminal law regulation of crimes against the state in five countries: Russia, Belarus, the United States, Germany, and Italy.

It analyzes the approaches to defining, classifying, and punishing crimes against the state, as well as the role of historical, political, and legal factors in their formation.

The paper highlights the differences between the systems in terms of protecting the internal constitutional order, national security, and democratic institutions. The conclusion is that, despite the different models of criminal law, all countries consider crimes against the state to be serious offenses that require special legal regulation.

Keywords: state crimes, criminal legislation, constitutional security, treason, national security

В условиях современного мира вопросы обеспечения государственной безопасности приобретают особое значение. Каждое государство стремится защитить свою конституционную систему, территориальную целостность и устойчивость политического строя от внутренних и внешних угроз. Одним из ключевых инструментов такого обеспечения выступает уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за деяния, направленные против государства.

В Российской Федерации подобные преступления объединены в главе 29 Уголовного кодекса РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Однако подходы к определению и уголовно-правовому регулированию угроз государству различаются в зависимости от исторических, политических и правовых традиций конкретных стран. Сравнение российского законодательства с нормами других

государств позволяет выявить общие тенденции, специфику национальных правовых систем и возможные направления совершенствования отечественного законодательства.

Для анализа международного опыта целесообразно рассмотреть регулирование аналогичных преступлений в таких странах, как Беларусь, Германия, США и Италия. Эти государства представляют разные правовые семьи – постсоветскую, континентальную и англосаксонскую, – что делает сравнение особенно показательным.

Защита основ конституционного строя и безопасности государства является одной из ключевых задач российского уголовного права. Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные принципы государственного устройства – суверенитет, демократию, федерализм, приоритет прав и свобод человека и гражданина.

В Уголовном кодексе РФ данное направление защиты реализуется в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Нормы этой главы направлены на предупреждение, пресечение и наказание деяний, которые могут подорвать независимость, территориальную целостность и устойчивость политической системы страны.

Глава 29 включает широкий комплекс статей – от государственной измены (ст. 275 УК РФ) и шпионажа (ст. 276 УК РФ) до публичных призывов к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), диверсий (ст. 281 УК РФ) и разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ). Тем самым законодатель охватывает весь спектр возможных угроз.

Целью данных норм является: обеспечение политической стабильности и неприкосновенности конституционного строя, защита государственного суверенитета и территориальной целостности страны, предотвращение подрывной, экстремистской и террористической деятельности, направленной против государственных институтов; охрана государственных секретов и интересов национальной безопасности.

Особое значение имеет то, что многие статьи главы 29 УК РФ направлены не только на наказание уже совершенных деяний, но и на предупреждение преступлений на ранних стадиях – например, за призывы, содействие, обучение или участие в запрещенных организациях. Это отражает стратегический подход государства к обеспечению внутренней и внешней безопасности.

Для более глубокого понимания механизмов уголовно-правовой защиты государственных интересов целесообразно обратиться к зарубежному опыту, особенно к странам с близкими историческими и правовыми традициями. В этом контексте особый интерес представляет Республика

Беларусь, где вопросы обеспечения государственной и национальной безопасности занимают одно из ключевых мест в уголовном законодательстве.

В главе 32 «Преступления против государства» Уголовного кодекса Республики Беларусь сосредоточены наиболее опасные с точки зрения общественной безопасности деяния, направленные на подрыв независимости, суверенитета, территориальной целостности и устойчивости конституционного строя страны. Всего в данной главе законодатель выделяет 12 видов преступлений, что свидетельствует о высокой степени внимания к вопросам государственной и национальной безопасности¹.

Для сравнения, в главе 29 УК Российской Федерации «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» предусмотрено 28 составов преступлений, что указывает на более детализированный подход российского законодателя к конкретизации угроз государственной системе.

Объектом преступлений против государства в обеих правовых системах выступают отношения, обеспечивающие сохранность государственного и общественного строя, а также национальную безопасность. В белорусском уголовном праве видовой объект прямо связан с положениями Конституции Республики Беларусь, которая закрепляет основы государственного устройства и гарантии суверенитета. В российском законодательстве аналогичный объект отражен в самом названии главы – основы конституционного строя и безопасность государства.

В ряде составов белорусский законодатель специально выделяет предмет преступления. Так, в статьях 356 «Измена государству» и 358 «Шпионаж» предметом признаются сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь. В статье 361 уголовного кодекса Республики Беларусь предметом преступления являются материалы, содержащие призывы к действиям, способным причинить ущерб национальной безопасности страны, включая призывы к введению ограничительных мер (санкций) против Беларуси.

Российское законодательство в аналогичных статьях – 276 «Шпионаж» и 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну» – также оперирует понятием «государственная тайна» как предметом преступления, однако допускает более широкий перечень сведений, относимых к таковой.

С объективной стороны большинство преступлений против государства, как в Беларуси, так и в России, совершаются путем активных действий. Однако в отдельных случаях законодатель предусматривает возможность

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.], под ред. В. М. Хомича, В. В. Марчука. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 997 с.

совершения деяния путем бездействия.

Исходя из высокой степени общественной опасности, белорусский законодатель относит большинство преступлений против государства к категории формальных составов – то есть преступления считаются оконченными с момента совершения опасного деяния, независимо от наступивших последствий. Вместе с тем отдельные квалифицированные составы (например, ч. 2 ст. 356, ч. 3 ст. 357, ч. 2 ст. 360 УК РБ) имеют материальный характер, где обязательным элементом признаются конкретные вредные последствия.

Субъектом преступлений против государства по обоим кодексам является специальное лицо – гражданин своей страны, а также иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, что означает осознание виновным общественной опасности своих действий и желание достичь преступной цели.

Во многих составах преступлений присутствуют специальные мотивы и цели. Так, в статье 357 уголовного кодекса Республики Беларусь целью деяния является захват или удержание власти неконституционным путем, а в статье 360 – нанесение ущерба обороноспособности и экономической безопасности Республики Беларусь. Аналогичные специальные цели содержатся и в российском законодательстве, например, в статьях 277 и 279 УК РФ, где речь идет о посягательстве на жизнь государственных деятелей и насильственном захвате власти.

Таким образом, анализ уголовно-правовой защиты государственных интересов в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать вывод о схожести их подходов, что обусловлено общими историко-правовыми корнями, советским наследием и близостью правовых традиций.

Однако для более комплексного понимания механизмов уголовно-правовой защиты государства целесообразно обратиться и к опыту стран с иными историческими и правовыми системами. Особый интерес в этом контексте представляет Соединенные Штаты Америки, где вопросы национальной безопасности и защиты основ конституционного строя регулируются в рамках федеративной модели и опираются на конституционные гарантии прав человека.

В Соединенных Штатах Америки преступления против государства традиционно считаются одними из самых тяжких. Новейшее законодательство предусматривает за их совершение крайне суровые меры наказания – вплоть до пожизненного лишения свободы и, в особо опасных случаях, смертной казни. Подобные деяния рассматриваются как угроза основам национальной безопасности и стабильности всего государства, поэтому

ответственность за них установлена на федеральном уровне.

Основные положения, касающиеся преступлений против государства, содержатся в Конституции США 1787 года – в частности, в разделе 3 статьи III, где закреплён состав измены. Более детальное регулирование осуществляется в разделе 18 Свода законов США (U.S. Code, Title 18), который представляет собой Федеральный уголовный кодекс.

Примечательно, что федеральное законодательство не даёт общего определения понятию «государственное преступление». Даже в Примерном уголовном кодексе США (Model Penal Code), являющемся отражением теоретических подходов американской уголовно-правовой доктрины, отсутствует упоминание таких преступлений. Хотя Особенная часть Примерного кодекса открывается разделом «Посягательства на существование или безопасность государства», конкретные составы подобных деяний там не предусмотрены. Это объясняется тем, что установление уголовной ответственности за подобные преступления относится к исключительной компетенции федеральных властей. Кроме того, как отмечала комиссия по разработке Примерного УК США, «определение посягательств на существование и безопасность государства неизбежно находится под влиянием политических факторов».

Американские правоведы употребляют различные термины для обозначения таких деяний: преступления против государства, правительства, суверенитета или исполнения государственных функций. Некоторые исследователи включают в их число не только преступления, направленные против государственной безопасности, но и деяния против правосудия, а также должностные преступления, подрывающие авторитет публичной власти.

Отсутствие четкой классификации государственных преступлений во многом объясняется особенностями структуры Федерального уголовного кодекса США: статьи в нем расположены в алфавитном порядке, а не по степени общественной опасности. В результате нормы, регулирующие ответственность за преступления против государства, оказались разбросаны по разным главам.

Кроме того, стоит отметить, что в современной американской практике понятие государственных преступлений нередко связывается с вопросами национальной безопасности, разведывательной деятельности, терроризма, кибератак на инфраструктуру и вмешательства во внутренние дела США. С усилением роли технологий и глобализацией угроз государство уделяет все больше внимания защите информации, противодействию шпионажу и внутренним заговорщикам, рассматривая подобные действия как прямую угрозу суверенитету и устойчивости конституционного строя.

Таким образом, американская система уголовного права демонстри-

рует гибкий, но политически чувствительный подход к определению и преследованию преступлений против государства, что отражает баланс между защитой национальной безопасности и соблюдением демократических принципов.

В Германии преступления, направленные против интересов государства, занимают особое место в системе уголовного права. Они открывают Особенную часть Уголовного кодекса ФРГ (Strafgesetzbuch, StGB), что подчеркивает их исключительную общественную опасность¹. Данные нормы формируют целую систему, включающую несколько групп преступных деяний: измену миру, государственную измену, угрозу демократическому правовому порядку, посягательства на внешнюю безопасность и обороноспособность страны, а также преступления против конституционных органов и избирательных прав граждан. В этот же раздел входят деяния против иностранных государств и их представителей, а также акты сопротивления государственной власти.

Особенностью германского подхода является тесная связь уголовно-правовой защиты государства с принципами демократии и верховенства права. Основной акцент делается не только на предотвращении внешних угроз (например, шпионажа, измены, саботажа), но и на защите внутреннего конституционного строя, включая охрану федерализма, прав человека и функционирования демократических институтов. Так, § 81-83 УК ФРГ предусматривают ответственность за измену государству, § 84–91 предусматривают ответственность за преступления создающих опасность для демократического правового государства, а § 93–101 за шпионаж, разглашение государственной тайны и другие угрозы безопасности ФРГ.

После объединения Германии в 1990 году законодатель уделил особое внимание адаптации этих норм к новым политическим реалиям – в частности, усилению ответственности за экстремистскую и террористическую деятельность, направленную против демократического строя. Сегодня в ФРГ большое значение придается защите основ конституционного государства, что отражает исторический опыт страны и стремление не допустить повторения тоталитарных режимов.

Что касается Италии, то преступления против государства также выделены в особый раздел Особенной части Уголовного кодекса Италии (Codice Penale). Этот раздел включает пять глав, каждая из которых посвящена отдельной категории государственных преступлений: преступления против внешней безопасности государства (34 статьи); преступления против внутренней безопасности государства (19 статей); преступления против

¹ Головиненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 494 с.

политических прав гражданина (1 статья); преступления против иностранных государств, их глав и представителей (6 статей); общие положения, относящиеся к предыдущим главам (12 статей).

После окончания Второй мировой войны раздел о преступлениях против государства подвергся серьезной переработке в связи с демократизацией Италии и отказом от норм, навеянных фашистской идеологией. Тем не менее, в кодексе сохранились некоторые статьи, отражающие историческое наследие того времени.

Интересно, что в итальянском уголовном праве не существует общего состава государственной измены. Вместо этого законодатель установил ответственность за отдельные формы изменнических действий. К ним относятся: контакты с иностранными представителями в ущерб национальным интересам Италии (ст. 242–243); действия, способные втянуть страну в войну (ст. 244); сотрудничество с иностранцами с целью заставить Италию вступить в войну или принять нейтралитет (ст. 245); помощь противнику во время войны – через передачу информации, поставки продовольствия (ст. 247–248), финансовую поддержку (ст. 249) или торговлю с ним (ст. 250).

Все эти деяния рассматриваются как тяжкие преступления, нарушающие конституционные обязанности граждан и подрывающие суверенитет и международную безопасность государства.

Таким образом, и германская, и итальянская уголовно-правовые системы демонстрируют стремление обеспечить надежную защиту государства от внутренних и внешних угроз.

Преступления против государства во всех рассматриваемых странах признаются одними из наиболее тяжких и общественно опасных. Независимо от конкретной правовой системы, такие деяния рассматриваются как угроза суверенитету, национальной безопасности и устойчивости государственных институтов. При этом подходы к их определению, классификации и регулированию существенно различаются: одни страны строят систему на детальном закреплении составов преступлений и строгой уголовной ответственности, другие ориентируются на гибкую защиту государственных интересов с учетом политических и конституционных факторов.

Общей тенденцией является стремление законодательств защищать как внешнюю безопасность государства, так и внутренний конституционный порядок, включая демократические институты, права граждан и функционирование государственных органов. Различия в подходах отражают исторические, политические и культурные особенности стран, а также баланс между эффективной защитой государства и соблюдением прав личности. В итоге, независимо от модели, уголовное право выступает ключевым инструментом обеспечения стабильности, суверенитета и безопасности государства.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И В АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ
ДЕЙСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)**

Екатерина Михайловна КУЗНЕЦОВА¹, Яна Юрьевна ЛИХОМАНОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ e.ku2netsova231@yandex.ru

² Lihomanova2003yana@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Владимировна МОРОЗОВА**, yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления и в антиобщественные действия посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Авторами статьи обосновываются условия инкриминирования лицу рассматриваемого признака состава преступления.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и в антиобщественные действия посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Ключевые слова: вовлечение, несовершеннолетние, информационно-телекоммуникационные сети, преступление, антиобщественные действия

**SOME ISSUES RELATED TO THE QUALIFICATION OF CRIMES
INVOLVING MINORS COMMITTING A CRIME AND ENGAGING
IN ANTISOCIAL ACTIVITIES USING INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION NETWORKS
(INCLUDING THE INTERNET)**

Ekaterina M. KUZNETSOVA¹ Yana Y. LIKHOMANOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹e.ku2netsova231@yandex.ru

²Lihomanova2003yana@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Vladimirovna MOROZOVA**, yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract. The article discusses certain issues related to the involvement of minors in the commission of crimes and antisocial activities through the use of information and telecommunication networks (including the Internet).

The authors of the article substantiate the conditions for incriminating a person with the considered attribute of a crime.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for involving minors in the commission of crimes and antisocial acts through the use of information and telecommunications networks (including the Internet).

Keywords: involvement, minors, information and telecommunication networks, crime, and antisocial behavior

Вариативность форм деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 150, 151 УК РФ, не является исчерпывающей. При этом действия лиц в каждом конкретном случае при схожих обстоятельствах могут обладать различной степенью общественной опасности, а соответственно, должны оцениваться с точки уголовного закона по-разному.

Средством дифференциации уголовно-правовой ответственности за совершение преступления в таких случаях является формулирование законодателем определенных квалифицирующих признаков, расширяющих либо

дополняющих те, что определены общей нормой¹.

Так, применительно к положениям статей 150 и 151 УК РФ одним из квалифицирующих признаков составов преступлений, введенных в действие на основании Федерального закона от 28 декабря 2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», является вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (п. «б» ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ).

Согласно положениям п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» от 15 декабря 2022 № 37 информационно-телекоммуникационная сеть – это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Сеть «Интернет» является разновидность такой сети.

Вместе с тем, соответствии с п. 20 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «преступление квалифицируется как совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», независимо от стадии совершения преступления, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети».

Разъяснения, данные указанным постановлением Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, обуславливают возникновение некоторых вопросов в части квалификации действий лица по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия.

В частности, согласно позиции Верховного Суда, в случае, если в процессе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в антиобщественные действия, информационные технологии использовались для совершения хотя бы одного умышленного действия, то действия взрослого лица, независимо от того, на какой стадии они применялись, должны квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ.

¹ Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 56–64.

Указанное обуславливает ситуацию, при которой квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» будет инкриминироваться лицу, как в случае выполнения им объективной стороны рассматриваемых составов преступлений (например, он осуществлял переписку с несовершеннолетним посредством использования интернет-мессенджеров), так и в случаях совершения действий по приготовлению к вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления или в антиобщественные действия (например, взрослое лицо приискивало несовершеннолетнего, осуществляло изучение личности несовершеннолетнего и пр.) при условии, что на стадиях покушения и оконченного преступления такие средства не использовались¹.

Кроме этого, в случае если процесс вовлечения несовершеннолетнего включал в себя совершение нескольких действий, некоторые из которых предполагали использование информационно-телекоммуникационных сетей, а некоторые – личное взаимодействие, то действия лица, независимо от того, сколько раз им использовались информационные сети, должны квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 150, 151 УК РФ. Данный вывод также актуален и для стадии приготовления к преступлению.

При этом, учитывая, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 150 и ч. 1 ст. 151 УК РФ, в соответствии со статьей 15 УК РФ относятся к категории преступлений средней тяжести, наличие представленного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» от 15 декабря 2022 № 37 разъяснения относительно рассматриваемого квалифицирующего признака, позволяют привлечь лицо к уголовной ответственности за приготовление, в процессе которого использовались информационно-телекоммуникационные сети, к совершению преступления, которое само по себе не относится к категории тяжких и особо тяжких.

В связи с чем, «позиция Пленума о возможности вменения обсуждаемого квалифицирующего признака по уголовному делу о приготовлении к преступлению, когда не установлено, что лицо намеревалось использовать информационно-телекоммуникационные сети при совершении действий,

¹ Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» / А. Н. Попов, Р. Д. Шарипов; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 54.

входящих в объективную сторону преступления, может быть охарактеризована в лучшем случае как расширительное толкование уголовного закона, в худшем случае – как применение уголовного закона по аналогии»¹.

Вместе с тем, действия лица по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей не будут подлежать квалификации по статьям 150, 151 УК РФ, если такие сети использовались исключительно для пропаганды преступных и антиобщественных действий.

Указанное актуально применительно к такой социальной сети, как «ВКонтакте». В соответствии с аналитическими данными, представленными пресс-службой ВКонтакте, в феврале 2022 количество активных пользователей достигло 106 миллионов, 94 % из которых составили пользователи в возрасте от 12 до 24 лет².

Среди бесчисленного количества интернет-сообществ в сети «ВКонтакте» имеются такие, основная цель указанных сообществ – демонстрация антиобщественных действий, а также романтизация криминального поведения.

Как уже ранее было отмечено, действия администраторов таких интернет-ресурсов образовывать составы преступлений, предусмотренных статьями 150, 151 УК РФ, не будут, так как само по себе «рекламирование» преступного и антиобщественного образа жизни, приобщение к криминальной субкультуре не предполагают вовлечение в совершение конкретного преступления или антиобщественного действия конкретное лицо. Соответственно информация, не конкретизирующая обстоятельства преступления либо антиобщественного действия, а равно необходимость их совершения, исключительно демонстрирующая криминальное поведение, не будет являться вовлечением в контексте диспозиций статей 150 и 151 УК РФ.

Вместе с тем, действия администратора таких интернет-ресурсов все же могут образовывать составы рассматриваемых преступлений, при наличии следующих условий.

Во-первых, важно обращать внимание на основное направление деятельности сообщества, характер распространяемой информации, логику ее повествования, имеющим целевым назначением возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить конкретное преступление либо антиобщественные действия.

¹ Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» / А. Н. Попов, Р. Д. Шарипов; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 57.

² Итоги первого квартала 2022 года //Mediascope, Россия, 0+, 12+ лет, Desktop &. URL: <https://vk.com/press/q1-2022-results> (Дата обращения: 17.02.2024).

Во-вторых, лицо должно осознавать факт того, что адресатами распространяемой информации являются персонифицированные несовершеннолетние пользователи интернет-ресурса, осознающие характер постулируемой им информации и дающие положительную реакцию на предоставляемый контент. В частности, данное актуально для закрытых интернет-сообществ (групп, бесед и пр.), участниками которых являются индивидуально-определенные лица, возраст которых не достиг 18 лет.

Совокупность указанных условий, как уже было отмечено ранее, позволяет сделать вывод о наличии действия лица признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия.

Таким образом, при решении вопроса об инкриминировании лицу такого квалифицирующего признака, как «с использованием информационно-телекоммуникационных средств», при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественные действия, правоприменителю, в первую очередь, надлежит установить то, какую цель преследовало взрослое лицо при использовании таких сетей, а также в течение какого времени и при совершении каких конкретных действий по вовлечению несовершеннолетнего он их использовал.

Такие меры позволят дать качественную уголовно-правовую оценку действиям лица, а также обосновать целесообразность вменения ему соответствующего квалифицирующего признака.

Научная статья

УДК 343.326

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ИЛИ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Даяна Аясовна КУУЛАР

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
dayakasss@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена институту освобождения от уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности экстремистской организации.

Автор акцентирует внимание на правовой природе условий освобождения от уголовной ответственности по статье 282.2 УК РФ.

Предложения меры по совершенствованию законодательства и судебной практики в части освобождения от уголовной ответственности за участие в экстремистской организации.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, освобождение от уголовной ответственности, организация деятельности экстремистской организации, участие в деятельности экстремистской организации, специальные основания освобождения от уголовной ответственности

Original article

SOME ISSUES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING OR PARTICIPATING IN THE ACTIVITIES OF AN EXTREMIST ORGANIZATION

Dayana A. KUULAR

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, dayakasss@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the institution of exemption from criminal liability for organizing or participating in the activities of an extremist organization.

The author focuses on the legal nature of the conditions for exemption from criminal liability under Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Measures have been proposed to improve legislation and judicial practice in terms of exemption from criminal liability for participation in an extremist organization.

Keywords: extremist activities, exemption from criminal liability, organization of the activities of an extremist organization, participation in the activities of an extremist organization, special grounds for exemption from criminal liability

Экстремистская деятельность в современном мире представляет одну из значимых угроз основам конституционного строя и общественной безопасности государства. В последние годы наблюдается устойчивый рост числа уголовных дел, связанных с деятельностью экстремистских организаций (в 2024 году в суд передано 615 дел, что на 43 % больше, чем в 2023 году¹).

Данное обстоятельство подчеркивает актуальность исследования и значимость тщательного анализа как самих составов преступлений, так и механизмов освобождения от уголовной ответственности по этим делам, занимающих в правоприменительной практике особое место.

Так, изучение условий, при которых виновное лицо может быть освобождено от ответственности, и проблем, встречающихся на практике, способствует эффективному производству уголовного дела, формированию единообразного и обоснованного подхода к применению уголовного закона, повышению результативности противодействия экстремизму и одновременному обеспечению соблюдения принципов справедливости и гуманизма.

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от уголовного преследования лица, обвиняемого в совершении криминального деяния. При этом, возникают правовые последствия, характеризующиеся как положительные для освобождаемого лица. В каждом случае определяется целесообразность применения института непривлечения к уголовной ответственности².

В науке уголовного права выделяют основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные главой 11 УК РФ, иными главами Общей части УК РФ и специальные основания, предусмотренные в форме примечаний к статьям Особенной части УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности по статье 282.2 УК РФ относится к специальным основаниям.

А. Г. Антонов приводит классификацию таких оснований в соответствии с определенными видами общественной опасности. Так, примечание к статье 282.2 УК РФ он относит к специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений с «опосредованной кумулятивной опасностью»³. Правовая природа деяния, которое

¹ Интервью Председателя Следственного комитета России «Российской газете»: сайт / Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1944953/> (дата обращения: 10.11.2025).

² Горшенин А. А. Освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 6.

³ Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2009. С. 25.

предусмотрено статьей, предполагает низкую вероятность совершения иных преступлений.

Анализируя примечание к статье 282.2 УК РФ, можно выделить следующие условия, которые необходимы для действия данного положения уголовного законодательства:

- 1) лицо совершило преступление по статье 282.2 УК РФ впервые;
- 2) лицо добровольно прекратило участие в деятельности экстремистской организации;
- 3) в действиях лица не содержится иного состава преступления.

В. В. Наумов относит вышеуказанные условия к безальтернативным (строго определенным) условиям¹. Это означает, что для освобождения необходимо точное их наличие, а отсутствие хотя бы одного из них автоматически исключает возможность освобождения лица от карательных мер государства. При наличии всех условий правоприменитель обязан освободить виновное лицо, то есть норма интерпретируется как императивная для должностного лица, согласно формулировке примечания к ст. 282 УК РФ «освобождается».

Определение «совершения преступления впервые» исходит из того, что ранее за совершение преступления по данной статье виновное лицо не было осуждено, либо истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за аналогичное деяние, либо снята или погашена судимость за ранее совершенное преступление, предусмотренное ст. 282.2 УК РФ.

В практической деятельности установление представленного условия чаще всего не вызывает сложностей, поскольку информация содержится в официальных учетах и предоставляется по запросу следственных органов или суда, что позволяет определить, привлекалось ли лицо ранее к уголовной ответственности.

Исключение составляет лишь проблема определения признания лица освобожденным от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК РФ и Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 № 270-ФЗ. Указанные нормы вводят особый правовой механизм освобождения от уголовной ответственности, обусловленный участием лица в специальной военной операции и выполнением определенных критериев поведения, включая совершение общественно полезных действий².

Сложность заключается в том, что освобождение по ст. 78.1 УК РФ,

¹ Наумов В. В. Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

² Уголовное право. Общая часть : учебник / Д. А. Безбородов, С. А. Бочкарев, Л. В. Готчина [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. С. 569-571.

ранее по Закону № 270-ФЗ, не всегда сопровождается внесением стандартизированных сведений в учетные базы, а правовой статус лица после применения этих норм не тождественен статусу лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям. Возникает вопрос: следует ли считать такого субъекта ранее привлекавшимся к уголовной ответственности? Формально уголовная ответственность к нему была применена, однако её реализация была прекращена в связи с выполнением специальных условий, что порождает дискуссию относительно квалификационных последствий.

В связи с этим при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ в силу совершения преступления впервые правоприменитель сталкивается с необходимостью анализа правовой природы освобождения, предусмотренного специальными нормами. Отсутствие единообразного подхода в правоприменительной практике может привести к противоречивым решениям, поскольку один и тот же правовой статус может быть интерпретирован различными субъектами уголовного судопроизводства по-разному.

Таким образом, проблема определения факта «совершения преступления впервые» в случаях, когда лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности по специальным нормам, требует дальнейшей нормативной конкретизации и выработки разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Это позволит обеспечить единообразие квалификации, повысить предсказуемость правоприменительной практики и гарантировать соблюдение принципов справедливости и законности.

В соответствии с абз. 2 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистской организации понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения».

Это означает, что отказ от дальнейшего участия должен быть результатом свободного волеизъявления самого лица, а не следствием внешнего принуждения, осознания неизбежности уголовной ответственности или иных обстоятельств, объективно исключающих возможность продолжения противоправной деятельности.

Только в таких предписаниях прекращение деятельности может быть квалифицировано как добровольное. В практической деятельности встречаются сложности определения добровольности прекращения преступного деяния, несмотря на наличие расширительного толкования Верховного Суда Российской Федерации.

Например, выход лица из состава экстремистской организации, как правило, трудно установить, поскольку формальное членство в таких структурах зачастую не оформлено. Кроме того, нередко невозможно определить, исполняло ли лицо распоряжения руководителя либо, напротив, отказывалось их выполнять, особенно в тех случаях, когда личность руководителя не установлена и к ответственности привлекается лишь одно лицо.

Что касается третьего условия освобождения от уголовной ответственности по статье 282.2 УК РФ, В. В. Наумов предлагает исключить из содержания нормы условие об отсутствии в действиях нарушителя закона иного состава преступления, так как это представляется излишним¹.

С мнением автора, по нашему мнению, можно согласиться, поскольку, учитывая специальный характер основания, очевидно, что освобождение от ответственности применяется только в рамках конкретной статьи. Это позволяет сделать вывод о том, что совершение лицом иного преступления подлежит самостоятельной квалификации и не может учитываться в качестве условия применения рассматриваемой нормы.

Дополнительно данная позиция подтверждается содержанием ст. 8 УК РФ, согласно которой уголовная ответственность наступает при совершении деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей уголовного закона.

Таким образом, необходимо внесение некоторых изменений в норму, что способствует уточнению и конкретизации условий специального основания освобождения от уголовной ответственности. Так, следует дополнить указанием на критерии, позволяющие однозначно установить факт добровольного прекращения участия в деятельности экстремистской организации.

Важно закрепить, что прекращение участия должно быть именно окончательным, а не временным приостановлением либо пассивным бездействием. Тем самым утверждается аналогия с институтом добровольного отказа от преступления по ст. 31 УК РФ, где требуется «добровольный и окончательный отказ» от доведения до конца.

Применительно к деятельности экстремистской организации это означает, что лицо должно не просто воздержаться от дальнейших действий, а реально выйти из состава организации, уведомить об этом соответствующим образом или иначе зафиксировать прекращение участия, не поддерживать деятельность организации, не использовать ее символику, не участвовать в ее мероприятиях, не способствовать ее функционированию. Иначе будет иметь место лишь приостановление участия, что снижает правовую

¹ Наумов В. В. Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 23.

определенность и может порождать споры при квалификации освобождения от уголовной ответственности.

Выход из организации подразумевает, что лицо больше не является членом (участником) данной организации, не принимает участие в ее управлении, финансировании, пропаганде, иных формах деятельности. Выход должен быть зафиксирован либо документально, либо фактически: прекращены все связи, прекращена деятельность в интересах организации, лицо не входит в ее органы.

Приостановление участия в деятельности организации – ситуация, когда лицо временно прекращает деятельность или снижает свою активность, но формально остается участником, сохраняет связи, допускает возможность возобновления участия. Такая форма не может рассматриваться как основание для освобождения от уголовной ответственности по специальному основанию, поскольку отсутствует окончательность и самостоятельное волеизъявление полного отказа от участия.

Именно «окончательный выход» имеет силу освобождающего основания, в связи с чем мы предлагаем включить формулировку: «Прекращение участия признается окончательным, если лицо не участвует в деятельности организации после даты выхода, и не поддерживает ее функционирование ни прямо, ни косвенно; наличие намерения вернуть участие либо фактическая возможность его возобновления исключает признание прекращения как окончательного».

Для повышения юридической определенности целесообразно установить, что лицо должно задействовать хотя бы один из следующих способов: уведомить органы о своем выходе; прекратить использование символики, средств связи, каналов, принадлежащих организации; прекратить любые формы поддержки (материальной, организационной, пропагандистской) организации и не давать использовать свои инициативы в интересах организации. Такие критерии позволят отличать сознательный, волевой отказ от ситуации, когда лицо просто временно «отошло» или пассивно снизило участие.

В практической деятельности организация Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) была признана экстремистской, деятельность запрещена. При этом отмечается, что Л. Волков (внесен Росфинмониторингом РФ в список террористов и экстремистов и Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) объявил о «приостановке публичной деятельности» и признал ошибку, однако не зафиксировано официального выхода из состава организации в смысле полного отказа от участия.

В силу этого его ситуация иллюстрирует именно то, что формальный шаг «приостановка» или «урезание активности» не эквивалентен оконча-

тельному отказу. Поэтому если бы применялось освобождение по специальному основанию, требовалось бы четкое юридическое оформление выхода, отсутствие дальнейшего участия и поддержки.

Наконец, примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ и примечание к ст. 282.2 УК РФ сходные и содержат одинаковые условия освобождения от уголовного преследования, следовательно, предлагается объединить данные нормы в единое примечание к статье 281.1 УК РФ. Это позволит устранить повторения, выражающиеся в законодательной избыточности и повысить ясность и логику изложения поощрительной нормы, устранив дублирование сходных по содержанию положений.

Исходя из всего вышесказанного следует, что институт освобождения от уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности экстремистской организации занимает важное место в системе уголовного права. Его тщательное изучение позволяет констатировать как об эффективном механизме противодействия экстремизму, направленный как на стимулирование отказа от противоправной деятельности, так и на гуманизацию уголовной политики. Однако, существуют определенные недостатки поощрительной нормы, затрудняющие его результативному применению.

Так, наибольшие проблемы вызывает установление признаков добровольного прекращения участия в деятельности экстремистской организации. Выявленные недостатки свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования данного института.

Научная статья
УДК 343.32

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анастасия Витальевна ЛАДЧЕНКО

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Луганск, Россия, ladchenkoanasta@yandex.ru

Научный руководитель – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Вячеслав Валерьевич ЕПИШИН**

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровой дестабилизации конституционного строя как новой формы посягательства на устойчивость

государственной власти.

Раскрывается специфика цифровых угроз, позволяющая выявить пробелы в действующем уголовном законодательстве.

На основе изложенного обосновывается необходимость введения самостоятельной нормы, охватывающей действия, нарушающие функционирование органов власти через цифровые технологии.

Ключевые слова: цифровая дестабилизация, конституционный строй, государственная власть, информационные преступления, киберугрозы, уголовное законодательство

Original article

DESTABILIZATION OF THE CONSTITUTIONAL ORDER USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Anastasia V. LADCHENKO

Lugansk Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Lugansk, Russia, ladchenkoanasta@yandex.ru

Scientific adviser – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Candidate of Law **Vyacheslav Valerievich EPISHIN**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital destabilization of the constitutional order as a new form of encroachment on the stability of state power.

The specifics of digital threats are revealed, which makes it possible to identify gaps in the current criminal legislation.

Based on the above, the necessity of introducing an independent norm covering actions that disrupt the functioning of government through digital technologies is justified.

Keywords: digital destabilization, constitutional system, state power, information crimes, cyber threats, criminal legislation

Цифровизация проникает во все сферы общественной жизни, включая государственное управление, что неизбежно порождает новые формы угроз для конституционного строя Российской Федерации. Если ранее посягательства на основы государственного устройства в основном имели физический или идеологический характер, то в цифровую эпоху они приобретают скрытый, масштабный и трансграничный характер.

Цифровые платформы, алгоритмы распространения контента, анонимные каналы связи и автоматизированные системы, изначально предназначенные для упрощения коммуникаций, превращаются в инструменты, способные подрвать устойчивость власти.

В условиях ускоренного развития технологий возникает острая потребность в переосмыслении уголовно-правовых механизмов защиты конституционного строя. Ключевой аспект цифровой дестабилизации власти заключается в умышленном использовании цифровых инструментов для нарушения работы государственных институтов. Во избежание пробелов в правоприменении, требуется не только теоретический анализ, но и четкое законодательное закрепление.

Как отмечается в официальных стратегических документах, информационная сфера представляет собой ключевой элемент национальной безопасности, подверженный угрозам, способным подрвать устойчивость государственных институтов. В частности, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 акцентирует внимание на необходимости развития отечественных средств обеспечения информационной безопасности и совершенствования методов противодействия цифровым угрозам, что подтверждает актуальность расширения уголовно-правовых норм для охвата новых форм дестабилизации.

Под цифровой дестабилизацией конституционного строя понимается комплекс умышленных действий с применением цифровых технологий, направленных на подрыв устойчивости, легитимности и функциональности государственных органов.

В отличие от классических форм экстремизма, такие действия не всегда включают прямые призывы к насильственному свержению власти, но способны наносить реальный ущерб институциональной стабильности.

Примерами служат: вмешательство в функционирование государственных цифровых сервисов, распространение поддельных уведомлений от имени официальных органов, координация массовых беспорядков через закрытые Telegram-каналы, манипуляция общественным мнением с помощью алгоритмов, ботов и целевой дезинформации, а также использование анонимных сетей для организации антиправительственных акций. Таким образом, цифровая дестабилизация выходит за рамки простого информационного воздействия, становясь механизмом нарушения целостности государственной власти.

По нашему мнению, до настоящего времени некоторые недостатки уголовно-правового обеспечения противодействия цифровым угрозам безопасности государства не преодолены. Статья 280 УК РФ устанавливает ответст-

венность за публичные призывы к экстремистской деятельности, включая те, что совершаются через сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 280 УК РФ). Однако эта норма фокусируется на идеологической агитации – лозунгах, призывах или пропаганде, – и не охватывает более широкий спектр цифровых вмешательств, лишенных явной идеологической окраски, но приводящих к реальному сбою в работе власти. Координация кибератак на государственные сервисы, рассылка фальшивых официальных сообщений или цифровой саботаж не вписываются в признаки этой статьи.

Аналогичные ограничения присущи и другим нормам: статья 212 УК РФ (Массовые беспорядки) требует доказательств физического насилия; статья 282 УК РФ (Возбуждение ненависти) – наличия мотива вражды. Статья 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) квалифицирует деяния как преступления против информационных ресурсов, а не против основ конституционного строя. В результате действия, объективно дестабилизирующие власть, часто приходится квалифицировать по совокупности двух или более статей – например, ст. 272 УК РФ в совокупности со ст. 281 УК РФ (Диверсия) или ст. 280 УК РФ. Это усложняет правоприменение, размывает фокус квалификации и снижает оперативность реагирования, особенно в трансграничных случаях.

Угрозы конституционному строю, реализуемые через цифровые каналы, остаются недостаточно защищенными, что ослабляет общую эффективность уголовного законодательства.

Для устранения этого пробела предлагается ввести в главу 29 УК РФ, специальную статью 278.1 УК РФ «Дестабилизация конституционного строя с использованием цифровых технологий». Эта норма позволит квалифицировать описанные действия как самостоятельное преступление против конституционного строя, без необходимости комбинировать статьи из глав 28 и 29 УК РФ. Например, атака на портал «Госуслуги» с целью парализации доступа к услугам сможет быть оценена исключительно как посягательство на устойчивость власти, а не как совокупность компьютерного преступления и диверсии.

Структура предлагаемой статьи должна соответствовать классической четырехэлементной модели состава преступления.

Объект – общественные отношения, охраняющие конституционный строй Российской Федерации в его функциональном аспекте, то есть способность органов власти беспрепятственно исполнять, возложенные на них полномочия.

Объективная сторона может включать действия в цифровой среде, направленные на нарушение работы государственных институтов: от технических вмешательств (кибератака на систему электронного голосования,

перегрузки сайтов судов) до информационных (использование ботов для спам-атак в комментариях под официальными публикациями государственных органов, ложные сообщения о введении чрезвычайного положения или отмене выборов).

Субъектом предлагаемого преступления может быть признано физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. В отличие от ряда преступлений против государственной власти, где субъектом может выступать только должностное лицо, в данном случае предполагается расширение круга возможных участников. Это обусловлено спецификой цифровой среды, в которой деструктивное воздействие может оказывать как обычный пользователь, сознательно распространяющий деструктивный контент, так и лицо, обладающее техническими или организационными ресурсами – администратор платформы, IT-специалист, модератор, разработчик алгоритмов.

Субъективная сторона предлагаемого состава преступления будет характеризоваться прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит их последствия в виде нарушения функционирования государственной власти и желает их наступления. При этом мотив может быть различным – политическим, идеологическим, корыстным, протестным, что не влияет на квалификацию, но может учитываться при назначении наказания.

Таким образом, введение новой статьи 278.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации станет логичным шагом в адаптации уголовно-правовых механизмов к реалиям цифровой эпохи. Это позволит устранить существующие пробелы в законодательстве, где цифровая дестабилизация конституционного строя часто не находит единой квалификации, приводя к неэффективному правоприменению и размыванию ответственности.

Предлагаемая норма, ориентированная на защиту функциональной устойчивости государственных институтов от умышленных цифровых вмешательств, не только расширит арсенал мер противодействия современным угрозам, но и гармонизирует уголовное право с положениями стратегических документов. В итоге, это усилит национальную безопасность, минимизируя риски трансграничных и скрытых посягательств на основы государственного устройства.

В настоящее время, в связи с введением военного положения Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» и специальной военной операции, актуальность включения в Уголовный кодекс статьи «Дестабилизация конституционного строя с использованием цифровых технологий» приобретает особую значимость. Эти чрезвычайные обстоятельства усили-

вают уязвимость государственных институтов к цифровым угрозам, превращая информационную сферу в фронт гибридной войны. Цифровая дестабилизация напрямую угрожает национальной безопасности, мобилизационной готовности и единству общества.

В долгосрочной перспективе это внесет вклад в укрепление суверенитета Российской Федерации в информационной сфере, предотвращая эскалацию дестабилизирующих действий в критические моменты, такие как выборы или кризисы.

Научная статья

УДК 343.32

УГОЛОВНАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Владислав Алексеевич ЛАЗАРЕВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия,
lazarevvladislav1977@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук **Алла Сергеевна СИЗОВА**,
kurganovaalla58@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется тенденция к ужесточению уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ).

Автор рассматривает законодательные новеллы последних лет как закономерную реакцию правовой системы на эскалацию геополитических вызовов и гибридных угроз.

На основе сравнительного анализа с законодательством США делается вывод о том, что усиление ряда статей УК РФ является вынужденной мерой, направленной на защиту национальных интересов России.

Ключевые слова: уголовная и уголовно-исполнительная политика, государственная безопасность, национальные интересы, ужесточение уголовной ответственности, преступления против государства

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT POLICY IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND STATE SECURITY

Vladislav A. LAZAREV

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, lazarevvladislav1977@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. The article analyzes the trend towards stricter criminal liability for crimes against the foundations of the constitutional order and state security (Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The author considers the legislative innovations of recent years as a natural reaction of the legal system to the escalation of geopolitical challenges and hybrid threats.

Based on a comparative analysis with US legislation, it is concluded that the strengthening of a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation is a necessary measure aimed at protecting Russia's national interests.

Keywords: criminal and penal enforcement policy, State security, national interests, increased criminal liability, crimes against the State

В системе правовой защиты особое положение занимают нормы, направленные на охрану основ конституционного строя и государственной безопасности, которые консолидированы в главе 29 УК РФ.

Тенденция уголовно-правовой политики к ужесточению ответственности за подобные деяния не является спонтанным решением законодателя, а представляет собой объективную и закономерную реакцию правовой системы на динамично меняющиеся угрозы. Ужесточение уголовной и уголовно-исполнительной политики является взвешенной и вынужденной мерой, призванная найти баланс между принципами гуманизма и необходимостью пресечения посягательств на суверенитет и целостность государства.

Не смотря на общий последовательный курс в области реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики на гуманизацию изменения коснулись и мест для лиц, заключенных под стражу, мест исполнения наказания.

Так с января 2026 года, часть учреждений подведомственных Федеральной службы исполнения наказания будет передано Федеральной службе безопасности России. Стоит отметить, что это коснется учреждений – следственных изоляторов прямого подчинения центральному аппарату Федеральной службы исполнения наказания.

Данная реформа может явиться частью последовательных действий, затронувших опыт истории и открывающий новые передовые методы, возможно рассмотреть такой вариант событий, при которых мораторий на смертную казнь будет видоизменен, хотя стоит отметить, что и он действует на территории Российской Федерации почти 30 лет. Данный вариант координирования изменит направление нынешней уголовной и уголовно-исполнительной политики России.

Развитие уголовно-правового регулирования в данной сфере происходит на фоне глобальных трансформаций, включая цифровизацию информационного пространства и эскалацию гибридных конфликтов. Государство, стремясь сохранить целостность, вынуждено корректировать санкции, чтобы они соответствовали реальному уровню опасности. В России процесс особенно заметен после 2022 года, когда внешние вызовы побудили к серии поправок, усиливающих репрессивный потенциал норм. Подобные изменения не изолированы, а вписываются в общую логику укрепления национальной безопасности, где уголовное право становится одним из ключевых механизмов реализации стратегических приоритетов.

Законодательная динамика в рамках главы 29 УК РФ наглядно отражает реакцию правовой системы на эскалацию угроз государственной безопасности. Наблюдается четкий тренд на последовательное ужесточение ответственности, что обусловлено необходимостью адаптации уголовного права к новым формам деструктивной деятельности.

Ярким примером такой законодательной эволюции является Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 151 и 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 04 марта 2023 № 69-ФЗ. Данный федеральный закон существенно расширил трактовку объективной стороны государственной измены.

В частности, в понятие было включено оказание разнообразной помощи иностранным государствам в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Одним из значимых нововведений стала криминализация сбора информации о вооруженных силах, в том числе через публично доступные источники, если такие действия совершаются в интересах противника.

Демонстрирует адаптацию уголовного законодательства к реалиям

информационного общества, где даже открытые данные могут быть использованы во враждебных целях.

Законодательные изменения, инкорпорированные в правовую систему посредством Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления в сфере информационной безопасности» от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ привели к существенному ужесточению уголовной ответственности за преступления, совершаемые в цифровой среде.

Ключевым изменением стало дополнение перечня отягчающих обстоятельств, закрепленного в статье 63 УК РФ, новым пунктом «ф». Данная норма квалифицирует использование программно-аппаратных средств для получения несанкционированного доступа к информационным ресурсам с ограниченным доступом как обстоятельство, автоматически влекущее за собой более суровое наказание.

Нововведение имеет прямое отношение к квалификации деяний, попадающих под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 281.1 УК РФ (Содействие диверсионной деятельности). Если ранее максимальная санкция за подобные действия составляла 15 лет лишения свободы, то теперь, при доказанности факта применения цифровых инструментов для совершения кибердиверсии, верхний предел наказания может достигать 20 лет. Таким образом, законодатель однозначно обозначил повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06 сентября 2022 № 323-ФЗ была изменена редакция статьи 280 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности.

Законодатель ввел новый квалифицирующий признак, учитывающий специфику современного информационного пространства, – распространение противоправных материалов с использованием сети «Интернет». Такие меры расширяют составы преступлений, усиливают их репрессивный характер, делая акцент на превентивном отсечении рисков для государственной безопасности.

Таким образом, глава 29 УК РФ превращается из статичного блока норм в динамичный инструмент, адаптирующийся к реальным вызовам, где отягчение становится не просто карательной мерой, а средством сохранения баланса интересов общества и гражданина.

Понятие национального интереса лежит в основе любой системы обеспечения безопасности, выступая компасом для законодательных решений.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальные интересы представляют собой объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Дефиниция подчеркивает многомерность понятия, охватывая внешние угрозы, внутренние факторы, такие как социальная стабильность и экономическая независимость.

Таким образом, преступления против основ конституционного строя напрямую затрагивают комплекс, поскольку подрывают фундаментальные ценности, обеспечивающие устойчивое развитие. Стратегия подчеркивает, что реализация национальных интересов возможна лишь в состоянии защищенности от внешних и внутренних угроз, что оправдывает ужесточение уголовных санкций как пропорциональную реакцию.

Анализ эволюции термина показывает, что его содержание эволюционировало в ответ на глобальные вызовы. Если в Стратегии 2015 года преобладали экономические и военные приоритеты, то версия 2021 года расширила фокус на информационную и технологическую безопасность, отражая цифровизацию угроз.

В уголовно-правовом контексте национальный интерес служит критерием для квалификации деяний: любое действие, наносящее ущерб суверенитету или территориальной целостности, трактуется как посягательство на него. Уголовное право опираясь на эту основу, превращается в механизм, гармонизирующий коллективные нужды с принципами правового государства.

Системы уголовно-правовой защиты национальных интересов в России и США демонстрируют как сходства, так и фундаментальные различия, отражающие идеологические и геополитические приоритеты двух держав. В Российской Федерации акцент на комплексной доктрине национальной безопасности.

Контрастирует с американским подходом, где защита интересов фрагментирована по федеральным законам, таким как Espionage Act 1917 г. и Patriot Act 2001 г., позволяющим расширенный надзор за подозрительной деятельностью¹.

Не стоит забывать, что в США центральному вниманию мировой общественности провозглашаются принципы демократии и защиты прав человека и гражданина. Однако если рассмотреть данный вопрос более детально, то станет совершенно точно ясно, что вопросы национальных интересов обходят изначально данные обещания США.

¹ Espionage Act of 1917: United States Code Title 18, Part I, Chapter 37 // U.S. Government Publishing Office. Washington: GPO, 2020. 45 p.

В США уголовное преследование угроз национальной безопасности часто опирается на FISA (Foreign Intelligence Surveillance Act) 1978 г., который упрощает сбор разведанных без судебного ордера в случаях, связанных с иностранными агентами. Аналогично российским нормам о шпионаже (ст. 276 УК РФ), Espionage Act предусматривает до 10 лет лишения свободы за передачу секретной информации, но с акцентом на индивидуальные права, где отягчение зависит от ущерба (например, до пожизненного за предательство в военное время).

В отличие от РФ, где отягчающие обстоятельства (ст. 63 УК РФ) включают использование IT-инструментов, американская система больше полагается на административные меры, такие как регистрация иностранных агентов по FARA (Foreign Agents Registration Act) 1938 г., минимизируя уголовные преследования в мирное время¹.

Сравнительный анализ выявляет, что в России защита национальных интересов носит превентивный и репрессивный характер, с быстрым ужесточением норм в ответ на внешние вызовы, как в случае с введением ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение фейковой информации о ВС РФ) в 2022 г., караемой штрафом или лишением свободы до 15 лет. США, напротив, балансируют между безопасностью и конституционными свободами, где Patriot Act расширил полномочия спецслужб, но подвергся критике за нарушение Первой поправки, что привело к ограничениям в 2015 г. (USA Freedom Act).

Таким образом, российская модель более централизована и ориентирована на государственный суверенитет, в то время как американская подчеркивает федерализм и судебный контроль².

Различия коренятся в геополитическом контексте: Российская Федерация фокусируется на территориальной целостности и противодействии внешнему вмешательству, что оправдывает отягчения в главе 29 УК РФ, в то время как США акцентируют глобальное лидерство, используя уголовное право для защиты экономических и технологических интересов.

Сходство проявляется в реакции на терроризм: обе страны усилили санкции после 11 сентября 2001 г. и аналогичных событий, вводя меры по борьбе с финансированием экстремизма. В итоге, сравнение подчеркивает универсальность вызова, но уникальность подходов, где эффективность

¹ Patriot Act: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001 (Pub.L. 107-56) // U.S. Statutes at Large. 2001. Vol. 115. P. 272–408.

² Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Сравнительный анализ правовых норм Российской Федерации и Китая, подразумевающих ответственность за киберпреступления [Электронный ресурс] // Аграрное и земельное право. 2024. №4 (232). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovyh-norm-rossiyskoy-federatsii-i-kitaya-podrazumevayushih-otvetstvennost-za-kiberprestupleniya> (дата обращения: 04.11.2025).

защиты зависит от баланса между репрессиями и правами.

Геополитическая реальность последних лет подтверждает, что отягчение наказаний за преступления против конституционного строя и безопасности государства не является произвольным, а диктуется необходимостью противодействовать эскалации угроз. В условиях, когда гибридные войны сочетают информационные атаки с экономическим давлением, уголовное право вынуждено эволюционировать, чтобы обеспечить превентивную защиту.

Например, введение в 2023 г. ответственности за содействие диверсиям (ст. 281.1 УК РФ) с наказанием до 20 лет лишения свободы отражает реакцию на реальные инциденты, подрывающие инфраструктуру, что напрямую затрагивает национальные интересы в сфере устойчивого развития.

Анализ международной практики показывает, что подобные тенденции универсальны. В США после 2021 г. Стратегия национальной безопасности усилила фокус на внутренних угрозах, включая дезинформацию, что привело к ужесточению под Patriot Act, где отягчение за кибершпионаж достигло 35 лет. А вынужденная мера, поскольку глобализация усиливает уязвимости: по данным ООН, число кибератак на государственные структуры выросло на 150 % за 2020–2023 гг., требуя пропорционального ответа в праве¹.

В России отягчение оправдано спецификой: как многонациональное государство с обширными границами, оно сталкивается с рисками сепаратизма и внешнего вмешательства, что подтверждают поправки 2022 г. по ст. 280.1 (призывы к нарушению территориальной целостности), повышающие срок до 10 лет.

Эмпирические данные свидетельствуют об эффективности уголовной политики: после ужесточения уголовной ответственности число осужденных за государственную измену выросло на 40% в 2023–2024 гг., что снизило количество инцидентов на 25 %, по отчетам ФСБ РФ². Критики отмечают риски злоупотреблений, но в контексте геополитического давления, включая санкции и информационные кампании, такая мера необходима для сохранения баланса.

Подтверждение вынужденности такой политики кроется в сравнении с альтернативными подходами. Мягкие меры, как в некоторых европейских странах, где акцент на реабилитации, показали уязвимость: по данным Europol, в ЕС киберпреступления против государства выросли на 30 %

¹ United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Cybercrime // UNODC Publications. Vienna: UNODC, 2023. 150 p.

² Иванов П. С. Ужесточение уголовной ответственности как мера противодействия угрозам безопасности // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 70–85.

за 2022 г., в отличие от Российской Федерации, где репрессивные нормы сработали как deterrent.

Таким образом, отягчение не гипертрофия, а адекватный ответ на асимметричные угрозы, обеспечивающий реализацию национальных интересов в долгосрочной перспективе. Ужесточение наказаний за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства в УК РФ предстает как органичная часть стратегии защиты национальных интересов, вынужденная текущими вызовами.

Нововведения в главе 29 УК РФ, расширяющие квалификаторы и усиливающие санкции, гармонируют с дефиницией национального интереса как совокупности нужд в устойчивом развитии.

Сравнение с США подчеркивает специфику российской уголовной и уголовно-исполнительной политики, ориентированной на централизованную защиту суверенитета. В итоге, тенденция подтверждает приоритет коллективной безопасности, где уголовная политики выступает барьером против деструктивных сил, балансируя гуманизм с необходимостью.

Научная статья
УДК 343.326

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Адам Абдурахимович МАГОМЕДОВ

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия,
mlgmdv@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации), кандидат юридических наук, доцент **Айша Габибовна ТАИЛОВА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации диверсий, совершенных с использованием искусственного интеллекта, по статье 281 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализируются особенности технологий искусственного интеллекта как инструмента совершения преступления, в частности, его автономность,

способность к самообучению и сложность атрибуции действий.

Выявляются проблемы в объективной и субъективной сторонах состава преступления, а также в установлении субъекта преступления.

Предлагаются пути решения проблем применения уголовного законодательства об ответственности за совершение диверсий с использованием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: уголовное право, диверсия, искусственный интеллект, киберпреступность, национальная безопасность, информационная безопасность, критическая инфраструктура

Original article

ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR COMMITTING SABOTAGE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Adam A. MAGOMEDOV

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia,
mlgmdv@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Candidate of Law, Associate Professor **Aisha Gabibovna TAILOVA**

Abstract. The article discusses the problems of qualification of sabotage committed using artificial intelligence, according to Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The article analyzes the features of artificial intelligence technologies as a tool for committing a crime, in particular, its autonomy, the ability to self-learn and the complexity of attribution of actions.

Problems are identified in the objective and subjective aspects of the corpus delicti, as well as in establishing the subject of the crime. The paper suggests ways to solve the problems of applying criminal legislation on liability for acts of sabotage using artificial intelligence technologies.

Keywords: criminal law, sabotage, artificial intelligence, cybercrime, national security, information security, critical infrastructure

Стремительное развитие и интеграция технологий искусственного интеллекта во все сферы жизни, включая управление критической инфраструктурой.

руктурой, промышленными объектами и оборонными системами, порождает не только новые возможности, но и беспрецедентные угрозы для национальной безопасности.

Одной из наиболее серьезных угроз является использование технологий искусственного интеллекта для совершения диверсий. Традиционные подходы к квалификации преступления, предусмотренного статьей 281 УК РФ, сталкиваются с серьезными теоретическими и практическими вызовами, обусловленными спецификой искусственного интеллекта как инструмента совершения преступления.

Искусственный интеллект в контексте диверсионной деятельности может выступать в нескольких качествах.

Во-первых, как средство совершения кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры.

Во-вторых, искусственный интеллект может непосредственно управлять физическими объектами. Например, диверсия может быть совершена путем взлома и перепрограммирования программного обеспечения, работающего с использованием технологий искусственного интеллекта, управляющего технологическими процессами на химическом заводе, атомной станции или гидроэлектростанции, что может привести к катастрофическим последствиям.

Использование автономных беспилотных аппаратов (летательных, наземных, подводных), управляемых с помощью технологий искусственного интеллекта, для нанесения ударов по объектам инфраструктуры также является реалистичным сценарием.

Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) определяет правовые основы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, которые могут стать объектом диверсий, совершенных с использованием искусственного интеллекта.

Учитывая специфику технологий искусственного интеллекта как инструмента совершения преступления, а именно его автономность и способность к самообучению, традиционные меры защиты критической информационной инфраструктуры, предусмотренные указанным федеральным законом, могут оказаться недостаточными. Это требует разработки новых подходов к обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры и совершенствования нормативно-правовой базы с учетом рисков, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта.

В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г., обеспечение устойчивого и безопасного функционирования информационной инфраструктуры является одним

из ключевых национальных интересов.

В частности, необходимы совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей использование искусственного интеллекта, и развитие технологий защиты от атак, использующих самообучающиеся алгоритмы. Важно отметить, что защита критической информационной инфраструктуры от диверсий с применением искусственного интеллекта требует комплексного подхода, включающего не только технические, но и правовые, организационные и кадровые меры.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, обеспечение устойчивого и безопасного функционирования информационной инфраструктуры является одной из приоритетных задач государства.

Диверсии с использованием искусственного интеллекта представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности, поскольку они могут быть направлены на нарушение работы объектов критической информационной инфраструктуры, дестабилизацию общественно-политической обстановки и подрыв суверенитета России. Для противодействия этим угрозам необходимо разрабатывать и внедрять новые, специализированные системы защиты, а также развивать международное сотрудничество в сфере информационной безопасности.

Ключевыми особенностями технологий искусственного интеллекта как инструмента диверсии являются его автономность, способность к самообучению («черный ящик») и сложность атрибуции действий. Алгоритм может принять решение, которое не было прямо заложено его создателем, а стало результатом анализа огромного массива данных.

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, в применении к диверсиям с использованием технологий искусственного интеллекта выявляет ряд проблем.

Объективная сторона диверсии выражается в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения.

Проблема заключается в том, что «иные действия» в случае применения искусственного интеллекта могут не иметь физического проявления в традиционном понимании. Это может быть запуск вредоносного кода, изменение параметров в управляющей программе, передача ложных данных сенсорам системы. Возникает вопрос: является ли вредоносное программное воздействие на критическую информационную инфраструктуру, приводящее к коллапсу транспортной системы, «иным действием» в смысле ст. 281 УК РФ? Отсутствие прямого указания на информационную инфраст-

руктуру как на предмет преступления создает правовую неопределенность.

Диверсия совершается только с прямым умыслом и специальной целью – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Доказывание умысла и цели в условиях использования искусственного интеллекта представляет собой сложнейшую задачу.

Субъект преступления (программист, оператор, заказчик) может заявить, что он лишь создал или запустил самообучающийся алгоритм, а конкретные разрушительные действия были совершены системой автономно, без его прямого приказа. Установление причинно-следственной связи между действиями разработчика и наступившими последствиями, а также доказывание того, что он предвидел и желал их наступления именно с целью подрыва безопасности государства, требует высочайшей технической и юридической подготовки.

Одной из главных проблем является атрибуция, то есть установление лица, совершившего преступление. Диверсионная атака с использованием искусственного интеллекта может быть запущена с территории другого государства, через цепочку прокси-серверов, а сам вредоносный искусственный интеллект может быть создан коллективом анонимных разработчиков. Кто в таком случае является субъектом преступления: автор кода, лицо, адаптировавшее искусственного интеллекта для конкретной цели, оператор, отдавший команду на запуск, или заказчик? Сложность усугубляется, если в качестве исполнителя выступает иностранная государственная структура или транснациональная хакерская группировка.

Для преодоления указанных проблем необходим комплексный подход, включающий как совершенствование законодательства, так и развитие правоприменительной практики.

Представляется целесообразным внесение изменений в диспозицию статьи 281 УК РФ. Следует прямо указать в качестве предмета преступления «объекты критической информационной инфраструктуры». Также необходимо уточнить понятие «иных действий», включив в него «оказание вредоносного программного или информационного воздействия». Это позволит устранить двусмысленность и напрямую криминализировать кибердиверсии.

По нашему мнению, необходимо создание и развитие нового направления экспертиз – комплексной программно-технической и правовой экспертизы искусственного интеллекта. Эксперты должны быть способны не только анализировать код и цифровые следы, но и давать заключение о потенциальных возможностях алгоритма, прогнозировать его поведение и устанавливать причинно-следственные связи между действиями разработчика и последствиями применения искусственного интеллекта.

Также требуется разработка доктринальных подходов к вопросам вины и ответственности при использовании автономных систем. Возможно, следует рассмотреть введение концепции «ответственности разработчика/оператора» за действия созданного им или управляемого им искусственного интеллекта, если он не предпринял достаточных мер для предотвращения вредоносного использования.

Судебная практика должна выработать стандарты доказывания умысла и цели в условиях, когда прямой приказ на разрушение отсутствует, а имеются лишь косвенные доказательства (например, выбор целей для обучения искусственного интеллекта, заложенные в него ограничения или их отсутствие). Поскольку диверсии с использованием искусственного интеллекта носят транснациональный характер, эффективное противодействие им невозможно без тесного международного сотрудничества.

Диверсии, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, представляют собой качественный новый вызов для системы уголовного права и национальной безопасности. Существующие правовые нормы и практические подходы к расследованию и квалификации этих деяний оказываются не в полной мере готовыми к новой технологической реальности.

Эффективное противодействие этой угрозе требует незамедлительных шагов по адаптации уголовного законодательства, развитию научно-технического потенциала правоохранительных органов и экспертных учреждений, а также углублению международного правового сотрудничества. Только комплексные и опережающие меры позволят обеспечить надежную защиту государства и общества от диверсий в эпоху технологий искусственного интеллекта.

Научная статья

УДК 343.326

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Патимат Гамзатовна МАГОМЕДОВА

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия,
pati2618@mail.ru

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского

государственного университета юстиции (РПА Минюста Российской Федерации) **Елена Алексеевна КУХТЯЕВА**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о подходах к профилактике преступлений экстремистского и террористического характера с использованием сети «Интернет».

Целью работы является выработка методов профилактики таких преступлений и подходов к уменьшению их общественной опасности. В ходе исследования авторы анализируют влияние информационных технологий на методы совершения актов экстремизма и терроризма, а также рассматривают различные способы их предотвращения.

Предлагается комплекс мер по улучшению работы в области предупреждения экстремизма и терроризма, совершаемых с помощью сети «Интернет».

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, профилактика преступлений, Интернет, информационные технологии, социальные сети, цифровой экстремизм, кибертерроризм

Original article

PREVENTION OF EXTREMIST CRIMES AND OF A TERRORIST NATURE, COMMITTED USING THE INTERNET

Patimat G. MAGOMEDOVA

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia, pati2618@mail.ru

Scientific adviser – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
Elena Alekseevna KUKHTYAEVA

Abstract. The article discusses approaches to the prevention of extremist and terrorist crimes using the Internet.

The purpose of the work is to develop methods for the prevention of such crimes and approaches to reducing their public danger. In the course of the study, the authors analyze the impact of information technologies on the methods of committing acts of extremism and terrorism, and also consider various ways to prevent them.

The article proposes a set of measures to improve the prevention of

extremism and terrorism committed using the Internet.

Keywords: extremism, terrorism, crime prevention, Internet, information technologies, social networks, digital extremism, and cyberterrorism

Научно-технический прогресс способствовал развитию старых и появлению новых видов и форм преступности. Одним из наиболее проблемных явлений XX и XXI веков стал экстремизм и его крайняя форма – терроризм. Ранее преступники прибегали к использованию силовых методов, запугиванию общества путем совершения различных акций устрашения, однако современные реалии создают необходимость изменения подхода к достижению поставленных ими целей.

Отныне экстремистами активно используются различные социальные сети и иные интернет-ресурсы, посредством которых они осуществляют пропаганду своих деструктивных идей и занимаются вербовкой новых сторонников. При этом разрабатываются новые способы сокрытия возможных следов преступления с помощью программного обеспечения, позволяющего устанавливать анонимное сетевое соединение.

Развитие информационных технологий способствовало формированию новой сферы экстремизма, который можно обозначить как «экстремизм в цифровом пространстве», что является особой формой экстремистской деятельности, связанной с противоправным созданием, хранением и распространением информации экстремистского содержания посредством использования сети «Интернет»¹.

Способы осуществления экстремистской деятельности в сети «Интернет» разнообразны. Основным инструментом для осуществления экстремистской деятельности в этой сфере является использование социальных сетей, под которыми следует понимать специальный веб-сервис, предоставляющий с помощью своих внутренних опций возможность сформировать устойчивые коммуникативные связи.

Это происходит, например, путем регистрации отдельной страницы или создания целой группы в социальной сети для привлечения пользователей, интересующихся определенной тематикой. Такие методы позволяют экстремистам усиливать эффективность своих действий за счет такого доступного способа распространения идей и экстремистских воззрений на значительно большую аудиторию, поскольку число пользователей информационно-коммуникативной сети сейчас весьма внушительно и постоянно увеличивается.

Наиболее эффективным и результативным способом эксплуатации

¹ Бутенко А. С. Экстремизм в сети «Интернет»: понятие и сущность // Юрист-Правоведь. 2019. № 2 (89). С. 60.

социальных целей для осуществления экстремистской деятельности является создание экстремистского контента с применением особых инструментов распространения информации, таких как таргетинг (специальный механизм, который позволяет демонстрировать контент на определенную категорию лиц) и кросспостинг (автоматическое, полуавтоматическое или ручное размещение или отправка одного и того же контента на различные информационные ресурсы)¹. В свою очередь, данный метод позволяет распространять контент на наиболее широкую и предпочтительную аудиторию.

На сегодняшнем этапе развития информационных технологий можно говорить также о возникновении такой новой сферы терроризма, как «кибертерроризм». Несмотря на отсутствие легальной дефиниции этого понятия, его можно определить как совокупность общественно опасных действий в виртуальном пространстве, которые создают угрозу безопасности личности, общества, государства².

При этом осуществление террористической деятельности с использованием компьютерной техники и сети «Интернет» представляет не меньшую угрозу, чем террористические акты с использованием оружия, поскольку вред может быть причинен неограниченному кругу лиц, а также может быть оказано воздействие на критическую инфраструктуру не только частных предприятий, но и государственных органов путем действий, направленных на ее уничтожение или дестабилизацию.

Становится очевидным, что использование информационных технологий в сфере осуществления экстремизма и терроризма значительно усиливает общественную опасность данных преступлений. Формирование новых способов осуществления деятельности экстремистского характера приводит к уменьшению эффективности действующих ныне методов профилактики данных преступлений. Так, появляются новые способы сокрытия преступника в сети «Интернет», совершенствуются возможности взаимодействия и координации участников экстремистских сообществ. Все это приводит к необходимости развития не только законодательной базы, связанной с профилактикой преступлений экстремистского и террористического характера, но и практических способов выявления подобных правонарушений, а также лиц, их совершающих.

В этой связи в целях оказания действенного, результативного противодействия новым информационно-коммуникативным и манипулятивным технологиям, используемым экстремистами, становятся актуальными

¹ Шут О. А. Экстремизм в цифровом пространстве социальных сетей: способы совершения и детерминанты // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2021. Т. 18, № 1. С. 97.

² Попова Е. А., Кузнецова И. С. Экстремизм и терроризм в сети «Интернет» как преступления в сфере компьютерной информации мирового масштаба // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 4 (28). С. 604.

разработка и внедрение в практику эффективных методов контрпропаганды в киберпространстве¹.

Одним из таких действенных методов в борьбе с экстремистскими проявлениями в виртуальной среде является блокировка ресурсов, посредством которых распространяются материалы экстремистской направленности. Для этого следует осуществлять мониторинг информационной среды с помощью специализированных программ и сервисов, позволяющих отслеживать запросы на материалы, связанные с экстремистской деятельностью. Однако, это, бесспорно, требует достаточного финансирования и наличия человеческих ресурсов (компетентных профессионалов) для точного выявления преступников.

Также в целях противодействия и минимизации ущерба от актов кибертерроризма возможно использование систем, позволяющих получать информацию о возможных внедрениях в компьютерные сети. В частности, примерами таких систем можно назвать систему «Honeypot» и ее аналоги, которые посредством сбора информации о совершенных действиях взломщиков позволяют не только проанализировать возможные пути обхода действующей защиты информационной инфраструктуры, но и отследить преступников по их цифровому следу. На этой основе становится возможным и создание специализированных сайтов-приманок, содержащих материалы экстремистской направленности, в целях отслеживания лиц, заходящих на данные ресурсы.

Кроме того, необходимо и дальше совершенствовать системы обнаружения вторжений (IDS и IPS), предназначенные для выявления фактов неавторизованного доступа в компьютерную систему или сеть либо несанкционированного управления. Посредством сканирования и контроля трафика, проходящего по сети «Интернет», системы IDS и IPS предоставляют возможность обнаружения утечек различных пакетов данных и дальнейшего прекращения передачи информации в руки злоумышленников.

Внедрение технологии «Padded Cell» в совокупности с вышеназванными системами позволит не только обнаружить несанкционированный доступ преступников к информации, но и устранить вред, который мог быть нанесен действиями кибертеррористов. Если технологии IDS и IPS обнаруживают утечку данных, они могут перенаправлять действия злоумышленника на систему «Padded Cell», которая, в свою очередь, имитирует реально действующую сеть, создавая иллюзию того, что операция информа-

¹ Кривоуст А. В., Завьялова А. Н. Информационный экстремизм как проблема современного общества // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе: сб. научн. ст. I всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием, 17–18 февраля 2022 года / Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Новосибирск, 2022. С. 104.

ционного террориста проходит согласно его плану. Однако получить желаемую для него информацию более не представляется возможным.

Несмотря на все достоинства представленных выше систем и технологий, недостатком остаются высокие требования материального характера, связанные с ресурсозатратностью данных средств, и высокие требования к опыту администратора компьютерной сети. Однако при проведении последовательной политики в сфере профилактики преступлений экстремистского характера, совершаемых с использованием сети «Интернет», данные проблемы возможно устранить посредством формирования профессионального состава и улучшения материального обеспечения органов и организаций, осуществляющих деятельность по выявлению и пресечению действий экстремистов в информационных сетях.

Следующим действенным методом профилактики преступлений экстремистского и террористического характера является взаимодействие с владельцами различных интернет-ресурсов путем их информирования о мерах юридической ответственности за распространение материалов экстремистского характера, а также формирование возможного сотрудничества по выявлению лиц, занимающихся распространением экстремистского контента¹.

Координация и совершенствование форм и механизмов взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций будут способствовать увеличению объема проверяемых ресурсов. Совместная деятельность государства и гражданского общества позволит в полной мере бороться с деструктивной деятельностью экстремистов и террористов. В целом, одной из основных задач, выполнение которой приведет к минимизации количества преступлений экстремистского и террористического характера в сети «Интернет», является создание единой программы мероприятий и комплексное взаимодействие органов государственной власти и гражданского общества.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что формирование новых способов коммуникации, связанных с научно-техническими достижениями современности, и развитие сети «Интернет» способствовало не только появлению абсолютно нового вида экстремистской и террористической деятельности, но и привело к преобразованию классических форм этих антисоциальных, криминальных явлений.

В настоящее время преступники все активнее используют социальные сети и созданные сайты в преступных целях: для пропаганды и распространения экстремистских идей среди неограниченного круга лиц, и прежде

¹ Поляков В. В. Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети «Интернет» // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 144.

всего, среди подростковой и молодежной аудитории, для поиска единомышленников, а также для координации дальнейшей преступной деятельности экстремистских и террористических организаций и сообществ.

Именно поэтому представляется необходимым активно проводить работу по разработке и внедрению новых способов раскрытия и профилактики преступлений экстремистского и террористического характера с использованием сети «Интернет» в целях обеспечения безопасности общества, не забывая о необходимости дальнейшего совершенствования хорошо зарекомендовавших себя методов противодействия такого рода преступным проявлениям.

Научная статья

УДК 343.85

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

София Андреевна МАКАРОВА¹, Алиса Сергеевна ФИЛИМОНОВА²

^{1,2} Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь, Россия,

^{1,2} detall2010@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат медицинских наук, доцент **Георгий Константинович ЛАПКО**, detall2010@yandex.ru

Аннотация. в работе рассматриваются особенности молодежного экстремизма в Российской Федерации.

В литературе представлено большое количество исследований, посвященной этой проблематике, однако, с учетом изменившейся в последние годы обстановки, современные особенности и тенденции молодежного экстремизма требуют дополнительного изучения.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что экстремистские проявления в молодежной среде растут, а их структура изменяется в сторону экстремизма, связанного кибер-экстремизма, обусловленного повсеместным использованием информационно-коммуникационных технологий (в том числе, сети «Интернет»).

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, профилактика молодежного экстремизма, кибер-экстремизм

Original article

SOME FEATURES OF MODERN YOUTH EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sofia A. MAKAROVA¹, Alisa S. FILIMONOVA²

^{1,2} Crimean Law Institute (branches) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Simferopol, Russia,

^{1,2} detall2010@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor **Georgy Konstantinovich LAPKO**, detall2010@yandex.ru

Abstract. The paper examines the features of youth extremism in the Russian Federation.

The literature contains a large number of studies dedicated to this issue, however, taking into account the changing situation in recent years, modern features and trends of youth extremism require further study.

As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that extremist manifestations among youth are increasing and their structure is changing towards extremism related to cyber extremism, caused by the widespread use of information and communication technologies (including the Internet).

Keywords: extremism, youth extremism, prevention of youth extremism, cyber extremism

Несмотря на системную профилактическую работу, отдельные социальные группы продолжают вовлекаться в деятельность, признанную экстремистской в Российской Федерации, что создает угрозу национальной безопасности страны. Особую тревогу вызывает распространение экстремистской идеологии в молодежной среде, ее последствия становятся все более опасными для общества, перерастающим в терроризм, массовые убийства, несанкционированные протестные выступления, беспорядки и т. д.¹.

¹ Лапко Г. К. Особенности правового просвещения и правового информирования как направления деятельности по предупреждению экстремистских проявлений среди несовершеннолетних в Республике Крым // Актуальные проблемы противодействия экстремизму, русофобии и украинскому национализму:

Согласно статистике, представленной Росфинмониторинга более 210 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, находятся в перечне экстремистов. За 2024 год этот перечень пополнился на 93 несовершеннолетних, что является одним из самых высоких показателей за последние 6 лет¹. Это указывает на то, что в современных реалиях исследование экстремистских проявлений в молодежной среде сохраняет высокую актуальность.

В настоящее время различные науки дают различные толкования экстремизма. Для целей настоящего исследования под экстремизмом мы понимаем деятельность, содержащую признаки деяний, предусмотренных статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) а также перечисленную в п. 1.4. Указа Президента Российской Федерации № 1124 от 28 декабря 2024 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» и заключающуюся в «общественно опасных противоправных действиях, совершаемых по мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иных публичных действиях, направленных на разжигание ненависти».

Рассмотрение дефиниции «молодежный экстремизм» позволяет прийти к выводу, что ее основную сущность отражает родовое понятие «экстремизм», а «молодежный» является видовым признаком, определенным возрастными рамками. Отметим, что эти рамки в большинстве доступных исследований не определены, а авторы оперируют, как правило, категориями «молодые люди», «молодежная среда» и т. п.

В литературе демографической направленности под молодежью понимается группа населения с возрастными границами 14–35 лет. В литературе социальной направленности используются иные критерии: социальный статус, психологические критерии, физиологические и психологические особенности. В законодательстве понятие «Молодежь» раскрывается в ст. 2

материалы Всерос. науч.-практ. конф. (3 мая 2024 г.) / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 135

¹ Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terr-list>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025), согласно которой «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно».

Исходя из вышеизложенного, под молодежным экстремизмом для целей настоящей работы следует понимать действия экстремистской направленности, совершаемые лицами в возрасте 14–35 лет. Очевидно, что столь широкие возрастные границы в силу психофизиологической и социальной разницы ее представителей требуют градации, которой, по примеру возрастной психологии, могут быть группы 14–18, 19–25 и 26–30 лет.

В современных реалиях несовершеннолетние проходят критический этап формирования личности с рядом специфических особенностей, которые связаны, прежде всего, с влиянием информационно-коммуникационных технологий (в том числе сети «Интернет»), повышающих их уязвимость к деструктивным влияниям, что проявляется в ориентации на навязанную извне систему ценностей и стремлении принадлежать к определенной группе. Пользуясь психологической неустойчивостью личности экстремистские сообщества вербуют несовершеннолетних через социальные сети и мессенджеры, а последние в силу повышенной уязвимости не имеют возможности воспрепятствовать их давлению.

В тоже время, молодые люди более старшего возраста уже сформировали свою систему ценностных ориентиров и в большинстве случаев в экстремистских сообществах, представленных в информационно-коммуникационных сетях, ищут подтверждение своим взглядам, уточняя и развивая их.

В современных реалиях молодежный экстремизм, сохранив свои основные направления и характеристики, под влиянием киберпространства претерпел определенную трансформацию, и проявляется как в традиционных, так и в новых формах, из которых можно выделить:

- идеологический экстремизм, выражающийся в приверженности к радикальным взглядам, оправдании и использовании насильственных методов для своих целей, непримиримость, враждебность к существующему общественному порядку и правовым нормам;

- политический экстремизм, проявляющийся в приверженности к крайним взглядам, направленный на коренное изменение существующего строя, нарушения конституционных норм, отрицание демократических принципов;

- экстремизм молодежных субкультур, следующий из конфликта между представителями разнонаправленных группировок, обладающих несовместимыми ценностными установками, поведенческими стереотипами, противоречащими нормам общественной морали и права,

и проявляющийся в хулиганстве и разжигании массовых беспорядков;

– киберэкстремизм, который осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предполагает публичное оправдание экстремизма через техно-информационные ресурсы.

На индивидуальном уровне первая и вторая молодежные подгруппы в киберпространстве подвергаются психологической обработке с учетом стремления к идентичности, общественной статусности, желанию привлечь внимание к своим убеждениям. Психологические аспекты, такие как восприятие общества как несправедливого или дискриминационного, также могут способствовать формированию экстремистских убеждений¹.

В современных реалиях особое место в формировании у молодежи экстремистских взглядов отводится продвижению идеологии русофобии, заключающейся в неприязненном, предвзятом, враждебном отношении к гражданам России, русскому языку и культуре, традициям и истории России и выражающейся, в том числе, в агрессивных настроениях и действиях политических сил и их отдельных представителей, а также в дискриминационных действиях властей недружественных государств в отношении России. Особо эта идеология продвигается в молодежную среду в интернет-ресурсе Instagram, принадлежащем Meta (признана в Российской Федерации экстремистской и запрещена).

В силу низкого уровня правовой грамотности, недостаточной социальной адаптации, деструктивного правосознания, молодежь первой и второй возрастных подгрупп участвуют в рассылке публикаций, дискредитирующих государственную политику, конституционный строй, единство гражданского общества.

Следует обратить внимание на то, что руководители и лидеры экстремистских группировок посредством интернет-технологий используют недостаточно зрелое восприятие молодыми людьми социального и материального расслоения общества, сложность с трудоустройством на хорошо оплачиваемые позиции, желанием следовать молодежным течениям, привлекают их к совершению противоправных действий за незначительные вознаграждения.

В заключение отметим, что молодежный экстремизм с развитием информационно-коммуникационных технологий становится все сложнее, поэтому обществу приходится разрабатывать новые способы борьбы с ним. Основная проблема заключается в том, что общество зачастую не устраняет

¹ Косовский В. Б., Косовская Д. В. Экстремизм в молодежной среде, проблемы и методы противодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-problemy-i-metody-protivodeystviya>.

причины возникновения молодежного экстремизма, а лишь ликвидирует его последствия. Поэтому важно уделять больше внимания профилактике экстремистских настроений среди молодежи с учетом существующих на сегодняшний день социальных и политических реалий.

Научная статья

УДК 343.378

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ЗА НАРУШЕНИЯ
СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ПОРЯДКА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕАЭС,
УГРОЖАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Виктория Андреевна МАРИНЧАК¹, Анастасия Алексеевна
САМОДУРОВА²**

^{1, 2} Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской
таможенной академии, студент факультета таможенного дела,
г. Санкт-Петербург, Россия,

¹marinchak.victoria@mail.ru

²anastasiaapp00@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент
Оюна Доржаевна ОРОЕВА, blackmailer03@list.ru

Аннотация. в статье рассматриваются уголовно-правовые проблемы противодействия преступлениям, связанным с нарушением порядка перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Подчеркивается их значимость в контексте обеспечения экономической и национальной безопасности Российской Федерации.

Анализируются проблемы, возникающие в правоохранительной практике, а также предлагаются направления совершенствования уголовного преследования за преступления данной категории.

Ключевые слова: уголовное право, административное право, перемещение товаров, таможенная граница ЕАЭС, уголовная ответственность

**PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF ADMINISTRATIVE
AND CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS RELATED
TO THE VIOLATION OF THE PROCEDURE FOR MOVING GOODS
ACROSS THE CUSTOMS BORDER OF THE EAEU, THREATENING
THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Victoria A. Marinchak¹, Anastasia A. SAMODUROVA²

^{1,2}St. Petersburg named after V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, student of the Faculty of Customs, St. Petersburg, Russia,

¹marinchak.victoria@mail.ru

²anastasiaapp00@mail.ru,

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Oyuna Dorzhaevna OROEVA**

Abstract. The article discusses the criminal law problems of countering crimes related to violations of the procedure for moving goods across the customs border of the Eurasian Economic Union (EAEU).

Their importance in the context of ensuring the economic and national security of the Russian Federation is emphasized.

The problems arising in law enforcement practice are analyzed, and directions for improving criminal prosecution for crimes of this category are proposed.

Keywords: criminal law, administrative law, movement of goods, customs border of the EAEU, criminal liability

Таможенное регулирование в Российской Федерации предполагает строгий контроль за перемещением товаров через таможенную границу. Нарушение правил декларирования, предоставления недостоверных сведений либо сокрытие товаров образуют состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 16.2 КоАП РФ). Однако в ряде случаев такие деяния могут перерасти в уголовно наказуемые, подпадающие под действие статьи 226.1 УК РФ.

Уголовная ответственность наступает когда происходит незаконное перемещение через таможенную границу стратегически важных товаров и ресурсов. Такое преступление становится угрозой для национальной безопасности Российской Федерации, создавая теневой оборот стратегически важными ресурсами и риски для обороноспособности страны.

Основополагающими источниками права в сфере административных правонарушений, входящих в компетенцию таможенных органов, являются ТК ЕАЭС (далее – Таможенный Кодекс) и КоАП РФ (глава 16).

Таможенный Кодекс имеет высшую юридическую силу и закрепляет за собой основы таможенного регулирования в рамках ЕАЭС. Принципы таможенного регулирования закреплены в ст. 1 п. 3 Таможенного Кодекса. Также в главе 2 Таможенного Кодекса изложены правила оформления и контроля перемещения товаров через границу.

Основополагающими источниками права в сфере преступлений, входящих в компетенцию таможенных органов, являются Таможенный Кодекс и Уголовный Кодекс РФ.

Таким образом, вышеуказанные нормативные правовые акты задают, своего рода, определенную систему координат, в которой существует и действует статья 16.2 КоАП РФ и статья 226.1 УК РФ, которые являются ключевым правовым источником.

Статистика борьбы таможенных органов с обозначенной категорией административных правонарушений, к большому сожалению, все же остается достаточно удручающей, так как с каждым годом количество дел об административных правонарушениях, возбужденных таможенными органами, становится все больше.

Так, например, если мы проанализируем приведенную Федеральной таможенной службой РФ соответствующую статистику за I квартал 2025, 2024 и 2023 годов, то придем к неутешительному выводу о том, что за указанный период наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества рассматриваемых административных правонарушений, совершаемых участниками внешнеэкономической деятельности.

Безусловно, такое положение вещей является неприемлемым, так как такой рост числа административных правонарушений в таможенной сфере, представляет собой в том числе и социальную угрозу, возникающую по причине того ущерба, который причиняется поименованными правонарушениями различным сторонам экономических отношений, включая угрозу снижения фискальных поступлений в федеральный бюджет.

Вот почему, на сегодняшний день проблема административных правонарушений в сфере таможенного дела остается все еще острой и требует повышенного к себе внимания со стороны государства. В этой связи вполне закономерным выглядит выбранный в Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации 2030, уклон в сторону развития экономической безопасности.

Что касается статистических данных относительно уголовных преступлений, связанных с незаконным перемещением особо важных товаров

и ресурсов, то можно заметить, что на период с 2023-2025 годов дел по статье 226.1 УК РФ становится меньше с каждым годом. Это свидетельствует о значительном улучшении ситуации в сфере противодействия контрабанде особо важных товаров и ресурсов. Это может означать повышение эффективности государственного контроля за перемещением товаров через таможенную границу, также это указывает на возросший уровень самосознания у участников внешнеэкономической деятельности.

Проанализируем статистику административных правонарушений по статье 16.2 КоАП РФ. Количественные данные в I кв. 2023 составляют 6879 возбужденных дел (ФТС). По итогам 2023 года – аналитика указывает на ≈28 500 дел по ст.16.2. Ключевым решением стало дело в Приморском крае: дело № А51-16326/2022 – разъяснения по расчету штрафа; апелляции/арбитражные споры. Ключевым решением в 2024 году стало решение Арбитражного суда Москвы и другие апелляционные инстанции рассматривали споры по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Ключевым направлением уголовной политики в этот же период времени за данный период уголовное преследование по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, рост проверок и возбуждений уголовных дел, частое сопоставление с квалификацией по ст. 194 УК РФ, суды все чаще оценивают умысел декларирования и наличие подложных документов при квалификации по 226.1 УК РФ.

Однако следует отметить и то, что вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации имеют существенное значение и для других государств–членов Евразийского экономического союза. Поэтому ФТС России тесно сотрудничает с таможенными службами стран ЕАЭС в рамках взаимной административной помощи. Указанная совместная работа направлена на укрепление интеграции и экономической безопасности ЕАЭС.

Безусловно, таможенные органы, защищая экономические интересы государства в установленной сфере деятельности должны постоянно совершенствовать свою деятельность, чтобы соответствовать всевозрастающему уровню угроз рассматриваемых интересов.

В этой связи приобретает особое значение деятельность таможенных органов по анализу не только статистики борьбы с административными правонарушениями и уголовными преступлениями в таможенной сфере, но и тех, проблемы, с которыми в повседневной деятельности сталкиваются таможенные органы в деле противодействия таможенным правонарушениям и преступлениям. При этом важно помнить, что в качестве источника информации об указанных проблемах могут выступать не только сами таможенные органы, но и другие органы государства, например, суд.

В этой связи заслуживает особого внимания та информация, которая проистекает из судебной практики, и позволяет, по своей сути, взглянуть

на проблемы борьбы таможенных органов с административными правонарушениями и уголовными преступлениями в таможенной сфере, что называется «со стороны».

В этом смысле одной из ключевых целей настоящего исследования заключается в анализе судебных практик, позволяющих выявить проблемные аспекты деятельности таможенных органов по привлечению к административной ответственности за правонарушения, связанные с недекларированием или недостоверным декларированием, указано в Письме ФТС России от 10.01.2024 г. № 24А-10300 «О применении таможенного законодательства».

Обращаясь к анализу проблемных аспектов противодействия таможенных органов административным правонарушениям в таможенной сфере, первое, что привлекает внимание при исследовании соответствующей статистики, так это рост количества административных правонарушений, предусмотренных статьями 16.2 КоАП РФ (недекларирование или недостоверное декларирование товаров) и статьи 226.1 УК РФ (контрабанда сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов), что подтверждается данными ФТС за период с 2023 по 2024 гг.

Таким образом, нам представляется вполне закономерным, обратить более пристальное внимание в контексте рассматриваемых проблем на административные правонарушения и преступления, связанные с нарушением правил декларирования товаров. В этой связи представляется важным обозначить ключевые параметры правового регулирования данного вопроса.

Для подробного рассмотрения сравнительного анализа административной и уголовной ответственности за совершение преступных деяний, связанных с нарушением порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, следует отметить классификацию и градацию наказаний в ответ на установление факта вины субъекта.

Во-первых, важность использования таможенными органами такого метода для выявления административных правонарушений, предусмотренных статьями 16.2 КоАП РФ, метод риск-анализа на основе данных о декларантах, маршрутах, истории перемещений, стоимости товаров и их классификации. Например, в деле № А40-103001/2024 (решение Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.11.2024) суд подтвердил, что ООО «ПРОФИЛЬ-ЕВРО» заявило недостоверный код ТН ВЭД ЕАЭС (заявлено – один код, фактически должен был быть другой), а также неполно указаны характеристики товара, влияющие на классификацию; это выявилось именно при документальной проверке декларации и при проверке

свойств товара;

Во-вторых, помимо штрафов в рассматриваемых составах административных правонарушений также могут применяться и конфискация товара, признанного предметом административного правонарушения. Например, в деле № А40-103001/2024 ООО «ПРОФИЛЬ-ЕВРО» был привлечен к ответственности по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, и одним из наказаний – возможна конфискация, поскольку недостоверные сведения могли повлечь освобождение от пошлины или ее занижение¹.

Таким образом, подытоживая анализ проблемных аспектов привлечения к административной ответственности за правонарушения, связанные с нарушением правил декларирования товаров, можно сделать вывод о том, что,

во-первых, судебная практика 2023-2024 годов показывает, что основными видами нарушений, по которым рассматриваются административные дела, являются недекларирование товара (ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ) и недостоверное декларирование (ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ);

во-вторых, при выявлении и привлечении к административной ответственности по указанным таможенным составам важное значение приобретает готовность таможенного органа не допускать или максимально быстро и с наименьшими потерями для себя решать такие ключевые проблемы современной практики, как слабая доказательная база (особенно по качественным характеристикам), формальные ошибки в документах, недостаток единообразия в классификации, сложности с подтверждением происхождения и свойств товара.

В Постановлении от 19.02.2025 Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что часть 1 ст. 226.1 УК РФ (недостоверное декларирование таможенной стоимости) может применяться, если задекларированная стоимость значительно занижена умышленно, и это приводит к крупному размеру контрабанды.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что норма уголовного закона не противоречит норме административно-деликтного права (ст. 16.2 КоАП РФ), т.к. «контрабанда» – это не просто «любое недостоверное декларирование», а такое, где умышленность + крупный размер + стратегическая важность товара создают более серьезный состав².

Для успешного уголовного преследования (или защиты) в таких контрабандных делах крайне важны: качественные экспертизы, детальные следственные и судебные проверки, а также грамотное выявление организованной структуры.

В сентябре 2025 года был вынесен приговор жителям Иркутска,

¹ Арбитражное дело № А40-115821/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jo34FI2rg7JF/> (дата обращения: 25.10.2025).

² Арбитражное дело № А56-110649/2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/phLKDi8rWGj/> (дата обращения: 25.10.2025).

осужденным за контрабанду леса (ст. 226.1 УК РФ): они незаконно вывезли более 315 тыс. м³ лесоматериалов, стоимость – свыше 1,5 млрд руб¹.

Как подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 19.02.2025 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В. Панова», состав контрабанды по ст. 226.1 УК РФ возникает не при любом недостоверном декларировании, а только в случае умышленного и значительного занижения стоимости, которое приводит к крупному размеру и часто связано со стратегически важными товарами².

Это разграничение подчеркивает, что уголовное преследование резервируется для наиболее общественно опасных деяний. Яркой иллюстрацией серьезности такой ответственности служит приговор жителям Иркутска за контрабанду леса, где крупный размер (как по объему, так и по стоимости) стал ключевым квалифицирующим признаком, повлекшим суровые наказания в виде длительных сроков лишения свободы.

При этом необходимо отметить, что успешное привлечение лиц, совершивших таможенные правонарушения, во многом зависит от проведения качественных экспертиз, тщательности судебной проверки и доказывания умысла и организованности преступной схемы.

Научная статья **УДК 343.32**

ПРЕДМЕТЫ И ТЕХНОЛОГИИ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Мария Игоревна МАХАРИНСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Shulgina044@mail.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юри-

¹ Информация управления таможенных расследований и дознания ФТС России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatelnost-informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/392544> (дата обращения: 25.10.2025).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В. Панова».

дического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовым аспектам защиты предметов и технологий двойного назначения от преступных посягательств, направленных против основ конституционного строя и безопасности государства.

Автор подробно исследует практические и доктринальные сложности применения составов государственной измены и шпионажа, особо выделяя вопросы доказуемости связи с иностранным влиянием, оценки ущерба в условиях цифровой среды и атрибуции кибератак, что подчеркивает настоятельную потребность в совершенствовании правовых механизмов для противодействия современным гибридным угрозам.

Ключевые слова: технологии двойного назначения, государственная измена, шпионаж, национальная безопасность, кибершпионаж, экспортный контроль

Original article

DUAL-PURPOSE ITEMS AND TECHNOLOGIES AS A SUBJECT OF CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AND STATE SECURITY

Maria I. MAKHARINSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Shulgina044@mail.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article focuses on the criminal law aspects of protecting dual-use items and technologies from criminal acts aimed against the foundations of the constitutional order and the security of the state.

The author explores the practical and doctrinal challenges of applying the concepts of treason and espionage, highlighting the issues of proving connections to foreign influence, assessing damage in a digital environment, and attributing cyberattacks. This highlights the urgent need for improving legal mechanisms to

counter modern hybrid threats.

Keywords: dual-use technologies, treason, espionage, national security, cyberespionage, export control

Современное геополитическое пространство характеризуется стремительной технологической трансформацией, которая кардинально меняет систему угроз международной безопасности. Одной из наиболее актуальных и сложных проблем в этой сфере становится противодействие незаконному завладению предметами, материалами, информацией и технологиями двойного назначения. Эти объекты, которые могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях, обладают значительным инновационным потенциалом и являются ключевым элементом обеспечения как национальной безопасности, так и экономической конкурентоспособности государства.

В Российской Федерации правовой режим обращения с товарами и технологиями двойного назначения устанавливается, прежде всего, Федеральным законом «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022). Данный федеральный закон определяет их как продукцию, которая может быть применена для создания вооружений и военной техники, и вводит комплекс мер по предотвращению их нелегального распространения.

Однако уголовно-правовая защита этих объектов от противоправных посягательств обеспечивается нормами УК РФ. Ключевое значение здесь имеют статьи 275 УК РФ (Государственная измена) и 276 УК РФ (Шпионаж). При этом ст. 276 УК РФ прямо указывает, что предметом шпионажа могут выступать сведения, содержащие государственную тайну, к которым, в соответствии с Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024), в полной мере относятся технологии двойного назначения.

Актуальность темы обусловлена новыми вызовами, которые бросает традиционной системе национальной безопасности цифровая эпоха. Стирание границ между физическим и цифровым пространством, использование киберсредств для хищения данных, вовлечение в разведывательную деятельность негосударственных акторов (например, коммерческих структур) и сложность идентификации самого акта шпионажа в отношении технологий, имеющих легальный гражданский рынок, – все это создает серьезные пробелы в правоприменительной практике. Существующие составы преступлений зачастую не в полной мере учитывают специфику нематериальных активов, корпоративных секретов (ноу-хау) и цифровых моделей, которые являются основой современных технологий двойного назначения.

Анализ преступной деятельности, связанной с предметами и технологиями двойного назначения, требует четкого понимания их правовой сущности и содержания. Отсутствие единого универсального определения в международном праве и специфика его имплементации в национальные правовые системы обуславливают необходимость комплексного подхода к исследованию данного феномена, представляющего собой один из ключевых вызовов международной безопасности.

Правовая концепция технологий двойного назначения сформировалась на основе международных многосторонних режимов экспортного контроля. Ключевыми из них являются Вассенаарские договоренности, заключенные в 1996 году, которые определяют цель контроля как предотвращение дестабилизирующих накоплений обычных вооружений и товаров и технологий двойного назначения, используемых для создания оружия массового поражения или обычных вооружений. Аналогичные подходы закреплены в Режиме контроля за ракетной технологией, установленного Постановлением Правительства от 24 июля 1995 г. № 737 (ред. от 26.02.1998) «О присоединении Российской Федерации к международному Режиму контроля за ракетной технологией» и других соглашениях.

Общим критерием для отнесения продукции к предметам и технологиям двойного назначения является ее потенциальная возможность применения как в гражданских, так и в военных целях.

В Российской Федерации данная международная концепция имплементирована в национальное законодательство. Как мы уже ранее упоминали, в статье 1 Федерального закона «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022) товары и технологии двойного назначения определяется как сырье, материалы, оборудование, научно-техническая информация, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности (права на них), которые в силу своих особенностей и свойств могут внести существенный вклад в создание оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники, а также продукция, являющаяся особо опасной в части подготовки и (или) совершения террористических актов.

Таким образом, можно выделить следующие основные признаки предметов и технологий двойного назначения:

- 1) потенциальная применимость в военной сфере;
- 2) отсутствие исключительно военного назначения;
- 3) изначальная ориентация на гражданский сектор.

Регулирование конкретных позиций предметов и технологий двойного назначения определяется посредством отнесения их законодателем в Единый перечень товаров и технологий двойного назначения, утверждаемом

Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» от 19.07.2022 № 1299 (с изм. и доп. от 16.03.2024 г.), который гармонизирован со списками международных режимов.

Стратегическая ценность различных предметов и технологий двойного назначения для разведывательной деятельности неодинакова. Наибольший интерес для иностранных спецслужб представляют технологии, обладающие критическим потенциалом для обеспечения национальной безопасности и экономического суверенитета государства (например, искусственный интеллект, биотехнологии, квантовые вычисления и др.).

Обоснование стратегической важности перечисленных секторов заключается в их синергетическом эффекте. Они не просто усиливают существующие военные возможности, а порождают принципиально новые, меняя природу современного конфликта. Экономическая мощь государства все более зависит от его позиций в этих областях, что делает их ключевым объектом не только государственного, но и промышленного шпионажа. Таким образом, защита этих технологий от разведывательных посягательств становится вопросом национальной безопасности в XXI веке, формируя новые вызовы для уголовно-правового регулирования.

Уникальность предметов и технологий двойного назначения предопределяет специфику посягательств на них, которая не всегда в полной мере охватывается традиционными составами преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в частности, предусмотренных статьями 275 и 276 УК РФ, в контексте незаконного завладения предметами и технологиями двойного назначения, с учетом современных методов деятельности иностранных разведок.

Ключевым и формальным критерием разграничения государственной измены и шпионажа, закрепленным в законе, является субъект преступления. Как справедливо отмечает А. В. Наумов, данное разграничение основано на особой правовой связи гражданина с государством, предполагающей верность и обязанность защиты его интересов, что не распространяется на иностранных граждан¹.

Согласно ст. 275 УК РФ субъектом государственной измены может быть только гражданин Российской Федерации. Объективная сторона данного состава, применительно к передаче технологий, выражается в передаче, а равно

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX–XII) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. С. 515.

собрании, похищении или хранении с целью передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну. Таким образом, передача технологий двойного назначения попадает под действие этой нормы лишь при условии, что такие технологии или связанная с ними информация отнесены к государственной тайне в установленном Законом Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) порядке.

Согласно ст. 276 УК РФ субъектом шпионажа является иностранный гражданин или лицо без гражданства. Данный состав включает в себя альтернативную объективную сторону: 1) передача, собрание, похищение или хранение сведений, составляющих государственную тайну; 2) передача или собрание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования против безопасности Российской Федерации.

Именно второй вариант деяния по ст. 276 УК РФ имеет наибольшее значение для квалификации передачи технологий двойного назначения. Критически важным является то, что в данном случае передаваемые сведения (технологии) не обязательно должны составлять государственную тайну.

Достаточно, чтобы их сбор и передача осуществлялись по заданию иностранной разведки и для использования в ущерб безопасности РФ. Это создает более широкое правовое поле для противодействия угрозам, связанным с «серыми зонами», когда формально несекретная разработка может быть использована для усиления военного потенциала противника. Такой подход позволяет охватить деяния, направленные на подрыв экономической и технологической безопасности государства, что особенно актуально в современных условиях гибридных конфликтов.

Одной из наиболее сложных проблем в правоприменительной практике является определение признаков, характеризующих направленность деяния против основ конституционного строя и безопасности государства

Во-первых, для квалификации по ст. 276 УК РФ (в части передачи «иных сведений») необходимо установить, что действия лица осуществлялись по заданию иностранной разведки. Однако доказывание прямой связи конкретного лица или организации с разведывательными службами представляет значительную оперативно-следственную сложность, особенно в условиях использования агентурных сетей.

Во-вторых, обязательным элементом как ст. 275, так и ст. 276 УК РФ является причинение ущерба безопасности Российской Федерации или создание угрозы его причинения. Установление характера и размера ущерба является ключевым вопросом квалификации данных видов преступлений.

Ущерб может быть не только прямым (например, ослабление оборонного потенциала), но и косвенным (экономический ущерб, подрыв технологического суверенитета).

В научной литературе дискутируют о вопросе: является ли ущерб обязательным последствием или же состав сконструирован как формальный, где достаточно самого факта передачи сведений с указанной целью. Современная правоприменительная практика склоняется к необходимости установления реальной угрозы причинения ущерба.

Цифровая среда также кардинально усложняет уголовно-правовую квалификацию передачи технологий двойного назначения. Традиционные составы преступлений, сконструированные для физического мира, сталкиваются с новыми вызовами, которые активно исследуются в современной доктрине информационного права.

Так, передача данных происходит в результате различных кибератак. Первостепенной задачей становится установление субъекта преступления – хакера или группы. Использование анонимизирующих технологий, а также серверов-посредников в других странах делает атрибуцию крайне затруднительной. Без установления государственной принадлежности злоумышленников практически невозможно квалифицировать деяние как шпионаж (ст. 276 УК РФ). Данная проблема является общей для международного права и уголовной юстиции многих государств.

Помимо этого, актуальной является проблема установления конечного получателя в рамках данных составов преступлений. Складывается ситуация, когда факт несанкционированного доступа к информации доказан, однако проследить цепочку передачи данных до конечного получателя – иностранного государства в киберпространстве зачастую невозможно. Информация может быть продана на теневых форумах, передана через цепочку посредников, что размывает непосредственную связь между хищением и интересами иностранного государства, необходимую для ст. 275 и 276 УК РФ.

Данные проблемы порождают доктринальные предложения о криминализации самого факта хищения критически важных технологий независимо от установления конечного получателя, путем введения новых специальных составов преступлений.

Эти сложности приводят к тому, что правоохранительные органы часто вынуждены квалифицировать подобные деяния по более общим составам, таким как ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации, или ст. 183 УК РФ – неправомерное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, где порог доказывания в части направленности против безопасности государства ниже. Однако, такая квалификация не в полной мере отражает общест-

венную опасность деяния, связанного с передачей критически важных технологий двойного назначения, и требует совершенствования уголовного закона.

Примером противодействия шпионажу в сфере высоких технологий, хотя и не по ст. 276 УК РФ в чистом виде, является дело ученого-ракетостроителя Виктора Кудрявцева¹. В 2018 году ФСБ России задержало его по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, т.е. в государственной измене в форме шпионажа. По версии следствия, Кудрявцев, работавший в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения (ЦНИИмаш, входит в «Роскосмос»), передавал в Фон-Кармановский институт гидродинамики в Брюсселе информацию, содержащую сведения о применении гиперзвуковых технологий в боевых ракетных комплексах «Авангард» и «Кинжал», с которым ЦНИИмаш сотрудничал в рамках общей программы.

Полученная от Кудрявцева информация, как полагало следствие, могла быть использована при создании нового вооружения. Данные технологии являются классическим примером предметов и технологий двойного назначения: они имеют критическое значение для разработки новейших систем вооружения (например, гиперзвуковых ракет «Авангард»), но одновременно ведутся в рамках гражданских космических программ.

Несмотря на то, что уголовное дело рассматривалось в закрытом режиме и детали обвинения засекречены, публичная информация по делу указывает на характерный механизм, интерес иностранной разведки был направлен именно на российские разработки двойного назначения, обладающие стратегическим военным потенциалом. Данная ситуация подчеркивает, что утечка даже незасекреченных на первый взгляд научно-технических данных в области предметов и технологий двойного назначения может быть расценена как действие, причиняющее ущерб безопасности государства, и квалифицирована как государственная измена.

В заключение, следует отметить, что действующая уголовно-правовая конструкция составов ст. 275 и 276 УК РФ, несмотря на ее четкость в разграничении по субъекту, требует дальнейшего доктринального осмысления и адаптации к современным вызовам, особенно в цифровой сфере.

Развитие научной доктрины и правоприменительной практики в части использования косвенных доказательств для установления связи с иностранными разведками, разработки надежных методик экспертной оценки ущерба и двойного назначения технологий, а также возможной дифференциации уголовной ответственности за кибершпионаж представляется

¹ Грант стал госизменой: как ученого обвинили в передаче секретов Бельгии // Официальная страница медиахолдинга РБК. URL: <https://clck.ru/3QL77a> (дата обращения: 07.11.2025).

необходимым для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом технологий двойного назначения.

Научная статья
УДК 343.326

**ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОПАГАНДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ УСТАНОВОК У ПОДРОСТКОВ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И МЕТОДЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Энже Эмильевна МАХМУТОВА¹, Ярослава Павловна ЧЕРНЫХ²

^{1, 2}Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева

¹makhmutovaenzhe@mail.ru

²chernykhyaroslava29@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент **Наталья Ивановна КУЗНЕЦОВА**,
natasha40480@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию актуальной правовой и социальной проблеме — активизации экстремистской деятельности в сети «Интернет», направленной на вовлечение несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность.

В работе анализируются психологические аспекты формирования экстремистских убеждений у подростков, методы и приемы вербовки, используемые радикальными организациями в онлайн-пространстве. Особое внимание уделяется анализу видов экстремистского контента и его воздействия на молодое поколение.

Проводится оценка эффективности действующего законодательства в сфере противодействия экстремизму в сети «Интернет», а также предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию профилактических и правоприменительных мер, направленных на защиту несовершеннолетних от деструктивного влияния экстремистской идеологии.

Ключевые слова: несовершеннолетние, экстремизм, сеть «Интернет», пропаганда, вовлечение, предупреждение преступлений

THE IMPACT OF INTERNET PROPAGANDA ON THE FORMATION OF EXTREMIST ATTITUDES AMONG TEENAGERS: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS AND COUNTERACTION METHODS

Enge E. MAKHMUTOVA¹, Yaroslava P. CHERNYKH²

^{1,2} Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
named after A. Ya. Sukharev

¹ makhmutovaenzhe@mail.ru

² chernykhyaroslava29@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor **Natalia Ivanovna KUZNETSOVA**, natasha40480@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of an urgent legal and social problem – the intensification of extremist activities on the Internet aimed at involving minors and young people in illegal activities.

The article analyzes the psychological aspects of the formation of extremist beliefs among teenagers, as well as the methods and techniques of recruitment used by radical organizations in the online space. Special attention is paid to the analysis of the types of extremist content and its impact on the younger generation.

The article assesses the effectiveness of current legislation in the field of countering extremism on the Internet, and provides specific recommendations for improving preventive and law enforcement measures aimed at protecting minors from the destructive influence of extremist ideology.

Keywords: minors, extremism, Internet, propaganda, involvement, crime prevention

Экстремизм, как социально опасное явление, выражается «в радикальной приверженности идеологиям, противоречащим закону и общественным устоям, и применении противозаконных методов, что подрывает безопасность общества, конституционный порядок и фундаментальные права граждан»¹.

Эскалация экстремистской деятельности в сети «Интернет», в особен-

¹ Сиранашвили Л. А. Экстремизм в современном обществе: интернет как фактор распространения экстремизма среди российской молодежи // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 447–449.

ности направленной на несовершеннолетних и молодежь, представляет собой серьезную правовую и социальную проблему, требующую принятия комплексных мер противодействия. В условиях технологического прогресса и повсеместного распространения доступа к сети «Интернет» радикальные объединения и экстремистские организации все чаще используют онлайн-платформы в целях осуществления вербовки, пропаганды экстремистских идеологий и вовлечения граждан в противоправную деятельность, тем самым создавая угрозу общественной безопасности и конституционному строю Российской Федерации¹.

В силу психолого-возрастных особенностей, заключающихся в недостаточном жизненном опыте, несформированности критического мышления и неполном осознании юридических последствий собственных действий, несовершеннолетние лица представляют собой категорию повышенного риска в контексте воздействия манипулятивных информационных технологий, применяемых для распространения экстремистских идеологий. Данные факторы обуславливают их восприимчивость к пропаганде деструктивных идей посредством сети «Интернет».

Экстремистский контент в сети «Интернет» представляет собой разнородную совокупность материалов, распространение которых направлено на подрыв основ конституционного строя, возбуждение ненависти либо вражды, а также на побуждение к совершению противоправных деяний². Распространение информации, пропагандирующей насилие и ненависть посредством различных форм контента, таких как музыкальные произведения, видеоматериалы и «мемы», содержащие оправдание или восхваление насильственных деяний, квалифицируется как осуществление экстремистской деятельности.

Преднамеренное искажение исторических фактов, используемое в качестве инструмента идеологической обработки, направлено на манипулирование общественным сознанием, формирование ложных представлений о прошлом и радикализацию населения путем внедрения экстремистских убеждений. Одновременно с этим, публичные призывы к участию в несанкционированных публичных мероприятиях, а также к совершению террористических актов, представляют собой прямую угрозу общественной безопасности и конституционному строю Российской Федерации.

Безусловно, распространение указанного контента оказывает существенное деструктивное воздействие на несовершеннолетних, ввиду

¹ Теуважев З. А. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы // Право и управление. 2024. № 7. С. 233–236.

² Салахутдинов А. А. Социальные сети как информационный канал экстремистского материала // Молодой ученый. 2014. № 17 (76). С. 561–564.

их психоэмоциональной неустойчивости и несформированности критического мышления, что обуславливает повышенную уязвимость данной категории лиц к негативному воздействию деструктивной информации.

Психологические механизмы воздействия экстремистской пропаганды на подростков зачастую включают создание иллюзии свободы выбора, при котором им предлагается дихотомическое разделение на «своих» и «чужих» («с нами или против нас»), способствуя формированию ложного чувства принадлежности к определенной группе и восприятию единственно верной только той точки зрения, которая пропагандируется в рамках данной группы, тем самым ограничивая объективное восприятие информации и склоняя к радикализации убеждений¹.

Задача состоит в том, чтобы, создавая иллюзию независимости, одновременно навязать абсолютную веру в правоту доминирующей в группе идеологии и установить жесткий контроль над новыми членами посредством запугивания, подавляя их индивидуальность.

Быстрое предоставление новым членам ролей и функций не только привлекает в незаконную деятельность, но и служит инструментом манипуляции его стремлением к самоидентификации и признанию, создавая чувство исключительной важности для достижения «высших» идеалов группы. Учитывая психологическую уязвимость молодежи в периоды возрастных кризисов, такое включение оказывается весьма действенным, так как восполняет дефицит ощущения нужности и значимости, нередко испытываемый ими в реальной социальной среде.

Кроме того, экстремистские организации, осуществляя свою деятельность, нередко предлагают «способы легитимизации и высвобождения агрессивного потенциала, предоставляя возможность совершения насильственных действий в отношении лиц, выделяемых по признакам национальной, религиозной, политической или иной социальной принадлежности»².

С целью дискредитации институтов государственной власти и формирования негативного общественного мнения в отношении представителей власти, а также граждан, поддерживающих конституционный строй Российской Федерации, применяются различные методы, в том числе распространение в информационном пространстве коллажей, карикатур и иных видов контента, направленного на подрыв авторитета и формирование презрительного отношения к органам государственной власти. Данные действия могут содержать признаки деяний, направленных на насильственное

¹ Оселков А. А. Особенности влияния на молодёжную аудиторию материалов экстремистской направленности // Российский психологический журнал. 2011. №1. С. 64–72.

² Маринова С. Ш. Распространение идей терроризма и экстремизма в молодежной среде посредством социальных сетей и мессенджеров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2025. № 1 (28). С. 33–42.

изменение конституционного строя либо на возбуждение ненависти или вражды.

Помимо этого, манипулирование восприятием реальности, достигаемое путем «акцентирования внимания на избирательно представленных событиях», является распространенным приемом, используемым для идеологической обработки несовершеннолетних экстремистскими организациями¹. В результате целенаправленного воздействия экстремистской пропаганды подросток склонен интерпретировать происходящие в стране и мире события через призму навязанных радикальных убеждений, что формирует предвзятое и искаженное восприятие действительности, препятствуя формированию объективного мнения и создавая предпосылки для вовлечения в экстремистскую деятельность. В этой связи, требуется усиление мер по формированию у несовершеннолетних критического мышления и правовой грамотности.

В соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) и Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025), противодействие терроризму и экстремизму осуществляется посредством реализации комплекса взаимосвязанных мер, предпринимаемых органами государственной власти, органами местного самоуправления, субъектами частного права (физическими и юридическими лицами), и направленных на решение задач, связанных с нейтрализацией факторов, детерминирующих совершение террористических актов и осуществление экстремистской деятельности, пресечением противоправной деятельности, независимо от субъектов ее осуществляющих, и ликвидацией негативных последствий, вызванных террористическими актами и экстремистскими действиями, включая минимизацию ущерба и восстановление нарушенных прав и законных интересов.

В частности, российское законодательство, в целях обеспечения общественной безопасности и защиты конституционного строя, предусматривает возможность ограничения распространения экстремистских и террористических материалов в сети «Интернет» посредством применения таких мер, как блокировка сетевых адресов (IP-адресов) и прекращение делегирования доменных имен в национальных доменных зонах «ru» и «rf».

Однако, реализация указанных мер сталкивается с объективными трудностями, обусловленными отсутствием международно-правового консенсуса и единообразных подходов к процедуре прекращения функционирования и блокировки доступа к интернет-ресурсам, распространяющим

¹ Салихов А. М., Краснощеченко И. П. Манипуляция сознанием: как снизить риски экстремистских влияний на молодежь? // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2. С. 15–23.

противоправный контент. В связи с этим, требуется дальнейшее совершенствование правоприменительной практики и повышение эффективности механизмов противодействия распространению экстремизма и терроризма в сети «Интернет», включая международное сотрудничество в данной сфере.

Формирование антитеррористического сознания у молодых пользователей сети «Интернет» представляет собой задачу, имеющую существенное значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Успешная реализация указанной задачи в определяющей степени зависит от эффективности государственной политики, реализуемой в области религиозной культуры и образования, молодежной политики, противодействия коррупции, а также от надлежащего финансового и ресурсного обеспечения соответствующих направлений деятельности, осуществляемых органами государственной власти и ведомствами.

Превентивные меры по противодействию распространению экстремистской идеологии среди несовершеннолетних требуют комплексного межведомственного подхода и скоординированных усилий образовательных организаций, правоохранительных органов, институтов гражданского общества и семьи. Профилактическая работа, осуществляемая в образовательных учреждениях, направлена на предупреждение деструктивных проявлений в ученической среде и выявление лиц, склонных к совершению противоправных деяний экстремистского характера, а также на повышение уровня информационной безопасности и правовой грамотности несовершеннолетних и их родителей.

Приоритетным направлением профилактической работы является взаимодействие с подростковыми и молодежными общественными объединениями, осуществляемое с целью активизации их участия в общественной жизни, формирования у молодого поколения устойчивого иммунитета к идеологии экстремизма и терроризма, а также укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, являющихся основой российского общества и правового государства¹.

Данный подход способствует формированию гражданской позиции и правосознания у молодежи, что является важным фактором противодействия распространению экстремистских идей и вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность.

На наш взгляд, целью своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии, а также предотвращения вовлечения

¹ Коленченко А. Н. Расследование вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность экстремистского характера: междисциплинарный подход к анализу причин, факторов риска и методов противодействия // Молодой ученый. 2025. № 23 (574). С. 316–319.

несовершеннолетних в противоправную деятельность, необходимо осуществлять систематический мониторинг девиантного поведения молодежи, проводить социологические исследования социальной обстановки и организовывать адресную профилактическую работу с лицами, отнесенными к группе риска.

Для эффективного противодействия экстремистской идеологии в сети «Интернет» представляется целесообразным создание специализированной рабочей группы, объединяющей специалистов, обладающих компетенциями в области информационных технологий, психологии, социологии и юриспруденции, а также владеющих современными методами убеждения и контрпропаганды, адаптированными к особенностям онлайн-среды, включая анонимность и опосредованный характер коммуникаций.

Научная статья

УДК 343.326

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИВЕРСИИ

Эмирхан Дербетович МЕХТИХАНОВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия, emirkhan@internet.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук **Алла Сергеевна СИЗОВА**, kurganovaalla58@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается сущность преступлений диверсионной направленности.

Анализируются ключевые компоненты и нормативно-правовые акты, применяемые в борьбе с диверсией, а также выявляются основные потребности, связанные с совершенствованием законодательства.

Особое внимание выделяется комплексу мер, направленных на снижение уровня данного вида преступности. Правовое регулирование данной сферы поможет сыграть ключевую роль.

Ключевые слова: преступность, диверсия, национальная безопасность, экстремизм, террористический акт, преступление, конституционный строй, безопасность государства

CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DIVERSION

Emirkhan D. MEHDIKHANOV

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, emirkhan@internet.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. The article examines the essence of subversive crimes. The key components and regulatory legal acts used in the fight against sabotage are analyzed, as well as the main needs related to improving legislation are identified.

Special attention is paid to a set of measures aimed at reducing the level of this type of crime. The legal regulation of this area will help to play a key role.

Keywords: crime, sabotage, national security, extremism, terrorist attack, crime, constitutional order, state security

На сегодняшний день серьезной угрозой для государственности России является такое негативное социально-политическое явление, как диверсия, а именно его прогрессивный рост. Данный прирост за последние 3 года был спровоцирован преступными действиями вооруженных сил иностранных государств, при этом данная деятельность вредит не только объектам инфраструктуры, но и представляет риск для жизни и здоровья мирного населения.

Под объектом диверсии следует понимать, по нашему мнению, общественные отношения, обеспечивающие обороноспособность и экономическую безопасность государства. В составе преступления, предусмотренном ст. 281 УК РФ имеет место факультативный объект, так как может быть причинен вред здоровью людей и компонентам природы.

При этом объект исследуемого преступления находится в тесной связи с предметом преступления – компонентом структуры, обеспечивающей экономическую безопасность либо обороноспособность страны. Предметом являются предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения.

Объективная сторона заключается в совершении взрыва, поджога либо иных действий, которые направлены на разрушение либо повреждение

объектов, относящихся к предмету данного состава. Если говорить о разрушении и повреждении, как о возможных последствиях, то разница лишь в том, что после повреждения сооружение представляется возможным восстановить и вернуть его к нормальному функционированию. Однако законодатель ясно дает понять, что помимо поджога и взрыва существует достаточно вариантов совершить диверсию, так как ключевое условие в том, чтобы способ являлся общепасным и посягал на обороноспособность либо экономическую безопасность государства – например, затопление либо обвал.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Наряду с основным признаком большую роль играет цель совершения преступления, заключающаяся в подрыве обороноспособности либо экономической безопасности страны. Субъектом исследуемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Согласно статистике в 2023 году было возбуждено 6 уголовных дел по статье 281 УК РФ, в 2024 году – 5 уголовных дел, что по сравнению с прошлым годом на 17% меньше¹. Однако по состоянию на 1 ноября в 2025 году зафиксировано уже 16 случаев по данной статье. Таким образом, рост, по сравнению с прошлым годом, составляет 220 % и является критическим.

Необходимо также отметить причины роста такого характера преступности: стремление врагов подорвать существующий государственный строй; попытки разбить наше государство на десятки мелких государственных образований для оптимизации управления и распределения сфер влияния.

Данные преступления совершаются, как правило, в соучастии. Организаторы преступлений преимущественно, находясь за рубежом, путем обмана пытаются привлечь к совершению преступлений несовершеннолетних, пожилых лиц и иные категории граждан.

Действия организаторов обусловлены единственной причиной – подорвать безопасность и обороноспособность нашего государства. Исполнитель – зачастую несовершеннолетнее лицо, которому за выполнение преступных действий обещают денежное вознаграждение в размере до 100 тысяч рублей.

Например, в январе 2024 года лицо, находящееся за рубежом, предложило несовершеннолетнему совершить поджог релейного шкафа, а тот вовлек в совершение преступления своего несовершеннолетнего друга. Получив необходимые инструкции, они совершили поджог на перегонной станции Марк-Лобня Савеловского направления Московской железной дороги и скрылись².

При этом, исполнителями могут быть и престарелые граждане люди.

¹ Официальный сайт Федеральной службы безопасности <http://www.fsb.ru/>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Молодой человек признан виновным в совершении диверсии на железной дороге в Московской области. URI: <https://zmsut.sledcom.ru/news/item/1955231/>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Так, 27 декабря 2022 года супруги 70 и 76 лет намеревались поджечь военкомат. Мужчина поджег тряпку с помощью бензина и положил ее на окно, а женщина фиксировала все на видео¹.

Основными законодательными актами, регулирующими вопросы безопасности государства, на сегодняшний день являются глава Конституция РФ, Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023), в котором указывается ключевая роль Совета безопасности, как органа, формирующего государственную политику в области обеспечения безопасности и контроля за ее реализацией, а также осуществляющего прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности.

В целях дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации специальные службы иностранных государств наращивают деструктивное информационно-психологическое воздействие на российское общество, прежде всего на молодежь, обращается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 28 декабря 2024 г. № 1124.

Для противодействия диверсиям в уголовное законодательство были внесены необходимые изменения. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 28 апреля 2023 № 157-ФЗ была увеличена санкция статьи, были дополнены квалифицирующие признаки преступления.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 17 ноября 2025 № 420-ФЗ был снижен возраст ответственности за диверсию до 14 лет, исключена возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено в диспозиции статьи либо назначения наказания ниже низшего предела. Также законодатель посчитал неразумным освобождать от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда. Использование условно-досрочного освобождения стало возможным лишь после отбытия трех четвертей срока наказания, а также лицо не будет освобождаться от уголовного наказания.

Налагается запрет на условное осуждение для лиц, участвовавших в диверсионном сообществе, а организаторы будут нести ответственность также за совершенные сообществом преступления.

Однако криминологическое прогнозирование показывает необходимость в разработке дополнительных мер касательно данной проблемы. Если говорить о статистике, то ФСБ России и судебные органы не раскрывают возраста лиц, обвиняемых и осужденных в совершении диверсий.

Но так как законодатель снизил возраст уголовной ответственности до

¹ Семейная пара пенсионеров пыталась поджечь военкомат в Подольске // Life: [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1548657>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

14 лет, следует сделать вывод о том, что криминологический портрет преступника-диверсанта претерпевает изменения. Несовершеннолетнее лицо является, как правило, несформировавшейся и неустойчивой личностью, и поэтому легко подвергается психологическому воздействию.

Согласно мнению криминологов необходим анализ проблемы в рамках прогнозирования таких лиц, как исполнители¹.

Принятые меры будут направлены на обеспечение неотвратимости и соразмерности наказания в целях защиты граждан, обеспечения государственной безопасности, а также пресечения преступлений.

С целью снижения прогнозируемого роста актов диверсий 23 октября 2025 года Правительство внесло в Государственную Думу законопроект о привлечении граждан, добровольно заключивших контракт о пребывании в резерве Вооруженных сил, для защиты различных объектов инфраструктуры и иных объектов жизнеобеспечения. Согласно заявлению секретаря Совета безопасности данную идею поддержали главы ряда субъектов, а также Президент России.

Для противодействия диверсиям должен применяться, по нашему мнению, комплексный подход, включающий различные меры профилактики, совершенствование уголовного законодательства и дополнительная активизация деятельности правоохранительных органов.

Научная статья **УДК 343.9**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Глеб Александрович МИГУКОВ¹, Алина Романовна СЕРГЕЕНКО²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия,

^{1,2} sergeenko.alina2004@gmail.com

Научный руководитель – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний России **Александр Викторович КИБАНОВ**

¹ Игнатенко Е. А. Криминологический анализ типологии личности участника диверсионной деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-analiz-tipologii-lichnosti-uchastnika-diversionnoy-deyatelnosti>.

Аннотация. В статье рассмотрен многоаспектный характер оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, включая задачи, стоящие перед подразделениями, и методы сбора достоверной информации.

Проанализированы законодательные и нормативные рамки, определяющие права и обязанности сотрудников оперативных подразделений.

В статье сформулированы предложения о повышении эффективности деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений против основ конституционного строя.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, преступления против основ конституционного строя оперативные подразделения, уголовно-исполнительная система России, конституционный строй

Original article

ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM FOR THE PREVENTION OF CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER

Gleb A. MIGUKOV¹, Alina R. SERGEENKO²

^{1, 2}Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia,

^{1, 2}sergeenko.alina2004@gmail.com

Scientific adviser – lecturer at the Department of Operational Investigative Activities of the St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia **Alexander Viktorovich KIBANOV**

Abstract. The article examines the multidimensional nature of the operational investigative activities of the operational units of the penal enforcement system, including the tasks facing the units and methods of collecting reliable information.

The legislative and regulatory framework defining the rights and duties of employees of operational units is analyzed.

The article formulates proposals to increase the effectiveness of the operational units of the penal enforcement system for the prevention of crimes against the foundations of the constitutional system.

Keywords: crime prevention, crimes against the foundations of the

constitutional system, operational units, the Russian penal system, the constitutional system

Деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы во многом направлена на предупреждение преступлений, которые подрывают основы конституционного строя государства. Эти подразделения функционируют в условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов, где уровень контроля над лицами, состоящими на учете, способствует выявлению и пресечению угроз, способных дестабилизировать правопорядок.

Актуальность исследования связана с изменяющейся природой преступной активности внутри пенитенциарной системе, где проявляются попытки внедрения идеологий, экстремистских и террористических настроений. В этической и юридической плоскостях важность деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы заключается в том, что она обеспечивает не только безопасность учреждений, но и сохраняет стабильность в государстве, предотвращая зарождение и распространение подрывных действий среди осужденных.

Оперативные подразделения используют специализированные методики, учитывающие политическую, идеологическую и социально-психологическую специфику поведения лиц, способных на совершение подобных преступлений.

Оперативная деятельность в уголовно-исполнительной системе представляет собой специализированный вид правоохранительной работы, направленный на предупреждение, выявление и пресечение преступных проявлений внутри исправительных учреждений и на разных этапах исполнения наказаний. В условиях ограниченного пространства и высокой концентрации лиц, находящихся под контролем государства, оперативная деятельность становится необходимым инструментом поддержания правопорядка и предотвращения нарушения закона.

Целью оперативно-розыскной работы в данной системе является создание безопасной обстановки, исключающей возможность организации новых преступлений, особенно тех, которые угрожают основам конституционного строя. Это включает предотвращение конфликтов, пресечение попыток вербовки в экстремистские группы, а также выявление любого нелегального взаимодействия, способного подорвать стабильность пенитенциарной среды.

К основным задачам оперативной деятельности относится систематический мониторинг поведения, настроений и связей лиц, содержащихся под стражей, а также контроль над соблюдением установленного порядка

исполнения наказаний. Особое значение уделяется выявлению признаков готовящихся преступлений, что позволяет своевременно принимать меры по их пресечению.

Уголовно-исполнительная система играет значимую роль в охране закона, обеспечивая не только исполнение наказания, но и реализацию мероприятий, направленных на поддержание законности внутри учреждений. Оперативная деятельность здесь выступает своеобразным связующим звеном между контролем за осужденными и государственными задачами обеспечения общественной безопасности.

Сбор оперативной информации в условиях исправительных учреждений осуществляется с помощью комплексного применения технических и организационных методов, специально адаптированных к ограниченному пространству и специфике функционирования пенитенциарной среды. Это позволяет создавать полную и достоверную картину внутренней обстановки, необходимую для своевременного реагирования на возникающие угрозы.

Ключевыми техническими средствами сбора информации выступают системы видеонаблюдения, аудиомониторинга и контроля доступа. Видеокамеры устанавливаются в коридорах, камерах, бытовых помещениях и других важных объектах учреждения, обеспечивая круглосуточный визуальный контроль. Использование аудиозаписей позволяет фиксировать разговоры, выявлять признаки потенциальных конфликтов или подготовку незаконных действий. Контроль доступа через электронные карты и регистрационные системы фиксирует перемещения лиц и сотрудников, выявляя аномалии или нарушения режима.

Организационные методы включают проведение регулярных опросов и наблюдений со стороны сотрудников оперативных подразделений, установление каналов доверия с осужденными, а также работу с информаторами, что расширяет возможности получения скрытой информации. Особое значение имеет систематизация данных, включающая распределение информации по категориям: поведенческие изменения, связи между осужденными, появление запрещенных предметов и материалов.

Сбор данных сопровождается анализом полученной информации с применением методов сравнительного и ситуационного анализа. Сотрудники оперативных служб исследуют закономерности в поведении отдельных лиц и групп, выявляют тенденции в изменении настроений, анализируют возможные мотивы и цели подозрительных действий.

Оперативный поиск в уголовно-исполнительной системе начинается с постановки задачи, которая формулируется на основе предварительной информации о возможной причастности лиц или групп к преступлениям

против основ конституционного строя. На этом этапе сотрудники уголовно-исполнительной системы изучают имеющиеся данные, проводят первичный анализ, чтобы определить масштаб и направление дальнейшей работы. Учитывается место пребывания подозреваемых, их связи и возможные мотивы.

Следующий этап – планирование и организация поисковых мероприятий. Сотрудники оперативных подразделений определяют конкретные методы и средства, необходимые для выявления информации: распределяют задачи между участниками, согласовывают время и способы проведения наблюдений, контролируют использование технических средств. Важно четко согласовать действия, чтобы минимизировать утечку информации и избежать срыва операции.

Прямое наблюдение занимает центральное место в практическом осуществлении оперативного поиска. Оно включает скрытое слежение за подозреваемыми, фиксацию их передвижений и контактов. Для этого используются как визуальные методы, например, маскировка и работа в гражданской одежде, так и технические средства – мобильные устройства для записи аудио и видео, датчики движения в помещениях. В исправительных учреждениях слежка дополнительно интегрируется с постоянным видеонаблюдением, что расширяет возможности контроля.

Параллельно с наблюдением сотрудники оперативных подразделений проводят проверочные мероприятия, которые могут включать опросы свидетелей, анализ корреспонденции и переписки подозреваемых, контроль поступающей и исходящей информации в пределах учреждения. Важной особенностью является применение тактики неожиданности: проверки проводятся внезапно, чтобы исключить возможность сокрытия преступной деятельности.

Особое внимание уделяется сбору и сохранению доказательств. Все полученные данные тщательно документируются, включая фото- и видеоматериалы, а также фиксируются в протоколах с указанием времени и места проведения мероприятий. Это обеспечивает юридическую основу для последующих процессов и предотвращает возможность искажения информации.

Завершающим этапом оперативного поиска становится анализ и оценка собранных материалов. Сопоставляются полученные сведения с исходными гипотезами, выделяются ключевые факты, которые позволяют подтвердить или опровергнуть подозрения. Результаты поиска оформляются в докладные записки и доводятся до руководства для принятия решений по дальнейшим профилактическим или следственным действиям¹.

¹ Иваньков И. А. Вопросы законодательного регулирования деятельности оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы при обеспечении исполнения наказания.

Связь между оперативным поиском и методами сбора информации проявляется в том, что полученные данные становятся основой для разработки целенаправленных профилактических мер. На основе результатов поиска корректируется система контроля, усиливается работа с группами риска, внедряются специальные программы воздействия, направленные на предупреждение правонарушений. Таким образом, оперативный поиск не только выявляет непосредственных участников преступлений, но и служит фундаментом для комплексной профилактики в рамках уголовно-исполнительной системы.

Преступления против основ конституционного строя характеризуются особой общественной опасностью и направлены на подрыв ключевых элементов государственного устройства, таких как суверенитет, территориальная целостность, разделение властей и права человека. Специфика этих деяний требует вычленения из общей преступной среды особых признаков и методов реагирования, поскольку они затрагивают не только внутренний режим исправительных учреждений, но и безопасность государства в целом.

Одной из главных особенностей является идеологическая и политическая составляющая таких преступлений. Лица, склонные к их совершению, часто обладают убеждениями, подрывающими легитимность государственности, либо стремятся к насильственной смене конституционного строя. Это подразумевает необходимость выявления скрытых форм агитации, пропаганды экстремистских взглядов и организационной деятельности в рамках пенитенциарных коллективов. В связи с этим оперативные подразделения обращают особое внимание на тонкие проявления радикализации, которые могут не быть явно выраженными, но постепенно формируют основу для преступного сговора.

Важной характеристикой является высокая степень конспиративности и использования специальных коммуникационных каналов. Нарушители применяют закрытые символы, шифровки и ограниченный круг доверенных лиц для передачи идеологических сообщений и координации действий. Это усложняет задачи оперативных служб, требуя внедрения методов скрытого наблюдения, работы с информаторами и анализа социальных связей с учетом контекста и субкультурных особенностей.

Такие преступления часто имеют межрегиональный или даже международный характер, что диктует необходимость взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы с правоохранительными органами на различных уровнях. Обмен информацией и скоорди-

нированные действия позволяют пресекать попытки влияния внешних сил и предотвращать распространение экстремистских идей в исправительных учреждениях.

Отдельно выделяется специфика временного риска: многие преступления против основ конституционного строя могут реализовываться в результате длительной подготовки, поэтому повышение уровня бдительности и постоянный анализ обстановки являются приоритетными задачами. Профилактические меры не должны ограничиваться реакцией на конкретные инциденты, а включать прогнозирование возможных угроз и своевременное предупреждение их реализации.

Кроме того, подобные преступления зачастую маскируются под иные виды противоправной деятельности, что затрудняет диагностику. Соответственно, оперативная работа требует комплексного подхода, сочетающего криминалистические методы с анализом политической и идеологической среды. Систематизация информации по таким признакам позволяет создавать профили потенциальных нарушителей и прогнозировать развитие ситуаций.

Таким образом, специфика предупреждения преступлений против основ конституционного строя в уголовно-исполнительной системе определяется сочетанием политико-идеологических факторов, высокой конспиративности действий и необходимости межведомственного сотрудничества. Эти особенности обуславливают разработку специализированных методов, направленных на раннее выявление скрытых угроз и их нейтрализацию до перехода к стадии активных противоправных действий.

Деятельность оперативных служб уголовно-исполнительной системы оказывает существенное влияние на поддержание общественной безопасности за пределами исправительных учреждений. Контроль и предупреждение преступлений внутри пенитенциарной среды препятствуют распространению криминальных и экстремистских идеологий, которые могут проникать в общество через освобождаемых лиц. Благодаря своевременному выявлению и пресечению противоправных действий, направленных на подрыв конституционного строя, эти системы значительно снижают угрозы массовых беспорядков, терроризма и иных форм социальной дестабилизации.

Работа оперативных подразделений способствует снижению рецидива, поскольку предупреждение преступной активности во время отбывания наказания влияет на формирование у осужденных навыков законопослушного поведения и противодействие негативному влиянию криминальных группировок. Это в свою очередь способствует более успешной адаптации бывших осужденных в обществе и уменьшает нагрузку на правоохранительные органы и судебную систему.

Социальная стабильность напрямую связана с обеспечением гарантий безопасности каждого гражданина, а профилактика преступлений против основ конституционного строя – одна из ключевых составляющих этого процесса.

Оперативные подразделения не только локализуют угрозы на начальных этапах их развития, но и формируют условия для реализации государственных приоритетов по укреплению правопорядка и повышению доверия населения к институтам власти.

Таким образом, деятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы становится фундаментальным элементом комплексной системы обеспечения национальной безопасности. Их работа защищает общество от внутренних угроз, поддерживает социальный порядок и способствует построению государства, основанного на верховенстве права и уважении конституционных принципов. Без такой системной и скоординированной деятельности невозможна эффективная борьба с преступностью, угрожающей не только исправительным учреждениям, но и всему обществу в целом.

Научная статья
УДК 343.326

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРЭКСТРЕМИЗМУ

Мария Вадимовна МИШЕНЬКИНА

Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, г. Руза, Россия, 9533301821@mail.ru

Научный руководитель – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя **Светлана Александровна ХРИСТОФОРОВА**,
lanasveta1986@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы по противодействию киберэкстремизму в России и зарубежных странах. Проведен сравнительный анализ правовых и институциональных механизмов противодействия киберэкстремистской деятельности, особенностей международного сотрудничества и роли государственных структур.

Особое внимание уделено опыту Соединенных Штатов Америки, стран Европейского союза и мерам, реализуемым в Российской Федерации.

Сделаны выводы о перспективах совершенствования национальной системы противодействия киберэкстремизму с учетом зарубежной практики.

Ключевые слова: киберэкстремизм, кибербезопасность, онлайн-пропаганда, международное сотрудничество, противодействие терроризму

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE IN COUNTERING CYBER EXTREMISM

Maria V. MISHENKINA

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Ruza, Russia, 9533301821@mail.ru

Scientific advisor – lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia **Svetlana Aleksandrovna KHRISTOFOROVA**, lanasveta1986@mail.ru

Abstract. The article discusses the main approaches to countering cyber extremism in Russia and abroad. A comparative analysis of the legal and institutional mechanisms for countering cyber-extremist activities, the specifics of international cooperation and the role of government agencies is carried out.

Special attention is paid to the experience of the United States of America, the countries of the European Union and the measures implemented in the Russian Federation.

Conclusions are drawn about the prospects for improving the national system for countering cyber extremism, taking into account foreign practice.

Keywords: cyber extremism, cybersecurity, online propaganda, international cooperation, counter-terrorism

Современное информационное пространство стало ключевой средой для распространения экстремистских идей и вербовки сторонников. Проблема киберэкстремизма приобретает глобальный характер, затрагивая все государства, активно использующие цифровые технологии. В условиях роста угроз национальной безопасности особую значимость приобретает выработка эффективных мер противодействия киберэкстремизму как на

национальном, так и на международном уровнях¹.

Проблема противодействия киберэкстремизму требует комплексного подхода, объединяющего правовые, технические и профилактические меры.

Российская Федерация выстраивает комплексную систему мер по предупреждению и пресечению распространения экстремистских материалов в сети «Интернет», основу правового регулирования которой составляют: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 07.06.2025).

Нормативно-стратегическую основу определяет Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 28 декабря 2024 № 1124.

Ключевая роль в выявлении и блокировке противоправного контента принадлежит Роскомнадзору, Федеральной службе безопасности России, а также подразделениям Министерства внутренних дел России. Значительное внимание уделяется мониторингу социальных сетей, взаимодействию с провайдерами и разработке отечественных технологий фильтрации информации.

Важным направлением представляется профилактическая работа – формирование цифровой культуры, повышение медиаграмотности граждан и развитие сотрудничества между государственными структурами и образовательными учреждениями.

В России наблюдается тенденция перехода от исключительно запретительных мер к моделям превентивного характера – развитию цифровой профилактики и формированию критического мышления у пользователей.

В зарубежных странах, прежде всего в США и странах ЕС, борьба с киберэкстремизмом базируется на сочетании правовых и технологических инструментов.

В США реализуется Countering Violent Extremism Strategy при Министерстве внутренней безопасности (DHS), которая предполагает сотрудничество государства с IT-компаниями и гражданским обществом. Программы типа Redirect Method на платформе «YouTube» направлены на переориентацию внимания пользователей от экстремистских материалов к альтернативному контенту.

В ЕС принят Digital Services Act в 2022 году, который закрепляет ответственность цифровых платформ за размещение противоправного контента и обязывает их оперативно удалять экстремистские публикации.

¹ Воронина И. А. Информационный экстремизм: правовой аспект // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 86.

На уровне государств действует EU Internet Forum, объединяющий государственные структуры и частные компании для обмена информацией и технологий.

Во Франции действует специализированное агентство PHAROS, созданное для мониторинга и удаления экстремистских материалов. С 2017 года усилилось взаимодействие между Министерством внутренних дел Франции и социальными платформами в вопросах быстрого реагирования на пропагандистские публикации.

Германия реализует Закон о сетевом обеспечении (NetzDG), обязывающий платформы удалять противоправный контент в течение 24 часов. Такие меры направлены на повышение прозрачности деятельности интернет-компаний и укрепление доверия к цифровой среде.

Российская и зарубежная модели противодействия киберэкстремизму имеют как сходства, так и различия.

К общим, по нашему мнению, следует отнести: комплексный характер мер (законодательство, контроль, профилактика); активное взаимодействие государства и частного сектора; использование систем искусственного интеллекта для мониторинга контента.

В качестве различий следует указать следующее: в России акцент делается на централизованное государственное регулирование и блокировку сайтов; в США и ЕС большее внимание уделяется превентивным мерам, общественному контролю и защите свободы слова; в зарубежной практике важную роль играет саморегулирование платформ и развитие «дигитальной этики»¹.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что киберэкстремизм представляет собой транснациональную угрозу, требующую объединения усилий различных государств. Эффективное противодействие возможно только при сочетании правовых, технических и профилактических мер, а также при тесном международном сотрудничестве. Российская Федерация уже располагает достаточно развитой нормативной и институциональной базой в данной сфере, однако дальнейшее совершенствование системы противодействия киберэкстремизму является необходимым условием обеспечения цифрового суверенитета и национальной безопасности.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность создания специализированного государственного органа, который занимался бы мониторингом, анализом и координацией деятельности по противодействию киберэкстремизму. Такой орган мог бы объединить усилия МВД России, ФСБ России, Роскомнадзора и Минцифры, обеспечивая обмен данными,

¹ European Commission. EU Internet Forum - Progress Report 2023. Brussels, 2023.

взаимодействие с зарубежными партнерами и выработку единых стандартов реагирования на киберугрозы.

Важным направлением развития представляется принятие отдельного федерального закона «О противодействии киберэкстремизму». Он позволил бы закрепить правовой статус данного явления, определить ключевые понятия, установить ответственность владельцев цифровых платформ и операторов связи за несвоевременное удаление противоправного контента, а также предусмотреть правовые механизмы цифровой профилактики.

Одновременно следует развивать отечественные технологии мониторинга информационного пространства, основанные на применении искусственного интеллекта и анализа больших данных. Такие системы позволяют более оперативно выявлять экстремистские публикации, ограничивать их распространение и взаимодействовать с международными структурами по обмену информацией о киберугрозах.

Не менее значимым направлением является формирование цифровой культуры и медиаграмотности граждан. Необходимо развивать образовательные и профилактические программы в школах, высших учебных заведениях, а также ведомственных учебных заведениях системы МВД России, направленные на формирование критического восприятия информации и устойчивости к деструктивным идеологическим влияниям.

Кроме того, важно активизировать международное сотрудничество, укрепить партнерство России с зарубежными государствами и международными организациями в вопросах обмена опытом, совместного реагирования на киберэкстремистские угрозы и гармонизации нормативных стандартов в области цифровой безопасности.

Комплексное внедрение указанных мер позволит России перейти от преимущественно реактивной модели противодействия киберэкстремизму к проактивной системе цифровой безопасности, основанной на превентивных подходах, научно обоснованных решениях и развитии национальных технологических ресурсов. Это станет основой для укрепления доверия к цифровой среде, защиты прав граждан и поддержания стабильности в обществе в условиях стремительного развития глобального информационного пространства.

Научная статья
УДК 343.326

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

Денис Артемович МУЛИНОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, denmulinov@mail.ru

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **Анна Борисовна КАЛИНКИНА**, kalinkina.ab@skspba.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации преступления по статье 282.1 УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества. Особое внимание уделяется изменениям в уголовном законодательстве, таким как введение ст. 282.3 УК РФ, посвященной финансированию экстремистской деятельности.

Обсуждаются вопросы соотношения составов преступлений, предусмотренных статьями 282.1, 205.4, 210, 282.3 УК РФ.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за организацию экстремистского сообщества.

Ключевые слова: уголовное право, квалификация преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм, терроризм, экстремизм

Original article

ORGANIZATION QUALIFICATION ISSUES EXTREMIST COMMUNITY

Denis A. MULINOV

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, denmulinov@mail.ru

Scientific adviser – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **Anna Borisovna KALINKINA**, kalinkina.ab@skspba.ru

Abstract. The article discusses the problems of qualifying a crime under Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on responsibility for organizing an extremist community.

Particular attention is paid to changes in criminal legislation, such as the introduction of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation on financing extremist activities.

The issues of the correlation of the elements of crimes provided for in Articles 282.1, 205.4, 210, 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are discussed. Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for organizing an extremist community.

Keywords: criminal law, qualification of crimes, competition of criminal law norms, terrorism, extremism

Одним из наиболее сложных вопросов является неопределенность в правоприменении ст. 282.1 УК РФ, обусловленная отсутствием четкого определения понятий «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация». Понимание этих терминов в юридической практике остается размытым, что создает сложности для судов и правоохранительных органов при квалификации действий конкретных лиц¹. Нечеткость формулировок углубляет разногласия в судебной практике, где различия в трактовке могут привести к как оправдательным, так и обвинительным приговорам.

Учитывая результаты статистики, можно наблюдать, что с ростом числа экстремистских проявлений увеличивается и количество дел, рассматриваемых по статьям 282.1 и 282.2 УК РФ. Однако практическое применение этих норм не всегда однозначно, что нередко оборачивается обвинительными решениями на основании усредненных подходов к формулировкам.

Существуют также трудноразрешимые проблемы конкуренции между статьями 282.1 и 282.3 УК РФ. В практике возникают ситуации, когда участник экстремистского сообщества может быть либо привлечен к ответственности по одной из этих статей, либо признан подлежащим ответственности согласно иной норме, как, например, за финансирование экстремистской деятельности.

Другой проблемой является необходимость предварительной административной ответственности за аналогичное деяние, что делает процесс правоприменения еще более сложным. Как указывалось в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным

¹ Ганаева Е. Э. Проблемы применения статей 282. 1 УК РФ и 282. 2 УК РФ // Евразийский научный журнал. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 13.11.2025).

делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025), данное преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного акта, направленного на возбуждение ненависти, что в некоторых случаях не позволяет четко установить границу между различными формами экстремистской деятельности. Это приводит к тому, что строгость уголовного закона сталкивается с недостаточной практической проработанностью вызовов, стоящих перед правоприменителями.

С введением новой нормы, предусмотренной ст. 282.3 УК РФ, уголовное законодательство обрело новый инструмент для противодействия экстремистской деятельности. Данная статья устанавливает уголовную ответственность за финансирование экстремистских организаций и их деятельности, определяя, что предоставление или сбор средств, а также оказание финансовых услуг, направленных на поддержку таких групп.

В настоящее время совершение преступлений с использованием сети «Интернет», рассматривается как отягчающее обстоятельство. Это актуально в свете роста онлайн-платформ и анонимных методов финансирования экстремизма, что требует от правоохранительных органов новых стратегий для выявления и расследования таких дел.

Правоприменители сталкиваются с необходимостью разграничения различных форм экстремистской деятельности и их финансирования с другими правонарушениями.

Кроме того, в практике возникают сложности с определением понятия «экстремистское сообщество». О необходимости расширенного понимания и анализа групп с различными идеологическими ориентациями свидетельствует также практика по делам, связанным с организацией деятельности экстремистских групп.

Важно учитывать, что одна из целей новой нормы – активизировать сотрудничество между правоохранительными органами и общественностью в выявлении лиц, занимающихся финансированием экстремистской деятельности. Однако в практике это может привести к чрезмерной криминализации действий граждан, не имеющих намерения или знания о вкладе в финансирование преступных сообществ.

Таким образом, ст. 282.3 УК РФ создает дополнительные сложности для правоприменителей и требует внимательного подхода при рассмотрении дел.

При сравнении ст. 282.1 и 282.3 УК РФ становится очевидным, что они взаимосвязаны, однако каждая из них фокусируется на различных аспектах экстремистской деятельности. Статья 282.1 УК РФ предусматривает ответственность за организацию экстремистских сообществ и устанавливает уголовную ответственность как для организаторов, так и для участников таких

групп. В то время как ст. 282.3 УК РФ предусматривает ответственность за финансирование экстремистской деятельности, наказывая за предоставление средств, если это делается со знанием их назначения; в противном случае, ответственность не наступает.

Практика применения этих норм порождает определенные правовые проблемы. Например, в случаях, когда лицо обвиняется в организации экстремистского сообщества, зачастую затрудняется выявление и доказательство факта получения финансирования.

Сложность может заключаться и в том, что в рамках одной и той же группы лиц могут встречаться разные роли: возможно, кто-то является активным организатором, в то время как другой финансирует сообщество, не вмешиваясь в конкретные преступления.

Пробелы в формулировках и отсутствие четких критериев для определения умысла могут затруднить правоприменение. Кроме того, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывает на то, что умысел как при финансировании, так и при организации сообщества является ключевым моментом для определения возможности привлечения к ответственности.

Существующая практика иногда приводит к наложению обвинений, когда одно и то же действие может быть квалифицировано по обеим статьям. Это рождает неопределенность в правоприменении. Логика следствия и правоприменительной практики должна быть выдержана в отношении обоих составов преступления, чтобы избежать их неуместного пересечения.

При конкуренции норм, следует обратить внимание на вопросы соотношения преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 282.1 УК РФ, а также ст. 210 УК РФ. Статья 205.4 УК РФ устанавливает ответственность за организацию террористического сообщества, и является, по нашему мнению, специальной нормой по отношению к другим исследуемым уголовно-правовым нормам. Правила квалификации, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ, предполагают, что при наличии конкуренции, как представляется, необходимо применять специальную норму, предусмотренную ст. 205.4 УК РФ.

В то же время ст. 210 УК РФ, предусматривающую ответственность за организацию преступного сообщества, можно считать общей нормой по отношению к таковым действиям. Это создает определенные сложности, поскольку в одних случаях необходимо квалифицировать действия по ст. 205.4 УК РФ, в других — по ч. 1 ст. 210 УК РФ. Правовых пробелов в данном контексте не избежать, что добавляет правоприменителям дополнительные трудности в процессе выбора наиболее подходящей нормы для квалификации преступлений¹.

¹ Помазан С. В. Уголовно-правовая ответственность за организованные формы преступной (экстремистской, террористической) деятельности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10.

Сходная ситуация возникает при конкуренции ст. 282.2, 205.4 и 210 УК РФ. В то время как, по нашему мнению, ст. 210 УК РФ является общей нормой, положения ст. 205.4 УК РФ указывают на более узкую направленность действия.

Сложность в квалификации действий усугубляется и тем, что каждая из статей подразумевает различные виды и сроки наказания. Проблема заключается не только в техническом аспекте применения норм, но и в их толковании, что часто может приводить к субъективным выводам в процессе судебной практики.

Неоднородность в формулировании норм создает пространство для неясности и разночтений, что в свою очередь не способствует единообразному применению закона. Это подчеркивает необходимость наличия более четких критериев для классификации действий под разные виды преступлений.

Статья 282.3 УК РФ устанавливает четкие условия для привлечения к ответственности лиц, занимающихся финансированием экстремистской деятельности. Ключевым моментом здесь является необходимость доказательства, что средства были заведомо направлены на поддержку конкретных экстремистских организаций или их действий.

Статья содержит положения о получении и предоставлении средств, которые предполагают как физические, так и юридические лица. Однако правоприменение показывает определенные трудности, связанные с установлением «заведомости» намерений финансирующего лица. Например, вопрос о том, знало ли лицо о природе поддерживаемой им деятельности, крайне важен. В ситуациях, когда финансирование происходит в иных целях, например, в качестве обычной благотворительной помощи, возникает необходимость в отдельной юридической экспертизе, чтобы определить, можно ли рассматривать финансовую помощь как экстремистскую.

Другой важный аспект касаетсяотягающих обстоятельств, связанных с использованием интернет-платформ для финансирования. Такие действия, как правило, рассматриваются как более тяжкие. Использование современных технологий часто затрудняет отслеживание источников и конечных получателей финансовых средств, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов.

При этом сотрудничество с правоохранительными органами или добровольное прекращение финансирования может привести к освобождению от уголовной ответственности. Это обстоятельство служит стимулом для некоторых лиц, оказавшихся в ситуации, когда они могли быть вовлечены в экстремистскую деятельность. Важно отметить, что любые положительные

изменения в поведении обвиняемого будут учитываться, что также требует от прокуроров взвешенного подхода к каждому делу.

Квалификация финансирования экстремизма осложняется и тем, что правоприменение ст. 282.3 УК РФ требует от следственных органов не только точного соблюдения закона, но и глубокого понимания внутренней специфики экстремистских движений и их финансовой структуры.

Для решения обозначенных проблем необходимо, прежде всего, инициировать разъяснения по отдельным положениям ст. 282.1 УК РФ, учитывая существующую правоприменительную практику. Действующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) может предложить пересмотреть правила квалификации преступлений экстремистской направленности.

Кроме того, по нашему мнению, имеет смысл уточнить признаки понятий «организованная группа» и «применение насилия». Определение критериев для подтверждения этих обстоятельств поможет избежать правоприменительных ошибок, связанных с неправильной квалификацией.

Одной из ключевых проблем квалификации преступлений экстремистской направленности является неясность в определении границ между экстремистской деятельностью и другими формами преступной активности, что затрудняет квалификацию действий обвиняемых. Статья 282.1 УК РФ охватывает широкий спектр действий, связанных с организацией экстремистского сообщества, однако в условиях правоприменения возникают сложности в интерпретации понятий, таких как «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

В заключение, необходимо отметить, что вовлечение лиц в экстремистскую деятельность, осуществляемое организатором сообщества, подпадает под действие ч. 1 ст. 282.1 УК РФ. Это подчеркивает важность комплексного подхода к правоприменению, который должен учитывать все аспекты проблемы.

Рекомендации по улучшению правоприменительной практики включают необходимость разработки более четких критериев для квалификации экстремистской деятельности, а также усиление взаимодействия между различными правоохранительными органами и общественными институтами. Только так можно добиться эффективной борьбы с экстремизмом и защитить права граждан в условиях правового государства.

Научная статья
УДК 343.32

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 280.3 УК РФ**

Ирина Сергеевна НАЗАРЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
ira.nazarenko.2003@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена статья 280.3 УК РФ, а также проанализированы элементы состава преступления по данной норме.

Представляется значение определенных понятий для уголовно-правовой оценки действий.

Обозначаются направления совершенствования уголовного законодательства за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дискредитация, публичность, Вооруженные Силы

Original article

**ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION
ON RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF A CRIME
UNDER ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Irina S. NAZARENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia ira.nazarenko.2003@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute

(branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Для обеспечения общественной стабильности после начала специальной военной операции на Украине, 4 марта 2022 года был принят Федеральный закон от 04 марта 2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», установивший в ст. 280.3 УК РФ ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Поскольку ст. 280.3 УК РФ сконструирована как состав преступления с административной преюдицией, потребовалось внесение дополнений и в КОАП РФ, который был дополнен ст. 20.3.3, предусматривающей административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях¹.

Введение этой нормы связано с обеспечением общественной и государственной безопасности, а также с предотвращением действий, дестабилизирующих конституционный строй Российской Федерации. Диспозиция статьи 280.3 УК РФ постоянно совершенствуется. В частности, изменения в нее внесены Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21 апреля 2025 № 90-ФЗ.

Обе части статьи предусматривают ответственность за «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»,

¹ Зарубин А. В. Защита прокурором интересов государства, общества и личности от публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил РФ и иных участников СВО // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Защита прокурором конституционных ценностей. Проблемы теории и практики : монография / кол. авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. М.: РУ-САЙНС, 2024. С. 283.

но уже во второй части статьи состав становится материальным, то есть обязательным признаком для привлечения к ответственности является общественно опасное последствие, а административная преюдиция вовсе отсутствует.

Так, житель г. Тольятти неоднократно совершал деяния по порче плакатов с изображением участников специальной военной операции. Его признали виновным в дискредитации Вооруженных Сил РФ (ч. 2 ст. 280.3 УК РФ), вандализме (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления (п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ). Осужденным и его несовершеннолетним сыном было испорчено 5 плакатов путем бросания камней и красок. В данном случае последствием дискредитации было причинение государству имущественного ущерба¹.

В отличие от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280.3 УК РФ административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 20.3.3 КоАП РФ предусматривает угрозу наступления тех последствий, которые указаны в УК РФ. При этом необходимо отметить, что если часть 1 рассматриваемой нормы имеет административную преюдицию, то 2 часть данной статьи такого не предусматривает.

В качестве последствий рассматриваемая норма закрепляет: смерть по неосторожности, причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Во-первых, одним из последствий дискредитационных действий является смерть по неосторожности. В данном случае вина выражена в форме неосторожности, то есть лицо не осознавало общественную опасность своих действий, но могло и должно было предвидеть.

К квалифицирующему признаку относится также причинение вреда здоровью. В данном случае отсутствует дифференциация уголовной ответственности в зависимости от тяжести причиненного вреда здоровью. То есть вне зависимости от того, причинен легкий вред здоровью или тяжкий вред, при наличии дискредитации лицо будет нести ответственность по ч. 2 ст. 280.3 УК РФ.

В-третьих, в качестве последствий в части 2 рассматриваемой статьи установлены «массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности». Под такими нарушениями подразумевается, по

¹ Житель Тольятти отправлен в колонию за порчу плакатов с участниками СВО // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6337229> (дата обращения: 10.10.2025).

нашему мнению, совершение деяний, результатом которых становится невозможное нормальное функционирование органов власти, подрыв безопасности в общественной сфере. Необходимо отметить, что данный квалифицирующий признак закреплен только в данной норме, поэтому полная его характеристика исходит из научной литературы.

К тому же, последствием дискредитационных действий является создание помех функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, организаций в сфере кредитования, объектов энергетики, промышленности или связи.

Для того чтобы определить, что под этим подразумевается, необходимо обратиться к некоторым признакам диверсии в диспозиции ст. 281 УК РФ, согласно которой к нему относится повреждение или уничтожение вышеуказанных объектов для приведения их в негодное состояние. В результате чего либо возникнут проблемы с эксплуатацией, либо вовсе объекты жизнеобеспечения, транспорта или социальной инфраструктуры утратят способность для дальнейшего функционирования.

В ходе проведенного анализа диспозиции ч. 2 ст. 280.3 УК РФ мы приходим к выводу о необходимости ее совершенствования по причине того, что последствия не равнозначны по уровню общественной опасности.

В частности, предлагается в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ в качестве квалифицирующих предусмотреть: «...совершенные из корыстных побуждений или по найму, а равно:

- а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору
- б) повлекшие причинение имущественного ущерба
- в) повлекшие причинение легкого вреда здоровью или средней тяжести вреда здоровью
- г) повлекшие массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности
- д) совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)

Также целесообразно дополнить статью 280.3 УК РФ частью 3, в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частью второй настоящей статьи:

- а) создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи;
- б) повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью
- в) повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказываются...

Полагаем, что предлагаемые изменения положительно скажутся на практике применения как статьи 280.3 УК РФ, так и послужат совершенствованию практики ее применения.

Научная статья
УДК 343.326

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ

Дмитрий Владимирович НЕЖУРИН

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,
Nezhurin.dmitry@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук доцент **Елена Валерьевна ПРОВОДИНА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового противодействия кибертерроризму в Российской Федерации. Автор анализирует специфику кибертерроризма как транснациональной угрозы стратегического уровня, выделяя его ключевые особенности: цифровой характер, дистанционность, анонимность и масштабность потенциальных последствий, способных парализовать критическую информационную инфраструктуру.

Проведен обзор действующих норм Уголовного кодекса РФ (ст. 205, 272, 273, 274 УК РФ), которые могут быть применены для квалификации кибертеррористической деятельности, однако выявлены их недостатки, в частности отсутствие прямого состава преступления «кибертерроризм», «размытость» формулировок и сложности в привлечении к ответственности из-за транснационального характера атак.

В работе предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства, включая введение квалифицирующих признаков, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и усиление ответственности за неправомерный доступ к критической информационной инфраструктуре.

Ключевые слова: кибертерроризм, критическая информационная инфраструктура, киберугроза, информационная безопасность, национальная безопасность, компьютерная информация

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO CYBERTERRORISM

Dmitry V. NEZHURIN

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia Nezhurin.dmitry@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Valeryevna PROVODINA**

Abstract. This article examines the challenges of criminal law in countering cyberterrorism in the Russian Federation. The author analyzes the specifics of cyberterrorism as a transnational strategic threat, highlighting its key features: digital nature, remoteness, anonymity, and the scale of potential consequences capable of paralyzing the critical information infrastructure.

A review of the current provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 205, 272, 273, and 274 of the Criminal Code of the Russian Federation) that can be applied to qualify cyberterrorist activity is provided. However, their shortcomings are identified, in particular the lack of a direct corpus delicti of the crime of «cyberterrorism», the «vagueness» of the wording, and the difficulties in bringing to justice due to the transnational nature of the attacks.

The paper proposes areas for improving criminal legislation, including the introduction of qualifying elements related to the use of information and telecommunications technologies and increased penalties for unauthorized access to critical information infrastructure.

Keywords: cyberterrorism, critical information infrastructure, cyber threat, information security, national security, computer information

Быстрая тенденция, такая как цифровизация всех сфер общественной жизни и государственного управления привела к формированию принципиально новой среды – киберпространства, которое стало не только фактором прогресса, но и сферой для новых, высокотехнологичных угроз. Среди них особое место занимает кибертерроризм, транснациональный характер и масштаб возможных последствий которого выводят его в разряд вызовов стратегического уровня.

Стоит отметить, что официального закрепления понятия «Кибертерроризм» в российском законодательстве не существует, поэтому каждый автор по-своему определяет данное явление.

По мнению Усилинского Ф. А. кибертерроризм представляет собой действия, выражающиеся в преднамеренной, политически мотивированной атаке на информацию, обрабатываемую компьютером и компьютерными системами, создающие опасность для жизни или здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были содеяны с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, провокации военного конфликта¹.

В последние годы кибертерроризм стал одной из самых значимых угроз не только для общественной безопасности, но и для безопасности государства в целом. Атаки на государственные органы, на системы управления энергоснабжением, водоснабжением или транспортом могут привести к масштабным сбоям, угрожающим стабильности и безопасности государства. Также стоит отметить, что кибертерроризм может быть использован для вмешательства в выборные процессы, создание информационных войн, что способствует политической дестабилизации на национальном уровне. Таким образом, защита от кибертерроризма должна становиться неотъемлемой частью государственной безопасности.

Последствия успешной кибератаки террористического характера могут быть сопоставимы с применением оружия массового поражения, парализуя критическую информационную инфраструктуру. В этой связи формирование адекватной и эффективной системы уголовно-правового противодействия кибертерроризму является одной из ведущих задач правовой политики Российской Федерации.

В отличие от классического терроризма, кибертерроризм характеризуется рядом отличительных черт, представляющую социально-практическую сущность.

Одной из особенностей является цифровой аспект, который заключается в том, что кибертерроризм связан с деструктивным воздействием на информационные системы, автоматизированные системы управления и информационные сети².

Следующей отличительной чертой кибертерроризма является дистанционность и анонимность. Преступник может действовать из любой точки мира, что крайне затрудняет его идентификацию и задержание. Как отмечают исследователи Е. В. Ларина и А. А. Глазов, «кибертерроризм характеризуется транснациональностью, анонимностью субъекта и дистанционным характером воздействия»³.

¹ Усилинский Ф. А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности. // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 8. (дата обращения: 15.10.2025).

² Красинский В. В., Машко В. В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1 С. 79-91. URL: https://gipras.ru/s020596060023072-1-1/?version_id=99854. DOI: 10.31857/S102694520024122-5 (дата обращения: 15.10.2025).

³ Ларина Е. В., Глазов А. А. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: проблемы

Эта особенность стирает географические границы и создает существенные сложности для правоохранительных органов, вынужденных действовать в рамках национальных юрисдикций.

Не менее значимой по своей важности является также масштаб последствий. Одна успешная атака на ключевой узел критической информационной инфраструктуры способна вызвать последовательный сбой в целых отраслях экономики и государственных структурах.

Признание этого существенного потенциала исходит из выделения важности критической информационной инфраструктуры в российском законодательстве, где нарушение ее безопасности можно связать с наступлением тяжких последствий для жизни и здоровья людей, устойчивости государства и ее экономики, подчеркивается в Федеральном законе «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025).

Таким образом уголовно-правовая сущность кибертерроризма определяется в сознательном использовании информационно-телекоммуникационных сетей для совершения деяний, подпадающих под признаки террористической деятельности, указанные в ст. 205 УК РФ, однако квалифицирующего признака, связанного с данным преступлением в статье УК РФ не предусмотрено.

Действующее уголовное законодательство России не содержит отдельной статьи, направленной непосредственно на «кибертерроризм». Однако борьба с ним осуществляется с помощью системы взаимосвязанных норм, образующих правовую основу для привлечения к ответственности виновных лиц.

Важным элементом этой системы является статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации». Данная статья предусматривает ответственность за доступ к охраняемой информации, осуществленный вопреки установленным правилам, если это повлекло ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование. Для квалификации кибертеррористической деятельности ключевое значение имеют части 2 и 3 этой статьи, где речь идет о деяниях, совершенных группой лиц по предварительному сговору или с использованием своего служебного положения, а также причинивших крупный ущерб или повлекших иные тяжкие последствия. Именно неправомерный доступ часто становится первым шагом в цепи подготовки масштабной кибератаки на критическую инфраструктуру.

Центральное место в борьбе с инструментарием киберпреступности

занимает статья 273 УК РФ – «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ». Эта норма криминализирует саму деятельность по разработке и внедрению программного обеспечения, заведомо предназначенного для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации информации или нейтрализации средств защиты. То есть можно сказать, что эта статья позволяет привлекать к ответственности за создание «цифрового оружия», которое может быть применено для дестабилизации работы государственных информационных ресурсов или систем управления промышленными объектами.

Не менее значимой в этом контексте является и статья 274 УК РФ – «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей». Ее диспозиция охватывает деяния, повлекшие уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, если эти действия причинили крупный ущерб или были совершены из корыстной заинтересованности.

Применительно к кибертерроризму особая роль отводится части 2 этой статьи, которая предусматривает квалифицирующие признаки в виде наступления тяжких последствий или реальной угрозы их наступления. Под такими последствиями правоприменительная практика может понимать парализацию работы систем государственного управления, транспорта или объектов энергетики, что соответствует стратегическим целям террористической деятельности в цифровой сфере.

Как упоминалось ранее прямого упоминания кибертерроризма как отдельного состава в УК РФ нет, однако его сущностные признаки законодатель интегрировал в диспозицию статьи 205 УК РФ (Террористический акт). Анализ данной нормы позволяет прийти к выводу, что под совершением иных действий, создающих опасность гибели людей, могут подпадать и целенаправленные кибератаки на объекты жизнеобеспечения. Например, вывод из строя систем управления энергосетью крупных городов способен привести к катастрофическим последствиям, схожим по масштабу с традиционным террористическим актом.

Несмотря на достаточно широкий спектр правовых норм, на практике возникают серьезные проблемы при квалификации кибертеррористических актов.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание, что установление конкретного исполнителя и организатора атаки, находящихся не только за рубежом, но и на территории нашей страны становится крайне сложной задачей для правоохранительных органов, что в свою очередь препятствует

привлечению лиц к ответственности по российскому законодательству¹.

Во-вторых, термин, который использует законодатель в ст. 205 УК РФ «иные действия» требует доктринального и судебного толкования применительно к киберпространству, так как это создает правовую неопределенность².

Для повышения эффективности уголовно-правового противодействия кибертерроризму целесообразно рассмотреть следующие меры:

Во-первых, в ст. 205 УК РФ (Террористический акт) следует ввести квалифицирующий признак «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Это позволит однозначно квалифицировать кибератаки на критическую информационную инфраструктуру как терроризм и назначать более строгое наказание.

Во-вторых, целесообразно установить уголовную ответственность за сам факт неправомерного доступа к критической информационной инфраструктуре, если это создает реальную угрозу ее функционированию, даже если последствия в виде выхода из строя не наступили. Это позволит пресекать деятельность кибертеррористов на ранних стадиях.

Кибертерроризм представляет собой реальную и растущую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Действующее уголовное законодательство содержит ряд норм, которые могут быть применены для борьбы с этим явлением, однако проблемы, связанные с привлечением к ответственности, а также «размытость» формулировки представленной в ст. 205 УК РФ не в полной мере учитывает его специфику.

Думается, что сосредоточение усилий на совершенствовании Уголовного кодекса РФ, а именно, введение более точных квалифицирующих признаков и признание преступными основных этапов подготовки кибератак, позволит нам эффективно противостоять одной из самых опасных угроз XXI века.

¹ Кошечкина Е. А., Новиков С. В. К вопросу о проблемах законодательства в сфере кибертерроризма // ОНВ. ОИС. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-problemah-zakonodatelstva-v-sfere-kiberterrorizma> (дата обращения: 05.11.2025).

² Шарыпова Т. Н., Свириденко А. А. Кибертерроризм — глобальная проблема современности // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 1(28). С. 654-657.

Научная статья
УДК 343.195.3

**КООРДИНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ
ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ТЕРРОРИЗМУ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ**

Мария Ринатовна ПАЛАТОВА

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия, maria.palatova@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Фатма Аблямитовна АМЕТКА**, fatma18@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых и организационных основ координации деятельности правоохранительных органов по противодействию терроризму на воздушном транспорте.

Рассматриваются основные формы координационной деятельности, а также делается вывод о необходимости эффективного и должного взаимодействия органов прокуратуры и правоохранительных органов в целях обеспечения безопасности на воздушном транспорте.

Ключевые слова: органы прокуратуры, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, терроризм, воздушный транспорт

Original article

**COORDINATING ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
ON COUNTERING TERRORISM IN AIR TRANSPORT**

Maria R. PALATOVA

Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Simferopol, Russia, maria.palatova@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Fatma Ablyamitovna АМЕТКА**, fatma18@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal and organizational foundations for coordinating the activities of law enforcement agencies to combat terrorism in air transport.

The main forms of coordination activities are considered, and the conclusion is drawn about the need for effective and proper interaction between the prosecutor's office and law enforcement agencies in order to ensure safety in air transport.

Keywords: prosecutor's office, coordination of law enforcement agencies to combat crime, terrorism, air transport

В настоящее время транспортная инфраструктура Российской Федерации является одним из основных объектов преступных посягательств организаторов диверсионно-террористической деятельности. О сохранении высокой террористической угрозы свидетельствует статистика: за 2024 год органами следствия было направлено в суд 429 уголовных дел о преступлениях террористического характера, что на 40 процентов больше, чем в 2023 году¹. За первое полугодие 2025 года в России было предотвращено 23 террористических акта, значительная часть которых готовилась по указаниям вербовщиков международных террористических организаций².

Таким образом, в условиях сложившейся геополитической обстановки проблема противодействию терроризму на объектах транспортной инфраструктуры, включая воздушный транспорт, является весьма актуальной.

К преступлениям террористической направленности, совершаемым на воздушном транспорте, традиционно относятся террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), угон воздушного или водного транспорта либо железнодорожного состава (ст. 211 УК РФ) и ряд других. Подобные деяния осуществляются в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти и подрыва государственного суверенитета. В связи с чем осуществляемая органами прокуратуры координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе с терроризмом, в совокупности с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму приобретает особую значимость.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 № 2202-І (ред. от 29.12.2025) в пределах своих полномочий Генеральный прокурор Российской Федерации и подчи-

¹ СК РФ предупредил о пожизненных сроках за теракты и диверсии // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1955109> (дата обращения: 15.11.2025).

² НАК рассказал о терактах, предотвращенных с начала года // РИА Новости: официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20250812/organizatsii-2034754341.html> (дата обращения: 15.11.2025). Текст: электронный.

ненные ему прокуроры координируют деятельность органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Согласно п. 1.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» от 16 января 2012 № 7 (ред. от 25.11.2022) надзор за исполнением законов о противодействии преступности, в том числе о ее предупреждении, является приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Особое внимание в данном приказе уделяется необходимости улучшения совместной работы правоохранительных органов и органов прокуратуры по противодействию терроризму, для достижения поставленной цели организовывается должное взаимодействие и системный обмен информацией с правоохранительными органами по актуальным проблемам борьбы с преступностью.

Указ Президента Российской Федерации «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» от 18 апреля 1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) закрепляет, что координация деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Основной формой координационной деятельности правоохранительных органов является координационное совещание. Приказ Генеральной прокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» от 17 мая 2018 № 295 (ред. от 24.03.2023) в п. 2.14 ориентирует на то, чтобы на подобных совещаниях обсуждались наиболее актуальные проблемы противодействия терроризму, по результатам которых необходимо разрабатывать дополнительные меры, направленные на обеспечение законности и укрепление правопорядка в данной сфере.

Так, Саратовским транспортным прокурором проведено координационное совещание руководителей правоохранительных органов, на котором рассмотрены вопросы состояния законности, эффективности и достаточности принимаемых правоохранительными и контролирующими органами транспортного региона мер в сфере противодействия терроризму, в том

числе в области обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, антитеррористической защищенности объектов транспорта, полиции и таможни. В ходе совещания обсуждены результаты надзорной деятельности прокуратуры, правоохранительных и контролирующих органов региона по профилактике правонарушений и преступлений террористической и экстремистской направленности, раскрытия преступлений рассматриваемой категории¹.

Указ Президента Российской Федерации «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» от 18 апреля 1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) закрепляет и иные формы координационной деятельности, в числе которых следует упомянуть обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью, совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучение и распространение положительного опыта, а также устранение причин и условий, способствующих их совершению, взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций, издания совместных приказов, указаний, подготовки информационных писем и иных организационно-распорядительных документов и т. д.

Как уже было отмечено, органами прокуратуры проводятся совместные мероприятия во взаимодействии с подразделениями органов внутренних дел на транспорте, ФСБ России, Министерства обороны Российской Федерации, Министерства транспорта Российской Федерации (Ространснадзора). К примеру, Восточно-Сибирской транспортной прокуратурой совместно с сотрудниками линейного отделения полиции и ФСБ была проведена проверка соблюдения законодательства о транспортной безопасности в аэропорту Усть-Кута². В ходе которой были выявлены факты неисполнений службой авиационной безопасности требований Воздушного кодекса Российской Федерации и федеральных авиационных правил. После внесения представления в адрес генерального директора аэропорта нарушения были устранены.

Рассматривая взаимодействие правоохранительных органов по противодействию терроризму, нельзя не упомянуть деятельность Национального

¹ Саратовским транспортным прокурором проведено координационное совещание по вопросу противодействия терроризму и экстремизму // Южная транспортная прокуратура: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/utp/mass-media/news/?item=95444555> (дата обращения: 15.11.2025). Текст: электронный.

² Осетровской транспортной прокуратурой совместно с сотрудниками Ленского линейного отделения полиции и ФСБ проведена проверка соблюдения законодательства о транспортной безопасности // Восточно-Сибирская транспортная прокуратура: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/vstp/mass-media/news/archive/?item=43768117> (дата обращения: 15.11.2025). Текст: электронный.

антитеррористического комитета, который является коллегиальным органом, образованным в целях организации и координации деятельности по противодействию терроризму, осуществляемой федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительными органами федеральных территорий и органами местного самоуправления, а также антитеррористическими комиссиями и оперативными штабами в субъектах Российской Федерации.

О необходимости активного взаимодействия с аппаратом Национального антитеррористического комитета, антитеррористическими комиссиями и оперативными штабами свидетельствует пункт 2.4 Приказа Генеральной прокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» от 17 мая 2018 № 295 (ред. от 24.03.2023).

Так, в случае необходимости органами прокуратуры вносятся предложения о рассмотрении на заседаниях Национального антитеррористического комитета и антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации вопросов, связанных с повышением эффективности противодействия терроризму, устранением способствующих ему причин и условий, обеспечением защищенности потенциальных объектов террористических посягательств.

К примеру, Сахалинской транспортной прокуратурой принято участие в заседании антитеррористической комиссии. На заседании обсуждены проблемные вопросы при обеспечении транспортной безопасности на объектах аэропортовой инфраструктуры. По итогам проведенного заседания принято решение о приобретении антидронового ружья и сканеров-обнаружителей беспилотных летательных аппаратов для подразделений транспортной безопасности аэропорта. Также с целью наиболее эффективного контролирования воздушного пространства и нейтрализации возможных угроз поставлен вопрос о приобретении антидроновой системы «Булат» и антидроновых сеток для защиты котельной и дизель-генераторных установок аэровокзала¹.

По данным Национального антитеррористического комитета, большая часть преступлений террористической направленности подготавливаются несовершеннолетними, завербованными террористическими организациями. Так, с начала 2025 года было совершено 47 террористических преступлений в России, совершенных с участием молодых людей и подростков².

¹ В Сахалинской области усилят меры антитеррористической защищенности на объектах транспорта // Сайт Губернатора и Правительства Сахалинской области: официальный сайт. URL: https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=105&tx_ttnews%5Btt_news%5D=22626&cHash=5dd8785e5edbcf59af5ce7e1a7140634 (дата обращения: 15.11.2025).

² НАК: в РФ предотвратили 47 террористических преступлений с участием молодых людей // Новости в России и в мире – ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru/kultura/25629031> (дата обращения: 16.11.2025).

В целом, за последние три года задержаны более 2,5 тыс. молодых людей, попавших под влияние украинских неонацистов, международных террористических организаций и движений.

В силу вышеизложенного, Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» от 16 января 2012 № 7 (ред. от 25.11.2022) ориентирует на необходимость осуществления надлежащего надзора за исполнением законов, имеющих целью предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Так, прокуратурой Карачаево-Черкесской Республики принято участие в межведомственном семинаре-совещании по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские и террористические сообщества, в котором приняли участие представители правоохранительных органов. По результатам совещания сделан вывод о необходимости проведения совместных мероприятий профилактического характера в средних, средне-специальных и высших учебных заведениях с учащимися¹.

Таким образом, от эффективной координационной деятельности органов прокуратуры и иных правоохранительных органов во многом зависит обеспечение безопасности на объектах воздушного транспорта, поскольку только совместными усилиями можно добиться устранения нарушений закона и принятия мер, направленных на надлежащую защищенность объектов транспорта.

Научная статья
УДК 343.322

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Юлия Владимировна ПАНТАЗИЙ

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
pantazy2018@gmail.com

Научный руководитель – заместитель начальника кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС Российской Федерации **Елизавета Андреевна ТИТОВА**

¹ Заместитель прокурора Карачаево-Черкесской Республики принял участие в семинаре-совещании по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские и террористические сообщества // Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики: официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_09/mass-media/news/main/e3035241/ (дата обращения 16.11.2025).

Аннотация. Статья посвящена анализу привлечения к уголовной ответственности за совершения преступлений, совершенных по ст. 275 и ст. 276 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Рассматриваются вопросы уголовно-правовой характеристики и применения уголовного законодательства об ответственности за государственную измену.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за государственную измену.

Ключевые слова: преступления, уголовная ответственность основы конституционного строя, государственная измена, шпионаж

Original article

HIGH TREASON AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY

Yulia V. PANTAZIY

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, pantazy2018@gmail.com

Scientific adviser – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Procedure at St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation **Elizaveta Andreevna TITOVA**

Abstract. The article is devoted to the analysis of criminal prosecution for crimes committed under Articles 275 and 276 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The issues of criminal law characteristics and the application of criminal legislation on liability for high treason are considered.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for high treason.

Keywords: crimes, criminal liability, foundations of the constitutional system, high treason, espionage

Проведение специальной военной операции обратило внимание на актуальность контроля за совершением и пресечением преступлений против внешней безопасности Российской Федерации. Такие преступления несут в себя высокий уровень угрозы для суверенитета и целостности любого государства, в том числе и нашей страны.

Национальная безопасность – это фундамент устойчивого развития государства, залог стабильности общества и гарантия благополучия каждого гражданина. Сегодня мир становится все более непредсказуемым и динамичным, порождая новые угрозы и вызовы, способные существенно повлиять на суверенитет и независимость нашей страны. Важно понимать, что защита национальных интересов требует постоянного внимания и своевременных мер реагирования. Именно поэтому обеспечение безопасности является приоритетом номер один для любого государства, стремящегося сохранить свою целостность и процветание в условиях глобальных перемен.

В связи с проведением специальной военной операции возросло количество преступлений, которые связаны с государственной изменой.

Аспекты, обсуждаемые в данной статье, получили необходимость в рассмотрении не только в связи с проведением специальной военной операции, но и внесением изменений в главу 29 УК РФ.

В уголовно-правовой литературе преступления против основ конституционного строя и безопасности государства определяются как общественно опасные деяния, подвергающие опасности и посягающие на ключевые сферы жизни государства: общественные отношения в области охраны конституционного строя, экономических и социальных основ, политической системы и безопасности страны¹.

К таким преступлениям относят шпионаж, вооруженный мятеж, государственная измена, диверсия, разглашение государственной тайны и многие другие, которые перечислены в главе 29 УК РФ.

Наибольший интерес представляет такой состав преступления, как государственная измена. Объектом исследуемых преступлений являются основы конституционного строя и безопасность государства в целом. При этом, безопасность воспринимается, как защищенность государственного строя, территориальной целостности, суверенитета страны от внешних и внутренних угроз².

Обращаясь к основам конституционного строя, нельзя не отметить, что они являются правовыми положениями, закрепленными в ключевом государственном нормативном акте – Конституции России, являют собой перечень базовых принципов, призванных быть основой государства и общества.

¹ Зварыгин В. Е., Ившин В. Г., Кондаков А. С. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (Глава 29 УК РФ): учеб.-практ. пособие // Электронный ресурс [URL]: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/19129>. С. 15.

² Панкова Е. А. Особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления против внешней безопасности Российской Федерации в период проведения Специальной Военной операции // Отечественная юриспруденция № 2 (55), 2025 Электронный ресурс [URL]: <https://legalscience.ru/blizhajshij-nomer/ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/564-osobennosti-privlecheniya.html>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

Примером таких норм выступают государственный суверенитет, политический строй и т. д.¹.

Такие деяния, как шпионаж, выдача сведений составляющих государственную тайну, переход на сторону противника и иное, составляют объективную сторону подобных преступлений, углубляя мысль о преступности действий лиц.

Состав преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ, по нашему мнению, формальный, что указывает на его завершенность с момента начала преступных действий. Из текста диспозиции статьи 275 УК РФ прослеживается и необязательность наступления общественно опасных последствий.

Форма вины при совершении государственной измены характеризуется прямым умыслом, который не зависит от мотива преступления, но несет в себе одно из ключевых определений для учета в суде при вынесении решения о наказании преступного лица.

Субъектом выступает гражданин Российской Федерации, достигший 16 лет. В 2023 году по ст. 275 УК РФ было осуждено 39 граждан Российской Федерации, в 2024 году приговор был вынесен уже 70 гражданам, а за первое полугодие 2025 года приговор был вынесен 177 гражданам², что позволяет сделать вывод о росте преступного посягательства против безопасности государства.

Проведя анализ правоприменительной практики, следует отметить, что данное преступление в большинстве случаев совершаются лицами, которым было поручено сохранение государственной тайны.

Совершение преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации, как показывает проведенное исследование, во многих случаях сопровождается участием лиц, не имеющих гражданства, а также иностранного вмешательства.

Отличие государственной измены (ст. 275 УК РФ) от шпионажа (ст. 276 УК РФ) заключается в субъекте преступления. За государственную измену несет ответственность гражданин Российской Федерации, достигший возраста привлечения к уголовной ответственности, тогда как за шпионаж — иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

Также следует учитывать, что общедоступная информация, особенно в сочетании с конфиденциальными данными, может произойти приобре-

¹ Мачинский В. М., Мачинский А. В. Основы конституционного строя Российской Федерации // Регионология. Т. 35. № 33. 2025. // Электронный ресурс [URL]: <https://regionsar.ru/ru/node/955#:~:text=>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Статистика по делам о госизмене // Электронный ресурс [URL]: <https://vdsvpqat---zaqgksqabsccljbcqrq-ez.a.run.app/story/gosizmena-jan-jun-2025/?ysclid=mi3i5bn94336583475>

тение характеристиками государственной тайны и изменение исходного значения информации. Нередко фиксируется сбор и передача данных о расположении важных объектов, методах их охраны, порядке посещения, а также о пунктах складирования тайников для дальнейшей передачи нужных материалов.

Кроме того, что с началом проведения специальной военной операции в УК РФ были внесены ряд изменений, а именно пополнились новыми составами преступлений и внесены поправки в уже существующие статьи, законодательно также есть основания освобождения от уголовной ответственности.

Так, если лицо добровольно и своевременно сообщило органам власти о совершении преступления и способствовало предотвращению дальнейшего ущерба или в его действиях не содержится иного состава преступления, то оно освобождается от ответственности по указанным статьям выше.

В постановлении Пленума Верховного Суда «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» № 11 от 18 мая 2023 года, указывается, что сдача в плен должна квалифицироваться как государственная измена, если сдача в плен обусловлена намерением непосредственно вступить в состав вооруженных формирований, принадлежащих иностранным государствам, международным или зарубежным организациям, ведущим боевые действия против Российской Федерации, включая участие в военных конфликтах, операциях или мероприятиях, сопряженных с использованием оружия и боевой техники.

Таким образом, с началом проведения специальной военной операции случаи совершения преступлений в нашей стране в сравнении за несколько лет значительно увеличились. Причиной этого, как мы указывали выше могут стать различными — от желания заработать денег от иностранных государств, так и с целью совершения государственной измены в личных целях.

Государственная измена способна нанести серьезный ущерб стабильности и безопасности государства и его граждан. Особенно ярко это проявляется в периоды политических перемен, поэтому необходимо еще более усилить контроль за лицами на государственной службе, а также установления еще большего ограничения на ряд информации.

Научная статья
УДК 343.33

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

Ксения Денисовна ПАРШЕВНИКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ-Пермь), г. Пермь, Россия, kseniaparsh@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры теории права и юридической практики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ-Пермь), кандидат юридических наук, доцент **Юлия Станиславовна КАРАВАЕВА**

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена спецификой общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ.

Рассматриваемая статья является одной из норм, обеспечивающих защиту исторической памяти, что является важным для государства и общества.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что преступление, предусмотренное статьей 354.1 УК РФ, направлено против основ конституционного строя и безопасности государства, а также выявить некоторые проблемы, связанные с его составом.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, историческая память, историческая правда

Original article

SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE REHABILITATION OF NAZISM

Ksenia D. PARSHEVNIKOVA

National Research University Higher School of Economics (HSE-Perm), Perm, Russia, kseniaparsh@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Theory of Law and Legal Practice at the National Research University Higher School of Economics (HSE-Perm), PhD in Law, Associate Professor **Yulia Stanislavovna KARAVAEVA**

Abstract. The relevance of this study is due to the specific nature of the public danger of the act provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

This article is one of the norms that ensure the protection of historical memory, which is important for the state and society.

The analysis conducted has led to the conclusion that the crime provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is directed against the foundations of the constitutional order and the security of the state, as well as to the identification of certain problems related to its composition.

Keywords: rehabilitation of Nazism, historical memory, historical truth

Статья 354.1 УК РФ является частью блока норм, направленных на защиту исторической памяти, являющейся продуктом группового сознания, представляющим собой общий опыт, пережитый народом, сосредоточение знания о важных этапах национального прошлого, обладающим сакральной значимостью и определяющим преемственность народа.

Указанное является одним из основных приоритетов российского государства на современном этапе, что, на наш взгляд, следует связывать в том числе с ролью исторической памяти в процессе самоидентификации индивида и общества.

Статьей 67.1 Конституции России провозглашается необходимость защиты исторической правды. в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) используется термин «историческая правда».

Между тем в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, используются термины «историческая память» «историческая правда» в связи с чем возникает вопрос их соотношения между собой.

Так, историческая правда представляет собой совокупность фактов, полученных на основе комплексного анализа различных исторических источников, включающих вещественные источники, дошедшие до нашего времени предметы материальной культуры и быта, фонически, изобразительные и письменные источники¹.

В доктрине высказывается позиция, согласно которой стоит отождествлять понятия исторической памяти и исторической правды², однако

¹ Чупрынников С. А., Касьянов В. В., Самыгин П. С. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2.

² Пономарев М. В. «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория российской Конституции // Право и права человека в современном мире : тенденции, риски, развития :

указанное представляется ошибочным, так как, историческая правда – более узкое понятие, на содержании которого строится историческая память, но которым она не ограничивается, в том числе в связи с фрагментарностью, являющейся одной из характеристик памяти.

Таким образом, из содержания ст. 354.1 УК РФ следует, что она является специальной нормой и защищает историческую правду о периоде Второй мировой войны. Из пояснительной записки к законопроекту о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма следует, что защита исторической памяти именно об этой трагедии, ее жертвах, преступлениях и преступниках, обеспечивает международный консенсус для защиты общечеловеческих ценностей и противодействие возрождению фашизма, и необходима, в связи с тем, что Советский Союз понес самые большие потери во Второй мировой войне¹.

Следует отметить, что ст. 354.1 УК РФ защищает именно феномены исторической памяти и исторической правды, а не противодействует агрессивным проявлениям нацистской или неонацистской, набирающей сейчас популярность, идеологий. Агрессивное их проявление являет собой самостоятельные преступления, в соответствии с действующим законодательством.

Исходя из положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, распространение сведений, искажающих историческую правду и уничтожающих историческую память, в том числе периода Второй мировой войны, являются посягательством на суверенитет и безопасность России. Указанным, на наш взгляд, обусловлено решение законодателя относительно криминализации действий по реабилитации нацизма.

Законодатель, как известно, дифференцирует ответственность в зависимости от уровня общественной опасности совершаемого деяния, потому выделяет квалифицирующие признаки в статьях уголовного закона, под которыми понимаются «дополнительные по отношению к основному составу и его признакам обстоятельства»².

материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ф. М. Рудинского (г. Москва, 15 апр. 2021 г.) / авт. : В. М. Алиев, С. А. Афанасьева, Н. Е. Борисова [и др.] ; редкол. : В. В. Строев, Д. А. Пашенцев, Н. М. Ладнушкина, Т. Б. Куликова ; Департамент образования и науки г. Москвы, Гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования г. Москвы «Моск. гор. пед. ун-т» (ГАОУ ВО МГПУ). Москва, 2021. С. 252–256.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 06.05.2009 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/197582-5>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Барков А. В. Значение, понятие, виды и принципы конструирования квалифицирующих признаков преступления // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности

Л. Л. Кругликов указывал, что квалифицирующие признаки выполняют одновременно две функции: фундаментальную и дифференцирующую. Первая означает, что квалифицирующий признак является одним из компонентов основания ответственности и без него преступления нет, вторая отражает повышенный уровень опасности разновидности посягательства¹.

Квалифицирующие признаки отражают внутривидовые различия преступлений друг от друга, а не вообще от других преступлений. В связи с чем, в одной норме Особенной части уголовного закона должны быть описаны признаки одного состава преступления и его вариации (квалифицированные виды)².

Однако, в случае со статьей 354.1 УК РФ мы можем выделить два самостоятельных состава, закрепленных в частях 1 и 3. Логика, которой руководствовался законодатель в данном случае, как представляется, состоит в ассоциативной связи предмета преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, в первую очередь, с Великой Отечественной войной, а значит с нацизмом, как основной движущей силой, от которой пострадал советский и, соответственно, российский народ, указанного исторического периода.

С момента дополнения УК РФ ст. 354.1 в доктрине критикуется расположение нормы в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». Хотя, например, Н. А. Егорова объясняет решение законодателя указывая на связь рассматриваемого деяния со ст. 354 Уголовного кодекса – публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, обосновывая ее тем, что действия по реабилитации нацизма, в частности, преднамеренное искажение истории, – есть скрытый призыв к развязыванию агрессивной войны³.

На наш взгляд, несмотря на прослеживающуюся связь «реабилитации нацизма» с преступлениями, составляющими главу 34 УК РФ, которой, скорее всего, руководствовался законодатель при дополнении закона новой статьей, нацизм и действия, понимаемые под его реабилитацией отнесены к видам экстремистской деятельности Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025).

В свою очередь, преступления экстремистской направленности отно-

в СССР. Минск, 1983. С. 285.

¹ Кругликов Л. Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. 2014. №2. С. 120–126.

² Голенко Д. В. Статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, виды, построение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (40). С. 182–186.

³ Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. (№ 3.) С. 495.

сятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства и расположены в соответствующей главе Уголовного кодекса. В связи с указанным, на наш взгляд, следует согласиться с предложением С. В. Розенко¹ и П. В. Пошелова², об определении объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, как общественных отношениях, обеспечивающих охрану основ конституционного строя и безопасности государства.

Помимо указанного ранее, стоит отметить, что деяние, описание состава которого закреплено в диспозиции части 3, с учетом этого описания нельзя относить к действиям по «реабилитации нацизма» исходя из дефиниции последнего, в отличие от деяния, предусмотренного частью 1.

Один из вариантов указанного определения был сформулирован еще в 2012 году в Модельном законе «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств, на основе которого 14.05.2021 был принят Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма»³, где данное определение было уточнено и конкретизировано. Учитывая, что подобный законодательный опыт является исключительным, представляется целесообразным его учитывать. Тем более, что обращение к ст. 354.1 УК РФ показывает, что законодатель, по всей видимости, следовал этой же логике при формулировании признаков состава преступления.

Так, под реабилитацией нацизма следует понимать действия, совершенные публично либо с использованием публично демонстрируемого произведения, или средств массовой информации, или глобальной компьютерной сети «Интернет», или иной информационной сети, выражающиеся в:

- оправдании идеологии (доктрины) и практики нацизма, признании их правильными, нуждающимися в поддержке и достойными подражания, а также в распространении идеологии нацизма;

- одобрении или отрицании преступлений против мира и безопасности человечества, военных и других преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала;

- оправдании лиц и (или) структур либо организаций, признанных

¹ Розенко С. В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 84.

² Пошелов П. В. Проблемы объекта и конкуренции ст. 354.1 УК РФ // Эволюция российского права: тезисы докладов всерос. науч. конф.: в 2 ч. Екатеринбург. 2015. Ч. 2. С. 276.

³ Закон Республики Беларусь от 14.05.2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2021 г. (15.05.) 2/2823.

преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, а равно сотрудничавших с такими лицами и (или) структурами либо организациями на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны политических и военных организаций, а также лиц, участвовавших в деятельности таких политических и военных организаций и исполнявших либо умышленно содействовавших исполнению преступных приказов лиц и (или) структур либо организаций, указанных в настоящем абзаце, в любой форме.

В связи с изложенным выше, на наш взгляд, следует выделить ч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, в отдельную норму и поместить ее в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, практически не выделяется в доктрине. Указанное, на наш взгляд, можно связать с его нематериальностью, тогда как по общему правилу предмет представляет собой объект материального мира.

Одним из предметов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, являются факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Далее, с учетом позиции о том, что предмет является выражением объекта, тем, на что направлено посягательство можно говорить о понимании предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, в части альтернативного состава «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и ветеранах Великой Отечественной войны» с двух разных точек зрения.

Так, рассматривая обозначенный вопрос с позиции, что преступник непосредственно воздействует на предмет, совершая преступление, правильным представляется мнение П. В. Пошелова, который выделяет в качестве предмета рассматриваемого преступления заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и ветеранах Великой Отечественной войны¹.

Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что законодатель, устанавливая уголовно-правовой запрет, стремится защитить социально значимые ценности, применительно к настоящей статье – историческую правду. К тому же общественная опасность рассматриваемого деяния обусловлена именно ложностью распространяемых сведений. С такой точки

¹ Пошелов П. В. Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. С. 77.

зрения достоверные сведения будут являться предметом преступления, а ложные, в свою очередь, можно назвать средством совершения преступления, в связи с тем, что они будут рассматриваться как инструмент в таком случае.

Важным для применения ст. 354.1 УК РФ представляется определение границы сведений, распространение которых образует состав преступления, так как деятельность СССР в годы Второй мировой войны помимо непосредственно ведения боевых действий и принятия стратегически важных решений включала иные направления, связанные с обычной государственной деятельностью. Потому, полагаем, во избежание возможного расширительного толкования, стоит дополнить статью указанием на цель совершения деяния, «с целью реабилитации нацизма». Кроме того, необходимо дополнить статью примечанием, где закрепить дефиницию термина «реабилитация нацизма» по аналогии с Законом Республики Беларусь, упомянутым ранее.

Объективная сторона преступления в данном случае представлена рядом альтернативных действий. Так, под отрицанием в настоящей статье следует понимать буквально несогласие с фактами, установленными Нюрнбергским приговором, в данном случае мнение, высказываемое в доктрине, также сводится к этому.

Касательно же одобрения преступлений, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, существуют две позиции и, например, И. А. Варченко и Л. Г. Литвяк в своем исследовании задаются вопросом, может ли оно быть выражено в форме бездействия¹.

На наш взгляд, допустимо говорить исключительно о действии, так как бездействие не может свидетельствовать, что лицо одобряло преступления, совершенные нацистами. Если принять во внимание, что бездействие может свидетельствовать об одобрении, то говорит ли это о необходимости всем публично объявить о своем негативном отношении к указанным преступлениям? На наш взгляд, нет, оно, в данном случае, презюмируется, пока не будут совершены действия, подтверждающие обратное.

Стоит отметить, что состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, является формальным, что отдельно подчеркивает Верховный суд, в том числе в приговоре от 8 июня 2021 года, указывая на ошибку первой инстанции в части вынесения приговора за покушение на реабилитацию нацизма. В качестве аргумента суд первой инстанции ссылался на то, что заявка подсудимого на сайт «Бессмертный полк онлайн» с изображе-

¹ Варченко И. А., Литвяк Л. Г. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Гуманитарные, социально-экологические и общественные науки. 2015. № 11. С. 257–260.

нием главы Национал-социалистической рабочей партии Гитлера не прошла проверку модераторами, соответственно не была опубликована¹.

Верховный суд, однако, отметил, что в данной ситуации важен именно факт публичного выражения подсудимым позиции о возможности размещения фотографии нацистского преступника рядом с участниками войны и тружениками тыла, боровшимися против нацистской Германии.

Исходя из указанного, можно сделать вывод, что статья 354.1 УК РФ, несмотря на свою значимость не лишена недостатков, усложняющих процесс правоприменения. Так, при очевидной связи преступления, предусмотренного статьей 354.1 УК РФ, с преступлениями против мира и безопасности человечества, само оно к таковым, на наш взгляд, не относится.

Анализ объекта преступления, предусмотренного частью 1 статьи, и соотношение названия статьи с ее содержанием, позволили сделать вывод, что норму следует разделить и поместить ч. 1 и 2 в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». К тому же диспозиция части 1 нуждается в дополнении целью в части альтернативного состава «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны», для правильного толкования которой необходимо также закрепить определение термина «реабилитация нацизма» в примечании.

Научная статья **УДК 343.322**

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

Ярослав Евгеньевич ПАЦАЛО

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Луганск, Россия, y.patsalo@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры теории и истории государства и права Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук **Евгений Владимирович БОЛЬШАКОВ**, relativus@mail.ru

Аннотация. Статья содержит в себе анализ уголовно-правового регулирования ответственности за государственную измену по ст. 275 УК РФ

¹ Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации № 11-УДП21-19-А4 от 08.06.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

после принятия Федерального закона от 14.07.2022 № 260-ФЗ.

Рассматриваются новые положения, включая «переход на сторону противника», и возникающие проблемы квалификации деяний. Подчеркивается необходимость единообразной судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Автор обосновывает актуальность дополнения статьи признаком совершения измены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и отмечает значимость совершенствования законодательства для обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: государственная измена, проблемы квалификации деяний, информационно- телекоммуникационные сети

Original article

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF HIGH TREASON

Yaroslav E. PATSALO

Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Lugansk, Russia, y.patsalo@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Philosophical Sciences **Evgeny Vladimirovich BOLSHAKOV**, relativus@mail.ru

Abstract. The article analyzes the current state of criminal law regulation of liability for treason under Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation after the adoption of Federal Law No. 260-FZ dated July 14, 2022. The new provisions, including «siding with the enemy», and the emerging issues of qualification of acts are considered.

The article emphasizes the need for uniform judicial practice and clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

The author substantiates the relevance of adding the feature of committing treason using information and telecommunication networks to the article and notes the importance of improving legislation for ensuring Russia's national security.

Keywords: treason, problems of qualification of acts, and information and telecommunication networks

В условиях становления новой парадигмы общественного развития, российская правовая система сталкивается с необходимостью своевременной адаптации.

С момента вступления в силу Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 г. понятие государственной измены приобрело знакомый и современный нам вид в ст. 275 УК РФ «Государственная измена».

В редакции УК РФ до 14.07.2022 года государственная измена определялась как: «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

Данная статья оставалась неизменной около 10 лет (с 12 ноября 2012 года). Принятие нового Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 июля 2022 № 260-ФЗ, а также дополнение имеющийся состав ст. 275 УК РФ новым деянием, которое ранее не входило в установленный перечень действий, характеризующихся как государственная измена, а именно «переход на сторону противника», обусловлено сложной внутриполитической и внешнеполитической обстановкой.

Изменение объективной стороны преступления также создало необходимость добавления примечания 1 в ст. 275 УК РФ, в котором определяет понятие такого перехода, как «участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники».

Необходимость внесения рассмотренных поправок в УК РФ продиктована задачами укрепления национальной безопасности, а именно – нейтрализацией угроз как внутреннего, так и внешнего характера, а также повышением результативности противодействия соответствующим преступлениям.

Еще одним значимым изменением, введенным указанным законом, стало уточнение понятия шпионажа. Ранее диспозиция ст. 275 УК РФ не содержала самостоятельного определения данного деяния, отсылая к норме ст. 276 УК РФ. Вследствие этого до внесения изменений указанным федеральным законом в ст. 276 УК РФ предмет шпионажа не распространялся на сведения о Вооруженных Силах Российской Федерации.

Проблемы квалификации, рассматриваемые в настоящем контексте,

связаны с существенной трансформацией диспозиций соответствующих статей, произошедшей в 2022 году. Устранение подобных правовых неоднозначностей является необходимой для формирования единообразной судебной практики, обеспечения однозначной оценки правоохранительными органами наличия или отсутствия состава преступления, а также формирования в общественном сознании понимания недопустимости подобных деяний.

Статистические данные МВД России о зарегистрированных преступлениях по ст. 275 УК РФ за последнее десятилетие демонстрируют устойчивую динамику многократного роста числа данных правонарушений.

В контексте квалификации добровольного пленения сохраняется правовая неоднозначность. Статья 275 УК РФ проводит разграничение со статьей 352.1 УК РФ: сдача в плен без последующего участия в действиях против Российской Федерации не образует состава государственной измены.

Однако для устранения возможных коллизий целесообразно уточнить примечание к статье 275 УК РФ, распространив понятие «участия» не только на непосредственное военное взаимодействие, но и на предоставление консультаций либо иную форму содействия противнику. Такое дополнение позволит унифицировать правоприменительную практику.

Особую сложность представляет квалификация действий лиц, попавших в плен принудительно, но раскрывших конфиденциальную информацию под воздействием пыток. Нормативная база, включая Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» однозначно запрещает военнослужащим разглашение любых сведений, кроме установленного минимума (ФИО, звание, личный номер, дата рождения). Таким образом, даже передача данных о конструкции военной техники, совершенная в условиях принуждения, формально подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ, что актуализирует вопрос о дифференциации ответственности с учетом экстремальности обстоятельств.

При этом, если военнослужащий впервые совершил преступление, предусмотренное указанной статьей, он может быть освобожден от уголовной ответственности, если принял меры для своего вызволения из плена, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений.

Критически важным при разграничении добровольной сдачи в плен и перехода на сторону противника как формы государственной измены представляется анализ субъективного основания деяния, определяющего непосредственный объект преступного посягательства.

Субъективная сторона состава государственной измены характери-

зуются наличием прямого умысла, структурно выражающегося в том, что гражданин Российской Федерации, совершая действия, образующие объективную сторону преступления по статье 275 УК РФ, не только осознает их общественную опасность, но и предвидит их направленность против безопасности государства и именно этого результата желает.

При переходе на сторону противника волевой элемент умысла проявляется в осознанном стремлении не просто оказаться в плену, а включиться в структуру сил, противостоящих Российской Федерации, для последующего участия в вооруженном конфликте. Именно комплекс интеллектуального восприятия и волевой направленности действий свидетельствует об антигосударственной ориентации деяния.

В отличие от этого, умысел военнослужащего при добровольной сдаче в плен ограничивается намерением перейти под контроль противоборствующей стороны без цели осуществления в ее интересах деятельности, направленной против безопасности России. Правоприменительная практика должна учитывать возможность квалификации добровольной сдачи в плен в условиях крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), что требует тщательного установления всех фактических обстоятельств дела.

Особую актуальность приобретает квалификация действий граждан Российской Федерации, выступающих в роли пособников военных преступлений. При оказании ими содействия представителям иностранного государства в причинении смерти военнопленным или мирным жителям на оккупированных территориях, правовая оценка таких деяний может соответствовать признакам государственной измены, трактуемой как оказание иной помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

В контексте современной уголовной политики, ориентированной на защиту национальных интересов, назрела необходимость формирования специализированного института ответственности для военных преступников и их пособников. Целесообразным представляется введение отдельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей санкции за посягательства на жизнь и достоинство военнопленных и гражданского населения в зонах военных действий и на оккупированных территориях.

В свете специфики современных вооруженных конфликтов особого внимания заслуживают информационные действия, способные нанести ущерб безопасности государства. В целях адекватного противодействия данным вызовам обоснованным представляется дополнение статьи 275 УК РФ частью второй следующего содержания:

«Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе

сети «Интернет», наказываются ...».

Интенсификация применения информационных методов в деятельности, направленной против Российской Федерации, актуализирует необходимость использования всего потенциала уголовного законодательства и его последовательного совершенствования.

В заключение следует констатировать, что масштабные изменения в законодательство о преступлениях против основ конституционного строя породили ряд существенных проблем квалификации. В целях формирования единообразной судебной практики и соблюдения принципа правовой определенности целесообразна разработка постановления Пленума Верховного Суда, разъясняющего вопросы применения норм о государственной измене.

Современные политические и социальные реалии России объективно требуют высокой эффективности всех государственных институтов, в том числе правовой системы. Уголовное законодательство, являясь одним из важнейших инструментов обеспечения национальной безопасности, должно своевременно реагировать на возникающие угрозы и вызовы, связанные с изменением международной обстановки, появлением новых форм и способов посягательств на безопасность государства.

Анализ содержания и эволюции статьи 275 УК РФ «Государственная измена» позволяет сделать вывод о том, что законодатель последовательно усиливает правовую защиту интересов Российской Федерации, адаптируя уголовно-правовые нормы под условия современной геополитической и информационной действительности.

Изменения, внесенные Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, стали ключевым этапом в развитии правового регулирования ответственности за государственную измену. Они расширили объективную сторону состава преступления, дополнив его новым элементом – «переход на сторону противника», а также уточнили понятие шпионажа, включив в его предмет сведения, касающиеся Вооруженных Сил Российской Федерации.

Новое определение государственной измены не только усилило ответственность граждан за действия, направленные против безопасности государства, но и позволило точнее разграничивать смежные составы преступлений, в частности – между добровольной сдачей в плен и переходом на сторону противника. Такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку позволяет учитывать субъективную сторону деяния, то есть мотив и умысел лица. Законодатель, признавая сложность практического применения новой редакции статьи, стремится создать правовую основу для формирования единой судебной практики.

Вместе с тем анализ показывает, что на практике остаются проблемы квалификации деяний, связанных с участием граждан РФ в вооруженных конфликтах, с передачей информации в условиях плена или с оказанием различной помощи иностранным государствам. Возникают вопросы и относительно случаев, когда действия лица совершаются под физическим или психическим принуждением, либо в условиях крайней необходимости. Все это требует дополнительных разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ и выработки единых подходов к правоприменению.

Вопрос информационной безопасности заслуживает особого внимания. В современных условиях противник часто и очень активно использует информационно-телекоммуникационных технологий для ведения психологических, кибер- и информационных операций, представляется обоснованным предложение о дополнении ст. 275 УК РФ новой частью, предусматривающей ответственность за государственную измену, совершенную с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Это позволит учесть современные формы подрывной деятельности, которые могут иметь не менее разрушительные последствия, чем традиционные формы шпионажа или предательства.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что современная уголовная политика России в сфере защиты государственной безопасности направлена на усиление охраны суверенитета, территориальной целостности и устойчивости государства. Однако для достижения реальной эффективности данных мер необходимо:

- обеспечить детальную правовую регламентацию новых форм государственной измены;
- устранить существующие коллизии и пробелы в законодательстве;
- разработать постановление Пленума Верховного Суда РФ, регламентирующее практику рассмотрения дел о государственной измене;
- закрепить на законодательном уровне положения об ответственности за измену, совершенную с использованием современных информационных технологий.

В заключение можно отметить, что совершенствование уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за государственную измену, представляет собой важный элемент укрепления национальной безопасности России. Эти изменения отражают не только реакцию на внешние угрозы, но и стремление государства создать устойчивую правовую основу для защиты своих интересов в новых геополитических и информационных условиях.

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дарья Михайловна ПЛАСТИНИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
prunemauve@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В условиях обострения военно-политической обстановки западные спецслужбы активно вовлекают несовершеннолетних в совершение преступлений против государственной безопасности.

Используя уязвимость подростков и их зависимость от социальных сетей, вербовщики применяют методы психологического давления и манипуляции. В тексте анализируются случаи террористических актов и диверсий, совершенных подростками 14-16 лет.

Автором также выделяются ключевые различия между террористическим актом и диверсией.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления против государственной власти, террористический акт, диверсия

Original article

**ON THE COMMISSION OF CRIMES AGAINST THE INTERESTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION BY MINORS**

Daria M. PLASTININA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, prunemauve@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute

(branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. In the context of the escalating military-political situation, Western intelligence agencies are actively involving minors in committing crimes against state security.

Using the vulnerability of teenagers and their dependence on social networks, recruiters use methods of psychological pressure and manipulation.

The text analyzes cases of terrorist acts and sabotage committed by teenagers aged 14-16. The author also highlights the key differences between a terrorist act and sabotage.

Keywords: minors, crimes against state authority, terrorist act, sabotage

В современном мире все большую угрозу начинают обретать преступления, направленные на подрыв безопасности государства. Военно-политическая ситуация, обострившаяся еще в 2014 году, начала набирать обороты к 2022 году. В данном случае речь идет не только о специальной военной операции, ведь, как показывает статистика и новости в средствах массовой информации, украинские спецслужбы и их кураторы стали активно вовлекать в противоправную деятельность несовершеннолетних, причем не только на новых территориях, но и в других субъектах Российской Федерации, отдаленных от зоны боевых действий.

В свою очередь политика Российской Федерации направлена на защиту прав и свобод несовершеннолетних, а также обеспечение возможностей для их дальнейшего развития и интеграции во взрослую жизнь. Несовершеннолетние признаются социально уязвимой группой, на что есть ряд причин.

Во-первых, в силу своего возраста, подростки могут быть легко внушаемыми, что в первую очередь связано с их неустоявшейся системой ценностей.

Также стоит учитывать и то, что из-за своего возраста несовершеннолетние могут легко довериться почти любому взрослому, опять же из-за устоявшегося мнения о том, что взрослым стоит доверять по причине их старшинства и, соответственно, «более зрелого взгляда на жизнь».

Особую опасность в XXI веке, или же веке информационных технологий, представляют преступления, совершаемые с помощью сети «Интернет». Для несовершеннолетних это также представляет опасность ввиду повсеместной зависимости подростков от социальных сетей, что делает их более открытыми к влиянию нежелательных лиц.

В условиях обострившейся политической ситуации, действия иност-

ранных государств направлены не только на прямое снижение внешней обороноспособности Российской Федерации, но и на вербовку несовершеннолетних с целью совершения ими преступлений на территории Российской Федерации, что в том числе напрямую подтверждается Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, от 5 декабря 2016 года.

За последние два года все чаще в средствах массовой информации появляются статьи, в которых упоминается совершение несовершеннолетним преступлений, направленных против интересов Российской Федерации.

Так, например, 2 августа 2025 г. в Санкт-Петербурге задержали 14-летнего школьника за террористический акт в пункте полиции. Как сообщили правоохранительные органы, до этого школьник познакомился в соцсетях с девушкой, которая попросила отправить ей геолокации популярных мест в Санкт-Петербурге, объяснив, что «недавно переехала». В дальнейшем с девятиклассником связался неизвестный, который угрожал ему уголовной ответственностью, так как переданные учеником геоданные якобы были использованы для получения информации третьими лицами. Чтобы избежать наказания, школьнику предложили поджечь помещение бывшего поста полиции и пообещали заплатить за это 250 тысяч рублей¹.

В сентябре 2023 года двое несовершеннолетних (обоим подросткам 15 лет), вступив в преступный сговор со сторонником ВСУ для совершения террористического акта на железнодорожной станции Лахта в Санкт-Петербурге. Согласно материалам дела, изначально подростки хотели с помощью коктейля Молотова поджечь локомотив на станции Лахта, но из-за его отсутствия подожгли релейный шкаф².

Как показывают данные случаи, возраст преступников разный – от 14 до 16 лет.

При этом сходным с террористическим актом преступлением является диверсия. Так, в случае диверсии квалифицирующим признаком являются такие места, которые так или иначе связаны с инфраструктурой города, либо объектами жизнеобеспечения, т.е. объекты, без которых может быть нарушена привычная для такого места жизнедеятельность или жизнеспособность.

Это также связано и с тем, с какими целями совершаются взрыв, поджог или иные действия – в случае диверсии уничтожения имущества само по себе является главной целью совершения преступления, так как данные действия влекут за собой снижение экономической безопасности и обороно-

¹ Фонтанка.ру: сайт. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2025/08/03/75796677/> (дата обращения: 24.10.2025)

² Фонтанка.ру: сайт. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2024/05/06/73545107/> (дата обращения: 24.10.2025)

способности Российской Федерации, в то время как для террористического акта повреждение имущества скорее является способствующим фактором, поскольку главная цель по ст. 205 УК РФ – дестабилизация деятельности органов государственной власти или международных организаций, либо их понуждение к принятию какого-либо решения.

Помимо это, важным признаком объективной стороны террористического акта является и то, что для совершения преступления возможно применить угрозу совершения взрыва, поджога или иных действий, в то время как для диверсии необходимо совершить эти действия, а свою очередь угроза совершения этих действий не будет входить в объективную сторону ст. 281 УК РФ.

Чаще всего террористический акт придается широкой огласке самими преступниками – при помощи социальных сетей, электронных писем, а иногда и прямыми трансляциями в тех же социальных сетях. Делается это зачастую как для запугивания, так и для достижения своей первоначальной цели, ради которой был совершен террористический акт.

При диверсии действия преступника наоборот имеют более тайный характер, так как, как упоминалось ранее, совершение действий объективной стороны происходит для выведения из строя значимых для жизнедеятельности объектов, а не для запугивания населения или воздействия на органы государственной власти.

Вышеуказанные признаки дают нам понять, что террористический акт и диверсия хоть и имеют некоторые признаки, позволяющие считать данные составы схожими, все же имеют свои различия, которые необходимо учитывать для правильной квалификации деяния.

Проблемным вопросом квалификации ст. 281 УК РФ является, по нашему мнению, также и то, по чьему заказу лицом совершается преступление против государственной безопасности. В случае, если подрыв объекта жизнеобеспечения осуществляется лицом по запросу иностранных и/или нежелательных организаций, возникает вопрос о том, по какой статье квалифицировать данное деяние – по цели (т. е. назначить наказание по ст. 281 УК РФ) или по содействию данного деяния иностранной организацией (т. е. квалифицировать деяние по ст. 275 УК РФ)? Анализ дел показал, что совокупность преступлений здесь судом не признается, и наказание назначается только по ст. 281 УК РФ.

Помимо этого, на фоне политической ситуации и анализа информации из средств массовой информации, стоит выделить особенности данных преступлений.

В первую очередь стоит сказать о том, что с несовершеннолетними связываются через социальные сети, например, через Telegram. Это зачастую

связано с тем, что «куратор», или же организатор всего преступления, является гражданином иностранного государства, действует в интересах против Российской Федерации и не желает быть обнаруженным правоохранными органами.

Такие лица зачастую используют манипуляционные и другие психологические методы, то есть пытаются втереться подростку в доверие: говорят на их языке, обсуждают те же игры или сериалы, становятся для них так называемой фигурой для подражания или восхищения. Знакомство с несовершеннолетним они начинают, например, с помощью виртуальных подарков в играх и социальных сетях, а потом подогревают интерес денежным вознаграждением, что впоследствии используется этими же кураторами в целях давления на подростка, если тот вдруг не желает становиться исполнителем преступления.

Стоит также заметить, что в поле зрения таких вербовщиков попадают не только лица из неблагополучных семей. Наоборот, бывали и случаи, когда у подростка полная, любящая семья, но, например, из-за того, что родители такого подростка постоянно заняты на работе и в силу этого не могут полноценно интересоваться жизнью своего ребенка, такой подросток тоже может подвергнуться влиянию нежелательных лиц.

Вербовщик создает у жертвы иллюзию безопасности, уделяет достаточно внимания, чтобы подросток стал зависимым от такого манипулятора и его одобрения, после чего он изолирует жертву от своего привычного круга общения, чтобы оказывать на него большее влияние. Именно поэтому можно сделать вывод, что вербовщики тщательно подходят к выбору своих жертв: в ходе переписки они выясняют, насколько подросток уверен в себе, какие у него взаимоотношения с семьей, одноклассниками, как он поведет себя в сложной ситуации – и потом выбирают наиболее слабую жертву, которую легче всего склонить к совершению преступления.

Такие кураторы не обеспокоены судьбой своих жертв, в их понимании подростки становятся лишь «орудием преступления», средством, с помощью которого можно достичь желаемого результата.

За последние три года количество осужденных несовершеннолетних по таким преступлениям с каждым годом растет. Если обратиться к данным, представленным Судебным департаментом Верховного Суда Российской Федерации, в 2022 число зарегистрированных террористических актов достигло 127, в 13 из которых участвовали несовершеннолетние¹, в 2024 году такое количество возросло до 1191, в 48 из них основными фигурантами

¹ Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 24.10.2025)

стали несовершеннолетние¹.

Таким образом, на основании анализа всего собранного материала, автором предлагаются следующие рекомендации:

Во-первых, дополнить ч. 2 ст. 281 УК РФ новым квалифицирующим признаком, а именно: «совершение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)). Стоит отметить, что такое нововведение приобрело необходимость не только в Российской Федерации.

Так, например, использование информационно-телекоммуникационных сетей является квалифицирующим признаком и на территории Республики Таджикистан, согласно п. «г» ч. 2 ст. 179(1) Уголовного Кодекса Республики Таджикистан². Такой же квалифицированный признак установлен в том числе ч. 2 ст. 132 Уголовного Кодекса Республики Казахстан³.

Во-вторых, конечно же, необходимостью становится и массовое информирование подростков о таких ситуациях с рекомендациями о том, как избежать себя от нежелательного влияния. К таким рекомендациям можно отнести, например: сообщать о связи с подозрительным лицом членам семьи, педагогам, друзьям и иным близким лицам; внимательное изучение страницы незнакомого лица, желающего начать диалог. Также важно обратить внимание на проведение воспитательных и обучающих бесед с несовершеннолетними, в том числе о том, что возбудить дело «по телефону» невозможно в силу четкого порядка осуществления следственных действий, чтобы снизить правовую неграмотность подростков и тем самым их обезопасить.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что данная проблема носит комплексный характер, одновременно являясь следствием внешнеполитических конфликтов. Меры, направленные на борьбу с такой негативной тенденцией, не должны ограничиваться лишь применением мер уголовно-правового характера, поскольку в данной ситуации в том числе имеет значение формирование правовой грамотности, критического мышления и патриотического сознания у несовершеннолетних.

¹ Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа: <https://cddep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 24.10.2025)

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=1976;-44 (дата обращения: 24.10.2025)

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 24.10.2025)

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ УК РФ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Екатерина Андреевна ПРОТАСОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Protasovaalla9@gmail.com

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются теоретические и практические аспекты действия уголовного закона в условиях присоединения новых территорий к Российской Федерации в 2014 и 2022 годах.

Анализируются принципы временного применения уголовного законодательства, вопросы коллизий и конфликтов правовых норм, а также особенности их реализации в новых субъектах Российской Федерации. Особое внимание уделяется механизмам определения применимого права к преступлениям, совершенным до присоединения территории, и вопросам гуманизации уголовной ответственности.

В работе подчеркивается необходимость формирования единых правовых подходов и повышения правовой грамотности судебных и правоохранительных органов при работе с новыми субъектами федерации.

Ключевые слова: применение уголовного закона, присоединение территорий, промежуточный уголовный закон, действие уголовного закона во времени, уголовный закон

Original article

FEATURES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Ekaterina A. PROTASOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Protasovaalla9@gmail.com

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. This study examines the theoretical and practical aspects of the application of criminal law in the context of the annexation of new territories to the Russian Federation in 2014 and 2022.

It analyzes the principles of the temporal application of criminal legislation, issues related to conflicts and contradictions of legal norms, as well as the specifics of their implementation within the new subjects of the Russian Federation. Special attention is given to the mechanisms for determining the applicable law to crimes committed prior to the annexation and to the issues of humanizing criminal liability.

The work emphasizes the necessity of developing unified legal approaches and enhancing the legal awareness of judicial and law enforcement authorities when working with the new federal subjects.

Keywords: application of criminal law, territorial annexation, interim criminal law, temporal scope of criminal law, criminal law

Одним из регуляторов общественных отношений в государстве является законодательство, представляющую систему, связанную между собой нормативно правовыми актами, являющиеся продуктом нормотворческой деятельности законодательной власти, целью которой является обеспечение правового порядка, защита прав и свобод человека и гражданина, что в целом будет создавать благоприятные условия для формирования правового государства¹. Именно для этих целей и служит уголовный закон.

Уголовный закон – «нормативный акт, содержащий уголовно-правовые нормы, принятый законодательной властью»². Для решения необходимых задач, которые предусмотрены уголовным законодательством, соблюдения его принципов важным является точное определение пределов его действия во времени и пространстве.

В настоящее время особой актуальностью обладает исследование вопросов, связанных с действием уголовного закона Российской Федерации во времени на территориях, которые были включены в состав нашего

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, К. П. Семенов; под общ. ред. А. В. Никуленко. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 37.

² Уголовное право. Общая часть : учебник / Д. А. Безбородов, С. А. Бочкарев, Л. В. Готчина [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. С. 43.

государства в 2014 и 2022 годах: Республика Крым, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Херсонская и Запорожская области.

В своих трудах А. И. Бойцов и Б. В. Волженкин указывали, что «действие уголовного закона во времени базируется на 3 основных принципах, а именно: применение к деянию закона, соответствующего времени его совершения; обратимость более мягкого и необратимость более строгого закона»¹.

Действие уголовного закона определяется временными рамками: уголовное законодательство, как и иное, считается официально действующим после его вступления в законную силу. В свою очередь, пределы отмены действия этих норм ограничены моментом изменением нормы, отмены закона или же принятием нового.

Также важно отметить, что международное право закрепляет положения, связанные с определением юрисдикции государства в отношении деяний, совершенных на территориях, которые не принадлежат какому-либо государству².

На сегодняшний день в Российской Федерации, как и во многих других государствах, применяется законодательство, действовавшее на момент совершения общественно опасного действия (бездействия) вне зависимости от времени наступления последствий, что закреплено ч. 2 ст. 9 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Но существует ряд случаев, когда новый уголовный закон может быть применен к деяниям, совершенным до вступления его в законную силу. Таким исключением являются случаи, когда новое уголовное законодательство смягчает или же вовсе исключает преступное деяние, и, соответственно, уголовное наказание, предусмотренное старым законодательством, не применяется.

Общий принцип действия Уголовного кодекса Российской Федерации указан в части 1 статьи 9 УК РФ и закрепляет, что при определении преступности и наказуемости деяния должен применяться уголовный закон, действовавший на момент совершения преступления.

Данный принцип закреплен в статье 54 Конституции Российской Федерации и гласит: «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет» и «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонару-

¹ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 4.

² Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 118.

шением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Таким образом, закон имеет обратную силу только с согласия подсудимого в случаях смягчения ответственности и появления оснований для не-применения уголовной ответственности¹.

Применительно к присоединенным территориям, особую актуальность приобретает позиция о «промежуточном уголовном законе». Согласно данной концепции, «при стремлении примирить крайние позиции и найти точное решение, привело к созданию формулы применения «промежуточного» уголовного закона².

Если после совершения преступления и до вынесения приговора судом уголовный закон изменялся, правоприменитель обязан проанализировать весь комплекс последовательно действовавших норм. К лицу должен быть применен самый мягкий уголовный закон из всех, что действовали с момента совершения преступления в связи с изменением государственного суверенитета территории.

Порядок применения уголовного законодательства Российской Федерации на территориях Республики Крым, Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей определяется специальными федеральными законами.

К таким законам в новейшей истории России к таким законам относятся Федеральный закон «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 05 мая 2014 № 91-ФЗ (ред. от 23.06.2016) и Федеральный закон «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ.

На наш взгляд, одной из основных проблем является определение квалификации преступлений, которые совершены до присоединения территорий к Российской Федерации. Наиболее остро стоит вопрос о том, по какому уголовному закону нужно оценить преступное деяние, совершенное до вхождения в состав России новых территорий, если санкции в украинском и российском законодательстве различаются.

¹ Попов А. Н. Уголовный закон и его обратная сила: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 15.

² Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона М. : Издательство «Юридическая литература», 1969. С. 132.

По мнению А. И. Бойцова, «при коллизии уголовных законов различных государств, в случае конкуренции уголовных законов и между странами, применению подлежит закон, в наибольшей степени обеспечивающий реализацию принципов справедливости и гуманизма»¹.

Например, суд общей юрисдикции приговорил осужденных к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ, однако кассационный суд изменил категорию преступления с тяжкой на преступление средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, а также изменил меру пресечения и освободил осужденных из под стражи в соответствии со ст. 80.1 УК РФ, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ вследствие изменения обстановки².

Из этого следует, что преступность данного деяния определена Уголовным Кодексом Российской Федерации, с применением более мягкого наказания, вне зависимости от того, что размер санкции должен быть применен исходя из украинской уголовной нормы, происходит недопустимость «поворота к худшему», что закреплено ч. 1 ст. 10 УК РФ «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

Таким образом, одним из ключевых вопросов в рассмотренном контексте является необходимость четкого определения временных, а также правовых рамок, в течение которых будет осуществляться правоохранительная деятельность на вновь присоединенных территориях. Как показывает практика, правоприменитель сталкивается со сложностями в данной сфере, включая несовершенство законодательства и отсутствие полной нормативной базы.

Неопределенность в применении уголовного закона во времени создает угрозу произвольного принуждения к ответственности, что, в свою очередь, способно порождать правовую неопределенность для граждан, проживающих на данных территориях. Важно отметить необходимость общественного информирования и правового осведомления населения, поскольку

¹ Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 215.

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 по делу № 77-685/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от этого может зависеть уровень доверия к правоохранительным органам и ко всей системе правосудия в целом.

Одним из возможных вариантов решения затронутой проблемы может стать создание промежуточных судебных инстанций, которые бы занимались анализом и сопоставлением норм различных уголовных законодательств, чтобы минимизировать ошибки в правоприменении. Данная инициатива способна наиболее быстро выработать единый подход к квалификации преступлений и обеспечить последовательность в работе судов на новых территориях уже по Российскому уголовному закону.

Также можно рассмотреть внедрение специальных курсов для судей и работников правоохранительных органов, которые бы могли сосредоточиться на особенностях работы в условиях смешанной правовой системы, ведь для полного внедрения Российского закона необходимо немало времени и сил. Это позволит повысить уровень подготовки судебных работников, устраним пробелы, которые возникают из-за нехватки опыта применения законодательства в изменившихся условиях.

В результате проведенного анализа уголовного Российской Федерации во времени и на территориях, присоединенных в 2014 и 2022 годах соответственно, можно сделать несколько выводов.

Законодательство, применяемое на данных территориях, должно быть четко определено, что поможет избежать правовой неопределенности и произвольного применения норм уголовного закона. Зачастую правоприменение сталкивается с проблемами, вызванными различиями между Российским и Украинским уголовным законом, что подчеркивает необходимость разработки единых подходов к квалификации преступлений.

Обеспечение правовой определенности и гуманизма в правоприменительной деятельности является необходимым условием для предотвращения ухудшения правового статуса граждан, проживающих на новых территориях. Данное требование предполагает возложение на правозащитные органы ответственности за разработку стандартизированных подходов, способствующих мягкой интеграции новых законодательных актов, в частности, касающихся смягчения мер наказания. Принцип запрета двойной противоправности служит важнейшей гарантией от произвола и должен неукоснительно соблюдаться при квалификации преступного деяния.

Необходимость в создании эффективного механизма для непрерывного обучения и повышения квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов, что позволит им быстро и эффективно адаптироваться к новым условиям. Параллельно следует повышать уровень правовой грамотности граждан, что будет способствовать укреплению доверия к системе правосудия.

Успешное включение новых субъектов в правовую систему Российской Федерации, опирающееся на определенное законодательство, предсказуемость правоприменения и компетентность специалистов, является критически важным для построения стабильного и справедливого применения уголовного закона. Это, в свою очередь, напрямую способствует повышению безопасности и обеспечению защиты прав граждан.

Научная статья

УДК 343.378

ОПАСНОСТЬ КОНТРАБАНДЫ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Анна Александровна РАТНИКОВА¹, Ксения Сергеевна СИКОРСКАЯ²

^{1,2}Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, студент факультета таможенного дела,
г. Санкт-Петербург, Россия,

^{1,2}anna.ratnikova.05@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент
Оюна Доржаевна ОРОЕВА, blackmailer03@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты ответственности за незаконное перемещение наличных денежных средств через таможенную границу ЕАЭС физическими лицами. Приведены статистические данные, отражающие динамику выявления контрабанды наличных денежных средств.

В результате исследования обоснована роль административной и уголовной ответственности как одного из ключевых инструментов обеспечения экономической безопасности государства, сделан вывод о необходимости усиления контроля за перемещением наличных денежных средств физическими лицами.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, наличные денежные средства, контрабанда, физические лица, ФТС России, ЕАЭС

THE DANGER OF SMUGGLING CASH AND (OR) MONETARY INSTRUMENTS FOR THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Anna A. RATNIKOVA¹, Ksenia S. SIKORSKAYA²

^{1,2} St. Petersburg named after V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, student of the Faculty of Customs, St. Petersburg, Russia,

^{1,2}anna.ratnikova.05@mail.ru

Scientific supervisor – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg V. B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Oyuna Dorzhaevna OROEVA**, blackmailer03@list.ru

Abstract. The article examines the legal aspects of liability for the illegal transportation of cash across the customs border of the Eurasian Economic Union (EAEU) by individuals. Statistical data reflecting the dynamics of detected cases of cash smuggling are presented.

The study substantiates the role of administrative and criminal liability as key instruments for ensuring the state's tax and customs security and concludes that there is a need to strengthen control over the movement of cash by individuals.

Keywords: administrative liability, criminal liability, cash, smuggling, individuals, Federal Customs Service of Russia, Eurasian Economic Union (EAEU)

В деятельности Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) неотъемлемую часть занимает таможенный контроль, в том числе контроль за перемещением наличных денежных средств через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). В настоящее время участились случаи незаконной перевозки денежных средств. За первое полугодие 2025 года ФТС России было выявлено рекордное число нарушений, связанных с контрабандой наличных денежных средств – 6314 случаев¹. По сравнению с предыдущим годом, это рост таких нарушений составил 15 %. Более того, большинство нарушений связано с вывозом валюты из Российской Федерации.

К проблемам правоприменения в данной сфере можно отнести проблему квалификации правонарушения в случаях, когда сумма контрабанды

¹ Незаконная перевозка наличных через границу в 2025 году побила рекорд // Известия [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1938512/2025-08-18/nezakonnaa-perevozka-nalichnyh-cerez-granicu-v-2025-godu-pobila-rekord>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

является пороговой между административно-наказуемой контрабандой и преступлением, а также неинформированность физических лиц о нормах провоза наличных денежных средств через таможенную границу.

Незаконная перевозка наличных денежных средств может привести к серьезным последствиям для экономики государства – снижению налоговых поступлений в бюджет, росту теневой экономики, угрозам экономической безопасности. Административная ответственность за недекларирование наличных денежных средств, предусмотренная статьей 16.4 КоАП РФ, представляет собой один из самых важных механизмов противодействия такого рода правонарушениям.

Наличные денежные средства – это денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах ЕАЭС или государствах (группе государств), не являющихся членами ЕАЭС, включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки.

Физическими лицами при пересечении таможенной границы Евразийского экономического союза наличные денежные средства могут перевозиться в ограниченном количестве. При ввозе на территорию Союза наличных денежных средств взимание таможенных пошлин, налогов и иных платежей не предусмотрено. Но если сумма денежных средств превышает в эквиваленте 10 тыс. долларов США, то она полностью подлежит декларированию в письменной форме. Декларирование осуществляется путем подачи физическим лицом пассажирской таможенной декларации с обязательным заполнением приложения к пассажирской таможенной декларации, в котором указываются сведения о наличных денежных средствах.

В соответствии с Решением Коллегии ЕЭК от 06.08.2019 № 130 «О представлении документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» если сумма перемещаемой валюты превышает сумму, эквивалентную 100 тыс. долларов США по курсу на день подачи пассажирской таможенной декларации, то вместе с декларацией должны быть представлены документы, подтверждающие происхождение денежных средств.

Помимо административной ответственности за недекларирование наличных денежных средств физическими лицами предусмотрена также и уголовная ответственность по ст. 200.1 УК РФ.

Административная ответственность по ст. 16.4 КоАП РФ наступает в случае недекларирования либо недостоверного декларирования наличных денежных средств и (или) денежных инструментов физическими лицами в сумме более 10 тыс. долларов США, но не более 20 тыс. долларов США. За это административное правонарушение предусмотрено наложение

административного штрафа на граждан в размере от одной второй до двукратной незадекларированной суммы наличных денежных средств и (или) денежных инструментов либо конфискацию предмета административного правонарушения.

Уголовная ответственность по ст. 200.1 УК РФ наступает в случае контрабанды наличных денежных средств в крупном размере, который в соответствии с пунктом 1 примечаний к ст. 200.1 УК РФ если сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимость незаконно перемещенных денежных инструментов превышает двукратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных правом Евразийского экономического союза к перемещению без письменного декларирования.

В соответствии с пунктом 2 примечаний к ст. 200.1 УК РФ контрабанда признается совершенным в особо крупном размере, если сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимость незаконно перемещенных денежных инструментов превышает пятикратный размер суммы наличных денежных средств и (или) стоимости дорожных чеков, разрешенных правом Евразийского экономического союза к перемещению без письменного декларирования.

При расчете размера суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов из всей суммы незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая правом Евразийского экономического союза разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована.

Лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

В целях сближения законодательства государств-членов ЕАЭС, регулирующих валютные правоотношения, и принятия мер либерализации обеспечивается свободное перемещение резидентами и нерезидентами наличных денежных средств и денежных инструментов в пределах таможенной территории ЕАЭС.

В связи с этим декларирование наличных денежных средств при перемещении между странами-участницами ЕАЭС не производится.

Однако обязанность по декларированию распространяется на физических лиц, перемещающих наличные денежные средства между государствами – членами ЕАЭС через третьи государства в случаях, если имело место пересечение таможенной границы ЕАЭС, в том числе при следовании физических лиц транзитом через трансферные зоны международных

аэропортов третьих государств¹.

За последние 5 лет случаи выявления незаконного перемещения наличных увеличились чуть больше чем на 42 %. Однако, также стоит учесть, что в 2024 году наблюдалось снижение количества случаев незаконного перемещения наличных денежных средств, по сравнению с предыдущим годом на 8,5 %. Согласно докладам ФТС России, в рассматриваемом периоде намного чаще возбуждались дела об административных правонарушениях, чем уголовные дела. Значительная часть административных дел связана с запретом на вывоз иностранной валюты, который был введен Указом Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».

Помимо этого, другими причинами незаконного вывоза наличных средств из России являются: трудности с международными переводами ввиду санкций Евросоюза и интерес к наличным как к способу защиты от инфляции.

Кроме того, в данных ФТС России также отмечается, что сумма незаконно перемещаемых средств значительно увеличилась. В 1 полугодии 2025 года эта сумма увеличилась на 30 %, по сравнению с тем же периодом 2024 года (1,2 млрд рублей и 979 млн рублей соответственно). Однако, в период с 2022 г. по 2024 г. наблюдались колебания от снижения суммы на 68 млн рублей (7 %) с 2022 по 2023 гг. до небольшого прироста на 11 млн рублей (2 %) с 2023 по 2024 гг.

Данные статистики наглядно показывают, что ситуация с незаконным перемещением наличных денежных средств к 2025 году значительно ухудшилась.

Изучение правоприменительной практики показывает, что наиболее часто встречаются два способа сокрытия наличных денежных средств:

1. Недекларирование. В этом случае граждане не указывают в декларации наличие денег, превышающих установленный таможенным законодательством лимит, и выбирают «зеленый коридор».

2. Сокрытие от таможенного контроля. В этом случае используются специальные потайные места: двойное дно чемодана или автомобиля, сокрытые карманы в одежде, а также другие тайники и всевозможные приспособления для контрабандной перевозки наличных, что также нарушает таможенные правила.

Стоит отметить, что оба этих способа связаны, ведь при сокрытии денежные средства также и не декларируются.

Так, например, в августе 2025 г. в аэропорту г. Астрахани граждан

¹ Информация для физических лиц - ввоз/вывоз валюты через таможенную границу ЕАЭС [Электронный ресурс] URL: <https://www.tks.ru/nat/0040000001/#05>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Арабской Республики Египет, прибывший из Азербайджана в Россию, прошел через «зеленый» коридор, тем самым заявив о отсутствии декларируемых товаров. Однако, в зоне таможенного контроля, астраханские таможенники обнаружили у гражданина незадекларированные наличные. Гражданин добровольно предъявил деньги, и выяснилось, что он незаконно перевозил через таможенную границу ЕАЭС 11111 долл. США, 33 азербайджанских манат и 12 кувейтских динар. В пересчете на российский рубль данная сумма составила больше 1,02 млн рублей. Суд Советского районного суда г. Астрахани признал гражданина виновным в совершении административного правонарушения по ст. 16.4 КоАП РФ¹.

В другом случае в марте 2025 г. в г. Москва гражданка России намеревалась перевезти крупную сумму наличных через таможенную границу ЕАЭС, воспользовавшись «зеленым» коридором в обход таможенного законодательства. Гражданка неоднократно пересекала таможенную границу и знала о порядке декларирования наличных, однако, установленные правила она умышленно проигнорировала и разделила денежные средства с целью их незаконного перемещения по сумкам. В ходе таможенного контроля найдены наличные денежные средства в размере более 2,9 млн рублей, что превышает двукратный размер суммы наличных денежных средств, разрешенный таможенным законодательством ЕАЭС к перемещению без письменного декларирования, и приравнивается к особо крупному размеру. Подсудимая была осуждена по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ².

Таким образом, изучение судебной практики доказывает, что за совершение любого правонарушения всегда влечет за собой неотвратимое наказание.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что незаконное перемещение наличных денежных средств через таможенную границу Евразийского экономического союза остается одной из актуальных проблем в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Статистические данные ФТС России и реальная судебная практика свидетельствуют о неуклонном росте числа правонарушений и увеличении сумм незаконно перемещаемых средств, что указывает на необходимость усиления контроля.

Проблему квалификации правонарушений можно решить посредством введения официальных методических рекомендаций, которые будут содержать порядок выявления недекларирования, методику подсчета наличных денежных средств, обязательные этапы проверки умысла и критерии разграничения составов. Такой документ обеспечит единообразную практику.

¹ Постановление Советского районного суда г. Астрахани по делу № 5-1783/2024 от 31.01.2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL:<https://sudact.ru/regular/doc/>. (дата обращения: 18.11.2025 г.).

² Приговор Химкинского городского суда № 1-131/2025 от 24 марта 2025 г. по делу № 1-131/2025. // Судебные и нормативные акты РФ. URL:<https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 18.11.2025 г.).

Кроме того, при разрешении проблемы неинформированности граждан, следует уделить внимание созданию официального и неформального информационного ресурса, с помощью которого физические лица могут ознакомиться с актуальными нормами провоза наличных.

Научная статья

УДК 343.326

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ И ОПЕРАТИВНОГО АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИЗМА В TELEGRAM-КАНАЛАХ

Вадим Викторович РЕШЕТИХИН

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, reshetihin81@gmail.com

Научный руководитель – профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы борьбы с экстремизмом в Telegram-каналах, связанные с анонимностью и доступностью платформы. Основное внимание уделяется двум взаимосвязанным аспектам: процессуальной фиксации цифровых доказательств и их оперативному анализу.

Подчеркивается, что контент из Telegram является доказательством и должен быть зафиксирован в строгом соответствии с УПК РФ, предпочтительно через протокол осмотра с участием понятых или видеозаписью.

Для успешного расследования необходим комплексный оперативный анализ, включающий сетевой, контент-анализ, лингвистическую экспертизу и изучение метаданных.

Ключевые слова: экстремизм, telegram-каналы, процессуальная фиксация, цифровые доказательства, оперативный анализ, протокол осмотра, сетевой анализ

**ON SOME ASPECTS OF THE PROCEDURAL FIXATION
AND OPERATIONAL ANALYSIS OF EXTREMISM
IN TELEGRAM CHANNELS**

Vadim V. RESHETIKHIN

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, reshetihin81@gmail.com

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article discusses the key issues of combating extremism in Telegram channels related to the anonymity and accessibility of the platform. The main focus is on two interrelated aspects: the procedural fixation of digital evidence and its operational analysis.

It is emphasized that the content from Telegram is evidence and must be recorded in strict accordance with the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, preferably through an inspection protocol with the participation of witnesses or a video recording.

A successful investigation requires a comprehensive operational analysis, including network, content analysis, linguistic expertise, and metadata analysis.

Keywords: extremism, telegram channels, procedural fixation, digital evidence, operational analysis, inspection protocol, network analysis

Сегодня в Российской Федерации, а также во всем мире распространяется экстремизм, в том числе с помощью такого инструмента, как мессенджер Telegram, в котором появляются определенные противоправные экстремистские идеи.

В виду того, что данный мессенджер обладает такими свойствами как анонимность, доступность, а технические возможности платформы создают уникальную среду, которая одновременно привлекает злоумышленников и представляет значительные сложности для предотвращения такого рода преступлений правоохранительным органам, распространяемость экстремизма высокая.

Поэтому, при выявлении преступлений экстремистской направленности встречаются два ключевых аспекта, осложняющих процесс расследо-

вания. В первую очередь проблема связана с непосредственной фиксацией цифровых доказательств и их оперативном анализе, которые в своей совокупности формируют основу для последующего доказывания в суде¹.

Так, для решения такого вопроса ставится первостепенная процессуальная задача, связанная с фиксацией информации, размещенной в Telegram-каналах. Важно понимать, что любой представленный в мессенджере контент, будь то текст, изображение, видео или аудиосообщение, является цифровым доказательством и должен быть легитимирован, то есть зафиксирован и приобщен к материалам уголовного дела в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Так, статья 84 УПК РФ определяет требования к иным видам документов, то есть иные виды документов допускаются в качестве доказательств, при условии того, что сведения, которые там отражены имеют значение для установления всех обстоятельств.

Поэтому весь контент, который отражен в Telegram-каналах, занимающимися и преследующими экстремистскую деятельность, являются иными видами документов, которые имеют прямое доказательственное значение в таких делах и должны фиксироваться по определенным специальным правилам.

В практике наиболее распространенным и юридически безупречным способом фиксации является протокол осмотра страницы (канала) в соответствии со статьями 176–177 УПК РФ. Однако простого описания недостаточно. Осмотр должен проводиться с участием понятых либо с применением видеозаписи, что исключит в дальнейшем сомнения в его объективности как одного из свойства доказательства.

Каждый элемент контента – публикация, время ее размещения, количество просмотров, комментарии – должен быть детально описан непосредственно в протоколе осмотра. Особое внимание уделяется неизменяемости информации: скриншоты и видеозапись экрана, заверенные электронной цифровой подписью специалиста, должны быть приобщены к протоколу². Без соблюдения этих формальностей суд может признать доказательства недопустимыми.

Следует обратить внимание, что непосредственно оперативный анализ изъятых цифровых данных, который, в свою очередь, образует и представляет собой следующую, не менее важную стадию на этапе предварительного расследования. Так, единственная цель которой необходимо дости-

¹ Баранов А. Ю., Толстова Ю. А. Процессуальная фиксация цифровых доказательств в социальных сетях и мессенджерах: проблемы и решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5. С. 152–159.

² Калинин В. Н., Петров Д. А. Доказательственное значение информации, полученной из интернет-источников, в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2023. № 2. С. 12–16.

гнуть, это то, чтобы превратить массив разрозненной информации в структурированную и понятную доказательственную базу. В первую очередь, здесь необходим анализ, который носит комплексный характер и включает несколько направлений. Так, сетевой анализ позволяет выявить администраторов канала, наиболее активных подписчиков, а также установить связи между различными каналами, входящими в одну экстремистскую сеть¹.

Для этого применяется перекрестные анализы аккаунтов, репостов и общей аудитории. Анализ контента направлен на выявление ключевых описаний, риторических приемов, символики и установление признаков экстремистской направленности, опираясь на Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) и заключения экспертов.

Лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертизы играют здесь решающую роль, доказывая наличие призывов к вражде или насилию. Наконец, технический анализ метаданных помогает установить IP-адреса, с которых осуществлялось управление каналом, устройства, используемые для публикаций, и привязанные к аккаунтам номера телефонов, что критически важно для идентификации личности подозреваемого².

Следует подчеркнуть, что успешное расследование проявлений экстремизма в Telegram-каналах становится возможным только при условии тесного сочетания безупречной процессуальной фиксации и углубленного оперативного анализа.

Специалисту в области юриспруденции необходимо оперировать не только правовыми конструкциями, но и понимать базовые принципы работы с цифровыми данными. Исключительно неукоснительное следование процессуальной форме обеспечивает допустимость доказательств, а их всестороннее и глубокое изучение гарантирует их достаточность для изобличения виновных и поддержания государственного обвинения.

Преодоление трудностей, порождаемых анонимностью и высокой динамичностью интернет-пространства, требует, в первую очередь, от органов предварительного расследования постоянного развития и адаптации методик работы в соответствии с технологическим прогрессом.

¹ Амиров Д. Ф., Гарифуллин Р. Р. Экстремизм в мессенджере Telegram: криминалистические аспекты выявления и расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4(58). С. 25–31.

² Лепшин Д. А. Правовые и организационные проблемы противодействия экстремизму в условиях цифровизации // Государство и право. 2023. № 7. С. 88–97.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Никита Алексеевич САЛЬНИКОВ¹, Арина Александровна СЕМЕНЧЕНКО²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

^{1,2} arina.semenchenko.04@mail.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор Лариса Владимировна ГОТЧИНА, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются детерминанты экстремистской преступности в современной России. Исследование опирается на теорию ресурсной мобилизации, рассматривающую экстремистов как рациональных субъектов. Выделяются ключевые причины преступности: экономические (инфляция, снижение уровня жизни), социальные (миграционные процессы) и идеологические (кризис религиозной идентичности).

Отдельное внимание уделяется роли сети «Интернет» как катализатора распространения экстремизма среди молодежи.

На основе анализа предлагаются меры противодействия, включая улучшение экономической ситуации, ужесточение миграционной политики, адаптацию положительного зарубежного опыта (на примере Сингапура) и внедрение образовательных программ, формирующих правовую культуру и критическое мышление.

Ключевые слова: экстремизм, детерминанты преступности, теория ресурсной мобилизации, молодежь, сеть «Интернет», миграция, профилактика

Original article

DETERMINANTS OF EXTREMIST CRIME

Nikita A. SALNIKOV¹, Arina A. SEMENCHENKO²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

^{1,2} arina.semenchenko.04@mail.ru

Abstract. This article analyzes the determinants of the rise in extremist crime in contemporary Russia. The study draws on resource mobilization theory, which views extremists as rational actors.

Key causes of the rise in crime are identified: economic (inflation, declining living standards), social (migration processes), and ideological (crisis of religious identity). Particular attention is given to the role of the internet as a catalyst for the spread of extremism among young people.

Based on the analysis, countermeasures are proposed, including improving the economic situation, tightening migration policies, adapting positive international practices (using Singapore as an example), and implementing educational programs that foster a culture of legality and critical thinking.

Keywords: extremism, determinants of crime, resource mobilization theory, youth, Internet, migration, prevention

Дискуссии об общих первопричинах преступлений идут уже третье столетие. Однако под конец XX века начали приниматься попытки объяснить феномены массового насилия, так и начало складываться объяснения экстремизма. Стоит сказать, что в США, Западной Европе и Российской Федерации слова экстремистская преступность имеют разное значение, мы же будем говорить об экстремизме в Российском понимании.

Законодательное определение экстремизма в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) не содержит четкого всеобъемлющего определения, а только закрытый перечень действий, который под него подпадают.

Экстремизм – это социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими¹.

Данное определение представляется наиболее полным и кратким из всех возможных вариантов.

Проблема экстремизма на Западе начала исследоваться во второй половине XX века. Было две основных школы подходов: «консервативные», которые объясняли экстремизм фрустрацией и психопатологией и РМТтеория.

Теория ресурсной мобилизации (Resource Mobilization Theory)

¹ Апанасенко Е. А. Современные подходы к определению понятия «Экстремизм» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. №4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekstremizm> (дата обращения: 13.11.2025).

предполагает, что успешность экстремистских группировок достигается за счет умения группировки привлекать и мобилизовать ресурсы. Для того чтобы управлять ресурсами (в том числе и рядовым активом объединения) нужно рекрутировать не эмоциональных фанатиков, а рациональных агентов. Согласно данной теории рациональных агентов проще гарантированно индоктринировать в экстремистское объединение, ведь их идеологическая лояльность можно заполучить на более фундаментальном, надежном – интеллектуальном факторе, чем на временном – эмоциональном.

Стоит заметить, что как оригинальная теория, так и дальнейшие ее теоретические переработки не отрицают полностью иррациональные факторы и эмоциональные переменные, однако упор как основу «успеха» экстремистского сообщества составляют рациональные действия по рекрутированию и использованию ресурсов.

Данную концепцию в настоящем исследовании мы будем использовать как эпистему в совокупности с специфическими для современной Российской Федерации причинами экстремистской преступности.

Некоторые ученые полагают, что причины, побуждающие граждан к экстремизму, можно условно разделить на две группы: внешние (общее состояние государства и общества, выражаемое, например, в уровне жизни населения, а также дифференциации его доходов) и внутренние, которые непосредственно связаны с личностью и характером лица, совершающего преступления экстремистской направленности¹.

С. Н. Фридинский в своих трудах классифицирует внешние причины на три группы:

- экономические факторы, которые определяют общее материальное состояние населения и его отдельных групп;
- социально-политические факторы, проявляющиеся в основном в пассивности силовых структур, а также в халатном отношении государственных управляющих к своим обязанностям;
- идеологические факторы, находящие отражение в отсутствии центральной государственной идеологической направленности.

С момента частичной декриминализации статьи 282 УК РФ и как следствие резкого падения уровня данной преступности в 2018 году в последующие годы отмечается только рост данной преступности².

¹ Мишота В. А., Холщевников О. Г. К вопросу об экстремистских проявлениях в молодежной среде // Юриспруденция. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ekstremistskih-proyavleniyah-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 13.11.2025).

² Ульянов М. В. Новые тенденции экстремистской и террористической преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности // Вопросы безопасности. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy-prestupnosti-i-mery-protivodeystviya-ugrozam-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 13.11.2025).

Ученое сообщество выделяет следующие причины:

– экономические. Высокая инфляция, снижение уровня жизни, ввод новых налогов, которые не являются популярными в обществе явлениями, провоцируют людей на чувство злости и отчуждения от общества, подрывают веру в стабильность и в завтрашний день.

– социальные. Миграция из стран Средней Азии и Закавказья далеко не всегда обеспечивает нацию гражданами или трудовыми мигрантами, которые готовы соблюдать законы Российской Федерации и уважать Конституцию России и ее принципы в случае получения гражданства¹.

Так, например, число преступлений мигрантов с января по март 2025 года увеличилось на 15 %². Данная преступная деятельность отдельных индивидов фактически порождает «коллективную ответственность» и стереотипизацию всех мигрантов из Средней Азии и Закавказья под «агентов преступного мира», «террористов и экстремистов».

– религиозные. Самая опасная причина, которая исходит из неправильного понимания самой концепции религии, как веры в метафизическое, трансцендентное, сверхъестественное, а как выдвижение политических, социальных или иных требований к обществу³. Данная причина полна идеологизированного и политического влияния политических течений, которые ставят своей целью приход к власти под религиозными лозунгами.

Кроме того, в рамках проведенного авторами социологического исследования были получены результаты о том, что опрошенные также солидарны с мнением ученого сообщества о детерминантах экстремистской преступности.

Результаты опроса свидетельствуют о неоднозначном восприятии роли экономических факторов в возникновении экстремизма. Большинство респондентов (46 %) признают экономические проблемы важными, но не определяющими причинами, тогда как чуть меньше четверти участников (23 %) считают экономику главной причиной экстремизма. При этом равная доля (23 %) исключает экономические мотивы, связывая экстремизм преимущественно с идеологическими аспектами. Это указывает на существование разных подходов к пониманию корней экстремизма, что требует комплексного анализа с учетом как экономических, так и идеологических факторов.

¹ Колесников Р. В., Кравцов И. А. Детерминанты преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupleniy-ekstremistskoj-napravlenosti> (дата обращения: 13.11.2025).

² Рост преступности, введение биометрии и отправка на СВО: в СК рассказали о ситуации с мигрантами в России [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1480767-bastrykin-migrantysk-rossiya> (дата обращения: 13.11.2025).

³ Колесников Р. В., Кравцов И. А. Детерминанты преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupleniy-ekstremistskoj-napravlenosti> (дата обращения: 13.11.2025).

Социальная и политическая обстановка в стране признается значимым фактором: 46 % респондентов считают, что она «напрямую влияет на экстремизм», а еще 31 % – что «влияет косвенно, создавая общую нервность».

При этом 69 % опрошенных видят прямую связь между распространением экстремизма и кризисом религиозной идентичности (в значительной или очень большой степени). Это подтверждает гипотезу о том, что экстремизм происходит из-за неправильного понимания и нетолерантного отношения к религиозному разнообразию нашей нации.

В XXI веке появился новый способ распространения и вовлечения в экстремистские сообщества – информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет». В 2023 году Председатель Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в рамках Петербургского международного юридического форума сообщил о росте числа преступлений экстремистской направленности, которые совершает молодежь¹.

В мае 2025 года старший прокурор отдела Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Александр Кудряшов отметил, что «вполовину увеличилось количество преступлений несовершеннолетних против общественной безопасности, а число подростков, их совершивших, – вдвое. Посредством интернет-ресурсов дети вовлекаются в совершение диверсий, насильственных действий, экстремистских и террористических актов и другие деструктивные деяния за денежное вознаграждение или из-за идейных соображений»².

По мнению Такова А. З. всемирная паутина привлекает экстремистские группировки своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей. Отсюда, в сети можно наблюдать неуклонный рост материалов экстремистского содержания, что детерминирует глобальную сеть в качестве благодатной почвы для насильственного насаждения идеологии экстремизма. Последние тенденции таковы: российская студенческая молодежь покидает пределы страны с целью присоединиться к экстремистским организациям и группировкам³.

Среди респондентов нашего криминологического исследования абсолютное большинство респондентов (85 %) признают значительное или основное влияние сети «Интернет» как способа распространения экстремизма

¹ Бастрыкин отметил рост числа экстремистских преступлений среди молодежи в России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/17741119> (дата обращения: 13.11.2025).

² Число особо тяжких преступлений среди подростков выросло более чем на 40 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/chislo-osobo-tyazhkih-prestupleniy-sredi-detey-vyroslo-bolee-chem-na-40.html> (дата обращения: 13.11.2025).

³ Таков А. З. Интернет как фактор распространения экстремизма в молодежной среде // Образование и право. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-faktor-rasprostraneniya-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 13.11.2025).

среди молодежи.

У всех этих причин существуют способы профилактики или даже пути их почти полного устранения. Как мы уже описывали ранее, мы считаем действия экстремистских преступников рациональными, поэтому мерами воспитательного характера и работы с населением считаем неэффективными, по сему необходимо ликвидировать первопричины, которые мы обозначили выше.

Для экономических причин – улучшения экономической ситуации, что скорее всего является вопросом времени выхода из инфляционной спирали 2024 и 2025 годов и дальнейшее содействие Правительства росту реальных доходов населения. Для социальных – ограничение миграционного потока и более грамотная фильтрация мигрантов, что согласуется с концепцией Указом Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы».

Для религиозных – считаем необходимым перенять опыт других государств, в частности, Сингапура. Сингапур также является многонациональной и многоконфессиональной страной, в частности, с большой долей исламского сообщества, представленного этническими индонезийцами. Основную роль в профилактике идей экстремизма среди мусульман занимается исламский совет Сингапура, который пользуется реальной авторитетом у местного населения, в случае попытки создания или вербовки в некую экстремистскую ячейку информация быстро доходит до совета, который имеет множество своих агентов среди населения и в дальнейшем передает эту информацию спецслужбам. Кроме того, Совет имеет четкую концепцию и доктрину в рамках исламской теологии, которая сама по себе вытесняет экстремистские веяния для большинства населения.

В целях снижения экстремистских взглядов в молодежной сфере считается целесообразным внедрение в образовательных организациях программ по формированию у молодежи правовой культуры, толерантности и критическому мышлению, что поможет предотвратить появление радикальных взглядов и возможность раннего вовлечения в экстремистские группы, а также необходимость в проведении психолого-педагогической работы с молодыми людьми, поскольку в виду их несформированной психики, они достаточно уязвимы и подвержены влиянию внешних факторов, в том числе сети «Интернет».

Поскольку данная мировая информационная сеть не может быть всецело подконтрольной правоохранительным структурам, что будет и не рационально, считаем необходимым работать именно с личностью каждого подростка, с целью формирования у него неприемлемого отношения к экстремистским идеям.

Научная статья
УДК 343.326

**ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Андрей Андреевич САМБРОС

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Луганск, Россия, andrey1295sambros@gmail.com

Научный руководитель – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
Сергей Викторович КОНДРАТЮК, kondratyuk.serzh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу государственной политики противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности России.

Исследуется ее системный характер, включающий уголовно-правовое, процессуальное, оперативно-розыскное и уголовно-исполнительное направления. Выявлены ключевые проблемы: нормативно-квалификационная неопределенность, организационно-тактическое отставание и коллизия между мерами безопасности и правами личности.

Предложены направления совершенствования политики на законодательном, правоприменительном и организационном уровнях для обеспечения национальной безопасности при соблюдении принципов законности.

Ключевые слова: уголовная политика, квалификация преступлений, государственная безопасность, конституционный строй, преступления против государства

Original article

**POLITICS OF COUNTERING CRIMES AGAINST
THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM
AND STATE SECURITY IN RUSSIA:
CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTATION**

Andrey A. SAMBROS

Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Lugansk, Russia, andrey1295sambros@gmail.com

Scientific adviser – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Sergey Viktorovich KONDRATYUK**, kondratyuk.serzh@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the state policy of countering crimes against the foundations of the constitutional order and security of Russia. Its systemic nature is being investigated, including criminal law, procedural, operational-investigative and penal-executive directions.

Key problems have been identified: regulatory and qualification uncertainty, organizational and tactical lag, and a conflict between security measures and individual rights. The directions of policy improvement at the legislative, law enforcement and organizational levels are proposed to ensure national security while respecting the principles of legality.

Keywords: criminal policy, qualification of crimes, state security, constitutional system, crimes against the state

В условиях кардинальной трансформации геополитической обстановки на рубеже XX–XXI веков и возникновения принципиально новых, гибридных форм угроз национальному суверенитету, приобретает особую актуальность научное осмысление и перманентное совершенствование государственной политики в сфере противодействия преступлениям, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства¹.

Данная политика, выступая в качестве комплексного, многоуровневого механизма, представляет собой не статичный набор норм, а динамическую систему, эффективность которой детерминирована синергическим взаимодействием уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного направлений.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ современного состояния, имманентных противоречий и ключевых проблем реализации указанной политики, а также разработка на этой основе научно обоснованных предложений по ее оптимизации в контексте новейших законодательных изменений.

Достижение поставленной цели осуществляется посредством последовательного решения ряда задач, включающих анализ системных направлений политики противодействия, выявление проблем квалификации и организационно-тактических пробелов, а также оценку новейшего законодательного регулирования.

¹ Кондратюк С. В. Фашизм: социологическое исследование и детерминирующие факторы в условиях новых субъектов Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1(36). С. 103–110.; Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации: 2022-2024 гг / Р. В. Закомолдин, П. В. Агапов, П. С. Данилов [и др.]. Самара: Самарама, 2024. 260 с.

В теории уголовного права и криминологии устоялось понимание того, что политика противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства основывается на системном и комплексном взаимодействии нескольких функционально взаимосвязанных направлений¹. Каждое из них вносит свой уникальный вклад в создание единого защитного механизма.

Уголовно-правовое направление, будучи нормативным фундаментом всей политики, находит свое закрепление в главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации². Именно здесь устанавливаются материально-правовые запреты за такие особо опасные деяния, как государственная измена (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ) и иные посягательства. Центральной проблемой в реализации данного направления, как показывает анализ судебно-следственной практики, остается дифференциация ответственности и точность квалификации. Это особенно ярко проявляется в контексте разграничения смежных составов, например, государственной измены и шпионажа.

Уголовно-процессуальное направление, регламентированное главой 32 УПК РФ, призвано обеспечить реализацию материальных норм через установление специального порядка производства по делам в отношении отдельных категорий лиц.

Ключевой проблемой, возникающей на этом уровне, по нашему мнению, является обеспечение подлинной состязательности и неукоснительного соблюдения права на защиту в условиях объективной необходимости проведения закрытого судебного разбирательства, диктуемой потребностью в защите государственной тайны. Данная коллизия требует от законодателя и правоприменителя поиска деликатного баланса между интересами безопасности и фундаментальными правами личности.

Оперативно-розыскное направление, правовая основа которого закреплена в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025), служит основным инструментом проактивного выявления, предупреждения и документирования рассматриваемой категории преступлений³. Основной вызов здесь заключается в нахождении оптимального сочетания оперативной эффективности и неук-

¹ Антикриминальная политика государства: блок криминологической профилактики / С. В. Кондратюк, А. М. Моисеев, Т. Н. Иванова, И. В. Цветкова // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 2(43). С. 87–95.

² Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В. Прокуратура в механизме обеспечения национальной безопасности и противодействия преступности в новых условиях // Искусство правоведения. 2024. № 4(12). С. 97–105.

³ Антикриминальная политика: теория формирования и показатели реализации / С. В. Кондратюк, Моисеев А. М., Иванова Т. Н. [и др.] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 3(44). С. 152–160.

лонного соблюдения принципа законности при использовании специальных методов. Помимо этого, серьезным препятствием на пути повышения эффективности ОРД остается ведомственная разобщенность и известное отставание в техническом оснащении от постоянно эволюционирующих методов конспирации, используемых противником.

Уголовно-исполнительное направление, регулируемое нормами УИК РФ, характеризуется, как правило, назначением строгих и особо строгих условий отбывания наказания для данной категории осужденных. Перспективной задачей в этой сфере видится дальнейшая дифференциация пенитенциарных режимов при безусловном обеспечении как прав осужденных, так и безопасности самих учреждений исполнения наказаний.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что политика противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства в России представляет собой сложную, комплексную и многоуровневую систему. Ее действенность и эффективность находятся в прямой зависимости от слаженного, синхронизированного взаимодействия уголовно-правового запрета, уголовно-процессуальных гарантий, оперативно-розыскных возможностей и пенитенциарного воздействия.

Современные вызовы и угрозы, к числу которых правомерно отнести тотальную цифровизацию, глобализацию и постоянное усложнение методов деятельности спецслужб иностранных государств, объективно требуют не просто точечных исправлений, а постоянного, системного совершенствования как законодательной базы, так и практики ее применения.

При этом данный процесс должен неукоснительно сопровождаться соблюдением фундаментальных принципов законности, справедливости и защиты прав личности, что является краеугольным камнем правового государства.

Несмотря на наличие развитой законодательной базы, практическая реализация политики противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства сталкивается с рядом системных проблем. Наиболее острой из них является отсутствие комплексных и детализированных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по целому ряду сложных вопросов, возникающих при квалификации новых составов и разрешении конкуренции уголовно-правовых норм.

Анализ правоприменительной практики последних лет позволяет выявить ряд системных проблем. Наиболее острой из них, без сомнения, является отсутствие комплексных и детализированных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по целому ряду сложных вопросов, возникающих как при квалификации новелл законодательства, так

и при разрешении случаев конкуренции уголовно-правовых норм.

Так, по нашему мнению, составы преступлений (ст.ст. 207.3, 280.3, 280.4, 205.6 УК РФ), криминализованные в ответ на появление современных деструктивных вызовов, были введены в уголовный закон без разработки достаточных легальных и доктринальных критериев их применения.

В качестве иллюстрации можно привести проблему разграничения ст. 280.4 УК РФ (публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности государства) и ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности). Отсутствие четких формализованных критериев разграничения создает широкий простор для судебного усмотрения, что на практике приводит к риску возникновения противоречивой в праве. Аналогичная правовая неопределенность складывается и вокруг критериев установления заведомой ложности распространяемых сведений по ст. 207.3 УК РФ, что создает «зону повышенного правового риска» для реализации конституционного права на свободу выражения мнений.

Не менее сложным представляется вопрос разрешения конкуренции уголовно-правовых норм. Коллизии возникают не только внутри главы 29 УК РФ (например, необходимость разграничения государственной измены и шпионажа при множественности действий виновного), но и со смежными составами, относящимися к преступлениям экстремистской и террористической направленности. Отсутствие ясных, законодательно закрепленных правил квалификации, например, действий лица, оказывающего финансовую помощь структуре, которая одновременно может быть квалифицирована как террористическая и как действующая в интересах иностранного государства, ведет к произвольному судебному толкованию и, как следствие, к нарушению основополагающего принципа законности.

В итоге, системные пробелы в официальном судебном толковании создают серьезнейший вызов для единообразного и, что самое главное, законного применения уголовного закона. Это порождает двуединый риск: с одной стороны, под угрозой оказывается эффективность обеспечения государственной безопасности вследствие потенциальных ошибок квалификации и необоснованного смягчения ответственности, а с другой – возникает прямая угроза защите прав личности из-за риска необоснованного ужесточения ответственности и репрессивного расширительного толкования. В этой связи, настоятельной и неотложной потребностью современной уголовной политики является подготовка и принятие нового, развернутого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое бы систематизировало, обобщило и окончательно разрешило накопленные правоприменительные коллизии.

Знаковым событием 2024 года, оказавшим существенное влияние

на развитие политики противодействия преступлениям против основ конституционного строя, стало принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14 февраля 2024 № 11-ФЗ. Данный федеральный закон представляет ряд принципиальных изменений, направленных на усиление уголовно-правового инструментария защиты государственной безопасности.

Ключевым вектором реформы стала системная криминализация диверсионной деятельности. Помимо существовавшего состава диверсии (ст. 281 УК РФ), в уголовный закон введены новые нормы, образующие единый блок: ст. 281.1 УК РФ (Содействие диверсионной деятельности), ст. 281.2 УК РФ (Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности) и ст. 281.3 УК РФ (Организация диверсионного сообщества и участие в нем).

Это позволило создать целостную правовую модель противодействия диверсионной деятельности на всех ее стадиях – от подготовки и обучения до непосредственной организации и финансирования. Однако подобное расширение составов порождает и новые проблемы правоприменения, в частности, сложности в разграничении новых норм между собой и с общими институтами соучастия (ст. 33 УК РФ), а также повышенные требования к доказыванию специальной цели обучения или содействия.

Другим значимым изменением стало ужесточение ответственности за публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ). Законодатель ввел квалифицирующие признаки, связанные с совершением данного преступления из корыстных побуждений или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Эта мера отражает адекватную реакцию на распространение «заказных» и идеологически мотивированных форм подрывной деятельности, представляющих повышенную общественную опасность. Правоприменителю предстоит выработать четкие критерии доказывания данных низменных мотивов, что требует тесного взаимодействия следственных и оперативных подразделений.

Наиболее дискуссионной новацией стало установление императивного порядка применения ст. 48 УК РФ. Согласно изменениям, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград обязательно применяется при осуждении за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 275.1, 276, 276.1, 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ), независимо от формальной категории тяжести преступления.

Данное решение знаменует собой отход от классического подхода, связывавшего это дополнительное наказание исключительно с тяжкими

и особо тяжкими преступлениями, и подчеркивает, что общественная опасность посягательств на основы государственности определяется не санкцией, а характером объекта посягательства. Вместе с тем, исключение судебного усмотрения при применении ст. 48 УК РФ понижает гибкость уголовной репрессии и требует повышенного внимания к соблюдению принципа индивидуализации наказания.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Современная государственная политика противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся систему, находящуюся в состоянии перманентной адаптации к новым вызовам и угрозам¹.

Установлено, что ключевыми проблемами, снижающими эффективность этой политики, являются:

- нормативно-квалификационная неопределенность, выражающаяся в отсутствии комплексных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации новых составов преступлений и разрешения конкуренции уголовно-правовых норм;
- организационно-тактическое отставание, проявляющееся в догоняющем характере разработки мер противодействия, ведомственной разобщенности и дефиците специализированных методик расследования;
- недостаточная проработанность правового регулирования деятельности в условиях особых правовых режимов, что требует заблаговременной концептуальной работы.

Изменения, вносимые в УК РФ, усиливающие превентивную и карательную составляющие уголовного законодательства, являются адекватным ответом на эти вызовы. Криминализация диверсионной деятельности, дифференциация ответственности за публичные призывы и ужесточение последствий для лиц, обладающих особым статусом, создают более прочный правовой барьер на пути посягательств на безопасность государства.

В качестве перспективных направлений совершенствования политики противодействия предлагается:

- на законодательном уровне – продолжить работу по конкретизации диспозиций норм гл. 29 УК РФ для минимизации их оценочного характера.
- на правоприменительном уровне – ускорить подготовку и принятие развернутого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, дающего ответы на накопленные вопросы квалификации.
- на организационном уровне – обеспечить внедрение межведомственных цифровых платформ, разработку инновационных методик расследо-

¹ Кондратюк С. В. Антикриминальная политика государства: уровни, ориентиры, перспективы // Вестник Академии права и управления. 2023. № 4(74). С. 13–19.

вания и активизировать подготовку высококвалифицированных кадров.

Таким образом, дальнейшая эффективность политики противодействия будет определяться способностью государства обеспечить синергию законодательной жесткости, процессуальной гарантированности и организационной гибкости. Только сбалансированный подход, неуклонно соблюдающий принципы законности и защиты прав личности, может служить надежной основой для обеспечения национальной безопасности в современных условиях.

Научная статья

УДК 343.326

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ДИСКРЕДИТАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Варвара Сергеевна СИВКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
servisstroi59@gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме уголовно-правовой квалификации публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации, введенную в уголовное законодательство в 2022 году. Проанализированы признаки состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ. Особое внимание уделено разграничению дискредитации и клеветы.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: дискредитация, публичные действия, клевета, уголовная ответственность, административная преюдиция, публичность высказываний

**ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF DISCREDITING
THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION.
THE DISTINCTION BETWEEN DEFAMATION AND SLANDER**

Varvara S. SIVKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, servisstroi59@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of the criminal qualification of public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation, introduced into criminal legislation in 2022. The signs of the corpus delicti provided for in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. Special attention is paid to the distinction between defamation and defamation.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for bribery.

Keywords: discredit, public actions, slander, criminal liability, administrative prejudice, publicity of statements

В связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины, наблюдается значительное увеличение недостоверной или ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации в публичных пространствах. В связи с этим в 2022 году был принят Федеральный закон от 4 марта 2022 г. №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающий уголовную и административную ответственность за дискредитацию.

В настоящее время законодатель не закрепил легальное определение дискредитации, но, согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, – это совершение лицом действий, явно подрывающих в глазах граждан достоинство

и авторитет органов власти¹. Важно подчеркнуть, что Вооруженные Силы Российской Федерации представляют собой не просто государственный орган власти, а основополагающий элемент обеспечения безопасности и суверенитета государства. Поэтому действия, направленные на подрыв доверия к Вооруженным Силам Российской Федерации, рассматриваются как посягательство на основы конституционного строя и безопасность страны.

На основе анализа ст. 280.3 УК РФ, судебной практики и постановлений Верховного Суда РФ можно выделить следующие критерии дискредитации власти:

1) публичный характер действий, однако, общественно-опасные последствия могут наступить и при бытовой передаче информации в непубличном формате. Публичность может быть выражена в демонстрации плакатов, надписях на одежде, печати агитационных материалов и выражении своей позиции в средствах массовой информации²;

2) направленность на дискредитацию, что является субъективным критерием и подразумевает стремление подорвать у как можно большего количества граждан доверие к Вооруженным Силам Российской Федерации, сформировать негативное общественное мнение об их деятельности;

3) содержание высказывания или действия, которое выражается в распространении заведомо ложной информации, использовании оскорбительной лексики в адрес армии, сравнении с недемократичными и преступными режимами. Так, контекст общественно опасного деяния должен быть направлен как на негативную оценку деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации и иных органов, так и на подрыв их авторитета и имиджа.

Особое внимание стоит уделить критерию публичности. Наиболее масштабной формой является распространение информации в сети «Интернет», поскольку установить субъект практически невозможно. Уникальность интернет-среды заключается в ее способности обеспечивать практически неограниченный охват аудитории, что создает благоприятные условия для распространения материалов, подрывающих репутацию армии.

Сложность отслеживания и идентификации всех лиц, получивших доступ к подобной информации, делает сеть «Интернет» особенно привлекательным инструментом для злоумышленников, стремящихся к нанесению ущерба.

Примером совершения такого деяния посредством использования сети «Интернет» является дело гражданина, проживающего в Еврейском авто-

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. С. 259.

² Галстян Д. А. Уголовно-правовой анализ статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 275.

номном округе, который менее чем через год после административного наказания по статье 20.3.3 КоАП РФ совершил аналогичное противоправное действие: находясь дома, с помощью мобильного телефона разместил в группе ссылку на видеоролик, в котором содержались высказывания о том, что военнослужащие Вооруженных Сил РФ на территории Украины совершают военные преступления.

Согласно экспертизе, данные высказывания направлены на публичную дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в рамках специальной военной операции, проводимой в целях защиты интересов и безопасности граждан. Приговором Облученского районного суда ЕАО гражданин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280.3 УК РФ¹.

В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) указывается, что при рассмотрении уголовных дел, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельностью, под публичными призывами следует понимать обращения к другим лицам, выраженные в любой форме (например, устной, письменной). А также вопрос о публичности должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела, составляющих объективную сторону состава преступления.

Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, гарантирующие защиту интересов Российской Федерации и ее граждан, а также отношения, связанные с запретом публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных органов.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ представляет собой совершение активных публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных органов, в том числе публичные призывы для воспрепятствования использования Вооруженных Сил Российской Федерации в тех же целях².

Уголовная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 280.3 УК РФ,

¹ Приговор Облученского районного суда Еврейской автономной области № 1-102/2023 от 21 июля 2023 г. по делу № 1-102/2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/315xXJbMgn1R/?ysclid=mhyjvclqtg150245320> (дата обращения 10.11.2025).

² Зарубин А. В. Защита прокурором интересов государства, общества и личности от публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников СВО // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Защита прокурором конституционных ценностей. Проблемы теории и практики : монография / кол. авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. М. : РУСАЙНС, 2024. С. 290.

наступает при условии административной преюдиции. Это означает, что для привлечения за деяние, аналогичное тому, за которое лицо уже подверглось административному наказанию, требуется повторное совершение этого деяния в течение одного года. Регулярный и злостный характер несоблюдения закона повышает общественную опасность повторного деяния, которое может подорвать общественный порядок и усугубить социально-политическую ситуацию в нашей стране¹.

С 2022 года количество преступлений, предусмотренных ст. 280.3 УК РФ значительно увеличивается и по сей день. Если в 2022 году было зарегистрировано 1452 дел, то в 2024 году – 1810. Связано это с усилением недоверия граждан и несогласия с позицией государства. Несогласие с действиями властей все чаще попадает под уголовное преследование, что свидетельствует об ужесточении государственной реакции и контроля над общественностью. Уголовно-правовая реакция на деяния, квалифицируемые как дискредитация, приобретает свойства инструмента управления общественным мнением и поддержания стабильности в обществе.

Тем не менее, состояние преступности зависит от количества виновных и осужденных за данные квалифицируемые деяния. По данным Судебного департамента, количество осужденных было в 2 раза меньше, чем выявленных преступлений, но их число с каждым годом увеличивается. Так, в 2022 году осуждено 608 лиц², а в 2024 году уже 812³.

Ранее в УК РФ отсутствовало понятие «дискредитация». Такие действия рассматривались в контексте клеветы или оскорбления представителей власти, но такие составы преступления имели другие объективные и субъективные признаки. Но такая критика так же, как и дискредитация имела публичный характер. Так, можно обозначить, что до 2022 года самостоятельный институт «дискредитации» в уголовном праве не существовал, соответственно, его введение связано с обострением геополитической ситуации в стране.

Важно разграничивать, что является дискредитацией, а что – проявлением критики или выражением несогласия. По словам Александра Хинштейна, ответственность, в том числе и уголовная, наступает именно за ложную информацию, порочащую авторитет власти, а не за цензуру.

Однако, рассмотрим решение Ивановского областного суда, который

¹ Алиев Т. Ф., Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с дискредитацией власти // Полицейская деятельность. 2025 № 3. С. 6.

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: // https://cdep.ru/userimages/Statistika_2022/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 10.11.2025).

³ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: // https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 10.11.2025).

разъяснил, почему призыв «Нет войне!» дискредитирует использование армии на Украине. По решению суда, дискредитацией являются умышленные действия в целях подрыва доверия авторитета. Поскольку на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики проводится специальная военная операция по обращению глав республик для оказания помощи. Ни одна из сторон-участниц официально не признали состояние войны между государствами, как того требуют положения ст. 1 III Конвенции «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 года). Согласно толковому словарю, под «войной» понимается конфликт между политическими образованиями в форме вооруженного противоборства с целью захвата территории. Таким образом, публичные призывы такого характера не соответствуют действительности, что подрывает авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации¹.

Ключевое различие между клеветой и дискредитацией власти заключается в объекте уголовно-правовой охраны, а также в содержании объективной и субъективной сторон соответствующих деяний.

Клевета, ответственность за которую предусмотрена ст. 128.1 УК РФ, представляет собой распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство конкретного лица или группы лиц, при этом наличие заведомо недостоверной информации является обязательным элементом объективной стороны состава преступления.

Напротив, уголовная ответственность за дискредитацию власти (в частности, по ст. 280.3 УК РФ) наступает независимо от фактической достоверности распространяемых сведений: достаточным основанием для привлечения к ответственности считается выражение негативной оценки деятельности государственных органов или Вооруженных Сил Российской Федерации, которая может быть истолкована как направленная на подрыв их авторитета².

Дополнительную сложность представляет отсутствие в уголовном законе четкого и исчерпывающего определения термина «дискредитация». Такая неопределенность способствует расширительному и субъективному толкованию норм, что, в свою очередь, затрудняет разграничение составов преступлений и создает почву для конкуренции квалификаций: одни и те же высказывания в зависимости от правоприменительного усмотрения и социально-политического контекста могут квалифицироваться как клевета или как дискредитация.

¹ Решение Ивановского областного суда от 02.06.2022 № 12-73/2022 // Интернет-ресурс Судебные решения РФ: офиц. сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/73840508?ysclid=mhykxf2jox218181610> (дата обращения: 10.11.2025).

² Алиев Т. Ф. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с дискредитацией власти // Полицейская деятельность. 2025 № 3. С. 8.

Таким образом, проблематика разграничения дискредитации власти и клеветы в уголовном праве Российской Федерации представляет собой одну из наиболее дискуссионных и сложных вопросов современной правоприменительной практики, обусловленную как нечеткостью законодательных формулировок, так и сходством внешних проявлений указанных деяний.

Актуальность заявленной тематики сохранится на протяжении длительного времени, поскольку обеспечение защиты основ конституционного строя и общественной безопасности остаются стратегическими приоритетами государства, особенно на фоне динамично меняющейся политической и международной обстановки. В этих условиях вопросы криминализации соответствующих деяний и их баланс с демократическими принципами свободы слова и выражения мнений будут оставаться в центре внимания как научной среды, так и общества, требуя продуманных, комплексных и взвешенных правовых подходов.

Научная статья

УДК 343.326

МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Максим Игоревич СИМОНОВ

Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия, mdon69348@gmail.com

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент
Дмитрий Алексеевич НИКИТИН

Аннотация. В статье изучены и проанализированы актуальные для современной России проблемы противодействия религиозному радикализму и экстремизму.

Проведен анализ отечественных и зарубежных правовых механизмов, целью которых является предупреждение и борьба с религиозным экстремизмом.

Сделан вывод о необходимости конкретизации существующей законодательной базы, а также введения новых правовых норм, которые будут

отвечать высоким правовым и этическим стандартам в сфере государственной безопасности.

Ключевые слова: уголовное законодательство, религиозный экстремизм, терроризм, религия

Original article

MECHANISMS FOR IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Maxim I. SIMONOV

St. Petersburg named after V.B. Bobkov Branch of the Russian Customs Academy, St. Petersburg, Russia, mdon69348@gmail.com

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named V. B. Bobkov, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Alekseevich NIKITIN**

Abstract. The article examines and analyzes the current problems of countering religious radicalism and extremism in modern Russia.

The analysis of domestic and foreign legal mechanisms aimed at preventing and combating religious extremism is carried out.

It is concluded that it is necessary to specify the existing legislative framework, as well as to introduce new legal norms that will meet high legal and ethical standards in the field of state security.

Keywords: criminal law, religious extremism, terrorism, religion

Проблема противодействия религиозному экстремизму существует в России достаточно давно. Несомненно, в нашей многоконфессиональной и многонациональной стране вопрос о правах и свободах религиозных объединений и направлений стоит остро, так как это вопрос, касающийся не только права, но и этики. При этом не стоит забывать, что Конституция России определяет как нашу страну как светское государство, где все религиозные объединения равны перед законом.

На данный момент можно увидеть ситуации, когда люди сталкиваясь с неприемлемыми для их религиозных воззрений вещами, считают необходимым самостоятельно воздействовать на предмет недовольства, руководствуясь при этом религиозными догматами.

В связи с этим, видится необходимым усилить правовое регулирование

данной сферы, показать юридически закрепленными нормами, что любой религиозный радикализм является неприемлемым и на современном историческом этапе людям следует решать возникшие разногласия официально и в рамках существующего законодательства.

В дополнение можно сказать, что приведенная выше ситуация является одной из предпосылкой роста общественного недовольства и разрозненности, что на данный момент недопустимо ввиду чрезвычайно сложной геополитической обстановки. Сейчас государственный аппарат сталкивается с колоссальным внешнеполитическим давлением и поэтому нарушение внутригосударственных устоев может привести к непоправимым последствиям для конституционной и государственной безопасности.

При рассмотрении данного вопроса, в первую очередь можно обратить внимание на то, что полноценной трактовки термина «религиозный экстремизм» нет ни в одном законодательном акте. Так, в качестве примера можно привести Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025).

В данном законодательном акте можно увидеть полноценный перечень терминов, описывающих экстремистскую деятельность, но при этом понятие «религиозности» здесь имеет более факультативное значение. В этом случае оно используется для конкретизации мотивов и целеполагания экстремистов и их объединений.

В дополнение к этому можно сказать о том, что понятие «экстремистской организации» в данном федеральном законе выглядит крайне расплывчато и неопределенно. Но при анализе научной литературы можно найти множество примеров, которые полноценно и многогранно трактуют данное понятие.

Например, дается следующее определение религиозного экстремизма – жесткое неприятие идей другой религиозной конфессии, агрессивное отношение и поведение к иноверцам, пропаганда незыблемости, «истинности» одного вероучения; стремление к искоренению представителей другой веры вплоть до физического устранения (что получает теологическое оправдание и обоснование)¹.

Но даже при наличии четко сформулированного понятия, исследуемая тема является крайне многоаспектной, поэтому видится необходимым дополнительно разграничить существующие виды религиозного экстремизма. Наиболее конструктивной классификацией в данном случае будет являться разделение религиозного экстремизма по мотивам деятельности, которую

¹ Мирсаидова Н. Религиозный экстремизм // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-ekstremizm> (дата обращения: 27.10.2025).

осуществляют приверженцы тех или иных религиозных течений, а именно:

– Внутриконфессиональный – осуществляемая деятельность на непосредственное изменение идей и целей, которые в данной среде принято считать традиционными. При этом происходит искажение коренных догматов и принципов;

– Иноконфессиональный – самый опасный вид религиозного экстремизма, ввиду его абсолютной нетерпимости к иным религиозным течениям. В его основе лежит изменение существующих догматов или же выработка новых теологических теорий. Их цель показать несостоятельность остальных религий, а также принудить к борьбе с ними.

– Этнорелигиозный – приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей, при этом этнический и религиозный компоненты выступают в неразрывной связи с мобилизующей идеологией и субъективными установками¹;

– Религиозно-политический – деятельность людей определенной конфессии, использующих религиозный аспект как объединяющий фактор для политических изменений на государственном уровне.

– Социальный – направлен на изменение социального строя и общественного устройства, согласно религиозным установкам и догматам.

Несмотря на разнообразие классифицирующих признаков, все эти направления прямо посягают на общественную безопасность и конституционный строй не только России, но и остального мирового сообщества, что в свою очередь приводит к усилению правового контроля со стороны отечественного и международного законодательства. Но многочисленность законодательных норм не отражает их эффективного применения, поэтому необходимо объективно оценивать факт их реализации.

Как уже было замечено ранее, современные федеральные законы действительно охватывают большую часть преступной деятельности, но при этом терминология, приведенная в данных текстах, сложна в трактовании и может быть необоснованно применена при квалификации преступных деяний.

Очевидно, формулировка закона должна уточнить мотив, цель и обстоятельства публичного демонстрирования указанной атрибутики». Также автор указывает на то, что любая религия говорит о своей исключительности и первостепенности в отношении других конфессий.

При этом в законодательстве экстремизм определяется как пропаганда

¹ Долин В. А. Этнорелигиозный экстремизм: сущностные признаки и факторы возникновения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. №2 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoreligioznyy-ekstremizm-suschnostnye-priznaki-i-factory-vozniknoveniya> (дата обращения: 04.11.2025).

исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. В данной ситуации наблюдается явное противоречие, выходом из которого является признание экстремизмом только тех действий, которые прямо нарушают уголовные нормы, например, призывы к нападению и убийству иноверцев. Для решения данного рода проблемы, как уже было сказано ранее, требуется улучшение терминологического и понятийного аппарата со стороны законодательства.

Говоря о роли уголовного законодательства, как первоочередного способа борьбы с экстремизмом, стоит обратить внимание на статистику совершаемых преступлений экстремистской направленности, которая в течение длительного времени демонстрирует устойчивый рост количества таких преступлений.

Существенную роль в росте количества совершаемых преступлений играет, по нашему мнению, незаконная миграция.

Немаловажную роль также играет и IT-сфера. Развитие средств связи и расширение информационного поля, в свою очередь, усложняет процесс отслеживания экстремистов, распространяемой ими литературы, создаваемых интернет-сообществ, а также методов финансирования (например, использование крипто-кошельков).

Приведенный выше перечень проблем, является отнюдь не исчерпывающим, но именно в этих направлениях происходят наиболее глобальные изменения, как в отечественном, так и иностранном законодательстве. В последнее время в России активно разрабатываются и применяются на практике нормы, направленные на предупреждение и борьбу с экстремизмом.

Отдельное внимание уделяется сохраняющейся угрозе от радикальных религиозных течений, в том числе радикальных течений ислама и хорошо законспирированных подпольных террористических ячеек.

Помимо этого, начал действовать ряд законодательных ограничений для иностранных граждан, а именно: введен запрет на прием в российские школы детей, которые должным образом не владеют русским языком; введен обязательный порядок биометрической регистрации sim-карт, также в первом чтении обсуждается ограничение их максимального количества для иностранных граждан; введен специальный реестр контролируемых иностранных лиц, а именно тех кто въехал в страну без разрешения, не получил статуса беженца или был выдворен из страны); время временной регистрации сокращено до одного года.

Приведенные ранее нормы в большинстве своем направлены на предупреждение въезда в страну радикально настроенных граждан, которые могут на территории государства распространять религиозные идеи и веро-

учения, которые подрывают государственную и конституционную безопасность. Но при этом не стоит забывать, что подобные убеждения могут пропагандировать и жители нашей страны.

При этом приверженцы радикальных религиозных идей могут не совершать тяжких или особо тяжких преступлений, но своими действиями вносить диссонанс в сложившиеся общественные отношения. Например, является недопустимым оскорбление или унижение человеческого достоинства за его внешний вид и форму одежды.

Но тем не менее в сети «Интернет» регулярно публикуются случаи неправомерного поведения лиц, которые являются приверженцами ислама. Мотивируя свои действия религиозными догмами и традициями, они оскорбляют, а в некоторых случаях и нападают на женщин, которые занимаются спортом в общественных местах, якобы в слишком откровенной одежде.

Подобным примером могут служить случаи на территории Северо-Кавказского Федерального округа, когда посещающие его туристы выбирают одежду, которая по мнению местного населения не соответствует их религиозным убеждениям. Так в июле 2025 года в Осетии был избит мужчина, который находился в общественном месте в шортах¹.

Бесспорно данные прецеденты являются недопустимыми как со стороны этики, так и права. Вместе с этим в Конституции России не закреплено понятия «внешнего вида человека». Это отмечается и в научной литературе: «Конституция РФ не оперирует понятием «внешний вид человека». Однако право на внешний вид можно, по заключению конституционалистов, определить на основании ч. 1 ст. 29 Конституции РФ, закрепляющей свободу мысли и слова»².

Выходом из этой ситуации может быть лишь законодательное закрепление не только свободы перемещения, но и формы одежды, в которой это перемещение осуществляется. Но любая ситуация может иметь двойственный характер, так в российском обществе уже давно идут споры о правомерности запрета на ношение никаба, паранджи и иной религиозной одежды, которая частично или полностью покрывает лицо человека. В данном случае введение законодательного запрета более чем оправдано.

Данная норма, уже введена в многих странах, в том числе и в государствах, где ислам является коренной и самой распространенной религией. Но законодатели всех этих стран преследуют одну общую цель – борьбу

¹ Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2025/07/11/rossiyane-izbili-muzhchinu-iz-za-short-i-popali-na-video/>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Шебанова Н. А. Современный внешний облик индивидуума: свободен ли выбор? // Труды Института государства и права РАН. 2017. №4 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vneshniy-oblik-individuum-a-svobod-en-li-vybor> (дата обращения: 12.11.2025).

с религиозным экстремизмом и терроризмом, так как многие террористические акты осуществлялись женщинами, которые прятали под закрытой одеждой огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, а также маскировали лица, делая свою идентификацию невозможной.

В текущий момент времени подобные меры как никогда актуальны ввиду проведения специальной военной операции и участившимися случаями террористических атак. Ярким примером может служить события 2024 года, когда после совершенного террористического акта в Дагестане, злоумышленник пытался скрыться от преследования, надев на себя никаб¹.

При этом важным моментом является факт того, что данная одежда не является традиционной для коренных народов Кавказа. Вместе с тем, запрет на полный запрет религиозной одежды, разумеется, не обсуждается. Платки, которые не закрывают лицо и тело, не могут и не должны запрещаться ввиду своего культурного и исторического значения.

Говоря о распространении религиозного экстремизма, не стоит также забывать, что многие радикально настроенные экстремисты являются гражданами России, а не выходцами из других государств.

Радикализации верующих граждан способствуют различные факторы: нестабильная экономическая обстановка; низкий уровень образования и правосознания; непонимание коренных догм, исповедуемой религии.

Этими обстоятельствами пользуются различные террористические ячейки и радикальные религиозные школы, которые активно проявляют себя после распада СССР. Основным примером в данном случае служит распространение на постсоветском пространстве идей ваххабизма, которые пришли из стран Ближнего Востока и Афганистана.

В бывших советских республиках из-за религиозных разногласий произошли гражданские войны, в которых оппозицию поддерживали экстремисты из запрещенных террористических группировок, таких как Аль-Каида и Талибан.

По прошествии времени проблему экстремистских религиозных течений удалось решить как правовыми, так и силовыми методами. Сейчас основная цель в борьбе с ваххабизмом и иными запрещенными течениями это выявление подпольных ячеек и предупреждение их развития.

Проводя сравнительный анализ законодательства бывших советских республик и законодательства России, можно заметить, что основополагающие правовые нормы о противодействии экстремизму практически одинаковы, но предметные правовые положения существенно разнятся с российскими.

¹ Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2024/06/25/odin-iz-ispolniteley-terakta-v-dagestane-hotel-sbezhat-v-nikabe/>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Например, в Таджикистане введены запреты на участие несовершеннолетних в религиозной деятельности, ограничена возможность получения религиозного образования за границей¹.

В Узбекистане также внимательно относятся к получению религиозного образования, на территории республики введена обязательная регистрация религиозных организаций, а преподаватели должны иметь официальное образование и разрешение на ведение такой деятельности. Помимо этого, религиозные учения были запрещены к включению в систему образования, а получение частного религиозного образования запрещено уголовными нормами. В тоже время любая религиозная литература проходит экспертизу и получает разрешение на публикацию². Эффективные меры введены и на территории Киргизии, законодательно закреплена установка камер во всех мечетях, так спецслужбы отслеживают проповеди с экстремистским содержанием, а также радикальных экстремистов, которые их посещают.

Исследование проблематики распространения экстремизма в России, а также анализ международных норм позволяют сделать перечень выводов о современном состоянии правовой системы в этой области. Явной проблемой законодательства всех стран является расплывчатость формулировок и отсутствие четкого понятийного аппарата, что затрудняет последующую выработку антиэкстремистских законодательных актов.

При этом стоит признать, что законодательства бывших Советских Республик в этом вопросе разработаны лучше российского. Религиозные объединения и структуры в этих странах конституционно отделены от государственной власти, но при этом вся их деятельность осуществляется с разрешения Правительства или уполномоченных правоохранительных органов. Ужесточение норм в данном вопросе помогает иностранным государствам противодействовать экстремизму.

В сравнении с ними законодательство Российской Федерации выглядит достаточно неполно, требуется ряд мер, направленных на контроль за религиозными организациями, а также за лицами, осуществляющими религиозное просвещение.

Помимо этого, требуется решить проблему распространения экстремизма среди уязвимых слоев населения: студентов и верующих. Стоит обратить внимание и на места лишения свободы, где участились беспорядки

¹ Гаврилкин А. В., Масуд М. Ибрахим Религиозный экстремизм в республике Таджикистан: тенденция развития и методы борьбы на современном этапе // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 3(118). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/19607> (дата обращения: 15.11.2025).

² Лупсяков А. И. Современное законодательство республики Узбекистан в сфере религии // Евразийский Союз Ученых. 2020. №8-3 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-zakonodatelstvo-respubliki-uzbekistan-v-sfere-religii-1> (дата обращения: 15.11.2025).

среди лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской и террористической направленности. Лишь совокупность мер, охватывающая все сферы жизни общества, поможет решить проблему с распространением религиозного экстремизма на территории России.

Научная статья

УДК 343.326

«МНИМОЕ УЧАСТИЕ» В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

София Игоревна СОКОЛОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
itsokolovskaya@mail.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению объема вины посредственного исполнителя преступления диверсионной направленности, которое совершено под влиянием обмана со стороны организатора.

В ряде случаев обстановка совершения деяния указывает на отсутствие осознания общественной опасности совершаемого деяния и специальной цели.

Правоприменителям необходимо исследовать в том числе субъективную оценку фактических обстоятельств в момент совершения деяния и степень осознания объекта посягательства самим обвиняемым. Совокупность указанных обстоятельств может свидетельствовать о «мнимом» участии в совершении диверсии.

Ключевые слова: диверсия, обман, «мнимое» участие, осознание общественной опасности деяния, извинительная ошибка, субъективное вменение

«FEIGNED PARTICIPATION» IN SABOTAGE-RELATED CRIMINAL OFFENSES

Sofia I. SOKOLOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, itsokolovskaya@mail.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. This article examines the criminal liability of a perpetrator of a sabotage-related offense committed under the deception of an organizer.

In some cases, the circumstances of the act indicate a lack of awareness of its public danger and a lack of the requisite special intent.

Law enforcement officials must investigate the perpetrator's subjective assessment of the factual circumstances at the time of the act, as well as the extent to which the accused themselves understood the object of the offense. Such a specific context may be indicative of feigned participation in the act of sabotage.

Keywords: sabotage, deception, «feigned participation», awareness of the public danger of the act, an exculpatory mistake, subjective imputation

В последние годы в контексте сложившейся геополитической ситуации наблюдается активизация диверсионной и террористической деятельности на территории страны: регулярно осуществляются поджоги военных комиссариатов, релейных и батарейных шкафов железнодорожных станций, базовых станций сотовой связи и т. д.

В подавляющем большинстве случаев организаторами совершения диверсий на объектах критической инфраструктуры выступают иностранные специальные службы с целью создания угрозы национальной безопасности Российской Федерации, а в частности ее экономической составляющей.

Вместе с тем, анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показал значительный рост представителей несовершеннолетних и молодежи среди осужденных по террористическим и диверсионным статьям. Так, в 2024 году совершено 48 диверсий, 25 % от общего числа составляют несовершеннолетние, 50 % – лица в возрасте от 18 до 24 лет. Для сравнения, указанное число приговоров вынесено

только за первое полугодие 2025 года¹.

На сегодняшний день преступниками разработана новая методика вербовки исполнителей через цифровые каналы коммуникации – социальные сети и мессенджеры, позволяющая осуществить массовое вовлечение граждан России в преступную деятельность в целях дестабилизации социальной обстановки внутри страны. Кроме того, с потенциальным исполнителем ведется индивидуальная работа в зависимости от его потребностей, возраста, психоэмоционального состояния, уровня образования и других факторов.

Прежде всего вербовщики обращают внимание на социально незащищенные слои населения: несовершеннолетних, безработных, проблемных должников. Среди завербованных также встречаются маргинальные личности, сторонники радикальных идей, лица с психологическими аномалиями.

В одном случае исполнителю под предлогом «легкого заработка» предлагается повредить объект инфраструктуры (наниматель мотивирует этот акт намерением получения страховых выплат). В другом случае неустановленные лица, представляясь работниками правоохранительных органов Российской Федерации, убеждают гражданина принять участие в оперативных мероприятиях, при этом утверждают, что за совершаемые деяния ответственности не последует. В указанных распространенных ситуациях единый способ вербовочной деятельности – обман.

Из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от ноября 2017 № 48 (ред. от 15.12.2022), следует, что обман как способ совершения общественно опасного деяния может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение лица в заблуждение. Так, обман выступает эффективным средством манипулирования сознанием посредственного исполнителя для совершения преступлений диверсионной направленности.

Законодательная формула прямого умысла состоит из двух элементов: интеллектуального, основанного на осознании общественно опасного характера деяния и предвидения неизбежности или реальной возможности наступления преступного результата, и волевого, который предполагает наличие желания виновного наступления такого последствия.

Наряду со структурными элементами формы умысла следует различать предметное содержание вины, включающее в себя все фактические

¹ Сайт Департамента при Верховном суде [Электронный ресурс] // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 16.11.2025).

обстоятельства дела, которые нашли отражение в психике субъекта преступления и характеризуют его противоправное поведение¹. Объем вины представляет собой осознание субъектом в момент совершения преступления наличия признаков места, времени, способа совершения преступления и т. д.². Вместе с тем, в объем содержания вины входят осознание и оценка как признаков объективной стороны посягательства, так и объекта преступления (либо предмета посягательства). Кроме того, конститутивными признаками вины являются мотивы и цели, исследование которых позволяет понять фактическое отношение субъекта к своим действиям относительно сознания общественной опасности деяния и прогнозируемым последствиям.

Диверсия, как особо тяжкое преступление, может быть совершена только с прямым умыслом при наличии специальной цели – подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Субъективная сторона составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства подлежит всестороннему исследованию правоприменителями, особенно в случаях, когда в материалах уголовного дела имеются обстоятельства, указывающие на совершение преступления под влиянием обмана. Часто именно активные действия обманывающего лица позволяют подчинить своим интересам сознание обманываемого, в результате чего последний ошибочно воспринимает фактические обстоятельства совершаемого деяния, следовательно, его реальную общественную опасность.

Посредством обмана, инициированного организатором, осуществляется подмена действительного объекта посягательства мнимым в сознании посредственного исполнителя. Нередко организаторы осуществляют поиск лиц, которые за вознаграждение инсценируют наступление страхового случая, к примеру, в отношении «застрахованного и неисправного» релейного шкафа. Анализ практики свидетельствует о том, что большая часть завербованных лиц не обладает знаниями о назначении такого имущества, о чем злоумышленники намеренно умалчивают.

Так, исполнитель из корыстной заинтересованности совершает поджог релейного шкафа, при этом лишь в некоторых случаях виновный сознает, что осуществляет противоправное посягательство на вещные отношения. Как правило, организаторы заинтересованы в скорой реализации потенциальным исполнителем общественно опасного деяния, а потому обосно-

¹ Назаренко Г. В. Вина в уголовном праве : монография. Орел : Орловская высшая школа МВД РФ, 1996. С. 52.

² Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Ленинград : ЛГУ, 1970. С. 159.

вызывают его совершение социальной полезностью.

В действительности же релейный шкаф на железной дороге – это объект критической инфраструктуры, неисправность которого приводит к тяжким последствиям (крушение поездов, значительный материальный ущерб, человеческие жертвы и т. д.), его умышленное повреждение или уничтожение с учетом обстоятельств совершения деяния и виновности лица образуют состав преступления против безопасности государства.

В другом примере по одной из схем телефонного мошенничества гражданин России переводит денежные средства на «безопасные счета». После чего злоумышленники связываются с потерпевшим, представляясь работниками правоохранительных органов Российской Федерации, и угрожают привлечением к уголовной ответственности за финансирование иностранных вооруженных сил, а затем под предлогом участия в проверке антитеррористической защищенности объектов склоняют жертву к совершению диверсий и террористических актов.

Ввиду пребывания в стрессовом состоянии у потерпевшего существенно снижена способность адекватного восприятия реальности: гражданин убежден, что выполняет задания, направленные на обеспечение государственной безопасности, и действует в интересах Российской Федерации, а потому воспринимает свои действия как социально полезные и правомерные.

Закономерно, что в рассмотренных примерах у виновного отсутствует и специальная цель, которая характерна для диверсии. Итак, посредственный исполнитель в результате обмана заблуждается относительно юридической и социальной значимости своих действий, реального объекта посягательства, а организатор, напротив, обладает достаточным объемом знаний о совершаемом преступлении и его цели. Очевидна ошибка относительно фактических обстоятельств совершаемого деяния и объекта посягательства.

По аналогии с институтом мнимой обороны и с учетом специфики преступлений диверсионной направленности ошибку следует признавать извинительной.

Обманные действия в отношении жертвы образуют специфическую обстановку, которая объективно вызывает такого рода ошибку: лицо причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям с целью защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, заблуждаясь в реальности общественно опасного посягательства, когда при самом внимательном отношении к делу оно не должно было и не могло избежать допущенной ошибки¹ ввиду преднамеренно изме-

¹ Русскевич Е. А. Мнимая оборона в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 103.

ненного сознания и активного внешнего контроля в целях недопущения возможности жертве провести критическую оценку поступающей информации. Признание извинительным «мнимого участия» в диверсии предрешает вопрос о том, что действия лица необходимо оценивать по правилам квалификации при фактической ошибке.

Вместе с тем, за последние годы устоялась практика вменения особо тяжких составов при недостаточности и неоднозначности доказательств в отношении установления вины субъекта преступления.

Видится, что такая реакция судов вызвана необходимостью ужесточения уголовной политики в условиях проведения специальной военной операции, чтобы минимизировать риски повторения опасной деятельности среди граждан в целях обеспечения национальной безопасности страны.

Несмотря на внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 17 ноября 2025 № 420-ФЗ о снижении возраста уголовной ответственности за преступления диверсионной направленности, вина часто устанавливается не посредством исследования психического отношения к совершенному общественно опасному деянию и наступившему общественно опасному последствию, а через презумпцию, основанную на анализе фактических обстоятельств по делу и объекта, которому был причинен вред, но без учета осознания и оценки этих элементов состава субъектом преступления, которые входят в объем содержания вины. Малоисследованной остается и субъективная сторона, а в частности интеллектуальный момент умышленной формы вины, выраженный в осознании лицом общественной опасности совершаемого деяния. Не устанавливается и специальная цель, отличающая преступления диверсионной направленности.

Резюмируя изложенное, предлагается участие в диверсии признавать «мнимым», когда исполнитель совершает фактические действия, которые формально и подпадают под признаки объективной стороны состава с учетом специфики объекта посягательства главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако обстановка совершения деяния, в частности совершение преступления под влиянием обмана, свидетельствует об отсутствии у субъекта осознания общественной опасности совершаемых действий (интеллектуального элемента умысла) и специальной цели.

Нарушение интеллектуальных процессов предопределяет волю лица вплоть до ее исключения. Кроме того, выяснению подлежат и степень осознания признаков объективной стороны совершаемого деяния, а также объекта, посягательство на которое осуществляет виновный. Оценка указанных показателей непосредственно влияют на содержание вины преступлений диверсионной направленности.

Закрепление «мнимого» участия в уголовном законодательстве в качестве обстоятельства, исключающего вину, влияющего на форму вины, а соответственно и на квалификацию содеянного – реализация фундаментального принципа субъективного вменения.

Научная статья

УДК 343.31

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Кира Дмитриевна СОФРОНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kirasof2005@yandex.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится уголовно-правовой анализ статьи 277 УК РФ, проблемы отсутствия легальных определений понятий «государственный деятель» и «общественный деятель».

Автор анализирует судебную практику о применении насилия в отношении государственного или общественного деятеля.

В статье сделан вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства путем дополнения УК РФ статьей, предусматривающей ответственность за применение насилия в отношении государственного или общественного деятеля.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, государственный деятель, общественный деятель, применение насилия

QUESTIONS OF QUALIFICATION OF VIOLENCE AGAINST A PUBLIC OFFICIAL OR A PUBLIC FIGURE

Kira D. SOFRONOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kirasof2005@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article provides a criminal law analysis of Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation, the problem of the lack of legal definitions of the concepts of «statesman» and «public figure».

The author analyzes judicial practice on the use of violence against a state or public figure.

The article concludes that it is necessary to improve criminal legislation by supplementing the Criminal Code of the Russian Federation with an article providing for liability for the use of violence against a state or public figure.

Keywords: criminal legislation, crimes against the foundations of the constitutional order and state security, statesman, public figure, use of violence

Статья 277 УК РФ, предусматривающая ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля находится в главе 29 УК РФ (Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), которые традиционно рассматриваются как наиболее опасные противоправные деяния¹.

Исходя из места нахождения статьи в УК РФ мы можем говорить, что объектом данного преступления являются общественные отношения, складывающиеся в связи с необходимостью охраны конституционного строя и безопасности государства, его политической системы, а также дополнительным объектом выступает жизнь государственного или общественного деятеля.

¹ Кузнецов А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Социально-политические науки. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschaya-harakteristika-prestupleniy-protiv-osnov-konstitutsionnogo-stroya-i-bezopasnosti-gosudarstva>.

Объективная сторона преступления характеризуется в законе как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. Под посягательством понимается убийство, либо покушение на убийство данных лиц по мотиву осуществления ими своих полномочий в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса РФ» от 1 июня 2023 г. № 14.

Потерпевшим при совершении рассматриваемого преступления может быть только государственный или общественный деятель. Легальных определений данных понятий в законе не содержится, что вызывает определенные трудности при квалификации деяния. Так, 4 апреля 2024 года на губернатора Мурманской области Андрея Чибиса напал мужчина с ножом. Уголовное дело по факту нападения на губернатора Мурманской области было возбуждено по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как покушение на убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности¹.

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» 27 января 1999 № 1 (ред. от 03.03.2015), по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство лица или его близких, совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность. Под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями. Исходя из данной ситуации можно говорить о конкуренции выбранной судом нормы и ст. 277 УК РФ.

А. Г. Кибальник пишет, что государственный деятель – глава государства, руководители государственных органов исполнительной и законодательной власти федерального уровня (депутаты обеих палат Федерального Собрания РФ, члены Правительства РФ и пр.) и субъектов РФ (губернаторы, мэры городов – субъектов РФ), а также руководящие работники государственного аппарата и другие высокопоставленные государственные служащие (например, члены избирательных комиссий). Общественный деятель – руководитель или видный деятель, активисты политических партий,

¹ Исакова Ю. И., Миллеров Е. В. Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-posyagatelstvo-na-zhizn-gosudarstvennogo-ili-obschestvennogo-deyatelya>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

массовых движений, профсоюзных и религиозных организаций, иных законных общественных объединений¹.

Неопределенность в квалификации деяний и разграничении норма уголовного закона говорят о необходимости законодательного закрепления определений понятий «государственный деятель» и «общественный деятель».

Причинение тяжкого и иного вреда здоровью ст. 277 УК РФ не предусматривает. Следовательно, в том случае, если виновный причинил вред здоровью такого лица или готовился, или покушался на такое причинение, при отсутствии признаков посягательства на жизнь, ответственность наступает по иным нормам Особенной части УК РФ². Такими нормами могут выступать: ст. 111, 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ.

На наш взгляд данный подход приводит к несправедливой дифференцированности ответственности, т. к. глава 32 УК РФ (Преступления против порядка управления) предусматривает ответственность за применение насилия в отношении представителя власти ст. 318 УК РФ. Глава 31 УК РФ (Преступления против правосудия) также предусматривает ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования ст. 296 УК РФ.

Отметим, что причинение тяжкого вреда здоровью государственному или общественному деятелю будет наказываться лишением свободы на срок до двух лет, в то время как тоже деяние в отношении представителя власти будет наказываться лишением свободы на срок до десяти лет, что указывает на явное неравенство в системе защиты различных категорий лиц, осуществляющих важные политические и властные полномочия. То есть специальные нормы устанавливают более строгую систему наказаний, чем общие нормы уголовного закона.

Данный факт показывает необходимость законодательного закрепления нормы «применение насилия в отношении государственного или общественного деятеля» как гарантию охраны и защиты конституционного строя и безопасности государства, его политической системы, а также непосредственно жизнь государственного или общественного деятеля.

Таким образом, представляется целесообразным внесение в УК РФ изменений:

¹ Преступления против государственной власти : учебник для вузов / отв. ред. А. Г. Кибальник, А. В. Наумов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. (Высшее образование). // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 28. URL: <https://urait.ru/bcode/563348/p.28>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X–XII / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Издательство Юрайт, 2025. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 24. URL: <https://urait.ru/bcode/563102/p.24>. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

– введение легальных определений понятий «государственный деятель» и «общественный деятель»;

– установление уголовной ответственности за применение насилия в отношении государственного или общественного деятеля.

Данные аспекты способствуют укреплению основ конституционного строя государства и повышению эффективности противодействия преступлениям, направленным на подрыв конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.1

УГОЛОВНО–ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рафик Арменович СТЕПАНЯН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
i@verstakov-7.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема искажения исторических данных о деятельности СССР во времена Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также анализируются последствия таких искажений для Российской Федерации.

Кроме того, изучаются уголовно-правовые меры, направленные на борьбу с фальсификацией истории. Особое внимание уделяется уголовно-правовой норме, которая предусматривает ответственность за реабилитацию нацизма.

Автором статьи аргументируется мнение о том, что такие действия угрожают сохранению и увековечению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: уголовная ответственность, фальсификация истории, научная дискуссия и полемика, Великая Отечественная война, историческая память, реабилитация нацизма

Original article

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Rafik A. STEPANYAN

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, i@verstakov-7.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of distortion of historical data on the activities of the USSR during the Second World War and the Great Patriotic War.

In addition, the consequences of such distortions for the Russian Federation are analyzed, as well as criminal law measures aimed at combating the falsification of history. Special attention is paid to the criminal law norm, which provides for responsibility for the rehabilitation of Nazism, and the specifics and complexities of qualifications are investigated.

The author of the article argues that such actions threaten the preservation and perpetuation of the historical memory of the events of the Great Patriotic War.

Keywords: criminal liability, falsification of history, scientific discussion and polemics, the Great Patriotic War, historical memory, rehabilitation of Nazism

История многих государств полна как триумфов, так и поражений, как периодов счастья, так и времен горя. В разные эпохи появлялись как истинные патриоты, так и лицемеры, выдающие себя за таковых. Каждого из нас учили уважительно относиться к страницам нашей истории. После конституционной реформы 2020 года сохранение исторической памяти и правды о победе Красной армии в годы Великой Отечественной войны стало одним из ключевых приоритетов государственной политики Российской Федерации.

Следует констатировать, что в современном мире научная общественность не в состоянии эффективно противостоять откровенным попыткам переписать историю нашей страны. Именно поэтому после дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 354.1, уголовно-правовые меры стали основным средством противодействия открытой реабилитации нацизма и искажения исторической действительности. Целью такой деятельности остается период Второй мировой войны, ее причины, последовательность событий, итоги и последствия. Такие действия превращают СССР из «страны–освободителя» в «страну-агрессора».

Стоит отметить, что «реабилитация нацизма является уголовно-наказуемой частью более обширного явления – фальсификации истории, относящегося в свою очередь к способам ведения «войн памяти»»¹.

Рассматривая данный вопрос, необходимо определить терминологический аппарат, используемый в сфере правового регулирования.

Так, Ю. А. Никифоров считает, что «термин фальсификации истории несет дополнительную смысловую нагрузку: говоря о фальсификации, мы чаще всего имеем в виду сознательный отказ от стремления к истинному прошлому. Для фальсификатора главными оказываются вненаучные цели: внушение читателю каких-то идеологических или политических целей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а не поиск истины и объективности»².

По нашему мнению, данный термин должен быть закреплен в нормативном правовом акте, поскольку в зависимости от трактовки и правопонимания, смысл его может быть неоднозначным и может иметь двойную интерпретацию.

Деятельность фальсификаторов истории представляет собой серьезную угрозу для сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации. Это подтверждается введением законодателем в 2014 году уголовной ответственности, регламентированной статьей 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, а также за одобрение преступлений, признанных таковыми указанным трибуналом.

В современном мире часто путают понятия «фальсификация истории» и «полемика и дискуссия». Согласно толковому словарю русского языка

¹ Зарубин А. В. Защита прокурором интересов государства, общества и личности от преступлений, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354. 1 УК РФ) // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Деятельность прокурора по обеспечению безопасности в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, Н. А. Васильчикова, И. Б. Ломакина [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. М. : Директ-Медиа, 2025. С. 278.

² Никифоров Ю. А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. 2009.№6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-vtoroy-mirovoy-voyny-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 03.10.2025).

С. И. Ожегова, дискуссия – это спор, обсуждение какого-либо вопроса на собрании, в печати, в беседе, а полемика – спор при обсуждении, выяснении каких-нибудь проблем, вопросов¹. Основное их отличие состоит в цели. Если фальсификация намеренно искажает исторические события, то дискуссия и полемика – стремятся обсудить все возможные варианты, отстоять свою правоту и прийти к самому достоверному.

Кроме того, фальсификация тщательно игнорирует факты и старается их подменить, а дискуссия активно с ними работает, анализирует. Если фальсификация опирается на манипуляцию и обман, то полемика и дискуссия строятся на конструктивных диалогах. Таким образом, дискуссия ведет к развитию исторической науки и сохранению старых фактов, а фальсификация наносит ей огромный вред.

Обращаясь к статье 354.1 УК РФ, отрицание фактов представляет собой выражение несогласия с заключениями Нюрнбергского трибунала относительно виновности руководителей нацистских организаций в совершении преступлений. Такие действия включают отказ признать и принять официально вынесенный обвинительный приговор, а также выражение мнений, противоречащих установленным фактам. Следует подчеркнуть, что приговор является окончательным и не подлежит пересмотру, а выводы трибунала являются неоспоримыми. Кроме того, необходимым условием наступления уголовно-правовой ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ является совершение указанных действий публично либо с использованием средств массовой информации, либо информационно-телекоммуникационных сетей, т.ч. сети «Интернет».

В судебной практике наблюдаются различные подходы к квалификации действий лиц, которые разместили на веб-сайте «Бессмертный полк онлайн» фотографии нацистских преступников с целью публичного показа неопределенному кругу лиц.

В ряде случаев такие действия квалифицируются по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, как оскорбление памяти защитников Отечества, совершенное публично.

В других ситуациях деяния обвиняемых рассматриваются как распространение информации, явно выражающей неуважение к обществу в связи с днем воинской славы России (9 мая) и защитой Отечества. Зафиксированы случаи вынесения обвинительных приговоров по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Это обусловлено применением предыдущей редакции ст. 354.1 УК РФ (Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 № 128-ФЗ), которая не пре-

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. С. 259, 832.

дусматривала специализированного основания уголовной ответственности за публичное оскорбление памяти защитников Отечества или унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

В настоящее время сформировалась стабильная правовая позиция относительно момента окончания преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Согласно законодательству, состав данного преступления является формальным, и оно признается оконченным с момента совершения любого из действий, указанных в статье, направленных на реабилитацию нацизма. При этом не имеет значения, наступили ли какие-либо последствия.

Например, «согласно установленным фактическим обстоятельствам, гражданин К. 4 мая 2020 г. два раза оформил и направил заявки для публикации в приложении «Бессмертный полк онлайн» фотоизображение Гитлера, осознавая, что тот является нацистским преступником, а содеянное им – преступлениями. Заявки были заблокированы, его действия пресечены, а фото не были опубликованы для всеобщего доступа. К. признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ за одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, совершенное публично»¹.

В другом случае С. осужден по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ. Суд обоснованно положил в основу приговора показания С. в качестве подозреваемого о том, что после службы в армии, из-за притеснений со стороны сослуживцев из кавказского региона, у него сложилась устойчивая неприязнь к представителям кавказских народов, а затем ко всем нерусским, включая евреев, в связи с чем, он стал проявлять интерес к различным движениям, противостоящим кавказцам и евреям, увлекся историей, в том числе, интересовался итогами Второй Мировой войны, Холокостом, который, как он полагает, является вымыслом. По факту размещения комментария на странице в социальной сети «ВКонтакте» с отрицанием Холокоста пояснил, что намеренно сделал это в открытом доступе, чтобы его видели другие пользователи социальной сети².

Приведенные судебные решения показывают необходимость выработки определенных уголовно-правовых мер противодействия фальсификации истории, сохранении исторической правды о событиях Великой Отечественной войны. «Историческая память становится объектом целенаправ-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.04.2020 № 55-476/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ленных деструктивных действий со стороны иностранных государственных структур и международных организаций, реализующих геополитические интересы в русле проведения антироссийской политики. Подобные проявления политико-идеологического экстремизма, направленного на разрушение исторической памяти, вызывают необходимость создания эффективных механизмов реагирования на попытки фальсификации истории»¹.

Способ совершения преступления имеет решающее значение для квалификации преступления. В соответствии со ст. 354.1 УК РФ, деяние должно быть осуществлено публично. Судебная практика по делам, связанным с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, показывает, что большинство из них совершается в сети Интернет, что естественно сказывается на молодом поколении и представляет большую общественную опасность.

Например, Л. 24.12.2016 разместил на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» заведомо ложные сведения о деятельности Красной армии в годы Второй мировой войны, а также отрицал факты Международного военного трибунала².

Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности СССР в период Второй мировой войны и о ветеранах Великой Отечественной войны, в соответствии с ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, также вызывает активные дискуссии в обществе.

Применение данной нормы на практике представляет значительную сложность в связи с тем, что многие документы, касающиеся действий Советского Союза в указанный исторический период, до настоящего времени остаются засекреченными и не опубликованы. К ним относятся: шифротелеграммы Генерального штаба Красной и Советской армии, ВВС, ВМФ, наркоматов авиационной промышленности, вооружения, тяжелого машиностроения, штаба войск ПВО, шифровки Разведуправления Генштаба с автографами Сталина, копии военных приказов наркома обороны, а также материалы к ним со сталинской правкой, директивы и приказы Ставки Верховного главнокомандования и Госкомитета обороны и другие.

Кроме того, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ применяется не только в случаях размещения виновными в сети «Интернет» фотоизображений символов воинской славы России, содержащих признаки их осквернения, но и публичного осквернения символов воинской славы России в местах их расположения.

Так, Н. осужден по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ за то, что 22 октября 2020 года

¹ Меркулов П. А., Проказина Н. В. Экстремизм в понятийном аппарате социально-гуманитарного знания // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 6. С. 118.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2016 № 44-АПУ16-17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

примерно в 00 часов 10 минут Н. в парке «Победа» города Чебоксары на пламени Вечного огня Монумента в честь воинов-чебоксарцев, погибших в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., на прутьях дерева подогревал сосиски. Свои действия Н. снимал на видеокамеру своего мобильного телефона, сопровождая их комментариями с использованием нецензурной лексики, а затем разместил данную видеозапись в своем личном профиле социальной сети «Инстаграм», имеющем более 16 000 подписчиков, в результате чего его действия стали известны широкому кругу общественности¹.

В другом случае И. осужден по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ за то, что умышленно, разместил в социальной сети, на персональной странице, открытой для публичного доступа другим пользователям социальной сети, графическое изображение и текстовую информацию, содержащие осквернение символа воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»².

Изучая альтернативное деяние, выраженное в распространении заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, необходимо определить значение понятия «ветеран». В Федеральном законе «О ветеранах» от 12 января 1995 № 5-ФЗ (ред. от 29.12.2025) указано, что ветераны Великой Отечественной войны – «это лица, принимавшие участие в боевых действиях по защите Отечества или в обеспечении воинских частей действующей армии в районах боевых действий; лица, проходившие военную службу или проработавшие в тылу в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР, либо награжденные орденами или медалями СССР за службу и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Стоит отметить, что установление уголовной ответственности за данное преступление вызвало в обществе неоднозначную оценку. С одной стороны, нововведение и дополнение общество поддержало и согласилось с ним, с другой – вызвало определенную настороженность среди тех, кто посчитал «новеллу» как установление цензуры на продукты научной деятельности, а также как усиление репрессивных функций государства. Однако, стоит отметить, что действующая уголовная ответственность

¹ Определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.10.2021 № 55-781/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Новгородского областного суда общей юрисдикции от 27.06.2025 № 02-10/2025 [Электронный ресурс] Судебные и нормативные акты РФЦ. URL: https://oblsud-nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5784158&case_uid=8a1079e7-e6a3-41dc-9210-df83fb2d71a0&delo_id=5&new=5(дата обращения 24.10.2025)

за фальсификацию событий Второй мировой и Великой Отечественной войн ограничивается только сведениями, оглашенными в приговоре Нюрнбергского трибунала.

Таким образом, включение статьи 354.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации направлено на борьбу с фальсификацией истории Второй мировой войны. Однако для эффективного противодействия искажению исторических фактов необходимо сосредоточить усилия на глубоком и объективном научном исследовании этого периода.

Юридический анализ статьи 354.1 УК РФ направлен на уточнение границ ее применения и критериев разграничения действий, признаваемых преступными, от действий, не являющихся таковыми. Это должно снизить риск привлечения к уголовной ответственности добросовестных ученых и исследователей, занимающихся изучением истории.

Научная статья
УДК. 343.9

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ВИГИЛАНТИЗМА СО СМЕЖНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ

Виктор Романович СУСЛОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
visa1ly76@gmail.com

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен вигилантизма как специфической модели социального поведения, направленной на внезаконное предупреждение, расследование и наказание правонарушений.

Автор опирается на определение Реджины Бейтсон в работе «The Politics of Vigilantism», подчеркивая, что вигилантизм включает не только карательные практики, но и систему мировоззренческих установок, тактик и методов.

Вигилантизм предстает как сложный социальный конструкт, который частично включает смежные феномены (самосуд, линчевание, необходимую оборону и др.), но не сводится к ним.

Ключевые слова: Криминология, вигилантизм, линчевание, самосуд, необходимая оборона, самоуправство

Original article

ON THE DISTINCTION BETWEEN VIGILANTISM AND RELATED PHENOMENA

Victor R. SUSLOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, visa1ly76@gmail.com

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of vigilantism as a specific model of social behavior aimed at the extra-legal prevention, investigation, and punishment of offenses.

The author relies on Regina Bateson's definition in «The Politics of Vigilantism», emphasizing that vigilantism encompasses not only punitive practices but also a system of worldviews, tactics, and methods. Vigilantism is presented as a complex social construct that partially includes related phenomena (such as lynching, self-defense, and others), but goes beyond them.

Keywords: Criminology, vigilantism, lynching, mob justice, self-defense, and arbitrariness

Вигилантизм представляет собой уникальный феномен. Ученые на протяжении многих лет пытались осмыслить указанное явление, но при этом имеются разные трактовки сущности феномена. И в научной, и в публицистической литературе нередки случаи приравнивания указанного феномена к смежным с ним понятиям, из-за чего происходит редуцирование и не учитывание специфики.

Но для криминологии является необходимым изучение вигилантизма, так как это позволит выявить причины появления указанного феномена

и разработать меры профилактики. Указанное и определяет актуальность исследования для криминологической науки.

В данной статье за основу выбрано определение вигилантизма, которое выделено Реджиной Бейтсон в работе «The Politics of Vigilantism»¹. Автор понимает под ним внезаконное предупреждение, наказание и расследование нарушений. Это своего рода модель поведения, включающая определенные идеи, принципы, мировоззрение, различные действия, тактики и методы.

Существует индивидуальный и коллективный, насильственный и ненасильственный, институционализированный и неинституционализированный, публичный и непубличный, защищающий и нападающий вигилантизм. Так или иначе, любая форма указанного феномена направлена на восстановление справедливости, поддержание правопорядка, обеспечение социальной гармонии.

Важным вопросом является разграничение изучаемого феномена со смежными понятиями, а именно с линчеванием, самосудом, необходимой обороной, причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, и самоуправством.

В литературе понятия «линчевание», «самосуд», «вигилантизм» зачастую используются как синонимы. Нередко и под изучаемым феноменом понимают деятельность по осуществлению самосуда, либо линчевания. Но не каждый акт вигилантизма будет являться самосудом, не каждый самосуд будет являться линчеванием. По нашему мнению, данные понятия пересекаются, но не поглощаются друг другом.

Так, самосуд представляет собой только наказание с определенными элементами расследования. Как было указано ранее, вигилантизм не ограничивается наказанием, так как включает в себя еще предупреждение и расследование. Кроме того, самосуд может осуществляться из мести в отношении конкретного лица или группы лиц по определенным признакам (принадлежность к роду, национальность) из чувства мести². В то время как для вигилантизма месть не является побуждающим мотивом, так как деятельность основывается на своеобразных представлениях о добре и зле, о справедливости, о правопорядке.

Самосуд может применяться к конкретному лицу за действия, которые «подсудимый» совершил в отношении «судьи», либо в отношении его близких. Для вигиланта не имеет значения, совершено ли правонарушение в отношении него или его близких, так как он может даже не знать о таком лице

¹ Bateson R. The Politics of Vigilantism / Comparative Political Studies. № 54(6). 2020. P. 930.

² Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография М.: Норма ИНФРА-М. 2014. С. 676.

до такого, как он был пойман при совершении правонарушения. Можно прийти к выводу о том, что вигилантизм это своего рода модель поведения, в рамках которой могут применяться другие тактики и методы, одним из которых и является самосуд.

Применительно к линчеванию стоит отметить, что под ним понимается жестокий самосуд, жестокая расправа, которая приводит к смерти или причинению тяжкого вреда здоровью. Так, в 2022 году в Соединенных Штатах Америки принят Закон Эммета Тилля о борьбе с линчеванием (Emmet Till Antilynching Act). Согласно указанному закону, линчевание признается федеральным преступлением на почве ненависти, так как указанные поправки в федеральный уголовный кодекс США относятся к параграфу 249, главы 13, части первой 18 раздела, которая регулирует такого рода преступления¹.

Под линчевателем, согласно указанному закону, понимается тот, кто вступает в сговор с целью совершения какого-либо преступления, предусмотренного пунктами (1) (т. е. правонарушения, связанные с действительной или предполагаемой расой, цветом кожи, религией или национальным происхождением), (2) (т. е. правонарушения, связанные с действительной или предполагаемой религией, национальным происхождением, полом, сексуальной ориентацией, гендерной идентичностью или инвалидностью) или (3) (т.е. правонарушения, совершаемые в пределах особой морской или территориальной юрисдикции Соединенных Штатов), в случае смерти или серьезного телесного повреждения (как определено в разделе 2246 настоящего раздела), должен быть заключен в тюрьму на срок не более 30 лет, оштрафован в соответствии с настоящим разделом, или и то, и другое².

Кроме того, указанный закон добавляет пункт 6: «Другие заговоры – тот, кто вступает в сговор с целью совершения любого преступления, предусмотренного пунктами (1), (2) или (3), должен, если в результате преступления наступила смерть или серьезные телесные повреждения (как определено в разделе 2246 настоящего раздела), или если преступление включает похищение человека или попытку похищения, сексуальное насилие при отягчающих обстоятельствах или попытка совершения сексуального насилия при отягчающих обстоятельствах или покушение на убийство караются тюремным заключением на срок не более 30 лет, штрафом в соответствии с этим разделом или и тем и другим вместе».

Можно отметить, что указанные признаки линчевания достаточно широко определяют круг деяний, подпадающих под данные характеристики.

¹ «Lynching is now a federal hate crime after a century of blocked efforts» // National Public Radio : Official Website. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/2022/03/29/1086720579/lynching-is-now-a-federal-hate-crime-after-a-century-of-blocked-efforts> (дата обращения: 05.11.2025).

² «18 U.S. Code § 249 - Hate crime acts» // Cornell Law School. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/249> (дата обращения: 05.11.2025).

Любые действия на почве национальной, расовой, религиозной и прочей ненависти, которые привели к смерти или тяжкому вреду здоровью, признаются линчеванием. Безусловно, смерть или тяжкий вред здоровью являются определяющими признаками линчевания, но вот подход, определяющий мотивы деяния, не выражает всей сути и специфики указанного феномена. По нашему мнению, помимо указанных мотиваторов, стоит добавить, например, правонарушения, связанные с самоуправством, ложными представлениями о справедливости, либо же на почве личных неприязненных отношений к потерпевшему, возникших в ходе противоправного поведения последнего. Так или иначе, линчевание не всегда является вигилантизмом, но может применяться в совокупности с последним.

Следующим важным вопросом является разграничение вигилантизма и необходимой обороны. Статьей 37 УК РФ (Необходимая оборона) установлено, что является правомерным причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Институт необходимой обороны существует в законодательстве большого количества государств. с целью самостоятельной защиты гражданами своих прав с одной стороны, и с другой – для недопущения совершения самосуда или расправы¹. Последнее обеспечивается установлением пределов допустимости необходимой обороны, за исключением случаев посягательств, связанных с применением насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, так как правило о пределах в указанных случаях не применяется.

Превышение пределов необходимой обороны возможно в случае несоответствия действий обороняющегося характеру и опасности посягательства, что является оценочным критерием. Не во всех случаях вигиланты причиняют вред посягающему, который был бы соразмерен посягательству, тем более в случае осуществления самосуда или линчевания. Кроме того, необходимая оборона применяется при неожиданных посягательствах, в то время как вигилантизм обладает элементами выслеживания, поиска, расследования, то есть характеризуется определенной преднамеренностью. Для таких действий зачастую характерна регулярность, систематичность, в то время как необходимая оборона — это исключительное, единичное явление. Несмотря на указанное, необходимая оборона может применяться в рамках вигилантских действий. Например, при патрулировании улицы, одно лицо

¹ Тараканов И. А. Особенности установления правомерности оборонительных действий при внезапном нападении // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2016. № 3 (166). С. 18.

применяет насилие к другому лицу, и вигилант причиняет вред посягающему для пресечения совершения общественно опасного деяния.

Если рассматривать необходимую оборону в широком смысле, с точки зрения целенаправленности указанного института, можно отметить, что необходимая оборона является легализованным видом проявления вигилантизма, если она применяется для защиты иных, зачастую незнакомых или малознакомых, лиц и интересов общества от общественно опасного посягательства, в силу наличия у обороняющегося особой идеологии или миропонимания.

При посягательстве исключительно на самого актора, необходимая оборона не будет являться актом вигилантизма. Исходя из указанного, исследуемые институты направлены на самозащиту граждан, на самостоятельную защиту интересов общества и существующих общественных норм от общественно опасных посягательств.

Указанные действия осуществляются без вмешательства правоохранительных органов, так как для вигилантизма характерно недоверие к органам власти в силу различных причин (коррупционность, особенности культуры, территориальная удаленность и иное), а для необходимой обороны возможно непревышение ее пределов, если обороняющийся не обратился за помощью к органам власти при наличии такой возможности, что допустимо ч. 3 ст. 37 УК РФ.

Изучаемые действия могут осуществляться лицами, не обладающими властными полномочиями, и которые не являются представителями правоохранительных органов. При этом, как было указано ранее, необходимая оборона может применяться в рамках вигиланстких действий, либо же являться видом их проявления.

Похожая ситуация складывается и при отграничении вигилантизма от причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Статьей 38 УК РФ установлено, что причинение вреда при задержании лица для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений является правомерным, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Правомерность устанавливается следующими критериями: задерживаемое лицо подозревается в совершении преступления, при задержании подозреваемый сопротивляется или пытается совершить еще одно общественно опасное деяние, задерживающее лицо не должно иметь умысла на убийство или причинение вреда¹.

¹ Нагорный А. П., Попов А. Н. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы уголовной ответственности и квалификации содеянного // Ученые записки Крымского

Так, причинение вреда при задержании лица является более характерным для современных форм вигилантизма, при которых происходит пресечение, предупреждение совершения правонарушений, помощь правоохранительным органам, но все последующее расследование и наказание остаются полностью в руках органов власти.

При этом, изначально правомерный вред при задержании лица может перерасти в самосуд. Например, приговором суда подсудимый осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ¹. Из материалов уголовного дела следует, что О. и К., будучи в состоянии алкогольного опьянения и узнав от своей знакомой Ф. об избииении ее в тот же день П., действуя на почве возникших из-за этого неприязненных отношений к П., не обращаясь в правоохранительные органы, решили самостоятельно разыскать его и задержать с целью доставления в подразделение полиции для дальнейшего разбирательства по поводу избияения Ф., не имея на то законных оснований. С целью доставления лица, О. и К. прибыли на автомашине к П., нанесли несколько ударов без причинения вреда здоровью, затем связали руки и усадили в автомобиль, направившись в сторону отдела полиции.

По пути к представителям органов власти умысел на доставление П. изменился на осуществление самосуда, так как один из подсудимых решил проучить его. Для реализации своего умысла О. и К. остановились у безлюдного берега реки. Далее О., выходя за пределы договоренности с К., на почве личных неприязненных отношений, возникших после ссоры с потерпевшим, несколько раз окунал голову последнего в воду, из-за чего наступило утопление П. Данный пример демонстрирует, как законное поначалу деяние может достаточно быстро перерасти в акт жестокого самосуда, что выражает сложности при разграничении изучаемых понятий.

Следующим вопросом для рассмотрения является отграничение вигилантизма от самоуправства. Согласно ст. 330 УК РФ под самоуправством является совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку, если такими действиями причинен существенный вред.

Безусловно данный состав преступления имеет схожие черты с вигилантизмом. Так, целью самоуправства является восстановление нарушенного предполагаемого или действительного права с мотивом в виде ощущения несправедливости, обиды, возмездия².

федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. №3. С. 497.

¹ Приговор № 2-26/2019 от 15 декабря 2019 г. по делу № 2-26/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S4kCJDdqS2xr/> (дата обращения: 05.11.2025).

² Пинягина Е. С. Особенности признаков субъективной стороны самоуправства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 6. С. 97.

Кроме того, объективная сторона характеризуется самовольными действиями лица, правомерность действий оспаривается организацией или гражданином, самоуправство влечет наступление общественно опасных последствий в виде существенного вреда. Исходя из указанных признаков, можно отметить, что самоуправство может применяться в рамках вигилантизма, т.к. в обход установленных законом процедур лицо самостоятельно совершает действия, направленные на восстановление справедливости.

Таким образом вигилантизм представляет собой уникальный социальный конструкт. Одной из его особенностей является факт того, что большинство смежных с ним понятий могут быть его проявлениями в определенных случаях, при этом полностью к нему они не сводятся, не поглощаются, не являются аналогичными понятиями. В то же время сущность вигилантизма проявляется в мире через существование таких феноменов, как самосуд, линчевание, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, самоуправство.

Научная статья
УДК 343.326

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 64 УК РФ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ДИВЕРСИЮ

Елизавета Денисовна СУХОРОСЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, liza.sukhorooslova@bk.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уголовно-правовой квалификации террористического акта (ст. 205 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ), несмотря на их сходство по степени общественной опасности и идентичность санкций.

Подчеркиваются различия в объекте посягательства, характере действий (публичный у террористов и скрытый у диверсантов), субъектном

составе и целях преступлений. Уделяется проблеме применения ст. 64 УК РФ к ст. 281 УК РФ.

На основе анализа судебной практики, автор приходит к выводу о необходимости законодательного уточнения: включения ст. 281 УК РФ в перечень ч. 3 ст. 64 УК РФ и дополнения ее примечанием, аналогичным ст. 205 УК РФ.

Ключевые слова: Диверсия, терроризм, назначение наказания, безопасность государства, преступления против основ конституционного строя

Original article

APPLICATION OF ARTICLE 64 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SENTENCING FOR SABOTAGE

Elizaveta D. SUKHOROSLOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, liza.suxoroslova@bk.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the criminal law classification of a terrorist act (Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) and sabotage (Art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation), despite their similarity in terms of public danger and identical sanctions.

The differences are highlighted in the object of encroachment, the nature of actions (public in the case of terrorists and covert in the case of saboteurs), the composition of subjects, and the purposes of the crimes. The issue of applying Art. 64 of the Criminal Code to Art. 281 of the Criminal Code is addressed.

Based on an analysis of judicial practice, the author concludes that there is a need for legislative clarification: to include Art. 281 of the Criminal Code in the list of Part 3 of Art. 64 of the Criminal Code and to supplement it with a note similar to that of Art. 205 of the Criminal Code.

Keywords: Sabotage, terrorism, sentencing, state security, crimes against the foundations of the constitutional system

В настоящее время на фоне текущей политической обстановки возросло количество диверсионных и террористических преступлений. Только за последние пять лет (с 2019 по 2023 год) было осуждено 13 человек, а за 2024 год – 48 человек¹. Количество преступлений террористической направленности также увеличивается с каждым годом. Согласно статистическим данным правоохранительных органов, количество осужденных за террористические акты с 2019-2023 составляло от 14 до 43 человек, однако в 2024 году этот показатель увеличился до 57 осужденных².

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что деяния, совершенные в рамках данных составов, сходны по степени общественной опасности с преступлениями террористической направленности, указанные в главе 24 УК РФ.

Рассматривая составы преступлений, предусмотренных ст. 205 и 281 УК РФ необходимо обратить внимание на следующее: различия этих составов выражаются в объекте. При совершении террористического акта непосредственным объектом являются общественные отношения по обеспечению общественной безопасности, а при диверсии объектом выступает экономическая безопасность РФ, а также обороноспособность страны.

Возраст субъекта за эти преступления является весьма противоречивым, об этом свидетельствует практика: в 2022 году за совершение диверсии было задержано более трети подростков, которые совершали поджоги релейных шкафов на железной дороге и при этом не осознавали «тяжести последствий своих действий в силу отсутствия жизненного опыта».

Цели этих составов также имеют различия: целью террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Так, А. И. Рарог указывает, что сущность террористической деятельности – «посясть панику среди населения, отомстить органам власти за какие-то действия и решения, выразить свою враждебность к неким социальным общностям по признакам национальности, религии и прочего»³.

Целью акта диверсии является ослабление государства и подрыв его экономической безопасности, а также оборонного комплекса. При этом лица, совершающие поджоги и взрывы на железных дорогах или транспортных средствах, не всегда преследуют цель подрыва экономической безопасности.

¹ «Защитить детей от вербовки»: в России просят строже наказывать за диверсии. // Газета.Ру URL: <https://www.gazeta.ru/gdezarabotat/agriculturalindustry2.shtml> (дата обращения: 27.10.2025).

² Как выросло в России число зарегистрированных терактов. // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3> (дата обращения: 27.10.2025).

³ Рарог А. И. Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 10. С. 152.

Давитадзе М. Д. отмечает, что диверсия «как вооруженный метод борьбы с противником имеет место быть не только в военное время, но и в мирное, особенно в завуалированной форме, когда она может стать весьма эффективным способом дестабилизации и представлять особую угрозу основам конституционного строя и безопасности государства»¹.

Сходство данных составов определяется объективной стороной: действиями (взрыв, поджог и иные опасные действия), однако состав ст. 205 УК РФ определяет также угрозу совершения указанных действий. Также необходимо обратить внимание на то, что в частях первых ст. 205 и 281 УК РФ санкции идентичны – «наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет». Из этого можно сделать вывод о том, что общественная опасность этих преступлений сходная.

Как и за совершение любого преступления, с учетом положений, предусмотренных ст. 64 УК РФ, суду «предоставлена возможность в определенных пределах осуществлять усмотрение»², которое связано с возможностью обеспечения справедливости назначения наказания и достижения целей наказания.

«Согласно законодательству Российской Федерации, ч. 1 ст. 64 УК РФ применяется в следующей форме:

Во-первых, суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ;

Во-вторых, суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено этой статьей;

В-третьих, суд может не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Таким образом, законодатель выделил определенные формы индивидуализации наказания. Данный перечень является закрытым, это связано с тем, что, применяя вышеуказанные положения, степень общественной опасности преступления и личности виновного значительно снижается».

Назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, вполне возможно. Однако при назначении наказания, связанного с лишением свободы на определенный срок, где минимальный предел равен 2 месяцам, достичь целей наказания считается невозможным.

Второй случай предполагает, что суд обладает возможностью назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, из этого

¹ Давитадзе М. Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169.

² Рарог А. И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 376–381.

следует: назначенное наказание не указано в статье Особенной части, но при этом оно является более мягким по отношению к основному наказанию и установлено вместо лишения свободы; либо назначенное наказание устанавливает объем ограничений и лишений прав, которые не связаны с лишением свободы.

В законодательстве прямое ограничение на применение более мягкого наказания вместо лишения свободы отсутствует. Таким образом, за совершение особо тяжких преступлений, общественная опасность которых значительно выше, чем за преступления небольшой и средней тяжести, возможно назначение более мягкого наказания, не связанного с лишением свободы на определенный срок. Что является не совсем справедливым, так как чем выше общественная опасность преступления, тем строже должно быть наказание.

Третья ситуация назначения более мягкого наказания предполагает не применение дополнительного вида наказания, установленного в качестве обязательного, установленного в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. В данных статьях данное положение применить нельзя, по той причине, что санкция за данные составы является абсолютно определенной.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) судьям при назначении наказания необходимо учитывать «исключительные обстоятельства», которые в ст. 64 УК РФ не определены. Это связано с тем, что суды самостоятельно определяют эти обстоятельства с учетом целей, мотивов преступления, а также личности лица, совершившего преступления.

Назначая наказание за преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ, необходимо обратиться к Общей части Уголовного кодекса, а именно к ч. 3 ст. 64 УК РФ.

В ней указывается на то, что назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, назначено быть не может, однако в примечании к ст. 205 УК РФ лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, может быть освобождено от уголовной ответственности.

Особенность этого примечания выражается в двух аспектах: добровольности и отсутствии в действиях лица иного состава преступления. Освобождение от уголовной ответственности возможно, если виновный, имея возможность и дальше продолжать участие в подготовке террористического акта, по своему личному усмотрению и желанию своевременно предупредил органы власти или иным способом содействовал предотвращению осуществления террористического акта.

Основанием освобождения от наказания в данном случае является факт недоведения преступления до конца, в случае если террористический акт произошел лицо будет подлежать уголовной ответственности.

Под «иными способами» предотвращения осуществления террористического акта понимаются активные действия лица, например, «обезвреживание соучастников, предотвращение взрыва, поджога или иных действий, предусмотренных ст. 205 УК РФ.

Второй аспект, проявляется в том, что действия лица не должны содержать признаки иного состава преступления.

Исходя из этого, суд имеет два исхода событий:

1. Назначить наказание в пределах санкции ст. 205 УК РФ;
2. Освободить лицо от уголовной ответственности при условии выполнения определенных действий, предусмотренных примечанием этой статьи.

Намного сложнее происходит назначение наказания за совершение состава преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ. Сразу необходимо обратить внимание на отсутствие примечания к ст. 281 УК РФ. В ч. 3 ст. 64 УК РФ отсутствует ссылка на состав данного преступления, соответственно положения ст. 64 УК РФ распространяются на состав преступления, предусмотренный ст. 281 УК РФ.

Назначая наказание лицу, совершившему преступление, предусмотренное ст. 281 УК РФ, суд может применить положения ст. 64 УК РФ, но не может освободить лицо от наказания, так как преступление относится к категории особо тяжких, а специальное основание освобождения от уголовной ответственности отсутствует, как предусмотрено примечанием ст. 205 УК РФ, что считается не совсем справедливым, так как общественная опасность данных преступлений сходная.

Поскольку основной задачей ст. 64 УК РФ является назначение справедливого наказания за совершенное преступление с учетом индивидуальных особенностей личности, что в результате позволяет достигнуть целей наказания, установленных настоящим кодексом.

Однако при применении данной статьи к ст. 281 УК РФ одна из целей – восстановление социальной справедливости – не будет достигнута, так как наказание не будет соответствовать степени и характеру общественной опасности преступления. Также, учитывая нынешнюю геополитическую обстановку в мире применение ст. 64 УК РФ совместно со ст. 281 УК РФ является нецелесообразным, что ведет к нарушению принципов и не достижению целей, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

В судебной практике применение ст. 64 УК РФ к ст. 281 УК РФ практически отсутствует. При этом в Обзоре судебной практики Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел применение ст. 64 УК РФ к ст. 275

УК РФ (Государственная измена). Поскольку ст. 275 УК РФ и ст. 281 УК РФ находятся в одной главе Уголовного кодекса РФ, то в качестве видового объекта данных преступлений выступают совокупность общественных отношений, обеспечивающих устойчивость основ конституционного строя и безопасность государства.

Согласно материалам дела, Ш. осужден за государственную измену (помощь иностранному государству, направленную против безопасности РФ) с применением ст. 64 УК РФ к 5 годам лишения свободы.

Заместитель Генерального прокурора РФ подал кассационное представление, ссылаясь на необоснованное применение ст. 64 УК РФ, так как действия об активном содействии Ш. раскрытию и расследованию преступления в данном случае не соответствуют характеру и степени общественной опасности преступления.

По мнению прокурора, Ш. стремился заработать, причиняя ущерб интересам своей страны, при этом посягательство на внешнюю безопасность Российской Федерации совершено им в период проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины, имеющей судьбоносное значение для сохранения суверенитета, территориальной неприкосновенности и обороноспособности России, что оставлено без оценки судами первой и апелляционной инстанций.

Суд апелляционной инстанции, также не проанализировав указанные обстоятельства с точки зрения их учета при назначении наказания, как это предусмотрено ч. 3 ст. 60 УК РФ, сослался на смягчающие наказание обстоятельства и иные положительно характеризующие осужденного сведения и сделал вывод о том, что совокупность этих обстоятельств обоснованно признана судом первой инстанции исключительной, существенно уменьшающей степень общественной опасности совершенного преступления.

При этом судом не учтено, что исключительными по смыслу ст. 64 УК РФ могут быть не любые смягчающие обстоятельства, а лишь такие, которые существенно уменьшают степень общественной опасности преступления. В апелляционном определении не содержится обоснования того, каким именно образом характеризующие осужденного данные, в том числе смягчающие обстоятельства, существенно уменьшают степень общественной опасности такого преступления, как государственная измена, с учетом установленных судом конкретных обстоятельств его совершения Ш. При указанных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в отношении Ш., уголовное дело передала на новое апелляционное

рассмотрение¹.

Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала на необходимость тщательной оценки характера и степени общественной опасности преступления при применении ст. 64 УК РФ.

Соответственно, из-за высокой общественной опасности диверсионных преступлений применение ст. 64 УК РФ невозможно. Это подтверждается, во-первых, отсутствием судебной практики по совместному применению данных статей, а во-вторых, комментарием суда о невозможности применения ст. 64 УК РФ к преступлениям, совершенным против основ конституционного строя и безопасности государства.

В связи с этим, целесообразно ст. 281 УК РФ и 281.1 УК РФ включить в перечень преступлений, предусмотренный ч. 3 ст. 64 УК РФ, при этом, учитывая принцип равенства, а также сходство с преступлением, предусмотренным ст. 205 УК РФ, дополнить данную статью примечанием аналогичным, тому, которое предусмотрено в ст. 205 УК РФ.

Предлагается изложить данное примечание в следующем виде: «Лицо, участвовавшее в подготовке диверсии, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления диверсии и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

Научная статья
УДК 343.326

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ И МНОГОЗНАЧНОСТИ СИМВОЛИКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТАТЬЕ 282.4 УК РФ

Максим Германович ТАБАКОВ

Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, г. Руза, Россия, tabakov.2005@bk.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Максим Геннадьевич ЖИЛКИН**

¹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 65-УДП24-ЗСС-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы квалификации деяний, связанных с демонстрацией символики, признанной экстремистской или террористической, в контексте действия статьи 282.4 УК РФ.

Показано, что действующая законодательная конструкция, основанная на административной преюдиции и формальном подходе к объекту посягательства, игнорирует многозначность символов и контекст их использования, что приводит к нарушению принципов вины, общественной опасности деяния и правовой определенности.

На основе историко-правового анализа происхождения ряда символов (свастики, Андреевского креста, фасций и др.) обосновывается необходимость внедрения контекстуального анализа при оценке демонстрации спорной символики.

Ключевые слова: уголовное законодательство, административная преюдиция, правовая определенность, нацистская символика, экстремистская символика, экстремистские материалы, идеология экстремизма

Original article

THE PROBLEM OF CONTEXTUAL ASSESSMENT AND AMBIGUITY OF SYMBOLS IN THE QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 282.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim G. TABAKOV

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Ruza, Russia, tabakov.2005@bk.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Associate Professor **Maxim Gennadievich ZHILKIN**

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical problems of qualifying acts related to the demonstration of symbols recognized as extremist or terrorist in the context of Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

It is shown that the current legislative structure, based on administrative prejudice and a formal approach to the object of encroachment, ignores the ambiguity of symbols and the context of their use, which leads to a violation of the principles

of guilt, public danger of the act and legal certainty.

Based on the historical and legal analysis of the origin of a number of symbols (swastikas, St. Andrew's Cross, fascia, etc.), the necessity of introducing contextual analysis in assessing the demonstration of controversial symbols is substantiated.

Keywords: criminal legislation, administrative prejudice, legal certainty, Nazi symbols, extremist symbols, extremist materials, ideology of extremism

В современном российском праве борьба с экстремизмом и проявлениями нацизма рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики. Это нашло отражение как в специальных федеральных законах, так и в нормах уголовного и административного законодательства, регулирующих ответственность за пропаганду и демонстрацию запрещенной символики.

На уровне уголовного закона ключевое значение имеет ст. 282.4 УК РФ, устанавливающая ответственность за неоднократное совершение действий, связанных с демонстрацией символики экстремистской или террористической направленности, при наличии неснятого и непогашенного административного наказания по ст. 20.3 КоАП РФ. Фактически речь идет о «криминализации повторности» формально того же поведения.

При этом законодатель исходит из презумпции, что любое использование такой символики – уже само по себе общественно опасно и недопустимо, что соответствует общей тенденции к жесткому запрету нацизма и его реабилитации. Однако реальная практика показывает, что один и тот же графический образ может иметь кардинально различный смысл в зависимости от культурного, исторического, религиозного или научного контекста. Отсутствие легально закрепленной модели контекстуальной оценки символики порождает системные проблемы квалификации и создает риски необоснованной уголовной репрессии.

Цель настоящей статьи – показать, что действующая редакция ст. 282.4 УК РФ по своей конструкции не учитывает многозначность символики и специфику контекста ее использования, вступая в противоречие с базовыми принципами уголовного права, а также предложить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Правовое регулирование борьбы с проявлениями фашизма в Российской Федерации опирается, в частности, на положения Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024), в котором предусмотрена обязанность государства противодействовать пропаганде фашизма и его символики.

Административная ответственность за пропаганду и публичную демонстрацию нацистской атрибутики или символики, а равно атрибутики и символики экстремистских организаций, установлена ст. 20.3 КоАП РФ. При этом примечание к указанной статье формально допускает использование такой символики в: исторических, научных, образовательных, музейных и иных целях, связанных с формированием негативного отношения к идеологии нацизма и экстремизма.

Уголовная ответственность введена ст. 282.4 УК РФ, которая построена по модели административной преюдиции: преступлением признается демонстрация запрещенной символики при условии, что ранее лицо уже было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние по ст. 20.3 КоАП РФ и наказание не снято и не погашено.

По сути, законодатель переносит акцент с оценки общественной опасности конкретного деяния на формальный факт его совершения лицом, уже один раз привлеченным к ответственности. Именно эта конструкция и образует системное противоречие с фундаментальными принципами уголовного права.

Административная преюдиция в ст. 282.4 УК РФ выступает ключевым криминообразующим признаком: наличие неснятого административного наказания по ст. 20.3 КоАП РФ автоматически трансформирует последующее аналогичное деяние в преступление.

При этом:

- не оценивается реальная общественная опасность второго деяния,
- не исследуется его контекст, цель и мотив,
- не учитывается, является ли демонстрация символики фактически нейтральной (научной, музейной, художественной и т.п.).

Так, П. А. Скобликов отмечает, что ни в одном из изученных судебных решений не отражена информация о том, выясняли ли судьи осведомленность привлеченного к ответственности лица о существовании юридического запрета на публичную демонстрацию той символики, демонстрация которой лицу вменялась. Между тем соответствующая информация должна быть принята во внимание при определении виновности и ее формы¹.

Характерным примером иллюстрации подобного формального подхода может служить первое в истории Санкт-Петербурга дело по ст. 282.4 УК РФ в отношении Разина².

Согласно материалам дела, Разин, будучи подвергнутым наказанию за

¹ Скобликов П. А. Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 162–179.

² Неоднократная пропаганда или первое в истории Санкт-Петербурга дело по статье 282.4 УК РФ (материалы о деле А. Разина) URL: <https://ria.ru/20240719/natsizm-1960779859.html> (дата обращения: 11.11.2025).

административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, достоверно зная об этом, находясь на спортивной площадке имел на открытом для обозрения участке кожи (область груди слева) татуировку с изображением графического символа, признанного следствием внешне схожим до степени смешения с символикой (свастикой) нацистской Германии. В присутствии находившихся поблизости лиц он снял футболку, оголив верхнюю часть тела, тем самым сделав татуировку доступной для обозрения неопределенному кругу лиц, после чего изготовил фотографию с видимой татуировкой и разместил ее в мессенджере «Telegram» на странице канала «WHITE SCOUTS»².

Разину было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Из ходатайства следователя следует, что изначально он признал вину, но в судебном заседании сообщил, что вину не признает, с фашизмом ничего общего не имеет и просил избрать более мягкую меру пресечения – подписку о невыезде. Несмотря на это, районный суд избрал в отношении Разина меру пресечения в виде заключения под стражу сроком до 23.12.2023, то есть на период предварительного расследования.

В рамках рассматриваемого дела ключевое значение, по сути, придано:

- факту наличия неснятого административного наказания по ст. 20.3 КоАП РФ;

- констатации визуального сходства татуировки со свастикой «до степени смешения»;

- факту размещения фотографии в телеграм-канале.

При этом в публично доступном описании кейса не просматривается анализ того, преследовал ли обвиняемый цель пропаганды нацистской идеологии, разжигания ненависти либо оправдания преступлений нацизма, как и оценка реального масштаба аудитории, характера комментариев, наличия либо отсутствия призывов к насилию.

Таким образом, человек, однажды привлеченный к административной ответственности, при последующем использовании спорного изображения (в данном случае – татуировки) автоматически может стать субъектом преступления по ст. 282.4 УК РФ. По своей сути это, по нашему мнению, означает двойную репрессию за одно и то же поведение (демонстрацию символа), отличающееся лишь признаком повторности.

Такая конструкция, по нашему мнению:

- абсолютизирует формальный признак прежнего наказания;
- игнорирует требование оценки общественной опасности каждого деяния;

- вступает в противоречие с принципом виновной ответственности (ст. 5 УК РФ) и требованием общественной опасности деяния как

обязательного признака преступления (ст. 14 УК РФ);

– подрывает принцип правовой определенности (ст. 8 УК РФ), поскольку гражданин не может предсказать, когда формально аналогичное действие (демонстрация татуировки, изображения и т. д.) будет квалифицировано как преступление.

В результате правоприменитель зачастую сосредоточен не на оценке смысла и цели демонстрации символики, а лишь на формальной констатации факта повторности на фоне прежнего административного наказания. Это усугубляет проблему отсутствия контекстуального анализа.

Между тем, один и тот же графический образ может обладать различной, порой прямо противоположной смысловой нагрузкой. В контексте экстремистской и нацистской символики это проявляется особенно ярко.

Например, свастика – один из древнейших индоевропейских символов. В исследованиях конца XIX – начала XX века она описывалась как знак солнца, света, небесного огня, воды, эмблема Великого Бога – Творца и Властителя Вселенной¹.

Современные археологические и исторические исследования подтверждают, что свастика появилась на территории Индии задолго до возникновения государственности в привычном понимании: по данным индийских исследователей, свидетельства ее использования фиксируются в долине Инда не менее чем за 11 тысяч лет до начала хараппской цивилизации².

В буддийской традиции свастика символизирует следы Будды; ее изображают на статуях, монаховской одежде, помещают в начале и конце надписей. Для многих народов Азии она и сегодня остается позитивным, сакральным знаком.

В российской истории свастика также встречалась в сугубо неэкстремистском контексте. Известны, в частности, нарукавные нашивки и награжденные знаки с изображением свастики, использовавшиеся в калмыцких частях Красной армии в годы Гражданской войны; соответствующий опознавательный знак был введен приказом командования Юго-Восточного фронта в 1919 г.³.

Тем не менее в XX веке национал-социалисты присвоили этот символ, радикально исказив его смысл и наполнив идеологией человеконенавистничества. В массовом сознании современного общества свастика

¹ Тихонова А. А. Символ свастики: архетипический смысл, история и современность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 164–169.

² РИА Новости. Индийские ученые утверждают, что свастике не менее 11 тысяч лет, 07.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160707/1460954545.html> (дата обращения: 12.11.2025).

³ Антикварный магазин Antik1941. Историческая справка «Свастика – символика на купюрах и знаках первых лет советской власти» URL: <https://antik1941.ru/otkuda-svastiki-v-rsfsr-> (дата обращения: 11.11.2025).

ассоциируется именно с нацизмом, геноцидом и войной.

Таким образом, один и тот же знак в разных историко-культурных контекстах может означать: сакральный солярный символ; религиозный знак благоприятствия; эмблему воинского подразделения; символ национал-социалистической идеологии.

Игнорирование этой многозначности и автоматическое отождествление свастики с нацизмом вне зависимости от контекста ее использования влечет риск привлечения к ответственности буддийского монаха или исследователя наравне с нацистским пропагандистом.

Другой пример – Андреевский крест – традиционный символ Военно-Морского Флота России, закреплённый в Морском уставе ещё в 1720 г.¹. Он прочно связан с историей российского флота, военными традициями и героикой.

Одновременно этот же символ использовался на шевронах и флагах Русской освободительной армии (РОА) генерала А. А. Власова в годы Второй мировой войны². Над лагерем Дабендорф, где формировались русскоязычные соединения, рядом с государственным флагом нацистской Германии развевался Андреевский флаг³.

Отсюда вытекает очевидная коллизия: один и тот же символ может одновременно воплощать: государственно-историческую традицию российского флота и знак воинских формирований, сотрудничавших с нацистским режимом.

Следовательно, без анализа контекста (цветовое решение, надписи, исторический сюжет, сопроводительный текст) невозможно однозначно отнести демонстрацию Андреевского креста к пропаганде нацизма либо к законному использованию государственной символики.

Ещё одной иллюстрацией подобной многозначности служат фации. Фации – связка прутьев с топором – в современной России используются в качестве геральдических элементов эмблем ФСИН, ФССП, военной полиции и ряда других государственных структур.

Одновременно в период 1922–1945 гг. фации являлись официальным символом режима Муссолини, первого в мире фашистского государства, воювавшего против СССР.

Подобная амбивалентность характерна и для других символов (например, определенных вариантов трезубца, использовавшихся как в исторических гербах, так и в атрибутике экстремистских организаций).

¹ Петров В. И. История появления Андреевского креста на морских флагах России // Журнал: Христом. 2023. № 3 (7). С. 68–85.

² Васильев М. В. Первый гвардейский батальон РОА // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 44. С. 159–175.

³ Хоффманн Й. История Власовской армии // Paris: YMCA-Press, 1990.

Все это показывает, что сам по себе символ не является «преступным» или «экстремистским» по своей природе. Его правовой статус во многом определяется тем, какая группа его использует, в каких целях и какое содержание за ним закрепляется. Запрет одного символа приводит лишь к тому, что радикальные организации начинают использовать другой – тем самым в теории любой знак может быть признан экстремистским лишь на основании факта его присвоения радикальным меньшинством.

Согласно действующему подходу, символ, используемый экстремистской организацией или в материалах экстремистского содержания, приобретает статус запрещенного после применения соответствующей процедуры признания материалов экстремистскими и внесения их в Федеральный список экстремистских материалов. До этого момента он может находиться в полностью нейтральном или легальном обороте.

При этом, как представляется,

- не существует законодательно утвержденного, общедоступного и исчерпывающего реестра запрещенных символов с их визуальными образцами;

- гражданин, художник, исследователь или преподаватель зачастую не может достоверно установить, подпадает ли используемое им изображение под запрет;

- формулировка о символах «сходных до степени смешения» с нацистскими размывает границы запрета: если изображение уже существенно отличается, то фактически речь идет об ином символе, который нацистами не использовался, но при этом может быть признан незаконным по формальному признаку «сходства».

Отсутствие четкого, верифицируемого перечня запрещенных образов нарушает принцип правовой определенности (ст. 8 УК РФ) и расширяет дискрецию правоприменителя.

Показателен пример приложения № 2 к Дисциплинарному регламенту Российского футбольного союза, где предусмотрен конкретизированный перечень символики, запрещенной к использованию на стадионах, с их графическим описанием¹. Подобная модель могла бы лечь в основу и для федерального уровня с учетом различия задач и масштабов регулирования.

В этой связи принципиально важно, что общественная опасность, необходимая для уголовной ответственности, возникает не из самого факта демонстрации символа, а из цели его использования – пропаганды экстремистской идеологии, разжигания ненависти или вражды, унижения

¹ Российский Футбольный Союз Общероссийская общественная организация. Приложение № 2 к Дисциплинарному регламенту РФС 13.07.2024 URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1510> (дата обращения: 11.11.2025).

человеческого достоинства.

Для устранения правовой неопределенности и обеспечения соответствия ст. 282.4 УК РФ принципам уголовного права представляется необходимым:

1. Ввести на уровне закона и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации обязательность установления: целей демонстрации символики, характера аудитории, наличия или отсутствия призывов к насилию, разжигания ненависти, реабилитации нацизма, наличия пояснений, осуждающих либо одобряющих соответствующую идеологию.

2. Дополнить ст. 282.4 УК РФ примечанием о том, что ее действие не распространяется на случаи использования символики в целях, указанных в примечании к ст. 20.3 КоАП РФ (наука, образование, искусство, формирование негативного отношения к идеологии нацизма и экстремизма) при отсутствии намерения ее пропаганды.

3. В отдельном постановлении Пленума Верховного суда РФ целесообразно закрепить:

- обязательность контекстуальной оценки демонстрации символики;
- критерии разграничения правомерного и преступного поведения по ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ;
- минимальные стандарты доказывания намерения пропаганды экстремизма, а не лишь факта демонстрации изображения.

4. Для каждого запрещенного символа следует, по нашему мнению:

- приводить не только графический «эталон», но и краткое описание контекстов его запрещенного использования;
- указывать возможные правомерные варианты (например, исторические флаги, религиозные изображения, научные иллюстрации);
- обеспечить открытый, удобный для граждан цифровой доступ к реестру.

На практике бремя доказывания «нейтрального» или научного контекста зачастую фактически перекладывается на обвиняемого. Между тем именно обвинение должно обосновывать наличие цели пропаганды экстремистской идеологии, а не ограничиваться ссылкой на сам факт демонстрации спорного символа и наличие административной преюдиции.

В заключении следует отметить, что, по нашему мнению, действующая редакция ст. 282.4 УК РФ носит чрезмерно формальный и репрессивный характер, поскольку:

- опирается на административную преюдицию при отсутствии оценки общественной опасности конкретного деяния;
- игнорирует многозначность символики и разнообразие ее историко-культурных контекстов;

- создает высокие риски привлечения к уголовной ответственности за деяния, фактически лишённые признаков общественной опасности;
- нарушает принципы виновной ответственности и правовой определенности.

Запрещая «преступную символику», государство неизбежно сталкивается с ее видоизменением: экстремистские группы меняют название, эмблему, визуальные маркеры, но сущность их человеконенавистнической идеологии остается прежней. Поэтому ключевая задача уголовного закона должна состоять не в формальном запрете того или иного графического изображения, а в эффективной борьбе с самой идеологией экстремизма, с разжиганием ненависти и вражды, оправданием насилия и геноцида.

Решение данной задачи возможно только при отказе от сугубо формального подхода и последовательном внедрении в правоприменительную практику контекстуального анализа демонстрации символики, учитывающего: цели и мотивы ее использования; содержание сопровождающих ее высказываний; исторический, религиозный и культурный контекст; наличие реальной угрозы общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Только в этом случае институт ответственности за демонстрацию экстремистской и террористической символики сможет выполнять свою превентивную функцию, не превращаясь в инструмент произвольной репрессии и не подрывая основы юридического государства.

Научная статья

УДК 343.195.3

РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Александра Эдуардовна ТИМОШЕНКО

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Луганск, Россия, sqweddy@yandex.ru

Научный руководитель – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
Сергей Викторович КОНДРАТЮК, kondratyuk.serzh@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется важность участия прокурора и особенности его профессиональной деятельности при рассмотрении преступлений против конституционного строя и безопасности государства.

Особое внимание уделяется контролю за законностью следственных действий и взаимодействию с правоохранительными органами. Также в статье анализируются современные вызовы и информационные угрозы, требующие расширения профессиональных навыков прокуроров.

Важной составляющей профессиональной деятельности является этическая ответственность и поиск баланса между обеспечением безопасности государства и соблюдением прав человека.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, конституционный строй, государственная безопасность, уголовное дело, судебное разбирательство, этическая компетентность, цифровая безопасность

Original article

THE ROLE AND PECULIARITIES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE DISCUSSION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AND STATE SECURITY

Alexandra E. TIMOSHENKO

Lugansk Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, sqweddy@yandex.ru

Scientific adviser – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Sergey Viktorovich KONDRATYUK**, kondratyuk.serzh@mail.ru

Abstract. The article examines the importance of the prosecutor's participation and the specifics of his professional activity in the consideration of crimes against the constitutional order and the security of the state.

Special attention is paid to monitoring the legality of investigative actions and interaction with law enforcement agencies. The article also analyzes modern challenges and information threats that require the expansion of professional skills of prosecutors.

An important component of professional activity is ethical responsibility and the search for a balance between ensuring the security of the state and respect for human rights.

Keywords: prosecutorial activity, constitutional system, state security, criminal case, judicial proceedings, ethical competence, digital security

В уголовном судопроизводстве роль прокурора является крайне важной. Прокуратура выступает гарантом защиты прав и свобод граждан, а также интересов государства. Эта роль особенно важна в делах, связанных с преступлениями против конституционного строя и государственной безопасности, так как эти дела могут влиять на социальную структуру государства и на ее стабильность.

Данные преступления и их последствия требуют от прокуроров особой бдительности, кропотливости и непоколебимой верности закону. К таким преступлениям относятся, в частности, государственная измена, шпионаж, терроризм и попытки насильственного свержения конституционного строя. Прокуроры обязаны обеспечивать соблюдение правосудия, единое применение закона ко всем без исключения, а также защиту государственной безопасности от внутренних и внешних угроз, которые могут быть как прямыми, так и косвенными, проявляясь в виде дезинформации, экстремистской пропаганды или кибератак.

Участие прокуроров в делах, связанных с нарушениями конституционного строя и государственной безопасности, регулируется сложной правовой базой, которая постоянно развивается в ответ на новые вызовы и угрозы. При рассмотрении таких дел прокуроры выступают в роли представителей государства и защитников конституционных принципов, закрепленных в основном законе страны.

Основная цель прокуроров при участии в этих процессах – обеспечить законное и беспрекословное проведение судебного разбирательства, выполнение его решений, а также надежную защиту интересов граждан и государства. Кроме того, важной задачей является предоставление каждому обвиняемому возможности на справедливую защиту. Для достижения этих целей прокурорам необходимо обладать глубокими знаниями в области законодательства и умением находить баланс между соблюдением законности и обеспечением национальной безопасности.

Одной из основных функций прокурора является возбуждение уголовного дела. Прокуроры поддерживают государственное обвинение на основании информации, собранной в ходе предварительного расследования и оперативных данных, полученных от разведывательных служб и правоохранительных органов. Они контролируют процесс расследования, обеспечивая его соответствие правовым нормам и законность предъявляемых доказательств, в целях исключения любых нарушений, ставящих под сомнение допустимость этих доказательств в суде.

Положение ст. 37 УПК РФ гласит, что в случаях, предусмотренных законом, прокурор может осуществлять надзор за предварительным следствием по делам, связанными с государственной безопасностью, важными государственными интересами, массовыми преступлениями и другими делами, имеющими особую значимость.

Важность и сложность данных дел предполагает тесное сотрудничество с разведывательными органами и службами безопасности для сбора разведывательной информации и доказательств, которые ввиду их специфики, могут быть недоступны для обычного следственного пути.

Такое сотрудничество требует особого внимания к защите источников информации и обеспечению ее достоверности. В этом контексте роль прокурора распространяется на руководство расследованием, запрос необходимых следственных действий, таких как обыски, выемки, допросы свидетелей и экспертные заключения, а также обеспечение всестороннего расследования всех элементов преступления, включая мотив, цель и способ его совершения.

Отличительной чертой участия прокурора в расследовании преступлений против конституционного строя и безопасности является его надзорная роль. Для осуществления надзора за предварительным следствием и процессуальной деятельностью, прокурор выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан, а также защитником интересов государства. Контроль правомерных следственных действий и недопустимость незаконных методов получения доказательств является важной задачей в расследовании дел против конституционного строя и безопасности государства¹.

Особое значение имеет контроль за соблюдением прав обвиняемых и подозреваемых, а также соблюдение процедурных норм при проведении оперативно-розыскных мероприятий². В случае выявления нарушений прокурор обязан принимать меры по их устранению, для обеспечения баланса между необходимостью эффективного раскрытия преступлений и защитой прав личности. Прокурор, исполняя данную функцию, имеет право давать поручения следователю, останавливать незаконные действия и требовать их исполнения, вносить протесты, требовать дополнительных расследований по делу, а также в целом контролировать ход следствия.

Важным аспектом деятельности прокурора является представительство государства в суде. В делах о преступлениях против конституционного

¹ Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию: учебное пособие / О.Н. Коршунова, И.И. Головкин, Д.М. Плугарь [и др.]. Санкт-Петербург: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. 216 с.

² Жирова М. Ю. Кондратюк С. В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 4(6). С. 94-97.

строю и безопасности государства он осуществляет обвинение, представляя доказательства, подтверждающие вину обвиняемых, и поддерживая государственную позицию по делу. Прокурор обязан тщательно готовиться для аргументации собранными в ходе расследования доказательствами и юридически обосновывать свою позицию, чтобы обеспечить справедливое и объективное судебное разбирательство.

Особое место занимает роль прокурора в обеспечении соблюдения процедурных норм при рассмотрении подобных дел в суде. Высокая общественная опасность и политическая значимость таких дел сопровождается повышенными требованиями к соблюдению правовых норм, конфиденциальности и безопасности.

Роль прокурора обязывает его быть готовым к защите государственных интересов как в суде, так и при взаимодействии с другими государственными органами, для обеспечения их скоординированной работы в целях достижения справедливых и правомерных заключений дел.

Историческим примером эффективной реализации полномочий прокурора по делам исключительной важности стало участие Генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко в Нюрнбергском процессе. Его деятельность на процессе демонстрирует эталонный подход к организации государственного обвинения по преступлениям против государственной безопасности.

Р.А. Руденко лично участвовал в допросах главных нацистских преступников, представлял вещественные доказательства преступлений и формулировал правовую позицию советской стороны. Именно такая цивилизованная позиция в процессе и его законность демонстрировали справедливость государства и его представителей. Вступительная и заключительная речи главного обвинителя от Советского Союза стали образцом юридической аргументации и способствовали становлению важнейших принципов международного права. Этот исторический опыт остается актуальным сегодня, показывая значение тщательной процессуальной подготовки и беспристрастного подхода при рассмотрении дел о преступлениях против государственной безопасности¹.

Современный мир порождает новые формы угроз государственной безопасности, такие как кибертерроризм, информационные войны, использование экстремистскими организациями мессенджеров и деструктивное влияние из-за рубежа. Это требует от прокурора не только глубоких знаний традиционного уголовного и уголовно-процессуального права, но и понимания

¹ Военно-судебная система в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и других особых периодах: уроки прошлого и современные вызовы / В.К. Аулов, Н.А. Петухов, Ю.Н. Туганов [и др.]. М.: Граница, 2025. 348 с.

основ информационной безопасности, международного публичного права, а также специфики финансирования терроризма и экстремистской деятельности.

Особенностью участия прокурора становится необходимость работы с цифровыми источниками, которые часто носят международный аспект. Умение формулировать запросы о правовой помощи, взаимодействие с компетентными органами иностранных государств в рамках международных договоров, оценка допустимости доказательств, полученных из-за рубежа, становятся новыми обязанностями прокурора. Это усложняет его задачу, поскольку требует высоких знаний национального и международного права.

В условиях, в которых граница между военными и невоенными (гражданскими) методами взаимодействия размывается, прокурор обязан подробно рассматривать действия, направленные против безопасности государства и подрыв конституционного строя. Цифровизация преступной деятельности породила принципиально новые формы противоправных посягательств на конституционный строй.

Кибертерроризм, представляющий собой использование информационно-телекоммуникационных сетей для дестабилизации критической инфраструктуры государства, становится реальной угрозой национальной безопасности¹. Например, распространение дезинформации в глобальной сети, может рассматриваться в контексте намеренного вызова массовых беспорядков и может быть квалифицировано как экстремистская деятельность или даже как подготовка к насильственному захвату власти.

Прокурор должен проводить тщательный юридический анализ, чтобы не допустить как необоснованного уголовного преследования, так и бездействия в условиях реальной угрозы. Эволюционируют и традиционные формы угроз. Современный терроризм и экстремизм активно используют криптовалюты и теневые банковские схемы для финансирования своей деятельности, что требует от прокурора понимания основ инновационных технологий и механизмов противодействия легализации преступных доходов.

В ответ на эти вызовы современный прокурор должен овладеть навыками работы с большими массивами данных, основами кибернетической криминалистики и межотраслевого правового анализа. Непрерывное профессиональное развитие, включая специализированные курсы по цифровой безопасности и международному сотрудничеству, становится неотъемлемым элементом эффективного выполнения прокурором своих обязанностей по защите конституционного строя и государственной безопасности в нашем веке.

¹ Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Гуманитарные балканские исследования. 2017. № 1. С. 41–43.; Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Криминалистические признаки наркосбыта посредством Интернет // Балканское научное обозрение. 2017. № 1. С. 43–46.

Дела против конституционного строя и государственной безопасности требуют от прокурора этической компетентности, ответственности, высокого знания главного закона страны и правовых актов. Постоянные изменения во внутренней и внешней ситуациях, а также в международной обстановке создают необходимость постоянно обновлять и углублять знания прокурора, придерживаться принципов законности и объективности, а также уметь принимать взвешенные решения в условиях возможных конфликтов интересов и давления.

Статья 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025), устанавливает, что недопустимо использование сетей связи общего пользования и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», для осуществления экстремистской деятельности. Это подчеркивает важность цифровой грамотности и компетентности прокурора в области информационной безопасности и противодействия экстремизму.

Прокурор может сталкиваться с дилеммой между необходимостью обеспечить максимальную безопасность государства и неукоснительным соблюдением прав отдельных лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях. Давление со стороны общества, средств массовой информации и государственных структур может быть колоссальным. В таких условиях только высокая профессиональная культура, независимость мышления и верность принципу презумпции невиновности позволяют прокурору рассматривать дела справедливо и гуманно¹.

В заключении следует подчеркнуть, что роль и особенности участия прокурора в уголовных делах против конституционного строя и безопасности государства обусловлены их особой важностью для обеспечения стабильности и суверенитета государства.

Эффективная деятельность прокурора в этой сфере способствует раскрытию и пресечению преступлений, наносящих урон государству, а также укреплению правового порядка, защите прав граждан и поддержанию общественного доверия к органам правосудия.

Таким образом, прокурор выступает ключевым звеном в сложном механизме защиты основ конституционного строя, сочетая в своей работе функции мощного государственного обвинителя, беспристрастного надзорного органа и гаранта фундаментальных прав человека, что в условиях современных вызовов делает его роль как никогда значимой и многогранной. Именно поэтому высокий уровень профессионализма и ответственности работников прокуратуры, их способность адаптироваться к новым угрозам и вызовам являются залогом эффективной защиты национальных интересов и правового порядка.

¹ Антикриминальная стратегия и ее криминологическая составляющая / Т. Н. Иванова, С. В. Кондратьев, М. А. Михайлов [и др.]. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2023. 288 с.

Научная статья
УДК 343.337.4

**ПРЕДМЕТ РАЗГРАБЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА
В СТАТЬЕ 356 УК РФ**

Даниил Александрович ТЮТЮНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
danya.tyutbnov@bk.ru

Научный руководитель – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предмета разграбления национального имущества.

Изучается проблематика разграничения смежных составов по объективной стороне состава преступления и предмету.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 356 УК РФ.

Ключевые слова: предмет преступления, разграбление национального имущества, уголовная ответственность

Original article

**THE SUBJECT OF LOOTING OF NATIONAL PROPERTY
IN ARTICLE 356 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Daniil A. TYUTYUNOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, danya.tyutbnov@bk.ru

Scientific adviser – Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch)

Abstract. The article examines the specifics of the looting of national property.

The article examines the problems of distinguishing related compounds according to the objective side of the crime and the subject.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for a crime under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: the subject of a crime, the looting of national property, and criminal liability

Разграбление национального имущества, как элемент преступления ст. 356 УК РФ (Применение запрещенных средств и методов ведения войны) имеет некоторые недостатки, связанные прежде всего с «атипичностью» для российского права избранной законодателем терминологии. При изучении конструкции статьи возникают вопросы о понятии «разграбление» и толковании понятия «национальное имущество».

Будучи в своей сущности конвенциональной категорией, термин «национальное имущество», в нарушение требований формальной логики, не нашел своего отражения ни в российском, ни в международном законодательстве. Очевидно, что законодателем ставилась цель соблюдения международных обязательств, принятых Гаагской конвенцией о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954.

С одной стороны, законодатель избежал необдуманной имплементации норм, а с другой необоснованно включил термин национальное имущество, проигнорировав системное включение определения в структуру российского законодательства.

В словаре С. И. Ожегова термин «национальное» понимается, как характерное для данной нации, свойственной именно ей¹. Очевидно, что имущество должно принадлежать на праве собственности определенной группе людей, проживающей на определенной территории. Однако нельзя подходить к толкованию данного термина расширительно, не обращаясь к Российскому законодательству.

Частью 2 статьи 9 Конституции Российской Федерации установлено, что в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. С. 603.

В отличие от традиций советского права, законодатель избежал излишнего дифференцирования ответственности по критерию различия форм, тем самым придавая последним знак равенства и обеспечив тождество общественной опасности при посягательствах на эту сферу правоотношений. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о равенстве степени общественной опасности, вне зависимости от деления имущества на государственное или частное.

Так, предметом хищения являются предметы материального мира, обладающие экономической и (или) хозяйственной ценностью и имеющие денежное выражение

Стоит ли отрицать придание равенства предмету разграбления национального имущества и предметам общеуголовных норм, устанавливающих ответственность за различные формы хищения?

Считаем, что предмет составов, которые являются общими, за исключением деяний, включающих в себя специальный предмет, а именно хищений наркотических средств или психотропных веществ, растений их содержащих (ст. 229 УК РФ); оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), можно распространить с целью определения предмета разграбления национального имущества, что будет отвечать системному подходу к толкованию уголовного законодательства.

Соответственно составы, выделенные законодателем по критерию специального предмета посягательства, не охватываются статьей 356 УК РФ и требуют квалификации по совокупности преступлений, но с некоторыми исключениями.

Показательным примером квалификации разграбления национального имущества будет Постановление о предъявлении К.О. Герцогу в разрушении материального имущества: «В сентябре 1941 года, командуя 291-й пехотной дивизией и ворвавшись с частями в гор. Новый Петродворец, Герцог принимал участие в разрушении дворцов, музеев и разграблении их исторических ценностей. Тогда же артиллерийскими частями его дивизии подвергся уничтожению гор. Старый Петродворец, в том числе исторические памятники: Английский дворец, здание Биологического института (Ляхтемберский дворец) и др.

С осени 1941 до зимы 1942 года его артиллерийские части систематически обстреливали город Ленинград, разрушая жилые кварталы, культурно-исторические памятники и истребляя мирное население. С 1 июля 1942 года, будучи в должности командира 38-го армейского корпуса, Герцог организовал разграбление, разрушение Новгорода и его исторических памятников.

По его приказам специальные войска на протяжении 1943 года систематически разрушали каменные здания, использовали их для строительства

оборонительных сооружений и дорог. Осенью 1943 года был разобран и подготовлен к отправке в Германию памятник Тысячелетия России. Снято золотое покрытие с куполов Софийского собора и с Георгиевского собора Юрьева монастыря и полностью разграблено внутреннее убранство соборов.

Из награбленных ценностей изготавливались золотые вещи, которые Герцог отправлял к себе в Германию и дарил своим офицерам»¹.

Отметим, что при вышеназванных обстоятельства предмет совершения – специальный (предмет, имеющий особую ценность), ответственность за хищение которого предусмотрена ст. 164 УК РФ. Сам факт совершения противоправных действий в отношении имущества музеев, монастырей и т. д. в вышеназванном примере, не должен охватываться ст. 164 УК РФ, поскольку законодатель учел при конструировании данной статьи положения Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. Иной правоприменительный подход несостоятелен, поскольку не отвечает логике существа конвенциональных преступлений.

При разграничении разграбления национального имущества важным признаком субъективной стороны, представляющим возможность разграничить правоприменителю данный состав от общеуголовных норм, а также мародерства является факт осознания согласованности действий исполнителей при наличии организатора – вышестоящего командования (наличие приказа), массовость совершения действий по разграблению, т. е. обстановка совершения преступлений, количества лиц, предмета хищения и размера причиненного ущерба, а также способа совершения преступления.

При определенных обстоятельствах, хищение имущества в организованной группе может квалифицироваться по статьям 161, 162, 356, 356.1 УК РФ, что требует особого подхода к квалификации и всестороннему выяснению обстоятельств.

Так, хищение имущества организованной группой при наличии согласованных действий, в случае применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с учетом места совершения преступления, то есть совершенного на определенной территории, при отсутствии признаков ст. 356.1 УК РФ и специального предмета, действия лиц будут охватываться ст. 162 УК РФ.

Однако в случае введении периода военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и отсутствия вынужденной необходимости есть все основания для квалификации деяния по ст. 356.1 УК РФ «Мародерство».

Представляется, что любое хищение имущества (по очевидным

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Новгородская область : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. сост. В. Г. Колотушкин; авт. науч. ст. М. Н. Петров; авт. археогр. предисл. В. Г. Колотушкин, Е. Ф. Михайлова. М. : Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2020. С. 390.

причинам за исключением присвоения и растраты, а также мошенничества) на территории, где введено военного положение, военное время, ведутся боевые действия или вооруженный конфликт, квалифицируется по ст. 356.1 УК РФ.

Думается, что формальный подход, избранный законодателем, может породить негативную практику вменения мародерства по объективным признакам, указанным выше. При инкриминировании данного состава необходимо в первую очередь учитывать обстановку совершения преступления, то есть виновное лицо должно использовать вышеназванные обстоятельства с корыстной целью, использовать их для облегчения совершения преступления.

И, наконец, при равных обстоятельствах, на оккупированной территории, при наличии приказа командования и согласованности действий по изъятию и обращению имущества, в том числе предметов, имеющих особую ценность, присутствуют все признаки преступления разграбления национального имущества, ответственность за которое предусмотрена ст. 356 УК РФ.

Довольно интересным представляется вопрос о вменении разграбления национального имущества на территориях, подконтрольных дипломатическим представительствам иностранных государств. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» от 03 ноября 2015 № 297-ФЗ (ред. от 30.12.2021), имущество иностранного государства – имущество, принадлежащее иностранному государству и находящееся на территории Российской Федерации. Соответственно и разграбление имущества дипломатического представительства не охватывается ст. 356 УК РФ, что отнюдь не исключает применение общих норм об ответственности за хищения.

Резюмируем, что вышеназванные тезисы наглядно демонстрируют несостоятельность нынешней редакции ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» по альтернативному признаку разграбления национального имущества, что не дает возможности ее практического применения.

Решение данной проблематики видится в изменении предмета совершения преступления, поскольку сама сущность конвенционального преступления состоит в принятии государством на себя международный обязательств с учетом специфики национального законодательства. Отступление от смысла Гаагской конвенции 1954 г. привело к необоснованному расширению предмета посягательства и возникновению конкуренции норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

**ТАКТИКА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ МЕСТА
ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ДИВЕРСИЯХ**

Мадина Мухтаровна УБАЙДАТОВА

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия,
mubaydatova@bk.ru

Научный руководитель – преподаватель юридического колледжа Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **Альбина Руслановна БУГРАЕВА**, a.bugraeva@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются уголовно-правовая природа диверсии, предусмотренной ст. 281 УК РФ, и криминалистические особенности осмотра места происшествия по делам данной категории.

Показано, что диверсионные акты, направленные против объектов критической инфраструктуры и систем жизнеобеспечения, формируют сложную многослойную следовую картину, существенно отличающуюся от «обычных» взрывов и техногенных аварий.

Обосновывается необходимость пересмотра традиционных подходов к тактике осмотра места происшествия с учетом масштабных разрушений, участия большого числа разнородных служб и повышенного риска утраты ключевых доказательств, включая микроследы взрывчатых веществ.

Ключевые слова: диверсия; осмотр места происшествия; криминалистическая тактика; следственно-оперативная группа; цифровая фиксация; 3D-сканирование; объекты критической инфраструктуры

Original article

**TACTICS OF INSPECTION OF THE SCENE OF THE ACCIDENT
IN CASES OF SABOTAGE**

Madina M. UBAYDATOVA

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia,
mubaydatova@bk.ru

Scientific adviser – Lecturer at the Law College of the North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) **Albina Ruslanovna BUGRAEVA**, a.bugraeva@mail.ru

Abstract. The paper examines the legal nature of sabotage under Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation and the forensic specifics of crime scene examination in such cases.

It is demonstrated that sabotage against critical infrastructure and life-support systems produces a complex multi-layered trace pattern which substantially differs from that of «ordinary» explosions and industrial accidents.

The author substantiates the need to revise traditional crime scene examination tactics in view of large-scale destruction, the involvement of multiple heterogeneous services and the increased risk of losing key evidence, including micro-traces of explosives.

Keywords: sabotage; crime scene examination; criminalistic tactics; investigative team; digital recording; 3D scanning; critical infrastructure facilities

Диверсия, предусмотренная статьей 281 УК РФ, относится к числу особо тяжких преступлений, посягающих на основы конституционного строя и на безопасность государства. По своей конструкции состав диверсии охватывает совершение взрыва, поджога, а равно иных действий (в том числе создание обвалов, катастроф, затоплений и аналогичных по последствиям воздействий), направленных на уничтожение либо повреждение объектов стратегического значения – промышленных предприятий, особо важных и режимных сооружений, объектов транспортной инфраструктуры, средств связи, систем энергетики и жизнеобеспечения населения.

Учитывая отнесение данного деяния к категории особо тяжких преступлений, законодательно закрепленный признак специальной цели (подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации) и потенциальный масштаб причиняемого вреда, каждое сообщение о возможной диверсии подлежит немедленной проверке и процессуальной реакции со стороны правоохранительных органов. В этих условиях осмотр места происшествия выступает как ключевое неотложное следственное действие, от полноты и качества проведения которого во многом зависит установление фактических обстоятельств уголовного дела и последующая допустимость полученных доказательств.

Специфика следственной работы по делам о диверсиях определяется сочетанием нескольких факторов: крупномасштабные разрушения, высокая степень опасности окружающей обстановки, нарушение устойчивости строительных конструкций, наличие следов применения высокотехнологичных

средств поражения, а также вмешательство в функционирование сложных инженерно-технических систем¹.

В такой ситуации традиционные криминалистические подходы к осмотру места происшествия, сформировавшиеся преимущественно на материале «обычных» взрывов, поджогов или техногенных аварий, оказываются недостаточными и требуют существенной адаптации. Нормы главы 27 УПК РФ, регламентирующие производство осмотра, задают лишь общий процессуальный каркас, тогда как содержание тактических приемов, последовательность действий и способы фиксации обстановки при диверсии во многом зависят от криминалистических рекомендаций и ведомственных инструкций.

Для дел указанной категории особое значение приобретает соблюдение принципов полноты, объективности и всесторонности исследования места происшествия, поскольку любая неполнота фиксации обстановки либо утрата следов способна привести к последующей уязвимости доказательств при их оценке судом, вплоть до признания их недопустимыми.

Места происшествия по уголовным делам о диверсии обладают устойчивым набором специфических признаков, которые должны учитываться уже на стадии планирования осмотра места происшествия.

К числу таких признаков относятся, прежде всего, особенности объектов посягательства: это транспортные магистрали и узлы, мосты, тоннели, станции, объекты энергетики и жизнеобеспечения населения, иные инженерно-сложные сооружения, которые, с одной стороны, имеют стратегическое значение, а с другой – формируют крайне сложную и многослойную следовую картину.

Как правило, место диверсионного акта характеризуется сочетанием масштабных механических, взрывных и термических повреждений с большим количеством разнородных следов: фрагменты конструкций и оборудования, части примененных устройств, вторичные повреждения, следы горения и тушения пожара, следы пребывания посторонних лиц. Это резко усложняет локализацию значимых для следствия объектов, их учет, приоритизацию и последующую фиксацию².

Дополнительное затруднение создают вторичные воздействия – работы аварийно-спасательных служб, изменение погодных условий, воздействие воды при затоплениях, что ведет к динамичности следовой картины и повышенному риску утраты доказательственной информации, особенно пери-

¹ Глазырин С. И. Современный уголовно правовой подход к обеспечению обороноспособности и экономической безопасности Российской Федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // Искусство правоведения. 2024. № 2. С. 39.

² Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С. Поджог как причина пожара в расследовании преступлений // Закон и право. 2023. № 11. С. 246.

ферийных следов, которые нередко оказываются ключевыми для реконструкции способа совершения преступления и маршрутов передвижения диверсантов.

Поскольку диверсия посягает на безопасность государства, в следовой картине нередко присутствуют элементы, указывающие на использование специализированных, в том числе высокотехнологичных орудий и средств: промышленных или военных взрывчатых веществ, дистанционных средств инициирования, систем связи и навигации, программно-аппаратных комплексов для вмешательства в функционирование технологических процессов¹.

Наличие таких объектов свидетельствует о профессиональной подготовке, тщательном планировании и, как правило, о скоординированных действиях нескольких лиц. В подобных условиях деятельность следственно-оперативной группы выходит за пределы «обычной» общей криминалистики и неизбежно опирается на междисциплинарные знания.

При проведении осмотра места происшествия по делам о диверсии требуется обязательное участие взрывотехников, пожарно-технических экспертов, инженеров-строителей, специалистов в области транспорта, энергетики, связи и информационных технологий, а в ряде случаев и сотрудников специальных служб. Эффективность их участия напрямую зависит от процессуального и организационного руководства со стороны следователя, который, будучи надлежащим субъектом доказывания, обязан обеспечить единство задач и согласованность действий всех участников, не допуская подмены интересов уголовного судопроизводства узкововедомственными или исключительно технологическими приоритетами.

Практика показывает, что масштабность места происшествия при диверсии (особенно когда речь идет о взрывах на объектах повышенной опасности или о затоплениях значительных территорий) затрудняет оперативное зонирование и систематическую фиксацию следов.

Распространенным дефицитом является неспособность следственно-оперативной группы в кратчайшие сроки охватить визуальным и аналитическим контролем всю пораженную территорию, выделить первоочередные зоны поиска и грамотно организовать последовательный осмотр².

В результате часть периферийных следов либо не попадает в поле зрения, либо фиксируется фрагментарно. Типичные ошибки, допускаемые при проведении осмотра места происшествия по делам данной категории, во многом обусловлены недостаточной организационной подготовкой

¹ Милованова М. М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершённых несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 4. С. 120.

² Лисовский А. С., Моисеенко А. А. Уголовно правовая и социальная сущность диверсии // E Scio. 2022. № 12. С. 45.

к работе в экстремальных условиях, не совпадающих с привычными для следователя криминалистическими «полигонами». Существенной практической проблемой становится координация большого числа разнородных участников: следователей, оперативных сотрудников, представителей МЧС России, служб эксплуатации объекта, ремонтных и аварийно-восстановительных бригад.

Следователь объективно заинтересован в максимальном сохранении исходной обстановки и следов, тогда как технические и инженерные службы ориентированы, прежде всего, на локализацию последствий аварии и скорейшее восстановление функционирования объекта жизнеобеспечения.

Столкновение этих приоритетов нередко приводит к преждевременному началу восстановительных работ до завершения полного цикла осмотра места происшествия и изъятия материальных объектов, что фактически означает неумышленное, но безвозвратное уничтожение доказательств (в том числе микрочастиц взрывчатых веществ, следов термического воздействия, малозаметных следов пребывания человека и т. д.)¹. Подобная ситуация создает риск процессуальной уязвимости доказывания, поскольку может быть расценена как нарушение принципа единого руководства расследованием и требования обеспечения сохранности следов преступления.

В условиях массивных разрушений традиционные способы фиксации места происшествия – протоколирование в сочетании с плоскостной фото- и видеосъемкой – оказываются недостаточными для адекватного отражения сложной трехмерной структуры повреждений. При осмотре крупногабаритных сооружений, мостов, инженерных коммуникаций, сложных производственных комплексов точность последующей экспертной реконструкции напрямую зависит от того, насколько детально и корректно зафиксирована пространственная конфигурация разрушений.

Для проведения полноценной строительно-технической, взрывотехнической либо комплексной экспертизы требуется высокая точность измерений, фиксация взаимного расположения элементов и возможность моделирования различных версий произошедшего. В этих целях трехмерная фиксация должна рассматриваться не как факультативный, а как обязательный элемент тактики осмотра места происшествия по делам о диверсии.

Отдельную техническую проблему образует повышенный риск контаминации микроследов. Микрочастицы взрывчатых веществ, имеющие решающее значение для достоверного установления факта применения конкретного типа взрывного устройства и механизма их срабатывания, крайне

¹ Куриков А. В. Осмотр места происшествия: основные положения // Вестник магистратуры. 2021. № 9. С. 53.

чувствительны к загрязнению и разрушению при небрежной работе участников осмотра места происшествия: использовании нестерильных инструментов, несоблюдении правил упаковки и транспортировки, отсутствии надлежащих средств индивидуальной защиты. Невыполнение требований по обращению с микрообъектами не только снижает доказательственный потенциал собранного материала, но и предоставляет стороне защиты дополнительные основания для оспаривания результатов экспертиз.

Совершенствование тактики осмотра места происшествия по уголовным делам о диверсии предполагает принятие взаимосвязанных мер организационного и технико-криминалистического характера. С организационной точки зрения требуется разработка и внедрение специализированных, детализированных алгоритмов действий следователя и следственно-оперативной группы, рассчитанных именно на работу на сложных и крупномасштабных объектах повышенной опасности.

Такой алгоритм должен содержать, по меньшей мере, порядок первоначальной оценки обстановки, процедуры разграничения зон осмотра, регламент взаимодействия с аварийно-спасательными и эксплуатационными службами, а также систему приоритетов при фиксации и изъятии объектов, имеющих ключевое значение для доказательства специальных целей диверсии¹.

На обширных местах происшествия первоочередное значение приобретает тщательный осмотр центральной зоны – предполагаемого эпицентра взрыва или иного разрушительного воздействия, где наиболее вероятно обнаружение фрагментов взрывных устройств, элементов систем управления, характерных следов направленного действия поражающих факторов. После этого необходимо методично переходить к периферийным зонам, уделяя внимание участкам возможной подготовки, наблюдения и отхода исполнителей, а также зонам вторичного разлета фрагментов, которые могут сохранить информацию о направлении и силе взрыва.

Технико-криминалистическое обеспечение расследования диверсий должно включать в себя применение передовых средств фиксации и моделирования следовой картины не как желательное, а как стандартное требование. Ключевую роль здесь способна сыграть цифровая фиксация: использование наземных и мобильных 3D-сканеров, систем фотограмметрии, беспилотных летательных аппаратов для панорамной съемки труднодоступных участков. Комплексное применение указанных технологий позволяет в относительно короткие сроки формировать высокоточную цифровую модель места происшествия, которая воспроизводит не только внешний вид,

¹ Давитадзе М. Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169.

но и пространственные взаимосвязи всех значимых объектов¹.

Такая модель может служить основой для последующей экспертной реконструкции, для проверки и уточнения показаний участников процесса, для визуализации различных следственных версий. Кроме того, цифровая фиксация существенно снижает зависимость доказательственной базы от сохранности объекта во времени: даже при необходимости немедленного демонтажа или восстановления поврежденных конструкций следователь сохраняет возможность многократного обращения к объективно зафиксированной картине разрушений, что особенно важно при рассмотрении сложных дел в суде.

Обобщение изложенных положений позволяет заключить, что тактика осмотра места происшествия по делам о диверсии, предусмотренной статьей 281 УК РФ, нуждается в последовательной модернизации. Основные проблемы обусловлены тем, что сложившиеся криминалистические подходы в значительной мере ориентированы на менее масштабные и технически простые ситуации и, следовательно, не соответствуют реальной сложности, многослойности и повышенной опасности диверсионных актов.

Предлагаемое направление совершенствования предполагает нормативное закрепление особых организационно-тактических режимов работы следственно-оперативной группы на стратегически важных объектах, обязательное использование современных цифровых средств фиксации и пространственного моделирования, жесткое регламентирование взаимодействия следственных органов с аварийно-спасательными и эксплуатационными службами.

Научная статья

УДК 343.326

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Эльман Руфетович ФЕРХАТОВ

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия, elman.ferkhatov@bk.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета Федеральной службы испол-

¹ Ахмедшин Р. Л. Тактика осмотра места происшествия: отечественный и зарубежный опыт : учебное пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2020. С. 154.

нения наказаний, кандидат юридических наук Алла Сергеевна СИЗОВА, kurganovaalla58@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы выявления, предупреждения и пресечения преступлений экстремистской направленности.

Анализируются нормативные правовые акты, правоприменительная практика и практические подходы, применяемые в борьбе с экстремизмом, а также выявляются основные вызовы, связанные с совершенствованием законодательства.

Особое внимание уделяется роли профилактических мер и взаимодействию государственных органов для повышения эффективности противодействия.

Ключевые слова: экстремизм, преступление, наказание, лишение свободы, политика, конституционный строй, противодействие, экстремистская направленность, неонацизм, западные страны

Original article

ON THE ISSUE OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES

Elman R. FERKHATOV

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia, elman.ferkhatov@bk.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law **Alla Sergeevna SIZOVA**, kurganovaalla58@gmail.com

Abstract. The article discusses current issues related to the identification, prevention, and suppression of extremist crimes.

It analyzes legal acts and practical approaches used in the fight against extremism, and identifies key challenges related to the improvement of legislation.

Special attention is given to the role of preventive measures and the cooperation of government agencies to enhance the effectiveness of counteraction.

Keywords: extremism, crime, punishment, imprisonment, politics, constitutional order, counteraction, extremist orientation, neo-Nazism, Western countries

Защита конституционного строя и безопасности государства была и остается основным и самым важным направлением органов, стоящих

на страже порядка и безопасности государства.

Основы конституционного строя Российской Федерации определяет глава 1 Конституции Российской Федерации и закрепляет целостность государственного суверенитета от внешних и внутренних факторов. Наше государство в настоящее время столкнулось с проблемой обеспечения защиты конституционного строя и суверенитета государства связанных с деятельностью некоторых государств по организации и подготовке сил, оппозиционно настроенных к органам государственной власти и стремящихся к ее насильственному захвату.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124, отмечается, что некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн, инициирования «цветных революций», а также для создания обстановки «контролируемого хаоса» в отдельных регионах мира.

Исходя из статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ по уголовным делам о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства за 2024 год осуждено по данной категории преступлений – 1254 лица (АППГ – 862). Следовательно, наблюдается прирост преступности на 45 %. Из них наказано в виде лишения свободы – 581 лицо (АППГ – 10). В 2022 году количество осужденных составило – 668, что на 29 % больше по сравнению с прошлым годом (АППГ – 475). В 2023 г. – 310 лиц (АППГ – 171), условно – 326 лиц (АППГ – 413). В 2024 г. – 581 лица к лишению свободы, условно – 343. За данный период с 2022 по 2024 гг. вынесено 5 оправдательных приговоров. Таким образом, динамика прироста преступности показывает увеличение численности таких преступлений в два раза¹.

В настоящее время осуществляется ужесточение ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности. Пункт 29 Стратегии противодействия экстремизму в РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124, определяет, что в целях дестабилизации общественно-политической и социально-политической обстановки в Российской Федерации специальные службы

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2022-2024 г. (Дата обращения: 30.11.2025 г.).

и организации иностранных государств наращивают деструктивное информационно-психологическое воздействие на население, прежде всего на молодежь.

Органы законодательной власти Российской Федерации играют ключевую роль в противодействии экстремистской направленности. Так например депутат Государственной Думы России Султан Хамзаев 01 июля 2024 года выступил с предложением признать движение в поддержку «чайлдфри» экстремистским и запретить его на законодательном уровне: «В последнее время в России широко обсуждается идея запрета движение чайлдфри... Выступаю за то, чтобы само это движение, как и движение в поддержку нетрадиционных сексуальных отношений (движение ЛГБТ* признано в России экстремистским и запрещено) в России было законодательно запрещено (такой пакет законодательных изменений уже принят) и признано экстремизмом».

Хамзаев считает, что в Год семьи совместно с министерством юстиции России необходимо проработать законодательные решения в части запрета распространения любой информации, которая несет в себе дискредитацию семейных ценностей и отказ от рождения детей. Депутат отметил, что чайлдфри – это мировое движение, которое проводит пропаганду в женской среде, выступая против рождения детей. «Каждый человек сам должен выбирать, рожать детей или нет, однако чаще всего это перерастает именно в движение, а против рождения детей звучат высказывания не столько физических лиц, сколько позиции некоммерческих организаций», – добавил парламентарий. По его мнению, в России такого рода политика недопустима. «Если такие принципы распространяет общественное объединение, эту идеологию, считаю, можно и нужно считать экстремизмом», – заключил Хамзаев.

Мнение данного общественного и политического деятеля мы полностью разделяем, потому что пропаганда нетрадиционных взглядов которых придерживаются западные страны, дестабилизируют и деструктируют сознание и мировоззрение и противоречит обеспечению национальной безопасности в области сохранение народа России и раскрытие его человеческого потенциала через образование и воспитание детей и молодежи, опирающееся на традиционные духовные, нравственные и культурно-исторические ценности России.

Статьей 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) и Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 11 декабря 2015 № 289 (ред. от 16.09.2024) «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов», определен порядок опубликования, ведения вести

и размещения в сети «Интернет» федеральный список материалов, признанных экстремистскими.

Институт административной преюдиции играет важную роль в квалификации административного правонарушения по статье 20.3 КоАП РФ, так и преступления ст. 282.4 УК РФ.

Распространение неонацистских идей и рост активности радикальных националистических вооруженных формирований, включая те, что действуют на территории Украины при поддержке внешних сил, создают серьезную экстремистскую угрозу.

Эти группы провоцируют преступные действия на территории России, в том числе диверсии и террористические акты против граждан и объектов инфраструктуры, вовлекая российских граждан в совершение таких преступлений. Угроза экстремизма, исходящая с Украины, охватывает соседние страны и регионы. При этом связи украинских неонацистов с международными организованными преступными и террористическими структурами укрепляются.

Недружественные государства используют конфликт на Украине для ведения гибридных войн против России и распространения русофобских настроений по всему миру. В связи с этим одной из приоритетных задач становится ликвидация источников экстремистской опасности на территории Украины и предотвращение проникновения в Россию представителей международных и иностранных экстремистских и неонацистских организаций.

Сохранение и расширение очагов нестабильности, межэтнической розни, религиозной нетерпимости и других форм экстремизма в различных регионах мира способствуют росту террористических и экстремистских угроз для России. Это связано с распространением радикальной идеологии и риском проникновения иностранных и международных террористических и экстремистских группировок на российскую землю, особенно с учетом увеличения миграционных потоков и числа иностранных граждан в России, среди которых могут быть носители экстремистских взглядов.

Стоит отметить, что данная категория преступлений совершается и на территории исправительных учреждений ФСИН России. Оперативными сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы проводится ряд мероприятий, направленных на предотвращение, выявление и пресечение таких преступлений.

В исправительных учреждениях действует Приказ ФСИН России от 24 ноября 2017 г. № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», закрепляющий организацию работы по изъятию материалов экстремистского содержания у осужденных в ходе

проведения личного обыска и досмотра вещей сотрудниками, методическое обеспечение деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров по организации воспитательной и психологической работы с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности к наказаниями не связанным с изоляцией от общества и др., и имеет своей целью недопущение распространения экстремистской идеологии в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений террористического характера, преступлений и правонарушений экстремистской направленности.

Так, в Островском городском суде Псковской области было рассмотрено уголовное дело в отношении осужденного, отбывающего наказание в ИК-2. В октябре 2020 года у него сформировался преступный умысел, обусловленный экстремистскими установками, связанными с идеологией движения «Арестантское уголовное единство» (АУЕ), признанного экстремистским и запрещенным на территории Российской Федерации.

Осужденный занял высшее криминальное положение внутри исправительного учреждения, став «смотрящим» за камерами камерного типа (ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ). Для расширения своего влияния и распространения идей АУЕ он привлек к преступной деятельности других осужденных, формируя организованную группу. Каждый участник получил определенные функции, что способствовало созданию иерархической структуры, контролирующей соблюдение криминальных традиций и воровских правил. Суд признал гражданина виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.2 и ч. 1 ст. 282.3 УК РФ¹.

Используя метод статического анализа и исходя из аналитического обзора НИИ ФСИН России от 2023 г. был проведен опрос среди осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности, а также лиц, изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ.

В опросе участвовали 790 осужденных. Согласно полученным данным по национальной принадлежности осужденные были распределены следующим образом. Большинство относятся или относят себя к русским – 39 %, далее 8 % – являются чеченцами и 8 % – таджиками. 23 % определенные как «остальные» являются малочисленными в данной выборке представителями разнообразных национальностей (китайцы, латыши, якуты, чуваша, афганцы и т. д.).

¹ Приговор Островского городского суда Псковской области № 1-38/2023 от 10 августа 2023 г. по делу № 1-38/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/#top>. (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Относительно семейного положения более половины 60,7 % являются холостыми. 37,3 % состоят или состояли в браке.

По уровню образования 40 % достоверной информации не предоставили. 23,5 % имеют среднее (среднее специальное, среднетехническое) образование. 15 % имеют высшее образование. 10,5 % – общее среднее образование (закончили 11 классов). 9 % – неоконченное среднее образование (менее 11 классов).

62,3 % ранее не привлекались к уголовной ответственности и судимостей не имели. 37,2 % – имели судимость.

Сотрудники, работающие с данной группой осужденных, не считают ее сложной (87,8 %). Из наиболее характерных трудностей, которые описывают сотрудники это сложность влияния на систему ценностей, убеждений фигуранта особенно в случаях религиозного несовпадения сотрудника и осужденного, трудности в понимании внутреннего мира, мотивов, способов принятия решения, трудности в коммуникации, недостаточная подготовленность сотрудников. 89 % считают, что работа с такими осужденными имеет положительный эффект. В качестве основной формы работы с ними отмечают беседу¹.

Стоит отметить, что личность преступника данной категории преступлений является деструктивной и оказывает негативное влияние на общество в целом. Используя социометрическую методику, можно сделать вывод, что в данных группах присутствует условная иерархия, выраженная в распределении ролей, в побуждении к совершению преступлений и обеспечением орудий и предметов предназначенных для совершения преступлений.

С учетом вышеизложенного и на основе метода анализа следует сделать вывод, что противодействие экстремистским преступлениям в современной России требует комплексного подхода, сочетающего юридические меры, профилактические действия и межведомственное сотрудничество.

Анализ правоприменительной практики и нормативных актов свидетельствует о важности совершенствования законодательства с учетом современных вызовов, включая рост радикальных настроений и взаимодействие экстремистских группировок с международными преступными сообществами. Особое значение придается воспитанию молодого поколения на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и укреплению национального единства как мощных факторов профилактики экстремизма.

Таким образом, эффективная борьба с экстремизмом возможна только при условии системной координации усилий государственных органов, правоприменительных структур и общества в целом.

¹ Аналитический сбор с предложениями НИИ УВСПР ФСИН России на основании заявки ГОУ ФСИН России от 24 января 2023 г., пункта 76 Плана НИД ФСИН России на 2023 год; пункта 57 Плана НИД ФКУ НИИ ФСИН России на 2023 год // М. 2023 г.

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Ксения Александровна ФИЛИМОНОВА

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,
kseniia_0505@mail.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук доцент **Елена Валерьевна ПРОВОДИНА**

Аннотация. Научная статья посвящена проблемным вопросам как теоретического, так и законодательного характеров, связанных с особенностями основ конституционного строя как объекта уголовно-правовой охраны.

Основы конституционного строя выступают одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны и представляют собой ту сферу общественных отношений, которая регулируется нормами конституционного права, определяющих основные и базовые принципы организации не только осуществления власти в российском государства, но и межличностных отношений.

Ключевые слова: конституционный строй, уголовно-правовая охрана, безопасность государства, основы конституционного строя

Original article

FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AS AN OBJECT OF CRIMINAL PROTECTION

Ksenia A. FILIMONOVA

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, kseniia_0505@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Valeryevna PROVODINA**

Abstract. The scientific article is devoted to problematic issues of both theoretical and legislative nature related to the peculiarities of the foundations of the

constitutional system as an object of criminal law protection.

The foundations of the constitutional system are one of the most important objects of criminal law protection and represent the sphere of public relations that is regulated by the norms of constitutional law, which define the basic and basic principles of organizing not only the exercise of power in the Russian state, but also interpersonal relations.

Keywords: constitutional system, criminal law protection, state security, foundations of the constitutional system

Охрана и защита конституционного строя и безопасности государства была и остается до настоящего времени одним из приоритетных направлений органов государственной и муниципальной власти, обеспечивающих безопасность государственного строя Российской Федерации.

Становление и развитие демократического начала в системе российского права неизбежно привело к необходимости формирования иной системы ценностей, подлежащей охране уголовным законом, и, следовательно, определенных норм об ответственности за совершенные общественно-опасные деяния, посягающие на предмет настоящей научной работы – основы конституционного строя и безопасности государства.

Анализируемая глава 29 УК РФ выделена российским законодателем на первое место, что подчеркивает исключительную важность охраны общественных отношений в указанной области и относит преступления, включенные в указанную главу, к наиболее опасным общественным деяниям.

Несмотря на дифференциацию главы 29 УК РФ на две отдельные группы, изучению и исследованию подлежат преступления против основ конституционного строя в силу их повышенной общественной опасности в условиях современной действительности.

Едино и четко установленный законодательный акт либо раздел или статья, в которых законодатель бы однозначно и систематично определял понятие основ конституционного строя, в Российской Федерации отсутствует, что подтверждает собирательность такого важного и основополагающего понятия как «основы конституционного строя» и предоставляет возможность различного толкования последнего.

Главным способом реагирования со стороны любого государства на определенные угрозы для основ конституционного строя (в том числе и безопасности государства) является уголовная политика, которая, прежде всего, представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти, однако рост и обострение угроз в связи в том числе с постоянно развивающейся цифровизации современных общества и государства нередко не позволяют законодателю сохранить социальную стабильность и четкость правоприменения вновь включенных в УК РФ статей.

Отдельно хотелось бы отметить относительно недавно введенную в УК РФ ст. 280.3 УК РФ. Причина включения настоящей статьи в Уголовный кодекс РФ обуславливается публикацией неверной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» относительно действий российской армии на Украине в рамках проводимой в настоящий момент специальной военной операции. Российской законодатель посчитал, что определенная информация не соответствует действительности и дискредитирует использование Вооруженных Сил Российской Федерации.

Родовым объектом статьи 280.3 УК РФ выступают интересы государственной власти, в то время как видовым – отношения по поводу основ конституционного строя и безопасности государства, являющиеся предметом исследования настоящей научной работы.

Следует отметить, что в настоящий момент ни законодателем, ни правоприменительной практикой исчерпывающий перечень действий объективной стороны преступления, признаки которого предусмотрены ст. 280.3 УК РФ, не определен, а к последней, например, относят: очернение символов и атрибутики российской армии, выступление на улице с различными высказываниями против армии Российской Федерации и действий последней, публичные призывы к воспрепятствованию использования российской армии за пределами страны и другие.

Интересным также представляется тот факт, что в случае статьи 280 УК РФ цель указанных действий объективной стороны преступления представляет собой побуждение именно к экстремистской деятельности, то по анализируемой статье (ст. 280.3 УК РФ), целью выступает дискредитация органов власти.

Нередко при использовании в практике статьи 280.3 УК РФ возникают различные проблемы. Например, в ходе процесса доказывания мотива и цели указанного преступления, так как в ходе процесса доказывания следует подтвердить, что подозреваемый (обвиняемый) заранее знал о недостоверности информации и принял все меры по доведению ее до двух и более лиц именно с целью дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации.

Указанные проблемные аспекты, к сожалению, ни законодателем, ни постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации не освещаются, в связи с чем нередко возникают неоднозначные ситуации относительно квалификации совершенных деяний на практике.

В связи с вышеуказанным целесообразным и эффективным представляется обобщение и подготовка постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации), содержащего в себе толкование проблемных

аспектов, возникающих у правоприменителя в Российской Федерации.

Изучаемое явление в виде конституционного строя выступает и социальным, и правовым явлением, границы которого выходят за рамки правовых. Интересным представляется утверждение Бобровой Н. А., согласно которому «понятие «конституционный строй» является многофункциональным и связано со многими иными общественно-государственными явлениями и происходящими в стране процессами»¹.

Однако следует отметить, что конституционный строй обладает следующим набором свойств: во-первых, это определенная форма и метод организации определенного государства; во-вторых, это основы, фундамент, устой изучаемого государства, его принципы, обуславливающие процесс функционирования и взаимодействия.

Также, например, Мачинский В. М. и Мачинский А. В. дают понятие конституционных основ, как юридическому институту, обладающему наивысшей юридической силой систематизированных норм Конституции Российской Федерации, которые закрепляют базирующиеся на демократических ценностях и идеалах политические, экономические, социальные, идеологические устои российского общества и государства»².

Согласно мнению Дорохова Н. И. «основы конституционного строя – это важнейший фундаментальный политико-правовой институт, определяющий главные черты государственного и общественного строя, форму правления и политический режим российского государства, закрепляющий основные направления государственного-правового развития России в ее обозримой и дальнейшей перспективе»³.

Также интересным представляется понятие «основ конституционного строя» данного Лебедевой Н. В., согласно которому последние представляют собой «отраженные в конституционных положениях принципы государственного и общественного строя, находящиеся под защитой российского государства и направленные на его развитие и функционирование»⁴.

Таким образом, можно сформулировать основы конституционного строя следующим образом: это закрепленные в основном законе российского государства (в главе 1 Конституции Российской Федерации) базовые и основополагающие принципы и начала организации как общества, так

¹ Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. М.: Закон и право, 2003. С. 7.

² Мачинский В. М., Мачинский А. В. Основы конституционного строя Российской Федерации // Регионоведение. 2012. № 3 (80). С. 24.

³ Дорохов Н. И. Основы конституционного строя Российской Федерации: теоретико-правовая модель, состояние и проблемы // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 15.

⁴ Лебедева Н. В., Огурцов А. Ю. Теоретические подходы к определению конституционного строя РФ и его основ // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 91.

и государства, обладающие наивысшей юридической силой и определяющие содержание правовой государства в целом.

Указанные основы конституционного строя изучаются и исследуются авторами (а также правоприменителями) в качестве либо общественных отношений, либо основополагающих принципов и правовых норм, либо одновременно в двух указанных аспектах.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие единого понятия «основ конституционного строя» и изучения последнего на основе тождественного подхода, значение родового и видового объектов в науке уголовного права определено достаточно точно.

Так, родовым объектом преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, выступает система общественных отношений, возникающая и складывающаяся относительно охраны стабильности и нормального функционирования не только отдельного института государственной власти, но и государства в целом.

Видовым же объектом изучаемого раздела (а именно главы 29 УК РФ) являются основы конституционного строя и безопасность Российской Федерации.

Именно поэтому совокупность основных принципов и правовых норм, установленных в преобладающей части в Конституции Российской Федерации, и выступает объектом уголовно-правовой охраны (суверенитет, состояние защищенности как личности, так и общества, равенство граждан, социальное государство и другие).

Следует отметить, что уголовно-правовой политике в сфере охраны основ конституционного строя в Российской Федерации присущи и другие проблемы, например, отсутствие разъяснений по отдельным сложным вопросам, возникающим в судебной практике относительно преступлений против основ конституционного строя, включая особенности уголовно-правовой оценки деяний, криминализованных в течение последних нескольких лет, в том числе и разрешение возникающей конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений против основ конституционного строя в Российской Федерации.

Верховным Судом Российской Федерации принято лишь одно постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 23.12.2025), которое посвящено лишь уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности без разъяснения возникающих проблем в части других преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что основы конституционного строя выступают одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны и представляют собой ту сферу общественных отношений, которая регулируется нормами конституционного права, определяющих основные и базовые принципы организации не только осуществления власти в российском государстве, но и межличностных отношений.

Правовые изменения относительно главы 29 УК РФ (а именно криминализации либо декриминализации определенных общественно-опасных деяний) в очередной раз свидетельствуют о постоянном реагировании законодателя в лице государства на определенные обстоятельства, влияющие на функционирование как отдельных институтов государственной власти, так и государства в целом.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные положительные аспекты, следует обратить внимание и на недостатки, возникающие как в законодательной, так и правоприменительной сферах: отсутствие едино и четко установленного законодательного акта либо раздел или статья, в которых законодатель бы однозначно и систематично определял те самые основы конституционного строя; незамедлительное и своевременное реагирование со стороны как законодателя, так и органов, применяющих и растолковывающих применение относительно недавно криминализованных деяний, с целью сохранения социальной стабильности и четкости правоприменения вновь включенных уголовных статей; подготовка и дача разъяснений по отдельным сложным вопросам, возникающим в судебной практике относительно преступлений против основ конституционного строя, включая особенности уголовно-правовой оценки деяний, криминализированных в течение последних нескольких лет, в том числе и разрешение возникающей конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений против основ конституционного строя в Российской Федерации.

Научная статья
УДК 343. 3/.7

БЕЗОПАСНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Екатерина Андреевна ФИРСОВА-РОГОЛЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
firva03gmail.com

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия национальной безопасности, потребителя и безопасности потребителя для целей ст. 238 УК РФ, взаимосвязь и соотношение безопасности потребителей и национальной безопасности.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства и практики его применения об ответственности за производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления против безопасности потребителя.

Ключевые слова: безопасность, безопасность потребителей, товары, продукция, работы, услуги

Original article

CONSUMER SAFETY AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

Ekaterina A. FIRSOVA-ROGOLEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, firva03gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of national security, consumer and consumer safety for the purposes of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, the relationship and correlation of consumer safety and national security.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation and the practice of its application on responsibility for the production, storage, transportation or sale of goods and products, the performance of work or the provision of services that do not meet safety requirements.

Proposals have been developed to improve criminal legislation on liability for crimes against consumer safety.

Keywords: safety, consumer safety, goods, products, works, services

Конституция Российской Федерации определяет человека, его права и свободы высшей ценностью. В Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определение национальной безопасности означает состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. В системе охраняемых уголовным правом общественных отношений безопасность жизни и здоровья личности занимает центральное место.

Ранее утративший силу Закон РФ от 05 марта 1992 № 2446-1 «О безопасности» давал определение безопасности как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Вместе с тем, законодатель не посчитал необходимым введение определения безопасности в Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023).

Несмотря на то, что безопасность потребителей является неотъемлемым элементом системы безопасности жизни и здоровья граждан, понятие безопасности отсутствует в законах Российской Федерации, что является проблемой для правоприменителей, поскольку одним из признаков пред-

мета преступления, сформулированного в ст. 238 УК РФ является несоответствие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Соответственно, потребитель является потерпевшим лицом в ст. 238 УК РФ.

Определение потребителя дается в преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) в соответствии с которой потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Однако пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» расширяет толкование указанного определения и отмечает, что правами, предоставленными потребителю Законом и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т. п.).

Данное суждение подтверждается п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» согласно которому потерпевшим по уголовному делу о таком преступлении может быть признано физическое лицо независимо от того, состояло ли оно в договорных отношениях с лицом (организацией), осуществлявшим производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья человека (далее – требования безопасности), неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

Вместе с тем, определение потребителя, излагаемое в Законе РФ «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) является излишне узким для целей уголовного права.

Считаем необходимым расширить определение потребителя в данном законе в соответствии с разъяснениями, данными Верховным Судом Российской Федерации для применения в ст. 238 УК РФ.

Стоит согласиться с положениями постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации касательно расширения круга лиц, являющихся потребителями, поскольку вред от небезопасных товаров, работ или услуг будет идентичным как для покупателя, так и для членов его семьи или, например, для лица, которому был подарен товар.

Закрепляя понятие потребителя в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) законодатель не учел права и законные интересы всего населения. В частности, не обращено внимание на детей. Категория детских товаров, особенно детского питания, является массовой на территории страны.

Следовательно, при использовании понятия потребителей, данного Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025), может возникнуть ситуация, когда производитель детского питания, не отвечающего требованиям безопасности, может быть привлечен к уголовной ответственности только в случае наступления общественно опасных последствий в отношении родителя, являющегося покупателем детского питания, но никак не самого ребенка, что противоречит задачам уголовного закона.

Более того, позиция Верховного Суда Российской Федерации подтверждается тем, что ст. 238 УК РФ находится в главе, посвященной преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

Следовательно, основным непосредственным объектом статьи выступает в первую очередь здоровье и безопасность, а не финансовый интерес, поскольку небезопасные работы, товары и услуги первоочередно причиняют вред не самому факту купли-продажи, а жизни и здоровью человека, использующего их, независимо от того, является ли он стороной в договоре.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» обосновано расширило круг лиц, включив не только приобретателя, но и любого законного пользователя, поскольку вред от небезопасных товаров, работ или услуг будет идентичным как для покупателя, так и для членов его семьи или, например, для лица, которому был подарен товар.

Также, при ограничении определением, изложенного в преамбуле Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) может возникнуть ситуация, когда производитель детского питания, не отвечающего требованиям безопасности, может быть привлечен к уголовной ответственности только в случае наступления общественно опасных последствий в отношении родителя, но не самого ребенка.

Таким образом, понятие «потребитель» должно толковаться расширительно и охватывать любого человека, пострадавшего от использования товара, работы или услуги, даже если он не является их непосредственным приобретателем. В ином случае ст. 238 УК РФ не охватывает конечных пользователей, чьим жизни и здоровью может быть причинен вред.

При определении понятия «безопасности потребителей», применимого к ст. 238 УК РФ, необходимо обратить внимание на предмет преступления. Предметом данного преступления могут являться товары, продукция, работы, услуги, а также официальные документы.

Определение безопасности продукции дается в ст. 2 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 № 184-ФЗ (ред. от 23.07.2025) и представляет собой состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан.

В случае, когда речь идет о безопасности товаров, необходимо обращаться к ч. 1 ст. 7 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025), которая хоть и не дает дефиниции безопасности, но предусматривает, что товары, работы и услуги должны быть безопасны для жизни, здоровья и окружающей среды, а также не причинять вред имуществу потребителя. Следовательно, товар следует считать не отвечающим требованиям безопасности в случае, когда при обычных условиях использования они могут причинить вред жизни или здоровью потребителей.

Законодатель не дает легального определения работам и услугам. Вместе с тем, в науке работа определяется как деятельность исполнителя по договору, выполняемая с целью получения овеществленного результата определенного качества в определенный срок. Услуга представляет собой деятельность, которая выполняется только для заказчика, направлена на удовлетворение его потребностей без создания материального результата (то есть результат измеряется качественно, а не количественно).

Следовательно, услугами или работами, не соответствующими требованиям безопасности, являются такие действия лица по оказанию работ или услуг, осуществляемых по заключенному с потребителем договору, при которых в обычных условиях их выполнения и оказания может быть причинен вред жизни или здоровью человека.

Таким образом, безопасность потребителей для целей ст. 238 УК РФ можно определить как состояние, при котором товары, продукция, работы, услуги соответствуют требованиям безопасности, то есть при их использовании в обычных условиях исключается способность причинения вреда

жизни и здоровью человека, использующего товар, продукцию, работу или услугу.

Реализация продукции, не отвечающей требованиям безопасности, представляет собой прямое нарушение конституционных прав граждан. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Одним из аспектов данного конституционного права является доступ к безопасным товарам, в частности, к лекарственным средствам. Их несоответствие требованиям безопасности представляет угрозу здоровья населения.

Несоответствие продукции, товаров, работ и услуги установленным законом требованиям безопасности подрывают качество жизни населения страны, создавая реальную угрозу жизни, здоровью и имуществу. Более того, обеспечение безопасности потребителей является условием социальной стабильности общества и устойчивого экономического развития государства, способствуя созданию доверия граждан к приобретаемым товарам, работам и услугам отечественных производителей.

Национальная безопасность включает в себя защиту от внутренних угроз. Деяния, подпадающие под ст. 238 УК РФ, представляют собой прямую внутреннюю угрозу, поскольку создают опасность для жизни и здоровья населения на территории страны.

Таким образом, безопасность потребителей является элементом национальной безопасности, представляя собой микроуровень национальной безопасности, на котором государственные интересы напрямую пересекаются с благополучием каждого человека, находящегося на территории Российской Федерации.

Отсутствие закрепленных на законодательном уровне норм, содержащих определения безопасности и безопасности потребителей, а также объем и массивность нормативных правовых актов, регулирующих безопасность производства хранения, перевозки и сбыта товаров и продукции, выполнения работ, оказания услуг, предопределяют создание ситуаций, при которых производители, зная о пробелах и коллизиях законодательства, целенаправленно идут на риск, нарушая установленные требования безопасности, создавая угрозу жизни и здоровью населения. Также, отсутствие легального определения безопасности потребителей создает проблему для правоприменителей при квалификации противоправных деяний по ст. 238 УК РФ.

Научная статья
УДК 343.3/.7

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Евгений Джонович ЧЕРЯВКО

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, ont@myrambler.ru

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Сергей Александрович НОВИКОВ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы квалификации и расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием цифровых финансовых технологий.

Рассмотрены особенности применения статьи 282.3 УК РФ при использовании криптовалют для финансирования экстремистской деятельности. Исследуются ограничения традиционных оперативно-розыскных мероприятий при работе с анонимными блокчейн-транзакциями.

Поставлен вопрос о неопределенности правового статуса блокчейн-аналитики в системе доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: финансирование экстремизма, криптовалюта, блокчейн, оперативно-розыскная деятельность, цифровые следы

Original article

FEATURES OF QUALIFICATION AND INVESTIGATION OF DIGITAL FINANCING OF EXTREMISM

Evgeny Jo. CHERYAVKO

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ont@myrambler.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, Candidate of Law, Associate Professor **Sergey Alexandrovich NOVIKOV**

Abstract. The article analyzes the problems of qualification and investigation of extremist crimes committed using digital financial technologies.

The article considers the specifics of the application of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation when using cryptocurrencies to finance extremist activities. The limitations of traditional operational investigative measures when working with anonymous blockchain transactions are being investigated.

The question is raised about the uncertainty of the legal status of blockchain analytics in the system of evidence in criminal cases.

Keywords: financing extremism, cryptocurrency, blockchain, operational investigative activities, digital footprints

Стремительная цифровизация финансовой сферы создает принципиально новые вызовы для правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму. По данным ГИАЦ МВД России, в январе-декабре 2024 года зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности, что на 28,3 % больше по сравнению с 2023 годом¹. Параллельно наблюдается значительный рост киберпреступности: количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий достигло 765365, увеличившись на 13,1 %².

Особую тревогу вызывает процесс сращивания этих двух криминальных явлений – в 2024 году зафиксировано 447 преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 21,8 % больше предыдущего года³. Использование криптовалют и анонимных платежных систем, как составляющих информационно-телекоммуникационных технологий, для финансирования экстремистской деятельности существенно затрудняет выявление и пресечение данной категории преступлений.

Актуальность проблемы адаптации правоохранительной деятельности к условиям цифровизации финансовых отношений обусловлена спецификой цифровых финансовых инструментов. Если при традиционных способах финансирования экстремизма следователь располагает возможностью отслеживания денежных потоков через банковскую систему, то при использовании криптовалют основным источником доказательственной информации становятся цифровые следы, работа с которыми требует специальных

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. М., 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 05.10.2025).

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. М., 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 05.10.2025).

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. М., 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 05.10.2025).

познаний и технических средств¹.

Цель настоящего исследования – анализ современных проблем квалификации и расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием цифровых финансовых технологий, а также формулирование направлений совершенствования правоприменительной практики.

Действующая редакция статьи 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» устанавливает уголовную ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем законодатель не конкретизирует формы и способы осуществления финансирования, что создает определенные сложности при квалификации деяний, совершаемых с использованием криптовалют.

Специфика применения статьи 282.3 УК РФ при использовании цифровых финансовых инструментов заключается в необходимости доказывания нескольких обстоятельств.

Во-первых, необходимо установить сам факт передачи криптовалюты, что при использовании анонимных блокчейн-сетей представляет значительную сложность. Криптовалютные транзакции характеризуются псевдоанонимностью²: в публичном блокчейне фиксируются адреса кошельков и суммы переводов, однако установление личности владельца кошелька требует применения специальных аналитических инструментов и оперативно-розыскных мероприятий.

Во-вторых, следует доказать осведомленность лица о целевом назначении передаваемых средств для финансирования экстремистской деятельности. Анонимный характер цифровых переводов затрудняет установление субъективной стороны преступления, поскольку переписка между участниками сделки может осуществляться через зашифрованные мессенджеры, а документальное оформление финансовых операций, как правило, отсутствует.

Общая характеристика ограничений традиционных методов оперативно-розыскной деятельности при работе с цифровым финансированием экстремизма выявляет системные проблемы.

Классические оперативно-розыскные мероприятия, такие как наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с техни-

¹ Бахтеев, Д. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами / Д. В. Бахтеев, Е. В. Смахин // Российский юридический журнал. 2019. № 6(129). С. 61–68.

² Рощупкина А. В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 79–83.

ческих каналов связи, оказываются малоэффективными при использовании децентрализованных блокчейн-сетей.

Получение компьютерной информации в порядке статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) также имеет ограниченную результативность, поскольку криптографическая защита кошельков и использование анонимных сетей типа «Тор» существенно затрудняют идентификацию участников транзакций.

Особую проблему представляет трансграничный характер криптовалютных операций. Блокчейн-транзакции не имеют территориальной привязки, что создает юрисдикционные сложности при расследовании преступлений, когда финансирование экстремистской деятельности осуществляется из-за рубежа. Механизмы международного правового сотрудничества не всегда обеспечивают оперативное получение необходимой информации от зарубежных криптовалютных бирж и сервисов.

В связи с изложенным возникает необходимость применения специальных технических средств для мониторинга криптовалютных операций. Блокчейн-аналитика позволяет отслеживать движение криптовалюты по цепочке транзакций, выявлять связи между различными адресами кошельков, идентифицировать использование сервисов-миксеров для сокрытия происхождения средств¹. Вместе с тем правовой статус результатов блокчейн-аналитики в системе доказательств по уголовным делам остается неопределенным, что требует законодательного урегулирования.

Процессуальные особенности расследования финансирования экстремизма с использованием криптовалют обусловлены спецификой цифровых следов и механизмов их процессуального закрепления².

Центральной проблемой является неопределенность правового статуса блокчейн-аналитики: является ли это оперативно-розыскным мероприятием, требующим соответствующего процессуального оформления, или это иной способ получения информации, результаты которого могут быть использованы в доказывании?

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) не содержит упоминания о блокчейн-аналитике как самостоятельном оперативно-розыскном мероприятии. Вместе с тем анализ публичных блокчейн-сетей формально не требует проникновения в охраняемую законом тайну, поскольку информация

¹ Рошупкина А. В. Специфика криптовалют для целей оперативно-розыскной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. № 3. С. 526–532.

² Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82.

о транзакциях является общедоступной. Однако деанонимизация владельцев криптовалютных кошельков предполагает сопоставление данных блокчейна со сведениями, полученными из иных источников, в том числе в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Отсутствие судебных precedентов по данному вопросу создает правовую неопределенность для правоприменителя в связи с чем возникают препятствия эффективному расследованию преступлений, связанных с цифровым финансированием экстремизма.

Процессуальное закрепление цифровых следов при расследовании финансирования экстремизма требует соблюдения требований ст. 164 УПК РФ о применении технических средств фиксации. При производстве обыска и выемки электронных носителей информации следователь должен обеспечить участие специалиста в области информационных технологий, применение средств блокировки беспроводных сигналов для предотвращения удаленного уничтожения данных, детальное описание изымаемых устройств с указанием индивидуализирующих признаков.

Назначение компьютерно-технических экспертиз при расследовании цифрового финансирования экстремизма имеет свою специфику. Перед экспертом могут быть поставлены вопросы:

- Установлены ли на устройстве программы криптовалютных кошельков?
- Каковы адреса кошельков и приватные ключи доступа к ним?
- Имеется ли история криптовалютных транзакций?
- Осуществлялась ли с данного устройства передача криптовалюты на конкретный адрес?
- Использовались ли сервисы-миксеры для затруднения отслеживания движения средств?

Таким образом, Уголовный кодекс Российской Федерации нуждается в уточнении понятийного аппарата статьи 282.3 с учетом специфики цифровых финансовых инструментов. Целесообразно рассмотреть вопрос о введении квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за финансирование экстремизма с использованием криптовалют и иных анонимных платежных систем, учитывая повышенную общественную опасность таких деяний.

Кроме того, необходимо законодательно закрепить статус блокчейн-аналитики, определить процессуальный порядок использования ее результатов в доказывании, установить требования к квалификации специалистов и экспертов, производящих исследование криптовалютных транзакций.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) нуждается в дополнении

перечнем оперативно-розыскных мероприятий, адаптированных к условиям цифровой среды. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о введении специального оперативно-розыскного мероприятия «мониторинг блокчейн-транзакций» с определением оснований, условий и порядка его проведения.

Поставленные в настоящем исследовании вопросы требуют дальнейшей научной проработки с привлечением специалистов в области криминалистики, уголовного права, уголовного процесса и информационных технологий. Только комплексный подход позволит выработать эффективные механизмы противодействия цифровому финансированию экстремизма и обеспечить защиту конституционного строя и безопасности государства в условиях цифровой трансформации общественных отношений.